Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

I.

ОЧЕРКИ ФИЛОСОФІИ КОЛЛЕКТИВИЗМА.

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ.

Цѣна 1 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1909.

2 й экз

357

„Пр

Типография „Т-ва Художественной Печати“ Спб., Ивановская, № 14.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

От редакціи 1

И. Верперъ. Наука и философія. 9

А. Богдановъ. Философія современнаго естествоиспытателя 35

В. Базаровъ. Матеріалъ коллективнаго опыта и организующія его формы 143

А. Луначарскій. Мѣщанство и индивидуализмъ . . 219

М. Горькій. Разрушеніе личности 351

ОЧЕРКИ

ФИЛОСОФІИ КОЛЛЕКТИВИЗМА.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Человѣчество вступило въ періодъ великихъ кризисовъ,—это несомнѣнно для всякаго, кто имѣетъ глаза, чтобы видѣть. Цѣпь невиданныхъ событій началась съ нашего народа, съ его недавнихъ безпримѣрныхъ усилій и столь же безпримѣрныхъ бѣдствій въ борьбѣ за жизнь и свѣтъ. Цѣпь развертывается дальше; духъ порыва, духъ разрушенія и творчества охватываетъ одну за другой тѣ страны, гдѣ до сихъ поръ царили безраздѣльно застой и рабство, тѣ страны, окаменѣлая жизнь которыхъ была кристаллизованной смертью, и какъ огромная тяжесть, привязанная къ ногамъ человѣчества, замедляла его движеніе. Народы Востока, стряхнувъ сонъ тысячелѣтій, спѣшатъ найти свое мѣсто въ боевой арміи прогресса Они нарушили равновѣсіе стараго культурнаго міра,—вся его система порядка и эксплоатаціи заколебалась въ своихъ основахъ, его скрытыя стихійныя силы находятся въ небываломъ напряженіи. . Черныя тучи собрались въ международной атмосферѣ, облегли небо повсюду; скоро, кажется, грянетъ военная гроза, истребительно-жестокая, но и освѣжающая...

Россія далеко еще не закончила своей роли въ исторической драмѣ нашей эпохи. Россія временно сошла какъ будто со сцены Причины этого факта просты и ясны У народа не хватило силъ при его первой попыткѣ прямого рѣшенія очередной задачи,— не хватило силъ организованныхъ и организующихъ; не успѣло ихъ достаточно накопиться въ убійственныхъ условіяхъ до-революціонной жизни. Крушеніе страшной тяжестью придавило массы. Ихъ жизнь ушла внутрь, ихъ творческая работа стала невидимой извнѣ Не прекратилась ли она? Неправы тѣ, кто боится этого, горько разочарованы будутъ тѣ, кто надѣется на это

На огромномъ пространствѣ, среди суровой природы раскинулась сто-милліонная нація, порожденная сближеніемъ сильныхъ и благородныхъ расъ. Всей своей трудовой жизнью, своей упорной борьбою со стихіями, своей коллективно-созданной поэзіей, своими героями и геніями доказала она свою энергію и способность къ творчеству. Изъ жесточайшихъ историческихъ испытаній выходила она обновленною. Въ недавніе дни усилій и пораженій дала она міру новыя формы борьбы, которыя широко развернетъ человѣчество въ предстоящихъ бурях... Силы такого народа не исчерпываются въ одной неудачѣ. Гнетъ исторически изжитыхъ формъ не раздавитъ его теперь, за короткое время, какъ не раздавилъ раньше, за цѣлые вѣка,—а спаяетъ его массы для задачи, которая осталась нерѣшенной. Этотъ процессъ спайки и совершается въ глубинѣ, куда скрылась народная жизнь.

Тамъ идетъ организаціонная работа, мучительная и напряженная, какъ никогда еще до сихъ поръ. Это не столько работа созиданія формальныхъ организацій, которая, скорѣе, подводитъ итоги уже выполненному дѣлу накопленія и группировки коллективныхъ силъ,—сколько иная, болѣе широкая и основная: выработка активно-направленнаго массоваго сознанія, которое въ современномъ обществѣ является, какъ политическое и соціальное самосознаніе классовъ. Единство понятыхъ жизненныхъ цѣлей и чувства, неразрывно связывающаго личность съ ея коллективомъ въ борьбѣ за эти цѣли—вотъ та организованность, которая прежде всего необходима каждому прогрессивному классу для осуществленія его историческихъ задачъ, вытекающихъ изъ объективнаго хода вещей. Она и развивается теперь—съ неодинаковой энергіей и скоростью, но непрерывно и неизбѣжно, въ обѣихъ соціальныхъ силахъ, призванныхъ исторіей для обновленія Россіи,—въ крестьянствѣ и пролетаріатѣ.

Въ тѣхъ событіяхъ, которыя наступятъ по завершеніи этой предварительной работы, пролетаріату предстоитъ роль наиболѣе трудная и отвѣтственная,—роль силы, не только организованной, но и организующей, руководящей другими, менѣе прогрессивными и сознательными силами среди стихійнаго хода вещей. При такихъ условіяхъ нашъ пролетаріатъ нуждается въ несравненно болѣе тѣсной сплоченности, въ несравненно болѣе ясномъ и полномъ пониманіи самого себя и всего окружающаго, чѣмъ когда-либо до сихъ поръ. Чтобы ориентироваться въ безконечной сложности и міровомъ зна-

ченіи тѣхъ сочетаній и столкновеній общественныхъ силъ среди которыхъ онъ долженъ будетъ развернуть свое политическое и социальное творчество, ему необходимо цѣлостное міровоззрѣніе, неуклонно-выдержанный методъ,—идеологія, послѣдовательная до конца Таково требованіе жизни, одно изъ важнѣйшихъ *практическихъ* ея требованій. и оно глубоко сознается нашимъ пролетаріатомъ, проявляющимъ страстную, невиданную жажду знанія во всѣхъ областяхъ мысли, во всѣхъ отрасляхъ науки Эта насущная потребность рабочаго класса въ единой точкѣ зрѣнія на жизнь и вселенную опредѣляетъ собою направленіе его идейнаго развитія. Въ такомъ именно направленіи вели свою работу и мы авторы предлагаемаго философскаго сборника – на этомъ общемъ дѣлѣ мы объединились.

Основная мысль, изъ которой мы исходимъ, такова классовое пролетарское міровоззрѣніе—зародышъ всечеловѣческой идеологіи будущаго общества—по своей сущности представляетъ *коллективизмъ*,—полный, рѣшительный коллективизмъ практики и познанія. По мѣрѣ того, какъ пролетарій поднимается выше въ своемъ классовомъ развитіи, онъ все больше живетъ въ коллективѣ и вмѣстѣ съ коллективомъ, сливая свои стремленія съ его интересами, свою дѣятельность съ его творчествомъ, свои переживанія съ его опытомъ Такимъ путемъ пролетарій освобождается отъ безчисленныхъ индивидуалистическихъ иллюзій, порождаемыхъ въ современномъ человѣкѣ экономической анархіей общества.—становится существомъ вполнѣ соціальнымъ и сознательно-соціальнымъ. Человѣчество выступаетъ передъ нимъ, какъ гигантская система сотрудничества людей въ пространствѣ и времени, какъ высшая жизненная форма, развивающаяся къ стройному, активному единству Это единство онъ, пролетарій, призванъ организовать черезъ тяжелую историческую борьбу, исчерпывая до конца и тѣмъ навѣки преодолѣвая жестокія соціальныя противорѣчія. И въ этой работѣ —ее отражая,—мысль его, естественно и просто на мѣстѣ прежней разрозненности создаетъ познавательное единство міра.

Русскому рабочему въ нынѣшнюю эпоху пришлось жить такой энергичной и глубокой классовой жизнью, которая должна была въ высшей степени ускорить развитіе соціальной его психики Безпримѣрная напряженность, съ какой все это время совершается въ его средѣ процессъ внутренней организаціи, сплоченія практическаго и идейнаго, даетъ непосредственное, живое содержаніе для самаго

рѣшительнаго коллективизма, который есть философія *труда и объединенія*, теорія *соціальной активности и активной соціальности*.

Это содержаніе и стремились выразить мы, авторы сборника, выразить пока только въ самой общей, философской его формѣ. Различными путями пришли мы къ нашимъ взглядамъ на міръ, его развитіе, задачи времени:—но одна и та же сила насъ направила къ той позиціи, гдѣ мы сошлись,—сила жизни и борьбы великаго класса, въ ряды котораго мы стали. Въ этой книгѣ каждый изъ насъ старался изложить идеи коллективизма въ той области, которая ему наиболѣе знакома, и съ той стороны, которая ему наиболѣе близка; каждый старался дополнять и пояснять остальныхъ въ той необходимой послѣдовательности, которая обусловлена планомъ сборника. Мы отнюдь не предполагаемъ ограничиться этимъ сборникомъ, и думаемъ, что въ дальнѣйшей работѣ мы встрѣтимъ много новыхъ товарищей сотрудниковъ

Коллективизмъ опыта, познанія, творчества мы считаемъ необходимымъ развитіемъ и завершеніемъ коллективизма соціально-экономическаго, т. е. научнаго соціализма. Мы убѣждены, что эта концепція должна послѣдовательно и неуклонно проникать собою всѣ области пролетарскаго дѣла и пролетарской мысли, что она будетъ полезнымъ и необходимымъ идейнымъ орудіемъ сплоченія рабочаго класса среди грядущихъ великихъ событій, національныхъ и міровыхъ

Н. ВЕРНЕРЪ.

НАУКА И ФИЛОСОФІЯ.

ДІАЛОГИ.

НАУКА и ФИЛОСОФІЯ *).

ДІАЛОГЪ I

А Простите, что я позволяю себѣ безпокоить васъ своей просьбой, не будучи даже вашимъ знакомымъ Я пришелъ къ вамъ, какъ человѣку компетентному, за помощью и совѣтомъ Я хочу учиться философіи Скажите, какъ мнѣ приняться за это?

В Очень просто. Наберите книгъ по философіи—въ любомъ каталогѣ самообразованія вы найдете болѣе или менѣе подходящій списокъ.—и читайте ихъ по порядку.

А. Я уже пробовалъ сдѣлать это Не знаю, почему, но меня это совершенно не удовлетворяетъ Мнѣ казалось, что я безполезно трачу время

В Можетъ быть вамъ было непонятно то что вы читали?

А. Нѣтъ, этого сказать не могу. Всѣ слова, всѣ фразы я, какъ мнѣ кажется, понималъ. Иногда мысли казались мнѣ вѣрными, иногда—нѣтъ; но того, что мнѣ надо, я не находилъ

В. Чего же именно?

А. Мнѣ трудно это выразить... Жизни, мнѣ кажется.—То есть, я понимаю, что жизнь тамъ есть, но это не моя, не наша, не та.. Это что-то другое... Нѣтъ, я не умѣю объяснить вамъ

В. Можетъ быть, васъ не удовлетворяло то, что тамъ все чужія рѣшенія вопросовъ, а вамъ хотѣлось бы имѣть свое собственное..

А. *(Нервно)* Ахъ, какъ будто это не все равно! Свое, чужое.—не въ этомъ дѣло . Ну, вотъ, положимъ, я признаю, что внѣшнее бытіе существуетъ, что познаніе возможно, а субъектъ и объектъ —его условія... Къ чему все это? И если это нужно, то гдѣ этому

*) Начало этой статьи было помѣщено раньше въ видѣ двухъ фельетоновъ въ одной заграничной газетѣ.

мѣсто?.. И если я сегодня прочиталъ все это, а завтра иду на митингъ, то гдѣ связь... Простите, я вижу, что окончательно запутался. Лучше не стану отнимать у васъ время. *(Хочетъ уйти)*

В. *(Удерживаетъ его)*. Погодите Я-то васъ понялъ Теперь у насъ разговоръ будетъ другой. Для васъ философія — вопросъ жизни, а не вопросъ книги Мнѣ надо было знать это.

А. *(Смотритъ на него съ недоумѣніемъ и недовѣріемъ)*

В. Чѣмъ вы живете? Не матеріально .. я имѣю въ виду..

А. Понимаю. Я—марксистъ, партійный работникъ.

В. Превосходно. Вы, значитъ, хорошо знаете про базисъ и надстройку Гдѣ же, по вашему, философія, внизу или вверху?

А. Конечно, вверху. Это—идеологія .. классовая...

В. Итакъ,—въ надстройкѣ. А въ какомъ этажѣ, приблизительно?

А. Насколько я понимаю, философія есть завершеніе идеологіи.

В. Значитъ.—самый верхній этажъ, скажемъ,—мансарда. Но какъ понимать сію архитектуру? Пришелъ досужій инженеръ, надъ нижнимъ этажемъ выстроилъ верхній, надъ верхнимъ— мансарду, по собственнымъ соображеніямъ? Или это какъ-нибудь иначе?

А. Разумѣется, иначе. Общество не зданіе, которое строятъ по плану, а органическое цѣлое, которое развивается

В. И, слѣдовательно, связь философіи съ ея базисомъ—не цементъ и камни, не лѣстницы и подъемныя машины, а нѣчто иное. Что же именно?

А. *(Нѣсколько затрудняясь)*. Ну .. жизненная связь .. силы развитія... философія выростаетъ изъ жизни общества..

В. Стало быть, изъ базиса и нижнихъ надстроекъ, не такъ ли?

А. Да.

В. Итакъ, не надо ли знать этотъ базисъ и эти прочія надстройки, чтобы, какъ слѣдуетъ овладѣть нашей мансардой, т. е. философіей.

А. Очевидно.

В. И вы ихъ знаете?

А. Болѣе или менѣе. .

В. Ну, скажите мнѣ, что есть базисъ?

А. *(Съ улыбкой)*. Базисъ есть производительныя силы общества

В. А что есть производительныя силы общества?

А. Это—силы природы, которыя служатъ для производства,

его матеріалы, орудія, наконецъ,—рабочая сила, примѣняемая въ производствѣ

В. Что же, вы изучали все это?

А. Гм... мнѣ, кажется, да... отчасти, по крайней мѣрѣ .. Поясните мнѣ, пожалуйста, вашъ вопросъ.

В. Ну, возьмемъ земледѣліе, что ли Извѣстны ли вамъ тѣ силы природы, которыя въ немъ работаютъ для общества, и тѣ законы по которымъ онѣ дѣйствуютъ? Знаете ли вы, какъ устроено зерно и какимъ путемъ развивается? Какія вещества необходимы для его развитія и какова при этомъ роль воды, воздуха, температуры, свѣта и т. д.?

А. Признаться, довольно смутно .. Кое-что, конечно, знаю. Читалъ когда-то «Жизнь растенія»... и еще нѣкоторыя книжки. Въ гимназіи этому не учатъ, а въ университетѣ я былъ юристомъ ..

В. Такъ А земледѣльческія орудія знаете?

А. Обыкновенныя—соху, тамъ, плугъ, борону, косу,—это знаю хорошо. Машины земледѣльческія видалъ, но устройства, не знаю.

В. А другія машины вамъ хорошо знакомы?

А Локомобиль... пароходная машина... вообще, о паровыхъ машинахъ имѣю понятіе. Объ электродвигателяхъ—болѣе, чѣмъ смутно. Видалъ ткацкіе станки .. прядильные. . кое-что понялъ.

В. А имѣете вы понятіе о коэффиціентѣ полезнаго дѣйствія, о вредныхъ сопротивленіяхъ, о границѣ использованія энергіи природы посредствомъ машинъ?

А. Вспоминаются смутные обрывки... изъ физики, изъ популярныхъ статей... лекцій Тиндаля, «Научныя развлеченія» .. Но ничего толкомъ объяснить не сумѣлъ бы.

В. Хорошо. А вотъ, положимъ, живое орудіе—лошадь. Извѣстно вамъ, какъ оно устроено?

А. Больше, конечно, съ внѣшней стороны. Насчетъ различныхъ органовъ—знаю, пожалуй, то, что каждый знаетъ... Но безсистемно и не о всѣхъ.. Разсказать могъ бы довольно мало.

В. Сравнительно не дурно. А рабочую силу человѣка вы себѣ представляете ясно?

А. Это, значитъ, физіологія труда?

В. И его психологія тоже. Все, въ чемъ воплощается на дѣлѣ рабочая сила,—вся организація человѣка.

А. Трудъ есть затрата мозга, нервовъ, мускуловъ, крови,—вотъ

почти все, что мнѣ объ этомъ извѣстно если не считать того, что даетъ мнѣ опытъ при моей собственной работѣ Въ какихъ формахъ и по какимъ законамъ происходитъ затрата тканей а также ихъ возстановленіе—это мнѣ неизвѣстно. Вообще, я вижу ясно, что о производительныхъ силахъ почти ничего не знаю

В Это преувеличение У васъ есть пробѣлы, не хватаетъ системы, но въ общемъ вы знаете не меньше а, пожалуй, больше, чѣмъ очень многіе другіе начинающіе изученіе философіи. А вы понимаете. что эти пробѣлы могутъ и должны подрывать смыслъ философской работы?

А Теоретически, мнѣ это кажется неизбѣжнымъ если не выяснить себѣ отчетливо базиса, то какъ возводить подходящую къ нему надстройку? Но въ философскихъ книгахъ, которыя я читалъ, я этой связи не замѣчалъ, и конкретно ея себѣ не представляю.

В. Я приведу вамъ иллюстрацію. Вы знаете, какую важную роль въ современной научной философіи играетъ понятіе энергіи?

А. Да, конечно.—существуетъ даже энергетическое направленіе въ философіи.

В. А вы бы могли сказать, что такое энергія?

А. Приблизительно,—могъ бы; вполнѣ точнаго и яснаго понятія объ этомъ у меня нѣтъ.

В Такъ вотъ, имѣйте въ виду, что въ наукѣ теперь по этому вопросу борются три мнѣнія, которыя взаимно исключаютъ другъ друга; а у философовъ-спеціалистовъ вы нерѣдко встрѣтите четвертое которое есть плодъ простого научнаго невѣжества.

А. Я вижу, что мнѣ нечего мечтать о философіи. Это, вѣдь, еще только производительныя силы; а тамъ, еще множество надстроекъ, ихъ тоже надо знать, и вы, навѣрное, покажете мнѣ, что и тамъ я ничего не знаю ..

В Ну, именно, тамъ-то у васъ гораздо больше матеріала. Вамъ знакомы, вѣроятно, жизнь и развитіе экономическихъ, юридическихъ формъ, можетъ быть, и нравственныхъ, отчасти?

А. Да. объ этомъ я кое-что изучалъ и даже училъ другихъ

В. Одинъ пунктъ, довольно важный, я для васъ все-таки отмѣчу Это—теорія рѣчи, ея происхожденія и развитія. Вы знаете, что слово есть орудіе трудовой связи людей, ихъ взаимнаго пониманія, орудіе ихъ мышленія. И также вы, какъ марксистъ. знаете, что поскольку работникъ не овладѣлъ орудіемъ, постольку оно имъ владѣетъ. .

А *(Съ жестомъ безнадежности)* Очевидно, и мной владѣетъ тоже

В. Мы посмотримъ. Вообще же, въ философіи власть слова прежде была громадна, и теперь еще она тяготѣетъ надъ многими и многими. Мефистофель былъ правъ

Словами споры всѣ ведутся,
Изъ словъ системы создаются

А. Да, конечно, когда нѣтъ понятій, какъ ихъ нѣтъ у меня.

В. Не увлекайтесь, мой другъ пессимизмомъ Истинно говорю вамъ у васъ дѣло обстоитъ не хуже, а лучше. чѣмъ у очень многихъ другихъ Вы партійный работникъ и, судя. по виду, не баричъ Вы, навѣрное, ужъ видали жизнь, людей, въ ихъ дѣйствіи. въ ихъ отношеніяхъ въ ихъ борьбѣ.

А. Да, бывалъ-таки въ передѣлкахъ, и довольно разнообразныхъ

В И это очень, очень важно. Знать жизнь и активно участвовать въ ней—это главное для философа, потому что. вѣдь, философія служитъ жизни и въ практикѣ рѣшается вопросъ объ истинѣ познанія. Меня, стараго пропагандиста, много лѣтъ изучающаго философію, многіе спрашивали, какъ приняться за это дѣло. И тѣмъ, кто стоитъ того, чтобы ему отвѣчать, я говорю идите въ природу и въ науку, идите въ народъ и въ борьбу,—все прочее тогда будетъ уже не трудно пріобрѣсти

А Я вамъ вѣрю. И теперь я пойду учиться азбукѣ производительныхъ силъ

В А я помогу вамъ, насколько сумѣю

ДІАЛОГЪ II

А Дорогой товарищъ, я нѣсколько мѣсяцевъ не безпокоилъ васъ, но теперь вынужденъ сдѣлать это Мнѣ необходимы ваши совѣты и объясненія.

В. Разскажите, мой другъ

А Итакъ, съ самаго начала . Послѣ нашей первой бесѣды у меня оставались еще въ душѣ большія сомнѣнія насчетъ вашего способа изученія философіи. Но я рѣшилъ, во всякомъ случаѣ, испытать его на дѣлѣ. Теперь отъ этихъ сомнѣній не осталось и слѣда. По мѣрѣ того, какъ въ систематическихъ научныхъ занятіяхъ заполнялись указанные вами пробѣлы моихъ знаній о при-

родѣ и жизни, я находилъ, что все, извѣстное мнѣ раньше изъ области философіи получаетъ какую-то новую окраску, какое-то новое освѣщеніе, въ которомъ все это представляется иначе то, что казалось прежде самымъ важнымъ, тускнѣетъ и стушевывается, то чего я прежде не замѣчалъ, выступаетъ на первый планъ. Я убѣждался, что въ наукѣ-то, дѣйствительно, и заключается тотъ философскій свѣтъ, котораго я искалъ . Но въ то же время этотъ свѣтъ сталъ порождать во мнѣ и новыя сомнѣнія Сомнѣнія накоплялись все больше и больше: и вотъ, наконецъ, они привели меня къ такому вопросу, который и мнѣ самому кажется довольно страннымъ, но отъ котораго я никакъ не могу теперь отдѣлаться. Скажите, существуетъ ли философія?

В. Вопросъ хорошій, и я радъ, что вы пришли къ нему Но поясните ваши сомнѣнія конкретнѣе.

А. Дѣло самое простое Невольно сравнивая научное изслѣдованіе съ философскимъ я сталъ замѣчать, что въ нѣкоторыхъ философскихъ вопросахъ очень мало смысла,—и именно въ тѣхъ, которые всего меньше похожи на *научные* вопросы Какъ разъ, такъ называемые «основные» вопросы философіи стали вызывать во мнѣ «основное» сомнѣніе «Возможно ли познаніе?»—Какими способами оно возможно?—«Что есть реальное бытіе?»—«Соотвѣтствуетъ ли познаніе реальному бытію?» и т. д.: все это теперь кажется мнѣ чѣмъ-то несерьезнымъ и неинтереснымъ, какой-то схоластической игрой въ понятія, никому и ни на что, въ сущности, не нужной. И я начинаю думать, что всѣ дѣйствительныя задачи философіи—это просто научныя задачи; остальное же, не болѣе, какъ праздная болтовня ..

В Очень хорошо. Не могу не согласиться съ вашими выводами.

А. Значитъ, философіи не существуетъ на самомъ дѣлѣ?

В. Этого я не говорилъ. Напротивъ, я полагаю, что она къ сожалѣнію, еще существуетъ

А. То есть, именно, какъ мнимая величина, какъ безполезная схоластика, съ которой надо бороться,—это вы хотите сказать?

В. Нѣтъ, не это. Я склоненъ думать, что философія еще необходима, и упразднить ее удастся не такъ-то скоро...

А Я не совсѣмъ васъ понимаю. Вы, значитъ, находите, что эти «основные» вопросы, о которыхъ я говорилъ, имѣютъ дѣйствительный и серьезный смыслъ въ настоящее время, а потомъ его утратятъ? Или вы не о нихъ говорите?

В. Да, вообще, говоря, не о нихъ; отъ нихъ-то уже сейчасъ останется очень немного, если примѣнить къ нимъ научную критику. Но есть философія и философія .

А. Итакъ, вы признаете, что, кромѣ плохой философіи, схоластической, есть еще хорошая, не схоластическая?

В Да, приблизительно такъ

А. Научная философія?

В. Названіе подходящее ..

А. Задачи она себѣ ставитъ научныя?

В Разумѣется.

А. И методы примѣняетъ научные?

В. Я думаю...

А. Но вѣдь тогда это наука и есть, а вовсе не философія.

В Къ сожалѣнію, еще не совсѣмъ такъ

А О какой же философіи вы говорите? Объясните это, пожалуйста. Очень интересно знать «истинную» философію!

В Ну, это погодите . Вотъ, вы сами сначала скажите мнѣ, что называете философіей вообще Или, пожалуй, точнѣе,—что вы называли философіей, пока не разочаровались въ ней до такой степени, какъ теперь?

А. Я подразумѣвалъ подъ этимъ выраженіемъ область самыхъ общихъ вопросовъ, съ которыми имѣетъ дѣло человѣческое познаніе.

В. Къ какой области вы относили законъ сохраненія энергіи, —къ научной или къ философской?

А. Скорѣе къ научной..

В. Вамъ, значитъ, этотъ принципъ не казался принадлежащимъ къ числу «самыхъ общихъ» для человѣческаго познанія?

А. Ну, нѣтъ,—конечно, казался. Это. можетъ быть, даже самый универсальный принципъ, до какого дошло въ наше время развитіе мышленія.

В. Но, въ такомъ случаѣ, не было ли у васъ противорѣчія. опредѣляя философію, какъ область самыхъ общихъ вопросовъ, вы наиболѣе общій принципъ относили, какъ вы говорите, «скорѣе къ научной области».

А. Что же, пожалуй, и было нѣкоторое противорѣчіе; но оно теперь устраняется. разъ я отрицаю философію.

В. А вы не думаете. что оно могло быть и только кажущимся - что ваша нелогичность имѣла свои основанія?

А. Можетъ быть, вы мнѣ ихъ объясните?

В. Попробую. Не помните ли еще въ философіи древняго міра какого-нибудь положенія родственнаго закону сохраненія энергіи?

А. Приблизительно такое «ничто не создается, ничто не исчезаетъ въ природѣ»? Вы про это говорите?

В. Да именно про это. Какъ вы полагаете, тогда—было это «скорѣе научнымъ» или «скорѣе философскимъ» положеніемъ?

А. Конечно чисто философскимъ. Въ тогдашней наукѣ оно не могло найти ни твердой опоры, ни, пожалуй, даже примѣненія.

В. А законъ сохраненія энергіи *находитъ* и то и другое въ нынѣшней наукѣ?

А. Да. Теперь я васъ понимаю. Очевидно, въ этомъ именно заключается разница между научными и философскими принципами.

В. Хорошо. Такова, значитъ, сущность различія. Но въ чемъ заключается та «твердая опора», которую законъ сохраненія энергіи находитъ въ наукѣ?

А. Въ точныхъ опытахъ, представляющихъ научную провѣрку закона, въ возможности предвидѣть развитіе точно наблюдаемыхъ явленій.

В. Точные опыты, точныя наблюденія—вѣдь это и есть научная *техника*, не такъ ли?

А. Да, разумѣется.

В. Значитъ, различіе науки и философіи заключается въ ихъ отношеніи къ этой *техникѣ*?

А. Несомнѣнно. Выходитъ такъ: если техническая провѣрка идеи возможна, то это научная идея; если техническая провѣрка невозможна—идея философская.

В. Но эта провѣрка, невозможная сегодня, можетъ стать возможной завтра?

А. И тогда философская идея превратится въ научную.

В. Слѣдуетъ ли отсюда выводъ, что до этого момента она была ненужной и безполезной?

А. Едва ли...

В. Напримѣръ, была ли безполезна та философская идея, о рой мы только что говорили: ничто не создается, ничто не исчезаетъ въ природѣ?

А. Нѣтъ, для цѣльности міровоззрѣнія...

В. Развѣ она была полезна только для этой цѣльности? А она не могла давать извѣстнаго направленія самой научной мысли и

научному изслѣдованію? Не поддерживала она стремленія научно прослѣживать, откуда взялось то, что явилось неожиданно, и куда дѣвалось то, что кажется исчезнувшимъ безслѣдно? Не должна была противодѣйствовать блужданіямъ въ сторону магизма искапія perpetuum mobili и т. д.? Не подготовляла почвы для нынѣшней науки, для закона Лавуазье, для той же энергетики?

А. Да, безспорно,—хотя, насколько помнится, на эту же идею опиралось отчасти и ученіе о переселеніи душъ.

В. То есть, кромѣ удачныхъ примѣненій идеи, были и неудачныя. Но, вѣдь, это бываетъ и въ наукѣ притомъ очень часто.

А. Это правда.—Итакъ въ философскихъ идеяхъ вы видите такъ сказать личинки будущихъ научныхъ идей?

В. Пожалуй, даже куколки, которыя будутъ освобождены отъ философской оболочки развитіемъ научной техники.

А. Но философскихъ идей много, а много ли изъ нихъ станетъ потомъ научными?

В. А много ли личинокъ и куколокъ доживаетъ до бабочки?

А. Но какъ узнать, которыя именно?

В. Можно и узнать съ нѣкоторой вѣроятностью. Только тутъ ужъ наше сравненіе становится неподходящимъ. Философскія идеи не ползаютъ, какъ личинки, и не лежатъ неподвижно, какъ куколки—онѣ живутъ настоящей активной жизнью въ одномъ мірѣ съ научными идеями,—въ мірѣ борьбы человѣчества со стихіями внѣ и внутри его самого. Наблюдайте отношеніе философскихъ идей къ этой борьбѣ, и къ научнымъ идеямъ: у васъ тогда будутъ основанія, чтобы судить о томъ, гдѣ наибольшая вѣроятность истины. Гдѣ невозможна еще научно-техническая провѣрка, тамъ остается косвенная провѣрка жизни.

А. Хорошо, пусть такъ. Но у меня возникаетъ еще одинъ вопросъ. Какимъ образомъ возможно, чтобы философскія идеи, не выведенныя изъ научнаго опыта, и даже технически ему недоступныя могли быть «предвосхищеніемъ» научныхъ знаній? Откуда онѣ сами взялись, въ такомъ случаѣ?

В. Если не изъ опыта научнаго и точнаго, то, значитъ, изъ опыта обыденнаго и неточнаго. Напримѣръ, развѣ въ обыденномъ опытѣ древняго человѣчества не было данныхъ для вывода положенія—«ничто не создается, ничто не исчезаетъ въ природѣ»?

А. То есть, вы имѣете въ виду такіе факты, когда то, что

казалось исчезнувшимъ безслѣдно потомъ при ближайшемъ наблюденіи, находится вновь въ измѣненномъ видѣ?

В. Да напримѣръ, эти факты, а также и вообще всѣ случаи гдѣ удается видѣть сохраненіе какого-нибудь «тѣла», «вещества» «силы» среди ряда превращеній

А. Но вѣдь въ этомъ опытѣ обыденномъ и неточномъ имѣется масса данныхъ и для противоположнаго вывода, — очень многое «исчезаетъ» такъ, что ни за что и не найти, если не выйти за предѣлы *этого* опыта

В Да монистическое мышленіе и должно выбирать между тѣмъ и другимъ выводомъ, и чтобы сдѣлать его всеобщимъ, должно дополнять опытъ гипотезой. Отсюда—спорность и приблизительность философскихъ положеній .

А Итакъ, беремъ философію какъ путь къ наукѣ, какъ ея временную замѣну?

В Да,—точнѣе, какъ путь къ научному *монизму*. Философія, дѣйствительно, есть область самыхъ общихъ, т е. монистическихъ вопросовъ, потому что они послѣдними рѣшаются посредствомъ научно-техническихъ методовъ· наука идетъ *отъ* конкретнаго и частнаго...

А. А какъ вы думаете,—близокъ конецъ философіи, замѣна ея *научнымъ монизмомъ*?

В. Да, начало уже есть энергетика, дарвинизмъ, соціальная теорія Маркса

ДІАЛОГЪ III.

А. Сегодня я прихожу къ вамъ, товарищъ, еще съ бо́льшими сомнѣніями и недоумѣніями, чѣмъ въ прошлый разъ. Теперь для меня подъ вопросомъ стоитъ уже не философія, а сама наука.

В. Да, это серьезно... Разскажите, въ чемъ же дѣло.

А. Прежде отвѣтьте мнѣ на общій вопросъ· допускается ли въ точной наукѣ произволъ, или нѣтъ?

В. Полагаю, что нѣтъ.

А. А я убѣжденъ въ томъ, что нашелъ въ ней произволъ,—самый настоящій, и притомъ въ самой строгой и точной наукѣ Я всегда думалъ, что наука и произволъ—понятія несовмѣстимыя; а теперь вижу, какъ разъ противоположное Чѣмъ больше я вдумы-

ваюсь и изучаю, тѣмъ больше убѣждаюсь въ этомъ. Или, можетъ быть, моя голова устроена на-выворотъ?

В. Словомъ, занимаясь точными науками, вы наткнулись на нѣкоторыя большія неожиданности,—не такъ ли?

А. Да,—на такія неожиданности, которыя приводятъ меня въ полное недоумѣніе. И онѣ возникаютъ именно тамъ, гдѣ наука всего больше отвѣчаетъ на философскіе вопросы.

В. Ну, что же, разберемъ это вмѣстѣ.

А. Я не стану отнимать ваше время болѣе мелкими и частными затрудненіями, съ которыми надѣюсь какъ-нибудь справиться самъ. Разскажу самыя главныя.—Занимался я математикой. Пока я повторялъ элементарную алгебру, геометрію,—все было просто, ясно и привычно Но, когда я добрался до анализа безконечно-малыхъ—тутъ все пошло вверхъ дномъ...

В. Да, это случается не съ вами первымъ.

А. Одна изъ аксіомъ элементарной математики состоитъ въ томъ, что если къ *равнымъ* величинамъ прибавить *неравныя*, то равенство нарушается. И это, дѣйствительно. вещь совершенно очевидная. Что же я долженъ думать, когда меня заставляютъ признать нѣчто прямо противоположное? А между тѣмъ, одно изъ первыхъ положеній, на которомъ основывается, по словамъ учебника, дифференціальное и интегральное счисленіе, говоритъ если къ равнымъ, безконечно малымъ прибавить неравныя, только высшаго порядка, то равенство *не нарушается*. Что же это значитъ?

В. Да, это положеніе прекрасно будитъ философскую мысль. Но, продолжайте, товарищъ. Соберемъ «неожиданности» вмѣстѣ,—между ними найдется, вѣроятно, нѣкоторое родство.

А. Въ физикѣ меня очень заинтересовала теорія свѣта съ ея загадочнымъ міровымъ эфиромъ, вездѣсущимъ, какъ Богъ по катехизису. И тутъ я нашелъ въ учебникѣ слѣдующій итогъ: теорія Френеля о преломленіи и поляризаціи свѣта вполнѣ согласна съ наблюдаемыми фактами, и позволяетъ съ успѣхомъ предсказывать ихъ, но заключаетъ въ себѣ, какъ скрытую предпосылку, прямое внутреннее противорѣчіе. разрывъ эфира, передающаго лучи Теорія Макъ-Куллоха устраняетъ это противорѣчіе, но сама стоитъ въ противорѣчіи съ фактами. Гдѣ же, послѣ этого, истина?

В. И это васъ смущаетъ?

А. Но какъ же допустить, что противорѣчивая теорія ведетъ

къ правильному предвидѣнію, а устраненіе противорѣчія лишаетъ ее этой силы? Это все равно, какъ если для объясненія и предвидѣнія фактовъ требовалось бы признать, что дважды два не четыре, а три или пять.

В. Вы такъ увѣрены, что дважды два для науки всегда четыре и только четыре?

А. А вы съ этимъ не согласны?

В. Подумавши, и вы откажетесь отъ этой утопіи.

А. Право же, вы точно издѣваетесь надъ моими недоумѣніями.

В. Нисколько. Давайте, обсудимъ. Вы общую механику, очевидно, изучали. Теперь скажите,—если къ скорости, равной двумъ единицамъ, прибавить другую скорость, равную тоже двумъ, то что получится?

А. Четыре и получится, если направленіе скорости совершенно одинаково. Если же оно не одинаково, то сумма будетъ, конечно, меньше, по закону параллелограмма скоростей. Но ясно, что, когда говорятъ «дважды два—четыре», то принимаютъ одинаковое направленіе.

В. Но вѣдь въ самой этой формулѣ объ этомъ ничего не сказано?

А. Подразумѣвается, что всѣ единицы, которыя входятъ въ общій результатъ, вполнѣ однородны.

В. Хорошо, согласимся и на такое условіе. Но посмотрите, вѣдь и этого окажется мало. Обратимся къ политической экономіи. Возьмемъ двѣ «вполнѣ однородныя» рабочія силы; прибавимъ къ нимъ еще двѣ совершенно такія же. Что же, коллективная рабочая сила увеличится ровно вдвое или нѣтъ?

А. Нѣтъ, конечно,—она то увеличится больше чѣмъ вдвое, потому что самое объединеніе рабочихъ силъ создаетъ новую силу. Но экономическая сумма и не есть ариѳметическая.

В. Итакъ, что получилось? «Дважды два—четыре» оказывается безусловно вѣрнымъ только до тѣхъ поръ, пока дѣло идетъ о совершенно однородныхъ и одинаковыхъ единицахъ, какихъ въ природѣ никогда не бываетъ, и пока надъ этими единицами продѣлывается только чисто ариѳметическая, т. е. счетная операція. Это значитъ, —данная формула вѣрна вполнѣ только пока она остается пустой, голой счетной тавтологіей, выражающей два обозначенія одного и того же числа. На основаніи такой тавтологіи ровно ничего ни объяснить, ни предсказать нельзя. А какъ только вы захотите примѣнить эту формулу для какого-нибудь предвидѣнія, для выясненія

реальной суммы двухъ слагаемыхъ,—формула оказывается далеко не точною, только первымъ приближеніемъ къ дѣйствительности, и часто очень грубымъ приближеніемъ.

А. Ну, хорошо, пусть все это такъ. Но разъясняетъ ли это мои недоумѣнія? Только прибавляетъ къ нимъ пожалуй, еще одно, новое

В Да, я именно этого и хотѣлъ· новое, болѣе общаго характера

А. Понимаю, значитъ, вы мнѣ сейчасъ дадите и болѣе общее объясненіе.

В Ну, зачѣмъ такъ спѣшить? А можетъ быть, вы не согласитесь съ тѣмъ объясненіемъ, которое мнѣ кажется правильнымъ Я лучше задамъ вамъ болѣе общій вопросъ· гдѣ же въ концѣ концовъ существуетъ та святая и вѣчная истина, что дважды два—четыре?

А. Если въ природѣ нѣтъ ни двухъ, ни четырехъ вполнѣ одинаковыхъ единицъ, то выходитъ, какъ будто такъ, что эта истина существуетъ только въ человѣческой головѣ .

В Какъ будто такъ.. А теорія Френеля, анализъ безконечно малыхъ, аксіомы о равенствѣ и неравенствѣ?..

А. Тѣмъ болѣе, только тамъ же.—Хотя это мнѣ кажется очень не утѣшительнымъ.

В. А для философа нужно утѣшеніе? Ему надо установить то, что есть.—Итакъ, установимъ. теорія—всякая теорія, истинная и не истинная,—существуетъ только въ сознаніи людей, или, выражаясь матеріалистически, но не очень точно,—въ сѣромъ веществѣ ихъ головного мозга. Оттого она и «сѣрая», какъ говоритъ о ней Гёте.

А. Но вы сами же сказали: «теорія истинная или неистинная». Значитъ, вы сами признаете, что возможна «истинная» теорія, т. е , по крайней мѣрѣ, соотвѣтствующая дѣйствительности?

В. Конечно.

А. Такъ не будетъ ли простой придиркой къ словамъ, если я скажу: «истина не существуетъ внѣ человѣческаго сознанія». Тамъ существуетъ то, чему она соотвѣтствуетъ А не въ этомъ ли вся суть вопроса?

В. Именно въ этомъ И теперь объясните мнѣ, какое это «соотвѣтствіе».

А. «Соотвѣтствіе», т. е. правильная картина дѣйствительности, вѣрное ея отраженіе.

В «Картина», «отраженіе». Что же, эти метафоры годятся, какъ и всякія другія. Но вѣдь это только метафоры. Вы, напр., знаете логариѳмическую формулу опредѣленія высоты по барометру. Вы можете написать эту формулу въ видѣ нѣсколькихъ черныхъ крючковъ и черточекъ на бѣлой бумагѣ, можете произнести ее въ видѣ нѣсколькихъ словъ, можете представить ее себѣ мысленно въ видѣ ряда математическихъ дѣйствій Въ любомъ изъ этихъ видовъ, похожа ли она хоть сколько-нибудь на «картину», изображающую различныя высоты вмѣстѣ съ различными плотностями воздуха, или на «отраженіе» этихъ высотъ и этихъ плотностей, хотя бы въ самомъ плохомъ зеркалѣ? Не ясно ли, что говоря о «вѣрной картинѣ» или «правильномъ отраженіи» дѣйствительности познаніемъ, вы говорите только о томъ же *соотвѣтствіи*, нисколько не выясняя какого оно рода, въ чемъ оно заключается?

А. Не совсѣмъ понимаю, чего вы требуете? Вѣдь ясно, что соотвѣтствіе между формулой и дѣйствительностью существуетъ, разъ формула дѣйствительно даетъ мнѣ возможность опредѣлить высоту по барометру. А вы спрашиваете—какое соотвѣтствіе? Ну, вотъ именно такое, что по формулѣ можно узнать высоту..

В. Это то мнѣ и было нужно. Но только и высота, которую вы опредѣлите, будетъ тоже пока еще не болѣе какъ формула: если вы скажете, или напишете, или подумаете, положимъ, что при такомъ то уровнѣ барометра высота—«6,800 метровъ»—это не будетъ, строго говоря, ни «картиной», ни «отраженіемъ» дѣйствительной высоты, и вообще почти нисколько на нее не похоже; это будетъ только соотвѣтствовать ей Въ чемъ же здѣсь заключается соотвѣтствіе?

А. Теперь знаю, чего вы хотите. Соотвѣтствіе заключается въ томъ, что на цифрѣ высоты и воздушнаго давленія можно практически основываться въ своихъ дѣйствіяхъ и предвидѣть ихъ результаты. Напримѣръ, если воздухоплаватель или альпинистъ хочетъ достигнуть высоты въ 6 800 метр., онъ приметъ во вниманіе, что тамъ плотность воздуха мала и дышать трудно, позаботится о томъ, чтобы его легкія были въ полномъ порядкѣ, ил захватитъ мѣшокъ съ кислородомъ, и т. д.

В. Да, и не только это, конечно. Все устройство воздушнаго шара, въ которомъ разсчитываютъ подняться на такую высоту, должно быть сообразовано съ этой формулой: размѣры шара, выборъ газа для его наполненія, плотность оболочки, количество балласта

и т. д. Словомъ, не будетъ ли достаточно сказать, что соотвѣтствіе формулы съ дѣйствительностью заключается въ ея *практической примѣнимости?*

А. Да, мнѣ кажется, что это такъ И я помню, что еще Марксъ критеріемъ истины признавалъ практику

В. Не значитъ ли это, что истинное знаніе «соотвѣтствуетъ» дѣйствительности такимъ же способомъ, какъ любое орудіе—тому объекту или матеріалу, на который имъ воздѣйствуютъ?

А Очевидно, да.

В. Напримѣръ, какъ зубы животнаго—пищѣ, которую они разгрызаютъ, топоръ дровосѣка—дереву, которое онъ раскалываетъ, динамитный патронъ—горной породѣ или человѣческой особи, которую онъ взрываетъ

А. Пожалуй, что такъ Хотя не скрою, что эти сравненія кажутся мнѣ довольно грубыми

В. Грубыми или тонкими—не въ этомъ дѣло, а въ томъ, вѣрны ли они по существу, точно ли выражаютъ характеръ и смыслъ «соотвѣтствія» истины съ дѣйствительностью. Можно выразить и тоньше; напр., сказать истина есть жизненное приспособленіе; и она такъ относится къ дѣйствительности, которую охватываетъ, какъ всякое другое приспособленіе для жизненной борьбы—къ той средѣ, на которую направлена его функція Это удовлетворитъ васъ больше?

А. Да, съ этимъ можно согласиться безъ особыхъ оговорокъ.

В. Теперь, полагаете ли вы. что практическое приспособленіе должно быть «похоже» на ту среду, на которую оно воздѣйствуетъ, что оно должно представлять ея «картину», ея «отраженіе», сколько-нибудь ее прямо воспроизводящее?

А. Нѣтъ, мнѣ кажется, это необязательно.. Я даже сейчасъ, какъ-то не могу подобрать въ памяти такого примѣра, чтобы прямое сходство имѣлось на-лицо

В. Оттого и не можете, что по общему правилу, такого сходства нѣтъ. Приспособленіе вырабатывается живымъ организмомъ въ его *борьбѣ* съ внѣшней средой, и есть *часть* этого организма; понятно, что оно не похоже на ту среду. противъ которой направлено. Зубы животнаго не «изображеніе» его пищи. Но въ то же время, какъ вы знаете изъ сравнительной анатоміи, зубы по своему строенію и виду *зависятъ* отъ пищи животнаго, «соотвѣтствуютъ» ей настолько, что по найденнымъ зубамъ возможно вполнѣ

точно установить чѣмъ животное питалось. Точно такъ же и машина по изображенію матеріала, который она обрабатываетъ, но она ему практически «соотвѣтствуетъ», или это совершенно негодная машина.

А. Всѣ эти соображенія вы хотите отнести и къ истинамъ познанія, къ научнымъ законамъ теоріямъ и т. д.?

В. Совершенно вѣрно, потому что всякое приспособленіе есть приспособленіе, и его зависимость отъ той среды, къ которой оно относится, всегда одного и того же типа Съ этой точки зрѣнія вамъ нетрудно будетъ разобрать, напр, вашъ инцидентъ съ теоріями Френеля и Макъ-Куллоха.

А. *(Грустно-шутливымъ тономъ).* Понимаю. Обѣ эти теоріи—зубы для разгрызанія свѣтовыхъ явленій. Теорія Френеля—зубъ съ трещиной, но достаточно еще крѣпкій и острый, чтобы хорошо выполнять это дѣло Теорія Макъ-Куллоха—зубъ цѣльный, но тупой Только .. объясненіе ли это?

В Въ *такомъ* видѣ—конечно, не объясненіе, а сравненіе Но давайте, разберемъ дѣло по существу. Что такое свѣтовой эфиръ съ точки зрѣнія этихъ теорій?

А. Твердое тѣло, обладающее большой упругостью и заполняющее собою все пространство

В. Да, и въ этомъ «твердомъ тѣлѣ» находятся и движутся всѣ другія тѣла природы. А понятіе «твердаго тѣла», откуда оно вообще взялось?

А. Изъ опыта конечно.

В. И въ опытѣ чѣмъ прежде всего характеризуется «твердое тѣло»?

А. «Твердостью», разумѣется.

В. А какимъ способомъ мы узнаемъ объ этой твердости?

А Посредствомъ осязанія, и зрѣнія тоже

В. Что же именно вы при этомъ «осязаете» и «видите»?

А Сопротивленіе, которое такія тѣла оказываютъ давленію пальцевъ, толчку, удару, вообще движенію другихъ тѣлъ.

В Значитъ, это сопротивленіе и есть то, что дастъ основу для понятія «твердости»?

А Очевидно.

В. А свѣтовой эфиръ представляетъ подобное сопротивленіе, которое можно было бы осязать или видѣть?

А Повидимому нѣтъ. Всѣ тѣла движутся въ немъ совершенно свободно.

В. Да, если не считать единственнаго темнаго факта съ кометой Энке, движеніе которой постепенно замедляется, какъ будто бы она испытывала препятствіе со стороны эфира. Но это—одинъ только случай, которому противостоятъ милліоны милліоновъ противоположныхъ, и, конечно, даже онъ нисколько не похожъ на то, что подразумѣвается, когда говорятъ о «твердыхъ» тѣлахъ и ихъ сопротивленіи Итакъ, что же вы, собственно, хотите сказать, когда утверждаете, что эфиръ есть твердое тѣло?

А. Очевидно, это обозначаетъ не то, что обыкновенно называютъ твердостью ..

В А что же именно?

А. Ну... способность передавать волны поперечныхъ колебаній, подобно упруго-твердымъ тѣламъ

В Да, и только это. Но и то еще слишкомъ много. Вы сказали —«поперечныя колебанія».. Чего же именно?

А. Частицъ эфира

В. Откуда вы взяли представленіе о «частицѣ»?

А Изъ опыта, разумѣется

В. И слѣдовательно, когда вы говорите объ этихъ «частицахъ», у васъ имѣется извѣстный образъ опытнаго происхожденія?

А. Да, я воображаю себѣ очень маленькія твердыя тѣльца, очень тѣсно расположенныя и быстро движущіяся по-очередно вверхъ и внизъ

В. Представленіе зрительнаго и осязательнаго характера. И вы полагаете, что тамъ дѣйствительно есть что-нибудь похожее на это представленіе?

А. Нѣтъ, ничего похожаго. Частицы эфира ни видѣть, ни осязать немыслимо, и мое представленіе имѣетъ только символическій смыслъ, это для меня ясно.

В. Итакъ, въ какомъ смыслѣ теорія свѣта «соотвѣтствуетъ» свѣтовымъ явленіямъ? Похожа ли она на нихъ хотя бы въ самой слабой степени?

А. Нѣтъ, къ сожалѣнію нисколько не похожа

В. Значитъ ли это, что она плоха?

А. Правду сказать, мнѣ это съ непривычки не очень нравится. Но плохой признать ее я не могу, разъ она позволяетъ овладѣть свѣтовыми явленіями.

В. Точно такъ, какъ орудіе позволяетъ овладѣть тѣмъ или инымъ матеріаломъ труда. Но если въ орудіи есть недостатокъ, который пока еще не мѣшаетъ успѣшно примѣнять его, бросите ли вы это орудіе?

А. Не брошу, пока нѣтъ другого лучшаго.

В. Вѣроятно, это лучшее орудіе и вырабатывается посредствомъ развитія электромагнитной теоріи свѣта Кларка Максуэля...

А. Вопросъ исчерпанъ. А какъ быть съ моими безконечно-малыми? Тоже признать, что это «орудія, которыя пока годятся..?» А что они въ противорѣчіи съ другими «орудіями», это считать неважнымъ? Не такъ ли?

В. Нѣтъ, не такъ. Если одно «орудіе» стоитъ въ противорѣчіи съ другимъ равнодушно относиться къ этому нельзя, потому что тогда несравненно труднѣе овладѣть ими обоими вмѣстѣ. Но, къ счастью, въ данномъ случаѣ этого вовсе нѣтъ Надо только отчетливо понять значеніе символа «безкопечно-малая величина».

А. Это, очевидно, тоже вродѣ «твердаго» эфира?

В. Нѣтъ, гораздо проще. «Безконечно-малая», это просто символъ процесса уничтоженія обыкновенной «конечной» величины «Неравныя», безконечно-малыя, это означаетъ различные пути этого процесса, различный его темпъ Если вы къ равнымъ обыкновеннымъ величинамъ прибавляете неравныя безконечно-малыя, то вы выражаете этимъ только ту мысль, что возникающія измѣненія этихъ величинъ вы *уничтожаете* двумя различными путями. Понятно, что при этомъ нарушеніе равенства будетъ избѣгнуто. Въ томъ аналитическомъ положеніи, которое васъ смутило, тому же факту дана самая общая,—идеально-общая формулировка

А. Значитъ, безконечно-малая есть, такъ сказать, орудіе для остановки расплывающихся величинъ?

В. Приблизительно, такъ

А. Боюсь, что мнѣ не очень легко будетъ усвоить этотъ «техническій» взглядъ на познаніе. Я всегда думалъ, что истина—это болѣе или менѣе похожій портретъ дѣйствительности; а на дѣлѣ оказывается, что это машина, посредствомъ которой рѣжутъ, кроятъ и сшиваютъ дѣйствительность. Согласитесь, что съ этимъ не такъ то легко примириться.

В. Я понимаю это. Философія—не легкое дѣло

А. У меня уже сейчасъ возникаютъ въ головѣ новые вопросы

и недоумѣнія. Возможно, что довольно скоро мнѣ вновь потребуется ваша помощь

В. Я буду радъ васъ видѣть ..

ДІАЛОГЪ IV

А Послѣ нашего разговора объ истинахъ-орудіяхъ, я очень много думалъ Въ концѣ концовъ, мнѣ удалось-таки примириться съ этимъ непривычнымъ представленіемъ; теперь оно даже вовсе не кажется мнѣ страннымъ орудія, такъ орудія, пусть даже «непохожія» на ту дѣйствительность, которая служитъ для нихъ матеріаломъ обработки Но тогда надо знать еще вотъ что: *чьи* орудія, *чей* матеріалъ? Иначе эти понятія не будутъ настоящимъ объясненіемъ дѣла, а развѣ только сравненіемъ, неточнымъ, какъ большинство сравненій.

В. Вамъ значитъ, нуженъ *собственникъ* науки и дѣйствительности?

А Собственникъ? Нѣтъ. это не то слово «Собственнику» вещи могутъ принадлежать и только формально, какъ иному милліонеру принадлежитъ фабрика, которой онъ никогда и не видалъ Я имѣю въ виду реальное отношеніе На той же фабрикѣ орудія и матеріалы труда становятся настоящими орудіями и матеріалами только въ рукахъ той совокупности рабочихъ, которая ихъ примѣняетъ: это и есть *ея* орудія и матеріалы. хотя капиталистъ еще не экспропріированъ

В Итакъ. вы хотите найти *трудового субъекта* науки и дѣйствительности?

А. Да, пожалуй, что такъ

В. Но у васъ, вѣроятно, уже есть какое-нибудь собственное мнѣніе?

А. Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ; или, если есть, то не одно, а сразу два, по меньшей мѣрѣ, и это для меня слишкомъ много Поэтому мнѣ и хочется знать ваше мнѣніе

В. А по моему даже лучше, когда есть изъ чего выбирать Начнемъ, слѣдовательно, съ вашихъ. Разсказывайте.

А. Ну, хорошо. Такъ вотъ, прежде всего я, какъ марксистъ, попробовалъ стать на ту точку зрѣнія, что этотъ «субъектъ» науки и дѣйствительности есть общество, какъ цѣлое, или каждый его классъ въ отдѣльности. .

В. Что же, это одно или два мнѣнія?

А. Нѣтъ, это скорѣе еще только одно Я представлялъ себѣ дѣло такимъ образомъ что въ извѣстныхъ предѣлахъ и дѣйствительность. и наука для всего общества одна и та же, несмотря на его классовое раздѣленіе. Напр., математика и міръ величинъ для всѣхъ классовъ одинаковы· астрономическая дѣйствительность и астрономическія истины точно такъ же Но, напротивъ, соціальная дѣйствительность для различныхъ классовъ существенно различна: и соціальная наука тоже; потому что, какъ всякому извѣстно, если бы «дважды два—четыре» задѣвало интересы какого-нибудь класса. то и это не было бы *общей* истиной

В. Да. и не только интересы. Если истина задѣваетъ *привычки мышленія*, свойственныя классу въ силу его постоянныхъ жизненныхъ условій тогда она встрѣчаетъ въ немъ не менѣе сильное сопротивленіе Напр., для класса, живущаго въ раздробленномъ видѣ, среди вѣчной конкурренціи, прямо недоступна, не только соціальная, но и философская идея. выходящая за предѣлы индивидуализма —Впрочемъ, продолжайте.

А. Но теперь, можетъ быть. продолжать будете вы? Я вижу ясно, что вы сторонникъ, именно, этого мнѣнія, и ужъ, конечно. вы лучше меня съумѣете привести доказательства въ его пользу.

В. Ну, нѣтъ.—аргументы сомнѣвающихся болѣе цѣнны, потому что въ нихъ можно предположить больше безпристрастія Стало быть,—слово за вами

А. Итакъ, мнѣ и самому больше всего нравилась бы мысль что субъектъ познанія и дѣйствительности коллективенъ· общество. насколько оно обладаетъ жизненной цѣльностью.—классъ насколько онъ выдѣлился изъ общества, какъ нѣчто противоположное другимъ классамъ,—какъ особое, до извѣстной степени, общество. Тогда субъектъ производства и субъектъ познанія былъ бы одинъ и тотъ же. А вѣдь, именно, въ производствѣ люди прежде всего имѣютъ дѣло съ дѣйствительностью,—и въ производствѣ должно было зародиться познаніе. Если вырвать человѣка изъ общества,—что такое тогда онъ и его мышленіе передъ лицомъ дѣйствительности? Ему доступна тогда только ничтожная часть ея, безконечно-малый ея клочекъ, данный ему чисто личнымъ опытомъ. Что можетъ онъ познать своими личными силами, имѣя дѣло съ этимъ вырваннымъ клочкомъ, и не обладая готовыми, раньше выработанными въ опытѣ человѣчества, представленіями о связи и закономѣрности выступающихъ передъ нимъ вещей и фактовъ?

В Да, и это еще не все.. Этотъ клочекъ опыта полонъ иллюзій, самое очевидное въ немъ можетъ оказаться *не дѣйствительностью*, съ точки зрѣнія развивающагося коллективнаго опыта,—какъ оказалось мнимымъ фактомъ очевиднѣйшее для всякаго движеніе солнца и звѣздъ вокругъ земли Для изолированнаго въ своемъ опытѣ человѣка не было бы даже критеріевъ. чтобы отличить отъ дѣйствительности ясное, хотя бы и самое фантастическое сновидѣніе Только въ коллективной практикѣ человѣческій опытъ становится дѣйствительностью,—и это зналъ Марксъ. указавшій это въ своей бѣглой критикѣ Фейербаха.

А Вотъ это еще новые для меня аргументы за то, что «субъектъ» дѣйствительности и познанія—соціальный. А все-таки я не могъ окончательно остановиться на этой мысли,—мнѣ представились очень серьезныя, какъ мнѣ кажется, возраженія Но крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ—и чрезвычайно важныхъ случаяхъ надо. повидимому. признать, что «субъектъ»—индивидуальный.

В Ну, что жъ,—укажите эти случаи.

А Да вотъ, напримѣръ, всѣ случаи великихъ открытій сдѣланныхъ великими людьми. Во времена Коперника астрономическая «дѣйствительность» для всѣхъ классовъ общества была какая? Земля въ центрѣ міра, солнце планеты и звѣзды, движущіяся вокругъ нея. Только для *одного* человѣка дѣйствительность была иная,—и это была настоящая дѣйствительность Не былъ ли тогда именно Коперникъ, и только онъ. «субъектомъ» истины и дѣйствительности?

В Да. это радикальное отрицаніе предыдущаго вашего мнѣнія Выходитъ такъ, что каждый разъ, когда человѣчество дѣлаетъ шагъ впередъ, то именно коллективу принадлежитъ низшая, традиціонная, неточная «дѣйствительность», и съ нею—старая, окаменѣлая «истина», ставшая уже заблужденіемъ, а отдѣльной личности, генію или герою. принадлежитъ дѣйствительность высшая, истина будущаго, которая должна побѣдить. Словомъ, «субъектъ» соціальный вполнѣ консервативенъ, а все прогрессивное—въ индивидуальномъ субъектѣ, не такъ ли?

А. Выходитъ, какъ-будто, такъ; и это особенно странно.

В. А знаете лы вы исторію открытія Коперника?

А Нѣтъ,—только въ предѣлахъ скверныхъ біографій. не болѣе.

В Въ общихъ чертахъ она, примѣрно, такова Въ концѣ Среднихъ Вѣковъ наиболѣе прогрессивные испанскіе и португаль-

скіе короли, въ своемъ стремленіи добывать колоніи и отыскивать новые пути для торговли,—что зависѣло, какъ вы знаете, отъ земельной тѣсноты и отъ распространенія товарнаго производства,—всячески поощряли и развивали мореплаваніе Но вы знаете, насколько невозможны большія плаванія по морямъ и особенно по океанамъ, безъ точныхъ методовъ географической ориентировки. Такіе методы вырабатывала астрономія; приходилось усиленно о ней заботиться По порученію Альфонса Кастильскаго, въ XIII вѣкѣ, нѣсколькими десятками астрономовъ были составлены, послѣ долгихъ наблюденій, астрономическія таблицы положенія свѣтилъ настолько точныя, насколько было возможно при тогдашнихъ способахъ измѣренія. Данныя этихъ таблицъ впослѣдствіи попали въ руки Коперника, и онъ нашелъ, что онѣ стоятъ въ противорѣчіи съ результатами, вытекавшими изъ обычной тогда астрономической теоріи. Стараясь разъяснить это противорѣчіе, онъ пришелъ къ выводу, что оно устраняется, если центромъ міра принять не землю, а солнце Такъ возникла новая «дѣйствительность» и революціонная теорія Коперника Въ какой мѣрѣ это все принадлежало ему лично?

А. Правда, гораздо меньше, чѣмъ мнѣ казалось

В Что такое были кастильскія астрономическія таблицы? Возникли онѣ благодаря опредѣленной соціальной потребности; созданы были коллективнымъ трудомъ, посредствомъ пріемовъ, выработанныхъ исторически и переданныхъ соціальнымъ путемъ самимъ авторамъ таблицъ Не были ли эти таблицы выраженіемъ дѣйствительности «коллективнаго субъекта» — развивавшагося общества, которое искало новаго поля для расширенія своей экономической жизни?

А. Очевидно, да.

В И это была дѣйствительность точная, научная, прогрессивная. А рядомъ съ ней существовала «дѣйствительность» традиціонная—геоцентрическій міръ Между ними возникло противорѣчіе: т е для общества въ цѣломъ, какъ коллективнаго субъекта дѣйствительность перестала быть единой—*дезорганизовалась* Въ чемъ заключалась роль Коперника? Онъ вновь объединилъ организовалъ то, что было дезорганизовано; точнѣе даже—*въ немъ* объединился и организовался временно разорванный опытъ соціальнаго субъекта.

А. Такъ что Коперникъ былъ только орудіемъ этого соціаль-

наго субъекта? Ну, а если бы онъ самъ произвелъ всѣ наблюденія и составилъ тѣ таблицы, которыя повели къ открытію? Это, можетъ быть, гигантскій трудъ для одного человѣка, но нельзя сказать, чтобы это было немыслимо .

В. Что же тогда измѣнилось бы по существу дѣла? Тѣ первоначальныя данныя, изъ которыхъ онъ исходилъ бы въ этой работѣ. —тѣ пріемы и методы, которыми онъ бы ее велъ.—устройство инструментовъ, которыми онъ бы въ ней пользовался.—вся система понятій-символовъ, въ которыхъ воплощался бы и закрѣплялся бы каждый шагъ его работы откуда все это взялось, кѣмъ создано? Развѣ это не плодъ коллективнаго творчества, сознательнаго и безсознательнаго, протекавшаго въ смѣнѣ поколѣній въ ряду тысячелѣтій? А потомъ самая постановка задачи—вытекала она изъ «чистой индивидуальности», независимой отъ общественной среды, —или, напротивъ, была вызвана историческими потребностями этой среды,—необходимостью для растущаго товарнаго общества научно усовершенствовать технику мореплаванія? И наконецъ, основное умонастроеніе Коперника, сдѣлавшее возможнымъ революціонное рѣшеніе задачи .. Считаете ли вы, что оно было бы мыслимо, если бы Коперникъ воспитывался и жилъ въ устойчивой феодально-религіозной средѣ, для которой абсурдность предмета вѣры не только не была препятствіемъ, но почти что была необходимымъ условіемъ самой вѣры? И тогда Коперникъ сталъ бы смущаться какими-то противорѣчіями наблюденій и теорій, запутанностью астрономической системы, и т. д.? И онъ, духовное лицо, представитель самой консервативной группы общества, посмѣлъ бы въ своихъ мысляхъ сдвинуть съ мѣста самый основной изъ устоевъ жизни?

А. Да, это едва ли.... навѣрное, нѣтъ. Экономически, эпоха въ которую онъ жилъ, была, дѣйствительно, эпоха шатанія всѣхъ старыхъ общественныхъ устоевъ, развитіемъ мѣновыхъ отношеній и его послѣдствіями—открытіемъ новыхъ странъ, Реформаціей. А кстати, мнѣ припоминается, что и самая идея о движеніи земли была подсказана Копернику нѣкоторыми древними философами?

В. Таково общее мнѣніе историковъ. И несомнѣнно, что «языческія суемудрствованія» Филолая, Никета и другихъ пиѳагорейцевъ о солнцѣ, какъ центральномъ огнѣ вселенной, были извѣстны многимъ ученымъ и мыслителямъ до Коперника;—но только тогда, когда пришли въ движеніе всѣ основы соціальной жизни, стала

правдоподобной и пріемлемой для человѣческаго сознанія идея движенія «физической» основы... Итакъ, гдѣ же былъ «субъектъ» дѣйствительности и истины?

А. Очевидно, въ соціальной жизни людей А геніальная личность—слѣпое орудіе этого субъекта...

В. Стойте, какъ бы это не было черезчуръ «Орудіе», да еще «слѣпое»! Похоже, что вы уже соціальнаго субъекта теперь считаете какимъ-то сознательнымъ организмомъ, и притомъ, сознательнѣе личности

А. Гм.. я этого не говорилъ —Хотя, скажу прямо: для меня это не ясно.

В. И для меня тоже Но этого вопроса сейчасъ еще и нѣтъ передъ нами. Развѣ, говоря о «субъектѣ», вы подразумѣвали непремѣнно нѣчто подобное индивидуальному сознанію?

А. Нѣтъ, я сначала этого не подразумѣвалъ Но потомъ, по мѣрѣ того, какъ мы разговаривали объ этомъ коллективномъ субъектѣ, онъ незамѣтно сталъ принимать для меня черты личнаго сознанія.

В. Въ этомъ постоянная опасность старыхъ, привычныхъ терминовъ: когда вы ихъ примѣняете въ новомъ смыслѣ, они понемногу приводятъ за собою свое старое, привычное содержаніе. Но развѣ вы не видите что, придавая соціальному субъекту черты индивидуальнаго сознанія, вы, въ сущности, переносите индивидуалистическое пониманіе въ сферу фоллективной жизни?

А. Да, пожалуй, что и такъ... хотя это очень странно... впрочемъ, дѣйствительно, это такъ выходитъ . и это едва ли правильно...

В. Въ началѣ нашего разговора отыскивая кому принадлежатъ орудія-истины. и матеріалъ-дѣйствительность, вы вспомнили прежде всего про общество, какъ экономическій субъектъ производства. Принимали вы въ *этомъ* субъектѣ что-нибудь подобное личному сознанію?

А. Нѣтъ, тутъ у меня этой мысли не было. Безличность экономическаго цѣлаго слишкомъ очевидна ..

В. Что же вы имѣли въ виду, обозначая его, какъ «субъектъ» производства?

А. Активность... по отношенію къ природѣ... и извѣстную степень единства... т. е. нѣкоторую организованность.

В. Да, только это и можно принимать въ такихъ формулахъ—

не болѣе: организованную активность,—при чемъ степень организованности можетъ быть самой различной; и съ точки зрѣнія личнаго сознанія, съ его довольно высокой организаціей, это можетъ быть настоящей стихійностью

А. Таково и современное общество въ его цѣломъ. Общество временъ Коперника, пожалуй, еще болѣе. Значитъ, личность, когда она осуществляетъ дѣло его прогресса, не есть все же «орудіе» общества въ болѣе точномъ смыслѣ слова .

В. Да, геній или простой работникъ,—безразлично,—въ своемъ творчествѣ, познавательномъ и практическомъ, отдѣльный человѣкъ всегда—*точка приложенія соціальныхъ* силъ, не болѣе, но и не менѣе этого.

А. Почему—и не менѣе? Для гордости индивидуума это положеніе, кажется, не особенно лестное ..

В Развѣ? А вамъ не кажется гораздо менѣе почетнымъ—считать себя оторваннымъ, замкнутымъ въ себѣ кусочкомъ природы, —чѣмъ чувствовать себя клѣткой великаго организма, пережившаго тысячелѣтія въ борьбѣ, и побѣждающаго могучія стихіи? .

А. БОГДАНОВЪ.

ФИЛОСОФІЯ СОВРЕМЕННАГО ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЯ.

I.

Лѣтъ 20—30 тому назадъ обычной философіей прогрессивно мыслящаго естествоиспытателя былъ—матеріализмъ Правда, самое имя этой доктрины далеко не вездѣ пользовалось такою популярностью, какъ ея сущность, и, напр, въ лицемѣрной ученой Англіи даже самые крупные мыслители этого направленія прикрывались фирмами «эволюціонизма», «агностицизма», и т под.,—вплоть до «деизма»,—но, разумѣется, дѣло отъ этого не мѣнялось, философскимъ типомъ передового естествоиспытателя оставался матеріалистъ.

Теперь это не такъ. Въ широкомъ философскомъ движеніи, охватившемъ круги натуралистовъ за послѣднее время, центральную боевую позицію занимаютъ не сторонники матеріализма, —они и сами смотрятъ на себя скорѣе, какъ на хранителей традиціи стараго естествознанія; ихъ мѣсто заняли эмпиріокритики, энергетики и близкіе къ нимъ оттѣнки.. Это—фактъ, который врядъ ли кто-нибудь рѣшится отрицать. Вліяніе новыхъ школъ огромно, и притомъ все болѣе возрастаетъ. Оно распространяется далеко за предѣлы спеціальной области, въ которой возникло, и подобно старому матеріализму въ эпоху его расцвѣта явно стремится стать общимъ міровоззрѣніемъ «образованныхъ людей». Явленіе это слишкомъ крупно, чтобы его можно было считать случайнымъ. Очевидно, что-то измѣнилось въ условіяхъ, опредѣляющихъ собою общую идеологію представителей точной науки, и близкихъ къ нимъ группъ современнаго общества

Что же именно измѣнилось?

II.

Когда произносится слово «естествоиспытатель», то въ нашемъ сознаніи возникаетъ извѣстный рядъ традиціонныхъ образовъ.

Намъ представляется химикъ, склонившійся надъ ретортой,—ботаникъ, блуждающій по широкимъ степямъ и срывающій время отъ времени рѣдкія растенія,—астрономъ, проводящій безсонную ночь за телескопомъ,—физіологъ, рѣжущій на столѣ своего кабинета несчастную морскую свинку,—геологъ, постукивающій молоткомъ по горнымъ породамъ, и т. под. Все время передъ нами выступаетъ при этомъ фигура *одного* человѣка, самостоятельно и независимо отъ другихъ людей выполняющаго нѣкое священнодѣйствіе, изъ котораго получается въ результатѣ научное открытіе—подарокъ изслѣдователя человѣчеству Это традиціонное представленіе,—какъ и многія ему подобныя уже давно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности

Естествоиспытатель-кустарь, ведущій свою работу индивидуальными силами и на маленькія частныя средства, правда, еще существуетъ, но это—вымирающій типъ; и не въ немъ сила современнаго естествознанія Въ этой области труда, какъ и въ другихъ, личность смѣняется организаціей, мелкій производитель—крупнымъ предпріятіемъ Не только будущее, но въ наибольшей части уже и настоящее принадлежитъ научной фабрикѣ.

Современныя лабораторіи, обсерваторіи, разнообразные научно-техническіе институты, это, въ самомъ дѣлѣ, ни что иное, какъ *фабрики естествознанія*. Немногіе изъ частныхъ лицъ обладаютъ достаточными капиталами, чтобы организовать ихъ; обыкновенно это беретъ на себя государство или могущественныя ученыя общества Примѣненіе дорогихъ и сложныхъ машинъ, въ томъ числѣ нерѣдко сильныхъ механическихъ двигателей, паровыхъ, газовыхъ или электро-моторныхъ, обширный персоналъ служащихъ. отъ директоровъ и старшихъ ассистентовъ до слесарей, кочегаровъ и, наконецъ, чернорабочихъ, высоко-развитое раздѣленіе труда между ними при строгой дисциплинѣ, таковы основныя черты этихъ «научныхъ предпріятій» нынѣшней фазы капитализма. По строенію, тутъ, очевидно, полнѣйшее сходство съ научно-организованными промышленно капиталистическими предпріятіями. И это даже не только сходство, а нѣчто большее.

Въ крупнѣйшихъ промышленныхъ предпріятіяхъ нашего времени очень часто имѣются такія же лабораторіи, въ которыхъ такіе же ученые спеціалисты заняты физическими, химическими и т. под. научными изслѣдованіями въ цѣляхъ усовершенствованія техники даннаго производства. «Научная фабрика» въ этомъ слу-

чаѣ оказывается просто отдѣленіемъ фабрики промышленной, и, будучи подчинена ей, какъ часть цѣлому, ничѣмъ существенно не обособляется отъ остальныхъ частей по своей организаціи. Въ менѣе крупныхъ предпріятіяхъ, напр., красильнаго производства, эта часть даже формально не бываетъ вполнѣ выдѣлена,—одни и тѣ же химики и колористы руководятъ текущей работой по изготовленію товара для рынка и въ то же время постановкой опытовъ и изслѣдованій для составленія новыхъ красокъ, улучшенія методовъ окраски, примѣненія новыхъ усовершенствованій Ни по своей подготовкѣ, ни по общему характеру своихъ занятій, ученый инженеръ хорошо поставленной промышленной фабрики не отличается сколько-нибудь значительно отъ инженера научной фабрики, который подъ именемъ директора, профессора, ассистента ведетъ работы въ университетской лабораторіи или иномъ спеціальномъ институтѣ Это—*одна и та же общественная группа*.

Изслѣдуя міровоззрѣніе передовыхъ естествоиспытателей нашего времени, мы ни въ какомъ случаѣ не должны мысленно отрывать ихъ отъ этой общественной группы, къ которой они принадлежатъ Среди этой группы они, по самому своему положенію профессіональныхъ ученыхъ, являются «идеологами» по преимуществу; и вполнѣ понятно, что именно они могли и должны были стать *выразителями* новаго философскаго теченія. Но если бы оно не находило себѣ опоры въ жизненномъ опытѣ обширной, идейно-вліятельной группы общества, въ немъ не было бы условій ни для того значительнаго распространенія, ни для того быстраго развитія, какое наблюдается на дѣлѣ. Тогда это теченіе ограничивалось бы узкимъ, замкнутымъ кругомъ людей извѣстной спеціальности и особаго умонастроенія, и намъ не было бы даже большой надобности имъ заниматься.

III.

Итакъ, разсмотримъ основныя условія жизни и труда той общественной группы, которую можно обозначить, какъ *интеллигентно-техническій персоналъ* современнаго крупнаго производства, включая сюда, какъ было указано, и промышленныя, и научныя предпріятія.

Непосредственнымъ дѣятелемъ машиннаго капита-

листическаго производства выступаетъ наемный рабочій—пролетарій. Его рабочей силою осуществляется этотъ техническій процессъ, но пока еще только въ смыслѣ исполнительской роли. Роль организаторская, руководящая, принадлежитъ именно интеллигентскому персоналу—инженерамъ, техникамъ и т. д.; рабочіе подчинены имъ, дѣйствуютъ по ихъ указаніямъ.

Отсюда вытекаетъ цѣлый рядъ важныхъ особенностей общественно-трудовой функціи интеллигентно-техническаго персонала. Во-первыхъ, существенное значеніе этой группы для всего производства—ея трудъ является соціально-необходимымъ. Болѣе того, онъ технически-прогрессивенъ, изъ него исходитъ въ наибольшей части сознательное и планомѣрное улучшеніе техники. И въ то же время къ самой внѣшней природѣ, къ ея силамъ и элементамъ, на которые направленъ процессъ производства, трудъ этотъ имѣетъ по преимуществу лишь косвенное отношеніе,—не ученый техникъ, а рабочій физическаго труда имѣетъ дѣло съ непосредственнымъ «сопротивленіемъ матеріи». Отсюда окраска большей «духовности», свойственная технической «интеллигенціи»

Впрочемъ, не надо преувеличивать степень этого различія. Даже самый высокопоставленный инженеръ отнюдь не отдѣленъ отъ производства въ такой мѣрѣ, какъ, положимъ, капиталистъ-предприниматель. Инженеръ есть все-же техникъ; и онъ не только имѣетъ техническій процессъ труда постоянно передъ своими глазами, но нерѣдко принужденъ вмѣшиваться въ него непосредственно, подобно рабочему; физическіе пріемы труда, входящіе въ данный процессъ, во всякомъ случаѣ, должны быть знакомы интеллигентному руководителю, они обязательно входятъ въ его подготовку. А во многихъ случаяхъ, какъ, напр., при точномъ химическомъ анализѣ, самые тонкіе изъ этихъ пріемовъ обыкновенно и выполняются самими учеными спеціалистами

IV.

Въ общемъ и въ цѣломъ, техника трудовой дѣятельности данной общественной группы можетъ быть характеризована, какъ научная, по преимуществу; и это относится не только къ области научныхъ предпріятій, но, въ равной мѣрѣ, и къ области про-

мышленныхъ Основной «капиталъ» на который въ своей работѣ опирается интеллигентный техникъ, это его научныя познанія,—какъ въ той спеціальной «технической» наукѣ, которую ему непосредственно приходится примѣнять, такъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ техническихъ, естественныхъ, математическихъ наукъ, безъ которыхъ онъ не можетъ овладѣть своимъ дѣломъ полностью и въ совершенствѣ Чтобы быть постоянно на высотѣ требованій производства, а тѣмъ болѣе, чтобы выдвинуться на своей службѣ, отнюдь недостаточно усердной работы въ мастерской или лаборатоpiи, —необходимо внимательно слѣдить за развитіемъ наукъ въ своей спеціальной области и въ областяхъ, съ ней соприкасающихся. Научная извѣстность—драгоцѣнная рекомендація для инженера.

Если анализировать самую затрату трудовой энергіи въ процессѣ работы интеллигентнаго техника, то окажется, что собственно «физическій» трудъ составляетъ наименьшую часть этой затраты, внѣшне-распорядительная функція — болѣе значительную; но самая большая доля энергіи затрачивается въ научно-мыслительныхъ операціяхъ, — точныхъ соображеніяхъ, разсчетахъ, исчисленіяхъ, составленіяхъ плановъ и схемъ и т. под.

Огромную роль въ этой научной техникѣ играетъ ея специфическая т о ч н о с т ь; строгія измѣренія и вычисленія представляютъ для нея въ массѣ случаевъ существенное, можно сказать, основное значеніе. И опять-таки, это относится отнюдь не только къ спеціалистамъ научныхъ предпріятій,—хотя къ нимъ, разумѣется, въ наиболѣе высокой степени; при современныхъ механическихъ и химическихъ методахъ производства, это вполнѣ характерно и для ученыхъ техниковъ промышленныхъ предпріятій. Часто, малѣйшая неточность въ измѣреніяхъ и разсчетахъ, малѣйшая ошибка въ вычисленіяхъ можетъ имѣть роковыя послѣдствія и для успѣха даннаго производственнаго процесса (какъ, напримѣръ, ничтожная неправильность въ промѣрахъ, при изысканіи относительно желѣзно-дорожнаго пути, иногда обходится въ милліоны, при самой постройкѣ дороги), и нерѣдко даже для здоровья и жизни работниковъ.

Эти особенности трудовой техники имѣютъ, какъ увидимъ въ дальнѣйшемъ, очень глубокое, во многомъ рѣшающее вліяніе на міровоззрѣніе идеологовъ данной группы.

V.

Интеллигентно-технический персоналъ выполняетъ организаторскую роль въ производствѣ; наемные рабочіе подчиняются ему, и въ его собственной средѣ существуетъ извѣстная іерархія. Но въ то же время это—наемные служащіе, подобно рабочимъ: надъ ними стоитъ капиталъ въ лицѣ ли частныхъ предпринимателей, или въ лицѣ современнаго государства,—обще-буржуазной политической организаціи, въ той или иной формѣ, капиталъ платитъ имъ жалованье и, слѣдовательно, распоряжается ими. Передъ нами общественная группа промежуточнаго характера.

Всякая промежуточная группа классового общества практически тяготѣетъ къ одной изъ крайнихъ, и данная группа тяготѣетъ именно къ буржуазіи. Съ буржуазіей связываетъ ее очень многое. Прежде всего, — происхожденіе. Высшее техническое и научное образованіе, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, достается на долю дѣтей буржуазіи,—только въ исключительныхъ случаяхъ его удается достигнуть пролетарскимъ дѣтямъ. Затѣмъ,—образъ жизни. Жалованье инженеровъ, профессоровъ, состоящихъ на службѣ врачей и т. под. служащихъ имѣетъ очень мало общаго съ обычной заработной платой рабочихъ. Скорѣе оно соотвѣтствуетъ мелкому или даже среднему буржуазному доходу; имъ обезпечивается возможность жить «прилично положенію въ обществѣ», положенію, въ данномъ случаѣ, достаточно высокому и уважаемому.

Хотя зависимость отъ предпринимателя,—частнаго лица или государства—и имѣется всегда на-лицо, но гораздо болѣе замѣтную роль въ обыденной жизни инженера или ученаго спеціалиста играетъ его власть надъ окружающими его въ работѣ младшими служащими и рабочими. Сознательно или безсознательно, онъ привыкаетъ причислять себя къ господствующимъ классамъ, и только время отъ времени жизненная практика напоминаетъ ему о подчиненности его положенія, заставляя его обратить глаза внизъ и почувствовать нѣкоторую общность экономическихъ условій съ тѣми, кто стоитъ ниже его на соціальной лѣстницѣ.

Въ общемъ же и въ цѣломъ, данная общественная группа составляетъ часть буржуазной интеллигенціи.

VI.

Философія того или иного класса той или иной группы общества, есть ихъ высшая идеологія, въ наиболѣе общей формѣ выражающая ихъ трудовой и соціально-экономическій опытъ.

Какова же, съ этой точки зрѣнія, можетъ и должна оказаться философія интеллигентно-техническаго персонала?

Прежде всего, совершенно очевидно, что она основывается на естествознаніи, по преимуществу, — что она является *естественно-научной*. Въ самомъ дѣлѣ, естественныя науки представляютъ изъ себя систематизацію технически-трудового опыта людей, идеологію «производительныхъ силъ» общества; и группа, руководящая техникой производства, всецѣло опирается на выводы и данныя этихъ наукъ въ своей трудовой дѣятельности.

Отсюда вытекаютъ двѣ дальнѣйшія особенности, опредѣляемыя всѣмъ характеромъ современной техники и современнаго естествознанія: *позитивная* и *эволюціонная* точка зрѣнія.

Сущность позитивизма, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, заключается въ стремленіи къ точнымъ знаніямъ, въ принципіальной враждебности фетишизму, мистицизму, слѣпой вѣрѣ.

Что стремленіе къ точнымъ знаніямъ воспитывается всей техникой машиннаго производства и составляетъ душу нынѣшняго естествознанія, этого нѣтъ надобности пояснять и доказывать. Но фактически, какъ извѣстно, даже высокое научное развитіе можетъ соединяться въ отдѣльныхъ личностяхъ съ элементами слѣпой вѣры и наклонностью къ мистикѣ; Круксъ, Буллеровъ, Цёлльнеръ, Уоллэсъ—великіе ученые, и въ то же время спириты—яркій тому примѣръ, и аналогичныхъ случаевъ можно было бы привести много. Вопросъ заключается въ томъ, насколько подобныя комбинаціи нормальны или исключительны для изучаемой нами общественной группы.

Вопросъ рѣшается легко, если припомнить *происхожденіе* фетишизма и мистики. Ихъ общественная основа—*власть природы* надъ человѣкомъ, слабость человѣка передъ стихіями. А машинное производство и нынѣшнее естествознаніе воплощаютъ въ себѣ нѣчто прямо противоположное: гигантскія побѣды человѣка надъ стихіями, возрастающую *власть его надъ природою*. Изъ этого источника, очевидно, не могутъ рождаться мистическія настроенія, но только—духъ изслѣдованія, критики, реализма. Кажущіяся исключенія возникаютъ, *несмо-*

тря на эту тенденцію. вопреки ей; они говорятъ только о силѣ вѣковыхъ традицій, о живучести прошлаго въ человѣческой душѣ, объ упорной его борьбѣ противъ широкаго и цѣлостнаго развитія человѣческой мысли И, разумѣется, не это типично для міровоззрѣнія тѣхъ общественныхъ группъ, трудовой опытъ которыхъ протекаетъ въ сферѣ научно организованной техники.

Стремительный прогрессъ этой техники, непрерывное измѣненіе орудій и пріемовъ, постоянное отбрасываніе устарѣлыхъ ея формъ и элементовъ ради новыхъ, болѣе совершенныхъ, планомѣрное исканіе новыхъ формъ и элементовъ, все это неизбѣжно воспитываетъ мышленіе людей, въ духѣ эволюціонной тенденціи, принципа развитія. Гдѣ трудовой опытъ людей весь—движеніе, тамъ нѣтъ мѣста идеѣ неподвижнаго. И философія, исходящая изъ такого опыта, не можетъ не быть строго эволюціонной.

Эти черты—позитивизма и эволюціонности—мы находимъ, прежде всего, во взглядахъ школы, которую я буду разсматривать здѣсь спеціально, какъ наиболѣе типичную представительницу философіи современныхъ естествоиспытателей,—школы Маха и близкихъ къ нему эмпиріокритиковъ.

VII.

И позитивная, и эволюціонная тенденція свойственны не одному, а многимъ различнымъ міровоззрѣніямъ. Чтобы выяснить и оцѣнить, какимъ способомъ проводитъ эти тенденціи школа, занимающая насъ въ данный моментъ, намъ слѣдуетъ сопоставить ее съ другими исторически ей родственными школами. Въ этой исторической связи ближе всего къ ней стоитъ матеріализмъ, именно тотъ матеріализмъ, который раньше былъ также типичнымъ міровоззрѣніемъ передовыхъ естествоиспытателей.

Первый и основной пунктъ различія, который обнаруживается при этомъ сопоставленіи, заключается въ слѣдующемъ. Матеріализмъ исходитъ всецѣло изъ понятій «матеріи» и «духа»; ихъ противоположность онъ стремится разрѣшить въ единство, и достигаетъ этого такимъ путемъ, что «матерію» принимаетъ за первичное бытіе, «духъ»—за вторичное, производное.

Позитивизмъ Маха и эмпиріокритиковъ начинаетъ съ того, что отбрасываетъ самую эту антитезу, а съ нею, конечно, и возникающую изъ нея задачу объ основномъ соотношеніи «матеріи» и

«духа». Весь міръ опыта, и съ его «матеріальными», и съ его «духовными» явленіями. Махъ и эмпиріокритики анализируютъ такимъ образомъ, что находятъ всюду только различныя комбинаціи или «комплексы» одного и того же первичнаго матеріала,—«элементовъ». Эти элементы, многообразные, качественно различные,—«цвѣтовые», «тональные» (звуковые), пространственные «тактильные» (осязательные), и т. д.—образуютъ дѣйствительное содержаніе всякой реальности; изъ нихъ слагаются — или, вѣрнѣе, на нихъ, безъ остатка разлагаются и «тѣла», т. е. физическіе процессы, и «образы», «представленія», «мысли», т. е. психическіе факты; человѣческое «я» есть одно изъ сравнительно, наиболѣе сложныхъ и устойчивыхъ сочетаній въ ряду прочихъ. Различіе «тѣлъ» и «представленій» или «воспріятій» заключается не въ матеріалѣ, т. е. элементахъ, которые могутъ быть въ томъ и другомъ случаѣ совершенно одинаковы, а въ характерѣ с в ѣ з и элементовъ. Если анализировать комплексъ — «физическое тѣло», напримѣръ, листъ бумаги, то въ результатѣ онъ окажется сочетаніемъ элементовъ пространственныхъ, элементовъ цвѣта—бѣлаго, элементовъ тактильныхъ.—твердости, мягкости, температуры,— и т. д. Но и психическій образъ—в о с п р і я т і е этого же листа бумаги—разлагается на вполнѣ аналогичные элементы, пространственные, цвѣтовые, тактильные, и т. д. Только соотношенія опыта здѣсь и тамъ неодинаковы: «физическое тѣло» дано въ опытѣ среди другихъ тѣлъ, въ о б ъ е к т и в н о - з а к о н о м ѣ р н о й с в я з и э л е м е н т о в ъ, а «воспріятіе» тѣла дано среди другихъ «воспріятій» или «представленій», «чувствованій» и т. д.—въ с у б ъ е к т и в н о й с в я з и э л е м е н т о в ъ. Связь объективная характеризуется эмпиріокритиками, какъ «независимая, связь субъективная, какъ зависимость отъ индивидуальнаго организма, именно, отъ его нервной системы, съ ея органами чувствъ. Достаточно человѣку закрыть глаза или отвернуться, чтобы исчезло в о с п р і я т і е обширнаго развертывающагося передъ нимъ ландшафта; но тѣла, его образующія.—горы, лѣса, озера—продолжаютъ существовать н е з а в и с и м о отъ этой перемѣны. Достаточно разрушить нервную систему человѣка, чтобы распался и исчезъ весь его психическій міръ, вся свойственная его психическому опыту связь элементовъ, но міръ физическій остается въ его непрерывности и единствѣ. Бытіе, съ точки зрѣнія данной школы, не «матеріально» и не «духовно»; оно есть вообще

опытъ, міръ элементовъ въ ихъ различной связи и соотношеніяхъ.

Задача всякаго познанія для Маха и эмпиріокритиковъ, состоитъ въ томъ, чтобы констатировать эту связь и соотношенія, и такимъ путемъ ориентироваться въ мірѣ опыта Ориентировка эта необходима для практическихъ цѣлей, для борьбы за существованіе. Она тѣмъ болѣе совершенна, чѣмъ болѣе проста и точна, чѣмъ болѣе «экономно» удается человѣческому мышленію устанавливать и систематизировать взаимныя зависимости данныхъ опыта Отсюда вытекаетъ для науки и философіи требованіе ограничиваться «чистымъ описаніемъ» фактовъ и ихъ связи, только въ обобщеніи и точной формѣ, по возможности, въ видѣ математическихъ формулъ. Научныя и философскія «объясненія» фактовъ опыта цѣнны постольку, поскольку они заключаютъ въ себѣ именно такое обобщенное описаніе Самое же стремленіе «объяснять» одни факты черезъ другіе, слѣдствія черезъ причины, явленія черезъ «законы природы», разсматривается, какъ ошибочное въ корнѣ: всякій фактъ и всякая связь вполнѣ ясны и, значитъ, одинаково ясны, когда они хорошо констатированы и описаны; и тогда нѣтъ надобности одно «объяснять» черезъ другое Законъ причинности—общій принципъ всякаго объясненія — признается «фетишистическимъ» сущность его, по мнѣнію всей школы, сводится къ пониманію всевозможныхъ явленій по аналогіи съ той связью, которая существуетъ между волею человѣка и его дѣйствіемъ. «причина» играетъ роль первой «слѣдствіе»—роль второго; познаніе же ничего не выигрываетъ и даже много проигрываетъ, пользуясь этой поверхностной, непрямильной аналогіей

Тутъ выступаетъ второе коренное отличіе идей Маха и эмпиріокритиковъ отъ матеріализма старыхъ естествоиспытателей Для матеріалистовъ законы природы, и специально самый общій изъ нихъ—законъ причинности— лежитъ въ самой природѣ вещей, и человѣческое познаніе можетъ только раскрывать ихъ болѣе или менѣе полно и совершенно А для новѣйшей школы философіи естествознанія все это—исключительно лишь человѣческіе методы ориентироки въ потокѣ опыта, методы, измѣняющіеся сообразно съ практическими потребностями, которымъ служитъ познаніе

Таковы два, дѣйствительно, основныхъ и центральныхъ пункта разногласія между старой и новой философіей передовыхъ

естествоиспытателей отношеніе къ антитезѣ «матеріи и духа», съ одной стороны, къ «законамъ природы» и идеѣ причинности.—другой Въ остальномъ, между обѣими школами имѣется масса общаго и родственнаго, что и неизбѣжно, въ силу ихъ коренной связи съ одной и той же научной областью —съ естествознаніемъ его методами и тенденціями Недаромъ, такой знатокъ философіи, какъ Вундтъ могъ считать мировоззрѣніе Авенаріуса разновидностью матеріализма. Съ этой характеристикой, однако врядъ ли возможно согласиться въ ней есть чрезмѣрное упрощеніе дѣла, и немалый произволъ Съ неменьшими основаніями другіе критики и многіе сторонники эмпиріокритицизма ведутъ его происхожденіе отъ иной системы философскихъ идей—отъ «скептицизма» Давида Юма

Съ Юмомъ Махъ и эмпиріокритики сближаются какъ разъ по той линіи, по которой отдаляются отъ матеріалистовъ Въ виду этого, для цѣлей нашей критики будетъ полезно установить, въ основныхъ чертахъ, какъ ихъ отношеніе къ Юму.

VIII.

Различіе между Юмомъ и эмпиріокритиками въ анализѣ опыта можетъ, на первый взглядъ, показаться только внѣшнимъ, различіемъ скорѣе въ терминологіи, чѣмъ въ понятіяхъ. Предѣломъ этого анализа, всеобщимъ матеріаломъ опыта для Юма являются элементарныя «ощущенія», для новѣйшей школы—«элементы», которые только въ *субъективной связи* представляютъ изъ себя «ощущенія». На дѣлѣ, за этими терминами скрываются двѣ историческія формаціи человѣческаго мышленія, двѣ фазы въ основномъ пониманіи опыта.

«Ощущеніе»—психологическое понятіе. Сводить весь опытъ къ «ощущеніямъ», значитъ—признавать весь опытъ психическимъ, т. е. *индивидуальнымъ*. Это—чистый познавательный индивидуализмъ Связь ощущеній, т. е «субъективная» связь или, что то же, связь *ассоціативная* принимается за всеобщую. *Физическаго* опыта, съ его особой, объективной закономѣрностью, съ этой точки зрѣнія не существуетъ; онъ разлагается на психическій матеріалъ элементарныхъ ощущеній и оказывается въ полной зависимости отъ индивидуума, какъ часть его *лич-*

ныхъ, ему принадлежащихъ переживаній. То, что въ опытѣ обозначается, какъ «тѣла» или «вещи», это просто болѣе или менѣе прочныя, повторяющіяся ассоціаціи ощущеній, называемыхъ въ отдѣльности свойствами или признаками вещей. Данное, положимъ, дерево разсматривается, какъ привычная ассоціація ощущеній формы, ощущеній цвѣта, ощущеній твердости и т. д.; а такъ какъ всякое ощущеніе, какъ таковое, индивидуально, то предметъ опыта, дерево, превращается въ индивидуально-психическій образъ, привычный для человѣка.

Это пониманіе опыта характерно для всѣхъ индивидуалистическихъ школъ. Оно свойственно кантіанству, со всѣми его оттѣнками и развѣтвленіями; признаніе «вещей въ себѣ» за предѣлами опыта ничего не измѣняетъ въ субъективности и психичности вещей опыта. Съ кантіанцами въ этомъ пунктѣ вполнѣ сходится «критическій матеріализмъ», который, опираясь на индивидуалистовъ-матеріалистовъ XVIII вѣка, пропагандируетъ школа Плеханова. Ближе къ Юму изъ позднѣйшихъ направленій стоитъ позитивизмъ типа Лааса и имманентная философія. Вообще, можно считать, что индивидуалистическая концепція опыта еще недавно была всецѣло господствующей, да и теперь въ мірѣ спеціально-философскомъ она остается наиболѣе распространенной.

Именно въ этомъ отношеніи Махъ и эмпиріокритики сдѣлали большой шагъ впередъ. Они выступили противъ познавательнаго индивидуализма, противъ обычнаго взгляда на опытъ, какъ на частную собственность «субъекта», т. е. отдѣльной психики. Ихъ позиція всего яснѣе и опредѣленнѣе выражена Авенаріусомъ въ его «эмпиріокритическихъ аксіомахъ»

Съ чего начинается философія?—такимъ вопросомъ задается Авенаріусъ. И онъ отвѣчаетъ: раньше чѣмъ приниматься за выработку своего міропониманія, человѣкъ уже имѣетъ дѣло съ системой опыта, которая прямо дана ему. Онъ находитъ себя со своими стремленіями, чувствованіями, высказываніями и т. д. въ опредѣленной средѣ, и въ этой же средѣ, въ числѣ ея составныхъ частей, онъ находитъ «со-человѣковъ», съ различными ихъ «высказываніями»; эти высказыванія онъ понимаетъ, и именно такъ, что они относятся къ различнымъ частямъ той же среды, напр., служатъ ихъ обозначеніями. Такимъ образомъ, прямо въ опытѣ среда ему дана, какъ общая для него и для другихъ людей, а отнюдь не ему лично принадлежащая, отнюдь, зна-

читъ, не сводящаяся къ его «ощущеніямъ»; его отношеніе къ ней таково же, какъ отношеніе другихъ людей, выступающихъ въ системѣ опыта, его «высказыванія» принципіально равноцѣнны ихъ высказываніямъ. Если потомъ его понятіе о мірѣ принимаетъ иныя формы, такъ это значитъ, что онъ нѣчто прибавлялъ или убавлялъ въ этой первично данной ему системѣ опыта. Напр., чтобы получить идеалистическое понятіе о мірѣ, какъ «представленіи», надо было у всѣхъ частей «среды», или «физическаго опыта», мысленно отнять тѣ черты, которыя отличаютъ ее отъ опыта психическаго: чтобы получить понятіе наивно-матеріалистическое, надо было, наоборотъ, опыту психическому мысленно придать недостающія ему особенности опыта физическаго.

Въ виду своеобразнаго, немногимъ доступнаго языка Р. Авенаріуса, я принужденъ былъ изложить его мысль очень вольно въ смыслѣ формы; но я полагаю, что передалъ вполнѣ точно ея содержаніе. Эта мысль, очевидно, заключаетъ въ себѣ полное устраненіе основной индивидуалистической иллюзіи, которая опытъ приписываетъ «субъекту», какъ это дѣлаетъ кантіанство, или укладываетъ всецѣло въ рамки отдѣльной человѣческой психики, сводя его къ совокупности «ощущеній», какъ это дѣлаетъ Юмъ

Итакъ, элементы среды—не ощущенія. Но если сравнить ихъ съ элементарными ощущеніями—результатомъ анализа психическихъ процессовъ, то окажется, что «ощущенія» отличаются отъ «элементовъ среды» только характеромъ связи или зависимости. Элементъ, положимъ, краснаго цвѣта связанъ съ другими элементами въ комплексѣ «цвѣтокъ», принадлежащемъ къ составнымъ частямъ «среды», и элементарное ощущеніе краснаго цвѣта связано съ другими ощущеніями въ психическомъ комплексѣ «воспріятіе цвѣтка». Комплексъ «цвѣтокъ» существуетъ, и элементъ краснаго цвѣта остается въ его составѣ совершенно независимо отъ того, смотрю ли я на этотъ цвѣтокъ или нѣтъ, нормально ли различаю я цвѣта или нѣтъ; но если дѣло идетъ о моемъ «воспріятіи цвѣтка», то самое возникновеніе этого комплекса зависитъ отъ состоянія моей сѣтчатки, и даже отъ того, на что направлено мое вниманіе; а при извѣстныхъ нарушеніяхъ функцій моего зрительнаго аппарата ощущеніе «краснаго цвѣта» можетъ отсутствовать въ комплексѣ, или замѣняться инымъ цвѣтовымъ ощущеніемъ. Тамъ передъ нами была связь элементовъ не зависимая отъ индивидуума, его органовъ чувствъ, его перв-

ной системы. здѣсь связь зависимая отъ этихъ условій,— зависимая отъ «субъекта». Первая характеризуетъ физическій опытъ и можетъ быть названа «объективною», вторая свойственна психическому опыту, къ ней подходитъ обозначеніе «субъективной».

Признаніе психическаго опыта только частью системы опыта вообще, а «ощущеній»—только частною формой элементовъ опыта, представляетъ изъ себя основное, существенное отличіе идей новѣйшей школы отъ воззрѣній Юма

Второе отличіе вытекаетъ изъ перваго Если опытъ—основа всего познанія—насквозь субъективенъ, то неизбѣжны с к е п т и ч е с к і е выводы. Субъективна тогда и всякая находимая въ опытѣ закономѣрность «Законы природы» и спеціально всеобщій законъ причинности своятся цѣликомъ къ повторяющимся, а потому успѣвшимъ стать п р и в ы ч н ы м и ассоціаціямъ ощущеній; нѣтъ объективной закономѣрности,—существуетъ только ассоціативная связь, нѣтъ необходимыхъ соотношеній, а существуютъ только привычныя Что за предѣлами опыта, о томъ мы ничего не знаемъ; а что въ его предѣлахъ, то, очевидно, не представляетъ никакихъ гарантій дѣйствительной надежности и устойчивости, никакихъ гарантій и с т и н н о с т и познанія. То, что мы называемъ знаніемъ, составляетъ, собственно, рядъ предположеній, основанныхъ на привычкѣ Въ нашихъ воспріятіяхъ много разъ за явленіемъ А слѣдовало явленіе В: мы называемъ А причиной. В слѣдствіемъ, и встрѣчая А, каждый разъ ожидаемъ, что за нимъ опять послѣдуетъ В. До нѣкотораго предѣла ожиданія наши оправдываются, но самый этотъ предѣлъ неизвѣстенъ заранѣе. Когда мы натолкнемся на нарушеніе привычной послѣдовательности А и В, тогда ищемъ иной причинной связи, т. е. иной ассоціативной послѣдовательности, которая опять-таки будетъ ничуть не болѣе необходимой, чѣмъ первая. Такъ субъективизмъ ведетъ къ скептицизму познанія.

Иную позицію занимаютъ эмпиріокритики Для нихъ индивидуаленъ и, значитъ, субъективенъ только психическій опытъ—міръ «ощущеній». Опытъ физическій независимъ отъ и н д и в и д у у м а, и связь его не есть случайно-привычная, ассоціативная связь «ощущеній», но объективная связь элементовъ. Познаніе есть ріентировка человѣка въ потокѣ опыта, оно сводится къ установленію функціональныхъ зависимостей между комплексами элементовъ, для практическихъ, въ послѣднемъ счетѣ, цѣлей. и если эти зависи-

мости удастся устанавливать такъ, что практическія цѣли достигаются на ихъ основѣ, то оріентировка правильна, и познаніе истинно Въ борьбѣ человѣка за существованіе вырабатываются все болѣе надежные и точные, все болѣе практичные, все болѣе экономные способы этой оріентировки—въ этомъ заключается переходъ отъ «заблужденія» къ «истинѣ» или, что то же, прогрессъ «истиннаго» познанія Вся исторія человѣческаго развитія, практическаго и познавательнаго, не даетъ никакихъ основаній предвидѣть гдѣ-либо конецъ этому прогрессу, смѣну его обратнымъ движеніемъ. переходъ отъ болѣе совершенныхъ методовъ оріентировки въ мірѣ опыта къ менѣе совершеннымъ. побѣду «заблужденія» надъ «истиной». Современныя научныя теоріи развитія жизни даютъ опору для противоположнаго предвидѣнія. Это отнюдь не скептицизмъ, а скорѣе. наоборотъ, оптимизмъ познанія.

Сущность дѣла заключается въ томъ, что индивидуалистическое пониманіе опыта дѣлаетъ базисъ познанія слишкомъ узкимъ и ограниченнымъ.—этимъ базисомъ оказывается психическая жизнь индивидуума: естественно, что и самое познаніе представляется тогда шаткимъ и ненадежнымъ. Отказъ отъ этого индивидуализма приводитъ къ несравненно болѣе широкой концепціи опыта. при чемъ устраняется «скептическая» шаткость и ненадежность познанія.

Надо, однако, имѣть въ виду, что отказъ отъ основного индивидуализма отнюдь еще не означаетъ здѣсь перехода къ коллективистской концепціи опыта· ея мы не найдемъ у Маха и эмпріокритиковъ, или найдемъ только слабые намеки на нее. Роль коллектива въ выработкѣ и организаціи опыта лишь косвенно затрагивается этой школой, главнымъ образомъ, по поводу вліянія рѣчи на развитіе познавательныхъ функцій (у Маха). вліянія высказываній на первичное человѣческое понятіе о мірѣ (у Авенаріуса) и т под. Стремленіе въ самой дѣйствительности опыта найти воплощеніе коллективной человѣческой практики—задача, болѣе полувѣка тому назадъ поставленная философіи Марксомъ,—это стремленіе, въ общемъ, чуждо изучаемой школѣ. «Физическій», т. е. неиндивидуальный опытъ для нея—только безличная, «независимая» связь элементовъ между собою, а не коллективная его организація. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, школа занимаетъ еще промежуточное положеніе. Но объ этомъ придется спеціально говорить въ дальнѣйшемъ.

IX.

Теперь постараемся выяснить реальныя, т е внѣ познавательнаго процесса, въ области трудовой практики, лежащія основы тѣхъ коренныхъ различій, которыя мы нашли между эмпиріо-критическимъ міровоззрѣніемъ, съ одной стороны, матеріализмомъ и скептицизмомъ—съ другой.

Тутъ мы прежде всего встрѣчаемся съ антитезой «матеріи» и «духа», которая для матеріализма является исходной точкой и въ то же время—главной задачей, подлежащей его рѣшенію, но которая устраняется въ анализѣ опыта Махомъ и эмпиріокритиками, а раньше ихъ—Юмомъ.

Исторически, противоположеніе «матеріи» и «духа» ведетъ свое начало, несомнѣнно, отъ анимизма. Дуализмъ «тѣла» и «души» пережилъ, конечно, долгую эволюцію и много разъ мѣнялъ свои формы раньше, чѣмъ принялъ видъ философской категоріи; но, во всякомъ случаѣ, узнать его еще достаточно легко и въ этомъ воплощеніи.

Генезисъ первоначальнаго анимизма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развившихся изъ него дуалистическихъ міровоззрѣній, лежитъ въ опредѣленныхъ производственныхъ отношеніяхъ между людьми. Я нѣсколько разъ уже разсматривалъ этотъ вопросъ въ своихъ прежнихъ работахъ и добился признанія своихъ выводовъ со стороны нѣкоторыхъ критиковъ, а потому теперь ограничусь напоминаніемъ сути дѣла въ немногихъ словахъ.

Если присмотрѣться къ психологіи дикаря-анимиста, какой описываетъ ее исторія культуры, то не требуется особой проницательности, чтобы замѣтить, что въ его понятіяхъ отношеніе «души» и «тѣла» есть своеобразное отношеніе с о т р у д н и ч е с т в а. «Душа» у него, въ сущности, очень мало отличается отъ «тѣла» по своимъ естественнымъ свойствамъ, она представляетъ изъ себя почти простое удвоеніе «тѣла»,—но она у п р а в л я е т ъ «тѣломъ». Это—опредѣленная форма раздѣленія труда, которую можно назвать «авторитарною», а именно—отдѣленіе организаторскаго труда отъ исполнительскаго. Общественно-трудовое отношеніе заключающееся въ томъ, что одинъ человѣкъ руководитъ дѣйствіями другого, приказываетъ ему, и этотъ другой подчиняется, исполняетъ его указанія, здѣсь перенесено изъ организаціи производства на человѣческій индивидуумъ, а также и на другіе предметы.

Сопоставляя историческое развитіе дуализма «тѣла» и «души», затѣмъ «матеріи» и «духа», «природы» и «духа» и т. д. съ развитіемъ формъ сотрудничества, легко замѣтить, что дуализмъ этотъ возникаетъ, развивается, распространяется, приходитъ въ упадокъ приблизительно параллельно съ зарожденіемъ, развитіемъ, деградаціей того же авторитарнаго сотрудничества въ общественной системѣ. Самый характеръ дуализма измѣняется въ соотвѣтствіи съ измѣненіями этой трудовой формы; напр., дуализмъ становится болѣе рѣзкимъ и глубокимъ по мѣрѣ того, какъ въ авторитарной системѣ увеличивается разстояніе между высшими организаторами и низшими исполнителями. Словомъ, дуализмъ «матеріальнаго» и «духовнаго» есть идеологическое отраженіе и выраженіе авторитетнаго сотрудничества. Отсюда и тѣсная соотносительность обоихъ понятій—«матеріальное» въ философіи опредѣляется, въ концѣ концовъ, какъ антитеза «духовнаго», «духовное»—какъ антитеза «матеріальнаго»: это означаетъ, что организаторская функція реальна только въ соотношеніи съ исполнительской и обратно.

Таковъ общій смыслъ занимающей насъ антитезы. Но философская концепція «матеріи» въ своемъ развитіи пріобрѣла нѣкоторыя особенности, на которыхъ намъ слѣдуетъ остановиться, чтобы понять ея роль въ системѣ матеріализма.

X.

Философія есть высшая познавательная систематизація опыта. Поэтому ея предѣльныя понятія должны охватить всю систему опыта. Въ то же время, будучи систематизаціей, философія неизбѣжно стремится охватить все свое содержаніе въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ мышленія, въ однихъ и тѣхъ же предѣльныхъ понятіяхъ. Такимъ путемъ, антитеза матеріи» и «духа», сложившись въ тѣ эпохи, когда авторитарныя отношенія преобладали въ жизни общества, успѣла пріобрѣсти вполнѣ универсальный характеръ; и она продолжаетъ сохранять его, измѣняясь въ своемъ содержаніи съ измѣненіями въ трудовой жизни общества, до тѣхъ поръ, пока не будетъ въ основѣ подорвана и вытѣснена новыми формами мышленія.

Основное соотношеніе трудового опыта представляетъ борьба человѣка съ природой. Спрашивается, какимъ образомъ это соотношеніе могло уложиться въ рамки антитезы организаторскаго и

исполнительскаго начала, когда она стала универсальной формой мышленія?

Слово «борьба» не вполнѣ точно выражаетъ трудовую связь человѣка съ природою. Природа,—и врагъ его, и союзникъ, или, вѣрнѣе,—ни то, ни другое. Стихійнымъ ея силамъ человѣкъ противопоставляетъ не только свой нѣжный мозгъ и свои слабыя руки; онъ противопоставляетъ ея собственныя силы, которыми онъ *овладѣлъ*, надъ которыми онъ *господствуетъ*. Когда этого не было, человѣкъ былъ животнымъ среди животныхъ; онъ не былъ человѣкомъ, — существомъ, «дѣлающимъ орудія». «Орудія», или, общѣе, *средства производства*, это та часть природы, которую человѣкъ уже завоевалъ, надъ которою онъ имѣетъ власть, которую онъ *организовалъ*, сообразно своимъ интересамъ,—интересамъ дальнѣйшей борьбы. «Организовать» значитъ объединять, управлять, распоряжаться. Именно таково фактическое отношеніе человѣка къ природѣ, поскольку онъ пріобрѣлъ уже *власть* надъ нею («власть»,—выраженіе организаторской функціи). А поскольку этой власти еще нѣтъ, постольку она является *цѣлью* трудовой борьбы, постольку она находится im Werden, въ «становленіи»,—непрерывно осуществляется шагъ за шагомъ.

Словомъ, человѣкъ, *то общество*, въ трудовомъ процессѣ *организуетъ природу*. И если мышленіе держится въ рамкахъ авторитарной противоположности начала активно-организаторскаго и начала пассивно-исполнительскаго, то универсальное отношеніе человѣка и природы представляется ему, какъ отношеніе «духа» и «матеріи». Понятіе «матеріи» становится равнымъ понятію всей внѣшней для человѣка природы, всего «объекта», на который направлена познавательная и практическая дѣятельность людей. Отношеніе человѣка и природы выступаетъ въ формѣ категоріи «духа»—«матеріи», а затѣмъ, «субъекта—объекта». Такимъ путемъ идетъ философское развитіе авторитарнаго мышленія *).

*) Въ дальнѣйшемъ, какъ увидимъ, категорія „субъекта—объекта", форма авторитарная по происхожденію, наполняется, или вѣрнѣе, преобразуется индивидуалистическимъ содержаніемъ. Это—обычное явленіе въ исторіи человѣческой мысли новая историческая формація беретъ наслѣдство старой, но вкладываетъ въ него свою жизнь, *ассимилируетъ* его.

Теперь, какую роль играетъ этотъ принципъ въ матеріалистической философіи?

XI

Матеріализмъ не случайно былъ долгое время естественно-научнымъ міровоззрѣніемъ, философіей производительныхъ силъ общества, философіей техническаго прогресса по преимуществу. Самое возникновеніе матеріализма предполагаетъ уже довольно значительное развитіе власти человѣка надъ природою и довольно значительный упадокъ авторитарныхъ отношеній или, вѣрнѣе, развитіе новыхъ формъ, конкуррирующихъ съ ними.

Въ самомъ дѣлѣ, матеріализмъ исходитъ изъ антитезы «матеріи» и «духа», но онъ стремится изъ нея выйти. И онъ находитъ путь для выхода именно въ «матеріи», т. е. въ той сторонѣ антитезы, которая выражаетъ объектъ производственной дѣятельности.

Почему матеріалисты исходятъ изъ авторитарной концепціи? Очевидно, потому, что она дана имъ соціальной практикой,—строеніемъ общества, въ которомъ они живутъ. Это строеніе, въ достаточной еще мѣрѣ, является авторитарнымъ. Почему они ищутъ выхода изъ авторитарныхъ категорій? Очевидно, потому, что онѣ ихъ не удовлетворяютъ болѣе, какъ удовлетворяли ихъ предшественниковъ религіозныхъ и дуалистическихъ мыслителей. Стало быть, въ лицѣ матеріалистовъ, передъ нами идеологи новыхъ, не-авторитарныхъ общественныхъ отношеній. Почему путь для выхода они находятъ въ «матеріи», «объектѣ», «природѣ», т. е. въ томъ именно, съ чѣмъ имѣетъ дѣло процессъ производства? Очевидно, потому, что они—представители общественныхъ группъ или классовъ, близко стоящихъ къ производству, связанныхъ съ нимъ тѣсной связью,—группъ или классовъ, жизненный опытъ которыхъ протекаетъ, главнымъ образомъ, въ сферѣ производства.

Разсмотримъ всѣ эти положенія конкретнѣе.

Матеріализмъ новаго времени возникъ въ европейскихъ странахъ въ такую эпоху, когда феодализмъ, свѣтскій и духовный, фактически еще господствовалъ надъ обществомъ, и вся соціаль-

ная жизнь была полна авторитарныхъ формъ и отношеній. Едва ли въ меньшей степени была проникнута ими также общественная среда рабовладѣльческаго античнаго міра въ тѣ времена, когда тамъ зародился философскій матеріализмъ Но этотъ древній матеріализмъ не сталъ широкимъ и глубокимъ идеологическимъ теченіемъ, идейнымъ знаменемъ вліятельныхъ общественныхъ группъ, и потому имъ мы здѣсь не станемъ заниматься

Итакъ, матеріализмъ выступилъ на сцену въ авторитарной общественной атмосферѣ, и, понятно, что онъ начиналъ съ авторитарныхъ, по своему происхожденію, категорій. Но онъ не былъ авторитарнымъ теченіемъ, онъ былъ идеологіей народившихся буржуазныхъ классовъ, враждебныхъ феодальной организаціи общества, классовъ, становившихся сначала неувѣренно, а потомъ, все болѣе рѣшительно и опредѣленно подъ знамя индивидуализма.

Посмотрите, съ какими общественными группами связывалось развитіе и расцвѣтъ матеріализма.

Въ Англіи XVII вѣка, его носительницей явилась передовая буржуазная аристократія. Это та аристократія, которая въ сельскомъ хозяйствѣ Англіи проводила буржуазно-промышленную тенденцію, сгоняя съ земли крестьянъ, и разводя овецъ для производства шерсти на продажу,—которая была широко связана и съ тогдашней мануфактурной индустріей, и съ торговлей Англіи,—которая поощряла техническій прогрессъ, и сама многое для него сдѣлала. Какъ указываетъ Энгельсъ *), даже по своему происхожденію и составу, она не была настоящей, феодальной аристократіей, по настроенію же и практическимъ тенденціямъ, эти «буржуа-лэндлорды» имѣли еще меньше феодальной окраски. Изъ этой среды вышла лучшая часть буржуазной интеллигенціи того времени, идеологовъ народившагося буржуазнаго міра. Къ этой высшей интеллигенціи принадлежали англійскіе теоретики матеріализма и близкихъ къ нему направленій, которые были, большей частью, естествоиспытателями, и непосредственно работали для научно-техническаго прогресса

Во Франціи XVIII вѣка уже сама промышленная и торговая буржуазія дала большинство своихъ идеологовъ, въ томъ числѣ

*) Въ своемъ предисловіи къ англійскому изданію брошюры, переведенной на русскій подъ названіемъ „Развитіе научнаго соціализма“

мыслителей-матеріалистовъ. Въ тѣ времена развивавшійся капиталъ былъ самой прогрессивной силой, а предприниматель, — активнѣйшимъ, общественно-необходимымъ дѣятелемъ производства. Матеріалистъ, идеологъ класса, руководящаго техникой производства, понятно, долженъ былъ въ своей философіи опираться на естествознаніе, научную систематизацію технически-трудового опыта.

Въ Европѣ XIX вѣка, матеріализмъ былъ, какъ указано раньше міровоззрѣніемъ передовыхъ естествоиспытателей, вплоть до послѣдней четверти вѣка. Это уже не идеологи промышленно-предпринимательской буржуазіи,—она все болѣе отходитъ отъ производства, передавая свои прежнія трудовыя функціи наемнымъ служащимъ, и вслѣдствіе этого теряетъ интересъ къ техникѣ производства, къ естествознанію, къ матеріализму. Матеріалисты являются уже идеологами самой буржуазно-трудовой интеллигенціи, какъ особой, хотя и не вполнѣ самостоятельной общественной группы. Группа эта, чрезвычайно выросшая въ числѣ по мѣрѣ развитія и распространенія новѣйшаго капиталистическаго производства, слагается частью изъ наемныхъ служащихъ капитала и буржуазнаго государства, каковы инженеры, директора предпріятій, старшіе мастера, профессора, учителя, чиновники, частью изъ внѣшне-самостоятельныхъ элементовъ «свободныхъ профессій», каковы врачи, адвокаты и т. под. Матеріализмъ былъ философіей той части буржуазной интеллигенціи, которая была идейно наиболѣе передовой, и наиболѣе близко стояла къ промышленно-техническому процессу; въ роли ея философскихъ идеологовъ выступали, главнымъ образомъ, ученые естествоиспытатели и врачи.

Какъ видимъ, всюду, гдѣ матеріализмъ становился широкимъ и вліятельнымъ философскимъ теченіемъ, онъ былъ выраженіемъ идейной жизни технически-прогрессивныхъ буржуазныхъ классовъ*).

Каковы же тѣ производственныя отношенія, представителями которыхъ являются эти классы по преимуществу, отношенія, которыя выдѣляютъ ихъ изъ авторитарнаго міра и ему противопоставляютъ? Это именно тѣ, которыя находятъ свое экономическое выраженіе въ обмѣнѣ и конкурренціи: неорганизованное обществен-

*) О матеріализмѣ пролетарскомъ я здѣсь пока не говорю,—онъ съ самаго начала по своимъ тенденціямъ глубоко отличался отъ матеріализма буржуазнаго, и не имѣлъ такого какъ этотъ послѣдній, отношенія къ развитію эмпріокритизма.

ное раздѣленіе труда между формально самостоятельными производителями товаровъ. Это—анархическая форма сотрудничества, при которой нѣтъ общей, планомѣрной организаціи производства, и оно регулируется стихійными общественными силами—спроса и предложенія, конкурренціи Отдѣльный производитель, работая въ дѣйствительности для общества, какъ цѣлаго, внѣшнимъ образомъ обособленъ отъ остальныхъ членовъ общества борьбою интересовъ, въ которой онъ рѣзко имъ противополагается, какъ независимый индивидуальный дѣятель. Индивидуализмъ,—вотъ та черта буржуазнаго міра, которая ставитъ его въ противорѣчіе съ міромъ авторитарнымъ, облегающимъ его вначалѣ со всѣхъ сторонъ.

Индивидуализмъ проникаетъ собою буржуазно-матеріалистическую картину міра,—но различными путями, въ различныхъ фазахъ ея развитія.

Въ старомъ, «не-критическомъ», чистомъ и ясномъ матеріализмѣ, который сосредоточивалъ свое вниманіе на «вещахъ» опыта, не углубляясь въ вопросы о «субъектѣ» и его «ощущеніяхъ», индивидуализмъ, какъ типъ мышленія, выразился въ строгой а т о м и с т и к ѣ. Природа тамъ понимается раздробленно, какъ совокупность очень малыхъ, вполнѣ самостоятельныхъ элементовъ, которые находятся между собою лишь во внѣшнихъ отношеніяхъ—соприкосновенія, толчка, давленія и т. д. Комбинаціи этихъ матеріальныхъ элементовъ, атомовъ, образуютъ собою всѣ «вещи» опыта, всѣ явленія природы На вселенную перенесена схема индивидуалистическаго дробленія, выражающая буржуазный типъ строенія общества; греческое слово «атомъ» даже вполнѣ тожественно по значенію съ латинскимъ «индивидуумъ» *).

Въ позднѣйшемъ, «критическомъ» матеріализмѣ уже вѣетъ духъ «скепсиса», атомистика не играетъ той роли, понятіе «матеріи» теряетъ конкретно-физическій характеръ, становится несравненно болѣе «философскимъ», т. е. отвлеченнымъ. Матерія, оставаясь основной реальностью, уходитъ за предѣлы опыта, а самый опытъ понимается индивидуалистически. «Опытъ» оказывается совокупностью индивидуальныхъ «ощущеній». Они субъективны, разумѣется, а за ними стоитъ неопредѣленная «объектив-

*) Античный міръ создалъ свою атомистику, аналогичнымъ образомъ, уже въ такую эпоху, когда въ немъ развивались буржуазно-мѣновыя отношенія, а съ ними - индивидуалистическій типъ (въ средѣ свободныхъ людей, разумѣется)

ность», порождающей ихъ «матеріи». Впрочемъ, и за предѣлами опыта остается нѣкоторая, тоже неопредѣленная, атомистика матеріальныхъ «вещей въ себѣ». Здѣсь индивидуализмъ гораздо глубже овладѣваетъ міропониманіемъ: его разлагающая сила сказывается прежде всего въ томъ, что матеріализмъ изъ простой и прозрачной натуръ-философіи, которая беретъ опытъ, какъ живую реальность, —становится понемногу «гносеологіей», отдѣляющей опытъ отъ реальности и, значитъ, вынужденной отыскивать реальность внѣ опыта. При этомъ неизбѣжно возникновеніе и всякой «критической» схоластики, съ вопросами о томъ, «возможно ли познаніе», «какимъ образомъ оно возможно», и т. д. Французскій матеріализмъ XVIII вѣка, матеріализмъ «просвѣтителей», уже имѣетъ такую окраску; но несравненно сильнѣе развиваетъ ее реставрирующая въ наше время этотъ матеріализмъ, русская школа Плеханова.

Тутъ получается естественный переходъ къ Юму.

XII.

Если матеріалъ, не будучи авторитарной доктриной, имѣлъ, однако, исходной точкой категоріи авторитарнаго происхожденія, то это, какъ было указано, объясняется тѣмъ, что зарождался онъ среди общества, по меньшей мѣрѣ, еще на три четверти авторитарнаго. По существу же онъ былъ тогда индивидуалистической, буржуазной философіей, именно—ея революціонной формой.

Но для буржуазнаго индивидуализма вообще не существуетъ, конечно, никакой внутренней необходимости брать за основу категоріи чуждаго ему міра. Совершенно напротивъ: его внутренняя тенденція направлена къ освобожденію отъ нихъ, и потому, когда общественная среда, ея основное строеніе перестаетъ ему навязывать съ такой силой, какъ прежде, авторитарныя категоріи, онъ охотно ихъ отстраняетъ, и ищетъ болѣе подходящихъ для себя. Оттого, по мѣрѣ развитія буржуазныхъ отношеній идея «матеріи» блѣднѣетъ и тускнѣетъ въ этой философіи, сама «матерія», теряя свою живую конкретность, отодвигается куда-то за предѣлы опыта, обволакивается гносеологическимъ туманомъ, какъ это легко видѣть уже въ концѣ XVII вѣка, у «сенсуалиста» Локка, (его «смутно-познаваемыя» субстанціи соотвѣтствуютъ «матеріи» французскихъ матеріалистовъ).

Юмъ живетъ уже въ такой общественной средѣ, которая является гораздо болѣе буржуазной, чѣмъ авторитарной. Въ его міровоззрѣніи «матерія» и «духъ» совершенно потеряли значеніе основныхъ понятій. Онъ исходитъ всецѣло изъ опыта въ его субъективной, т. е. индивидуалистической концепціи: изъ міра «ощущеній». Тутъ индивидуализмъ буржуазнаго міровоззрѣнія уже сбросилъ старыя оболочки, и выступаетъ въ наиболѣе чистомъ видѣ.

При этомъ получается любопытный парадоксъ. Въ своемъ анализѣ опыта Юмъ разлагаетъ и «субъектъ», индивидуальное человѣческое «я», разсматривая его, какъ нѣкоторую совокупность ощущеній Такимъ образомъ, самый индивидуумъ, какъ будто расплывается и исчезаетъ, такъ что на первый взглядъ не можетъ быть и рѣчи объ «индивидуализмѣ» въ этой философіи Но это чистѣйшая иллюзія Индивидуумъ не представляетъ изъ себя сущности опыта, потому что буржуазный скептицизмъ вообще не признаетъ въ опытѣ «сущности»; но индивидуумъ остается единственной и всеобщей формой организаціи опыта. Весь опытъ психиченъ, т. е. индивидуаленъ; вся его связь есть ассоціативная или психическая, т. е. связь, образующая индивидуумъ

Скептицизмъ—родное дитя тѣхъ же условій буржуазной экономики, изъ которыхъ вытекаетъ индивидуализмъ. Въ анархической системѣ производства, среди жестокой борьбы интересовъ, въ хаосѣ конкурренціи, стихійныя силы общественнаго бытія господствуютъ надъ человѣкомъ. Безсильный передъ ними въ своей практикѣ, человѣкъ неспособенъ овладѣть ими и познавательно; игрушка экономическаго рока, воплощеннаго въ рынкѣ, онъ фетишистически понимаетъ свои отношенія къ обществу и другимъ людямъ. И поэтому, совершенно недоступно ему предвидѣніе перипетій собственной или чьей бы то ни было экономической судьбы Рынокъ полонъ неожиданностей; нѣтъ такого предпріятія, которое не могло бы погибнуть при неблагопріятной конъюнктурѣ; а откуда, и какимъ образомъ она приходитъ—никто не знаетъ; всѣ попытки обобщеній относительно этого ненадежны, то и дѣло опровергаются самой жизнью. И если познаніе буржуазіи все же даетъ извѣстныя обобщенія и выводы относительно экономическаго механизма въ цѣломъ, то съ ними неразлучна оговорка объ ихъ приблизительности, неточности, о возможности уклоненія отъ нихъ въ каждомъ данномъ, конкретномъ случаѣ. То, что всего важнѣе для буржуазнаго сознанія—судьба индивидуальнаго предпріятія—остается въ туманѣ. Если

предпріятіе живетъ долго, выполняетъ обязательства увеличивается въ размѣрахъ,—на него привыкаютъ смотрѣть, какъ на прочное, жизнеспособное: но это не гарантировано никакой объективной закономѣрностью, это только—привычная ассоціація представленій: никто не можетъ поручиться, что неожиданный порывъ экономическаго вихря не снесетъ данную фирму, щадя, можетъ быть, въ то же время другія, болѣе слабыя...

Коренная необезпеченность экономическаго индивидуума, присущая буржуазному міру въ его практикѣ, —вотъ источникъ скептицизма въ индивидуалистическомъ познаніи. Эта необезпеченность растетъ съ развитіемъ буржуазныхъ отношеній,—и параллельно съ этимъ усиливается оттѣнокъ скептицизма въ міровоззрѣніи наиболѣе передовыхъ и честныхъ мыслителей, выражающихъ общественное самосознаніе буржуазіи, какъ класса въ цѣломъ. Юмъ, въ сущности завершаетъ эту линію. Послѣ него происходитъ, съ одной стороны, идейное расчлененіе буржуазіи, соотвѣтствующее экономической ея дифференціаціи,—и уже нельзя найти міровоззрѣній общебуржуазныхъ, воплощающихъ идейныя тенденціи буржуазіи, какъ цѣлаго; съ другой стороны, развивается философская апологетика буржуазнаго міра, какъ послѣ Рикардо,—экономическая апологетика: многіе буржуазные философы, подобно вульгарнымъ экономистамъ, интересы теоретической мысли подчиняютъ практическимъ интересамъ буржуазіи, «чистый разумъ»—«практическому разуму», насаждая метафизику и мистику ради оправданія и упроченія буржуазнаго строя.

Юмъ не оставилъ послѣ себя школы въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и это было именно потому, что онъ былъ наиболѣе чистымъ и послѣдовательнымъ идеологомъ буржуазныхъ отношеній, представителемъ буржуазной мысли вообще, а не конкретныхъ буржуазныхъ интересовъ. Буржуазія недаромъ его не любила, и Кантъ недаромъ испугался его скептицизма, недаромъ направилъ всѣ усилія на борьбу съ нимъ: слишкомъ вѣрное зеркало подставилъ онъ буржуазному міру, слишкомъ точно отразилъ буржуазный опытъ, —и это оказалось невыгодно, неудобно, какъ впослѣдствіи неудобно и невыгодно для буржуазіи оказалось экономическое ученіе архибуржуазнаго Рикардо. Неорганизованность въ цѣломъ (отсутствіе объективной закономѣрности) и непрочная организованность въ частяхъ (привычныя ассоціаціи представленій, какъ единственная форма познанія),—необезпеченность и ненадежность повсюду,-

таковъ буржуазный міръ и буржуазный опытъ въ изображеніи Юма *).

XIII.

Теперь намъ нетрудно установить объективный, внутренній смыслъ сходствъ и различій между эмпиріокритиками и ихъ предшественниками.

Въ противоположность матеріалистамъ, новая школа отнюдь не дѣлаетъ своей исходною точкою концепцій матеріи и духа, а, напротивъ, подобно Юму, опирается всецѣло на анализъ опыта. Въ этомъ для насъ уже нѣтъ ничего удивительнаго: родилась эта школа въ обстановкѣ еще болѣе буржуазно-развитой, среди общества въ цѣломъ устроеннаго еще менѣе авторитарно, чѣмъ та общественная среда, въ которой возникло ученіе Юма, и будучи философской идеологіей такихъ прогрессивныхъ элементовъ буржуазнаго общества какъ «техническая интеллигенція», школа эмпиріокритиковъ, ничѣмъ не вынуждалась заимствовать свои основныя категоріи у послѣднихъ остатковъ феодальнаго міра. Ея принципомъ является «опытъ», т. е. вся совокупность практическихъ и познавательныхъ отношеній человѣка къ міру, тотъ «опытъ» человѣчества, который совпадаетъ съ его т р у д о м ъ, по выраженію Антоніо Лабріолы. И опять-таки понятно и естественно, что такова должна была оказаться исходная точка міровоззрѣнія общественной группы, въ данную эпоху дѣйствительно тѣсно связанной съ производственной и научной жизнью, группы, которая выполняетъ непосредственно-руководящую роль въ той и въ другой области.

Читатель, можетъ быть, возразитъ мнѣ: эта руководящая роль есть во всякомъ случаѣ роль о р г а н и з а т о р с к а я, т. е. по существу авторитарная. Не должна ли она, слѣдовательно, сама по себѣ порождать авторитарную тенденцію мышленія, съ ея дуализмомъ? Конечно, да. Я и не говорю, что эта тенденція чужда эмпиріокритикамъ. Нѣтъ, мы найдемъ ее и въ ихъ міровоззрѣніи,—но на другомъ мѣстѣ, а не въ видѣ о с н о в н о г о н а ч а л а. Ихъ фило-

*) Идеи „бога“ и „матеріи“ какъ извѣстно, не вполнѣ устранены въ философіи Юма,—но они не играютъ никакой роли въ ея существенной части, анализѣ опыта и закономѣрности. Поэтому и значеніе ихъ въ этой философіи опредѣлить гораздо труднѣе, да и нѣтъ въ этомъ такой необходимости.

софія, опираясь на ихъ трудовой опытъ, охватываетъ болѣе или менѣе полно всю дѣйствительность буржуазнаго міра и въ своихъ основахъ отражаетъ его основы. А его основы, т. е. его главная трудовая связь,—это не авторитарное подчиненіе, съ его простотой и прозрачностью свойственной феодальному міру. Нѣтъ, основная связь буржуазнаго общества,—это его неорганизованное раздѣленіе труда, то которое воплощается въ обмѣнѣ, частной собственности, анархіи производства.

Буржуазныя формы власти и подчиненія имѣютъ не первичный, а вторичный, производный характеръ. Онѣ основаны на частной собственности, одѣты въ оболочку купли-продажи рабочей силы, ограничены наемно-договорными условіями. Словомъ, онѣ осложнены или, вѣрнѣе, опредѣлены формами мѣновой организаціи, и также, конечно, и затемнены фетишизмомъ, свойственнымъ этой послѣдней; онѣ не обладаютъ характеромъ всеобщности, и соотвѣтственно этому, въ своемъ идеологическомъ отраженіи не образуютъ всеобщихъ и основныхъ категорій буржуазнаго мышленія, особенно въ его наиболѣе прогрессивныхъ проявленіяхъ *).

*) Путемъ подобнаго же анализа устраняется слѣдующее возможное недоразумѣніе въ вопросѣ о буржуазномъ матеріализмѣ. Это была идеологія буржуазіи, частью, какъ въ Англіи, крупной сельско-хозяйственной, частью, какъ во Франціи вѣкомъ позже, промышленной, частью, какъ въ прошломъ вѣкѣ въ Германіи, въ Россіи—буржуазной интеллигенціи,—группѣ играющихъ въ производствѣ роль руководящую, организаторскую. Почему же эта философія, отыскивая выходъ изъ авторитарнаго дуализма „матеріи“ и „духа“, находила его въ «матеріи», а не въ организаторскомъ началѣ—„духѣ“, что, повидимому, больше соотвѣтствовало бы собственному положенію „матеріалистичныхъ“ общественныхъ группъ въ системѣ производства?

Но дѣло въ томъ, что въ эпоху возникновенія этого матеріализма буржуазія, будучи организующей силой въ сферѣ своихъ предпріятій, отнюдь не была такой въ обществѣ какъ цѣломъ. Здѣсь „организующимъ началомъ“ были феодальныя силы, свѣтскія и духовныя; имъ еще принадлежало господство, съ ними вынуждена была бороться буржуазія во главѣ угнетенныхъ массъ, отъ которыхъ она тогда еще не отдѣлялась въ этой борьбѣ практически, и съ которыми поэтому смѣшивалась и сливалась идейно. „Духовное начало“ общественной жизни въ ея тогдашнемъ цѣломъ для буржуазіи прогрессивной было не только не близко, но враждебно, и въ ея философіи это должно было отразиться анти-спиритуалистической тенденціей, „матеріализмомъ“. Но выполняя организующую функцію частично и стремясь захватить ее въ цѣломъ, прогрессивная

Итакъ, въ своей основѣ, эмпиріокритицизмъ есть философія опыта. Анализъ и систематизація опыта,—такова вся совокупность задачъ, которыя онъ ставитъ познанію. Но «опытъ» эмпиріокритиковъ не то, что «опытъ» индивидуалистовъ-эмпириковъ, какъ Юмъ.

Для Юма опытъ былъ совокупностью ощущеній, воспріятій, представленій, вообще, психическихъ элементовъ или, что то же, элементовъ индивидуально-психической жизни. Для эмпиріокритиковъ это совершенно иначе: опытъ есть міръ «элементовъ», которые, вообще говоря, вовсе не представляютъ изъ себя только индивидуальныхъ переживаній. Наряду съ «психическимъ», т. е. индивидуальнымъ опытомъ, принимается опытъ «физическій», не-индивидуальный; элементы послѣдняго совершенно одинаковы съ «элементарными ощущеніями», но они—не «ощущенія», а элементы физическаго, независимаго ряда. «Ощущеніе» принадлежитъ «психикѣ»; оно предполагаетъ всегда опредѣленное лицо, съ его нервной системой и органами чувствъ, при посредствѣ которыхъ это ощущеніе воспринимается: оно всецѣло зависитъ отъ этихъ условій, и съ ними вмѣстѣ оно возникаетъ, или исчезаетъ. Но міръ не перестаетъ существовать, если эти условія устранены, т. е., напримѣръ, разрушился организмъ даннаго лица: міръ не перестаетъ существовать, даже если разрушатся всѣ организмы. Остается та «среда», въ которой они себя находили, пока не разрушились, остаются элементы въ иной, независимой связи, исчезаетъ только одна изъ формъ ихъ связи, форма субъективная. Для Юма она была единственной и всеобщей формой,—съ ея уничтоженіемъ долженъ былъ уничтожиться, какъ сонная греза, весь «чувственный міръ», міръ опыта. Для Маха и его послѣдователей, рядомъ съ этой формой, и даже отчасти надъ нею, стоитъ объективная связь элементовъ.

буржуазія, которая шла подъ знаменемъ „матеріи“, надѣляла эту „матерію“ свойствами активнаго, организаторскаго начала, переворачивая старую дуалистическую формулу анимизма: „матерія“ постепенно стала „субстанціей“, „вещью въ себѣ“, лежащей за предѣлами опыта и порождающей опытъ своей активностью, т. е. заняла мѣсто и присвоила функціи, принадлежавшія раньше „душамъ“ вещей. Надо, помимо всего этого, помнить, что „матеріализмъ“ былъ знаменемъ только прогрессивной буржуазіи. Умѣренная и реакціонная шли подъ знаменемъ „идеализма“.

Совершенно естественна и понятна такая концепція опыта если мы примемъ въ разсчетъ ея происхожденіе. При нынѣшней организаціи промышленныхъ и научныхъ предпріятій, представители интеллигентно-техническаго персонала работаютъ, какъ было указано, не въ одиночку, а въ широкой системѣ сотрудничества. Они выполняютъ различныя техническія операціи, при помощи другихъ людей, организуя ихъ трудъ путемъ своихъ указаній, «высказываній», которыя должны быть п о н я т ы этими сотрудниками и отнесены къ соотвѣтственнымъ объектамъ «среды»,—орудіямъ, матеріаламъ. Весь этотъ трудовой опытъ, повторяющійся ежедневно, и въ предѣлахъ рабочаго дня, ежеминутно, былъ бы нелѣпо-противорѣчивъ и даже психологически-невозможенъ при старой концепціи опыта, какъ міра индивидуальныхъ ощущеній. Живая, непосредственная практика сотрудничества въ корнѣ ее подрываетъ; попробуйте представить себѣ инженера, для котораго мастерская, рабочіе, машины, матеріалъ труда являлись бы въ окраскѣ его «субъективныхъ ощущеній», а не самой настоящей, объективной реальности. Его философія не можетъ быть иной, какъ вполнѣ реалистической, «наивно-реалистической», по выраженію представителей старой буржуазной философіи. Нужно, въ достаточной мѣрѣ отдалиться и оторваться отъ производства съ его сотрудничествомъ, какъ отдалилась и оторвалась теперь уже наибольшая часть предпринимательской буржуазіи, чтобы быть въ состояніи обходиться съ «субъективнымъ», индивидуалистическимъ пониманіемъ опыта.

И далѣе, нѣтъ ничего загадочнаго въ томъ, что эмпиріокритики разсматриваютъ связь «физическаго опыта», какъ строгую, объективную закономѣрность, въ противоположность Юму, для котораго самая устойчивая связь опыта сводилась къ привычной ассоціаціи воспріятій и представленій. Техника нынѣшнихъ предпріятій, промышленныхъ и научныхъ, характеризуется больше всего т о ч н о с т ь ю методовъ: строгостью вычисленій, измѣреній, разсчетовъ,—безошибочностью основаннаго на нихъ предвидѣнія. Именно эта возможность точнаго познанія и строго-правильнаго предвидѣнія составляетъ основную черту объективной связи опыта, какой она представляется въ міровоззрѣніи эмпиріокритиковъ: связь, независимая отъ субъекта, съ его измѣняющимися, болѣе или менѣе случайными состояніями нервнаго аппарата. Научная техника, успѣшно и планомѣрно побѣждающая стихійность при-

роды, несовмѣстима со скептицизмомъ познанія, а, значитъ, и съ его дѣйствительной основой,—«субъективизмомъ» опыта.

XIV.

Анти-индивидуалистическое пониманіе опыта проявляется у школы Маха и эмпиріокритиковъ, между прочимъ въ серьезной критикѣ «я», поскольку оно фетишизируется, какъ особый, необходимый «субъектъ» познанія. Но, конечно, здѣсь это лишь частное выраженіе особаго пониманія опыта; и отнюдь не въ этомъ лежитъ главное различіе съ анализомъ опыта у Юма: Юмъ, какъ мы видѣли тоже, по крайней мѣрѣ, анализируетъ «я», разлагая его на ощущенія, воспріятія, представленія; тутъ нѣтъ только той усиленной критики «я», какая характерна, напр., для Маха; главное различіе въ этомъ, что для Юма всеобщею формою опыта является «субъективная» связь, связь индивидуальнаго опыта. Именно поэтому весь анализъ у Юма даетъ только психологическія составныя части, въ конечномъ счетѣ, слѣдовательно, элементарныя ощущенія. На этой почвѣ остались многіе изъ новѣйшихъ позитивистовъ,—но не Махъ и не эмпиріокритики.

Вначалѣ, правда, Махъ недостаточно различалъ «ощущенія» и элементы физическаго ряда,—въ этомъ сказалось то обстоятельство, что воспитывался онъ въ значительной мѣрѣ на индивидуалистической философіи; самъ онъ отмѣчалъ потомъ это вліяніе, но употреблялъ особыя усилія, чтобы отдѣлаться отъ «остатковъ идеализма», и исправлялъ свои работы въ этомъ смыслѣ. Во всякомъ случаѣ, теперь относительно этого пункта не можетъ быть никакихъ недоразумѣній для человѣка, внимательно изучающаго данную школу. Правда, цѣлый рядъ русскихъ критиковъ—матеріалистовъ, съ Плехановымъ во главѣ, упорно, хотя и неумышленно, по всей вѣроятности, затемняютъ дѣло, приписывая Маху эмпиріокритикамъ свое собственное, чисто индивидуалистическое пониманіе опыта, и основывая на этомъ всю свою полемику противъ школы. Но тутъ дѣло объясняется, повидимому, тѣмъ, что люди не знаютъ и органически не могутъ понять иныхъ точекъ зрѣнія на опытъ, чѣмъ та, которая имъ привычна. Приходится просто отстранить всю эту ихъ критику, какъ сплошное недоразумѣніе. Такъ и должны были бы поступить русскіе эмпи-

ріокритики. А, между тѣмъ, какъ разъ по этому вопросу съ однимъ изъ нихъ, Н. Валентиновымъ, случилось довольно странное приключеніе.

Н. Валентиновъ допускаетъ и признаетъ, что «элементы опыта» и «ощущенія»—понятія вполнѣ тожественныя,—признаетъ, что для Маха и эмпріокритиковъ «міръ построенъ изъ ощущеній». Онъ ухитряется, такимъ образомъ, вмѣстѣ со своими противниками,—Плехановымъ и другими,—перепутать точнѣйшую терминологію Авенаріуса, и упустить изъ виду прямыя и рѣшительныя указанія Маха, что «элементы только въ субъективной связи являются ощущеніями». Въ результатѣ, онъ вынужденъ спорить съ противниками на и х ъ почвѣ, тогда, какъ въ дѣйствительности, собственно, и почвы-то для спора нѣтъ никакой, пока ихъ критика имѣетъ дѣло не съ понятіями критикуемой школы, а только съ ихъ собственными, приписанными этой школѣ.

Путаница у Валентинова вышла, повидимому, благодаря чисто терминологической ошибкѣ: онъ не замѣтилъ, что «ощущеніе»—терминъ п с и х о л о г і и, что, слѣдовательно, означаетъ онъ только «психическіе элементы», т. е. элементы п л ю с ъ опредѣленная форма ихъ связи,—форма ассоціативная, связь «зависимаго ряда». И потому, когда Валентиновъ говоритъ объ «ощущеніяхъ» въ независимой, т. е. объективной связи, то это просто противорѣчивая формула. А затѣмъ, словесное недоразумѣніе вовлекаетъ его и въ ошибки иного рода. Онъ начинаетъ доказывать, что ощущенія, вообще, обладаютъ какими-то «независимыми» свойствами, и уже съ этой стороны, противополагаетъ ихъ «представленіямъ»; и тутъ онъ запутывается въ совершенно невѣрныхъ, съ научной точки зрѣнія, формулировкахъ.

«Неужели,—говоритъ онъ, возражая Плеханову. — Махъ думаетъ, что для образованія ощущеній не нужно никакихъ внѣшнихъ раздраженій нашей физіологической системы, что поэтому, можно смастерить тѣло, путемъ только субъективнаго, произвольнаго вызыванія тѣхъ или иныхъ группъ ощущеній? Но, вѣдь, это абсурдъ! Вѣдь никакимъ усиліемъ воли нельзя вызвать ощущеній лампы, если ея нѣтъ. Я могу себѣ представить лампу, но «вызвать» комплексъ ощущеній, именуемыхъ лампой, мнѣ никогда не удастся. Повторяемъ, неужели Махъ не знаетъ этого? Махъ это прекрасно з н а е т ъ»?.. и т. д. («Философскія построенія марксизма»,—стр. 132).

Что ни шагъ, то какое-нибудь невѣрное утвержденіе. Совершенно неправильно смѣшана «субъективность» съ «произвольностью вызыванія» ощущеній. Что можетъ быть «субъективнѣе» воспріятій галлюцинирующаго, эмоцій меланхолика или маніакальнаго больного,—но заподозритъ ли ихъ Валентиновъ въ «произвольномъ вызываніи» этихъ психическихъ комплексовъ? И также несправедливо, будто бы «никакимъ усиліемъ воли нельзя вызвать ощущеній лампы, если ея нѣтъ». Даже, если брать слово «ощущеніе», въ самомъ узкомъ смыслѣ, означающемъ первичные элементы чувственныхъ воспріятій, то все-таки при извѣстныхъ условіяхъ они могутъ быть вызваны усиліемъ воли,—возможны галлюцинаціи, вызванныя путемъ самовнушенія,—иллюзіи такого же происхожденія вещь очень обычная,—въ другихъ случаяхъ люди находили у себя способность до нѣкоторой степени управлять ходомъ своихъ сновидѣній; при этомъ получаются самыя настоящія «ощущенія», при отсутствіи надлежащихъ «предметовъ». А ощущенія иннерваціонно-мускульныя? Уже они-то, сколько угодно, могутъ быть вызываемы «по произволу», какъ это происходитъ при всякомъ произвольномъ движеніи. И все дѣло въ томъ, что «лампой именуется» вовсе не «комплексъ ощущеній», а комплексъ элементовъ среды; что же касается «комплекса ощущеній», то онъ именуется «воспріятіемъ лампы», не болѣе.

Я считалъ необходимымъ остановиться на этихъ недоразумѣніяхъ потому, что они могутъ особенно повредить въ русской литературѣ выясненію и критикѣ идей разбираемаго нами философскаго теченія. Я не сомнѣваюсь, что наши «критическіе матеріалисты»—Плехановъ и другіе—уцѣпятся за указанные промахи, какъ за якорь спасенія для своей, мимо цѣли направленной, полемики противъ эмпиріокритицизма. Будетъ, вѣроятно, сдѣлана попытка свести вопросъ и на такую почву: Валентиновъ самъ эмпиріокритикъ, а потому его истолкованіе должно быть признано компетентнымъ, Богдановъ же эмпиріомонистъ, и его пониманіе эмпиріокритицизма ни для кого необязательно. Читателю, конечно, слѣдуетъ, не считаясь съ подобной постановкой вопроса, обратиться тогда къ первоисточнику—европейскимъ представителямъ школы.

XV.

Идея единства опыта у эмпиріокритиковъ выступаетъ съ полной рѣшительностью и опредѣленностью лишь постольку, поскольку дѣло идетъ о матеріалѣ опыта—объ его элементахъ. Въ вопросѣ о связи элементовъ положеніе совершенно иное. Принимается два типа этой связи—«физическій» или «независимый», свойственный элементамъ «тѣлъ» или «среды», и «психическій» или «зависимый», свойственный «субъективнымъ переживаніямъ» индивидуума. Это, конечно, не было бы еще дуализмомъ, если бы одинъ изъ двухъ типовъ разсматривался, какъ основной, а другой, какъ производный, или если бы оба они были членами непрерывнаго историческаго ряда, напр., генетически сводились бы къ какому-нибудь третьему типу. Ничего этого въ данномъ случаѣ нѣтъ. Два типа разсматриваются, какъ взаимно-несводимые одинъ на другой, и не сводимые также реально ни къ чему третьему. Въ этомъ пунктѣ передъ нами остатки дуализма.

Правда, формально связь физическая и психическая объединяются въ понятіи «функціональной зависимости», какъ два рода этой послѣдней. Но это—только формальное, совершенно абстрактное объединеніе, такое же точно, какъ, положимъ, объединеніе двухъ «сущностей» въ понятіи «сущности вообще». Для современнаго историческаго мышленія это «монизма» вовсе не представляетъ: его монизмъ есть либо опредѣленная общая закономѣрность, либо генетическая непрерывность. Ни того, ни другого эмпиріокритицизмъ по отношенію къ «физическому» и «психическому» ряду опыта не даетъ и даже не ищетъ.

Въ старомъ, авторитарномъ дуализмѣ, съ его двумя «сущностями», характерна постоянная тенденція понимать обѣ «сущности», какъ соотносительныя между собою. «Духовное» и «матеріальное» взаимно опредѣляетъ другъ друга; «духъ» является таковымъ именно по отношенію къ «матеріи», какъ нѣчто «не-матеріальное»; «матерія» точно также характеризуется въ конечномъ счетѣ своей «тѣлесностью», т. е., въ сущности,—«недуховностью». Эта абстрактная соотносительность вполнѣ намъ понятна, какъ выраженіе реальной соотносительности организаторской и исполнительской функціи.—И вотъ, интересно отмѣтить, что слѣды этой же соотносительности замѣтны и въ эмпиріокритицизмѣ;—особенно ясно выступаютъ они въ ученіи Авенаріуса о «принципіальной координаціи».

Оно заключается въ томъ, что нѣтъ индивидуума безъ среды, но нѣтъ и среды безъ индивидуума, безъ того, кто ее воспринимаетъ или представляетъ. По существу, Авенаріусъ не хочетъ этимъ выразить наивно-антропоцентрической идеи, будто міръ возникаетъ и уничтожается вмѣстѣ съ человѣческимъ сознаніемъ,—что если нѣтъ «познающаго субъекта», то нѣтъ и «объекта», и вообще ничего нѣтъ. Онъ имѣетъ въ виду только то, что если воспринимается или мыслится нѣкоторая «среда», то «средой» она является непремѣнно для какого-нибудь индивидуума,—либо для того, который находится въ ней, либо для того, кто ее воображаетъ, т. е. мысленно переносится въ нее. Идея, какъ видите, совершенно невинная и безсодержательная, основанная просто на терминѣ «среда»: какая же она «среда», если нѣтъ того, что «среди» нея находится? Если міръ существовалъ до человѣка, то, конечно, «средой» человѣка онъ тогда не былъ; и если вы его себѣ все-таки представляете, то онъ становится вашей воображаемой средой. Разсужденіе чисто «гносеологическое», т. е. схоластическое,—остатокъ вліянія кантіанской школы. Полезность его вполнѣ аналогична полезности, напр., такого «анализа», если данъ радіусъ, одинъ изъ его концовъ есть обязательно центръ круга; если же «центра» не дано, то нѣтъ и «радіуса». Но, конечно, отрѣзокъ прямой, о которомъ шла рѣчь, отъ этого не пересталъ существовать; утративши «центръ», онъ только потерялъ званіе «радіуса».

Старая форма мышленія—соотносительность «субъекта» и «объекта», «духа» и «матеріи»,—т. е. организующаго начала и организуемаго,—вывѣтрилась тутъ уже до соотносительности терминовъ. Но все же ее легко узнать и въ этомъ глубокомъ вырожденіи. Тѣмъ самымъ освѣщается и выясняется для насъ характеръ дуализма «физическаго» и «психическаго» типовъ связи опыта: ихъ взаимная несводимость, ихъ неустранимое противоположеніе представляетъ, дѣйствительно, остатокъ авторитарнаго дуализма. «Субъектъ», который, напр., у Канта выступаетъ прямо, какъ организующее начало системы опыта, здѣсь фигурируетъ въ роли «центральнаго члена» этой системы, безъ котораго она не являлась бы «координаціей», т. е. формальной системой, какой она выступаетъ въ мышленіи философа.

На первый взглядъ можетъ показаться, что тутъ «гносеологія» просто выполняетъ одно изъ необходимыхъ требованій научнаго мышленія. Оно не можетъ представить себѣ, напр., геометрическую

или механическую систему безъ ея отношенія къ опредѣленному центру координатъ; не есть ли «центральный членъ» координаціи опыта нѣчто вполнѣ подобное этому центру? Но это—минимая аналогія. Въ наукѣ центръ координатъ вовсе не есть реальный членъ системы; это—математическая точка, выбранная произвольно, по техническимъ соображеніямъ: каждая такая точка въ любой моментъ можетъ быть замѣнена какой угодно другою; и если фактически въ качествѣ этого центра примѣняется нѣчто болѣе сложное, напр., цѣлое «тѣло», то оно тѣмъ менѣе пригодно для этой роли, чѣмъ болѣе оно отличается отъ математической точки, чѣмъ болѣе оно «реально» и «конкретно». Въ «гносеологіи» же, хотя бы и въ авенаріанской, совершенно напротивъ, «субъектомъ» или «центральнымъ членомъ» можетъ быть только индивидуумъ съ его психикой, т. е. опредѣленная, сложно-организованная система.

Насколько мало общаго всякій гносеологическій «субъектъ» имѣетъ съ научно-техническимъ «центромъ координатъ», видно и изъ того, что этотъ «субъектъ» все равно предполагается присутствующимъ во всякомъ научномъ построеніи, какъ необходимый «центръ мышленія». Пусть имѣется геометрическая система, отнесенная къ опредѣленнымъ координатамъ, пересѣкающимся въ опредѣленной точкѣ. Наличность этой центральной точки вовсе не избавляетъ данное построеніе отъ авенаріанскаго «центральнаго члена», т. е. индивидуума, мыслящаго или воспринимающаго это построеніе. Такимъ образомъ, этотъ индивидуумъ становится уже и «субъектомъ» науки.

Въ дѣйствительности, «субъектъ» науки вовсе не индивидуумъ; и научному мышленію можетъ только вредить постоянное присоединеніе къ объектамъ научнаго познанія этого «центральнаго члена». Научное мышленіе «объективно» именно постольку, поскольку отъ него отвлекается.

XVI

Хотя дуализмъ «субъекта-объекта» и произошелъ изъ авторитарной антитезы «духовнаго—тѣлеснаго»,—но онъ является одновременно также индивидуалистической формою мышленія. «Субъектъ»—индивидуумъ—въ немъ выступаетъ какъ цен-

тральная, основная фигура міровоззрѣнія; «гносеологія» выражаетъ это наиболѣе рѣшительнымъ и законченнымъ образомъ. Въ такомъ двойственномъ характерѣ данной формы мышленія—сразу, и авторитарномъ, и индивидуалистическомъ—нѣтъ ничего страннаго: это та же непрерывная преемственность идеологическихъ комбинай, та же ихъ переходная окраска, какая свойственна экономическимъ формамъ, ихъ порождающимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, міръ индивидуалистическій, «буржуазный», развивается изъ міра авторитарнаго,—напр., въ Европѣ изъ феодальнаго общества,—и сохраняетъ въ себѣ, во всемъ своемъ строеніи, элементы авторитарнаго раздѣленія труда. Типичный буржуазный индивидуумъ, экономическій «субъектъ», это вначалѣ мелкій товаро-производитель, а позже—капиталистическій предприниматель. И тотъ и другой не только формально независимые частные собственники, владѣльцы своего «объекта»—средствъ производства,—но сверхъ того каждый изъ нихъ—глава и господинъ въ организаціи своего хозяйства, по отношенію къ членамъ своей семьи, а также прислугѣ, ученикамъ, подмастерьямъ и впослѣдствіи—рабочимъ. Его «индивидуальная свобода» заключаетъ въ себѣ не только экономическую самостоятельность на рынкѣ, но также—власть у себя дома. Философія отражаетъ эти привычныя отношенія обыденной жизни, превращая ихъ въ формы мышленія. Поскольку экономически господство и подчиненіе сохраняются въ рамкахъ индивидуальныхъ предпріятій, постольку идеологически авторитарный дуализмъ держится въ рамкахъ міровоззрѣній буржуазнаго индивидуализма. Отсюда—смѣшанный, переходный характеръ такихъ основныхъ категорій, какъ «субъектъ—объектъ».

Возвращаемся къ эмпиріокритикамъ. У нихъ мы нашли остатки дуализма въ видѣ противоположенія и взаимной несводимости «физическаго» и «психическаго» типа связи, а въ этомъ дуализмѣ обнаружили черты «гносеологической» системы—соотношенія субъекта и объекта. Именно въ этомъ пунктѣ сразу, такимъ образомъ, выступили, какъ элементы авторитарной идеологіи, такъ и элементы индивидуалистической—тѣ и другіе внутри общаго, неопредѣленнаго монизма опыта.

Соотвѣтствуетъ ли все это тому, чего мы могли ожидать на основаніи извѣстныхъ намъ данныхъ о положеніи буржуазной «технической интеллигенціи» въ системѣ производства, объ ея функціяхъ въ общественно-трудовомъ процессѣ? Конечно, да. Мы видѣли,

что это группа руководящая, организаторская, которой принадлежитъ, въ предѣлахъ промышленнаго или научнаго предпріятія, власть надъ низшими служащими и рабочими. Положеніе авторитарное; но, во-первыхъ, очень ограниченно-авторитарное, не заходящее дальше извѣстныхъ трудовыхъ функцій и установленныхъ рабочихъ часовъ; и во-вторыхъ, основанное на индивидуальности его носителя, экономической и технической.

Индивидуальность техническая сводится, конечно, къ личнымъ знаніямъ и способностямъ, выдвигающимъ человѣка на «высшія» роли въ производствѣ. Индивидуальность экономическая,—такая же, какъ у всякаго наемнаго служащаго или рабочаго,—заключается въ правѣ собственности человѣка на свою рабочую силу, и выражается въ продажѣ этой силы предпринимателю, капиталисту или государству. Инженеръ нанялся на опредѣленную службу за опредѣленное жалованье; этотъ фактъ, образующій основу его соціальнаго положенія, имѣетъ строго индивидуальный характеръ. Такимъ образомъ, общественная функція данной группы обладаетъ двойственной окраской, и, приспособляясь къ этой функціи, мышленіе группы неизбѣжно получаетъ такую же двойственную, авторитарно-индивидуалистическую окраску.

Таковы и оказались при ближайшемъ анализѣ, черты міровоззрѣнія, выраженнаго въ эмпріокритической школѣ. Для правильной его оцѣнки надо только не забывать о томъ, какое мѣсто эти черты въ немъ занимаютъ: онѣ лежатъ, такъ сказать, внутри общаго монизма міровоззрѣнія,—монизма, правда, очень неопредѣленнаго,—а не охватываютъ міровоззрѣнія въ цѣломъ.

Монизмъ же этотъ состоитъ, какъ мы знаемъ, въ непрерывности системы опыта, въ единствѣ ея «элементовъ» для обѣихъ ея областей—физической и психической,—словомъ, онъ относится къ матеріалу познанія. Происходя по прямой линіи отъ монизма опыта, наблюдаемаго у старыхъ эмпириковъ, какъ Юмъ,—онъ долженъ разсматриваться, какъ отраженіе того смутно воспринимаемаго буржуазнымъ сознаніемъ трудового единства анархической общественной системы, которое всегда порождало въ буржуазной философіи различныя безсодержательныя формы монизма. Среди величайшаго дробленія жизни, среди практической и познавательной спеціализаціи, среди рѣзкаго противоположенія другъ другу всѣхъ клѣтокъ соціальнаго организма въ экономической борьбѣ, это трудовое единство даетъ себя постоянно чувствовать въ непонятной для

товаропроизводителя, но слишкомъ для него реальной закономѣрности рынка, которой всѣ вмѣстѣ и каждый порознь, волей или неволей, вынуждены подчиняться. Отсюда неопредѣленное стремленіе буржуазной мысли представлять разнообразіе и сложность фактовъ подчиненными нѣкоторому единству,— но вмѣстѣ съ тѣмъ безсиліе найти въ этомъ разнообразіи, въ этой сложности конкретное, опредѣленное содержаніе для объединяющей формы: она сводится къ пустой абстракціи. Такова идея «субстанціи» у Спинозы, идея «Бога» у деистовъ, идея «вещи въ себѣ» у кантіанцевъ, и т. п. Но въ этихъ «метафизическихъ» абстракціяхъ пустота содержанія замаскирована остатками прежняго, авторитарнаго фетишизма—въ однихъ больше, какъ въ концепціи «Бога» у деистовъ, въ другихъ—меньше, какъ въ «субстанціи» у Спинозы. У эмпириковъ отъ этого стараго фетишизма почти ничего не остается, и безсодержательность «монизма опыта» выступаетъ въ совершенно очевидной формѣ.

Къ эмпріокритикамъ это относится почти въ той же мѣрѣ, какъ и къ старымъ эмпирикамъ. Только систематическое и послѣдовательное примѣненіе принципа развитія во всѣхъ областяхъ опыта даетъ нѣкоторое элементарное содержаніе ихъ монизму. Но и это примѣненіе является систематичнымъ и послѣдовательнымъ только внутри каждой области; оно оказывается не въ силахъ связать «физическое» и «психическое» въ одинъ какой-либо непрерывный рядъ. Слѣдовательно, и съ этой стороны монизмъ остается лишь формальнымъ.

Разница со старыми эмпириками заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что тамъ формально-монистическая концепція опыта насквозь проникнута индивидуализмомъ: весь опытъ представляется, какъ сумма индивидуальныхъ переживаній; а эмпріокритицизмъ именно въ этомъ пунктѣ порвалъ съ индивидуалистической точкой зрѣнія. Зависитъ это, какъ мы видѣли, отъ того, что данное міровоззрѣніе вырабатывалось въ атмосферѣ широкаго и организованнаго сотрудничества, развивающагося въ крупныхъ промышленныхъ и научныхъ предпріятіяхъ. Той же самой причинѣ слѣдуетъ, очевидно, приписать и опредѣленно-демократическую тенденцію въ пониманіи системы опыта у эмпріокритиковъ: индивидуумы съ ихъ высказываніями «гносеологически» равны и эквивалентны другъ другу въ качествѣ «центральныхъ» членовъ системы; высказыванія другихъ для каж-

даго имѣютъ принципіально такую же познавательную цѣнность, какъ его собственныя высказыванія. Если въ данный моментъ «центральнымъ членомъ» системы опыта принимается А, то въ любой моментъ эта роль можетъ быть перенесена на В или С, безъ существеннаго измѣненія въ системѣ, какъ цѣломъ. Такой «познавательный демократизмъ» необходимъ и невзбѣженъ тамъ, гдѣ практическая координація въ процессѣ труда постоянно требуетъ отъ каждаго изъ сотрудниковъ, «высшихъ» и «низшихъ»—безразлично, —чтобы они умѣли сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ чужими высказываніями совершенно такъ же, какъ со своими собственными впечатлѣніями.

XVII.

Переходимъ къ методологіи разбираемой школы. Исходя изъ той идеи, что привычки мышленія складываются въ привычной практикѣ людей, мы должны здѣсь вспомнить, что говорили о техническихъ методахъ, на которые приходится опираться въ своемъ трудѣ «интеллигентно-техническому персоналу» фабрикъ и лабораторій.

Методы эти по содержанію характеризуются своей научностью, т. е происхожденіемъ изъ систематизированнаго трудового опыта человѣчества, а по формѣ—своей строгой точностью. То и другое находитъ себѣ естественное отраженіе въ идеяхъ школы.

Постоянно имѣя дѣло съ научнымъ знаніемъ, какъ основою сьоей трудовой практики, «техническая интеллигенція» пріучается самой жизнью понимать «практическую природу» познанія, отъ самыхъ конкретныхъ свѣдѣній до самыхъ отвлеченныхъ обобщеній. Самые абстрактные на видъ выводы математики, механики, физики находятъ себѣ примѣненіе въ обыденно-трудовомъ опытѣ этой группы общества. И эмпиріокритическая философія, а съ особенной силой и убѣдительностью Эрнстъ Махъ выдвигаютъ «практическую природу познанія», какъ основу всей своей методологіи.

Въ этомъ отношеніи взгляды школы поразительно совпадаютъ съ выраженными за нѣсколько десятковъ лѣтъ до нея идеями Маркса. Нѣкоторыя страницы изъ «Ученія о теплотѣ» Маха (о происхожденіи понятій) и изъ его же «Познаніе и заблужденіе», производятъ почти иллюзію, что онѣ написаны марксистомъ. Въ дѣйствитель-

ности, разумѣется, тутъ нѣтъ никакого заимствованія, потому что нѣтъ даже знакомства съ литературой революціоннаго соціализма. Просто это одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ философія пролетаріата и технической интеллигенціи сближаются между собою, потому что тутъ соприкасается ихъ трудовой опытъ: для пролетаріата въ его производственной дѣятельности, практическій характеръ науки и всего познанія выступаетъ точно такъ же ясно, какъ и для этой интеллигенціи.

Та же тѣсная связь научнаго познанія съ обыденной трудовой практикой отразилась и въ характерномъ для школы пониманіи связи мышленія обыденнаго, не-критическаго, съ мышленіемъ научнымъ и философскимъ. Именно, школа устанавливаетъ и подчеркиваетъ полную о д н о р о д н о с т ь того и другого, отсутствіе между ними какой бы то ни было принципіальной границы, историческое развитіе мышленія научнаго изъ обыденнаго. Такая точка зрѣнія, какъ нельзя болѣе естественна и понятна, если принять въ разчетъ, что и въ той трудовой практикѣ, которая опирается на науку, «обыденное» мышленіе отнюдь не устраняется, а продолжаетъ играть необходимую роль,—только подъ контролемъ научнаго. Въ самомъ дѣлѣ, ученый организаторъ труда въ своей работѣ, конечно, не можетъ думать все время точными научными понятіями и формулами, особенно, когда онъ, поручая своимъ не-ученымъ сотрудникамъ выполненіе тѣхъ или иныхъ операцій, объясняетъ имъ, что они должны дѣлать. Тутъ не-критическія понятія и научно-неточныя формулировки совершенно неизбѣжны и необходимы; но при умѣломъ ихъ выборѣ и примѣненіи они вполнѣ достаточны для практической цѣли. Когда, напр., инженеръ говоритъ кочегару, что надо «прибавить жару» въ топкѣ, или проситъ помощника «уменьшить огонь» электрической лампы,—то онъ не только весьма не-научно выражается, но обыкновенно также не-научно въ этотъ моментъ и мыслитъ; и ему не только было бы безполезно, но для успѣшности работы было бы даже очень вредно, если бы при каждомъ обычномъ, безчисленное множество разъ повторяющемся техническомъ актѣ, онъ мысленно воспроизводилъ его научно-точную формулировку. Въ обычныхъ случаяхъ,—по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ ихъ, «обыденное мышленіе» съ его не-критическими понятіями не только достаточно для практической потребности, но даже удовлетворяетъ ее легче и удобнѣе, чѣмъ научное съ его строгой критикой. Надо

только, чтобы это послѣднее было всегда на-готовѣ вмѣшаться тамъ, гдѣ первое или безсильно и безпомощно, или можетъ своею неточностью породить практическія промахи, ошибки, недоразумѣнія.

Слѣдовательно, философская идея о принципіальномъ тожествѣ мышленія самаго методически-строгаго и тонкаго съ самымъ примитивнымъ и вульгарнымъ, какъ и идея о практическомъ характерѣ всякаго мышленія и познанія вообще, представляютъ изъ себя прямое выраженіе трудового опыта технической интеллигенціи.

XVIII.

Та специфическая точность, которая характеризуетъ методы, постоянно примѣняемые технической интеллигенціей въ ея работѣ, находитъ себѣ, въ свою очередь, яркое и непосредственное выраженіе въ методологіи школы Эта точность требуетъ постояннаго примѣненія строгихъ символическихъ формулъ, постояннаго заботливаго устраненія изъ практическихъ операцій и разсчетовъ всего ведущаго къ неясностямъ и усложненіямъ, всего не являющагося прямо необходимымъ для каждой данной задачи. Особенныя усилія должны направляться на то, чтобы избѣгать всего субъективнаго, всего «примышляемаго» сознательно или безсознательно,—не заключающагося въ данныхъ условіяхъ практической или познавательной задачи—Достаточно формулировать эти тенденціи въ обобщенномъ видѣ—и передъ нами «экономическій принципъ» познанія, какъ его называетъ Эрнстъ Махъ, или, другими словами,—идея «чистаго описанія».

Познаніе есть трудъ, и развитіе производительности этого труда состоитъ въ томъ, что его цѣли достигаются съ меньшими затратами энергіи познающаго; ее надо «экономизировать», а потому надо, чтобы въ познаніи не было ничего лишняго. Понятія и формулы должны заключать въ себѣ только то, что имѣется въ фактахъ опыта,—слѣдовательно, должны быть «чистымъ описаніемъ» этихъ фактовъ,—описаніемъ, максимально обобщеннымъ, чтобы охватывать возможно большую сумму данныхъ, возможно малымъ усиліемъ мысли Точно установить и выразить связь данныхъ опыта, т. е., въ концѣ концовъ, функціональную зависимость его элементовъ,—вотъ вся задача познанія; разъ это сдѣлано,—получается возмож-

ность правильнаго предвидѣнія фактовъ, цѣлесообразнаго воздѣйствія на ихъ теченіе; и практическая потребность въ познаніи удовлетворена. Таковы основныя идеи Маха и Кирхгофа, родоначальниковъ этой методологической теоріи, энергично развиваемой эмпиріокритиками.

Махъ предпринялъ ревизію научныхъ понятій въ обширнѣйшихъ областяхъ естествознанія и показалъ, что въ нихъ сохранилась масса остатковъ до-научнаго мышленія, масса представленій, унаслѣдованныхъ отъ антропоморфизма и метафизики, не соотвѣтствующихъ опыту, и потому ненужныхъ для познанія. Онъ выяснилъ, сколько фетишизма сохранилось въ обычныхъ концепціяхъ натуралистовъ о «матеріи», о «силахъ» о «состояніяхъ» вещей, и т. п.—насколько этотъ фетишизмъ загромождаетъ научный матеріалъ, мѣшаетъ точности изслѣдованія и ясности выводовъ. Онъ прослѣдилъ происхожденіе подобныхъ понятій, ихъ связь съ привычными формами обыденнаго мышленія; онъ объяснилъ, какимъ образомъ эти понятія могли быть полезны и достаточны на низшемъ уровнѣ техники и знаній, могли быть даже наиболѣе тогда «экономны» именно благодаря своей примитивности и грубости; но онъ доказалъ также необходимость ихъ радикальнаго реформированія при современномъ развитіи культуры.

Насколько эта огромная работа Маха по разрушенію познавательныхъ фетишей соотвѣтствовала потребностямъ времени, видно изъ того, что одновременно съ нимъ и независимо отъ него ее предпринимали и вели,—въ меньшихъ размѣрахъ и съ меньшей силой—цѣлый рядъ другихъ естествоиспытателей, особенно изъ числа физиковъ. Такъ же одновременно съ нимъ и независимо отъ него пришелъ къ аналогичнымъ взглядамъ на познаніе пролетарскій мыслитель, Іосифъ Дицгенъ: яркій примѣръ пролетарской чуткости по отношенію къ очереднымъ задачамъ научно-философскаго развитія.

Въ школѣ эмпиріокритиковъ и ей родственныхъ,—энергетиковъ, эмпиріосимволистовъ — принципъ чистаго описанія нашелъ себѣ самыхъ рѣшительныхъ сторонниковъ и пропагандистовъ. Увлеченіе имъ весьма скоро обнаружило его слабыя стороны,—тенденцію къ извѣстному *изсушенію* познанія, и даже суженію познавательнаго творчества. Уже Авенаріусъ, напримѣръ, отвергаетъ психо-физическій законъ Веберъ-Фехнера на томъ только основаніи, что экспериментальныя условія изслѣдованій,

приведшихъ къ этому закону, и самая его формулировка не удовлетворяютъ, по мнѣнію философа, требованіямъ строгой формальной точности. Въ свою очередь, одинъ изъ его учениковъ, Рудольфъ Вилли, обвиняетъ и его, и Маха въ «метафизикѣ» за то, что они признаютъ возможность научной психологіи, и что Авенаріусъ пытается даже систематизировать ея основы въ своей «біомеханикѣ». Вилли находитъ, что психологія, имѣющая дѣло съ индивидуумомъ и его субъективной жизнью, по существу не можетъ давать чистаго и строгаго описанія своего матеріала, и, слѣдовательно, по существу не является наукой, но только—искусствомъ подобнымъ поэзіи, беллетристикѣ. У Пуэнкарре, Дюгема и «эмпиріосимволистовъ» стремленіе къ абстрактно-точнымъ формуламъ доходитъ до того, что изсушается уже не только познаніе, но и «дѣйствительность» она сама превращается въ формулу, въ символъ, и весь міръ опыта распадается на «эмпиріосимволы». Дойдя до этой крайности, позитивизмъ неожиданно сближается со своей древней противоположностью.—идеализмомъ Платона, для котораго истинной реальностью представляются «идеи», т. е. объективированные символы *).

XIX.

Въ борьбѣ со старой методологіей, теоретики «чистаго описанія» особенно сильную аттаку направили противъ основного ея понятія «причинности», и вообще противъ идеи «объясненія» фактовъ.

Стремленіе «объяснять» одни явленія черезъ другія они считаютъ ошибочнымъ въ основѣ; это, по ихъ мнѣнію, черта обыденнаго мышленія, которому всегда наиболѣе привычные и повторяющіеся факты опыта кажутся сами по себѣ наиболѣе «ясными» и понят-

*) Позитивныйсимволизмъ—это, повидимому профессіональная философія математиковъ, къ которымъ принадлежитъ между прочимъ и Пуэнкаррэ, и Дюгемъ (спеціалистъ по теоретической физикѣ, наукѣ почти сплошь математической), и недавно выступившій въ русской литературѣ пропагандистъ ихъ идей, П. Юшкевичъ. Для спеціалиста-математика въ его работѣ формулы и символы—его постоянная среда, въ которой онъ живетъ и орудія и матеріалъ его труда; по типу этого своего трудового опыта онъ склоненъ представлять себѣ и дѣйствительность вообще.

ными, хотя бы на дѣлѣ еще не были ни анализированы, ни точно описаны. Для мышленія научнаго, подвергающаго сомнѣнію и изслѣдованію, въ равной мѣрѣ, все наиболѣе, какъ и наименѣе привычное, самъ по себѣ никакой фактъ не болѣе понятенъ, чѣмъ всякій другой; но когда онъ точно описанъ, во всѣхъ своихъ частяхъ, и точно констатирована его связь съ другими данными опыта тогда онъ «ясенъ» вполнѣ, потому что познаніе вполнѣ имъ овладѣло и въ немъ уже ничего не остается «объяснять». Если, напримѣръ, прежде электрическія явленія «объяснялись» электрическими «жидкостями», существующими, будто бы, въ тѣлахъ природы, и различными «свойствами» этихъ жидкостей,—то это зависѣло отъ того, что сами электрическія явленія не были въ достаточной мѣрѣ точно изслѣдованы и описаны, и аналогія съ «жидкостями» помогала легче удерживать нѣкоторыя изъ нихъ въ памяти; но теперь это гораздо полнѣе и совершеннѣе достигается точными и краткими формулами современной теоріи электричества, дающими объединенное систематическое описаніе фактовъ, какъ они происходятъ на дѣлѣ, и старое «объясненіе» стало совершенно безполезной, къ тому же,—очень неточной и поверхностной аналогіей. Оно способно теперь только запутывать и затруднять изученіе.

Въ принципѣ причинности школа видитъ выраженіе той же склонности «объяснять» факты черезъ аналогіи съ другими ничуть не болѣе или даже менѣе изслѣдованными, но только—болѣе привычными. Отношеніе «причины» и «слѣдствія», по мнѣнію теоретиковъ «чистаго описанія», есть остатокъ прежняго антропоморфизма: причина «вызываетъ» слѣдствіе по тому же типу, какъ актъ воли «вызываетъ» движенія человѣческаго тѣла. Эта вторая связь, очень привычная, безконечно часто выступающая въ обыденной жизни, переносится на явленія природы и становится основой опредѣленнаго ихъ «пониманія», становится ихъ «объясненіемъ», ничего, однако, не прибавляя къ дѣйствительнымъ знаніямъ, имѣющимся относительно этихъ явленій и ихъ взаимной зависимости Таковъ «фетишизмъ» причинности. Онъ долженъ быть отброшенъ, и на его мѣсто должно быть поставлено простое, формальное отношеніе функціональной зависимости между суммою условій и обусловленнымъ: гдѣ имѣются на-лицо въ совокупности такія-то и такія-то условія, тамъ получается такой-то фактъ или комбинація фактовъ,—и только.

XX.

Итакъ, «описаніе» на мѣсто «объясненія», функціональная зависимость» на мѣсто «причинности».—таковъ лозунгъ школы въ ея борьбѣ за упрощеніе научно-познавательной техники, за освобожденіе человѣческой мысли отъ остатковъ вѣковаго фетишизма. Но противъ одного ли фетишизма, на дѣлѣ, направляются эти лозунги? Ближайшее изслѣдованіе показываетъ, что это не такъ.

И способы «объясненія» вообще, и концепція «причинности», специально, вовсе не представляютъ изъ себя что либо исторически-постояннаго, какой-то особенности «обыденнаго мышленія», одинаковой для всѣхъ его видовъ и проявленій, какъ это изображается въ критикѣ сторонниковъ «чистаго описанія». Это—идеологическія явленія, измѣняющіяся вмѣстѣ съ условіями соціальной техники и экономики. Разсмотримъ, напримѣръ, можно ли съ этой точки зрѣнія говорить о постоянномъ фетишизмѣ причинности, притомъ всегда одного и того же содержанія.

Тотъ фетишизмъ причинности, который обличаютъ эмпиріокритики, дѣйствительно, существовалъ, а отчасти и теперь еще существуетъ, но только, какъ одна изъ исторически-развивающихся формъ причинности, именно, такая, которая свойственна а в т о р и т а р н о м у мышленію. Если актъ воли противополагается физическому дѣйствію, какъ «причина» — «слѣдствію», то это только частный случай общаго дуализма «души» и «тѣла», дуализма, въ свою очередь, производнаго отъ авторитарной формы сотрудничества. «Анимизмъ» и б ы л ъ первой зародышевой формой причинности: дѣйствія «вещей» на человѣка «объяснялись», какъ проявленія воли тѣхъ «душъ», которыя живутъ въ «вещахъ». Тутъ цѣпь причинности оканчивалась еще на первомъ звенѣ, какъ на первомъ звенѣ оканчивалась, первоначально и соціальная цѣпь власти—подчиненія. Впослѣдствіи стала гораздо болѣе длинной и сложной, многослойной цѣпь властвующихъ и подчиняющихся въ жизни; аналогично этому, стала, въ процессѣ познанія связи фактовъ, неопредѣленно удлиняться и цѣпь причинности. Но любопытно видѣть, до какой степени строго отражаются формы жизни въ формахъ мышленія: въ соціальной практикѣ, авторитарная связь всегда ограниченна, всегда имѣетъ свой конецъ въ какомъ-нибудь высшемъ организаторѣ, напр., деспотическомъ монархѣ, или папѣ; и соотвѣтственно этому, связь причинности,— п о к а е я п о н и м а н і е о с т а е т с я а в т о р и т а р н ы м ъ,

—непремѣнно находитъ себѣ предѣлъ въ какой-нибудь «послѣдней причинѣ», чаще всего называемой богомъ.

Совершенно иной характеръ получаетъ причинность, какъ способъ «объясненія», при господствѣ той формы сотрудничества, которая, по преимуществу, характеризуетъ буржуазный міръ: неорганизованнаго раздѣленія труда, выражающагося въ обмѣнѣ и конкурренціи. Для этого типа соціальной связи существенны двѣ особенности: во-первыхъ, крайнее дробленіе жизни, крайняя разнородность ея проявленій, вытекающая изъ рѣзкой специализаціи; во-вторыхъ, господство надъ человѣкомъ стихійныхъ силъ общественной природы, силъ, дѣйствующихъ за предѣлами его сознанія. Отсюда, съ одной стороны, раздробленность мышленія, его склонность къ атомистикѣ, плюрализму и т. д.; съ другой стороны, какъ я уже указывалъ, смутное сознаніе нѣкотораго единства, скрывающагося за этой дробностью,—единства, не воплощающагося, однако, ни въ какомъ конкретномъ содержаніи, и потому находящаго себѣ выраженіе лишь въ пустыхъ абстракціяхъ. При этомъ надо прибавить, что это неопродѣленное воспріятіе связи соціальныхъ явленій естественно соединяется съ чувствомъ нѣкотораго п р и н у ж д е н і я, нѣкотораго внѣшняго, стихійнаго давленія, съ которымъ ничего нельзя подѣлать: отраженіе объективной принудительности дѣйствія экономическихъ силъ, которыя ведутъ человѣка,—онъ не знаетъ куда, и очень часто туда, куда онъ вовсе не хочетъ.

Всѣ эти особенности мышленія и опредѣляютъ собою второй типъ причинности: «необходимая связь условій и обусловленнаго». Эта связь заключается въ томъ, что, когда имѣются всѣ условія, то за ними слѣдуетъ обусловленное, слѣдуетъ «необходимо»; они образуютъ въ совокупности «причину», обусловленное есть «слѣдствіе». Условія могутъ представлять изъ себя совершенно разнородные факты, обусловленное, въ свою очередь, можетъ ни качественно, ни количественно не имѣть съ ними ничего общаго: картина п л ю р а л и с т и ч е с к а я; но между условіями и обусловленнымъ остается объединяющая связь, и эта связь есть «н е о б х о д и м о с т ь». Эта связь по существу чисто формальная, абстрактно-пустая, какъ всѣ монистическія понятія, порождаемыя даннымъ типомъ мышленія; но на мѣсто сколько-нибудь конкретнаго содержанія, съ ней постоянно соединяется своеобразная окраска п р и н у-

дительности, неизбѣжности,—окраска, превращающая эту форму причинности въ антитезу «свободы».

«Свобода воли», въ этой антитезѣ есть не что иное, какъ старая, авторитарная форма причинности: причинность «власти», которой другіе люди или вещи «подчиняются», причинность «воли», которой «служитъ» тѣло. Вѣчная борьба «свободы» и «необходимости» въ буржуазной философіи.—просто выраженіе борьбы двухъ формъ познанія, отражающей борьбу двухъ формъ сотрудничества. Буржуазное общество не устраняетъ, не уничтожаетъ авторитарныхъ отношеній, оно сохраняетъ ихъ въ рамкахъ своей основной ячейки,—индивидуальнаго хозяйства. Внутри своего хозяйства,—своей семьи, своего предпріятія,—товаро-производитель «свободенъ», т. е. является независимымъ организаторомъ, имѣетъ власть,—ему подчиняются,—онъ самъ и есть «причина», творческая причина внутреннихъ отношеній этого района его жизни. Одинъ буржуазный мыслитель,—самый яркій нѣмецкій либералъ,—прямо опредѣлилъ свободу, какъ «деспотизмъ въ ограниченной сферѣ». Нельзя лучше выразить сущность буржуазнаго понятія «свободы». И совершенно понятно, что за предѣлами этой сферы—индивидуальнаго хозяйства—тотъ же самый товаро-производитель находитъ сплошную «необходимость», сѣрую, суровую «Ананке» древнихъ грековъ: это власть рынка, это силы соціальной стихійности, которымъ человѣкъ вынужденъ подчиняться, которыхъ онъ не можетъ понять, потому, что не можетъ ими овладѣть. И по образу этой соціально-практической «Ананке» онъ создаетъ свою абстрактно-теоретическую причинность-необходимость, ею онъ «объясняетъ» явленія.

Такова и оказывается концепція причинности у огромнаго большинства философовъ буржуазіи. Эмпиріокритики, отвергая самое понятіе «причинности», берутъ, однако, эту концепцію въ наиболѣе важной ея части. Понятіе о связи суммы условій съ обусловленнымъ у нихъ также и плюралистично, и въ то же время имѣетъ видъ формальнаго монизма: условія такъ же могутъ представлять изъ себя самые разнородные комплексы, и обусловленное можетъ не имѣть съ этими комплексами ничего общаго; но «разъ дана сумма условій,—дано и обусловленное». Связь этихъ двухъ моментовъ,—«функціональная зависимость»; отъ старой концепціи—«необходимости»—она отличается бо́льшей формальной чистотой, устраненіемъ того психологическаго оттѣнка при-

нудительности, который тамъ имѣлся на-лицо. Зато и абстрактная пустота концепціи у эмпиріокритиковъ достигаетъ наибольшей степени: вытекающая изъ технической точности тенденція къ очищенію понятій отъ всего лишняго раскрываетъ эту пустоту, отбрасывая мнимое содержаніе старой формы.

Старый матеріализмъ стоялъ на точкѣ зрѣнія причинности-необходимости; съ этой стороны взгляды эмпиріокритиковъ представляютъ, слѣдовательно, извѣстный прогрессъ. Но не сдѣланъ ли этотъ шагъ впередъ уже въ идеяхъ Юма, также устраняющихъ причинность-необходимость и замѣняющихъ ее «привычной ассоціативной связью»? Въ дѣйствительности, сходство больше внѣшнее. Юмовское пониманіе подрываетъ достовѣрность причинной связи: привычная ассоціація ощущеній можетъ неожиданно смѣниться непривычной; но характеръ принудительности въ ходѣ явленій отъ этого не только не исчезаетъ, а скорѣе усиливается: мало того, что человѣкъ все равно не можетъ измѣнить ихъ «привычной» послѣдовательности, но сверхъ того, онъ не можетъ съ полной увѣренностью на нее полагаться, что дѣлаетъ его еще въ большей степени игрушкою этой связи. Тутъ ясно, въ какой мѣрѣ скептицизмъ—познавательная схема человѣческаго безсилія—отражаетъ практическую власть надъ человѣкомъ внѣшнихъ для него силъ, соціальной природы раздробленнаго общества.

У эмпиріокритиковъ функціональная зависимость условій и обусловленнаго есть связь однозначущая, опредѣленная, т. е., во всякомъ случаѣ, разъ она установлена,—вполнѣ достовѣрная. Въ этомъ они отходятъ отъ Юма одинаково съ матеріалистами.

XXI.

Но развитіе причинности не оканчивается на этой второй стадіи, какъ развитіе общества не оканчивается на буржуазныхъ отношеніяхъ. Машинное производство, съ новыми, на его почвѣ развивающимися, формами сотрудничества, создаетъ новый строй мышленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ,—особый, монистическій, не только формально, но и по существу монистическій типъ причинности.

Его исходная точка заключается въ слѣдующемъ. Основной техническій фактъ машиннаго производства,—превращеніе силъ изъ однѣхъ формъ въ другія и необходимость всегда почерпать ихъ

изъ какого-нибудь опредѣленнаго источника въ природѣ.—этотъ технический фактъ познавательно выражается въ принципѣ сохраненія энергіи. Тѣмъ самымъ создается энергетическая концепція причинности.

Связь между суммой условій и обусловленнымъ выступаетъ здѣсь въ совершенно новомъ видѣ Сколько бы ни было различныхъ условій, они уже не являются тѣми разнородными комплексами между которыми принципіально не принимается ничего общаго,—какими представляетъ ихъ причиность.—необходимость или голая «функціональная зависимость». Всѣ они —энергетическіе процессы. т. е. измѣримые и соизмѣримые, способные не только вызывать вмѣстѣ взятыя, свое «слѣдствіе». но также, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, «переходить» одинъ въ другой; и всякій такой «переходъ» или «превращеніе» одного комплекса въ другой отнюдь не заключаетъ въ себѣ никакого фетишизма. а есть въ конечномъ счетѣ, просто возможность техническаго ихъ замѣщенія. въ опредѣленныхъ пропорціяхъ, или, точнѣе, техническаго использованія комплексовъ, положимъ, одного рода, какъ источника для полученія комплексовъ другого рода. Значитъ. уже самыя «условія» понимаются монистически, какъ факты принципіально однородные, причемъ однородность эта. по существу. практическая или техническая.—именно та, которая свойственна машинному производству, которая имъ создается.

Далѣе, «обусловленное» въ этомъ смыслѣ, точно такъ же однородно съ «условіями». точно такъ же соизмѣримо съ каждымъ изъ нихъ. Но съ однимъ изъ этихъ «условій» оно связано иначе, чѣмъ съ другими: съ этимъ особымъ «условіемъ» оно не только соизмѣримо, но и фактически соизмѣрено,—представляетъ изъ себя новую форму его «энергіи», энергетически ему эквивалентно.

Беремъ конкретный примѣръ. Въ сосудѣ находится 1 килограммъ льду температуры 0°; прибавляютъ 1 килограммъ воды при 80° С. Получается таяніе льда. и въ результатѣ—2 килограмма воды, при 0°, т. е., при той же температурѣ, какую прежде имѣлъ ледъ *). Условія опыта многочисленны и

*) Въ курсахъ физики этотъ опытъ описывается въ главѣ о „скрытой теплотѣ плавленія". Весь излишекъ теплоты, который заключался въ 1 клгр. горячей воды при 80° С, уходитъ на

сложны: сосудъ съ плохо проводящими теплоту стѣнками, окружающій воздухъ, достаточно холодный, чтобы не оказать замѣтнаго и быстраго вліянія на плавленіе льда,—самый ледъ, — горячая вода,—дѣйствія экспериментатора, соединяющаго эти комплексы, и т. д. Всѣ эти условія энергетически-измѣримы, и тѣмъ самымъ с измѣримы между собой· сосудъ, ледъ, вода, организмъ лица, производящаго опытъ, могутъ разсматриваться, какъ комплексы, заключающіе въ себѣ опредѣленныя количества энергіи тепловой, сцѣпленія частицъ, химической, внутри-атомной и т под. «Обусловленное», т. е., въ данномъ случаѣ,—переходъ 1 клгр. льда изъ твердаго состоянія въ жидкое,—также есть явленіе, энергетически-опредѣленное по своей величинѣ. Но въ числѣ «условій» есть одно, а именно,—теплота прибавленной ко льду воды, которое исчезаетъ. по мѣрѣ того, какъ происходитъ таяніе льда, условіе, которое технически служитъ источникомъ энергіи для «обусловленнаго»: 80 большихъ калорій тепловой энергіи воды «перешли» или «превратились» въ таяніе 1 кгр. льда. Это условіе связано съ обусловленнымъ, какъ двѣ непосредственно примыкающія одна къ другой фазы одного и того же познавательно выдѣленнаго нами процесса. Другими словами, первое есть энергетическая «причина», второе—энергетическое «слѣдствіе».

Таковъ третій типъ причинности Въ немъ нѣтъ какъ видимъ, никакихъ слѣдовъ того фетишизма, изъ-за котораго сторонники «чистаго описанія» отвергаютъ самую идею причинности: здѣсь причина не «вызываетъ» слѣдствіе, аналогично акту воли, «вызывающему» дѣйствіе, но является техническимъ источникомъ слѣдствія, «переходитъ» въ него, въ этомъ смыслѣ. Нѣтъ здѣсь также той окраски внѣшней принудительности, которая свойственна «причинности—необходимости». Напротивъ. «техническій» генезисъ новаго типа причинности даетъ ему оттѣнокъ активности, не активности причинъ и слѣдствій другъ по отношенію къ другу, но активности познающаго по отношенію ко всѣмъ нимъ вмѣстѣ, активности практической, трудовой. И, разумѣется, никакого фетишизма этотъ оттѣнокъ въ себѣ не заключаетъ, онъ вы-

молекулярную работу—на превращеніе 1 клгр. льда въ воду, путемъ ослабленія связи частицъ льда и измѣненія формы ихъ колебаній; по обычной терминалогіи, эта теплота—80 калорій—„скрывается“ при плавленіи льда.

ражаетъ дѣйствительное, жизненное содержаніе данной формы мышленія.

Формальная концепція «функціональной зависимости», т. е.— с в я з и вообще, охватываетъ, конечно собою и принципъ энергіи, но охватываетъ его именно въ силу своей абстрактной пустоты, и ни въ какомъ случаѣ, слѣдовательно, не можетъ замѣнить его, какъ у н и в е р с а л ь н у ю форму мышленія. Эмпирокритики, вообще говоря, и не считаютъ принципъ энергіи всеобщимъ, а также не признаютъ его формою причинности.

Но и буржуазные энергетики не являются дѣйствительными представителями новаго типа причинности. У нихъ «энергія» выступаетъ, то съ характеромъ какой-то субстанціи, въ родѣ прежней «матеріи», причемъ энергетика становится просто чѣмъ-то среднимъ между старымъ матеріализмомъ и новымъ позитивизмомъ,— то, въ видѣ совершенно абстрактнаго «чистаго» символа, причемъ энергетика переходитъ въ эмпирио-символизмъ. Пониманіе соціально-техническаго генезиса «энергіи» совершенно чуждо буржуазнымъ энергетикамъ, и потому содержаніе этого принципа у нихъ то расплывается въ метафизической «субстанціональности», то улетучивается въ голомъ «символизмѣ».

Не надо, однако, и намъ представлять себѣ новый типъ причинности вполнѣ сложившимся, завершеннымъ. Скорѣе есть всѣ основанія думать, что его содержаніе находится еще только въ началѣ своего развитія.—потому что въ началѣ своего развитія находятся тѣ высшія формы сотрудничества и та высшая техника, которыя порождаютъ и опредѣляютъ собою этотъ способъ мышленія. Это не должно, однако, мѣшать намъ уже теперь видѣть его универсальность, неизбѣжность его дальнѣйшаго прогресса и его полной побѣды.

XXII.

Критика идеи «объясненія» вообще, во имя идеи «описанія» заключаетъ въ себѣ ту же основную ошибку, что и критика «причиннаго объясненія», въ частности. «Объясненіе» есть отнюдь не только то, чѣмъ его стараются изобразить сторонники «чистаго описанія», но нѣчто несравненно болѣе широкое.

«Объяснить» одно черезъ другое, значитъ, сдѣлать что-нибудь

яснымъ, понятнымъ, при помощи чего-нибудь иного, т. е. познавательно овладѣть однимъ объектомъ, при помощи пріемовъ, выработанныхъ для другого объекта.

Въ познаніи, какъ процессѣ трудовомъ, орудіями служатъ понятія. Исходя изъ этого, сравнимъ два случая—одинъ, относящіяся къ области технической, другой—къ теоретической.

Паровая машина примѣнялась вначалѣ только къ механическимъ операціямъ производства. Методы передвиженія развивались независимо отъ нея: строились шоссе, улучшались породы лошадей, совершенствовалось устройство экипажей, парусныхъ судовъ и т под. Но вотъ, паровая машина примѣняется и къ передвиженію. сначала на водѣ, потомъ на сушѣ. Вся техника передвиженія глубоко преобразуется; ея прогрессъ идетъ уже совершенно новыми путями, люди быстро овладѣваютъ «пространственными отношеніями» на земной поверхности, въ десятки разъ въ большей мѣрѣ. чѣмъ это было прежде.

Вильямъ Томсонъ замѣчаетъ сходство уравненія электрическаго разряда съ уравненіемъ ослабѣвающихъ колебаній. Оказывается, что достаточно приравнять нѣкоторые коэффиціенты одной формулы соотвѣтственнымъ коэффиціентамъ другой, и обѣ формулы становятся тожественны. На основѣ этого факта возникаетъ, спустя лѣтъ 15—20, теорія Кларка Максуэлля объ электро-магнитной природѣ свѣта, а спустя еще лѣтъ 20, опыты Герца надъ электрическими вибраціями. Весь путь развитія физики оказывается инымъ, чѣмъ раньше; сначала научная техника, а затѣмъ, и производственная овладѣваютъ массою новыхъ данныхъ и новыхъ условій борьбы съ природою (напримѣръ, безпроволочное телеграфированіе).

Два нашихъ примѣра вполнѣ параллельны и по существу дѣла, вполнѣ сходны между собой. Первый изъ нихъ представляетъ типичный случай распространенія техническаго метода на новую область, второй—типичный случай научнаго объясненія. Въ обоихъ случаяхъ дѣло сводится къ тому, что орудію человѣческой дѣятельности,—технической или познавательной,—дается расширенное примѣненіе,—и въ обоихъ случаяхъ самое орудіе для этого должно быть соотвѣтственно измѣнено: паровую машину надо приспособить для передвиженія, формулу колебаній въ сопротивляющейся средѣ, выработанную механикой, надо пре-

образовать для электрическихъ процессовъ. Оба акта человѣческой дѣятельности характеризуется своимъ монистическо-творческимъ характеромъ: монистическимъ потому что вносится единство метода въ раньше разъединенныя сферы труда или познанія; творческимъ, потому что достигается это путемъ «пластики формъ».

Сводить «объясненіе» къ простому «описанію» невѣрно потому, что содержаніе мыслительнаго процесса здѣсь и тамъ различное. «Описаніе» означаетъ, по преимуществу, пассивное приспособленіе мыслительнаго процесса къ находимымъ въ опытѣ комплексамъ; «объясненіе» же есть приспособленіе активно-организующее. Оно есть больше, чѣмъ даже «обобщающее описаніе», потому что предполагаетъ измѣненіе, пребразованіе уже имѣющихся описательныхъ символовъ,—понятій или формулъ.

Способы же «объясненія» исторически различны и опредѣляются господствующими формами мышленія. Если эти послѣднія фетишистичны, то совершенно естественно, что таковы же и способы «объясненія». При авторитарномъ складѣ жизни явленія «объясняются» либо прямо, какъ результатъ воли «духовъ», «боговъ» и т. под., либо, какъ «слѣдствія», производимыя «причинами», дѣйствующими по тому же типу, какъ «духи» дѣйствуютъ на свои «тѣла». При этомъ, если причинная связь на дѣлѣ уловлена правильно, то «объясненіе» достигаетъ цѣли, несмотря на свой фетишизмъ, который въ этомъ случаѣ имѣетъ то организующее значеніе, что вводитъ данную связь фактовъ въ общую систему міровоззрѣнія, закрѣпляетъ ее въ этой системѣ. Разумѣется, если вся система по существу, консервативна, то такое закрѣпленіе невыгодно для дальнѣйшаго прогресса познанія, но оно выгодно съ точки зрѣнія непосредственной экономіи мышленія.

Аналогичнымъ образомъ, въ царствѣ товарно-мѣновыхъ отношеній и метафизически-пустыхъ абстракцій методы «объясненія» метафизически абстрактны и пусты: «силы», «субстанціи» и т. п. Организующая роль ихъ, однако, за ними остается. И при извѣстныхъ условіяхъ, въ рамкахъ этихъ пустыхъ формъ создаются высоко-полезныя «объясненія», помогающія дѣйствительно овладѣть той или иной сферой опыта. Напримѣръ, когда предположили, что «сила», называемая теплотою, тожественна съ «живой силой» механики, а именно есть «живая сила» движенія молекулы, то изъ этого возникло такое пріобрѣтеніе науки, какъ механическая

теорія теплоты. Въ настоящее время эта теорія должна быть освобождена отъ оболочки тѣхъ формъ мышленія, среди которыхъ она создавалась, но она была и есть о б ъ я с н е н і е, а не голое описаніе фактовъ *).

Сторонники «чистаго описанія» признаютъ значеніе подобныхъ познавательныхъ пріемовъ, но допускаютъ ихъ только, какъ «эвристическія конструкціи» т. е. построенія, направленныя къ отысканію еще неустановленныхъ связей въ данныхъ опыта. По существу же, эвристическое построеніе, когда оно удачно, и является почти всегда именно научнымъ о б ъ я с н е н і е м ъ, т. е. примѣненіемъ понятій и схемъ, имѣвшихся уже раньше, но цѣлесообразно измѣненныхъ, къ новому ряду фактовъ. Такъ это бываетъ обыкновенно,—иногда, однако, эвристическая конструкція можетъ быть и «совершенно новой» схемой, примѣненной къ отдѣльному ряду фактовъ. Тогда опять-таки тенденція къ единству познанія ставитъ задачу «объясненія»: либо должна быть найдена связь данной схемы со схемами, относящимися къ другимъ рядамъ фактовъ, либо онѣ должны быть измѣнены и замѣнены настолько, чтобы между ними и новой схемой установилась достаточная связь мышленія. задача опять монистически-творческая. Ибо мышленіе, какъ всякая жизненная функція, нуждается въ органическомъ единствѣ, и если линіи мышленія расходятся, если пріемы его оказываются въ разныхъ случаяхъ рѣзко различными, то это не соотвѣтствуетъ «экономіи» его развитія

Большая часть позитивистовъ можетъ пренебрежительно относиться къ этой задачѣ, можетъ даже отвергать ее въ корнѣ факти-

*) Если бы мы полагали, что механическая теорія теплоты раскрываетъ „сущность“ тепловыхъ явленій, что она к а ч е с т в е н н о сводитъ ихъ къ механическимъ движеніямъ, т. е. элементы первыхъ, какимъ-то образомъ разлагаетъ на элементы вторыхъ, а не просто позволяетъ намъ успѣшно овладѣть одною, менѣе изслѣдованной группой фактовъ, при помощи схемъ и пріемовъ, ведущихъ свое происхожденіе изъ другой, болѣе изслѣдованной области опыта,—то это была бы, дѣйствительно противорѣчащая опыту, фетишистическая идея „объясненія“, и она, конечно существовала раньше, и сейчасъ отчасти держится среди болѣе отсталыхъ физиковъ и философовъ, а также малообразованныхъ людей вообще. Но эмпиріокритики и Махъ, возстовая противъ этой идеи „объясненія“ считаютъ, что всякое объясненіе именно таково, что это—е д и н с т в е н н ы й типъ „объясненій“. Частное они принимаютъ за общее, и въ этомъ конечно, неправы.

ческое развитіе науки показываетъ что эта задача органически свойственна познанію. Возьмите, напримѣръ. эвристическую конструкцію или. вѣрнѣе, объяснительную гипотезу дарвинизма. Уже сама по себѣ она есть, несомнѣнно перенесеніе въ сферу общей біологіи, понятій и схемъ, взятыхъ частью изъ области техники скотоводства , частью изъ міра капиталистической экономики («подборъ»—«конкурренція»). Но одновременно съ этой біологической схемой въ соціальной наукѣ возникаетъ, въ высшей степени ей родственная «эвристическая схема» марксизма: единство пріемовъ мысли въ обѣихъ схемахъ ясно даже безъ особаго изслѣдованія: болѣе внимательное изученіе показываетъ, что марксизмъ въ области жизни соціальной строго проводитъ ту самую концепцію соотношенія формъ жизни съ ихъ средой, которую дарвинизмъ устанавливаетъ для жизненныхъ процессовъ вообще (я, разумѣется, говорю не о чисто внѣшнемъ перенесеніи дарвиновскихъ формулъ на соціальную жизнь,—томъ механическомъ перенесеніи, которое практикуется буржуазными «соціологами-дарвинистами»: мы видѣли, что дѣйствительный путь о б ъ я с н е н і я не таковъ, что онъ всегда предполагаетъ п р е о б р а з о в а н і е формулъ соотвѣтственно особенностямъ новаго ряда фактовъ, къ которымъ онѣ примѣняются). А затѣмъ, уже въ 70-хъ годахъ Круксъ пытается воспользоваться схемами дарвинизма для объясненія развитія неорганическаго міра, и спеціально,—химическихъ элементовъ; тогда это ему не удается,—но теперь его «монистическія предчувствія» оправдываются въ полной мѣрѣ; всѣ нынѣшнія концепціи происхожденія матеріи имѣютъ въ своей основѣ идею сохраненія—отбора комбинацій, устойчивыхъ по отношенію къ ихъ средѣ. Эвристическая конструкція стремится либо стать универсальной, либо войти, какъ часть, въ другую. универсальную конструкцію. т. е. познаніе стремится къ м о н и с т и ч е с к о м у о б ъ я с н е н і ю; это явленіе можетъ происходить помимо сознанія теоретиковъ. даже вопреки ему, но оно постоянно происходитъ; и всего лучше заранѣе принимать его въ разсчетъ, планомѣрно содѣйствовать ему *).

*) Упомянутая здѣсь связь біологической и соціальной теоріи развитія, спеціально разсмотрѣна мною въ книгѣ „Изъ психологіи общества“, статья „Развитіе жизни въ природѣ и въ обществѣ“, единство метода той и другой частью также въ моей статьѣ о Махѣ, помѣщенной какъ предисловіе къ переводу „Анализа ощущеній“. Связь обѣихъ этихъ схемъ съ общей энергетической точкой зрѣнія—въ „Эмпиріомонизмѣ“, (главнымъ образомъ часть III).

Тѣ новыя, высшія формы мышленія, которыя теперь нарождаются, вмѣстѣ съ новыми способами «объясненія» создадутъ и монистическую методологію. Тогда выработка удачныхъ «эвристическихъ конструкцій» будетъ не дѣломъ болѣе или менѣе случайнаго вдохновенія, какъ теперь, а дѣломъ планомѣрнаго измѣненія и подбора познавательныхъ пріемовъ. Высшее познавательное творчество перестанетъ быть удѣломъ немногихъ, особенно счастливо организованныхъ натуръ.

XXIII

Методологіей школы опредѣляется ея пониманіе той основной связи, которая существуетъ между познаніемъ и дѣйствительностью. Для матеріализма связь эта такова, что «дѣйствительность» или «природа» подчинена «различнымъ законамъ», которые «искони въ ней лежатъ», и познаніе можетъ только раскрывать, обнаруживать эти независимые отъ него законы. Для скептицизма вопросъ о неизмѣнныхъ законахъ, лежащихъ внѣ человѣческаго сознанія остается открытымъ; а тѣ закономѣрности, которыя обычно устанавливаются въ опытѣ, признаются только болѣе устойчивыми, часто повторяющимися ассоціативными комбинаціями; т. е. эти «законы» лежатъ уже всецѣло въ человѣческомъ сознаніи. Какова въ этомъ отношеніи позиція Маха и эмпиріокритиковъ?

Здѣсь она ближе къ Юму. Всякіе «неизмѣнные законы», свойственные самой «природѣ вещей», школа рѣшительно отрицаетъ, считая такія концепціи метафизикой. Тѣ высшія обобщенія, къ которымъ приходитъ познаніе и которыя въ наукѣ обозначились до сихъ поръ, какъ «законы природы», школа эта признаетъ наиболѣе общими пріемами ориентировки, въ различныхъ и измѣняющихся содержаніяхъ опыта, относитъ ихъ, слѣдовательно, не къ природѣ, а къ самому человѣку. Правда, это не есть и кантіанское «законодательствованіе человѣка природѣ»: человѣкъ здѣсь выступаетъ не какъ изолированный кантіанскій «субъектъ» а, какъ реальная часть нераздѣльной системы опыта; онъ не заключаетъ въ себѣ весь міръ опыта, а только «ориентируется» въ немъ, при помощи своихъ познавательныхъ методовъ; въ частности, онъ дѣлаетъ это посредствомъ того, другого, третьяго «закона природы», который затѣмъ, съ расширеніемъ доступнаго чело-

вѣку содержанія опыта и съ выработкой новыхъ методовъ, будетъ отброшенъ и замѣненъ другими, болѣе подходящими для ориентировки «законами».

Какъ ни различны три указанныя концепціи связи между познаніемъ и дѣйствительностью, но у нихъ можно найти одну существенную, общую черту, выраженную, впрочемъ, не только не въ одинаковой мѣрѣ, но и неодинаковымъ образомъ Роль познанія по отношенію къ дѣйствительности, здѣсь всюду окрашена извѣстной пассивностью. Для матеріалиста «природа» въ основѣ уже вполнѣ организована «неизмѣнными законами», которые въ ней дѣйствуютъ; дѣло познанія только выяснять ихъ и сообразоваться съ ними, ибо они, какъ нѣкоторый «рокъ», непреложны и непреодолимы. Съ точки зрѣнія скептика, субъективный по всему своему содержанію міръ опыта своими повторяющимися комбинаціями даетъ лишь шаткую почву для столь же субъективнаго и шаткаго, а потому окончательно неспособнаго къ активному творчеству познанія. Наконецъ, въ глазахъ эмпиріокритика міръ, съ его данными объективными и субъективными, ставитъ передъ познаніемъ, какъ основную задачу, только—ориентироваться въ этихъ содержаніяхъ, а не задачу—найти способы существеннаго ихъ измѣненія *).

Я говорю о характерѣ пассивности, разумѣется, лишь въ относительномъ смыслѣ,—по сравненію съ тѣми большими задачами, которыя могутъ быть предъявлены и уже предъявляются къ познанію въ сферѣ его общаго соотношенія съ дѣйствительностью. «Пассивность» здѣсь означаетъ, главнымъ образомъ, ограниченіе активности.

Такъ, матеріалистъ разсматриваетъ «непреложные законы природы» не только, какъ «предѣлъ, его же не прейдутъ» познаніе и практика, но такъ же, и какъ извѣстную опору для познанія и практики: въ рамкахъ этихъ «непреложныхъ законовъ», основываясь на нихъ, можно до нѣкоторой степени воздѣйствовать на природу, измѣнять тѣ или иныя ея частныя комбинаціи. Скептикъ тоже признаетъ практическое значеніе и практическую удовлетворительность выводовъ познанія, въ предѣлахъ

*) „Философы лишь объясняли міръ такъ или иначе,—говорилъ Марксъ.—но дѣло заключается въ томъ, чтобы измѣнять его“. (Примѣчанія къ Фейербаху).

обычнаго опыта. А эмпиріокритики «практическую природу познанія» подчеркивали всегда съ особенной энергіей Ограниченіе активности заключается у всѣхъ этихъ школъ въ томъ характерѣ, который придается практической роли познанія. въ одномъ случаѣ, она подчинена неизмѣннымъ условіямъ, лежащимъ внѣ человѣческой природы вообще, въ другомъ придавлена принципіальнымъ недовѣріемъ къ познанію, въ третьемъ, сводится къ спеціально-оріентирующей функціи ..

Происхожденіе этой особенности во взглядахъ трехъ школъ, повидимому, неодинаково, какъ неодинаковы и самыя ея проявленія. «Неизмѣнные законы природы» у матеріалистовъ, очевидно, имѣютъ общій генезисъ съ «причинностью—необходимостью», которая, какъ бы резюмируетъ ихъ въ себѣ, и которая, какъ мы видѣли отражаетъ въ своей суровой принудительности—непреодолимую силу экономической стихійности рынка, царящую надъ человѣкомъ *). Внутреннее безсиліе скептическаго познанія воплощаетъ, такъ сказать, индивидуально-субъективную сторону этой объективной принудительности, то состояніе необезпеченности и неувѣренности въ будущемъ которое тяготѣетъ надъ душой буржуазно-мѣщанового индивидуума, въ видѣ недоступной его волѣ и предвидѣнію экономической конъюнктуры.

*) Эта характеристика точно соотвѣтствуетъ только вполнѣ сложившемуся буржуазному матеріализму. Зарожденіе же его относится къ тѣмъ временамъ, когда общество переходило изъ подъ стихійной власти внѣшней природы—подъ власть его собственной стихійности, когда первая власть еще не исчезла окончательно, а вторая уже ощущалась достаточно. Тогда концепція „необходимости“ и неизмѣнныхъ законовъ природы“ имѣла также переходный характеръ, отражая и исчезающую принудительность господства природы, и нарождающуюся принудительность господства рынка. А такъ какъ первая, будучи конкретна, непосредственно „осязаема“ въ своихъ проявленіяхъ, имѣетъ тенденцію воплощаться въ конкретныхъ же образахъ—при преобладаніи въ это время еще авторитарныхъ формъ жизни, именно въ религіозныхъ образахъ божества, — то вначалѣ матеріалистическая необходимость и выступаетъ въ своеобразномъ конкретно-религіозномъ костюмѣ: божество съ момента творенія даетъ міру непреложные законы его бытія. Впослѣдствіи этотъ „деистическій“ матеріализмъ частью просто вытѣсняется атеистическимъ частью же его „божество“, теряя свою личную конкретность, тускнѣетъ и блѣднѣетъ превращаясь въ обычную пустую и сѣрую абстракцію буржуазной мысли.

У эмпиріокритиковъ пассивно-ограничительная тенденція исходитъ не изъ этого гнета.—силы рынка и власти конъюнктуры. Атмосфера лихорадочной конкурренціи и вѣчнаго риска далеко не такъ непрерывно и сильно охватываетъ буржуазно-техническую интеллигенцію, какъ предпринимательскую буржуазію, далеко не такъ остро и непосредственно давитъ первую какъ вторую Спеціально же. та научно-техническая интеллигенція, къ которой принадлежатъ ученые естествоиспытатели. представляетъ одну изъ наиболѣе фактически обезпеченныхъ группъ общества. Здѣсь и характеръ. и происхожденіе оттѣнка «пассивности» познанія сразу становятся понятны. если обратить вниманіе на технически-трудовой опытъ данной группы, на самый типъ ея работы Въ этой работѣ. какъ мы знаемъ. элементы физическаго усилія. элементы непосредственной борьбы съ внѣшними сопротивленіями выражены всего слабѣе; наибольшее мѣсто занимаютъ операціи соображенія. разсчета, обдумыванія, вычисленія.—вообще, мысленнаго координированія имѣющихся на-лицо техническихъ условій. Въ основѣ такой работы лежитъ именно мысленная ріентировка во всѣхъ этихъ наличныхъ условіяхъ,—очень многочисленныхъ и очень сложныхъ. А реальное ихъ комбинированіе. основанное на этой ріентировкѣ. и дѣйствительное ихъ измѣненіе дѣлается руками другихъ лицъ. Словомъ, специфическая «духовность» интеллигентно-техническаго труда, при «матеріальности» общаго производственнаго процесса, его условій и его результатовъ, и при крайней сложности его элементовъ. придаетъ познанію, по преимуществу, окраску «ріентировки», съ присущимъ ей характеромъ нѣкоторой пассивности.

Въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, форма мышленія опредѣляется содержаніемъ трудового опыта

XXIV.

На этомъ я заканчиваю свою, по необходимости, общую и сжатую, характеристику той философіи прогрессивныхъ естествоиспытателей нашего времени, которая типически можетъ быть представлена школой Маха и эмпиріокритиковъ. Мы видѣли, что значеніе этихъ взглядовъ простирается далеко за предѣлы спеціально-научной области точнаго изученія природы, что это—философская

идеологія цѣлой обширной группы современнаго общества, именно —интеллигентно-техническаго персонала, занятаго въ капиталистическомъ производствѣ, въ его промышленныхъ и научныхъ предпріятіяхъ. Мы видѣли, какъ изъ трудовыхъ функцій указанной группы и изъ ея соціальнаго положенія вытекаютъ основныя особенности изучаемаго міровоззрѣнія: его пониманіе опыта, его методологическіе принципы, его общая оцѣнка смысла и роли познавательной дѣятельности. Теперь я считаю возможнымъ перейти ко второй, главной части моей задачи.

Міровоззрѣніе каждаго класса, каждой соціальной группы общества, представляетъ изъ себя, по существу, организацію ихъ опыта, ихъ соціальныхъ переживаній Но это не значитъ, чтобы всѣ такія міровоззрѣнія развивались независимо, изолированно. Каждый классъ или группа, становясь въ опредѣленныя трудовыя отношенія къ другимъ классамъ и группамъ, или исторически ихъ смѣняя, можетъ имѣть съ ними нѣкоторыя общія условія производственной и соціально-экономической жизни. Въ предѣлахъ этихъ общихъ условій онъ можетъ вырабатывать сходныя формы мышленія, міросозерцанія; а если онъ исторически моложе тѣхъ классовъ и группъ, то съ величайшей пользой для себя онъ можетъ усваивать изъ выработанныхъ уже ими идеологій то, что подходитъ къ его трудовому опыту, къ его жизненнымъ потребностямъ и задачамъ.

Пролетаріатъ—самый молодой изъ классовъ нынѣшняго общества, естественный наслѣдникъ всѣхъ остальныхъ всего прогрессивнаго въ ихъ матеріальной и духовной культурѣ Пролетаріатъ учился и учится у буржуазныхъ классовъ,—въ этомъ одинъ изъ источниковъ его творческой силы. Величайшій идеологъ рабочаго класса понялъ это съ самаго начала. Экономическая наука буржуазныхъ классовъ, діалектическій методъ буржуазной философіи Гегеля, реализмъ буржуазныхъ матеріалистовъ, критика капиталистическихъ отношеній, данная мелко-буржуазными,—на девять десятыхъ—утопистами —все это, въ преображенномъ видѣ, вошло у Маркса въ основной матеріалъ новой идеологіи. Въ этомъ синтезѣ не было ничего похожаго на эклектизмъ, на компромиссъ съ буржуазными міровоззрѣніями.

Въ самомъ дѣлѣ, если буржуазія, будучи въ ту эпоху классомъ глубоко прогрессивнымъ и быстро развивающимся, отразила эту

особенность своего соціальнаго бытія въ «діалектическомъ» мышленіи ея лучшихъ идеологовъ.—то развѣ пролетаріатъ не отличался той же особенностью.—еще въ большей степени? И потому, «діалектика» могла и должна была войти въ его идеологію — но не, какъ буржуазная, а какъ иная, пролетарская діалектика, ибо характеръ прогрессивности и развитія у пролетаріата иной чѣмъ у буржуазіи Точно также реализмъ буржуазныхъ матеріалистовъ и позитивистовъ, порожденный тогда еще прочной связью буржуазіи съ техническимъ прогрессомъ, дающимъ дѣйствительную власть надъ природой,—этотъ реализмъ, конечно, могъ и долженъ былъ войти въ систему мышленія пролетаріата который еще неизмѣримо тѣснѣе связанъ съ производствомъ, но также войти въ иномъ пролетарски переработанномъ видѣ. Анализъ производства и обращенія товаровъ, сдѣланный экономистами-классиками, былъ ими выполненъ не только съ точки зрѣнія буржуазіи, какъ класса, но и съ точки зрѣнія техническаго и экономическаго прогресса, въ тѣ времена, особенно близкаго сердцу и уму буржуазіи, — съ точки зрѣнія развитія капитализма вообще; понятно, что въ результатахъ этого анализа, многое должно было оказаться подходящимъ для соціальнаго міровоззрѣнія пролетаріата, класса, для котораго техническое развитіе и развитіе капитализма являются могучими двигателями его собственнаго прогресса. А, наконецъ та яркая и страстная критика утопистовъ, раскрывавшая жизненныя противорѣчія капитализма, которая была порождена больше всего муками гибнущей подъ ударами капитала мелкой буржуазіи,—развѣ эта критика не была во многомъ близкой къ жизненному опыту пролетаріата, которому капиталъ также уготовалъ ложе —не изъ розъ?..

Пролетаріатъ беретъ у другихъ классовъ т о, ч т о е м у п р и н а д л е ж и т ъ.—то, что онъ можетъ сдѣлать своимъ, что нуждается только въ большей или меньшей обработкѣ, чтобы естественно войти въ организацію е г о трудового опыта. Съ этой точки зрѣнія,—что способна дать ему философія современныхъ естествоиспытателей, современной технической интеллигенціи? Въ чемъ сходится и въ чемъ расходится его трудовой опытъ съ опытомъ этой группы? Вотъ вопросъ.

XXV.

Пролетаріатъ и «техническая интеллигенція» работаютъ въ одной и той же системѣ производства, имѣютъ дѣло съ одной и той же научно-организованной техникой. Рабочій выполняетъ функцію «исполнителя», но, вообще говоря, отнюдь не механично-пассивнаго исполнителя. Отъ него требуется несравненно меньше профессионально-ремесленной ловкости, чѣмъ, напримѣръ, отъ прежняго рабочаго мануфактуры,—но чѣмъ дальше и совершеннѣе развивается машинное производство, тѣмъ больше требуется отъ пролетарія общей интеллигентности и дисциплины вниманія. Характеръ его работы все болѣе сводится къ надзору и контролю надъ движеніями машины,—психологическій типъ работы, прежде свойственный только организаторской функціи въ производствѣ. При этомъ, по мѣрѣ усложненія механизмовъ, для разумнаго и своевременнаго вмѣшательства въ ихъ дѣятельность, все необходимѣе становится рабочему ясное пониманіе какъ устройства спеціальныхъ аппаратовъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, такъ и общихъ основъ машинной техники,—умѣніе быстро и точно оріентироваться въ соотношеніи частей данной машины при ея работѣ, и въ отношеніяхъ ея къ другимъ механизмамъ, съ которыми она связана напримѣръ, къ генераторамъ ея энергіи. Возрастаетъ потребность въ общемъ образованіи для рабочаго, а въ то же время самый процессъ его труда пріучаетъ его къ истинно-научной точности воспріятія и мышленія. Поэтому, хотя руководство машинной техникой принадлежитъ не рабочему, а инженеру-интеллигенту, но ея воспитательное вліяніе, вытекающее изъ ея научнаго характера, для пролетарія является такимъ же точно, какъ для его руководителей. Еще очевиднѣе это относится къ тому вліянію, которое должны оказывать практическое могущество этой техники и ея прогрессивность, ея стремительное развитіе.

Слѣдовательно, если у «технической интеллигенціи», съ ея учеными идеологами, эти особенности машиннаго производства порождаютъ въ міровоззрѣніи, какъ мы это видѣли, тенденціи реализма и эволюціонности,—то тѣ же тенденціи должны обнаружиться, конечно, и въ мышленіи пролетаріата: съ этой стороны, философія прогрессивныхъ естествоиспытателей нашего времени должна дать ему во многомъ подходящій матеріалъ, многому онъ можетъ у нея

научиться. Но учиться для пролетаріата вовсе не означаетъ — пассивно перенимать слишкомъ своеобразно положеніе этого класса въ производствѣ и въ обществѣ; то, что онъ беретъ у другихъ, онъ неизбѣжно долженъ перерабатывать по-своему: его реализмъ его эволюціонность во многомъ отличаются отъ реализма и эволюціонности буржуазно-интеллигентскихъ. Въ чемъ именно они отличаются, это мы выяснимъ сейчасъ, принявъ во вниманіе о с о б ы я условія пролетарскаго трудового опыта.

XXVI.

Еще не пролетаріатъ руководитъ машинной техникой но она осуществляется е г о р у к а м и.—вотъ главная, специфическая черта роли пролетаріата въ нынѣшнемъ машинномъ производствѣ. Въ этой организаціи борьбы общества съ внѣшней природой, именно пролетарій стоитъ въ первомъ ряду, лицомъ къ лицу съ «матеріей», которую надо побѣдить и покорить.—именно, онъ, опираясь на мертвую силу механизмовъ, непосредственно имѣетъ дѣло съ сопротивленіемъ «матеріи», непосредственно его преодолѣваетъ. Онъ физически испытываетъ это сопротивленіе каждый разъ, какъ вмѣшивается въ дѣятельность механизмовъ.—онъ становится его жертвой, когда нарушается координація силъ въ технической системѣ, и стихійность природы пользуется случаемъ, чтобы отомстить побѣждающему ее сознанію человѣка. Рабочему «матеріальная» сторона производства знакома наиболѣе близко и конкретно, несравненно конкретнѣе и ближе, чѣмъ даже стоящему надъ нимъ руководителю,—инженеру, не говоря уже о почти окончательно отъ нея ушедшемъ предпринимателѣ-капиталистѣ.

Этой т е х н и ч е с к о й п о з и ц і е й пролетарія опредѣляется цѣлый рядъ необходимыхъ особенностей въ его міровоззрѣніи и міропониманіи. Иначе долженъ онъ воспринимать природу, иначе представлять себѣ смыслъ познанія, чѣмъ другіе классы и группы. И матеріалъ, и методы познанія выступаютъ для него въ иномъ свѣтѣ, с ъ и н ы м ъ х а р а к т е р о м ъ.

Въ чемъ же именно? Начнемъ съ матеріала познанія.

XXVII.

Тотъ анализъ опыта, который выполнили Махъ и эмпиріокритики, въ которомъ міръ опыта выступаетъ, какъ потокъ «элементовъ», одинаковыхъ въ области «физической» и въ области «психической», но связанныхъ здѣсь и тамъ различною связью.—подходитъ ли этотъ анализъ для пролетарскаго мышленія или нѣтъ?

Въ основѣ,—несомнѣнно, да. Пролетарій, своей психикой и своимъ тѣломъ постоянно воздѣйствующій на природу, постоянно своей психической и физической активностью измѣняющій ея комбинаціи, но и постоянно получающій отъ нихъ отвѣтныя воздѣйствія, измѣняющія его собственную природу, теченіе физическихъ и психическихъ ея процессовъ,—болѣе всякаго другого склоненъ и способенъ признать единство матеріала обѣихъ областей опыта. Ихъ взаимодѣйствіе и взаимоизмѣненіе для него—самый наглядный и самый элементарный фактъ опыта, и практика производства его учитъ, что дѣйствіе однимъ предметомъ на другой возможно лишь въ предѣлахъ принципіальной однородности ихъ матеріала: топоромъ нельзя изрубить тѣнь или запахъ, а тѣнью топора—дерево... Съ этой стороны, такимъ образомъ, «эмпиріокритическая» концепція опыта для пролетарія естественна и понятна.

Но самые «элементы» должны представляться рабочему въ другой окраскѣ, должны имѣть для него характеръ, который я, не находя другого слова, обозначу, какъ «болѣе матеріальный».

Если изъ понятія «матеріи» устранить то, что принадлежитъ въ немъ авторитарному фетишизму, т. е. идею чего-то противоположнаго и соотносительнаго «духу», чего-то вполнѣ пассивнаго и инертнаго, если оставить въ немъ только то содержаніе, которое дается для этого понятія самимъ производственно-техническимъ процессомъ, то «матерія» будетъ означать только объектъ труда, то, что оказываетъ сопротивленіе человѣческой активности, а «матеріальность»—самый фактъ этого сопротивленія *).

*) Таково единственное, на мой взглядъ, возможное въ наше время „философское“ опредѣленіе матеріи, свободное отъ фетишизма и противорѣчій. Ему почти вполнѣ соотвѣтствуетъ (по существу, но не по формѣ) то опредѣленіе „массы“, къ которому приходитъ Махъ въ своей „Mechanik in ihrer Entwic-

И вотъ, такое сопротивленіе пролетарій-работникъ больше и непосредственнѣе, чѣмъ всѣ другіе классы, находитъ и воспринимаетъ въ «матеріалѣ» своего трудового опыта во всѣхъ его областяхъ «Физическія» комбинаціи элементовъ опъ измѣняетъ путемъ непрерывныхъ у с и л і й въ процессѣ производства; но и «психическія» комбинаціи, его собственныя психическія состоянія, на каждомъ шагу требуютъ отъ него не меньшихъ у с и л і й для своего преодолѣнія: возрастающая интенсивность труда при томъ характерѣ контроля и надзора за машиной, который составляетъ главную черту этого труда, вынуждаетъ рабочаго къ такому постоянно-напряженному вниманію, которое само по себѣ ощущается почти, какъ тяжелое физическое усиліе, и борьба съ «психическимъ» утомленіемъ тутъ чувствуется не менѣе реальною, чѣмъ борьба съ любымъ «внѣшнимъ сопротивленіемъ»,—точно также и борьба съ психически-отвлекающими моментами, нарушающими ходъ работы. Эта «матеріальность» міра элементовъ уже несравненно слабѣе воспринимается представителемъ технически-интеллигентскаго персонала, въ работѣ котораго физическія усилія занимаютъ сравнительно небольшое мѣсто, а самый типъ работы гораздо «свободнѣе», не требуетъ, обыкновенно, той мучительной непрерывности вниманія, къ которой обязываетъ рабочаго непрерывность движеній машины. Что касается нынѣшняго, почти уже оторвавшагося отъ системы производства, представителя буржуазіи, который преодолѣваетъ «сопротивленія физическія» почти только въ пріятныхъ и свободныхъ занятіяхъ спортомъ, а «психическихъ» имѣетъ возможность на практикѣ почти вполнѣ избѣгать,—то ясно, что для него матеріалъ опыта всего менѣе окрашенъ суровой «матеріальностью».

Получается своеобразная градація «матеріальности» элементовъ опыта, какъ послѣднихъ результатовъ его мысленнаго анализа. Выразить эту градацію словами очень трудно, если брать элементы, такъ сказать, сами по себѣ, независимо отъ ихъ связи: тогда придется только и ограничиться той формулировкой, что въ представленіи опыта у пролетарія послѣдніе «элементы» въ наибольшей мѣрѣ обладаютъ «характеромъ матеріальности», у ученаго техника

klung". („Исторія механики"): „масса—это коэффиціентъ, обратный ускоренію", т. е. величина, соотвѣтствующая сопротивленію комплекса: для механическаго движенія, чѣмъ это сопротивленіе меньше, тѣмъ ускореніе больше.

—въ меньшей степени, у буржуа, особенно у паразита-рентьера—въ наименьшей. Но если взять «элементы» вмѣстѣ съ ихъ общей связью, то различія выражаются гораздо яснѣе и опредѣленнѣе.

Въ анализѣ буржуазно-индивидуалистической философіи матеріаломъ опыта оказываются, какъ мы уже видѣли, «ощущенія и представленія»—продукты, сравнительно, «воздушные», и выступающіе въ сравнительно непрочной и ненадежной—ассоціативной связи.

Въ анализѣ Маха и эмпиріокритиковъ матеріалъ опыта—«элементы», обозначеніе строго формальное, говорящее только о томъ, что выполненъ анализъ и проведенъ до конца, т. е. настолько далеко, насколько это въ данный моментъ было возможно; вопросъ объ отношеніи этого матеріала къ человѣческой активности, объ его «сопротивляемости», этимъ терминомъ не предрѣшается. Но отношеніе между элементами опредѣляется, какъ «связь», съ одной точки зрѣнія «зависимая», т. е. та же ассоціативная, съ другой точки зрѣнія—«независимая», «объективная»,—что неопредѣленно указываетъ уже на возможныя с о п р о т и в л е н і я,—но только неопредѣленно. И всѣ характеристики соотношеній между элементами здѣсь вообще такъ же формально и такъ же неопредѣленно говорятъ о «связи», «группировкахъ», словомъ, о какихъ то соединеніяхъ элементовъ и какой то ихъ зависимости, не внося никакихъ конкретныхъ, опредѣляющихъ чертъ въ эти общія формулы *)

А пролетарскій анализъ опыта? Формальное понятіе «элементовъ» можетъ быть сохранено въ немъ именно въ силу своей «подвижности» и своей «универсальности»: тотъ предѣлъ, до котораго удалось дойти въ разложеніи комбинацій опыта,—который завтра же можетъ быть и превзойденъ новымъ шагомъ въ этомъ направленіи,—предѣлъ исторически данный, который въ своей окраскѣ большей или меньшей «матеріальности» носитъ, конечно, отпечатокъ исходнаго пункта анализа—системы опыта въ цѣломъ, являющейся для различныхъ классовъ съ различной степенью этой же окраски. Но взаимныя сочетанія, комбинаціи элементовъ для пролетарской мысли должны представляться не какъ абстрактно-чистая «связь» вообще, не какъ простое ихъ с о е д и н е н і е, а какъ

*) Даже терминъ „комплексы элементовъ“ у Маха, вопреки своему филологическому значенію („сплетеніе“) на дѣлѣ обозначаетъ какія-то неопредѣленно-механическія комбинаціи: одни элементы присоединены къ другимъ, и только.

организація элементовъ: понятіе «организаціи» охватываетъ собою не только идею соединенія чего-либо, но также идею того сопротивленія, которое оно оказываетъ, когда его «разъединяютъ» или вообще измѣняютъ—сопротивленія практическому воздѣйствію, и даже теоретическому анализу. Это—понятіе о связи «реальной», исторически создающейся и разрушающейся въ борьбѣ ея формъ, а не о голой «функціональной» связи, какой она выступаетъ въ интеллигентски-научныхъ міровоззрѣніяхъ.

XXVIII.

Я сказалъ, что формальное понятіе «элементовъ», какъ предѣльныхъ результатовъ разложенія опыта, на мой взглядъ, можетъ сохраниться и въ пролетарской философіи, хотя неизбѣжно съ инымъ оттѣнкомъ. Надо сказать больше,—отчасти даже съ инымъ содержаніемъ. Дѣло въ томъ, что именно въ этомъ пунктѣ философія современныхъ естествоиспытателей обнаруживаетъ нѣкоторые слѣды статистическаго міровоззрѣнія, въ общемъ, конечно, ей чуждаго, но все-же, силою консерватизма идеологическихъ формъ, удерживающагося въ извѣстныхъ ея частяхъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ это можетъ допустить мышленіе рабочаго класса, наиболѣе активнаго въ системѣ производства и наиболѣе прогрессивнаго въ жизни общества *).

*) Что касается *соціальной* стороны міровоззрѣнія технической интеллигенціи, то тамъ извѣстная доля „статики“ сохраняется не только въ силу этого идеологическаго консерватизма, но еще болѣе благодаря нѣкоторымъ консервативнымъ интересамъ этой группы, сравнительно хорошо устроившейся въ нынѣшнемъ обществѣ, и не склонной къ соціальнымъ революціямъ. Но сейчасъ рѣчь не о томъ, а объ теоретическихъ основахъ школы, и притомъ только о общихъ для всей школы. У отдѣльныхъ философовъ статическая тенденція выступаетъ еще въ иныхъ пунктахъ, напр., у Авенаріуса и у Петцольда въ ученіи о жизненномъ равновѣсіи какъ о нормѣ или идеалѣ, къ которому тяготѣетъ всякое приспособленіе, всякое развитіе жизни. Противъ этой идеи у Авенаріуса я полемизировалъ уже въ своей юношеской работѣ „Познаніе съ исторической точки зрѣнія“, а потомъ въ „Эмпиріомонизмѣ“ (ч. I, стр. 94—113, и ч. II, стр. 161—182). І. Петцольдъ, развившій ту же идею до крайности, наглядно обнаружилъ тѣмъ самымъ ея реакціонность.

Что такое «элементы» опыта у Маха и эмпиріокритиковъ? Послѣдній результатъ анализа—значитъ, наименьшее различаемое въ опытѣ. Различеніе тутъ имѣется въ виду прежде всего качественное: это цвѣта, тоны, элементы тепла, холода, твердости, пространственные элементы, запахи и т. д. Затѣмъ, должно приниматься въ расчетъ и количественное различеніе: «элементомъ» слѣдуетъ, собственно, считать наименьшее различаемое въ опытѣ количество даннаго «качества»; напр., «элементъ зеленаго» это—наименьшее, какое еще можно различать при разложеніи опыта, количество «зеленаго цвѣта». Объ этой количественной сторонѣ анализа ни Махъ, ни эмпиріокритики обыкновенно не упоминаютъ,—но можно думать, что они ее подразумѣваютъ. Во всякомъ случаѣ, она также необходима, формально необходима, если анализъ долженъ вестись до конца*).

Беремъ разные такіе «элементы»: минимумъ краснаго, минимумъ теплаго, минимумъ пространственно-различимаго, минимумъ такого-то, положимъ, тона, и т д. Дѣйствительно ли это элементы опыта? Опытъ есть прежде всего процессъ, и «элементами» его могутъ быть только процессы. А «элементы» эмпиріокритиковъ—не процессы. «Красное» представляется, какъ своего рода ткань, сплетающаяся съ другими тканями—качествами, устойчивая, сама себѣ равная,—какъ нѣчто подобное «предметамъ», а не «процессамъ». Живой потокъ опыта изъ такихъ тканей составиться не могъ бы,—изъ нихъ получился бы какой-нибудь статическій міръ. А нашъ міръ опыта динамиченъ вполнѣ; это міръ измѣненій. «Элементы» этого міра, значитъ, не красное», «теплое» и т. д., а «возникновеніе краснаго», «возникновеніе теплаго» и т. д. (всюду подразумѣвается, конечно, минимумъ различимаго). Таковы дѣйствительно элементы опыта, и неправильно статическое ихъ описаніе, даваемое эмпиріокритиками

Особенно легко въ этомъ убѣдиться, если мы станемъ разсматривать элементы психическаго опыта («элементарныя ощуще-

*) У Авенаріуса анализъ заканчивается на „элементахъ“ въ указанномъ смыслѣ, и на „характерахъ“ („пріятное“, „непріятное“, „реальное“, „мнимое“, „тожественное“, „иное“ и т. д.). Эти „характеры“ представляютъ изъ себя большей частью *соотношенія* элементовъ и ихъ комплексовъ, частью же ихъ особыя комбинаціи (напр, „коаффекціоналъ“ Авенаріуса—комплексы „органическихъ“ ощущеній).

нія»), вмѣстѣ съ «параллельными» имъ физіологическими процессами. Для элементарнаго ощущенія, положимъ. «зеленаго», необходимо, чтобы, по меньшей мѣрѣ, двѣ свѣтовыхъ волны опредѣленной продолжительности колебанія «раздражили» одинъ изъ конечныхъ аппаратиковъ, «колбочекъ» сѣтчатки (это наименьшее качественно-опредѣленное раздраженіе, какое, вообще, мыслимо; возможно, что на дѣлѣ для минимальнаго ощущенія требуется значительно больше этого). Если минимальное «раздраженіе» возникло и передалось мозгу, товозникаетъ и минимальное «ощущеніе». Но если раздраженіе немедленно вслѣдъ затѣмъ прекратилось, то и «ощущеніе» не продолжается дольше извѣстнаго, опять-таки минимальнаго для такихъ ощущеній періода времени (въ этомъ случаѣ, близкаго къ десятой долѣ секунды). Чтобы «ощущеніе» продолжалось, для этого необходимо *непрерывно возобновляющееся* раздраженіе, т. е. необходимо, чтобы «зеленое» вновь *возникало* въ психическомъ опытѣ. Такимъ образомъ, нельзя понимать этотъ «элементъ», какъ нѣчто устойчивое: въ данномъ случаѣ, это именно *возникновеніе* того, что обыкновенно называютъ «элементарнымъ ощущеніемъ».

Динамическое пониманіе элементовъ опыта, какъ основного и всеобщаго матеріала «бытія», должно быть свойственно пролетаріату, какъ наиболѣе активно-трудовому классу общества. Оно дѣлаетъ невозможнымъ сохраненіе статики въ какомъ бы то ни было пунктѣ міровоззрѣнія. Гераклитовское «все течетъ» становится тогда уже недостаточной формулой; въ ней неясенъ характеръ того «все», которое измѣняется. Надо сказать: «все есть теченіе»...

XXIV.

Вся методологія пролетарскаго міропониманія неизбѣжно должна отразить на себѣ ту особенную роль рабочаго класса въ производствѣ, которая характеризуется наиболѣе *непосредственнымъ* трудовымъ отношеніемъ къ объекту производства—внѣшней природѣ,—наиболѣе полною и всестороннею трудовой активностью, «физической» и «психической».

Тутъ, прежде всего, не можетъ удержаться тотъ оттѣнокъ своеобразной пассивности, который обнаруживается у эмпиріокри-

тиковъ въ принципѣ «чистаго описанія», во взглядѣ на научные законы, какъ на пріемы «оріентировки» въ содержаніяхъ опыта. Поскольку въ этихъ идеяхъ заключается тенденція къ научной точности, враждебность къ фетишистическимъ элементамъ, осложняющимъ и загромождающимъ познаніе,—постольку, разумѣется, эти идеи войдутъ, какъ полезный матеріалъ, въ идейный запасъ рабочаго класса. Доказательствомъ тому можетъ служить философія одного изъ первыхъ мыслителей-рабочихъ, Іосифа Дицгена. Одновременно съ такими учеными, какъ Махъ и Кирхгофъ, но совершенно независимо отъ нихъ, онъ пришелъ къ почти тожественнымъ съ ними взглядамъ на природу и цѣли познанія. для него познаніе есть «регистрація» и «классификація» фактовъ опыта,—ничего больше. Назвать эту точку зрѣнія просто невѣрной, было бы неправильно: она не противорѣчитъ дѣйствительному характеру и жизненному значенію познанія, она только недостаточно ихъ раскрываетъ или, выражаясь въ ея собственныхъ терминахъ, недостаточно полно ихъ описываетъ.

Представленіе о познаніи, какъ «оріентировкѣ» въ мірѣ опыта, невольно наводитъ на образъ путешественника, попавшаго въ незнакомую страну, съ дѣвственными лѣсами, глубокими потоками, крутыми горами и т. д. Вся эта обстановка «дана ему извнѣ», своими силами онъ измѣнить въ ней почти ничего не можетъ, и потому его первая задача сводится всецѣло къ «оріентировкѣ»: надо составить себѣ мысленное «описаніе» окружающей среды, чтобы знать, что, гдѣ можно найти, и что, гдѣ угрожаетъ. Понятно, что это описаніе должно быть возможно болѣе «чистымъ», т. е свободнымъ отъ всякихъ примысловъ, отъ продуктовъ воображенія, приводящихъ то къ излишнимъ страхамъ, то къ ложнымъ разсчетамъ, и во всякомъ случаѣ, отнимающимъ мѣсто въ системѣ «памяти».

Но это только первая задача познающаго. Нашъ путешественникъ, раньше, чѣмъ попасть въ неизслѣдованную область, жилъ въ другихъ странахъ, въ общеніи съ другими людьми; у него есть извѣстный сложившійся запасъ опыта—наблюденій, знаній. Все это ему надо примѣнить въ совершенно новой обстановкѣ; но какимъ образомъ примѣнить? Конечно, по методу аналогій.

Путешественникъ встрѣчаетъ незнакомое ему животное, — положимъ, онагра,—многими внѣшними чертами напоминающее

ему лошадь. По аналогіи онъ заключаетъ, что это существо кроткое, безобидное и не считаетъ необходимымъ отъ него спасаться даже при отсутствіи оружія. Тутъ уже имѣются зародыши «эвристической гипотезы»: нашъ герой сошелъ до нѣкоторой степени съ почвы «чистаго описанія» и «регистраціи»: онъ приписалъ, прибавилъ къ наблюдаемому комплексу то, чего въ немъ еще не нашелъ, и это оказалось полезнымъ для «оріентировки». Правда, вмѣстѣ съ гипотезой явился и рискъ: въ данномъ случаѣ аналогія была удачной въ другомъ случаѣ это будетъ иначе: кто видѣлъ тигра, но не видѣлъ зебры тотъ можетъ при первой встрѣчѣ несправедливо приписать ей весьма воинственныя свойства: кто видѣлъ зебру, и не имѣетъ понятія о тигрѣ тотъ способенъ впасть въ еще худшую ошибку. Но, вѣдь это и есть г и п о т е з а а не «регистрація» —творчество, хотя и самое элементарное, а не пассивно «описывающее» укладываніе въ память точно установленныхъ фактовъ.

Вмѣстѣ съ «эвристикой» здѣсь обнаруживается и начало «объясненія»: онагры «понятнѣе» для путешественника, когда онъ ихъ мыслитъ какъ «нѣчто, въ родѣ лошадей», любой непривычный предметъ среды «понятнѣе», когда онъ сближаетъ его съ какими-нибудь предметами прежняго опыта. Это, значитъ: новый опытъ организуется въ формахъ стараго, расширяя ихъ рамки. И «экономія» мысли заключается тутъ уже не въ томъ, чтобы не мыслить ничего лишняго, сверхъ того, что прямо дано въ опытѣ, а въ томъ, чтобы не искать новой схемы для новыхъ фактовъ.

Но все это—и «описаніе», и «эвристика» и даже «объясненіе» окружающаго не выходитъ, собственно говоря, изъ предѣловъ простой «оріентировки», пока человѣкъ не переходитъ въ активное наступленіе по отношенію къ внѣшней природѣ, пока онъ больше подчиняется ея условіямъ чѣмъ и з м ѣ н я е т ъ ихъ. Только тогда, когда практика вступаетъ въ эту высшую фазу, — и зародыши творчества въ познаніи развиваютъ въ систему познавательнаго творчества. Такую систему представляетъ уже, въ значительной степени, современная наука.

«Оріентировка» и творчество находятся здѣсь въ такомъ же, приблизительно, взаимоотношеніи, какъ планъ или карта театра военныхъ дѣйствій и—планъ кампаніи. Чѣмъ больше человѣчество фактически побѣждаетъ природу, тѣмъ наступательнѣе становится его отношеніе къ ней, тѣмъ больше въ познаніи усиливается и

разростается вторая его сторона — элементы «плана кампаніи». Общій характеръ науки (а съ ней и научной философіи глубоко измѣняется.

XXX.

«Абстрактные», научные законы всего меньше похожи на «описаніе» дѣйствительности, и при анализѣ, въ нихъ всегда можно открыть нѣчто, весьма мало соотвѣтствующее понятію «ріентировки»; а именно эти «абстрактные» законы, въ противоположность описательнымъ «эмпирическимъ обобщеніямъ», составляютъ душу развитой науки.

Для иллюстраціи возьмемъ такой, на видъ не имѣющій ничего общаго съ «планами кампаніи» примѣръ, какъ Ньютоновскій законъ тяготѣнія. Старая, фетишистическая формулировка его: «два тѣла притягиваютъ другъ друга съ силой, пропорціональной ихъ массамъ и обратно пропорціональной квадрату ихъ разстоянія»,—эта формулировка современной физикой, какъ извѣстно, отвергается, и замѣнена иной, болѣе точной, свободной отъ метафизическаго понятія «силы» и анимистическаго сравненія «притягиваніе». Выражая этотъ законъ согласно взглядамъ нынѣшнихъ физиковъ, слѣдуетъ сказать: взаимная зависимость двухъ тѣлъ такова, что каждое изъ нихъ пріобрѣтаетъ ускореніе по направленію къ другому, ускореніе обратно пропорціональное квадрату ихъ разстоянія и прямо пропорціональное нѣкоторому коэффиціенту, называемому «массой» и являющемуся постояннымъ для этого другого тѣла *). Что заключается въ этой формулѣ?

«Описаніе фактовъ»? Увы,—очень невѣрное. На дѣлѣ, они никогда не происходятъ въ такомъ чистомъ и простомъ видѣ. Въ дѣйствительности, во-первыхъ, никогда не бываетъ той системы

*) Новѣйшая формула на видъ болѣе неуклюжа, чѣмъ прежняя, и была бы еще болѣе неуклюжей, если бы я далъ ее во всей „строгости"; но это только внѣшность изложенія, и зависитъ она отъ того, что языкъ новѣйшей физики выработанъ еще недостаточно. Затрудненіе, вытекающее изъ этого, ничтожно, потому что *математическая* схема такъ же проста, какъ и раньше (и даже нѣсколько проще, благодаря устраненію символа „силы"), а въ то же время уменьшается число общихъ понятій механики, и избѣгается возможная путаница ихъ содержанія.

«двухъ тѣлъ», о которой говоритъ законъ: всегда бываетъ ихъ гораздо больше, такъ что и ускореній не одно, а очень много, и никакое изъ нихъ не является непосредственно-даннымъ фактомъ опыта,—дана ихъ геометрическая сумма, движеніе болѣе или менѣе сложное и запутанное. Во-первыхъ, даже и она вообще говоря, не «находится» прямо въ опытѣ: она замаскирована еще иного рода осложняющими вліяніями — треніемъ, «первоначальными скоростями», и т. под. Словомъ, передъ нами, во всякомъ случаѣ, «эвристическое построеніе» и «описываетъ» оно не факты, а ихъ т е н д е н ц і и. Что это означаетъ?

Это означаетъ, что чѣмъ болѣе условія, данныя въ опытѣ измѣняются въ томъ направленіи, какое намѣчается формулой закона, тѣмъ болѣе самое теченіе фактовъ опыта приближается къ указанному въ ней предѣльному типу. То есть: чѣмъ болѣе устраняется или уравновѣшивается вліяніе другихъ тѣлъ, кромѣ тѣхъ двухъ, о которыхъ идетъ рѣчь, вліяніе тренія среды и т. п., тѣмъ менѣе фактическое движеніе обоихъ тѣлъ уклоняется отъ величины вычисляемой по этой формулѣ. Аналогичнымъ образомъ, при помощи той же и еще иныхъ формулъ, устанавливаются другія тенденціи, присоединяющіяся къ первой, и путемъ ихъ мысленнаго комбинированія достигается «пониманіе» или даже «предвидѣніе» совершающагося въ опытѣ.

Но обратимъ вниманіе на то, каковъ смыслъ обусловливающаго предложенія: «чѣмъ болѣе данныя опыта измѣняются въ такомъ-то направленіи».. Имѣется ли тутъ въ виду с а м о п р о и з в о л ь н о е измѣненіе обстоятельствъ? Станетъ ли изслѣдующій для примѣненія закона о ж и д а т ь, чтобы сами собою уменьшались или устранялись осложненія и затемняющія вліянія—со стороны другихъ тѣлъ, со стороны среды и т. д.? Разумѣется, нѣтъ: какой же это былъ бы «законъ», для примѣненія котораго надо еще ожидать, пока придутъ благопріятныя условія; да и ждать пришлось бы очень долго... Значитъ, это измѣненіе найденныхъ въ опытѣ условій должно быть осуществлено по произволу, по желанію самого познающаго? Конечно, да. Но вѣдь въ дѣйствительности этого не дѣлается? Да, не дѣлается. Какъ же все это понять?

Для точнаго установленія закона (напр., для опредѣленія величины постояннаго коэффиціента притяженія массъ), или для точной его провѣрки, такое «измѣненіе найденныхъ условій», приведеніе

ихъ къ требуемой комбинаціи выполняется реально—въ научно-техническомъ экспериментѣ, хотя бы, положимъ, въ извѣстномъ опытѣ съ крутильными вѣсами и свинцовымъ шаромъ *). Но, нѣтъ никакой надобности повторять эти практическія дѣйствія каждый разъ, когда намъ понадобится данный «законъ» Та «организація условій», которая имъ намѣчается, можетъ быть воспроизведена мысленно, и то въ сокращенномъ видѣ; этого достаточно, чтобы примѣнить формулу къ анализу и предвидѣнію фактовъ при той или иной наличной ихъ комбинаціи. Но эти мысленныя операціи не имѣли бы никакого смысла, и формула, ихъ объединяющая, ничего не выражала бы, если бы за всѣмъ этимъ не стояли реальныя дѣйствія, направленныя къ измѣненію тѣхъ или иныхъ данныхъ условій.—которыя уже выполнялись когда-либо, и могутъ быть вновь реализованы.

Какъ видимъ, въ абстрактномъ законѣ, какъ его существенная часть, скрывается техническое правило.

Философія всегда отставала отъ науки. И потому философы долго и упорно видѣли въ научныхъ законахъ «объясненіе» природы, тогда какъ на дѣлѣ въ нихъ заключалось уже—и чѣмъ дальше, тѣмъ больше—ея измѣненіе.. Марксъ первый ясно увидѣлъ и высказалъ это.

XXXI.

Я нарочно взялъ въ качествѣ перваго примѣра такой сравнительно менѣе совершенный, сравнительно болѣе описательнаго характера «законъ», какъ принципъ тяготѣнія, чтобы показать, что даже и здѣсь «техническій моментъ» имѣется, хотя бы въ довольно скрытой формѣ,—имѣется въ самомъ содержаніи закона, въ самомъ его построеніи. А обратитесь къ другимъ, позже

*) Въ сущности, и тутъ постановка опыта не соотвѣтствуетъ вполнѣ *абстрактной* формулѣ закона: прямо измѣрять ускоренія слишкомъ трудно Но это не измѣняетъ того факта, что *формула закона опредѣляетъ технику эксперимента*, т. е. намѣчаетъ въ основѣ, планъ *дѣйствій*.

Если, вмѣсто лабораторнаго воспроизведенія условій, необходимыхъ для установленія формулы, ихъ *отыскиваютъ* „въ природѣ“ это, очевидно, только другой способъ проявленія той же *трудовой активности*, измѣняющей отношенія человѣка и среды.

выработанным научным принципам,—там этот моментъ выступаетъ гораздо очевиднѣе и сильнѣе,—тамъ не требуется никакого особеннаго анализа, чтобы найти его и увидѣть.

Развѣ, напр., принципъ отбора жизненныхъ формъ и все построенное на немъ ученіе о развитіи не заключаетъ въ себѣ—пусть самыми общими чертами, но ясно намѣченный «планъ кампаніи» послѣдовательнаго завоеванія стихій царства жизни, планъ систематическаго преобразованія живой природы внѣ человѣка и въ немъ самомъ? Ибо, выдвигая идею о прогрессѣ жизни, о различныхъ ступеняхъ ея развитія, теорія эта ставитъ человѣчеству опредѣленныя задачи, а выясняя условія и способы развитія, указываетъ пути къ трудовому разрѣшенію этихъ задачъ.

Развѣ ученіе о превращеніяхъ энергіи точно также не сводится почти всецѣло къ еще болѣе общему «плану завоеванія» стихій мертвой природы?

Развѣ, въ частности, современныя теоріи строенія атомовъ не представляютъ изъ себя грандіознаго, только въ минимальной еще долѣ начинающаго осуществляться, плана овладѣнія гигантскими запасами силъ, глубоко скрытыми въ матеріи?

А ученіе Маркса о соціальномъ развитіи, о зависимости измѣненій формъ идеологическихъ отъ производственныхъ? Если въ настоящее время, въ эпоху господства надъ людьми ихъ общественныхъ отношеній, эта теорія имѣетъ по преимуществу «оріентирующій» характеръ для жизненной практики, то не разовьется ли она въ будущемъ, не такомъ уже далекомъ, когда распадутся основы этого господства,—не разовьется ли она тогда въ стройный планъ гармоничной организаціи соціальной жизни людей во всѣхъ областяхъ ея, планъ послѣдовательнаго преодолѣнія всякихъ противорѣчій, всякой стихійности, лежащихъ въ безграничноразвертывающемся содержаніи формъ ея—техническихъ и идеологическихъ?

Посмотрите, что заключаетъ въ себѣ тотъ же старый «законъ тяготѣнія», если развернуть его оболочку и дать ему его дѣйствительный видъ, его полное значеніе:

1. Человѣчеству, въ его борьбѣ съ природою, полезно и необходимо познавательно овладѣть процессами паденія тѣлъ и иными имъ родственными, то есть, создать себѣ возможность практически предвидѣть ихъ теченіе и цѣлесообразно на него дѣйствовать

Неужели это сказано въ «законѣ»,—спроситъ читатель.—Да, сказано.—Гдѣ же именно? Въ самомъ понятіи «закона», въ самомъ словѣ «познаніе». Сказать, что «вотъ законъ такихъ-то явленій», это и значитъ констатировать, что явленія эти нужны человѣческому познанію, значитъ признать, что они практически важны для трудового развитія человѣчества, что людямъ надо пріобрѣсти власть надъ ними,—и что для этого уже затрачены усилія, на это уже была направлена работа, дѣло уже сдѣлано въ той или иной степени. Все это заключается въ понятіи «закона», безъ этого оно не имѣетъ смысла.

2. Чтобы познавательно овладѣть указанными фактами, надо сначала осуществить комбинацію условій, въ возможно болѣшей мѣрѣ приближающуюся къ такому-то предѣлу (два тѣла, внѣ дѣйствія на нихъ другихъ тѣлъ, въ средѣ, не оказывающей сопротивленія ихъ перемѣщенію). Комбинація эта, въ цѣломъ или по частямъ, уже была осуществлена людьми технически, и теперь достаточно воспроизводить ее мысленно, воспроизводя, также мысленно, и такой-то возникающій изъ нея процессъ перемѣщенія обоихъ тѣлъ, (направленіе и ускореніе котораго выражены въ математической формулѣ закона).

Но гдѣ же сказано все это въ самомъ законѣ?—возразитъ читатель,—гдѣ говорится о технической реализаціи опредѣленныхъ условій въ прошломъ, и о мысленной ихъ реализаціи въ настоящемъ, въ моментъ примѣненія формулы? Все это принимается въ той самой нераздѣльной отъ закона его характеристикѣ, по которой онъ относится къ дѣйствительности, но самъ есть только познаніе. Отнесеніе его къ дѣйствительности предполагаетъ дѣйствительное осуществленіе его условій въ той практикѣ человѣчества, изъ которой возникаетъ познаніе,—осуществленіе никогда не доходящее до своего предѣла, и, можетъ быть, вообще, достигавшееся лишь по частямъ, но исторически-необходимое для самаго возникновенія закона. Но въ то же время, будучи «познаніемъ», т. е. мысленнымъ сокращеніемъ практики, онъ, разумѣется, именно, въ силу этого, не требуетъ практическаго повторенія своей основы при каждомъ его примѣненіи или при каждомъ возобновленіи въ памяти. Признавать научный «законъ», значитъ, подразумѣвать всѣ черты или свойства, присущія этому понятію, хотя бы и скрытыя отъ поверхностнаго взгляда, благодаря «сокращенности» процессовъ мышленія.

3. Представивши теченіе изучаемыхъ фактовъ въ томъ упрощенномъ видѣ, который дается формулой, надо затѣмъ послѣдовательно вводить въ разсчеты всѣ тѣ данныя опыта, всѣ тѣ усложняющія условія, которыя были мысленно устранены (абстрагированы) при этой схематизаціи (наличность въ средѣ другихъ тѣлъ съ ихъ тяготѣніемъ,—начальныя скорости тѣлъ треніе среды если оно имѣется, и т. д.).

Эта особенность научнаго закона въ его примѣненіи дается самой его формой, какъ «познавательной абстракціи». Признаніемъ его абстрактнаго характера намѣчается «линія конкретизаціи», какъ необходимое направленіе, по которому работа мысли ведетъ къ точному пониманію и предвидѣнію реальныхъ фактовъ во всей ихъ сложности.

XXXII.

Мы нѣсколько развернули содержаніе, скрытое въ пяти—шести символахъ простенькаго математическаго уравненія, — и передъ нами, словно отраженная въ уменьшительномъ зеркалѣ, выступила вся историческая сущность познанія, его происхожденіе изъ техническаго процесса, изъ непосредственной борьбы людей съ внѣшней природой,—его характеръ сокращеннаго воспроизведенія практически-трудовыхъ переживаній,—его жизненный смыслъ, какъ орудія дальнѣйшей трудовой дѣятельности людей, какъ организующей формы, связывающей прошлую практику людей съ практикой настоящаго, и тѣмъ самымъ придающей ихъ дѣйствіямъ всю техническую планомѣрность, какая исторически выработана въ трудовомъ опытѣ людей. Въ данной формѣ познанія какъ бы сокращенно повторяется вся исторія познанія вообще, какъ въ исторіи индивидуума, сокращенно повторяется исторія вида.

Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Біологическій законъ, по которому «онтогенезисъ есть сокращеніе филогенезиса»*), относится не только къ организму, но, несомнѣнно, и ко многимъ (если не всѣмъ) инымъ жизненнымъ формамъ, самыхъ различныхъ

*) Т. е., „развитіе индивидуальное есть сокращеніе видового".

типовъ и самыхъ различныхъ ступеней сложности. Путемъ экспериментально-психологическаго изслѣдованія, русскій ученый Н. Ланге наглядно показалъ, что любой отдѣльный актъ воспріятія, развертываясь на протяженіи малыхъ долей секунды, воспроизводитъ въ своихъ послѣдовательныхъ фазахъ сокращенную исторію всего развитія воспріятій въ животномъ мірѣ за милліоны лѣтъ его существованія. Органическое единство жизни таково, что ея цѣлое всегда отражается въ каждой части. Такъ и любая соціальная форма,—форма труда или познанія,—отражаетъ въ своей исторіи и въ своемъ строеніи путь развитія и принципъ организаціи всего общества.

И теперь мы видимъ, какова историческая природа «научныхъ законовъ». Они лежатъ не въ природѣ внѣшней, не во вселенной, взятой независимо отъ человѣка,—какъ это представляли себѣ матеріалисты, видѣвшіе въ нихъ «неизмѣнные законы вещей». И не въ самомъ человѣкѣ, абстрагированномъ отъ стихій, съ которыми онъ борется, лежатъ эти законы,—не онъ диктуетъ ихъ міру. Также и не въ пассивномъ воспріятіи, не въ простомъ наблюденіи міра, какъ «методы оріентировки»,—взглядъ эмпиріокритиковъ. «Законы природы» рождаются и живутъ въ трудовой борьбѣ человѣчества съ природой, они—совмѣстное произведеніе обѣихъ этихъ силъ, не «законы человѣческіе» и не «законы стихійные», но законы трудового развитія жизни во вселенной*).

Именно такая точка зрѣнія наиболѣе естественна, даже неизбѣжна, для рабочаго класса, наиболѣе непосредственно активнаго и вообще наиболѣе активнаго въ современной системѣ производства.

XXVIII

Я перехожу теперь ко второй особенности соціальнаго бытія рабочаго класса, проводящей глубокую границу между нимъ и тех-

*) Основныя научныя понятія, выражающія способъ образованія „законовъ“—понятія „анализа“, „абстракціи“—явно технического происхожденія. „Анализъ“ означаетъ „разложеніе“, „разрушеніе связи“, разъединеніе частей, прежде всего, конечно, механическое и вообще—„матеріальное“, затѣмъ уже—мысленное. „Абстракція“—„отвлеченіе“, т. е. первоначально—отдѣленіе и удаленіе какихъ-либо частей объекта..

ческой интеллигенціей. Это—форма сотрудничества, впервые широко развивающаяся среди пролетаріата и уже теперь свойственная ему въ неизмѣримо большей степени, чѣмъ всѣмъ остальнымъ классамъ,—та форма сотрудничества, которую всего точнѣе будетъ назвать «товарищеской».

Положеніе пролетаріевъ въ системѣ производства отличается существенной о д н о р о д н о с т ь ю. Это отнюдь не только формальная однородность, состоящая въ томъ, что рабочіе всѣ подчинены капиталу и его наемнымъ организаторамъ, занимая въ обществѣ одну и ту же—низшую— ступень въ классовой лѣстницѣ капитализма. Нѣтъ, помимо этой, тоже, разумѣется, очень важной, тутъ имѣется еще иная однородность,—въ самомъ с о д е р ж а н і и трудового опыта. Она представляетъ изъ себя нѣчто противоположное старой спеціализаціи,—является результатомъ машинной техники, и съ прогрессомъ этой послѣдней она развивается все дальше и дальше, разрушая прежнія рамки «личности» рабочаго.

Нынѣшній работникъ машиннаго производства есть потомокъ ремесленнаго подмастерья и рабочаго старыхъ мануфактуръ. Оба эти его предка были по преимуществу спеціалистами въ своемъ трудѣ—и жертвами спеціализаціи въ своемъ развитіи. Насколько рѣзко отдѣляла спеціализація людей другъ отъ друга въ ихъ жизненной борьбѣ, это видно изъ того, что мы знаемъ о союзахъ подмастерьевъ цеховой эпохи. Угнетаемые хозяевами—мастерами, подмастерья объединялись для борьбы съ ними въ прочныя организаціи, которыя достигали большой силы, и нерѣдко одерживали серьезныя побѣды. Организаціи эти, расширяясь, захватывали подмастерьевъ опредѣленнаго ремесла сначала въ отдѣльныхъ городахъ, затѣмъ становились между-городскими, разростались до размѣра національныхъ союзовъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ—даже союзовъ международныхъ. Но неизвѣстно такихъ случаевъ, когда они были бы м е ж д у-р е м е с л е н н ы м и, т. е. когда они разрывали бы границы профессіональной спеціализаціи.

Въ мануфактурѣ, съ ея мелкими и мельчайшими спеціальностями, дробящими трудъ на механически-простыя операціи, а тѣмъ самымъ низводящими работниковъ-исполнителей до уровня живыхъ машинъ, дѣло обстояло, естественно, еще хуже. Разъединеніе и опустошеніе душъ спеціальностью было такъ глубоко, что мануфактурные рабочіе оказывались вообще неспособными къ самостоятельной

организаціи. Въ этомъ отношеніи они стояли ниже не только ремесленныхъ подмастерьевъ, но и пространственно-разбросанныхъ рабочихъ домашне-капиталистическаго производства, которымъ все же, хотя рѣдко, удавалось сгруппироваться въ нѣчто подобное профессіональному союзу.

Машина взяла на себя ту мелочную техническую спеціализацію, которая загубила соціальную душу пролетарія старыхъ мануфактуръ. Нынѣшняя работа при машинѣ, хотя бы при самой узкоспеціализированной машинѣ, совершенно не такова, какъ трудъ мануфактурнаго рабочаго. Разница тутъ не только въ степени содержательности труда, но, что еще важнѣе,—въ самомъ его типѣ. Онъ одновременно и организаторскій, и исполнительскій, вѣрнѣе—непрерывный синтезъ обоихъ типовъ. По своему общему характеру и основному психологическому содержанію, это скорѣе организаторскій трудъ: управленіе машиною, надзоръ за ея состояніемъ и движеніями, контроль надъ ея «работою». А между тѣмъ, это въ такой же полной мѣрѣ и исполнительскій, какъ обыкновенно говорятъ—«физическій» трудъ: машина—мертвое орудіе, а не живой исполнитель воли рабочаго, она не «подчиняется» ему, а приводится въ дѣйствіе его руками, его мускульными усиліями; всѣ движенія машины опредѣляются «физическими» воздѣйствіями работника, они начинаются, контролируются, прекращаются непосредственными движеніями его тѣла, а не символикой «приказаній», «распоряженій», «указаній», какъ это бываетъ при настоящей «организаторской» работѣ, въ авторитарномъ сотрудничествѣ. Словомъ, тутъ, на основѣ высшей техники, возстановляется то органическое единство труда, которое было разрушено раздѣленіемъ роли организаторской и исполнительской,—возстановляется тѣмъ полнѣе, чѣмъ болѣе совершенствуется машинное производство.

Но единство возстановляется не только по этой, а также и по другой, еще болѣе въ данный моментъ важной для насъ линіи. Взявъ на себя мелкую техническую спеціализацію, машина нисколько не ослабила техническаго раздѣленія труда въ предпріятіяхъ, даже большей частью развила его дальше,—но она освободила работника отъ той жизненной узости и односторонности, которая раньше порождалась этимъ раздѣленіемъ труда. Одинъ работаетъ при одной машинѣ, выполняющей одну частичную операцію, другой при дру-

гой машинѣ, третій при третьей, и т. д.,—но ихъ трудъ имѣетъ массу о б щ а г о содержанія, которое далеко преобладаетъ надъ всѣмъ, что ихъ различаетъ и разъединяетъ въ этомъ трудѣ. Уже самое строеніе машины воплощаетъ въ себѣ глубокое единство метода активной борьбы съ природою: это—методъ превращенія силъ, выражающійся въ постоянной схемѣ машины—генераторъ энергіи, передаточный механизмъ, рабочій инструментъ... Но въ отношеніи человѣка къ машинѣ, какъ его орудію, это единство метода выступаетъ еще съ большей силой и опредѣленностью: это отношеніе въ высшей степени однородное, слагающееся изъ психическихъ реакцій въ наибольшей части сходныхъ—вниманія, наблюденія, періодическаго активнаго вмѣшательства въ стихійную жизнь механизма... И опять-таки, чѣмъ дальше идетъ прогрессъ машинной техники, все болѣе приближая машину къ совершенному автоматизму работы, и уменьшая тѣмъ самымъ чисто физическія, такъ сказать, «ремесленныя» функціи рабочаго,—тѣмъ полнѣе становится однородность и сходство трудового опыта работниковъ, имѣющихъ дѣло съ разными машинами.

Эта коренная о д н о р о д н о с т ь трудовыхъ переживаній въ выполненіи к о л л е к т и в н а г о производственнаго процесса, неизмѣримо превосходящаго всякія индивидуальныя силы, сближаетъ и связываетъ пролетаріевъ несравненно тѣснѣе, чѣмъ простое объединеніе ихъ массами въ крупныхъ предпріятіяхъ, которое только усиливаетъ и закрѣпляетъ эту связь. Ея расширенію и развитію содѣйствуетъ возрастающая подвижность рабочаго состава предпріятій, порождаемая постоянными колебаніями рабочаго рынка, измѣненіями техники, перипетіями классовой борьбы, и т. под. Рамки отдѣльныхъ отраслей промышленности все менѣе ограничиваютъ эту связь, какъ потому, что возрастаетъ непосредственное сходство жизненнаго содержанія различныхъ профессій, такъ и потому, что все легче и обычнѣе становятся переходы работниковъ изъ однихъ профессій въ другія.

Общность экономическихъ интересовъ и соціальной борьбы, сначала противъ гнета господствующихъ классовъ, а затѣмъ противъ самого анархическаго строя производства, оформливаетъ и завершаетъ ту же связь соціально-боевымъ сотрудничествомъ пролетаріевъ всего міра. Такъ развивается специфическая форма бытія

рабочаго класса—товарищеское объединеніе труда. Это—практическій коллективизмъ пролетаріата.

XXXIV.

Единство дѣла и однородность психики—вотъ условія, порождающія самое широкое общеніе между людьми, и самое глубокое ихъ взаимное пониманіе. Это—сліяніе личностей въ коллективъ, опредѣляющее собою весь характеръ дальнѣйшаго развитія ихъ чувства и мысли.

Намъ надо опредѣлить, какъ выразится этотъ практическій коллективизмъ въ общемъ міровоззрѣніи класса. И прежде всего,—какое долженъ онъ вырабатывать представленіе о самомъ опытѣ въ его цѣломъ.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ двумя различными типами пониманія опыта: съ одной стороны «индивидуалистическимъ», съ другой, скажемъ, «безлично-реалистическихъ». Для идеалистовъ, скептиковъ, критицистовъ, «критическихъ матеріалистовъ» опытъ есть совокупность ощущеній; для реалистовъ разнаго типа —старыхъ матеріалистовъ, Энгельса, эмпиріокритиковъ и т. д. опытъ—совокупность вещей и образовъ. Можетъ ли какая-либо изъ этихъ двухъ концепцій удовлетворить коллективиста лечь въ основу философіи пролетарія?

Объ «индивидуалистической» тутъ и говорить много не приходится. Будучи порожденіемъ соціальнаго строя, противополагающаго человѣка человѣку въ конкурренціи и прямой борьбѣ, эта точка зрѣнія просто враждебна коллективизму, абсолютно съ нимъ жизненно-несовмѣстима. Но «безлично-реалистическая»? Эта не столько враждебна ему, сколько недостаточна для него. Для «психическаго» опыта она принимаетъ того же индивидуальнаго субъекта, что и первая, для «физическаго опыта»—никакого субъекта. Въ пей, слѣдовательно, есть индивидуумъ, и есть вещи внѣ его, но нѣтъ коллектива, какъ живого, активнаго единства.

А между тѣмъ, въ дѣйствительности, онъ есть во всемъ опытѣ, и во всякой части его. Онъ присутствуетъ въ каждой «вещи» физическаго опыта и—косвенно—въ каждомъ образѣ опыта психиче-

скаго. Это необходимо понять, потому что безъ этого вся сила опыта—сплошная загадка или сплошное противорѣчіе.

Анализируйте любую «вещь» физическаго опыта, только все время не забывая того, что это—о п ы т ъ, что это—д ѣ й с т в и т е л ь н о с т ь, и дѣло станетъ для васъ ясно. Для послѣовательности анализа, начнемъ съ индивидуалистической концепціи.

Вотъ, положимъ, человѣческій организмъ—данный человѣкъ, взятый, какъ «физическое тѣло». Въ ч ь е м ъ опытѣ существуетъ это «тѣло»? Въ моемъ, вашемъ, въ опытѣ той или иной личности? И да, и нѣтъ,—но гораздо больше «нѣтъ», чѣмъ «да». Оно есть комплексъ опыта, обладающій гигантской сложностью и стройностью, и въ переживаніяхъ каждаго индивидуальнаго субъекта выступаетъ всегда лишь ничтожною своей частью.

Вы только представьте себѣ милліоны милліоновъ клѣтокъ, изъ которыхъ состоитъ «физически» это тѣло, ихъ сложнѣйшій химическій составъ, тысячи различныхъ процессовъ, протекающихъ въ данный моментъ въ каждой изъ этихъ клѣтокъ, разнообразнѣйшія соотношенія этихъ частей въ цѣломъ,—ч е й опытъ заключаетъ въ себѣ все это содержаніе? Конечно, не опытъ отдѣльнаго человѣка, принимающаго реальное существованіе данной «вещи» среди другихъ «вещей».

Въ в о с п р і я т і и познающаго индивидуума имѣется каждый разъ либо только тотъ комплексъ пространственныхъ и цвѣтовыхъ элементовъ, который соотвѣтствуетъ «наружности» человѣка, да и то не всей, а только той ея части, которая видима въ данный моментъ глазамъ «воспринимающаго»; либо къ этому присоединяются еще элементы осязательные, гональные и т. д. Въ воспріятіи хирурга, рѣжущаго тѣло, могутъ выступить еще зрительно-тактильные комплексы, соотвѣтствующіе различнымъ «внутреннимъ органамъ», но при этомъ опять-таки лишь въ рамкахъ поля зрѣнія его глазъ и поля осязанія его пальцевъ. Воспріятіе гистолога, пользующагося микроскопомъ, можетъ дать ему еще зрительный образъ нѣсколькихъ сотъ клѣтокъ той или иной ткани, воспріятіе химика, изслѣдующаго ткани посредствомъ реактивовъ—зрительные, тактильные и т. д. комплексы ощущеній, соотвѣтствующіе извѣстнымъ химическимъ реакціямъ тканей... Совершенно ясно, что все это въ лучшемъ случаѣ—лишь несоизмѣримо-малые отрывки того содержанія, какое представляетъ изъ себя д ѣ й с т в и т е л ь н о е тѣло во всей полнотѣ его элементовъ и ихъ соотношеній.

Можетъ быть, дѣйствительное тѣло въ его дѣйствительномъ видѣ и объемѣ существуетъ въ представленіи индивидуума? Но, очевидно, что и этого нѣтъ. Представленіе можетъ захватывать, конечно, сразу больше, чѣмъ воспріятіе, различныхъ сторонъ и частей дѣйствительнаго «тѣла»,—но даже самое сильное воображеніе неспособно вмѣстить въ себѣ сразу сколько-нибудь значительную долю той суммы элементовъ и комбинацій, которая заключается въ человѣческомъ организмѣ, какъ «физическомъ» комплексѣ.

Въ какомъ же опытѣ является реальностью этотъ физическій комплексъ?

Безличный реализмъ отвѣчаетъ: въ ничьемъ опытѣ. Просто въ самой дѣйствительности, существующей внѣ насъ,—пояснилъ бы Энгельсъ. Въ независимой связи элементовъ,—выразилъ бы то же самое иными словами эмпріокритикъ.

Разсмотримъ, можно ли удовлетвориться этимъ отвѣтомъ,—и отвѣтъ ли это.

XXXV.

Если бы до открытія микроскопа мы обратились къ самому ученому человѣку, воплощавшему въ себѣ весь тогдашній опытъ, съ вопросомъ, что есть такое человѣческій организмъ, какъ физическое тѣло, то онъ опредѣлилъ бы его, какъ извѣстное сочетаніе органовъ и тканей. Еслибы ему сказали, что на самомъ дѣлѣ это—колонія изъ тысячъ милліардовъ взаимно связанныхъ и утратившихъ большую часть своей самостоятельности существъ, изъ которыхъ каждое само, какъ механическая и химическая система, въ высшей степени сложно,—то нашъ собесѣдникъ рѣшилъ бы, что это—безуміе или наглое издѣвательство. Онъ заявилъ бы, что ему извѣстны дѣйствительные размѣры и дѣйствительное строеніе человѣческаго тѣла, и что то, что ему говорятъ, абсолютно несовмѣстимо съ этой очевидной дѣйствительностью. Мы, разумѣется, знаемъ, что онъ былъ бы неправъ, и что его «дѣйствительность»—весьма неполная и недостаточная, частью даже невѣрная. Но уроки исторіи настолько то научили насъ, чтобы для насъ было несомнѣнно, что и наша «дѣйствительность» окажется, приблизительно, въ такомъ же отношеніи къ «дѣйствительности», которая будетъ точно извѣстна

нашимъ потомкамъ, какъ та, за которую онъ вступился противъ нашего «безумія»—къ нынѣшней нашей.

Изъ этого ясно, что сказать: такое-то тѣло, или, что то же,—физическій комплексъ такого-то содержанія существуетъ «просто въ дѣйствительности».—значитъ ничего не объяснить. Въ какой дѣйствительности? Въ чьей дѣйствительности? Вотъ вопросъ, отъ котораго нельзя увернуться, если только мы не хотимъ интеллектуально унизить себя до завѣдомаго самообмана, до самообольщенія той мыслью, что наша дѣйствительность, та, которую мы знаемъ, это и есть вообще подлинная дѣйствительность, которая останется подлинной и для нашихъ потомковъ, вообще—на всѣ будущія времена.

Тамъ, гдѣ Энгельсъ говоритъ о «дѣйствительности», имѣя въ виду физическій опытъ,—тамъ эмпиріокритики говорятъ о «независимой связи элементовъ»,—но это нисколько не измѣняетъ дѣла, мысль остается та же самая. Можно ли признать, что въ независимой отъ познающаго связи элементовъ человѣческое тѣло есть комбинація столькихъ-то трилліоновъ клѣтокъ? Конечно, нѣтъ; совершенно ясно, что въ опытѣ, въ «физическомъ опытѣ» людей, эта яко-бы независимая связь зависитъ отъ... микроскопа. Микроскопъ радикально преобразовалъ пространство, то самое пространство, въ которомъ находятся всѣ «тѣла», въ которомъ протекаетъ весь физическій опытъ. И опять-таки, было бы совершенно безплодной уверткой (къ которой, впрочемъ, и не прибѣгнутъ никогдѣ эмпиріокритики) возразить, что «тѣла» и «пространство» до микроскопа и послѣ него были одни и тѣ же, микроскопъ только помогъ лучше «узнать» ихъ. Это увертка, потому что дѣло идетъ вѣдь о тѣлахъ и пространствѣ опыта, о тѣлахъ и о пространствѣ данныхъ человѣческому познанію,—и именно даны то они человѣку древности, и нынѣшнему человѣку съ микроскопомъ, какъ очень различныя содержанія опыта.

Совершенно ясно, что физическій опытъ не есть «независимая» реальность, и теперь легко раскрыть, отъ чего именно она зависитъ. Микроскопъ, конечно, не есть самъ по себѣ тотъ «субъектъ», къ которому относится эта зависимость; онъ—только частное выраженіе техническаго уровня эпохи. Когда человѣкъ принимаетъ нѣчто, какъ «дѣйствительность» (или, какъ «физическій опытъ»), то онъ принимаетъ это нѣчто, какъ общезначимое,

какъ существующее для всѣхъ.—для всякаго существа, ему самому жизненно-подобнаго и понятнаго, т. е, въ конечномъ счетѣ для коллектива, къ которому онъ принадлежитъ Этотъ коллективъ и есть «субъектъ» физическаго опыта

Попробуйте точно характеризовать данный человѣческій организмъ, какъ «физическое тѣло». Прежде всего, это тѣло имѣетъ опредѣленные размѣры, скажемъ,—170 сантиметровъ высоты, 90 сантиметровъ въ окружности, на уровнѣ груди, 55 сант въ окружности головы, и т. д., и т. д. Что такое эти «размѣры»? Откуда взялись «сантиметры» (или аршины, дюймы—безразлично)? Это—выраженіе того факта, что были произведены измѣренія, и притомъ опредѣленнымъ, исторически-выработаннымъ, соціально принятымъ методомъ «Сантиметръ» явился результатомъ гигантской массы человѣческаго труда въ ряду несчетныхъ поколѣній. Это вѣдь одна четырехъ-милліардная земного меридіана Послѣдовательное завоеваніе земной поверхности производствомъ и познаніемъ, развитіе землемѣрія и геометріи, сначала на почвѣ потребностей сельскаго хозяйства, затѣмъ и на почвѣ «чисто-научныхъ» потребностей, многократное измѣреніе меридіановъ, коллективное обсужденіе многими учеными вопроса объ общей системѣ мѣръ, соглашеніе правительствъ относительно этого, приготовленіе точныхъ образцовъ мѣръ и т. д., —таково «соціально-трудовое прошлое» нашего «сантиметра» или какой угодно иной мѣры, та «коллективная практика», которая въ ней кристализовалась И если затѣмъ принимается данное «тѣло» физическаго опыта, какъ имѣющіе размѣры въ столько-то сантиметровъ, по такимъ-то направленіямъ, составляющія его клѣтки—размѣры во столько-то микроновъ (тысячныхъ миллиметра),—то этимъ самымъ принимается не только все коллективно-трудовое содержаніе данныхъ мѣръ, но и весь исторически выполненный людьми трудъ измѣренія различныхъ человѣческихъ тѣлъ, ихъ частей и органовъ, трудъ микроскопическихъ и микрометрическихъ изслѣдованій надъ клѣтками тѣла и т д., и т. п. Далѣе, физически опредѣленная форма и строеніе тѣла точно такимъ же образомъ скрываютъ въ себѣ коллективно-накопленную и кристаллизованную активность людей во всевозможныхъ воздѣйствіяхъ на человѣческое тѣло, при которыхъ оно выступаетъ, какъ данное сопротивленіе этой активности,—въ процессахъ борьбы, ласки, анатомическаго изслѣдованія, скульптурнаго воспроизведенія, и пр., и пр ; форма тѣла есть его

дѣйствительная (а не мнимая) форма его строеніе — дѣйствительное строеніе именно постольку, поскольку при всякомъ повтореніи такихъ же воздѣйствій кѣмъ бы то ни было изъ людей, ихъ активность встрѣчаетъ такія же сопротивленія, въ такихъ же комбинаціяхъ и по тѣмъ же направленіямъ.— иначе дѣло идетъ не о дѣйствительной («физической») формѣ а объ иллюзорной или галлюцинируемой.—Затѣмъ, химическій составъ тканей и клѣтокъ тѣла, протекающія въ нихъ реакціи, тепловые и электрическіе процессы, все это не существуетъ, не имѣетъ смысла и содержанія внѣ коллективной, технической и научной работы анализа и синтеза «веществъ», ихъ комбинированія, взвѣшиванія, планомѣрнаго воздѣйствія на нихъ различными агентами, въ родѣ нагрѣванія, охлажденія, электризаціи и т. д. и т. д. Словомъ, очевидно, что все содержаніе «физическаго комплекса» является опредѣленнымъ и даннымъ содержаніемъ именно, какъ результатъ коллективной практики, кристаллизовавшійся въ стройной, организованной, въ «общезначимой» формѣ. Это соціально-организованный опытъ.

XXXVI.

Аналогичный путь изслѣдованія можно повторить по отношенію къ какому угодно физическому комплексу опыта.—результатъ получится, конечно, все тотъ же.

Напримѣръ, что такое земля, какъ физическое тѣло? Это комплексъ настолько гигантскій, настолько сложный, что даже самому ясному и широкому воспріятію, даже самому глубокому и смѣлому представленію онъ «дается» лишь въ почти безконечно-малой части своего содержанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, комплексъ этотъ несравненно сложнѣе и значительнѣе для насъ, людей 20-го вѣка, чѣмъ, положимъ, для нашихъ предковъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. И, однако, въ своемъ тогдашнемъ видѣ онъ былъ такой же физической дѣйствительностью для тѣхъ людей, какъ въ своемъ нынѣшнемъ видѣ—для насъ. Все это совершенно загадочно и противорѣчиво, пока мы не поймемъ, въ чьемъ и въ какомъ опытѣ существуетъ онъ, какъ дѣйствительность, какова его связь. Но если мы изслѣдовали и узнали, что его реальность заключается въ соціально-трудовой жизни людей, что его содержаніе есть опытъ людей, организо-

ванный въ ихъ коллективной практикѣ,—тогда для насъ вполнѣ просто и естественно, что онъ былъ гораздо проще, бѣднѣе матеріаломъ («элементами») и гораздо неопредѣленнѣе для людей древняго міра, чѣмъ для насъ, потому что тогда трудовой опытъ человѣчества былъ гораздо менѣе значителенъ и слабѣе организованъ, чѣмъ теперь. Особенно, капитализмъ послѣднихъ вѣковъ, съ его огромнымъ, стремительнымъ развитіемъ техники и познанія, принесъ небывалое расширеніе физическаго опыта, умноженіе и усложненіе физическихъ комплексовъ,—тѣлесной или «матеріальной» дѣйствительности.

Изолируемъ теперь для анализа, вмѣсто отдѣльнаго «тѣла», какую-нибудь сторону физическаго опыта, какое-нибудь физическое свойство различныхъ тѣлъ, напримѣръ,—цвѣтъ, положимъ, именно красный цвѣтъ. Кто понимаетъ опытъ индивидуалистически, тотъ скажетъ, что роза имѣетъ красный цвѣтъ только тогда, когда человѣкъ на нее смотритъ; а когда на нее не смотрятъ,—вопросъ объ ея цвѣтѣ является нелѣпымъ *). Безличный реализмъ опыта, конечно, отвергнетъ эту точку зрѣнія, и признаетъ, что роза является красной независимо отъ того, смотритъ на нее человѣкъ или не смотритъ; и это, безспорно, гораздо вѣрнѣе, потому что предыдущая точка зрѣнія заставила бы принять, что та же самая роза имѣетъ зеленый или сѣрый цвѣтъ, когда на нее смотритъ дальтонистъ,—т. е. роза физически измѣнялась бы въ зависимости отъ личныхъ недостатковъ или, вообще, свойствъ того или иного индивидуальнаго субъекта. Для коллективиста же ясно, что роза обладаетъ краснымъ цвѣтомъ въ дѣйствительности, т. е. въ коллективно-трудовомъ развитіи человѣчества. Если бы у людей вообще, глаза были устроены не такъ, какъ это теперь наблюдается, а такъ, какъ это бываетъ у нѣкоторыхъ дальтонистовъ, то въ физическомъ опытѣ не было бы «элементовъ краснаго», и комплексъ «роза» не заключалъ бы въ себѣ «физическаго свойства»—краснаго цвѣта. Принимать красный цвѣтъ, какъ физическое свойство разныхъ тѣлъ,—значитъ, принимать всю ту «живую, конкретную практику» человѣчества, которая выдѣлила элементы краснаго среди другихъ элементовъ опыта,

*) Именно это заявляетъ Г. В. Плехановъ въ своемъ второмъ фельетонѣ „Materialismus militans“ („Воинствующій матеріализмъ“), въ номерѣ „Голосъ с.-д.“ за августъ — сентябрь 1908 г.

какъ имѣющіе свое особое жизненное значеніе, которая о б о б щ и л а и о б о б щ е с т в и л а ихъ посредствомъ высказываній, такъ что они заняли свое опредѣленное мѣсто въ физической системѣ опыта,—въ его соціально организованной связи.

Такъ присутствуетъ «соціальный субъектъ» во всякой части физическаго опыта, во всякомъ его моментѣ,—присутствуетъ невидимо для глаза, ослѣпленнаго индивидуалистической повязкой,—но очевидно для уже зародившагося сознанія коллективистическаго.

XXXVII.

Когда это воззрѣніе распространится и разовьется среди класса, вынашивающаго въ себѣ новую, высшую культуру,—тогда историкъ философіи долженъ будетъ сказать:

«И сіе все бысть, да сбудется реченное пророкомъ, глаголющимъ»...

Ибо все это дѣйствительно предсказано и предуказано однимъ «пророкомъ», величайшимъ изъ всѣхъ, явившихся въ XIX вѣкѣ. Задача—коллективистически понять опытъ—была ясно и рѣшительно, въ словахъ, не оставляющихъ никакихъ сомнѣній, поставлена Карломъ Марксомъ еще въ 1845 году. Въ одиннадцати критическихъ положеніяхъ о философіи Фейербаха,—въ этомъ «первоначальномъ документѣ, заключающемъ геніальный зародышъ новаго міровоззрѣнія»,—глубоко справедливая оцѣнка, данная Энгельсомъ.—Марксъ формулируетъ задачу: понять дѣйствительность, предметный міръ,—какъ человѣческую дѣятельность, и субъекта этой дѣятельности, какъ соціальнаго субъекта. Я приведу изъ этого документа нѣсколько сжатыхъ формулъ, концентрирующихъ въ себѣ прямо поражающее богатство активной, міръ преобразующей мысли *)

Первая сторона задачи—понять дѣйствительность, какъ практику:

« Главный недостатокъ матеріализма, до Фейербаховскаго вклю-

*) Цитирую по русскому переводу Г. В. Плеханова, изданіе 1906 г. Исправляю только одно мѣсто, которое грубо искажено переводчикомъ. (Переводъ, противоположный подлиннику—тезисъ 2).

чительно, состоялъ до сихъ поръ въ томъ, что онъ разсматривалъ дѣйствительность, предметный, воспринимаемый внѣшними чувствами міръ лишь въ формѣ объекта или въ формѣ созерцанія, а не въ формѣ конкретной человѣческой дѣятельности, не въ формѣ практики, не субъективно».. (начало 1-го тезиса).

«Вопросъ о томъ, способно ли человѣческое мышленіе познать предметы въ томъ видѣ, какъ они существуютъ въ дѣйствительности,—вовсе не теоретическій, а практическій вопросъ. Практикой долженъ доказать человѣкъ силу и истину своего мышленія,—доказать его посюсторонность Споръ же о дѣйствительности или недѣйствительности мышленія, изолирующагося отъ практики, есть чисто схоластическій вопросъ» (2-й тезисъ).

«Недовольный отвлеченнымъ мышленіемъ, Фейербахъ взываетъ къ впечатлѣніямъ, получаемымъ внѣшними чувствами; но міръ конкретныхъ явленій не представляется ему въ видѣ конкретной, практической человѣческой дѣятельности». (5-й тезисъ).

Другая сторона задачи. понимая дѣйствительность субъективно, относить ее не къ индивидуальному, а къ соціальному субъекту, какъ истинному субъекту человѣческой практики.

«Сущность религіи Фейербахъ объясняетъ сущностью человѣка. Но сущность человѣка—это вовсе не абстрактъ, свойственный отдѣльному лицу. Въ своей дѣйствительности это есть совокупность всѣхъ общественныхъ отношеній Фейербахъ не доходитъ до критики этой сущности. Поэтому онъ оказывается вынужденнымъ.

«1. Абстрагироваться отъ хода историческаго развитія, разсматривать религіозное чувство, какъ нѣчто совершенно отдѣльное и ни съ чѣмъ не связанное, и исходить изъ предположенія объ отвлеченномъ — изолированномъ — человѣческомъ индивидѣ.

« 2. Поэтому человѣческая сущность могла представляться ему лишь, какъ «родъ», т. е. какъ внутренняя, нѣмая общность, устанавливающая лишь естественную связь между многими индивидами» (тезисъ 6-ой. Курсивы, кромѣ послѣдняго, мои А. Б.).

«Общественная жизнь есть жизнь практическая по существу. Все таинственное, все то, что ведетъ теорію къ мистицизму, нахо-

дитъ раціональное рѣшеніе въ человѣческой практикѣ и въ пониманіи этой практики» (тезисъ 8-ой).

«Созерцательный матеріализмъ, т. е. матеріализмъ, который не смотритъ на міръ конкретныхъ явленій, какъ на практическую дѣятельность, возвышается лишь до созерцанія отдѣльнаго лица въ «гражданскомъ обществѣ» (тезисъ 9-й).

«Точка зрѣнія стараго матеріализма есть «гражданское» общество; новый матеріализмъ становится на точку зрѣнія человѣческаго общества или человѣчества, живущаго общественной жизнью» (тезисъ 10-ый: послѣдній курсивъ мой А. Б.).

Такъ намѣчалъ Марксъ планъ выработки новаго міровоззрѣнія. Жизнь не позволила ему самому выполнить обще-философскую часть задачи; а кромѣ него, при тогдашнемъ состояніи знаній, никто другой не могъ сдѣлать этого. Примѣнивъ ту же коллективистическую точку зрѣнія въ экономической теоріи и во всемъ ученіи объ обществѣ, онъ создалъ соціальную науку, которая и стала основой идеологіи пролетаріата. Онъ объяснилъ, какимъ образомъ коллективная практика въ борьбѣ съ природой, называемая иначе процессомъ производства, порождаетъ въ своемъ развитіи различныя общественныя формы и смѣну этихъ формъ, онъ показалъ, въ какомъ направленіи, къ достиженію какихъ экономическихъ формъ стихійно ведетъ коллективная практика современнаго общества. Надо послѣдовательно примѣнить тотъ же методъ для выясненія тѣхъ формъ познанія и мышленія, которыя порождаются той же линіей развитія нынѣшняго общества. Тогда передъ нами выступитъ философія марксизма—философія пролетаріата, и она также есть—коллективизмъ.

XXXVIII.

Если физическій опытъ характеризуется тѣмъ, что его матеріалъ организованъ коллективно, то для опыта психическаго такой же характеристикой является индивидуальная организованность. Его связь—ассоціативная, его центръ—индивидуальное «я»; такова специфическая форма его организаціи.

Но было бы ошибочно противополагать эти два типа человѣческаго опыта. Это просто двѣ ступени одного генетическаго ряда, двѣ стадіи одного процесса—прогрессивной организаціи элементовъ въ комплексы опыта.

Переходъ психическихъ комплексовъ въ физическіе, возвышеніе индивидуально-организованнаго до организованнаго соціально происходитъ постоянно путемъ труда и путемъ познанія.

Трудъ есть сознательно-цѣлесообразная дѣятельность людей Его «цѣль» существуетъ первоначально, какъ опредѣленная психическая комбинація,—«представленіе» въ сознаніи трудящагося. Посредствомъ труда эта цѣль, эта психическая комбинація «реализуется», представленіе превращается въ дѣйствительность, въ физическій опытъ И трудъ потому можетъ выполнить это чудо, что самъ онъ есть именно соціальная практика въ ея основной формѣ, всегда соціальная, хотя бы это былъ трудъ одного, отдѣльнаго работника.

Трудъ соціаленъ, прежде всего, по своему матеріалу: это физическіе, т. е. соціально-организованные комплексы—«тѣла», и они именно постольку годятся быть матеріаломъ труда, поскольку они, дѣйствительно, вошли въ коллективно-организованную систему опыта и въ ней кристаллизовались. Въ самомъ дѣлѣ, физически возможно работать лишь надъ такими предметами, которые, прежде всего, имѣютъ «общезначимое» существованіе, а не существованіе только для личности, въ ея индивидуальной системѣ опыта (напр, самая полная и самая упорная галлюцинація—все же не подходящій матеріалъ для физическаго труда): затѣмъ, они должны обладать опредѣленными свойствами и опредѣленными отношеніями къ другимъ физическимъ тѣламъ, потому что все трудовое примѣненіе предметовъ основано на этихъ самыхъ свойствахъ и отношеніяхъ; а опредѣленныя физическія свойства и отношенія, какъ мы видѣли, являются организованнымъ воплощеніемъ все той же коллективной практики.

Далѣе трудъ соціаленъ по своему методу, по своимъ пріемамъ: они возникаютъ и развиваются въ историческомъ процессѣ соціальной жизни людей, все въ той же коллективной практикѣ, что, я думаю, нѣтъ надобности доказывать.

Но и самая цѣль всякаго даннаго трудового акта соціальна она или не-соціальна, или даже анти-соціальна по своему непосред-

ственному направленію (каковымъ бываетъ напримѣръ, всякій трудъ, направленный реакціонно) является соціальнымъ съ точки зрѣнія ея генезиса поскольку самъ человѣкъ въ сознаніи котораго она зарождается, со всѣмъ строемъ своихъ стремленій и мыслей, есть продуктъ соціальной среды, въ которой онъ развивался.

Другой путь перехода психическихъ комплексовъ въ физическіе, это познаніе (по существу—производная и частная форма трудовыхъ процессовъ). Если какой-нибудь человѣкъ «индивидуально» открываетъ какое-нибудь новое явленіе, скажемъ, астрономъ,—новую комету, физикъ—не наблюдавшуюся раньше радіацію, то первоначально тутъ выступаетъ въ качествѣ даннаго только индивидуальное воспріятіе или рядъ воспріятій—опытъ психическій. Физическій комплексъ организуется затѣмъ, на этой основѣ, такимъ способомъ, что примѣняются научно-техническіе методы контроля и изслѣдованія. Посредствомъ соціально выработанныхъ пріемовъ должно быть установлено, прежде всего, что дѣло идетъ не о простой иллюзіи, порожденной, напримѣръ, самовнушеніемъ (какъ это было, повидимому, съ нѣкоторыми радіаціями, «открытыми» за послѣдніе годы),—что наблюдаемые факты способны пріобрѣсти «общезначимый» характеръ, занять мѣсто въ практикѣ коллектива, а не только индивидуума. Затѣмъ, посредствомъ научно-техническихъ же методовъ—измѣреній, вычисленій и т. п.—должны быть опредѣлены «физическія свойства», входящія въ составъ новаго комплекса, и его соотношенія съ уже раньше установленными физическими комплексами опыта, напримѣръ, координаты новаго астрономическаго «тѣла», его разстояніе отъ земли, форма орбиты, угловой діаметръ, и т. п. Такъ, шагъ за шагомъ, познаніе вводитъ новое явленіе все полнѣе и совершеннѣе въ систему физическаго опыта, гдѣ оно и упрочивается затѣмъ, какъ «дѣйствительность», т. е. какъ часть живого содержанія соціальной практики человѣчества.

Если высшимъ субъектомъ физическаго опыта является ч е л о в ѣ ч е с т в о въ его развитіи, то существуютъ, конечно, всѣ переходныя ступени отъ индивидуальнаго субъекта къ этому высшему, коллективному, каковы—соціальная группа, классъ, общество данной эпохи... Даже для той или иной группы спеціалистовъ, скажемъ,—математиковъ, міръ физическаго опыта не вполнѣ

таковъ, какъ для остального общества *). Тѣмъ болѣе, неодинаковъ физическій опытъ различныхъ классовъ,—и мы уже отмѣтили что онъ, напримѣръ, гораздо «матеріальнѣе» для рабочаго пролетаріата, непосредственно-активнаго въ борьбѣ съ природой, въ наибольшей мѣрѣ имѣющаго дѣло съ ея стихійными сопротивленіями, —чѣмъ для буржуазіи, и чѣмъ даже для буржуазной технической интеллигенціи. Наконецъ, для различныхъ историческихъ формацій человѣческаго общества содержаніе физическаго опыта можетъ быть настолько различно, что, положимъ, географическій и астрономическій міръ людей каменнаго вѣка просто несоизмѣримъ съ нашимъ міромъ Въ преобразованіяхъ «дѣйствительности» человѣчества его жизненный прогрессъ находитъ свое самое полное и самое совершенное выраженіе.

XXXIX.

Одинъ изъ русскихъ эмпиріокритиковъ, упомянутый выше, Н. Валентиновъ, нашелъ, что вся теорія о соціальной организованности физическаго опыта есть сплошное недоразумѣніе Онъ полагаетъ, что «къ непосредственнымъ переживаніямъ, которыя даютъ намъ то,—или суть то, что мы называемъ внѣшнимъ, физическимъ міромъ, совершенно неприменима характеристика соціальной организованности. Эти переживанія, въ отличіе отъ другихъ, которыя Богдановъ называетъ индивидуально-организованными, характеризуются не тѣмъ, что они организованы, а тѣмъ, что мы не можемъ вызывать ихъ по произволу: они даются намъ, такъ сказать, насильно, навязываются принудительно» **). Это—самое старое, самое обычное опредѣленіе различія между физическимъ и психическимъ, оно тысячи разъ повторялось и повторяется философствующими людьми различныхъ направленій, и можетъ служить классическимъ образцомъ нелѣпости, такъ называемаго «здраваго смысла». Элементарнѣйшіе факты, повторяющіеся на каждомъ шагу, опровергаютъ эту точку зрѣнія, и все-таки она продолжаетъ держаться. Н. Валентиновъ съ очевидностью опровергъ ее тѣмъ

*) Недаромъ, какъ мы видѣли, въ профессіональной философіи математиковъ—позивитизмѣ типа Анри Пуэнкаррэ, Дюгема,—физическій міръ опыта разрѣшается *въ рядъ символовъ*.

**) „Философскія построенія марксизма“, стр. 258.

самымъ движеніемъ руки, которымъ онъ изобразилъ ее символически на бумагѣ. Ибо то перемѣщеніе руки въ пространствѣ, которое происходитъ при писаніи статьи, представляетъ оно физическое явленіе, или нѣтъ? Полагаю, всякому ясно, что да. Было ли это перемѣщеніе руки «вызвано» Н. Валентиновымъ «по произволу», или «навязано» ему «насильно»? Имѣются всѣ основанія предполагать первое. Итакъ, явленіе «физическаго міра» можетъ въ цѣлой массѣ случаевъ «вызываться по произволу». Куда же годится его опредѣленіе?

А психическія переживанія (тѣ, «которыя Богдановъ называетъ индивидуально-организованными»), они могутъ характеризоваться тѣмъ, что «вызываются по произволу»? Если Н. Валентинова будетъ мучить, положимъ, раскаянье въ томъ, что онъ поддался привычной, глубоко-несообразной концепціи, будетъ ли это раскаяніе фактомъ физическаго или психическаго опыта? И будетъ ли оно переживаніемъ «вызваннымъ по произволу» самимъ Н. Валентиновымъ?

Весь процессъ человѣческаго труда есть произвольное вызываніе физическихъ явленій, и почти всякое страданіе есть «принудительно навязанный» психическій фактъ. Стоитъ ли дальше говорить объ этомъ?

По отношенію къ коллективистической точкѣ зрѣнія на опытъ, Н. Валентиновъ полагаетъ, что она получилась путемъ ошибочнаго отнесенія къ опыту той характеристики, которая, собственно, относится къ п о з н а н і ю. Онъ говоритъ, что по поводу какого-нибудь физическаго явленія «люди могутъ, конечно, спорить, что такое представляетъ собою эта нововошедшая въ ихъ опытъ величина» и что «наконецъ путемъ обмѣна мнѣній, представленія людей могутъ быть приведены къ одному знаменателю, къ одному общему опредѣленію...» Тутъ, находитъ онъ, дѣйствительно, нѣчто организуется, но что именно? И отвѣчаетъ:

«... Соціально организуется «надстройка» надъ непосредственными переживаніями; это значитъ, что въ процессѣ соціальнаго общенія, обмѣна высказываній, устраненія противорѣчій, люди вырабатываютъ извѣстные познавательные символы, положенія, законы и т. д.; и вотъ къ этой области должна быть отнесена характеристика соціальной организованности, къ области, слѣдовательно, познавательной обработки опыта»...*)

*) „Философскія построенія марксизма", стр. 259.

Н. Валентиновъ видитъ, что «познавательная обработка опыта» есть соціально-организующій процессъ,—но не видитъ того, что всякій физическій комплексъ есть именно результатъ такой соціально-организующей обработки (познавательной, или также трудовой). И понятно, почему онъ не видитъ: онъ вовсе не дѣлаетъ анализа физическаго опыта, не изслѣдуетъ его комплексовъ по ихъ составу и происхожденію. И потому физическій опытъ для него не есть нѣчто развивающееся, а нѣчто просто «навязанное принудительно» или «насильно». Философія довольно прискорбнаго характера.

Идя по этому пути, Н. Валентиновъ приходитъ къ тому, что почти повторяетъ геніальныя возраженія противъ «соціальной организаціи опыта», выдвинутыя Ортодоксами, Рахметовыми и т. под. Эти мыслители сначала переводятъ положеніе—«физическій опытъ есть опытъ организованный соціально» на языкъ своего пониманія, причемъ въ переводѣ получается: «организованное общество выдумало природу»,—и затѣмъ, добродѣтельно-матеріалистически негодуютъ, разумѣется, на столь гнусный «идеализмъ». Н. Валентинову тоже кажется, что моя формула, принятая, въ прямомъ смыслѣ, приводитъ «къ тому взгляду, что физическій міръ существуетъ лишь постольку, поскольку существуютъ индивиды, его организующіе, что является явной нелѣпостью». [*]).Въ этой путаницѣ надо разобраться, потому что она, къ сожалѣнію, довольно обычна.

Прежде всего, что значитъ «организовать?» Вещь, казалось бы, достаточно простая и извѣстная: это значитъ, нѣкоторый данный матеріалъ приводить въ жизненно-стройную, т. е. свободную отъ противорѣчій и согласованную въ своихъ частяхъ систему. При этомъ, само собою разумѣется, что матеріалъ представляетъ собою извѣстное сопротивленіе,—иначе и организовать нечего, нѣтъ активности тамъ, гдѣ нѣтъ сопротивленія. И оно можетъ быть на практикѣ такъ велико, что организующая дѣятельность становится настоящимъ мученіемъ,—иногда даже терпитъ полное крушеніе. Это хорошо знаетъ всякій, кому приходится работать надъ организаціей людей въ партію, союзы, группы и т. под. Матеріалъ для этой работы всегда данъ, а не выдуманъ; и кто переводитъ понятіе «организовать» словомъ «выдумывать», тотъ обнаруживаетъ

*) „Философскія построенія марксизма", стр. 260.

этимъ только то, насколько далекъ онъ отъ всякой жизненно-организаторской дѣятельности. А кого подавляетъ сопротивленіе матеріала, тому, естественно, и этотъ матеріалъ, и работа надъ нимъ, и то, что въ результатѣ получается, все кажется «принудительно даннымъ», «навязаннымъ насильно» Но это говоритъ больше о плохомъ самочувствіи, чѣмъ о философской точности.

Далѣе. Слово «опытъ» означаетъ въ философіи систему переживаній. «Физическій опытъ» для тѣхъ же эмпиріокритиковъ, къ которымъ причисляетъ себя Н Валентиновъ, представляетъ систему элементовъ въ объективно-закономѣрной связи. «Объективная»— т. е. общезначимая, «закономѣрная» —т. е познавательно-организованная. То и другое, конечно, предполагаетъ коллективъ, для котораго эта связь является общезначимой, дѣятельностью котораго создается эта познавательная организованность. Совершенно естественно, что нѣтъ «физическаго опыта» тамъ, гдѣ нѣтъ живого развивающагося коллектива *) какъ нѣтъ «психическаго опыта» тамъ, гдѣ нѣтъ индивидуальной психики. Но Валентиновъ употребляетъ, очевидно, слова «физическій міръ» не въ смыслѣ системы опыта, а въ иномъ смыслѣ, означающемъ самый матеріалъ, изъ котораго организуется опытъ, вселенную вообще, независимо отъ человѣчества, міръ элементовъ, какимъ онъ существовалъ, напр., до человѣка, значитъ—до опыта. Понятно, что у него получается, по его выраженію, «явная нелѣпость»; но по существу это скорѣе явное незнакомство съ точнымъ смысломъ философскихъ терминовъ.

Я поясню это сравненіемъ, которое должно быть понятно и для Н Валентинова. Рабочій классъ, какъ соціальная система, не существуетъ, поскольку пролетаріатъ не организуется въ партію. синдикаты и т. д. Элементы, матеріалъ этой системы—рабочіе — уже и тогда существуютъ, но въ неорганизованномъ, стихійномъ состояніи, изъ нихъ организуется стройный классовой коллективъ съ его развивающейся закономѣрностью, но сами они, внѣ этой организованности или до этой организованности, не представляютъ изъ себя живого коллектива. Не составляютъ его и первичныя, неустойчивыя группировки незначительнаго числа пролетарскихъ элементовъ: но это, конечно, зародыши классовой органи-

*) Валентиновъ неизвѣстно почему, вмѣсто *коллектива*, тутъ говоритъ объ „*индивидуумахъ*, организующихъ опытъ“

заціи. Точно такъе стихійный міръ «элементовъ» бытія вообще не образуетъ самъ по себѣ опыта»; не образуютъ и его и первичныя, неустойчивыя группировки этого матеріала Только на гораздо болѣе высокихъ ступеняхъ организаціи получается то, что носитъ имя «переживаній» и «опыта».—на тѣхъ ступеняхъ, когда изъ стихійнаго бытія кристаллизуется ж и з н ь, въ ея прогрессивно развивающихся формахъ. отъ клѣтки до коллектива.

XL.

По мѣрѣ того. какъ физическій опытъ растетъ и расширяется, захватывая новое содержаніе, и складываясь въ новыя болѣе стройныя и совершенныя формы, неизбѣжно должны происходить и такіе факты, что часть стараго содержанія, оказываясь уже не подходящею къ этимъ формамъ, выдѣляется изъ системы физическаго опыта.—такъ сказать. отбрасывается ею, переходя тѣмъ самымъ на низшую ступень организаціи, напр. —въ область «психическаго» опыта. или совсѣмъ распадаясь и исчезая Такъ, положимъ, небесная «твердь», т. е матеріальный сводъ неба, съ развитіемъ жизни и астрономіи перестаетъ быть «физическимъ тѣломъ». какимъ она была для нашихъ отдаленныхъ предковъ. и становится «иллюзіей». т. е комплексомъ «субъективнымъ», свойственнымъ. скажемъ. «групповому» опыту отсталыхъ племенъ и «психическому» опыту научно необразованныхъ личностей, а не соціально-организованному опыту развивающагося человѣчества—не физическому опыту даннаго времени *)

Въ этомъ пунктѣ находитъ поводъ для возраженій противъ коллективистической точки зрѣнія П. Юшкевичъ. Указывая на п е р е х о д н ы я формы между индивидуальной и обще-человѣческой организаціей опыта.—формы, ясно подтверждающія всю концепцію. такъ какъ ими устанавливается генетическая непрерыв-

*) „Групповой“ опытъ здѣсь представляетъ одну изъ промежуточныхъ формъ между „психическимъ“ — индивидуально-организованнымъ и „физическимъ“. Для какихъ-нибудь папуасовъ или для крестьянъ особенно отсталыхъ мѣстностей. твердый сводъ неба есть „дѣйствительность“ въ предѣлахъ *ихъ* коллективной практики этотъ комплексъ организованъ безъ всякихъ противорѣчій

ность между типами опыта.—онъ находитъ въ нихъ опроверженіе этой концепціи

«Такое явленіе, какъ миражъ.—говоритъ онъ.—есть явленіе общезначимое, между-индивидуальное, и тѣмъ не менѣе «субъективное»; въ то же время къ нему не подходитъ характеристика «психическаго». Еще меньше подходитъ это опредѣленіе къ такимъ фактамъ какъ сломанный видъ палки въ водѣ или видимое движеніе свѣтилъ по небу. А между тѣмъ, именно такъ выражается г Богдановъ, когда онъ указываетъ, какъ постепенно разграничивались въ человѣческомъ опытѣ понятія объективнаго и субъективнаго» *).

Легко на этихъ самыхъ примѣрахъ видѣть, въ чемъ путаница у критика. Миражъ. какъ о п т и ч е с к і й фактъ, есть дѣйствительно явленіе общезначимое,—но и настоящее ф и з и ч е с к о е. отнюдь не «субъективное» явленіе. Для точной оптики, воплощающей въ себѣ результаты коллективнаго труда въ дѣлѣ изученія и примѣненія свѣтовыхъ процессовъ, миражъ— оптическій комплексъ, возникающій въ самой строгой объективной закономѣрности, а отнюдь не въ какой-либо «субъективной связи»,—именно по тѣмъ же законамъ. какъ всякій другой комплексъ свѣтовыхъ явленій. соотвѣтствующій любому архи-матеріальному «тѣлу». Субъективность—групповая или индивидуальная—имѣется только тогда, когда миражъ принимаютъ не какъ чисто-оптическій комплексъ (элементовъ пространственныхъ и цвѣтовыхъ), а какъ въ то же время «вещественный» (включающій элементы «осязаемаго»). Но тогда уже нѣтъ общезначимости, потому что едва ли самъ П. Юшкевичъ. наблюдая миражъ, принимаетъ его, какъ о с я з а е м о е тѣло.

То же самое, очевидно, относится и къ переломленному изображенію палки, наполовину погруженной въ воду. «Оптическое тѣло» это образуется самымъ закономѣрнымъ путемъ, и есть вполнѣ общезначимый. вполнѣ объективный комплексъ пространственныхъ и цвѣтовыхъ элементовъ Если бы кто-нибудь силою внушенія заставилъ себя видѣть палку вполнѣ одинаково въ оптически-однородной и въ оптически-разнородной средѣ—это было бы, несомнѣнно, и л л ю з і е й, субъективнымъ воспріятіемъ, не болѣе. На столько же будетъ «субъективнымъ» его опытъ, если онъ будетъ принимать за данное, что палка матеріально-сломана, т. е. перене-

*) „Матеріализмъ и критическій реализмъ“. стр. 167.

сетъ на тактильный комплексъ тѣ измѣненія, которыя объективно даны только въ зрительномъ комплексѣ.

А движеніе свѣтилъ по небу? Относительное угловое перемѣщеніе оптическихъ комплексовъ «дискъ солнца», «дискъ луны» и т. д. —есть несомнѣнный, вполнѣ объективный, физическій фактъ. «Иллюзія» выступаетъ въ томъ случаѣ, если къ этому факту примѣшаны извѣстныя ошибочныя представленія Но нисколько не лучше иллюзія и тогда, когда человѣкъ принимаетъ движеніе земли, какъ оптически ему данное,—что случается въ результатѣ чрезмѣрнаго употребленія алкоголя.

Здѣсь передъ нами, можетъ быть, самое яркое свидѣтельство въ пользу коллективистической концепціи опыта. враждебная критика при анализѣ превращается въ рядъ иллюстрацій, подтверждающихъ теорію. Такую критику можно признать полезной ..

XLI

Если коллективъ своей трудовой и познавательной жизнью непосредственно опредѣляетъ развитіе и формы опыта физическаго, то это отнюдь не означаетъ, чтобы опытъ психическій былъ вообще независимъ отъ коллектива въ своемъ развитіи и формахъ. Индивидуумъ есть клѣтка коллектива, его органъ, и какъ всякая органическая часть—опредѣляется своимъ цѣлымъ. Такимъ образомъ, и психологическая жизнь,—опытъ индивидуальнаго субъекта—зависитъ отъ субъекта коллективнаго; и зависимость эта не становится менѣе глубокой отъ того, что она болѣе косвенная.

Соціальная среда даетъ человѣку наибольшую долю его психическаго содержанія. И она же даетъ ему формы мышленія, орудія, посредствомъ которыхъ онъ организуетъ это содержаніе. Даже всеобъединяющая схема его сознанія обусловливается организаціей соціальной среды. Эта схема, которую обыкновенно выражаютъ терминомъ «я», что исторически далеко не точно, была безличной въ эпоху первобытно-родовыхъ, кровно-сплоченныхъ обществъ. Она пріобрѣла характеръ индивидуалистическій (настоящее «я») въ эпоху дробленія соціальнаго человѣка и анархической борьбы интересовъ, маскирующей соціальную связь. Она станетъ коллективистической, когда товарищеское сотрудниче-

ство вновь спаяетъ великую человѣческую семью въ жизненно-единую систему

Психика человѣка связывается съ коллективомъ, приспособляется къ нему при посредствѣ той сѣти организующихъ формъ, которая называется «идеологіей» въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, и охватываетъ собой языкъ, понятія, нормы жизни. Языкъ есть техническое средство общенія каждой отдѣльной психики со всѣми другими, и слѣдовательно—съ коллективомъ. Понятія—это форма, въ которой коллективный опытъ передается отдѣльному человѣку, и въ которой человѣкъ организуетъ свои познавательныя пріобрѣтенія, передаваемыя коллективу. Нормы же—обычай, нравственность, право—это приспособленія, которыя въ раздробленномъ, анархическомъ коллективѣ эпохи обмѣна и классовой борьбы устраняютъ или ослабляютъ противорѣчія между личностью и коллективомъ

Будучи соединительной спайкой между индивидуальной и коллективной организаціей опыта, формы эти не могутъ быть отнесены ни къ «физическому опыту», ни къ «психическому» въ точномъ имъ смыслѣ. Оттого въ тѣ эпохи, когда человѣческая мысль ищетъ твердыхъ, неизмѣнныхъ опредѣленій, она неизбѣжно запутывается въ пониманіи этихъ формъ, то принимая ихъ за подлинную «дѣйствительность», за «реальность», какъ дѣлали по отношенію къ общимъ понятіямъ Платонъ, средневѣковые схоластики-«реалисты», позднѣйшіе объективные идеалисты, а также, между прочимъ, и нынѣшніе позитивисты-символисты,—то разсматривая эти формы, какъ чисто-психическія комбинаціи—точка зрѣнія всевозможныхъ номиналистовъ, ассоціаціонистовъ и большинства матеріалистовъ*)
Эти спорные вопросы окончательно устраняются коллективистической философіей опыта.

Коллективъ присутствуетъ не только въ каждомъ комплексѣ физическаго опыта, какъ его необходимый субъектъ, но и въ каждомъ комплексѣ опыта психическаго, какъ его исторически-опредѣляющее условіе. Но постигнуть этого не можетъ ни сознаніе примитивно-безличное—благодаря своей слабости, ни сознаніе индивидуалистическое—благодаря окутывающему его туману фетишизма.

*) На этомъ промежуточномъ характерѣ идеологическихъ формъ основано одно изъ возраженій П. Юшкевича противъ излагаемой точки зрѣнія. вотъ, говоритъ, соціально-организованныя формы, а не „объективныя“, не „физическій опытъ“.

Только новое, соціалистическое сознаніе въ силахъ овладѣть этимъ основнымъ фактомъ жизни и развитія человѣчества.

XVII.

Философскій коллективизмъ опыта нераздѣленъ отъ коллективистическаго метода познанія, являясь одновременно и его результатомъ, и его опорой.

Въ чемъ же заключается коллективистическій методъ? Въ томъ, чтобы всякій фактъ опыта, всякій фактъ бытія и сознанія разсматривать съ точки зрѣнія развивающагося, организующагося въ своемъ развитіи человѣчества; въ томъ чтобы всякое явленіе дѣйствительности и мышленія раскрывать, какъ интегральную часть безгранично-развертывающейся соціально-трудовой ткани; въ томъ, чтобы идею борьбы коллектива съ природою сдѣлать всеобщимъ орудіемъ познанія.

Очевидно, что это—методъ марксизма, проводимый безъ ограниченій, принятый въ качествѣ универсальнаго. Его систематическимъ примѣненіемъ и былъ весь изложенный анализъ различныхъ взглядовъ на міръ опыта.

Когда я впервые изслѣдовалъ съ помощью этого метода нѣкоторыя «высшія» и «основныя» философскія категоріи, какъ. напр., «матерія» и «духъ», «сущность» и т. п., то мнѣ пришлось встрѣтиться прежде всего съ возраженіями такого рода: говорили, что примѣнять методъ въ такомъ расширенномъ объемѣ нельзя, что это —вторженіе соціально-философской точки зрѣнія въ неподлежащую ея вѣдѣнію, болѣе общую и основную область философіи природы и теоріи познанія, что это—увлеченіе способное только компрометтировать марксизмъ.

Такъ какъ все это, однако, не поддерживалось критикою моихъ пріемовъ и полученныхъ мною результатовъ по существу, то я отнесся къ этимъ возраженіямъ такъ, какъ если бы ихъ не было, я видѣлъ въ нихъ проявленіе духа умѣренности и эклектизма, чуждаго тому классу, подъ знаменемъ котораго я стою, чуждаго марксизму, идеологіи этого класса

Но я понималъ, что расширеніе рамокъ метода требуетъ его дальнѣйшей выработки, и, направивъ свою работу къ этой цѣли, нашелъ средства для нея въ выясненіи его связи съ методами дру-

ныхъ наукъ—эволюціоннымъ въ біологіи, энергетическимъ въ общей физикѣ. На этомъ пути я пришелъ и къ тому анализу опыта, который здѣсь сжато обрисованъ *). Только тогда для меня стало ясно, что я работалъ при этомъ надъ рѣшеніемъ обще-философской задачи, за много лѣтъ до того опредѣленно и рѣшительно поставленной Марксомъ—и въ томъ именно направленіи, въ какомъ онъ требовалъ и ожидалъ ея рѣшенія

За послѣднее время нѣкоторые изъ достигнутыхъ мною выводовъ стали находить признаніе и среди не слишкомъ дружественно настроенныхъ критиковъ, хотя въ общемъ, несомнѣнно, точка зрѣнія умѣреннаго пользованія марксизмомъ пока еще преобладаетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ литературѣ выступила на сцену и нѣкоторая своеобразная «неумѣренность» такого типа, который, я полагаю, отнюдь не соотвѣтствуетъ сущности самого метода и насущныхъ научныхъ задачъ Я имѣю въ виду наивное у п р о щ е н і е марксизма

Образцомъ такого упрощенія можетъ служить произведеніе В. Шулятикова «Оправданіе капитализма въ западно-европейской философіи Въ рукахъ этого автора историческій матеріализмъ изъ с п о с о б а н а у ч н а г о и з с л ѣ д о в а н і я связи идеологіи съ производствомъ превращается въ какой-то «методъ догадокъ» объ этой связи.

Догадки законны во всякомъ изслѣдованіи, но онѣ—матеріалъ, подлежащій провѣркѣ Когда же все сводится къ однимъ догадкамъ, тогда никакая провѣрка невозможна, и начинается произволъ, несовмѣстимый съ научностью.

В Шулятиковъ беретъ за исходную точку мою теорію о происхожденіи дуализма «матеріи» и «духа» изъ «авторитарной» формы труда Я думаю, что эта теорія имѣетъ за себя достаточно данныхъ въ идеологіяхъ различныхъ классовъ и группъ общества, и что жизнь продолжаетъ приносить новыя доказательства въ ея пользу, обнаруживая на каждомъ шагу усиленіе или ослабленіе дуалистическихъ тенденцій познанія параллельно росту или деградаціи авторитарныхъ отношеній въ практической жизни класса или группы. Но В. Шулятиковъ сдѣлалъ изъ этой теоріи нѣчто такое, что совершенно не совмѣстимо съ ея дѣйствительнымъ смысломъ,—какой-то механически примѣняемый способъ создавать предположенія о грубо-экономической подкладкѣ всевозможныхъ философскихъ си-

*) Подробнѣе я дѣлалъ это въ другихъ работахъ

стемъ Почти вся европейская философія, начиная съ Декарта, оказалась у него скрытой апологіей власти предпринимателя надъ рабочими—и въ то же время странно зашифрованнымъ въ философскихъ терминахъ описаніемъ мануфактурной организаціи производства. Никакихъ посредствующихъ звеньевъ, которыя помогли бы понять, почему и какимъ образомъ мануфактура должна была отразиться чуть не со всѣми деталями своего устройства въ той или иной философской системѣ—у него нѣтъ, и весь механизмъ этой связи остается загадкой. Это—длинный рядъ гипотезъ, которыя не только не доказаны, но и едва ли вообще могутъ быть доказаны, онѣ, напр., предполагаютъ такое подавляющее, сильное вліяніе мануфактуры съ ея организаціей на всю философскую мысль нѣсколькихъ вѣковъ, которое исторически слишкомъ мало вѣроятно, если принять въ расчетъ, что мануфактура почти вездѣ являлась не какъ преобладающая форма производства, а какъ рядъ острововъ среди мелко-буржуазнаго, ремесленно-крестьянскаго моря. Тутъ нѣтъ научнаго изслѣдованія—и значитъ, нѣтъ марксизма.

Коллективистическій способъ познанія требуетъ, безусловно, больше творческой смѣлости мысли, чѣмъ всѣ до него существовавшіе,—но также больше научной строгости и критики. Въ этомъ онъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ духу того класса, идеологіей котораго создается,—духу творчески-боевому, но въ то же время полному строгой дисциплины.

XLIII.

Все познаніе представляетъ изъ себя процессъ послѣдовательной организаціи данныхъ опыта. Поэтому его жизненная тенденція всегда монистична, т. е. направлена къ стройному единству, къ гармонически-цѣлостной системѣ. Въ этомъ своемъ стремленіи познаніе ограничено, съ одной стороны, своей исторической слабостью—силою стихій, хранящихъ свои тайны. Съ другой стороны, —оно ограничено своими орудіями—формами мышленія, выработанными въ соціальной средѣ и отражающими строеніе коллектива. Неразвитое познаніе этой эпохи, когда надъ обществомъ тяготѣетъ власть природы, неизбѣжно бываетъ отрывочно, а отрывочность исключаетъ монистически-стройную связность. Познаніе авторитарнаго коллектива дуалистично, а коллектива анархическаго—плюра-

листично, при чисто-формальномъ единствѣ; ибо типы мышленія выковываются въ соціальной практикѣ изъ типовъ ея организаціи.

Развернуться до конца монистическая тенденція можетъ, слѣдовательно, только въ такомъ коллективѣ, который, во-первыхъ, самъ властвуетъ надъ природой силою труда, и въ состояніи познавательно взять у нея все, что ему надо для его развитія; и который, во-вторыхъ, самъ организованъ монистически-стройно въ своей жизненной практикѣ.

Оба условія осуществляются въ соціалистическомъ человѣчествѣ—высшемъ товарищескомъ коллективѣ

Пролетаріатъ есть тотъ классъ, изъ котораго зарождается это новое общество. онъ живетъ среди гигантскихъ техническихъ побѣдъ надъ природою, онъ организуется въ товарищескомъ сотрудничествѣ Поэтому его міровоззрѣніе должно больше всякаго иного, и чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе развиваться м о н и с т и ч е с к и.

Товарищеское сотрудничество пролетаріата не только освобождаетъ познаніе отъ тяготѣвшихъ надъ нимъ дуалистическихъ и плюралистическихъ тенденцій, которыя порождались прежними формами организаціи труда —оно въ самомъ себѣ, кромѣ того, носитъ условія, дающія прямой толчекъ развитію монизма. Создавая глубокую психическую однородность между людьми-товарищами, и тѣсную связь между ними на почвѣ единаго общаго дѣла, оно тѣмъ самымъ порождаетъ все болѣе полное ихъ в з а и м н о е п о н и м а н і е. Это взаимное пониманіе состоитъ въ томъ, что люди мыслятъ свои и чужія переживанія по одному типу,—мыслятъ себя и другъ друга однородными способами: другими словами, это есть м о н и с т и ч е с к о е м ы ш л е н і е л ю д е й о л ю д я х ъ. Оно даетъ естественную психологическую опору и основу общему монизму познанія; и онъ складывается въ идейной жизни пролетаріата съ наибольшей легкостью и простотой, какъ нѣчто о р г а н и ч е с к и ей свойственное.

Какова же схема пролетарскаго монизма?

Историческая задача этого класса—въ трудѣ и въ борьбѣ организовать силы человѣчества для власти надъ стихіями—съ необходимостью становится душою его пониманія жизни и природы.

Вселенная должна развертываться передъ нимъ, какъ безконечная цѣпь организаціи единаго въ своей непрерывности матеріала бытія, цѣпь ведущая отъ стихійнаго хаоса элементовъ черезъ

неустойчивыя группировки первичныхъ комплексовъ, воспринимаемыхъ нами какъ неорганическій міръ ко все болѣе организованнымъ комплексамъ—живымъ существамъ, къ опыту индивидуальному и міру опыта коллективнаго, который, упрочивая все далѣе свою гармоническую связность, растетъ и расширяется безъ конца.

Таковы должны быть первые контуры той монистической картины міра какая создается борьбой и трудомъ пролетаріата на его пути къ объединенію человѣчества въ товарищескую семью.

В. БАЗАРОВЪ.

МАТЕРІАЛЪ КОЛЛЕКТИВНАГО ОПЫТА И ОРГАНИЗУЮЩІЯ ЕГО ФОРМЫ.

I.

Въ основѣ современнаго философскаго эмпиризма лежатъ два положенія. Во-первыхъ, познаніе неразрывно связано съ функціями человѣческаго организма, оно есть приспособленіе человѣчества къ условіямъ коллективной борьбы за жизнь, а не автономная дѣятельность какого-то «чистаго» духа. Второе положеніе, непосредственно вытекающее отсюда, сводится къ отрицанію принципіальной пропасти между физическимъ и психическимъ: физическое и психическое включаютъ въ себя извѣстное общее содержаніе, извѣстные общіе элементы и характеризуются различными типами сочетанія этихъ элементовъ.

Этой монистической тенденціей современный эмпиризмъ отличается отъ стараго англійскаго эмпиризма, который видѣлъ въ элементахъ опытнаго міра только ощущенія («sensations»), или впечатлѣнія («impressions»), и потому неизбѣжно толкалъ своихъ сторонниковъ или къ скептицизму, т. е. къ признанію опытнаго міра субъективной «иллюзіей», или же къ вѣрѣ въ сверхъ-опытную божественную реальность.—Съ другой стороны, монистическая тенденція составляетъ главную особенность современнаго эмпиризма и по сравненію съ другими философскими теченіями нашего времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ главную причину той инстинктивной, апріорной враждебности, съ которой относятся къ эмпирикамъ представители наиболѣе модныхъ философскихъ школъ.

Принципіальная однородность физическаго и психическаго міра органически не усваивается среднимъ носителемъ современной «культуры». Исходнымъ пунктомъ философскихъ построеній послѣдняго является кантіанскій тезисъ: «міръ есть *мое* представленіе». Какъ извѣстно, на этомъ фундаментѣ возводятъ безконечно разнообразныя зданія: одни, вѣрные прямымъ завѣтамъ Канта, стараются теоретически удержаться въ предѣ-

лахъ чистаго феноменализма, познанія явленій. И только моральнымъ своимъ чаяніемъ отводятъ уголокъ въ «ноуменальномъ» мірѣ, области «непознаваемыхъ вещей въ себѣ»; другіе вѣруютъ въ «матерію», наполняющую сверхъ-опытный міръ; третьи разыскиваютъ тамъ бога. Но какъ ни противоположны, по своимъ конечнымъ выводамъ, феноменализмъ и мистицизмъ, за-опытный матеріализмъ и идеализмъ, все же здѣсь остается нѣкоторая общая почва и, слѣдовательно, нѣкоторая возможность вести дискуссію по существу, обмѣниваться мнѣніями, а не одними только украшающими эпитетами.

Въ совершенно иномъ положеніи, передъ лицомъ этихъ преобладающихъ въ современной философіи умонастроеній оказывается монистическій эмпиризмъ. Отрицая субъективность опытныхъ данныхъ, признавая реальность «какъ она есть въ себѣ» содержаніемъ опыта, онъ объявляетъ мнимыми, какъ разъ тѣ проблемы, въ которыхъ типичный культурный человѣкъ нашей эпохи видитъ «смыслъ философіи всей». При такихъ условіяхъ неизбѣжна та враждебность къ эмпиризму, о которой я упомянулъ выше,—враждебность апріорная, основанная не на логическихъ аргументахъ, а на стихійномъ, непреоборимомъ голосѣ непосредственнаго чувства. Принадлежность опытныхъ данныхъ «моему» сознанію—чувство духовной собственности на міръ,—представляетъ основную, глубочайшую особенность современной культурной психики. Представить себѣ существенно иное отношеніе къ міру «явленій» человѣкъ такого психическаго склада совершенно не въ состояніи, — естественно, что онъ принимаетъ свое мірочувствованіе какъ нѣчто абсолютно необходимое, а въ отрицаніи субъективности опыта склоненъ видѣть простое невѣжество, поверхностность, неспособность къ достаточно глубокому самоанализу. Но если бы онъ даже и могъ отрѣшиться отъ всеобъемлющаго чувства субъективности, онъ ни въ коемъ случаѣ не пожелалъ бы этого сдѣлать, ибо большаго несчастія, болѣе полнаго разрушенія всѣхъ жизненныхъ цѣнностей онъ не въ состояніи себѣ и представить. Въ самомъ дѣлѣ. Что можетъ быть безотраднѣе міровоззрѣнія, согласно которому мое «я» лишено всякаго «бытія въ себѣ»,—мало того, не можетъ даже разсматриваться, какъ абсолютная форма эмпирически измѣнчиваго содержанія, низводится до уровня «случайной» комбинаціи элементовъ

опыта, возникшей на мгновеніе лишь для того, чтобы немедленно исчезнуть. Да развѣ съ такимъ самосознаніемъ возможно ставить передъ собой какія-либо «возвышенныя» цѣли, руководиться какими-либо «идеальными» мотивами? Не очевидно ли что эмпиризмъ предполагаетъ не только грубый и поверхностный умъ, но и крайнюю степень моральнаго паденія?

Вполнѣ понятно что въ борьбѣ съ эмпирикомъ-монистомъ философъ, стоящій на этой позиціи, быстро теряетъ способность къ логической *аргументаціи* и всецѣло переходитъ на почву этической, эстетической и всякой иной *квалификаціи* своего противника его «опредѣленія» разными эпитетами. Вотъ почему такъ бѣдны теоретическимъ содержаніемъ, такъ шаблонны и неинтересны по существу всѣ полемическія выступленія противъ современнаго эмпиризма со стороны большинства философскихъ направленій, танцующихъ отъ кантіанской печки. Ниспровергаетъ ли эмпириковъ правовѣрный кантіанецъ, или мистикъ и метафизикъ, «опирающійся» однимъ бокомъ на кантіанскую гносеологію, или «критическій матеріалистъ», передъ нами всегда одна и таже картина, полная неспособность усвоить себѣ точку зрѣнія противника маскируется болѣе или менѣе хлесткой фразеологіей.

Однако, кантіанская печка является хотя и преобладающимъ но все же не исключительнымъ отправнымъ пунктомъ современныхъ философскихъ спекуляцій. Нѣкоторые метафизики не удовлетворяются тѣмъ величаво презрительнымъ «гносеологическимъ» жестомъ, который якобы *апріори* устраняетъ всякія философскія притязанія научнаго эмпиризма. — они пытаются разбить эмпиризмъ его же собственнымъ оружіемъ принимаютъ его точку зрѣнія подвергаютъ подробному анализу выводы частныхъ наукъ, имѣющіе хоть какое-нибудь отношеніе къ обще-философскимъ вопросамъ, и, такимъ образомъ, на почвѣ самого же эмпиризма доказываютъ его несостоятельность, какъ философскаго направленія. Наиболѣе виднымъ метафизикомъ этого типа является безспорно А. Бергсонъ (H. Bergson).—одинъ изъ популярнѣйшихъ въ настоящее время французскихъ философовъ. Популярность стяжали ему, конечно, его мистическія экскурсіи, дающія, если не утоленіе, то, по крайней мѣрѣ, надежду на утоленіе той религіозной жажды, которая за послѣдніе годы все сильнѣе и сильнѣе охватываетъ «свободомыслящую» европейскую интеллигенцію. Но меня интересуетъ здѣсь не положительная сторона философіи Бергсона.

а его критика научнаго эмпиризма. Опираясь въ этой критикѣ на нѣкоторый современныхъ психологовъ, въ особенности на Джемса, Бергсонъ во многомъ идетъ дальше своихъ источниковъ, даетъ болѣе рѣзкія и яркія формулировки. Особенный интересъ представляетъ его теорія интеллекта. Въ основныхъ своихъ линіяхъ она совпадаетъ со взглядами тѣхъ эмпириковъ, которые выдвигаютъ на первый планъ *активную* природу познанія, его непосредственную связь съ жизненой борьбой человѣка, съ развитіемъ производства и техники. Оригинальность Бергсона заключается въ томъ, что именно въ этой практической тенденціи познанія онъ видитъ главный аргументъ, оправдывающій мистическіе полеты умозрѣнія. Въ виду того, что о философіи Бергсона въ русской литературѣ почти ничего не писалось, я изложу возможно болѣе подробно тѣ его идеи, которыя имѣютъ отношеніе къ темѣ настоящей статьи

II.

Бергсонъ считаетъ совершенно несостоятельнымъ тотъ довольно обычный въ наши дни взглядъ, что, такъ называемые, «образы» внѣшнихъ предметовъ, т. е ихъ формы, цвѣта и т. п. непосредственно даны намъ, какъ наши «внутреннія» состоянія.

«Всякій образъ»,—пишетъ онъ,—«является внутреннимъ по отношенію къ одной группѣ образовъ и внѣшнимъ по отношенію къ другой группѣ ихъ; но относительно всѣхъ данныхъ намъ образовъ въ совокупности нельзя сказать, являются ли они для насъ внѣшними или внутренними, ибо «внѣшность» и «внутренность» представляютъ лишь отношенія между самими образами. Поэтому спросить себя, существуетъ ли вселенная только въ нашей мысли, или внѣ ея, значитъ формулировать проблему въ терминахъ, исключающихъ всякую возможность рѣшенія и едва ли имѣющихъ какой-либо смыслъ,—это значитъ обречь себя на безплодную дискуссію, въ которой термины «мысль», «существованіе», «вселенная» неизбѣжно будутъ примѣняться спорящими сторонами въ совершенно различныхъ смыслахъ» *). Въ дѣйствительности, «образы» вещей даны намъ такъ же, какъ и нашъ собственный образъ т е. наше тѣло. И поскольку мы не приписываемъ нашему тѣлу ника-

*) Matière et Mémoire, стр. 11.

кого привилегированнаго положенія въ ряду другихъ вещей поскольку мы разсматриваемъ всѣ данные «образы», какъ таковые, въ ихъ самостоятельномъ значеніи (valeur absolue), мы получаемъ объективную систему, составляющую предметъ науки (qui appartient à la science); если же мы примемъ наше тѣло за центръ ориентировки, тогда та же самая совокупность образовъ даетъ «міръ сознанія» (le monde de la conscience), «въ которомъ всѣ образы регулируются центральнымъ образомъ, нашимъ тѣломъ, измѣненіямъ котораго они слѣдуютъ» *).

Какъ видимъ, Бергсонъ исходитъ изъ тѣхъ же предпосылокъ, какъ и современные эмпирики, и даже самыя формулировки сильно приближаются, съ одной стороны, къ «эмпиріокритической аксіомѣ» Авенаріуса **), съ другой стороны, къ тому разграниченію физическаго и психическаго какое устанавливается Махомъ ***). Но въ то время, какъ и для Маха и для Авенаріуса съ этимъ признаніемъ принципіальной однородности физическаго и психическаго, «внѣшняго» и «внутренняго», неразрывно связано убѣжденіе, что міръ, какъ онъ есть «въ себѣ», насквозь познаваемъ, для Бергсона с у щ н о с т ь міра процессъ его непрерывнаго становленія, его вѣчно творческой эволюціи находится з а п р е д ѣ л а м и п о з н а н і я.

Человѣческій познавательный аппаратъ Бергсонъ называетъ «кинематографомъ» дѣйствительности. Не будучи въ состояніи охватить міровую эволюцію въ самомъ ея совершеніи, интеллектъ разбиваетъ реально непрерывный потокъ вещей на отдѣльные неподвижные миги, дѣлаетъ,такъ сказать, рядъ моментальныхъ фотографическихъ снимковъ дѣйствительности, и, быстро замѣняя, какъ на лентѣ кинематографа, одинъ такой снимокъ другимъ ста-

*) Тамъ же.

**) „Каждый человѣческій индивидуумъ принимаетъ первоначально, что ему противостоитъ среда съ различными составными частями, другіе человѣческіе индивидуумы съ различными высказываніями“ и т. д. (См. Kritik der reinen Erfahrung, стр. VII).

***) „Цвѣтъ есть *физическій объектъ*, когда мы обращаемъ вниманіе на его зависимость отъ источника свѣта (другихъ цвѣтовъ, теплоты, пространственныхъ отношеній и т п) Но если мы обратимъ вниманіе на его зависимость отъ сѣтчатки (элементовъ K L M. составляющихъ *наше тѣло*), то цвѣтъ станетъ *психическимъ* объектомъ, *ощущеніемъ*. Не *предметы* изслѣдованія, а его *направленіе* различны въ первомъ и второмъ случаѣ“. (Die Analyse der Empfindungen, стр. 13).

рается прійти къ пониманію цѣлостнаго, чуждаго всякой множественности процесса развитія

Возьмемъ для примѣра самое простое изъ явленій природы движеніе твердаго тѣла Можно ли сказать, что мы познаемъ движеніе, какъ таковое, непосредственно измѣряемъ его, формулируемъ его законы? Нетрудно убѣдиться, что всѣ наши измѣренія, всѣ наши опредѣленія, напримѣръ, скоростей движенія, его ускореній и т. п. относятся не къ самому движенію, а къ разстояніямъ которыя оно проходитъ, т. е къ разстояніямъ между тѣми положеніями въ пространствѣ, которыя послѣдовательно занимало тѣло въ различные моменты времени Такимъ образомъ, не самый процессъ движенія является объектомъ нашего изслѣдованія, а рядъ неподвижныхъ точекъ и промежутковъ между ними Мы воображаемъ, что, увеличивъ число этихъ точекъ, сблизивъ ихъ между собой на возможно малое разстояніе, мы получимъ точное представленіе о движеніи, какъ таковомъ. Но это иллюзія Промежутки, на которые мы разбиваемъ траэкторію, описанную тѣломъ, существуютъ, какъ элементы, отдѣльные другъ отъ друга только въ нашей умственной операціи Реальное движеніе состоитъ не въ послѣдовательномъ п р е б ы в а н і и тѣла на пограничныхъ вѣхахъ отдѣляющихъ одинъ пройденный промежутокъ отъ другого, а въ самомъ п р о х о ж д е н і и промежутка. Такимъ образомъ, реальное движеніе вовсе не распадается на элементы: это н е п р е р ы в н ы й, т е внутренно единый, абсолютно простой процессъ.

Это искусственное раздробленіе сплошныхъ процессовъ, это фиксированіе осколковъ міра представляетъ не какой-либо случайный дефектъ нашего познанія, и отнюдь не можетъ разсматриваться, какъ признакъ его недостаточнаго развитія. Наоборотъ здѣсь сказывается жизненная сущность интеллекта, его біологическое назначеніе. И чѣмъ совершеннѣе интеллектъ, чѣмъ лучше выполняетъ онъ свою роль, тѣмъ отчетливѣе выступаетъ кинематографическій его характеръ

Въ чемъ же состоитъ роль интеллекта, «сознанія»?

По мнѣнію Бергсона, величайшія недоразумѣнія въ области философіи вызваны тѣмъ, что интеллекту приписывали чисто созерцательную, «спекулятивную» природу. Въ дѣйствительности, сознаніе вовсе не приспособлено для того, чтобы созерцать или отражать въ себѣ міръ.—сознаніе есть служебный аппаратъ, помогающій организму цѣлесообразно реагировать на внѣшнее раздра-

женіе. Въ корнѣ несостоятельны поэтому всѣ стремленія охватить мыслью природу въ ея цѣломъ, воспринять ея процессы такъ, какъ они есть Достигнуть этого можно только отказавшись отъ сознанія, ставъ матеріально вещью въ ряду другихъ матеріальныхъ вещей. И. какъ матеріальная *вещь*, наше тѣло дѣйствительно воспринимаетъ и передаетъ дальше всѣ явленія внѣшняго міра ни одно событіе во вселенной не совершится безъ того, чтобы не вызвать извѣстныхъ перемѣнъ въ нашемъ тѣлѣ Но какъ *организмъ*, наше тѣло реагируетъ лишь на тѣ изъ этихъ безчисленныхъ измѣненій, которыя такъ или иначе затрагиваютъ его жизненный интересъ, которыя заставляютъ его совершать рядъ координированныхъ дѣйствій, въ цѣляхъ самосохраненія

Уже отсюда ясно, что сознаніе никоимъ образомъ не можетъ дать полной картины міра, но вынуждено ограничиться тѣми фрагментами его, которые для насъ, какъ живыхъ существъ, практически важны. Однако, этого мало Какъ извѣстно, даже реакціи нашего организма далеко не всегда сопровождаются сознаніемъ —и притомъ, какъ разъ тѣ изъ нихъ, которыя наиболѣе выработаны наиболѣе закончены въ своемъ механизмѣ, совершаются обыкновенно автоматически, рефлекторно, «инстинктивно» Сознаніе имѣетъ мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если организмъ реагируетъ неувѣренно, если данное раздраженіе вызываетъ въ немъ колебательное состояніе, рядъ зарождающихся и взаимно нейтрализующихся движеній Какъ только проходитъ эта полоса неувѣренности ((zone d'indetermination), и одна изъ зачаточныхъ «возможныхъ» реакцій, преодолѣвъ сопротивленіе остальныхъ, реализуется на практикѣ, роль сознанія заканчивается. Самый процессъ «существленія сознательнаго акта столь же мало касается сознанія, какъ и любое рефлекторное движеніе Сознаніе выступитъ снова лишь съ возникновеніемъ новой «зоны неувѣренности», для того, чтобы освѣтить несовершенство нашего организма, его шатанія и неприспособленность въ какомъ-либо новомъ случаѣ и погаснуть какъ разъ тогда, когда это несовершенство превзойдено, когда организмъ реализуетъ въ дѣйствіи вновь завоеванное имъ приспособленіе

Такимъ образомъ, необходимымъ условіемъ сознанія является нѣкоторая задержка, нѣкоторая пріостановка въ процессѣ взаимодѣйствія между природой и организмомъ. Наше пребываніе въ сферѣ сознанія, въ «зонѣ неопредѣленности» выражается въ томъ, что мы «представляемъ» себѣ нѣсколько возможныхъ путей дѣя-

тельности. и не останавливаемся сразу ни на одномъ изъ нихъ, но. какъ говорятъ въ такихъ случаяхъ, дѣлаемъ «выборъ» между возможностями. «Съ этой точки зрѣнія» —пишетъ Бергсонъ,—«сознаніе живого существа можно бы опредѣлить, какъ ариѳметическую разность между возможной активностью и активностью реальной. Оно служитъ мѣрой разстоянія между представленіемъ и дѣйствіемъ»*)

III.

Назначеніе интеллекта—не познаніе вещей, какъ онѣ суть «въ себѣ», а ихъ преобразованіе въ соотвѣтствіи съ потребностями человѣческой жизни. Способность фабриковать искусственныя орудія есть, по Бергсону, основная особенность человѣка. «Къ какому времени относимъ мы появленіе человѣка на землѣ? Къ тому времени. когда стали фабриковать первое оружіе, первую утварь. Вы не забыли знаменитаго спора, возгорѣвшагося по поводу находки Буше-де-Перта въ каменоломнѣ Мулэнъ-Киньонъ? Вопросъ состоялъ въ томъ, представляетъ ли эта находка настоящіе топоры или обломки кремня, случайно напоминающіе топоры по формѣ Но никто не сомнѣвался въ томъ. что. если бы найденные кремни дѣйствительно оказались топорами, это доказало бы наличность интеллекта, и въ частности. интеллекта человѣческаго. Присмотримся съ другой стороны къ анекдотамъ о проявленіи разума животными. Мы увидимъ. что среди многихъ поступковъ животныхъ. которые обыкновенно объясняютъ подражаніемъ. автоматической ассоціаціей образовъ и т. п., попадаются такіе, которымъ мы безъ малѣйшаго колебанія, приписываемъ разумность: это, въ первую голову, поступки. наводящіе на мысль о фабрикаціи, когда, напримѣръ, животное само дѣлаетъ для себя какое-нибудь грубое орудіе, или же пользуется, въ своихъ интересахъ. предметомъ, сфабрикованнымъ людьми . Если бы мы могли отрѣшиться отъ всякаго самомнѣнія и попытались опредѣлить нашъ видъ, основываясь исключительно на томъ, что говоритъ намъ наша исторія и наше доисторическое существованіе о постоянныхъ. характерныхъ особенностяхъ человѣка и его разума. то мы, быть можетъ, сказали бы не «Homo sapiens», «человѣкъ мыслящій».а «Homo faber»,

*) L'évolution creatrice, стр 157

«человѣкъ, дѣлающій орудія» Въ самомъ дѣлѣ интеллектъ разсматриваемый съ точки зрѣнія его коренной, специфической функціи, есть способность фабриковать искусственные предметы, въ особенности же, орудія для изготовленія орудій и безконечно видоизмѣнять пріемы этой фабрикаціи» *)

Въ этомъ существенное отличіе интеллекта отъ инстинкта который также создаетъ орудія, но не искусственныя, а естественныя,—не изъ внѣшней неорганизованой матеріи, а изъ органовъ самого одареннаго инстинктомъ животнаго: «развитой инстинктъ есть способность утилизировать и даже конструировать организованные инструменты; развитой интеллектъ есть способность фабриковать и примѣнять къ дѣлу неорганизованные инструменты» **)

Орудія инстинкта отличаются необычайнымъ совершенствомъ построенія, величайшей простотой и точностью ихъ дѣйствія, но какъ самая структура ихъ, такъ и ихъ функціи строго спеціализированы, приспособлены лишь для данныхъ узко опредѣленныхъ цѣлей. Оса, поражающая своимъ жаломъ насѣкомое прямо въ нервный узелъ, производитъ эту операцію съ бо́льшимъ искусствомъ чѣмъ могъ бы сдѣлать на ея мѣстѣ самый опытный и самый знающій хирургъ,—но она не имѣетъ, конечно, никакого «представленія» объ анатоміи своей жертвы нервная система послѣдней не рисуется передъ умственнымъ взоромъ осы, какъ совокупность различныхъ элементовъ, между которыми надо сдѣлать «выборъ», чтобы найти объектъ для наиболѣе цѣлесообразнаго изъ всѣхъ «возможныхъ» въ данный моментъ дѣйствій. Оса не сознаетъ ряда возможныхъ схемъ активности, она переживаетъ только одинъ единственный, реальный актъ. Ничего не подозрѣвая о томъ какіе вообще бываютъ на свѣтѣ нервы и нервныя сплетенія оса въ каждомъ данномъ случаѣ, безошибочно распознаетъ своимъ жаломъ нервный узелъ врага при помощи особой интуиціи, сходной, по увѣренію Бергсона, съ нашимъ чувствомъ «симпатіи» (какъ бы влеченіе къ этому нервному узлу).

Инструментъ, сфабрикованный при помощи интеллекта, всегда менѣе совершененъ, нежели органъ, созданный инстинктомъ —онъ

*) L'évolution créatrice, стр. 149, 151.
**) Тамъ же, стр. 152.

съ трудомъ изготовляется, и требуетъ выучки для примѣненія къ тѣлу. Но такъ какъ онъ дѣлается изъ неорганизованной матеріи онъ можетъ принять любую форму, служить для любого употребленія, при помощи искусственнаго орудія живое существо можетъ избавить себя отъ любой вновь возникшей трудности, расширить свое могущество въ безконечно разнообразныхъ направленіяхъ. Уступая естественному орудію въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно немедленно удовлетворить не терпящую отлагательства потребность, искусственное орудіе имѣетъ по сравненію съ естественнымъ тѣмъ большее преимущество, чѣмъ менѣе настоятельна данная потребность Въ то же время искусственное орудіе оказываетъ обратное вліяніе на природу сфабриковавшаго его существа, побуждаяя послѣднее выполнять все новыя и новыя функціи, дѣлая его организацію болѣе богатой, какъ бы замѣщая его естественные органы На мѣсто каждой потребности, которую оно удовлетворило, оно создаетъ новую потребность и такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы замкнуть, подобно инстинкту кругъ тѣхъ дѣйствій, которыя животное совершаетъ автоматически, оно раскрываетъ для активности организма безгранично широкое поле, все дальше и дальше толкаетъ организмъ въ направленіи этихъ непрерывно растущихъ возможностей, дѣлаетъ его все болѣе и болѣе свободнымъ. Однако это преимущество интеллекта надъ инстинктомъ обнаруживается лишь очень поздно, лишь тогда, когда интеллектъ, доведя искусство фабрикаціи до высшей степени совершенства, начинаетъ уже фабриковать машины для фабрикаціи»).

IV.

Итакъ съ одной стороны, сознаніе необходимо обѣдняетъ содержаніе окружающаго насъ міра, являясь чѣмъ-то вродѣ избирательнаго поглощенія внѣшнихъ воздѣйствій. Лишь тѣ изъ этихъ воздѣйствій даютъ отпечатокъ въ нашемъ сознаніи, которыя вызываютъ въ насъ задержанную какимъ-либо препятствіемъ, пріостановленную въ своемъ развитіи реакцію;—наоборотъ, сознаніе бываетъ абсолютно прозрачно оно не улавливаетъ никакихъ «представленій» въ тѣхъ случаяхъ, когда воздѣйствіе проходитъ сквозь наше тѣло, не возбуждая въ немъ реакціи, или же возбуждаетъ

*) L'évolution créatrice, стр. 153

одну только, вполнѣ опредѣленную реакцію которая не сталкивается ни съ какими другими «возможностями» и потому осуществляется немедленно, безъ малѣйшаго внутренняго сопротивленія или выбора Съ другой стороны даже тѣ явленія, или стороны дѣйствительности, которыя задерживаются въ сознаніи, воспринимаются нами въ искаженномъ, приспособленномъ для нашей практики видѣ Создавая орудія для преобразованія внѣшней среды, рисуя схемы нашихъ возможныхъ операцій съ этими орудіями сознаніе схватываетъ въ окружающемъ мірѣ лишь то что можетъ послужить, такъ сказать, точкой приложенія нашей активности

Отсюда, естественно, вытекаетъ кинематографическій характеръ сознанія Проникновеніе въ самую сущность цѣлостнаго процесса мировыхъ превращеній, если бы даже оно и было возможно, было бы безполезно для нашей жизненной борьбы Чтобы опредѣлить схему будущаго дѣйствія, надо знать, въ какомъ состояніи будутъ находиться подлежащіе воздѣйствію предметы въ тотъ моментъ, когда намъ понадобится осуществить на дѣлѣ представляемый нами грядущій актъ. Слѣдовательно, раздробленіе цѣлостнаго процесса на рядъ мгновенныхъ, внѣшнихъ другъ по отношенію къ другу состояній, неизбѣжно для интеллекта все его назначеніе, какъ орудія жизненной борьбы, состоитъ въ томъ чтобы, исходя изъ комбинацій элементовъ внѣшняго міра въ данное мгновеніе t, предвидѣть ту ихъ комбинацію, которая наступитъ въ нѣкоторый будущій моментъ t^1 Осуществить такое предвидѣніе —это значитъ интеллектуально «познать» явленіе, найти его «законъ». Но, очевидно, законъ, т е постоянное отношеніе между мѣняющимися величинами, можетъ имѣть мѣсто лишь тамъ гдѣ всѣ превращенія затрагиваютъ исключительно количественную сторону предметовъ, ихъ размѣры и ихъ взаимныя разстоянія. Разъ мѣняются самыя качества предметовъ, ни о какихъ законахъ процесса не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ качественныя различія по существу своему неизмѣримы. Представимъ себѣ, напримѣръ что нѣкоторое тѣло въ моментъ t имѣло красный цвѣтъ, въ моментъ t^1 пріобрѣло, путемъ ряда послѣдовательныхъ переходовъ, оранжевую окраску, въ моментъ t^2—желтую и т. д Можно ли непосредственно установить закономѣрность такого процесса? Можно ли измѣрить цвѣтовое разстояніе между краснымъ и оранжевымъ и сравнить его съ цвѣтовымъ разстояніемъ между оранжевымъ и желтымъ? Очевидно, нѣтъ. Только косвеннымъ путемъ, только

путемъ замѣщенія непосредственно данныхъ, качественно различныхъ цвѣтовъ какими-нибудь количественно соизмѣримыми величинами,—напр., эфирными волнами различной длины,—приходимъ мы въ данномъ случаѣ къ отысканію закономѣрности. Но, какъ мы видимъ, по Бергсону, и самое «движеніе» свѣтового эфира, если бы даже оно было намъ непосредственно дано, не могло бы быть непосредственно измѣримо:—и тутъ мы устанавливаемъ мѣру и законъ при помощи искусственнаго кинематографическаго преобразованія дѣйствительности, при помощи замѣны непрерывнаго явленія цѣлымъ рядомъ неподвижныхъ его моментовъ.

Всѣ общія понятія, создаваемыя интеллектомъ, всѣ его гипотезы, теоріи конструкціи, представляютъ орудія, предназначенныя исключительно для того, чтобы помочь человѣку овладѣть міровой матеріей, фабриковать изъ нея искусственные предметы, удовлетворяющіе той или другой жизненной потребности Такимъ образомъ, понятія—это истинныя «машины для фабрикаціи», настоящія «орудія для производства орудій». И среди нихъ первое, познавательно важнѣйшее мѣсто принадлежитъ понятію о геометрическомъ пространствѣ, т. е. объ «однородной и пустой средѣ безконечной и безконечно дѣлимой, одинаково легко подчиняющейся всевозможнымъ расчлененіямъ» *)

«Среда подобнаго рода никогда не можетъ быть дана намъ въ непосредственномъ воспріятіи; она существуетъ лишь, какъ понятіе. Мы воспринимаемъ только протяженныя тѣла, извѣстнымъ образомъ ограниченныя, оказывающія сопротивленіе, раздѣляющіяся по линіямъ, соотвѣтствующимъ ихъ дѣйствительнымъ границамъ, или границамъ ихъ дѣйствительныхъ элементарныхъ частей. Но когда мы представляемъ себѣ нашу власть надъ этой матеріей, нашу способность произвольно разсѣкать ее и снова соединять полученныя части, мы проецируемъ всѣ эти возможныя разсѣченія и сочетанія позади реально-протяженныхъ предметовъ, въ формѣ однороднаго, пустого и безкачественнаго пространства, которое ихъ якобы включаетъ въ себя. Итакъ, пространство есть, прежде всего, схема нашихъ возможныхъ воздѣйствій на вещи» **).

Какъ мы видимъ, Бергсонъ очень осторожно лавируетъ въ обла-

*) L'évolution créatrice, стр. 170.

**) Тамъ же, стр 170.

сти терминологіи; онъ не хочетъ, подобно кантіанцамъ называть пространство «чистымъ созерцаніемъ», онъ утверждаетъ, что созерцать мы можемъ только физически протяженные предметы (l'étendue réelle), а не отвлеченное понятіе геометрическаго пространства. Но, спрашивается, какъ и отъ чего «отвлечено» это понятіе? Такъ какъ реально протяженные предметы, обнаруживаютъ исключительно качественныя различія, и притомъ чужды всякой множественности, а геометрическое пространство характеризуется діаметрально противоположными свойствами: полной безкачественностью, совершенной однородностью своихъ абсолютно отдѣльныхъ другъ отъ друга частей,—то, очевидно, исключена всякая возможность происхожденія геометрическаго пространства изъ эмпирическаго, изъ étendue réelle. Указаніе на то, что геометрическое пространство есть проецированная нами позади реальныхъ вещей схема нашихъ возможныхъ воздѣйствій на міръ, слишкомъ общо и слишкомъ неопредѣленнообразно, для того, чтобы можно было имъ удовлетвориться. Да къ тому же и по существу оно въ данномъ случаѣ ровно ничего не объясняетъ. Вѣдь человѣческія дѣйствія непосредственно даны совершенно такъ же, какъ и другія движенія, т. е. какъ слитные цѣлостные процессы, а не какъ множественность взаимно индифферентныхъ элементовъ или частей. Съ другой стороны, всѣ наши движенія качественно отличны другъ отъ друга. Движеніе рукой вверхъ и движеніе той же рукой внизъ непосредственно переживаются, какъ разнородныя, несравнимыя и несоизмѣримыя явленія Такимъ образомъ, повидимому, «наши движенія», столь же мало, какъ и внѣшнія «качества», способны объяснить, какъ могло зародиться понятіе о безкачественной средѣ, однородной во всѣхъ своихъ направленіяхъ, индифферентной во всѣхъ своихъ частяхъ Геометрическое пространство оказывается привилегированнымъ понятіемъ: мы не можемъ представить себѣ процессъ его возникновенія, его образованія изъ данныхъ опыта. Содержаніе его дано непосредственно въ немъ самомъ, въ «чистомъ» понятіи, и дано, такъ сказать, цѣликомъ и сразу, такъ что немыслимы никакія переходныя ступени, никакія связующія звенья между геометрическимъ пространствомъ и какими бы то ни было эмпирическими содержаніями.

Но, въ такомъ случаѣ, трудно понять, чѣмъ отличается бергсоновское чистое понятіе пространства отъ кантіанскаго «про-

странства, какъ чистаго созерцанія». И любопытно, что, анализируя основную функцію интеллекта, его «способность» устанавливать отношенія между вещами, Бергсонъ выступаетъ сторонникомъ не только гносеологическаго, но и психическаго априоризма, защищаетъ теорію прирожденности познавательныхъ формъ. «Новорожденный ребенокъ не знаетъ ни опредѣленныхъ объектовъ, ни опредѣленныхъ свойствъ какихъ-либо объектовъ, но въ тотъ день когда онъ впервые услышитъ, что извѣстныя свойства относятъ къ извѣстному объекту, извѣстный эпитетъ къ извѣстному существительному, онъ тотчасъ же поймётъ, что хотятъ этимъ сказать... Интеллекту прирождено познаніе формъ» *).

V.

Пропасть между міромъ какъ онъ есть въ себѣ и тѣми схемами или формами, которыя прирождены нашему интеллекту, получаетъ у Бергсона особенно яркую и своеобразную формулировку, когда онъ противоставляетъ реальное время математическому. Въ реальномъ потокѣ времени каждый данный мигъ абсолютно неповторяемъ и единиченъ но въ то же время ничѣмъ не отдѣленъ отъ послѣдующаго мига, въ который онъ непосредственно переходитъ. Математическое время не имѣетъ ничего общаго съ реальнымъ—это совокупность совершенно однородныхъ, соизмѣримыхъ, расположенныхъ другъ возлѣ друга частей, это—линія, пространственная схема, построенная интеллектомъ съ цѣлью измѣренія промежутковъ между состояніями, но отнюдь не улавливающая самого измѣненія состояній.

Впрочемъ, не всѣ явленія природы протекаютъ въ «реальномъ времени». Колебанія маятника, движеніе планетъ вокругъ солнца и тому подобные чисто механическіе процессы, повторяющіеся неопредѣленное число разъ въ томъ же самомъ видѣ, лишены абсолютныхъ историческихъ датъ; ихъ прошлое не объединяется съ настоящимъ, образуя строго индивидуальный, неповторимый моментъ развитія, а исчезаетъ безслѣдно Въ силу этого, возможно точное предвидѣніе въ области механическихъ явленій Зная одно качаніе маятника, мы знаемъ всѣ его качанія и можемъ заранѣе

*) L'évolution créatrice, стр 160, 161.

вычислить то положеніе, которое онъ приметъ въ любой моментъ времени. Будущее маятника дано въ его настоящемъ, именно потому, что это настоящее свободно отъ всякихъ слѣдовъ прошлаго, что маятникъ не имѣетъ исторіи, что характеръ данныхъ его колебаній ничуть не зависитъ отъ того, сколько колебаній было продѣлано имъ раньше

Совершенно иначе протекаетъ процессъ жизни Живой организмъ включаетъ въ себя всю свою исторію. Здѣсь ничто не исчезаетъ безслѣдно. Каждое пережитое состояніе такъ сказать, входитъ въ послѣдующее и органически сливается съ нимъ въ одно цѣлое. Такимъ образомъ, потокъ жизни нарастая все болѣе и болѣе, безпрерывно усложняясь но отнюдь не теряя при этомъ своего абсолютнаго единства, представляетъ намъ истинную картину р е а л ь н а г о теченія времени.

Въ жизни сознательныхъ существъ это консервированіе прошлаго осуществляется, при помощи п а м я т и.—точнѣе, при помощи двухъ родовъ памяти, играющихъ существенно различную роль: память перваго рода закрѣпляетъ усвоенныя организмомъ «привычныя» ему реакціи.—память второго рода хранитъ конкретные образы прошлаго Бергсонъ иллюстрируетъ эту разницу слѣдующимъ примѣромъ

«Я изучаю стихотвореніе», пишетъ онъ, «и чтобы запомнить его наизусть, сначала читаю вслухъ каждый стихъ; затѣмъ повторяю урокъ нѣсколько разъ подъ-рядъ. Съ каждымъ новымъ чтеніемъ дѣло подвигается впередъ: слова все лучше и лучше связываются между собой и въ концѣ концовъ сливаются въ одно организованное цѣлое. Съ этого момента я знаю свой урокъ наизусть; тогда говорятъ, что я з а п о м н и л ъ стихотвореніе, что оно запечатлѣлось въ моей п а м я т и.

«Но теперь я хочу представить себѣ, какимъ образомъ, я изучалъ свой урокъ,—и передо мной возникаютъ тѣ фазы, которыя я послѣдовательно прошелъ. Каждое изъ послѣдовательныхъ чтеній рисуется передъ моимъ умственнымъ взоромъ, какъ нѣчто совершенно индивидуальное; я снова вижу тѣ обстоятельства, которыя его сопровождали; оно отличается, какъ отъ всѣхъ предшествовавшихъ, такъ и отъ всѣхъ послѣдующихъ чтеній уже самымъ мѣстомъ, занимаемымъ имъ во времени; однимъ словомъ, каждое изъ этихъ чтеній снова проходитъ передо мною, какъ точно опредѣленное событіе моей исторіи И тѣмъ не менѣе объ этихъ обра-

захъ также говорятъ, что я запомнилъ ихъ, что они запечатлѣлись въ моей памяти». *)

Выученное наизусть стихотвореніе хранится въ нашей родовой, безличной памяти, оно лишено исторической даты; сегодня я его знаю совершенно такъ же, какъ зналъ вчера,—и это знаніе состоитъ лишь въ томъ, что въ каждый данный моментъ я могу его произнести, если это понадобится. Это—типичная «привычка», аналогичная всякимъ инымъ привычнымъ реакціямъ моего организма, напр., умѣнью ходить, писать и т. п. Такого рода привычки, не занимая хронологически опредѣленнаго мѣста въ моей личной исторіи, въ то же время всегда находятся у меня подъ рукой, всегда готовы выполнить присущія имъ функціи. И когда онѣ функціонируютъ, онѣ переживаются мною какъ акты, а не какъ образы, «я скорѣе «разыгрываю» ихъ, чѣмъ представляю».

Совершенно иное значеніе имѣютъ конкретныя воспоминанія индивидуальныхъ событій прошлаго. Они составляютъ содержаніе моей реальной личности. Снабженныя вполнѣ опредѣленной исторической датой, они обусловливаютъ абсолютную неповторяемость каждаго отдѣльнаго момента въ моемъ бытіи,—но, съ другой стороны, они же создаютъ цѣльность моего «я», такъ какъ не располагаются, подобно матеріальнымъ предметамъ, другъ возлѣ друга, но непосредственно входятъ одно въ другое въ реальномъ потокѣ времени **).

При такомъ представленіи о сущности жизненнаго процесса, научное изслѣдованіе жизни, т. е. точное предвидѣніе ея явленій, очевидно, не мыслимо. Если бы мы даже могли вполнѣ точно пред-

**) Matière et mémoire, стр. 75, 76.

*) Поскольку конкретныя воспоминанія являются „образами", они конечно рисуются намъ въ пространствѣ, а слѣдовательно не лишены множественности „расположенныхъ другъ возлѣ друга" частей. Но по Бергсону образъ есть уже зародышъ акта, „схема нашего возможнаго дѣйствія". Поэтому онъ разсматриваетъ образы исторической памяти какъ начало матеріализаціи прошлаго, начало его превращенія въ актъ настоящаго. Для того чтобы выдержать свою теорію реальнаго времени вполнѣ послѣдовательно, онъ допускаетъ метафизическую фикцію „souvenir pur": „чистое" воспоминаніе, которое якобы скрывается за всякимъ „образомъ", но само отнюдь не есть образъ, лишено всякой пространственности и всякой множественности, не экстенсивно, а только интенсивно (обладаетъ не протяженностью въ какомъ бы то ни было смыслѣ, а только напряженностью).

ставить себѣ состояніе живого существа въ настоящій моментъ и заранѣе узнали весь ходъ его дальнѣйшаго развитія, мы не были бы въ состояніи предвосхищать его грядущихъ состояній. Въ самомъ дѣлѣ, по Бергсону, каждое данное мгновеніе индивидуальной жизни содержитъ въ себѣ всю ея предшествующую исторію. Слѣдовательно, для того, чтобы представить себѣ живой организмъ, въ нѣкоторый еще не наступившій моментъ его существованія, мы должны представить себѣ и весь ходъ его развитія между даннымъ моментомъ и будущимъ, мы должны въ своемъ научномъ воображеніи пережить его исторію во всей конкретности, во всѣхъ деталяхъ ея хронологическаго теченія. Но, само собою разумѣется, такое предвидѣніе отниметъ у насъ ровно столько же времени, сколько требуется для реальнаго осуществленія предвидимаго нами процесса,—другими словами, мы дойдемъ въ своемъ предвидѣніи до интересующаго насъ будущаго момента въ жизни животнаго какъ разъ тогда, когда оно само дойдетъ до него, когда этотъ искомый моментъ станетъ для животнаго не грядущимъ, а настоящимъ.

Предвидя взаимное расположеніе планетъ нашей солнечной системы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, мы отнюдь не представляемъ себѣ ихъ конкретныхъ движеній въ теченіе этихъ мѣсяцевъ, мы перескакиваемъ черезъ промежуточныя фазы, и при помощи опредѣленной формулы сразу схватываемъ ихъ искомое расположеніе; мы можемъ сдѣлать это лишь потому, что движеніе планетъ, поскольку оно является чисто механическимъ процессомъ, не имѣетъ исторіи. Въ историческомъ процессѣ развитія жизни такое перескакиваніе черезъ промежуточныя фазы неосуществимо. Здѣсь неосуществимо поэтому предвосхищеніе будущихъ явленій. Если бы мы даже и знали направленіе жизненнаго развитія, это знаніе не дало бы намъ возможности предвидѣть грядущія состоянія жизни, мысленно воспроизвести ихъ въ настоящемъ; оно въ лучшемъ случаѣ создало бы изъ насъ точное повтореніе изслѣдуемаго жизненнаго процесса, протекающее вполнѣ ему параллельно.

Но и независимо отъ этого, самое предположеніе, что можно научно предвидѣть линію развитія жизни, представляется Бергсону совершенно несостоятельнымъ. У насъ есть лишь два способа предвидѣть. Во-первыхъ, мы умозаключаемъ отъ причины къ слѣдствію, другими словами, предполагаемъ, что слѣдствіе уже заключено въ совокупности причинъ и можетъ быть «выведено»,

разъ дана эта совокупность. Во-вторыхъ, мы предвидимъ дѣйствія сознательнаго существа, опираясь на познаніе его мотивовъ. «Мотивъ» также включаетъ въ себя представленіе о томъ актѣ, который стремится реализовать человѣкъ, и лишь въ томъ случаѣ можетъ служить для предвидѣнія, если это представленіе правильно, т. е. дѣйствительно соотвѣтствуетъ тому поступку, который будетъ выполненъ, когда человѣку удастся побороть препятствія, стоящія на пути къ осуществленію его цѣли. Такимъ образомъ, и причинное и телеологическое предвидѣніе можетъ быть орудіемъ познанія лишь постольку, поскольку все будущее уже дано въ настоящемъ. Причинное предвидѣніе примѣнимо исключительно къ механическимъ процессамъ. Телеологическое предвидѣніе подчиняетъ себѣ сознательные процессы жизни, но далеко не цѣликомъ. Оно позволяетъ намъ предвосхищать только поступки, т. е. функціи того апарата «привычныхъ» реакцій, который хранится въ родовой памяти человѣка, не входя въ составъ его исторически развертывающейся личности. Конкретное переживаніе, реальный моментъ въ личной исторіи живого существа не можетъ быть объектомъ предвидѣнія, ни причиннаго, ни телеологическаго.

Жизнь есть исторія, непрерывное качественное измѣненіе, не поддающееся предвидѣнію по самому существу своему. Основа жизни—не механизмъ, функціонирующій по опредѣленнымъ законамъ, включающій въ своемъ настоящемъ все свое будущее, а нѣкое творческое «устремленіе» къ абсолютно новому, «élan vital». Это устремленіе нельзя отожествлять съ нашими сознательными актами, направленными къ осуществленію извѣстныхъ цѣлей, такъ какъ «цѣль», какъ мы только что упоминали, уже предвосхищаетъ результатъ акта, и такимъ образомъ, лишаетъ его абсолютно творческаго характера. Elan vital не знаетъ заранѣе того пункта, къ которому придетъ, и вообще не сознаетъ ни своихъ задачъ, ни орудій ихъ достиженія. Тѣмъ не менѣе въ этомъ безсознательномъ порывѣ жизненнаго творчества есть всегда извѣстное направленіе, которое до нѣкоторой степени роднитъ его съ нашими телеологическими актами.

Въ общемъ и цѣломъ, Бергсоновская теорія интеллекта приводитъ, слѣдовательно, къ тому выводу, что механическое міровоззрѣніе, естественно вытекая изъ природы нашего разума, отнюдь однако не способно дать намъ адэкватнаго представленія о дѣй-

ствительныхъ процессахъ мировой эволюціи, въ особенности о процессахъ жизни. Такъ какъ интеллектъ есть «орудіе для фабрикаціи орудій», и такъ какъ орудіе возможно дѣлать лишь изъ твердаго матеріала, сохраняющаго разъ приданную ему форму, то всего понятнѣе для насъ именно твердое тѣло «наша логика есть логика твердыхъ тѣлъ».

Но «душа не больше ли пищи и тѣло одежды»? И не смѣшны ли притязанія инструмента, созданнаго для изготовленія пищи и одежды, воспроизвести въ своихъ «понятіяхъ» и «представленіяхъ» ту живую душу и то живое тѣло, служебнымъ аппаратомъ которыхъ онъ является? Именно потому, что интеллектъ со своей «логикой твердыхъ тѣлъ» есть орудіе жизни.—именно поэтому сущность жизни не доступна интеллекту, не укладывается въ рамки его логики.

VI

Какъ я уже упомянулъ выше, анализъ метафизики Бергсона, какъ таковой, не входитъ въ задачу настоящей статьи. Я замѣчу только, что Бергсоновская философія, какъ и всѣ другіе виды философіи безсознательнаго, невольно запутывается въ безысходно противорѣчивомъ понятіи «безсознательнаго сознанія».

Утверждать что либо опредѣленное о непознаваемомъ можно, очевидно, лишь въ томъ случаѣ, если обладаешь нѣкоторой исключительной способностью прозрѣнія, нѣкоторымъ сверхъ-познаніемъ, для котораго это «непознаваемое» въ той или другой степени постижимо. Такую способность и приписываютъ себѣ всѣ тѣ философы, которые непознаваемое считаютъ объектомъ «разума» въ противоположность «разсудку», «большого» разума въ противоположность «малому» и т. п. «Непознаваемое» имѣетъ при этомъ условный и относительный смыслъ: это—нѣчто, превосходящее силы обыденнаго познанія, но доступное высшему интеллекту, просвѣтленному философской истиной, Божественнымъ откровеніемъ и т. п. Но и низшій, и высшій разумъ оперируютъ здѣсь въ предѣлахъ сознанія, являются сознательными силами.—Если же мы, всякій вообще интеллектъ, всякое вообще сознаніе признаемъ неспособнымъ вмѣстить въ себя «сущность вещей», то тѣмъ самымъ отнимаемъ у себя право утверждать объ этой «сущности» что бы то ни было,—ибо всѣ наши слова суть орудія интеллекта, и нѣтъ въ

нашемъ распоряженіи ни одного звука, ни одного символа, который бы могъ хотъ самымъ отдаленнымъ образомъ намекнуть на что-либо, принципіально недоступное человѣческому сознанію.

Бергсонъ и самъ чувствуетъ эту трудность, но пытается преодолѣть ее путемъ слѣдующаго сравненія: человѣкъ никогда не погружавшійся въ воду, не въ состояніи представить себѣ, что такое плаваніе; но стоитъ приступить къ дѣлу практически, стоитъ выучиться плавать, чтобы вполнѣ постичь этотъ процессъ, совершенно непознаваемый съ точки зрѣнія существа, знакомаго лишь съ движеніями по земной поверхности*). Свою философію Бергсонъ, какъ разъ и считаетъ такимъ практическимъ опытомъ плаванія по морю непознаваемаго.— Не трудно, однако, убѣдиться, что въ дѣйствительности его выходъ за предѣлы интеллекта оказывается чистѣйшей фикціей. Мы уже видѣли образчики того, какъ характеризуетъ Бергсонъ сверхъ-интеллектуальныя, безсознательныя силы творческой эволюціи. Инстинктъ осы есть «симпатія», но въ отличіе отъ человѣческой симпатіи, неразрывно связанной съ представленіемъ симпатичнаго объекта, оса не представляетъ того нервнаго узла, которому симпатизируетъ ея жало. Сущность «élan vital» есть опредѣленнымъ образомъ направленное «стремленіе» —но опять-таки безъ представленія о той цѣли, которой оно безсознательно достигаетъ. И эти образчики не случайны; такова типичная схема бергсоновскихъ характеристикъ безсознательнаго. Всегда и вездѣ реальная сущность развитія характеризуется имъ, какъ человѣческое чувствованіе, очищенное отъ тѣхъ представленій, съ которыми оно неразрывно связано въ нашей психической жизни. Очевидно, что такимъ путемъ мы отнюдь не возвышаемся надъ сферой сознанія, а, наоборотъ, выдаемъ за сверхъ-интеллектуальную сущность міра отдѣльный кусочекъ интеллектуальнаго акта, отдѣльный фрагментъ его, совершенно незаконно вырванный изъ общей связи.

Призрачность «безсознательнаго» особенно ярко сказывается въ той его роли, которую оно играетъ у Бергсона при установленіи абсолютнаго единства психическаго процесса. Выше уже было отмѣчено, что теорія «реальнаго времени» заставила Бергсона, на ряду

*) Сравненіе это заимствовано у Гегеля; но Гегель, опираясь на него старается демонстрировать невозможность априорной теоріи познанія, а отнюдь не возможность сверхъ-сознательнаго познанія.

съ актуальными воспоминаніями, допустить воспоминанія бездѣйственыя, или «чистыя». Чистое воспоминаніе, не будучи самообразомъ, порождаетъ образъ, какъ только въ этомъ обнаруживается практическая надобность, и въ то же время придаетъ образу его неповторимую, историческую дату. Гдѣ же и какъ сохраняются эти чистыя воспоминанія въ то время, когда онѣ совершенно не «матеріализуются», не переходятъ въ актуально-сознательные образы? «Въ области безсознательнаго», отвѣчаетъ Бергсонъ, и тутъ же старается разрушить «распространенный предразсудокъ», мѣшающій признанію безсознательныхъ представленій. Вопреки этому предразсудку, Бергсонъ полагаетъ, что «идея безсознательнаго представленія совершенно ясна... можно даже сказать, что мы постоянно пользуемся этой идеей, что нѣтъ понятія, болѣе привычнаго для обыденнаго сознанія. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ допускаютъ, что образы, фактически представляемые нами въ данный моментъ, не исчерпываютъ собою всего содержанія матеріальнаго міра. Но чѣмъ же можетъ быть этотъ не представляемый нами матеріальный предметъ, этотъ не воображаемый нами образъ (image non imaginée), какъ не безсознательнымъ психическимъ состояніемъ?» *) Легко однако замѣтить, что бытіе невоспринимаемаго нами матеріальнаго предмета не имѣетъ ничего общаго съ безсознательнымъ представленіемъ. Критеріемъ, позволяющимъ убѣдиться въ существованіи вещи, находящейся внѣ нашего воспріятія, являются воспріятія другихъ существъ, организованныхъ аналогично съ нами. Если другой человѣкъ видитъ данную вещь въ то самое время, когда я ее не вижу, и если опытъ показываетъ, что всякое существо, снабженное аналогичнымъ зрительнымъ аппаратомъ, неизбѣжно увидитъ эту вещь, находясь въ томъ же положеніи, какъ этотъ «другой человѣкъ»,—то вещь существуетъ объективно; въ противномъ случаѣ, она—только мое представленіе Такимъ образомъ, бытіе матеріальной вещи внѣ поля моихъ чувствъ вовсе не мыслится, какъ мое безсознательное представленіе, —оно мыслится, какъ необходимость извѣстныхъ сознательныхъ представленій у любого мнѣ подобнаго существа, находящагося одновременно со мною въ иномъ, чѣмъ я, положеніи. «Идея» безсознательнаго, т. е. непредставляемаго представленія, «image non imaginée», во всякомъ случаѣ, значительно менѣе «ясна», чѣмъ, напр., идея черной бѣлизны или квадратнаго круга

*) Matiére et Memoire, стр. 154.

Этихъ немногихъ замѣчаній достаточно, для того чтобы вскрыть фиктивность тѣхъ мистическихъ откровеній, при помощи которыхъ Бергсонъ пытается проникнуть въ нѣдра творческой эволюціи, недоступной для нашего слишкомъ «практическаго» разума. Несмотря на то, что познающій разумъ дѣйствительно является орудіемъ жизненной борьбы, нѣтъ и не можетъ быть такихъ проблемъ, которыя были бы принципіально непознаваемы. Ибо всѣ вопросы, надъ которыми мы ломаемъ голову, заданы намъ не откуда-то извнѣ, не какою-то сверхъ-разумною силою, а нашимъ же насквозь практическимъ разумомъ Необходимо, слѣдовательно, по отношенію къ каждой тайнѣ» мірозданія, допустить одно изъ двухъ: или данный вопросъ когда-нибудь разрѣшится на почвѣ развивающейся познавательной практики человѣка, или же онъ просто нелѣпъ, неправильно заданъ, т. е. вовсе не заключаетъ въ себѣ никакой «проблемы», подлежащей рѣшенію.

Но призрачность всѣхъ попытокъ заполнить прорѣхи эмпирическаго знанія сверхъ-эмпирическимъ путемъ, не доказываетъ еще, что самыя эти прорѣхи не имѣютъ мѣста. Отвергнувъ тотъ положительный выходъ, который указываютъ намъ Бергсонъ и родственные ему по духу философы и психологи, мы еще не устранили ихъ критики. Критика эта, поскольку она направлена противъ основныхъ положеній монистическаго научнаго эмпиризма, можетъ быть сведена къ слѣдующимъ двумъ тезисамъ:

1) Съ точки зрѣнія познающаго интеллекта, физическій и психическій міры совершенно разнородны. Только къ физическимъ матеріальнымъ предметамъ примѣнимы наши основныя познавательныя функціи: разсѣченіе на элементы, сочетаніе элементовъ и, въ особенности, измѣреніе и предвидѣніе. Область психическаго, есть область качественныхъ превращеній по преимуществу и, какъ таковая, не поддается нашей познавательно-практической обработкѣ.

2) Психическія состоянія не могутъ разсматриваться, какъ различныя комбинаціи однихъ и тѣхъ же элементовъ. «Комбинація элементовъ», въ строгомъ смыслѣ этого слова, т. е. совокупность частей, совершенно отдѣльныхъ, взаимно индифферентныхъ, «расположенныхъ другъ возлѣ друга»; мыслима только въ физическомъ мірѣ. Психика представляетъ всегда нераздѣльное единство всѣхъ своихъ содержаній.

Напомнимъ, наконецъ, что въ связи съ обоими этими тезисами стоитъ убѣжденіе въ совершенно особомъ характерѣ, такъ называе-

мыхъ, познавательныхъ «формъ» или категорій. Категоріи несравнимы ни съ какими другими содержаніями сознанія: категоріи необходимо разсматривать, какъ нѣчто, «apriori» присущее интеллекту; это—«прирожденныя» намъ знанія, независимыя отъ какихъ-либо эмпирическихъ воспріятій; если фактически они и возникаютъ въ насъ только вмѣстѣ съ тѣмъ опытнымъ матеріаломъ, къ которому прилагаются, то логически имѣютъ первенство передъ этимъ послѣднимъ.

VII

Тезисъ 1) направленъ въ первую голову противъ психофизиковъ фехнеровской школы, которые пытались примѣнить къ психологіи тотъ же методъ научнаго измѣренія, какой практикуется въ физикѣ.

Припомнимъ вкратцѣ основныя идеи Фехнера. Онъ исходилъ изъ, такъ называемаго «веберовскаго закона» которымъ устанавливается опредѣленное соотношеніе между непосредственно воспринимаемой разницей въ интенсивности ощущенія и физически, т. е. косвенно измѣряемымъ приростомъ раздраженія. Какъ извѣстно, при слабомъ ощущеніи, данный приростъ раздраженія воспринимается гораздо энергичнѣе, чѣмъ при ощущеніи очень сильномъ. Такъ, напримѣръ, если мы положимъ на руку гирю въ 10 фунтовъ, и затѣмъ прибавимъ новую гирю въ 3 фунта, то возрастаніе тяжести будетъ непосредственно ощутимо. Но прибавка тѣхъ же 3-хъ фунтовъ къ 30-ти фунтовой тяжести не измѣнитъ непосредственно воспринимаемаго ощущенія тяжести. Веберъ нашелъ, что отношеніе между данной величиной раздраженія и тѣмъ количествомъ его, которое нужно прибавить къ данному, для того чтобы непосредственно ощутить разницу, есть величина постоянная. Если, напримѣръ, при давленіи на руку 10-ти фунтовой гири, минимально-ощутимый приростъ тяжести даетъ прибавка въ 3 фунта, то для 20-фунтового давленія требуется прибавка въ 6 фунтовъ, для 30-фунтового въ 9 фунтовъ и т. д. Фехнеръ замѣнилъ эту минимально-ощутимую разницу воспріятія математическимъ понятіемъ безконечно-малой разницы, «дифференціаломъ» ощущенія. Интегрируя полученное такимъ путемъ уравненіе, онъ нашелъ свой «логарифмическій» законъ: «ощущеніе ростетъ, какъ логарифмъ раздраженія», или: «ощущеніе увеличивается въ геометрической прогрессіи, когда раздраженіе растетъ въ геометрической».

Какъ мы видимъ, измѣрять ощущеніе Фехнеру удалось только потому, что минимально воспринимаемую разницу между ощущеніями онъ принялъ за элементъ самого ощущенія: другими словами, онъ допустилъ, что ощущеніе бо́льшей интенсивности (напр., давленіе гири въ 39 фунтовъ) есть сумма изъ ощущенія меньшей интенсивности (напр., давленія гири въ 30 фунтовъ) и того «прироста», который мы воспринимаемъ, переходя отъ менѣе интенсивнаго ощущенія къ болѣе интенсивному. Нельзя, однако, не согласиться съ Бергсономъ и тѣми психологами, на которыхъ онъ въ данномъ случаѣ огирается, что допущеніе это не согласуется съ дѣйствительностью. Давленіе отъ 39-фунтовой гири есть такое же простое, элементарное ощущеніе, какъ давленіе отъ 30-фунтовой гири. Складывать ощущенія, какъ таковыя, совершенно невозможно: непосредственно воспринимаемая «разница» между тяжестью 39 и 30-фунтовой гири вовсе не есть «приростъ», превращающій одно ощущеніе въ другое,—это самостоятельное, качественно отличное и отъ первой, и отъ второй тяжести, ощущеніе перехода между ними. Если мы возьмемъ не минимально различимыя ощущенія, а болѣе или менѣе значительно удаленныя другъ отъ друга, то легко замѣтимъ, что этотъ «переходъ» представляетъ совокупность всѣхъ промежуточныхъ ощущеній, слившихся въ одинъ сплошной процессъ, въ порядкѣ убывающей или возрастающей интенсивности. Такъ, напр., пытаясь измѣрить «разницу» между освѣщенной частью бѣлаго листа бумаги, и падающей на этотъ же листъ тѣнью, мы представляемъ себѣ, что тѣнь непрерывно свѣтлѣетъ, проходя всѣ степени яркости, отдѣляющія ее отъ освѣщенной части, и, наконецъ, сливается съ этой послѣдней.

Бергсонъ полагаетъ даже, что возможно сосчитать всѣ тѣ ощущенія, которыя мы пробѣгаемъ при послѣдовательномъ переходѣ отъ одной интенсивности къ другой; и именно такой счетъ лежитъ, по его мнѣнію, въ основѣ мнимаго измѣренія интенсивностей психофизиками. Бергсонъ разбираетъ опыты Дельбефа, который пользовался, такъ наз., «методомъ опредѣленія среднихъ степеней» (Methode der mittleren Abstufungen *) для измѣренія интенсивности свѣтовыхъ ощущеній. Приборъ, примѣненный для этой цѣли, состоялъ изъ трехъ концентрическихъ колецъ A, B и

*) См. Wundt. Grundzüge der Physiolog. Psychologie, B 1 S. 479—480.

С. освѣщенныхъ съ различной яркостью. Въ то время, какъ яркость крайнихъ колецъ А и С въ продолженіе опыта оставалась неизмѣнной, освѣщеніе средняго кольца В измѣнялось до тѣхъ поръ, пока наблюдатель не найдетъ, что В по яркости занимаетъ какъ разъ середину между А и В.

«Самый существенный вопросъ», пишетъ Бергсонъ, «состоитъ здѣсь въ томъ, можетъ ли контрастъ АВ, составленный изъ элементовъ А и В, быть равнымъ контрасту ВС, составленному изъ другихъ элементовъ. Психофизика была бы незыблемо обоснована въ тотъ день, когда удалось бы доказать, что два ощущенія могутъ быть равны, не будучи тожественны» *). Въ дѣйствительности равными, но не тожественными, не совпадающими между собой, могутъ быть только экстенсивныя, пространственныя величины; могутъ быть равны, напримѣръ, стороны двухъ различныхъ, т. е. различно оріентированныхъ въ пространствѣ треугольниковъ и т. п. По мнѣнію Бергсона, въ опытахъ Дельбефа наблюдатель не сравниваетъ различныя ощущенія, а старается опредѣлить число послѣдовательныхъ ощущеній, дѣйствительно испытанныхъ имъ при измѣненіи яркости средняго кольца, или только представляемыхъ. «Если экстенсивная причина измѣняется непрерывно, то ощущеніе яркости варьируетъ скачками, переходя отъ одного оттѣнка къ другому. Какъ бы ни было велико число оттѣнковъ, промежуточныхъ между интенсивностями освѣщенія А и В, можно всегда мысленно сосчитать ихъ, по крайней мѣрѣ, приблизительно, и провѣрить, не является ли это число почти совпадающимъ съ числомъ оттѣнковъ, отдѣляющихъ В отъ С**). Если мы говоримъ, что данный сѣрый оттѣнокъ находится на одинаковомъ разстояніи отъ двухъ другихъ, то съ такимъ же правомъ мы могли бы сказать, что, напримѣръ, оранжевый цвѣтъ одинаково отстоитъ отъ зеленаго и краснаго ***). Интенсивность не можетъ быть «больше» или «меньше», ибо опредѣленіе «больше» имѣетъ смыслъ лишь тогда, когда мы можемъ отвѣтить на вопросъ: «насколько больше?» А этотъ отвѣтъ возможенъ лишь по отношенію къ пространственнымъ величинамъ, разстояніемъ****). Даже то мнимое измѣреніе ощущеній, которое сводится къ счету ихъ числа, не было бы воз-

*) Essai sur les données immédiates de la conscience стр 42.
**) Тамъ же, стр 43
***) Тамъ же, стр. 48.
****) Тамъ же, стр 54.

можно, если бы мы имѣли дѣло только съ самими ощущеніями. «Число» есть совокупность элементовъ, лишенныхъ всякаго качества, совершенно тожественныхъ между собой. Только геометрическое пространство представляетъ такую множественность вполнѣ одинаковыхъ и въ то же время не сливающихся между собою, расположенныхъ другъ возлѣ друга частей; слѣдовательно, только пространство является источникомъ возникновенія числа, и только оно даетъ схему, необходимую для счета.

Въ этихъ разсужденіяхъ Бергсона безспорно только одно, что разница между интенсивностями «измѣряется» совершенно такъ же, какъ разница между ощущеніями одного порядка, что сѣрый оттѣнокъ находится «между» бѣлымъ и чернымъ въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ оранжевое составляетъ «середину» разстоянія, отдѣляющаго желтое отъ краснаго. Напротивъ, теорія «счета» промежуточныхъ интенсивностей представляетъ явное искаженіе опытныхъ данныхъ. Переходъ отъ одного ощущенія къ другому есть такая же сплошная непрерывность, какъ и соотвѣтственный «ростъ» раздраженія. Мы не наблюдаемъ никакихъ скачковъ, никакихъ перерывовъ, когда дневной свѣтъ превращается въ сумракъ вечера, когда замираетъ мало-по-малу удаляющійся отъ насъ звукъ и т. п. И если мы сравниваемъ по величинѣ разницы между ощущеніями, то, повидимому, въ основѣ этого крайне смутнаго и приблизительнаго «измѣренія» лежитъ, во-первыхъ, непосредственно воспринимаемая нами продолжительность «перехода», во-вторыхъ, ощущеніе той быстроты, съ какой одни степени интенсивности смѣняютъ другія. Если при «равномѣрной» смѣнѣ интенсивностей переходъ отъ А къ В представляется столь же продолжительнымъ, какъ переходъ отъ В къ С, то В лежитъ на одинаковомъ разстояніи отъ А и С.

Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что сравнивать можно лишь такія ощущенія, между которыми мыслимъ непрерывный переходъ. Тамъ, гдѣ переходъ является дѣйствительнымъ скачкомъ, ничѣмъ незаполнимой пустотой, напримѣръ, переходъ отъ звука къ цвѣту, отъ цвѣта къ запаху и т. п., тамъ никакое сравненіе разницъ невозможно. Утвержденіе, что данный цвѣтъ находится посерединѣ между даннымъ звукомъ и даннымъ запахомъ, очевидно, лишено всякаго смысла,—мало того, самая категорія «между» тутъ совершенно не примѣнима.

VIII.

Всѣ эти поправки не устраняютъ однако, самого существа возраженій Бергсона противъ методовъ психофизики. Пропасть между реальностью и интеллектомъ, между интенсивными (обладающими напряженностью) ощущеніями «непосредственнаго» опыта и экстенсивными («протяженными») величинами нашихъ познавательныхъ операцій, остается все-таки незаполненной Основная функція интеллекта есть несомнѣнно «измѣреніе», отыскиваніе точныхъ количественныхъ отношеній. Но «непосредственно» измѣряемъ мы только пространственныя данныя, только разстоянія. Правда, современная физика устанавливаетъ три самостоятельныя единицы измѣренія: единицу протяженія (сантиметръ), единицу массы (граммъ) и единицу времени (секунда). Однако, самостоятельность этихъ основныхъ мѣръ только кажущаяся: на дѣлѣ мы и массу, и время измѣряемъ пространственными единицами, т. е. разстояніями, пройденными на циферблатѣ стрѣлкой тѣхъ или другихъ приборовъ. Въ этомъ сведеніи качествъ опытнаго міра къ безкачественному пространству, въ этой подстановкѣ измѣримыхъ разстояній на мѣсто неизмѣримыхъ свойствъ вещей и заключается тотъ «косвенный», физическій методъ изслѣдованія, который характеризуетъ собой «раздраженія» въ противоположность «ощущеніямъ». Точнѣе: именно, при помощи такой подстановки, мы превращаемъ наши психическія состоянія, наши ощущенія, въ физическіе объекты, въ раздраженія. Отсюда само собой возникаетъ соблазнъ объявить пространство принадлежностью нашего «чистаго» интеллекта,—готовой формой, которую интеллектъ порождаетъ изъ себя и всегда носитъ при себѣ, и которая, въ силу этого, не имѣетъ въ себѣ ничего эмпирическаго.

Въ чемъ же состоитъ эта разница между количественной измѣримостью пространственныхъ данныхъ и неколичественной, а только качественной сравнимостью всѣхъ остальныхъ элементовъ опыта? На первый взглядъ разница здѣсь дѣйствительно колоссальна и сводится къ тому, что въ области пространственныхъ элементовъ, въ области разстояній «переходы» между ощущеніями не отличаются отъ самихъ ощущеній. Если мы на отрѣзкѣ A C возьмемъ точку B, лежащую между A и C (A———B———C), то разстояніе BC будетъ, съ одной стороны, разницею между разстояніями AB и AC, съ другой стороны, составною частью разстоянія AC. Такимъ образомъ, здѣсь ощущенія мо-

гутъ, повидимому, складываться непосредственно: разстояніе АС, какъ непосредственное ощущеніе, есть уже сумма всѣхъ составляющихъ его элементовъ.

Однако, присматриваясь ближе къ пространственнымъ ощущеніямъ, мы открываемъ, что «сложность» ихъ только кажущаяся и что иллюзія эта создается, благодаря той же самой ошибкѣ, которую допустилъ Фехнеръ, пытаясь изъ переходовъ между ощущеніями (такъ называемыхъ, «пороговъ различія») конструировать сами ощущенія. Разстоянія, подобно интенсивностямъ, непосредственно даны намъ, какъ совершенно простые элементы. Непосредственно сравнивать разстоянія АВ и АС, мы можемъ лишь въ томъ случаѣ, если они лежатъ въ одномъ и томъ же направленіи (на одной и той же линіи АС), и начинаются отъ одной и той же точки А. Въ результатѣ такого сравненія мы констатируемъ или равенство, въ смыслѣ тожества, («ощущеніе АС есть повтореніе АВ»), или неравенство («АС больше АВ»), —но, какъ и при сравненіи интенсивностей, мы непосредственно никоимъ образомъ не можемъ узнать, насколько АС больше, чѣмъ АВ.

Вопреки Бергсону, категоріи «неравенства» и «промежуточности» («В лежитъ «между» А и С»), имѣютъ пріоритетъ передъ категоріей «суммы». И возникаютъ эти чувствованія *) «больше», «меньше», «между» не при сопоставленіи элементарныхъ ощущеній, а при воспріятіи непрерывнаго перехода между элементами. Самое первое смутное и приблизительное представленіе о сравнительной величинѣ АВ и АС мы получимъ, если будемъ прослѣживать глазами линію АС, переходя отъ точки А черезъ В къ С,—мы имѣемъ при этомъ впечатлѣніе непрерывно растущаго разстоянія, совершенно аналогичное впечатлѣнію, непрерывно растущаго по интенсивности звука, свѣта, тепла.

Но при сравненіи разстояній мы никогда почти не пользуемся пріемомъ простого перехода, дающимъ такіе неточные результаты. Обыкновенно мы перемѣщаемъ разстояніе ВС,—т. е. извѣстное твердое тѣло, напримѣръ, линейку длиною ВС—до тѣхъ поръ, пока точка В не совпадетъ съ точкой А; или же мы перемѣщаемся сами до тѣхъ поръ, пока разстояніе ВС не займетъ въ нашемъ

*) Какъ увидимъ дальше, въ основѣ всякой категоріи лежитъ *чувствованіе*.

зрительномъ полѣ того же самаго положенія, какое раньше занимало AB и въ какомъ это послѣднее еще продолжаетъ сохранять-ся въ нашемъ воспоминаніи. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы не сравниваемъ непосредственно различно оріентированныхъ разстояній, а предварительно приводимъ ихъ къ одной и той же начальной точкѣ *). Пространственные элементы, подобно всякимъ другимъ, качественно различны между собой, и, какъ таковые, непосредственно несравнимы,—и здѣсь равенство сводится къ тожеству, къ идентичности, къ совпаденію элементовъ.

Возникаетъ вопросъ: основывается ли операція приведенія къ тожеству качественно различныхъ элементовъ на какихъ либо спеціальныхъ особенностяхъ пространства, или же нѣчто подобное возможно и въ области интенсивностей? Какъ мы только что видѣли, сущность этой операціи состоитъ въ «перемѣщеніи», позволяющемъ всякое разстояніе свести къ данному началу и данному направленію. Вопросъ нашъ можетъ быть поэтому формулированъ такимъ образомъ: представляетъ ли начало интенсивностей нѣкоторое абсолютное данное опыта, такъ сказать, абсолютный нуль ощущенія,—или же мы можемъ передвигаться вдоль интенсивности, перенося съ собой ея начало, подобно тому, какъ мы передвигаемся вдоль разстоянія?

Опытъ показываетъ, что начало интенсивностей любого ощущенія носитъ не абсолютный, а относительный характеръ.

Если мы находимся въ средѣ, температура которой равна температурѣ нашего тѣла, то предметы, нагрѣтые до 36—37° Цельсія, будутъ для нашей руки нейтральными въ тепловомъ отношеніи; въ этомъ случаѣ 36° составляютъ тотъ нуль, то начало, отъ котораго отправляются всѣ испытываемые нами переходы ощущеній въ области тепла и холода. При обычной комнатной температурѣ, въ 17—18° С., нуль тепловыхъ ощущеній значительно понижается: предметъ, нагрѣтый до 36°, кажется уже «теплымъ». Если нѣкоторое время выдержать руку въ очень холодной водѣ, то и предметы, имѣющіе 17—18° С., станутъ для насъ «теплыми», а наше собственное тѣло «горячимъ»» и т. п.

*) Мы имѣемъ здѣсь въ виду разстоянія, лежащія въ одномъ и томъ же *направленіи*, на одной и той же прямой. Несравнимость различно направленныхъ разстояній, качественная разнородность направленій эмпирическаго пространства слишкомъ ярко бросается въ глаза, для того чтобы стоило объ этомъ распространяться.

То же самое наблюдается въ области другихъ ощущеній. Звуки, имѣющіе явственно воспринимаемую интенсивность въ ночной тишинѣ, обладаютъ нулевой интенсивностью при дневномъ шумѣ. Обыкновенный дневной свѣтъ «ослѣпляетъ» васъ, послѣ того какъ вы пробыли нѣкоторое время въ темной комнатѣ, —онъ имѣетъ для васъ «максимальную» интенсивность; мало-по малу вы «привыкаете» къ свѣту, т. е. интенсивность послѣдняго сначала *падаетъ*, а потомъ устанавливается на нѣкоторомъ постоянномъ уровнѣ. Войдя съ ярко освѣщенной улицы въ комнату съ завѣшанными шторами, вы испытываете обратное: ослѣпившая васъ темнота мало-по-малу просвѣтляется. Начало всѣхъ интенсивностей въ большей или меньшей степени подвижно, и въ каждомъ частномъ случаѣ опредѣляется состояніемъ нашего тѣла, нашихъ органовъ чувствъ.

Различеніе интенсивностей осуществляется всего легче, когда онѣ сравнительно «малы», т. е. близки къ ихъ *данному* началу, опредѣляемому *данным*ъ состояніемъ нашего воспринимающаго аппарата. По мѣрѣ того какъ интенсивности растутъ, онѣ различаются между собой все хуже и хуже, пока не достигаютъ извѣстной *предѣльной*, максимальной величины, дальше которой никакія различенія уже невозможны. Но мы можемъ до извѣстной степени уравновѣшивать этотъ процессъ путемъ соотвѣтственнаго приспособленія нашихъ органовъ чувствъ, мы можемъ, такъ сказать, *передвигаться* по скалѣ интенсивностей, причемъ начало и конецъ ощущеній перемѣщаются параллельно.

Совершенно аналогичную картину представляетъ пространство. Пока мы остаемся неподвижными, мы имѣемъ «абсолютное» начало всѣхъ разстояній: это нѣкоторый пунктъ въ нашемъ собственномъ тѣлѣ. Чѣмъ дальше отодвигаются отъ насъ наблюдаемые предметы, тѣмъ хуже различаемъ мы ихъ разстоянія отъ насъ.—и, наконецъ, при извѣстномъ удаленіи, всѣ предметы кажутся одинаково отстоящими, располагаются на поверхности той сферы, которую мы называемъ небеснымъ сводомъ. Когда мы движемся, вмѣстѣ съ нами переносится и начало и конецъ разстояній: гдѣ бы мы ни были, мы всегда находимся въ центрѣ небеснаго купола *).

*) Для полноты аналогіи слѣдовало бы указать, съ дѣятельностью какихъ именно органовъ чувствъ связаны простран-

Итакъ, непосредственное измѣреніе въ области экстенсивныхъ величинъ столь же мало осуществимо, какъ и въ области интенсивныхъ. Что же касается к о с в е н н а г о измѣренія, основаннаго на перемѣщеніи насъ самихъ или нашего масштаба, то оно вполнѣ примѣнимо и къ интенсивной сторонѣ ощущеній.

Въ самомъ дѣлѣ, нетрудно вообразить себѣ снарядъ, который бы такъ же «непосредственно» измѣрялъ интенсивность, скажемъ, тепла, какъ линейка, длиною въ аршинъ или метръ, измѣряетъ разстоянія. Представимъ себѣ приборъ, состоящій изъ двухъ частей, А и В, устроенныхъ такимъ образомъ, что В всегда н а о д н у и т у ж е в е л и ч и н у теплѣе А,—это, значитъ: какова бы ни была температура А, В всегда производитъ одно и то же тепловое впечатлѣніе на руку, которая «приспособилась» къ температурѣ А, т. е. воспринимаетъ температуру А, какъ н у л ь теплоты. Мы получимъ масштабъ, пригодный для непосредственнаго измѣренія тепловыхъ интенсивностей Пусть намъ дано измѣрить теплоту слегка нагрѣтой печки. Мы нагрѣваемъ нашъ масштабъ настолько, чтобы конецъ А, при наличномъ состояніи руки казался нейтральнымъ, ни теплымъ, ни холоднымъ. Мы беремъ далѣе какое-либо тѣло М, и нагрѣваемъ его до тѣхъ поръ.

ственныя воспріятія, но этотъ вопросъ я умышленно оставляю въ сторонѣ. Въ современной психологіи борятся, какъ извѣстно различные взгляды на природу эмпирическаго пространства. Одни считаютъ „протяженіе“ воспріятіемъ такъ называемаго, мускульнаго чувства; другіе видятъ въ немъ сочетаніе мускульныхъ ощущеній съ извѣстными „мѣстными знаками“; третьи полагаютъ, что пространственныя воспріятія не могутъ быть созданы дѣятельностью какихъ-либо спеціальныхъ органовъ, что они присущи любому ощущенію, какъ таковому. Если справедлива теорія мускульнаго чувства, то „пространство“, т.-е. совокупность всѣхъ возможныхъ разстояній во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ, представимо, какъ многообразіе, *реально* отдѣленное отъ всѣхъ остальныхъ содержаній опыта. Въ противномъ случаѣ пространство есть только *абстракція*,— другими словами, мы не можемъ „отмыслить“ отъ пространства всѣхъ остальныхъ эмпирическихъ содержаній, но можемъ „отвлечься“ отъ нихъ, можемъ разсматривать ихъ, какъ нѣкоторое постоянное данное, сопровождающее наши пространственныя операціи но не вліяющее на ходъ этихъ послѣднихъ. Но какую бы теорію мы ни приняли, качественное различіе между неодинаково направленными разстояніями остается несомнѣннымъ фактомъ нашего опыта; столь же несомнѣнный фактъ представляетъ разница между разстояніемъ, какъ простымъ элементомъ, и „переходомъ“ отъ одного разстоянія къ другому. А только эти факты и нужны для дальнѣйшихъ выводовъ.

пока оно не будетъ производить того же теплового ощущенія, которое, при данныхъ условіяхъ, даетъ другой конецъ масштаба В. При помощи М, мы, такъ сказать, «отмѣчаемъ» тепловую интенсивность В въ первомъ актѣ нашего измѣренія, и тѣмъ самымъ создаемъ возможность приступить ко второму акту,—возможность «передвинуть» нашъ масштабъ, помѣстивъ нижній конецъ А тамъ, гдѣ только что былъ верхній конецъ В. Для достиженія этой цѣли, мы повышаемъ температуру масштаба до тѣхъ поръ, пока ощущеніе отъ А не совпадаетъ съ ощущеніемъ, фиксированнымъ въ М, и затѣмъ «отмѣчаемъ» ту новую тепловую интенсивность N, которую будетъ имѣть теперь конецъ В. Мы повторяемъ актъ измѣренія столько разъ, сколько нужно для того, чтобы тепловое ощущеніе отъ В совпало съ тепловымъ ощущеніемъ отъ измѣряемой печки. Допустимъ, что намъ пришлось повторить эту операцію 10 разъ. Тогда мы можемъ сказать, что теплота печки р а в н а десяти единицамъ избраннаго нами масштаба,—мы можемъ сказать это с ъ т ѣ м ъ ж е с а м ы м ъ правомъ, съ какимъ мы говоримъ, что разстояніе печки отъ насъ равно десяти метрамъ.

Мы предположили, что наша рука остается все время приспособленной къ начальной температурѣ нашего измѣренія. При этомъ ощущеніе, получаемое отъ нагрѣтой печи, сохранится неизмѣннымъ, тепловая разница между обоими концами масштаба, (между ощущеніями отъ А и отъ В), съ каждымъ новымъ повтореніемъ операціи измѣренія, будетъ становиться все менѣе и менѣе замѣтной. Мы можемъ, однако, въ извѣстныхъ предѣлахъ парализовать это измѣненіе масштаба, если передъ каждой операціей будемъ «пріучать» руку къ данной тепловой интенсивности, будемъ, такъ сказать, н а с т р а и в а т ь ее на ту температуру, съ какой въ каждый данный моментъ функціонируетъ нашъ масштабъ. Тогда теплота низшаго конца масштаба, А, будетъ намъ все время казаться нулевой, слѣдовательно, «величина» контраста между А и В останется постоянной,—наоборотъ, теплота печи будетъ для насъ измѣняться, постепенно падать, и, наконецъ, съ окончаніемъ послѣдняго акта измѣренія, сдѣлается равной теплотѣ В.

То же самое происходитъ и при измѣреніи разстояній аршиномъ. Если мы остаемся неподвижными, если аршинъ передвигаетъ другой человѣкъ или какой-нибудь автоматически дѣйствующій механизмъ, то измѣряемое разстояніе все время остается для

насъ «однимъ и тѣмъ же», тогда какъ аршинъ, повидимому, измѣняется,—онъ становится все меньше и меньше, по мѣрѣ удаленія отъ насъ. Если же мы передвигаемся вмѣстѣ съ аршиномъ, то этотъ послѣдній остается неизмѣннымъ, а измѣряемое разстояніе все болѣе и болѣе сокращается, его конечный пунктъ все ближе и ближе подходитъ къ намъ.

IX.

Психофизики школы Фехнера несомнѣнно ошибаются, разсматривая болѣе интенсивныя ощущенія, какъ сумму ощущеній менѣе интенсивныхъ, и тѣмъ не менѣе они совершенно правы, когда утверждаютъ, что интенсивность ощущеній можно «измѣрять» въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ объ измѣреніи пространственныхъ «величинъ»

Въ пространствѣ непосредственно не дано намъ никакихъ математически измѣримыхъ величинъ. «Протяженія» сами по себѣ также элементарны просты, также неразложимы, какъ и интенсивности Измѣрять протяженія, значитъ, ихъ измѣнять, подвергать ихъ своеобразному процессу преобразованія.—и совершенно такому же преобразованію возможно, какъ мы только что видѣли, подвергнуть интенсивность ощущенія любой категоріи.

Существенная особенность протяженія заключается только въ томъ, что по отношенію къ нимъ мы можемъ неограниченное число разъ повторять операцію измѣренія. Какъ бы далеко ни была отодвинута отъ насъ конечная точка измѣряемаго разстоянія, мы всегда можемъ перенестись къ этой точкѣ, приложить къ ней нашъ масштабъ и продолжать измѣреніе «по ту ея сторону» Нельзя представить себѣ предѣлъ пространственныхъ измѣреній, т. е. такой пунктъ, достигнувъ котораго, мы не были бы въ состояніи различать никакихъ дальнѣйшихъ разстояній. «Ты говоришь о границѣ вселенной; но развѣ я очутившись на этой границѣ, не могу бросить копье за ея предѣлы?» Этотъ древній афоризмъ очень хорошо иллюстрируетъ, почему мы считаемъ геометрическое пространство безконечнымъ, несмотря на конечность нашего эмпирическаго пространства, ограниченнаго небеснымъ сводомъ. Дойдя до линіи, гдѣ съ моей теперешней точки зрѣнія заканчиваются

всѣ разстоянія, гдѣ «небо сходится съ землей», я буду по прежнему въ центрѣ небеснаго купола, и сколько бы такихъ предѣльныхъ линій горизонта я ни миновалъ въ моемъ путешествіи, поверхность купола не приблизится ко мнѣ ни на іоту.

Въ области интенсивностей перемѣщенія осуществляются точно такимъ же образомъ, но въ строго опредѣленныхъ границахъ. Наша способность перемѣщать нуль тепловыхъ ощущеній ограничена немногими градусами,—сколько бы мы ни «настраивали» нашу руку на высокія температуры. тѣло, нагрѣтое до 60—65° Цельсія, ни въ коемъ случаѣ не покажется намъ «нейтральнымъ» въ тепловомъ отношеніи. Въ сферѣ звуковой интенсивности мы можемъ передвигаться въ еще болѣе узкихъ рамкахъ.

Наиболѣе широкій районъ для нашихъ возможныхъ перемѣщеній открываютъ свѣтовыя воспріятія. Гельмгольцъ, изслѣдуя при дневномъ освѣщеніи картину, на которой были изображены озаренныя луной колонны, нашелъ, что въ этихъ условіяхъ яркость колоннъ въ 20,000 разъ больше, чѣмъ яркость колоннъ дѣйствительно освѣщенныхъ луной. Но, само собой, разумѣется, мы не въ состояніи непосредственно уловить свѣтовые контрасты такой колоссальной величины. Если глазъ «настроенъ» на яркость луннаго свѣта, то для него свѣтъ, во много разъ уступающій по яркости солнечному, будетъ обладать предѣльной интенсивностью *). Намъ придется много разъ «перестраивать» свои глаза, для того, чтобы фактически продѣлать переходъ отъ луннаго освѣщенія къ солнечному. Такимъ образомъ, наша способность приспособлять глаза къ мѣняющейся интенсивности свѣта, значительно расширяетъ непосредственно воспринимаемый горизонтъ предѣльныхъ яркостей; при помощи такого приспособленія, мы можемъ отчетливо различать оттѣнки свѣта при интенсивности, значительно превосходящей ту, которая является конечной, «ослѣпляющей» для глаза, привыкшаго къ абсолютной темнотѣ. Но какъ ни велика наша способность перемѣщаться по скалѣ интенсивностей свѣта, она все же, рано или поздно, достигаетъ предѣла, и на этотъ абсолютный предѣлъ мы постоян-

*) Солнечный свѣтъ приблизительно въ 600.000 разъ ярче луннаго. Значительно болѣе низкая цифра, полученная Гельмгольцемъ въ описанномъ выше опытѣ, явилась очевидно результатомъ того, что картина изслѣдовалась въ разсѣянномъ солнечномъ свѣтѣ

не наталкиваемся въ нашемъ повседневномъ опытѣ Яркость солнечнаго диска въ ясный день, яркость расплавленнаго металла, выливающагося изъ доменной печи, превосходятъ для насъ возможность приспособленія Сколько бы мы ни пріучали глаза къ яркостямъ такой силы, послѣднія никогда не станутъ для насъ «средними», «нормальными», позволяющими различать оттѣнки; результатомъ упорнаго «приспособленія» глазъ была бы, въ данномъ случаѣ, слѣпота, полная потеря воспріимчивости къ свѣту, а не побѣда надъ яркостями, абсолютно превосходящими нашу способность различенія.

Отсюда слѣдуетъ, между прочимъ, что «безконечность» пространства, по содержанію своему, чисто отрицательна, не включаетъ въ себя никакого конкретнаго представленія и даже никакой отвлеченой мысли о безконечно большой величинѣ Разстояніе есть, подобно интенсивности, конкретно опредѣленное, элементарно простое данное опыта: всѣ возможныя разстоянія располагаются въ одинъ непрерывный рядъ «между» нѣкоторымъ абсолютно минимальнымъ и абсолютно максимальнымъ разстояніемъ. Безконечна лишь операція измѣренія разстояній, — и безконечна исключительно въ томъ смыслѣ, что каждый единичный актъ измѣренія совершенно одинаковъ во всѣхъ пунктахъ пространства, совершенно не зависитъ отъ того, много, или мало предшествовало ему аналогичныхъ актовъ

Эта тожественность всѣхъ актовъ измѣренія, связанная съ нашей неограниченной способностью перемѣщаться вмѣстѣ съ масштабомъ вдоль измѣряемаго объекта, лежитъ въ основѣ важнѣйшихъ математическихъ операцій. Безъ нея былъ бы невозможенъ тотъ принципъ «совершенной индукціи», который придаетъ истинамъ ариѳметики ихъ универсальный характеръ Схемой примѣненія принципа совершенной индукціи служитъ слѣдующій силлогизмъ: «Доказано, что данная теорема справедлива для числа n+1, разъ она справедлива для числа n. Доказано, кромѣ того, что она справедлива для числа 1. Слѣдовательно, она справедлива для всякаго цѣлаго положительнаго числа». Откуда возникаетъ эта увѣренность въ примѣнимости даннаго положенія къ безконечному ряду чиселъ, который мы не можемъ охватить никакимъ познавательнымъ актомъ, не можемъ исчерпать ни въ какомъ познавательномъ процессѣ? Даже такой осторожный теоретикъ, какъ Пуанкаре, склоненъ видѣть здѣсь настоящее «синтетическое суж-

деніе apriori». Между тѣмъ совершенно очевидно, что абсолютная достовѣрность вышеприведеннаго силлогизма вовсе не требуетъ никакого апріорнаго синтеза въ чистомъ разумѣ, эмпирически недоступнаго намъ, «безконечнаго» комплекса элементовъ. Въ данномъ случаѣ намъ вовсе не надо охватывать безконечнаго ряда въ его завершенномъ видѣ,—для насъ вполнѣ достаточно увѣренности, что операція образованія отдѣльныхъ членовъ этого ряда,—присоединеніе единицы къ числу «n»,—всегда одна и та же», сколько бы разъ она ни повторялась. Опытъ пространственныхъ измѣреній показываетъ намъ, что такое построеніе вообще «возможно»; въ созданномъ нами понятіи числа мы въ самой абстрактной формѣ выражаемъ эту возможность.

X.

У насъ нѣтъ «интуиціи» пространства, какъ совершенно однородной среды, распадающейся на безкачественныя, непосредственно соизмѣримыя части. Пространство, точно такъ же, какъ «звукъ», «цвѣтъ», «теплота» и т. п., есть совокупность качественно различныхъ элементовъ, связанныхъ между собой непрерывностью переходовъ. Наше «понятіе» объ однородности пространства о качественномъ тожествѣ и количественномъ равенствѣ различно расположенныхъ элементовъ AB и BC, сводится къ убѣжденію, что элементъ BC всегда можно видоизмѣнить такъ, чтобы онъ «совпалъ» съ AB. Вотъ почему современная геометрія всѣ теоремы, связанныя съ такъ называемымъ, «наложеніемъ», или перемѣщеніемъ фигуръ въ пространствѣ, приводитъ къ спеціальнымъ постулатамъ о «преобразованіи» фигуръ. Перемѣщеніе фигуры совершенно правильно разсматривается здѣсь, какъ особый случай ея измѣненія.

И какъ мы только что видѣли, такія перемѣщенія-преобразованія возможны въ извѣстныхъ границахъ и въ области интенсивностей. Уже одно это наводитъ на мысль, что геометрическія операціи примѣнимы не только къ пространственнымъ величинамъ, но ко всякому, вообще, непрерывному многообразію элементовъ.

Возьмемъ для иллюстраціи область звуковъ. Совокупность простыхъ звуковъ представляетъ многообразіе двухъ измѣреній: т. е.

каждый элементъ этого многообразія характеризуется двумя данными,—1), высотоѣ и 2), интенсивностью. — причемъ между любыми элементами возможенъ непрерывный переходъ. Если мы условимся называть элементы нашего многообразія «точками», то переходы между ними, т. е. длительные звуки, непрерывно мѣняющіе свою высоту и силу, можно будетъ назвать «линіями». Непосредственное сопоставленіе послѣдовательно воспринятыхъ звуковыхъ линій (или «отрѣзковъ» одной и той же линіи) позволяетъ до извѣстной степени, судить о сравнительной б ы с т р о т ѣ измѣненія, какъ интенсивности, такъ и высоты звука. Возможно, такимъ образомъ, выработать понятіе непрерывнаго звука, «равномѣрно» возрастающаго (или убывающаго), по силѣ и высотѣ. Назовемъ такой равномѣрный звуковой переходъ п р я м о й линіей.

Нетрудно убѣдиться, что къ звуковому многообразію двухъ измѣреній примѣнимы многія положенія планиметріи. Такъ, напримѣръ, между двумя «точками» здѣсь мыслима только одна «прямая». Здѣсь возможны параллельныя линіи, т. е. прямыя, непроходящія черезъ одинъ и тотъ же звуковой элементъ, сколько бы мы ихъ не продолжали въ ту или другую сторону. Звуковой «треугольникъ» точно такъ же, какъ и эвклидовскій, вполнѣ опредѣленъ, разъ даны три его стороны, двѣ стороны и уголъ, или сторона и два угла.

Существенное отличіе звуковой геометріи отъ пространственной состоитъ въ томъ, что одно изъ звуковыхъ измѣреній имѣетъ абсолютное значеніе. Намъ не извѣстно такой операціи, при помощи которой высоту одного звука можно было бы привести къ высотѣ другого. Хотя музыканты и различаютъ людей, обладающихъ и не обладающихъ «абсолютнымъ слухомъ», тѣмъ не менѣе дѣло идетъ здѣсь, очевидно, лишь о большей или меньшей тонкости воспріятія. Въ дѣйствительности, всѣ мы обладаемъ абсолютнымъ слухомъ: никто изъ насъ не въ состояніи такъ видоизмѣнить свое ухо, чтобы тонъ «la», издаваемый опредѣленной струной, превратился въ «do», и на соотвѣтственные интервалы перемѣстились тоны всѣхъ остальныхъ струнъ даннаго инструмента. Мы не въ состояніи подниматься или опускаться по скалѣ тоновъ, и потому не можемъ перемѣщать звуковыхъ фигуръ по всѣмъ направленіямъ. Въ звуковомъ многообразіи не осуществимо ни «вращеніе» фигуръ, ни передвиженіе ихъ въ направленіи высоты тона. Передвиженіе въ направленіи интенсивности, хотя и возможно, но ограничено

настолько узкими предѣлами, что его почти не приходится принимать во вниманіе.

Если бы вмѣсто звуковъ мы взяли цвѣта, представляющіе непрерывность трехъ измѣреній [1) интенсивность, 2) насыщенность, 3) такъ называемое, «качество» цвѣта], то «геометрія», построенная въ области этого многообразія, отличалась бы нѣкоторыми новыми особенностями. Такъ напримѣръ, прямыя линіи, характеризующіяся неизмѣнной интенсивностью и насыщенностью и мѣняющіяся лишь въ направленіи качества цвѣта, оказались бы замкнутыми, какъ въ нѣкоторыхъ геометріяхъ: переходя отъ краснаго черезъ желтый и зеленый къ фіолетовому, онѣ затѣмъ черезъ пурпурный возвратились бы къ той же самой «точкѣ» краснаго.

Но всѣ эти эмпирическія особенности отдѣльныхъ конкретныхъ многообразій не устраняютъ того факта, что между пространственными величинами и другими элементами нашего опыта нѣтъ той принципіальной пропасти, которую усматриваетъ Бергсонъ въ согласіи съ большинствомъ современныхъ психологовъ. Къ непространственнымъ многообразіямъ примѣнимы тѣ же самые акты сравненія и измѣренія, которые мы примѣняемъ къ разстояніямъ Изъ непространственныхъ элементовъ можно создавать построенія, совершенно аналогичныя геометрическимъ. Въ основѣ такихъ операцій лежитъ всегда непрерывный качественный переходъ отъ одного элемента къ другому,—переходъ, которому въ области пространства соотвѣтствуетъ «линія», разсматриваемая не какъ законченная фигура, а какъ процессъ движенія точки. Только тамъ, гдѣ переходъ эмпирически неосуществимъ, гдѣ элементы «диспаратны» (напр., данный звукъ + данный цвѣтъ + данный вкусъ), никакая геометрія немыслима *).

Мнѣ, кажется что именно здѣсь лежитъ причина, заставляю-

*) Если бы нашъ опытъ давалъ намъ только комплексы диспаратныхъ элементовъ, не было бы не только геометріи, но и ариѳметики. Мы не могли бы тогда выработать понятіе о порядковомъ или такъ наз. „ординальномъ“ числѣ, т. е. понятія о безконечномъ рядѣ, каждый элементъ котораго имѣетъ опредѣленное *мѣсто* между предшествующимъ и послѣдующимъ. Но и диспаратныхъ комплексовъ было бы достаточно для выработки болѣе общаго понятія о числѣ, которое математики называютъ „кардинальнымъ“ и которое позволяетъ безъ всякаго счета отличить одинъ комплексъ отъ другого, какъ болѣе „богатый“ по содержанію.

щая современныхъ геометровъ, вопреки догматамъ традиціонной гносеологіи, все болѣе и болѣе эмансипироваться отъ интуиціи пространства. Геометрія излагается въ настоящее время, какъ совершенно отвлеченная, логическая дисциплина, изучающая многообразіе вообще,—эвклидовская геометрія разсматривается, какъ конкретный, частный случай абстрактной «пангеометріи». Правда, геометры не заботятся о томъ, чтобы на практикѣ иллюстрировать многообразія съ инымъ количествомъ измѣреній и, вообще, съ иными свойствами, нежели пространство, и потому это послѣднее сказывается фактически единственной иллюстраціей, примѣняемой математиками. Но это объясняется чисто практическими соображеніями. Дѣло въ томъ, что всякія конкретныя геометріи непространственнаго характера до такой степени намъ непривычны, наши органы чувствъ до такой степени не искушены въ этой области, что соотвѣтственныя иллюстраціи ничуть не облегчили бы усвоенія тѣхъ теоремъ, которыя разрабатываются пангеометріей.

Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно. Разъ комплексы всякихъ не-диспаратныхъ элементовъ нашего опыта составляютъ многообразія, могущія служить иллюстраціями для того или другого частнаго вида геометріи,—это значитъ, что геометрія могла возникнуть и сложиться на почвѣ любого изъ такихъ многообразій.

XI.

Спрашивается, почему же фактически возникла только пространственная геометрія? Почему въ области пространства геометрическія операціи такъ привычны для насъ, что пространственные элементы кажутся однородными и соизмѣримыми «сами по себѣ», безъ всякаго качественнаго преобразованія, и почему въ другихъ областяхъ качественныя различія встаютъ передъ нами, какъ нѣчто, на первый взглядъ, абсолютно непереходимое?

Потому, конечно, что именно пространственныя преобразованія существенно важны для нашей практики. Здѣсь, но только здѣсь, выступаетъ на сцену, въ качествѣ опредѣляющаго момента, «практицизмъ» человѣческаго разума. Онъ выражается не въ томъ, что интеллектъ приноситъ въ міръ нѣчто, абсолютно чуждое реальной «сущности» вещей,—это было бы поистинѣ страннымъ практицизмомъ,—а въ томъ, что изъ нѣсколькихъ возможностей,

одинаково согласныхъ съ сущностью вещей, фактически развивается та, которая наиболѣе важна для организма въ его жизненной борьбѣ, которая даетъ организму орудіе для приспособленія среды къ своимъ потребностямъ.

Съ этой послѣдней точки зрѣнія приматъ эвклидовской геометріи надъ всѣми прочими не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, какую бы практическую цѣль мы ни преслѣдовали, какія бы вещи и свойства вещей мы ни старались удержать при себѣ или удалить отъ себя, создать или уничтожить,— мы не имѣемъ никакихъ иныхъ путей для достиженія этихъ результатовъ, кромѣ нашего собственнаго передвиженія въ пространствѣ или перемѣщенія находящихся въ немъ предметовъ. Ни теплоту, ни звукъ, ни свѣтъ, ни запахъ мы не въ состояніи измѣнять непосредственно; наша способность создавать изъ этихъ «качествъ» умственныя построенія, по типу своему ничѣмъ не отличающіяся отъ геометрическихъ, лишена всякаго практическаго значенія, и потому, естественно, остается въ совершенно неразвитомъ, зачаточномъ состояніи.

Отсюда легко понять, почему философія естествознанія, непосредственно связаннаго въ своемъ развитіи съ техникой и вообще съ практической жизненной борьбой человѣка, всегда склонна была признавать процессы движенія чѣмъ-то болѣе «реальнымъ», болѣе «дѣйствительнымъ», нежели другія явленія эмпирическаго міра. Локковское дѣленіе качествъ на первичныя, присущія *самой природѣ*, и вторичныя, возникающія только *въ насъ*, характерно для всякаго естественно-научнаго матеріализма. Дѣйственный характеръ естествознанія приводитъ здѣсь къ своеобразному противорѣчію. Реальными кажутся какъ разъ тѣ стороны дѣйствительности, которыя подвергаются нашему прямому воздѣйствію и, слѣдовательно, непосредственно находятся въ нашей власти, являясь въ то же время орудіями распространенія этой власти на всѣ остальныя содержанія опыта. Наоборотъ, тѣ свойства вещей, которыя наиболѣе удалены отъ нашей практики, которыя мы можемъ измѣнять лишь *при посредствѣ* движеній и перемѣщеній, характеризуются, какъ «наши» по преимуществу, какъ субъективныя.

Прямо противоположную характеристику этимъ подраздѣленіямъ опыта даютъ тѣ философы, которые, подобно Бергсону, настроены *созерцательно*, склонны противопоставлять борьбѣ

съ природой мистическое прозрѣніе, какъ нѣкоторую высшую способность человѣческаго духа. Для нихъ «дѣйствительными» являются качества, наиболѣе удаленныя отъ человѣческой практики, а все то, что можетъ служить непосредственнымъ пунктомъ приложенія нашихъ силъ, представляется, если не призрачнымъ то, во всякомъ случаѣ, «искусственнымъ», оторваннымъ отъ подлинной сущности вещей.

Но даже и освободившись отъ этихъ наивныхъ настроеній, мы все же не добьемся полной познавательной равноправности пространственныхъ и всѣхъ остальныхъ элементовъ нашего опыта, мы все же не избавимся отъ необходимости выдвигать пространство на первый планъ въ нашихъ познавательныхъ операціяхъ. Мы можемъ, напримѣръ, признать звукъ такимъ же объективнымъ элементомъ, какъ и тѣ колебанія воздуха, съ которыми онъ связанъ. Мы не будемъ уже тогда разсматривать колебанія какъ реальный процессъ, порождающій «въ насъ» о щ у щ е н і е звука. Мы откажемся также отъ попытки видѣть въ элементахъ «колебаніе воздуха» и «звукъ», объективную причину и объективное слѣдствіе,—ибо звукъ с о п р о в о ж д а е т ъ воздушныя колебанія, а не слѣдуетъ за ними, и потому эти два явленія нельзя объединить энергетической причинностью, нельзя сказать, что колебательныя движенія воздуха п р е в р а щ а ю т с я въ звуки. Мы выразимся математически осторожно: «звукъ и колебанія ф у н к ц і о н а л ь н о связаны между собой», т. е. разъ даны опредѣленныя колебанія, данъ и звукъ опредѣленной силы и интенсивности.

Однако, въ предѣлахъ этой функціональной зависимости мы все-таки будемъ приписывать воздушнымъ колебаніямъ нѣкоторый пріоритетъ передъ звуками. Въ самомъ дѣлѣ. Теоретически совершенно безразлично, какую изъ двухъ функціонально связанныхъ величинъ принять за независимую перемѣнную; но на практикѣ намъ гораздо «легче», «понятнѣе», «удобнѣе» принять за независимую перемѣнную колебанія воздуха, а звукъ за функцію, нежели наоборотъ. И, конечно, эта ослабленная и обезвреженная критикой функціональная «первичность» движеній по сравненію со звуками, укрѣпляется въ нашемъ сознаніи той же самой практической потребностью, которая заставила Локка формулировать свое ученіе о первичныхъ качествахъ. Если бы мы обладали способностью непосредственно измѣнять звуки и фактически наблюдали, что колебанія трансформируются, какъ «функція» такихъ

измѣненій для насъ и на практикѣ выборъ независимой перемѣнной былъ бы столь же «произволенъ», какъ въ теоріи. Но такъ какъ у насъ нѣтъ органа, при помощи котораго мы могли бы захватить звукъ, какъ таковой, и непосредственно повысить или понизить, ослабить или усилить его, такъ какъ только звучащее «тѣло» является объектомъ нашего непосредственнаго воздѣйствія, то для насъ звукъ всегда будетъ функціей колебаній а не колебанія функціей звука.

Тѣ противорѣчія, въ которыя впалъ Локкъ, тѣ безчисленныя мнимыя проблемы, въ которыхъ путались его послѣдователи, вызваны не самымъ примѣненіемъ практическаго критерія къ анализу опытнаго міра, а смѣшеніемъ двухъ различныхъ критеріевъ. Въ понятіи первичнаго качества у Локка смѣшаны двѣ категоріи: «объективность» и «сущность». Въ то время, какъ «объективность» вещей состоитъ въ ихъ самостоятельномъ, независимомъ отъ насъ, существованіи, «сущность» вещей опредѣляется въ прямой зависимости отъ нашихъ цѣлей: познавательно существенно въ вещахъ то, что является непосредственнымъ орудіемъ нашего практическаго воздѣйствія на міръ. Локковскія «первичныя качества», не будучи ни на іоту болѣе объективными, чѣмъ вторичныя, тѣмъ не менѣе представляются для науки болѣе «существенными» занимаютъ центральное мѣсто въ нашей познавательной обработкѣ физическаго міра.

Объ этой сторонѣ дѣла часто забываютъ сторонники современнаго научнаго эмпиризма, когда имъ приходится бороться противъ метафизическихъ пережитковъ въ области естествознанія. Такъ, напримѣръ, Махъ иронизируетъ надъ извѣстной работой Тиндаля, въ которой теплота разсматривается, какъ «родъ движенія»: съ такимъ же правомъ, говоритъ онъ, можно бы движеніе разсматривать какъ «родъ теплоты». И апріори, съ отвлеченно-теоретической точки зрѣнія, это, конечно, совершенно вѣрно. Но любопытно было бы посмотрѣть, какъ ухитрился бы Махъ осуществить на дѣлѣ эту теоретическую возможность. Мы видѣли выше, какими узкими предѣлами ограничена наша способность измѣрять теплоту, какъ таковую,—не говоря уже о томъ, что и въ этихъ узкихъ предѣлахъ измѣреніямъ теплоты немыслимо придать той точности, которой отличаются наши научныя измѣренія въ области разстояній. Физики, строго говоря, никогда не измѣряютъ теплового состоянія тѣлъ: всѣ опредѣленія «температуры» улавливаютъ лишь

относительную величину тѣхъ движеній, тѣхъ расширеній (спирта, ртути въ термометрѣ и т. под.), которыя функціонально связаны съ нагрѣваніемъ; и когда говорятъ о «превращеніи» энергіи движенія въ теплоту, о соизмѣримости или количественной эквивалентности обоихъ этихъ процессовъ («механическій эквивалентъ теплоты»), то, въ сущности, устанавливаютъ соизмѣримость не между движеніемъ и теплотой, а между двумя видами движенія, тѣмъ, которое прекратилось, породивъ теплоту, и тѣмъ, которое возникло вмѣстѣ съ теплотой (расширеніе нагрѣвающагося тѣла).

Несравненно большая выработанность и точность пространственной геометріи по сравненію съ аналогичными построеніями въ области другихъ «качествъ» создаетъ необходимость всѣ «качественныя» измѣненія замѣщать функціонально связанными съ ними движеніями, необходимость разсматривать физическіе процессы въ пространственныхъ схемахъ, и совершенно исключаетъ возможность научнаго использованія звуковыхъ, цвѣтовыхъ, тепловыхъ и т. п. схемъ. Но это совершенство пространственныхъ операцій представляетъ лишь другую сторону ихъ «существенности», ихъ важности для человѣческой практики. Біологическая эволюція выработала въ насъ столь идеально функціонирующія воспріятія пространственныхъ «величинъ» именно потому, что съ ними тѣсно связанъ единственно возможный для насъ методъ воздѣйствія на природу.

XII.

Выше было сказано, что категорія «сущности» отличается отъ категоріи «объективности» своимъ непосредственнымъ отношеніемъ къ человѣческой практикѣ. Но это не значитъ, что понятіе «объективнаго», «физическаго» процесса, въ противоположность «субъективному» или «психическому», вырабатывается внѣ всякаго отношенія къ практикѣ. Практика и здѣсь выступаетъ въ качествѣ опредѣляющаго момента, но только въ иной связи.

Въ началѣ статьи мы привели тотъ критерій, которымъ пользуется Махъ для различенія физическаго отъ психическаго: «Цвѣтъ есть физическій объектъ, когда мы обращаемъ вниманіе на его зависимость отъ источника свѣта (и, вообще, элементовъ

ABC .. т. е. другихъ цвѣтовъ, теплоты, пространственныхъ отношеній и т. п.). Но если мы обратимъ вниманіе на его зависимость отъ сѣтчатки (элементовъ KLM.., составляющихъ наше тѣло), то цвѣтъ станетъ психическимъ объектомъ, ощущеніемъ. Не предметъ изслѣдованія, а его направленіе различны въ первомъ и второмъ случаѣ». Итакъ, разсматривая элементы ABC.. въ ихъ связи между собой, мы получаемъ физическій процессъ: напримѣръ «бѣлый шаръ падаетъ на звонокъ, раздается звонъ: въ свѣтѣ пламени, окрашеннаго натріемъ, шаръ становится желтымъ,—въ свѣтѣ пламени, окрашеннаго литіемъ, «краснымъ». Взявъ тѣ же элементы ABC. въ связи съ элементами KLM.. (нашъ организмъ), мы имѣемъ уже психическій процессъ: напримѣръ, «мы приняли внутрь сантонинъ, и шаръ сталъ желтымъ, мы отдавили одинъ глазъ въ сторону и увидѣли два шара, мы совсѣмъ закрыли глаза, и шаръ исчезъ».

Уже изъ этихъ примѣровъ, приведенныхъ самимъ же Махомъ, легко убѣдиться, что критерій его, по меньшей мѣрѣ, недостаточенъ. Возьмемъ хотя бы пожелтѣніе шара подъ вліяніемъ сантонина. Спрашивается, является ли этотъ процессъ только психическимъ, или же онъ, подобно пожелтѣнію шара въ натровомъ пламени, можетъ разсматриваться также и какъ физическій? Принципъ Маха не даетъ возможности удовлетворительно отвѣтить на этотъ вопросъ. Мы знаемъ только, что пожелтѣніе шара есть психическое явленіе, поскольку мы разсматриваемъ его въ связи съ тѣми измѣненіями въ нашемъ организмѣ, которыя вызваны пріемомъ сантонина. Ну, а если мы отвлечемся отъ этихъ измѣненій, если мы обратимъ вниманіе только на голый фактъ перехода бѣлаго цвѣта въ желтый? Очевидно, въ этомъ случаѣ мы будемъ разсматривать элементы ABC... въ ихъ самостоятельной, независимой отъ KLM... связи и, слѣдовательно, съ точки зрѣнія вышеуказаннаго критерія, получимъ физическій процессъ. Намъ скажутъ, что связь между первоначально бѣлымъ и замѣнившимъ его желтымъ цвѣтомъ не есть «функціональная», или, выражаясь общеупотребительнымъ языкомъ: бѣлый цвѣтъ только предшествуетъ желтому а отнюдь не является его причиной, — и при отравленіи сантониномъ (въ противоположность освѣщенію натровымъ пламенемъ) въ области ABC.. нельзя найти никакой причины пожелтѣнія; единственной причиной измѣненія цвѣта является здѣсь измѣненіе организма, вызванное пріемомъ санто-

пина. Но это возраженіе нельзя признать состоятельнымъ. Если мы не можетъ найти объективной причины, это вовсе не значитъ, что ея нѣтъ. Существуетъ цѣлая масса явленій, причины которыхъ не открыты и которыя мы тѣмъ не менѣе признаемъ объективными, т. е. упорно ищемъ объективныхъ причинъ. Вполнѣ возможно допустить, что и въ данномъ случаѣ имѣется нѣкоторая объективная причина, дѣйствующая на ряду съ сантониномъ, и, однако, у насъ не возникаетъ никакой потребности ее отыскивать, мы довольствуемся сантониномъ, зачисляя явленіе въ категорію «субъективныхъ».

Недостаточность критерія Маха выступитъ еще ярче, если мы присмотримся къ тѣмъ измѣненіямъ, которымъ подвергаются твердыя тѣла, перемѣщаясь въ пространствѣ. Передъ нами движущійся деревянный кубъ сторона, видимая мною въ извѣстный моментъ, какъ точный квадратъ, по прошествіи нѣкотораго времени, наблюдается мною въ видѣ ромба. Совершенно такое же измѣненіе формы испытываетъ въ нашемъ опытѣ гуттаперчевый кубъ, разстягиваемый соотвѣтственнымъ образомъ. Почему же въ первомъ случаѣ превращенія квадрата въ ромбъ мы считаемъ только «кажущимся», а во второмъ случаѣ относимъ его въ область «дѣйствительныхъ», физическихъ измѣненій? Вѣдь и въ первомъ и во второмъ случаѣ мы съ одинаковой легкостью можемъ отвлечься отъ измѣненій KLM... (сѣгчатки и т. п., въ обоихъ примѣрахъ эти измѣненія тожественны), и установить объективную закономѣрность процесса въ сферѣ ABC.. Относительно гуттаперчеваго куба это ясно само собой. Но и формы деревяннаго куба мѣняются въ строгой функціональной зависимости отъ измѣненія разстояній, т. е. пространственныхъ «элементовъ». А такъ какъ, съ точки зрѣнія Маха, пространственные элементы отнюдь не принадлежатъ къ сферѣ «нашего» чистаго созерцанія, но входятъ въ составъ реальнаго міра съ такимъ же правомъ, какъ и всякіе другіе ABC..., то, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ самымъ настоящимъ физическимъ процессомъ. Однако, принять этотъ выводъ физикъ, конечно не можетъ подъ угрозой запутаться въ безысходныхъ противорѣчіяхъ.

Критерій Маха даетъ вполнѣ удовлетворительную руководящую нить только въ томъ случаѣ, когда заранѣе извѣстно, что данный процессъ имѣетъ и физическую, и психическую сторону. Для того,

чтобы отличать отъ физическихъ только психическіе процессы, критерій этотъ мало пригоденъ, и прежде всего именно потому, что онъ слишкомъ теоретиченъ, слишкомъ созерцателенъ, слишкомъ удаленъ отъ потребностей человѣческой практики. Не всѣ теоретически возможныя функціональныя связи имѣютъ познавательную «значимость», а только тѣ изъ нихъ, которыя даютъ намъ власть надъ явленіями опытнаго міра. И если извѣстную группу явленій мы можемъ всецѣло подчинить своей власти при помощи измѣненій нашего тѣла, не прибѣгая къ перемѣщенію вне насъ находящихся предметовъ, то всѣ связи этой группы съ элементами ABC.. будутъ лишены познавательной значимости, не попадутъ въ категорію «объективныхъ».

Принципъ, близкій къ установленному Махомъ, но болѣе тѣсно связанный съ практикой, формулируетъ Пуанкаре,—правда только въ одной области: въ примѣненіи къ тѣмъ процессамъ, которые связаны съ перемѣщеніемъ въ пространствѣ. «Мѣняетъ ли предметъ свое состояніе или только положеніе, это передается намъ всегда однимъ и тѣмъ же способомъ измѣненіемъ во всемъ составѣ впечатлѣній. Какимъ же образомъ мы могли прійти къ различенію обоихъ обстоятельствъ? Если было только измѣненіе положенія, мы можемъ возстановить прежнюю совокупность впечатлѣній, совершая движенія, ставящія насъ въ то же относительное положеніе къ подвижному предмету. Мы компенсируемъ, такимъ образомъ, происшедшее измѣненіе, возстановляя начальное состояніе обратнымъ измѣненіемъ... Итакъ, измѣненіе положенія характеризуется и отличается отъ измѣненія состоянія тѣлъ тѣмъ, что оно всегда можетъ быть компенсировано указаннымъ способомъ»*).

Итакъ, измѣненіе деревяннаго движущагося куба мы разсматриваемъ, какъ только «психическій» фактъ, какъ только «кажущееся», потому что мы всегда можемъ «компенсировать» его, приведя наше тѣло въ то же самое положеніе относительно куба, въ какомъ оно находилось до наступленія изучаемаго факта. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ для такой компенсаціи достаточно «вести глазами» за движущимся предметомъ, въ другихъ случаяхъ необходимо опредѣленнымъ образомъ передвинуть все наше тѣло,—но во всѣхъ случаяхъ мы вполнѣ овладѣваемъ потокомъ событій, можемъ произ-

*) Анри Пуанкаре Наука и Гипотеза. Пер. подъ редакціей Н. А. Умова. стр. 70—71.

вольно комбинировать ихъ, вызывать заранѣе намѣченные нами результаты при помощи однихъ только собственныхъ передвиженій,—оказывать воздѣйствіе на внѣшніе предметы намъ не приходится. Наоборотъ, для того, чтобы «компенсировать» измѣненіе формы гуттаперчеваго куба, необходимо совершить внѣшнюю работу, необходимо приложить нашу силу къ самому кубу или окружающимъ его вещамъ, напримѣръ, оторвать кубъ отъ того аппарата, который его растягиваетъ; наша энергія непосредственно затрачивается здѣсь на преобразованіе связи между кубомъ и другими предметами, принадлежащими къ области ABC... Вотъ почему эта связь пріобрѣтаетъ для насъ познавательную значимость; она отмѣчается познаніемъ, входитъ въ составъ созидаемаго послѣднимъ зданія, какъ организующій моментъ, разсматривается, какъ физически реальная.

Критерій, выдвинутый Пуанкаре, легко такъ обобщить, чтобы онъ могъ примѣняться не только къ движенію предметовъ, но и ко всѣмъ вообще тѣмъ случаямъ, когда намъ приходится различать дѣйствительныя измѣненія и только кажущіяся. Для этого формулѣ Пуанкаре надо придать такой видъ: «дѣйствительное или физическое измѣненіе можетъ быть компенсировано только путемъ соотвѣтственнаго преобразованія внѣ насъ находящихся предметовъ, кажущееся, исключительно психическое измѣненіе компенсируется измѣненіями нашего организма». Примѣняя эту формулу, мы легко установимъ иллюзорность такихъ измѣненій, какъ пожелтѣніе шара, вызванное пріемомъ сантонина, исчезновеніе предмета при закрываніи глазъ и т. п. Для насъ утрачиваетъ теперь всякій интересъ вопросъ о томъ, можно или нельзя мыслить всѣ эти процессы въ извѣстной «независимой» отъ нашего тѣла связи. Разъ эта независимость ни въ чемъ не проявляется на практикѣ, разъ мы можемъ создавать и уничтожать данныя явленія при помощи однихъ только измѣненій нашего организма, связь ABC... съ KLM... является вполнѣ достаточной для насъ Технически-научное использованіе всякихъ иныхъ, только «мыслимыхъ», связей, становится совершенно излишнимъ.

Такимъ образомъ, разница между познавательно-«первичными» и «объективными» содержаніями опыта не такъ категорична, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Ни то, ни другое подраздѣленіе не имѣло бы смысла внѣ человѣческой практики,—но отношеніе перваго и второго къ этой практикѣ неодинаково. Въ

то время, какъ познавательно первичнымъ («независимой перемѣнной» физическихъ комплексовъ) является только то, что можетъ служить непосредственнымъ пунктомъ приложенія нашей активности,—«объективны» всѣ вообще содержанія опыта, возникающія, какъ результатъ измѣненій въ области «внѣшней» природы. Поэтому есть первичные и вторичные элементы, но нѣтъ элементовъ, которые были бы объективными или субъективными, какъ таковые: всякій элементъ можетъ быть въ однихъ сочетаніяхъ субъективнымъ, въ другихъ объективнымъ. Объективны всѣ процессы, теченіе которыхъ не можетъ быть измѣнено—все равно прямымъ или косвеннымъ путемъ—безъ воздѣйствія на внѣ насъ находящіеся предметы. Субъективны процессы, для измѣненія которыхъ достаточно перемѣнъ, происходящихъ въ рамкахъ даннаго организма или данныхъ организмовъ *)

XIII.

Даже въ такомъ измѣненномъ видѣ, даже приспособленный къ потребностямъ познавательной практики, принципъ Маха все же не отвѣчаетъ намъ на одинъ чрезвычайно важный вопросъ: какъ выдѣляется изъ потока опыта, первоначально не дифференцированнаго, не физическаго и не психическаго, цѣльный, непрерывный въ своихъ измѣненіяхъ физическій міръ?

Вернемся къ нашему примѣру деревяннаго куба, размѣры, форма, а также окраска и многія другія «свойства» котораго непрерывно мѣняются, по мѣрѣ того, какъ онъ перемѣщается въ пространствѣ. Мы уже установили, что всѣ эти измѣненія только кажущіяся, что въ дѣйствительности свойства тѣла не зависятъ отъ его положенія въ пространствѣ. Возникаетъ вопросъ: какія же изъ этихъ безчисленныхъ свойствъ, послѣдовательно смѣняющихся въ данномъ тѣлѣ, фиктивны, и какія дѣйствительно принадлежатъ ему? Другими словами: въ какомъ положеніи надо изслѣдовать предметъ для того, чтобы свойства полученнаго нами образа

*) Я сказалъ „данныхъ организмовъ“, потому что въ нѣкоторыхъ случаяхъ чисто субъективное явленіе можетъ существовать для цѣлой группы лицъ одновременно, напримѣръ, охваченная экстазомъ толпа можетъ поддаться одному и тому же гипнотическому внушенію, созерцать одно и тоже „видѣніе“ и т. п.

совпали съ «истинными», «физическими» свойствами предмета? Джемсъ говоритъ, что такимъ «нормальнымъ положеніемъ» является «наиболѣе выгодное для детальнаго разсмотрѣнія предмета». «Въ этомъ положеніи голова наша держится прямо, а зрительныя оси параллельны одна другой или симметрично конвергируютъ; плоскость предмета перпендикулярна плоскости зрѣнія: если на плоскости предмета находится много параллельныхъ линій, то она расположена такъ, чтобы эти линіи были по возможности или параллельны, или перпендикулярны плоскости зрѣнія. Въ этомъ положеніи мы сравниваемъ между собой всѣ формы предметовъ, производимъ надъ ними точныя измѣренія, имѣющія для насъ рѣшающее, окончательное значеніе.. Какое бы зрительное впечатлѣніе мы ни получили отъ предмета, мы всегда думаемъ о немъ такъ, какъ будто онъ находится передъ нашими глазами въ нормальномъ положеніи» *) Такимъ образомъ, непосредственно данныя зрительныя впечатлѣнія становятся для насъ только «знакомъ» тѣхъ дѣйствительныхъ свойствъ, которыя обнаруживаются въ предметахъ при ихъ нормальномъ положеніи въ пространствѣ. Научаясь подставлять на мѣсто «знаковъ» эти дѣйствительныя свойства, «мы только выполняемъ законъ экономіи или упрощенія, законъ, который торжествуетъ надъ всей нашей психической жизнью» **).

Легко замѣтить, что въ этомъ описаніи Джемса слиты вмѣстѣ два существенно различные процесса. Во-первыхъ, мы выдѣляемъ изъ недифференцированнаго потока опыта отдѣльные миги, отдѣльные фрагменты, какъ наиболѣе существенные для нашей практики Такъ, напр., изъ безчисленныхъ «видовъ», послѣдовательно принимаемыхъ движущимся кубомъ, мы выхватываемъ и фиксируемъ одинъ «нормальный», наиболѣе благопріятный для нашего практическаго воздѣйствія на кубъ. Всѣ остальные эмпирически данные «виды» куба становятся простыми «знаками», отъ которыхъ мы быстро переходимъ въ нашемъ воображеніи къ «нормальному», истинно-кубическому кубу,—и закона экономіи силъ вполнѣ достаточно для того, чтобы объяснить, какъ сложилось въ нашей психикѣ такое приспособленіе. Но этимъ процессомъ дѣло не ограничивается. Мы не довольствуемся актомъ мысленнаго преобразованія

*) Джемсъ. Психологія, пер. Лапшина, стр. 280
**) Тамъ же.

данныхъ свойствъ вещи въ нормальныя, мы думаемъ, что предметъ на самомъ дѣлѣ имѣетъ эти нормальныя свойства въ то самое время, когда мы непосредственно видимъ его совершенно инымъ.

Ограничиваясь рамками одной только индивидуальной психики, невозможно понять, какъ могло выработаться такое представленіе, — ибо въ нашемъ индивидуальномъ опытѣ никогда не случается, чтобы одинъ и тотъ же предметъ въ одинъ и тотъ же моментъ имѣлъ два различные «вида». Только въ коллективномъ опытѣ, въ опытѣ различныхъ людей, одновременно наблюдающихъ одну и ту же вещь съ различныхъ пунктовъ, возможно такое несовпаденіе. И только въ томъ случаѣ, если содержанія опыта различныхъ людей являются принципіально «равнозначными», принадлежащими къ сферѣ одного и того же коллективнаго опыта,—только въ этомъ случаѣ, въ единичномъ сознаніи можетъ возникнуть представленіе о двухъ видахъ одной и той же вещи въ одинъ и тотъ же моментъ.

Въ нашъ индивидуалистическій вѣкъ принято думать, что другіе люди непосредственно даны намъ только, какъ вещи въ ряду другихъ вещей физическаго міра. О существованіи чужой психики мы лишь «умозаключаемъ по аналогіи» съ нашей собственной психикой; при чемъ, съ чисто познавательной точки зрѣнія, аналогія эта имѣетъ значеніе временнаго орудія оріентировки,—орудія, примѣненія котораго вызвано недостаткомъ нашихъ фактическихъ знаній. Подставляя на мѣсто движеній и звуковъ, производимыхъ людьми, психическія состоянія, мы по аналогіи съ собой легче можемъ предвидѣть поведеніе другихъ людей, чѣмъ безъ этой подстановки. Но если бы физическіе процессы, совершающіеся въ человѣческомъ тѣлѣ, были извѣстны намъ во всей своей полнотѣ, научное предвидѣніе совершенно не нуждалось бы въ психической подстановкѣ и послѣдняя была бы изгнана изъ области познанія: для познающаго субъекта другой человѣкъ сталъ бы только «физическимъ» объектомъ.

Мы видимъ, однако, что уже самое раздѣленіе опыта на физическую и психическую область было бы въ его теперешнемъ видѣ неосуществимо, если бы эта концепція была правильна. Прежде, чѣмъ воспринять другого человѣка, какъ вещь физическаго міра, мы должны уже исходить изъ равнозначности нашего и чужого опыта, для того чтобы выработать самое понятіе «физической вещи».

Коллективный характеръ опыта сказывается здѣсь не въ томъ, что содержанія даннаго индивидуальнаго сознанія приводятся къ нѣкоторой «средней» мѣркѣ, общей для всѣхъ безъ различія людей: физическія, «нормальныя» свойства вещи отнюдь не представляютъ изъ себя чего-либо похожаго на среднюю ариѳметическую изъ тѣхъ воспріятій, котрыя получаютъ всѣ созерцающіе вещь индивидуумы. Равнозначность единичныхъ опытовъ играетъ въ данномъ случаѣ ту роль, какая традиціонной гносеологіей приписывается, такъ называемыхъ формальнымъ предпосылкамъ познанія. Являясь исходнымъ фактомъ нашихъ познавательныхъ операцій, она въ то же время есть требованіе организовать раздробленныя, индивидуальныя переживанія въ единую систему коллективнаго опыта. И только эта «предпосылка» позволяетъ конструировать физическій міръ, какъ цѣлостный, непрерывный процессъ измѣненія «нормальныхъ» свойствъ вещей,—процессъ, протекающій одновременно и параллельно съ психическими процессами «кажущихся» превращеній міра. На почвѣ индивидуальнаго опыта, эта цѣлостная картина физическаго міра была бы совершенно недостижима. Тогда физическій міръ представлялъ бы совокупность отдѣльныхъ разорванныхъ мгновеній, отдѣльныхъ кусочковъ, вкрапленныхъ тамъ и сямъ въ потокъ «непосредственныхъ данныхъ сознанія». Такія физическія вкрапленія выдѣлялись бы нами изъ хаоса переживаній, фиксируясь въ нашей памяти, какъ познавательно цѣнныя, существенно важныя для нашей практики, но никогда не сливались бы въ одно стройное, самодовлѣющее цѣлое, въ «независимый отъ нашего сознанія» космосъ. Наше познаніе физическаго міра носило бы, дѣйствительно, «кинематографическій», даже хуже, чѣмъ кинематографическій, просто-на-просто клочковый характеръ.

Тутъ необходимо устранить одно возможное возраженіе. Обособленіе физическаго міра отъ психическаго не совершается научно-методическимъ путемъ. Наше представленіе о «нормальныхъ» дѣйствительныхъ свойствахъ вещи безсознательно (вѣрнѣе, безотчетно) и накладывается на каждый эмпирически данный «знакъ». Такимъ образомъ, на первый взглядъ, уже въ индивидуальной психикѣ возникаетъ—и притомъ совершенно стихійно—двойственность реальной и кажущейся вещи,—наука, какъ и всегда, является post factum, ей остается только истолковывать этотъ эмпирическій фактъ удвоенія міра.

Не трудно, однако, убѣдиться, что въ дѣйствительности безот-

четный процессъ «наложенія» не создаетъ никакой двойственности. Воображаемыя нами «нормальныя» свойства вещи не помѣщаются рядомъ съ ея непосредственно воспринимаемыми «кажущимися» свойствами, но сливаются съ ними въ одинъ нераздѣльный зрительный образъ, который занимаетъ середину, является, такъ сказать, компромиссомъ между «нормальнымъ» и кажущимся видомъ вещи. Мы непосредственно замѣчаемъ, что удаленные отъ насъ люди, дома и т. п., меньше тѣхъ же людей и домовъ на болѣе близкомъ разстояніи,—но съ другой стороны, размѣры удаленныхъ предметовъ, въ нашей непосредственной оцѣнкѣ, значительно превышаютъ величину, соотвѣтствующую тому углу зрѣнія, подъ которымъ мы ихъ въ данный моментъ видимъ. Отсюда неизбѣжныя перспективныя ошибки при первыхъ попыткахъ срисовать окружающіе предметы или хотя бы ихъ только сфотографировать. Всякій начинающій фотографъ испытываетъ при сниманіи видовъ тяжкія разочарованія. великолѣпная даль, которая въ «натурѣ» занимаетъ преобладающее мѣсто картины, сжимается на фотографической карточкѣ въ едва примѣтную полоску у горизонта, а «маленькій» клочекъ голаго поля, на которомъ стоитъ аппаратъ, заполняетъ собою три четверти площади снимка.

То, что мы сказали сейчасъ о размѣрахъ предметовъ, относится также къ ихъ формамъ и всѣмъ другимъ качествамъ. Въ результатѣ безотчетнаго наложенія «нормальнаго» на «данное» получаются не два различныхъ образа одной и той же вещи, а только одинъ промежуточный образъ. Переходы отъ этого компромисснаго образа къ фактически данному виду предмета съ одной стороны, и къ его «дѣйствительному», нормальному виду съ другой, представляютъ двѣ самостоятельныя операціи сознанія, которыя въ нашемъ воображеніи (т. е. въ нашемъ воспоминаніи) не могутъ совершаться иначе, чѣмъ въ нашей «реальной» практикѣ. А такъ какъ практика индивидуальнаго опыта позволяетъ получать различныя зрительныя впечатлѣнія отъ одного и того же предмета только въ различные моменты времени, то и теорія, выработанная строго индивидуальнымъ опытомъ, неизбѣжно должна разсматривать физическія свойства предмета, лишь какъ отдѣльные моменты въ процессѣ психическихъ превращеній. Точнѣе говоря, здѣсь не могло бы вообще установиться строгаго и точнаго различенія психики и физики: измѣненія, связанныя съ перемѣною положенія въ пространствѣ, казались бы сплошь реальными, а единичные

моменты ихъ познавательно-первичными, наиболѣе «существенными».

Переходя къ самому содержанію тѣхъ «нормальныхъ» свойствъ предмета, которыя разсматриваются нами, какъ физически-реальныя, мы снова встрѣчаемся съ опредѣляющей ролью коллектива. Въ самомъ дѣлѣ, наше представленіе о физическомъ строеніи предмета отнюдь не ограничивается тѣми данными, которыя мы сами можемъ найти, изучая вещь въ наиболѣе удобномъ для изслѣдованія нормальномъ ея положеніи. Такъ напримѣръ разсматривая солнечный спектръ, какъ физическое явленіе, мы отнюдь не думаемъ, что между двумя данными цвѣтами существуютъ лишь тѣ промежуточные элементы, которые мы фактически различаемъ при нормальномъ положеніи нашемъ относительно спектра, и при максимальномъ сосредоточеніи нашего вниманія. Если другой человѣкъ различаетъ по качеству двѣ сосѣднія полоски спектра, представляющіяся намъ идентичными, мы безъ малѣйшаго затрудненія признаемъ, что дѣйствительныя отношенія соотвѣтствуютъ не «нашему», а этому «чужому», болѣе утонченному воспріятію.

Но и та высшая степень дифференцированія, которая фактически достигнута людьми, обладающими самыми совершенными органами воспріятія, не является предѣломъ дѣйствительной, физической дифференціаціи міра. Не только въ примѣненіи къ пространству основнымъ постулатомъ объективной науки является принципъ безконечной дѣлимости, въ области цвѣтовъ, звуковъ и т. п. мы также исходимъ изъ положенія, что между всякими двумя элементами существуетъ третій, отличный отъ перваго и второго,— другими словами, объективная наука разсматриваетъ всякій качественный переходъ, какимъ бы «короткимъ» онъ ни казался, какъ непрерывность, состоящую изъ безконечнаго числа элементовъ.

Здѣсь съ особенною яркостью обнаруживается нелѣпость господствующаго въ наше время взгляда, что всякое вмѣшательство коллектива въ область личнаго мышленія можетъ выразиться только въ обѣднѣніи индивидуальнаго интеллекта, въ приведеніи его къ той «банальной» серединѣ, которая при данныхъ условіяхъ обща всѣмъ нормальнымъ человѣческимъ сознаніямъ. Уже самый первый, самый простой и элементарный актъ коллективнаго опыта, выдѣленіе физическаго тѣла изъ потока нейтральныхъ переживаній, показываетъ, что равнозначность индивидуальныхъ сознаній приводитъ не къ обѣднѣнію, а къ величайшему обогащенію каждаго изъ нихъ.

Соціально организованное физическое тѣло неизмѣримо содержательнѣе, чѣмъ совокупность тѣхъ отдѣльныхъ физическихъ «моментовъ», которые въ состояніи выхватить изъ потока переживаній самый совершенный единичный интеллектъ. Данныя индивидуальнаго опыта не урѣзываются здѣсь, а доводятся до высшей ступени, достижимой въ рамкахъ универсальнаго познавательнаго сотрудничества. Не къ «среднему уровню» группы приспособляется объективное познаніе, а къ максимальному ея уровню, къ ее высочайшимъ вершинамъ. Но и этого мало. Возможность превзойти индивидуально непереходимые предѣлы, разъ она достигнута благодаря принципіальной равнозначности личныхъ опытовъ, не останавливается и передъ фактическими границами соціальнаго познанія, она превращается въ тенденцію, расширяющуюся безпредѣльно. Математика создала методъ, позволяющій въ совершенствѣ овладѣть этой безграничностью, вполнѣ точно выразить идеальную непрерывность, состоящую изъ безконечнаго числа элементовъ. «Кинематографическій» характеръ присущъ математическимъ изслѣдованіямъ лишь до тѣхъ поръ, пока промежутки между сосѣдними элементами непрерывности принимаются а очень малыя, но «конечныя» величины. Какъ только достигнуто искусство сводить эти конечныя величины къ «предѣлу», къ безконечно малымъ, промежутки, какъ таковые, исчезаютъ, и математическая картина непрерывности становится вполнѣ точной, адэкватной, соотвѣтствующей дѣйствительности. И поскольку такія математическія формулы являются орудіями нашего предвидѣнія, это послѣднее отнюдь не ограничивается предвосхищеніемъ отдѣльныхъ стаціонарныхъ мгновеній грядущаго, а поволяетъ познавательно предвосхищать процессъ въ самомъ его совершеніи, т. е. именно такъ, какъ онъ протекаетъ въ дѣйствительности.

Я не буду прослѣживать той роли, которую соціальность познанія играетъ въ выработкѣ высшихъ познавательныхъ формъ. Замѣчу только, что съ коллективнымъ моментомъ въ познаніи тѣснѣйшимъ образомъ связаны всякаго рода замѣщенія, подстановки, вообще вся произвольная символика, начиная съ «естественнаго», роднаго намъ языка, и кончая самыми «искусственными» математическими знаками.

Отвлеченный «символъ» есть продуктъ длиннаго соціальнаго развитія. Первоначально всякій знакъ совершенно конкретенъ и притомъ слитъ съ означаемымъ въ одно нераздѣльное элементарное

переживаніе. Джемсъ дѣлаетъ совершенно правильное наблюденіе, что выдѣлять какой либо элементъ изъ даннаго сложнаго переживанія мы научаемся лишь въ томъ случаѣ, если элементъ этотъ встрѣчается также и въ иныхъ сочетаніяхъ. Но такъ какъ въ рамкахъ индивидуальнаго опыта конкретный зародышъ слова—крикъ, связанный съ той или другой эмоціей,—никогда не встрѣчался въ различныхъ комбинаціяхъ съ означаемымъ, то, очевидно, при этихъ условіяхъ слово никоимъ образомъ не могло бы обособиться отъ своего смысла, какъ нѣкоторый отличный отъ послѣдняго «символъ».*) Только соединеніе того же самаго слова съ переживаніемъ другого человѣка даетъ возможность отличить «внѣшнее» выраженіе, или высказываніе, отъ «внутренняго» содержанія.—только въ соціальномъ общеніи слово становится «символомъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ нарождается и способность къ созданію произвольныхъ символовъ вообще. Я уже не упоминаю о томъ, что потребность въ широкомъ развитіи словесной и всякой иной символики могла быть создана только соціальной жизнью. Меня интересуютъ здѣсь не тѣ вліянія соціальнаго цѣлаго, которыя способствуютъ развитію даннаго явленія, а тѣ, которыя опредѣляютъ собою самую возможность возникновенія послѣдняго.

Резюмируемъ. Догматъ о полной противоположности между экстенсивными физическими тѣлами и интенсивными психическими состояніями не выдерживаетъ критики. Непосредственно соизмѣримыхъ элементовъ нѣтъ ни въ одной области опыта. Тѣ операціи преобразованія, которыя въ физикѣ и геометріи называются измѣреніемъ, примѣнимы, хотя въ гораздо болѣе узкихъ предѣлахъ, и въ области «самихъ» ощущеній. «Реальность» вещей, отнюдь не являясь чѣмъ-то недоступнымъ для нашего зараженнаго «практицизмомъ» интеллекта, представляетъ наоборотъ результатъ интеллектуальной обработки «непосредственныхъ данныхъ сознанія»,— и результатъ этотъ можетъ быть успѣшно достигнутъ только благодаря практической,—и притомъ соціально-практической.—

*) Надо къ тому же отмѣтить, что крики, связанные съ индивидуальной эмоціей, играютъ вообще ничтожную роль въ развитіи языка. Огромное большинство современныхъ словъ уже по самому происхожденію своему соціально: зародышемъ являются здѣсь крики, регулировавшія соціально-трудовые процессы нашихъ предковъ.

тенденціи интеллекта. И, наконецъ, поскольку Бергсонъ и родственные ему по духу мыслители склонны искать реальность не въ физическомъ мірѣ, а въ непосредственно данномъ потокѣ переживаній, какъ таковомъ, они отнюдь не возвышаются надъ интеллектомъ, а опускаются на самое его дно, въ область хаотическихъ матеріаловъ познанія, продуктомъ ихъ «высшаго» мистическаго прозрѣнія оказываются тогда отдѣльные элементы или обломки интеллектуальныхъ построеній

XIV.

Перейдемъ теперь къ другому краеугольному камню бергсоновской критики эмпиризма, къ вопросу о совершенной слитности содержаній сознанія въ противоположность разъединеннымъ элементамъ матеріальнаго міра. Остріе полемики направлено въ данномъ случаѣ противъ концепціи «ассоціанизма», положенной въ основу психологіи старыми англійскими эмпириками

Съ точки зрѣнія классическаго ассоціанизма всякое состояніе сознанія есть совокупность извѣстныхъ элементарныхъ ощущеній или ихъ воспоминаній, «представленій». Отдѣльныя переживанія могутъ различаться между собой только количествомъ и качествомъ составляющихъ ихъ психическихъ элементовъ. Такимъ образомъ, согласно этой теоріи, всѣ содержанія и всѣ «формы» нашего сознанія создаются путемъ суммированія элементарныхъ психическихъ данныхъ, присоединяющихся одно къ другому по извѣстнымъ законамъ ассоціацій. Самое наше «я» оказывается лишеннымъ всякаго дѣйствительнаго единства, простымъ «пучкомъ перцепцій» (выраженіе Юма).

Въ этомъ своемъ первоначальномъ видѣ ассоціанизмъ не выдерживаетъ, конечно, критики, и притомъ въ двухъ отношеніяхъ: 1) онъ неправильно изображаетъ возникновеніе сложныхъ психическихъ образованій и 2) неправильно анализируетъ уже сложившіяся образованія.

Остановимся сначала на первомъ пунктѣ. Современные психологи установили съ полной несомнѣнностью, что сложныя психическія образованія формируются не путемъ объединенія психическихъ элементовъ, а путемъ расчлененія или дифференцированія первоначально сплошныхъ воспріятій. Никогда не случается, напримѣръ, чтобы ребенокъ сначала усвоилъ себѣ въ отдѣльности пред-

ставленія о формѣ даннаго стола, о его твердости, окраскѣ и т. п., а потомъ, сложивъ всѣ эти единичныя данныя въ одинъ пучокъ, получилъ синтетическое представленіе о столѣ въ цѣломъ. Процессъ опознанія протекаетъ въ прямо противоположномъ направленіи. Изъ первоначально слитныхъ, цѣлостныхъ представленій мало-помалу обособляются отдѣльныя составныя части, какъ элементы, общіе различнымъ вещамъ. И по мѣрѣ такого дифференцированія цѣльность исходнаго представленія исчезаетъ, превращается въ синтезъ различныхъ «качествъ», опредѣленнымъ образомъ соотнесенныхъ другъ къ другу, опредѣленнымъ образомъ координированныхъ между собой.

Но и въ такомъ вполнѣ расчлененномъ видѣ, сложное психическое образованіе есть нѣчто большее, нежели «сумма» или «пучокъ» дифференцированныхъ познанемъ элементовъ. Совокупность одновременно данныхъ звуковъ воспринимается нами, какъ аккордъ; въ нашемъ сознаніи присутствуютъ при этомъ не только тѣ элементы, изъ которыхъ складывается сложное звуковое воспріятіе аккорда, но и то, что ихъ дѣлаетъ аккордомъ, т. е. гармонія или дисгармонія ихъ сочетанія. Комплексъ данныхъ элементовъ окраски, твердости, формы, протяженія и т. п. еще не составляетъ представленіе «стола»; для того, чтобы получился «столъ», всѣ слагаемыя этой суммы должны быть объединены между собой, соотнесены другъ къ другу, какъ свойства одной и той же вещи. Итакъ, въ каждомъ сложномъ психическомъ образованіи, кромѣ элементовъ, входящихъ въ него, какъ его составныя части, есть еще нѣчто, объединяющее между собой эти элементы, спаивающее ихъ въ единое состояніе сознанія, или, точнѣе говоря, въ единый сознательный актъ.

Въ чемъ же состоитъ этотъ объединяющій моментъ сознанія?

Въ нашемъ первомъ примѣрѣ, въ примѣрѣ аккорда, это совершенно ясно съ перваго взгляда. Объединяетъ воспринимаемые сознанемъ элементы то чувствованіе «гармоніи» или «дисгармоніи», которое не будучи само по себѣ элементомъ и не связанное ни съ однимъ изъ единичныхъ элементовъ звукового многообразія, неизбѣжно присоединяется къ каждому ихъ одновременному сочетанію.

Въ нашемъ второмъ примѣрѣ дѣло, повидимому, нѣсколько сложнѣе. Здѣсь элементы объединяются тѣмъ, что они «отнесены» къ одной и той же вещи,—и это отнесеніе представляется намъ какой-то совершенно «отвлеченной» операціей, не сводимой ни къ опу-

щеніямъ, или къ чувствованіямъ; у насъ является, поэтому, склонность допустить, что здѣсь функціонируетъ нѣкая абсолютно свободная отъ всего эмпирическаго интеллектуальная сила, нѣкая «чистая» или «формальная» категорія нашего разума. — Посмотримъ, однако: въ чемъ же именно состоитъ та взаимная связанность качествъ, которая образуетъ изъ нихъ «вещь»? Съ одной стороны, очевидно, въ томъ, что при фактической данности одной части сложнаго образованія «вещь», предполагается наличность и другой его части; напр., воспринимая зрительные элементы даннаго стола, мы «ожидаемъ», что при ощупываніи стола руками получатся вполнѣ опредѣленныя, осязательныя ощущенія, — но «ожиданіе» уже отнюдь не есть чистая, разсудочная категорія, основу его несомнѣнно составляетъ специфическое чувствованіе. Съ другой стороны, въ каждой вещи есть извѣстное «постоянное» или «существенное» ядро наиболѣе «важныхъ» признаковъ (тѣхъ признаковъ, которые, какъ говорятъ обыкновенно, «дѣлаютъ вещь тѣмъ, что она есть») и рядъ «второстепенныхъ», «несущественныхъ» признаковъ, которые могутъ и отсутствовать въ данной вещи. И «важность» и «второстепенность» есть характеристики явно эмоціональнаго оттѣнка; здѣсь нѣтъ и слѣда той теоретической холодности, той «формальности», которая, повидимому, присуща чистой категоріи «единства соотнесенныхъ другъ къ другу признаковъ. Я не буду итти дальше въ анализѣ комплекса «вещь». Потребовалось бы цѣлое изслѣдованіе для того, чтобы дать исчерпывающее перечисленіе тѣхъ простыхъ представленій и чувствованій, совокупность которыхъ служитъ спайкой между отдѣльными признаками одной и той же вещи. Мы видимъ, во всякомъ случаѣ, что именно чувствованія лежатъ въ основѣ «единства» вещи, поскольку эта вещь вполнѣ дифференцирована познаніемъ, т. е. поскольку познаніе способило отдѣльныя ее признаки, сгруппировавъ ихъ вокругъ «существеннаго» ядра.

То же самое слѣдуетъ сказать относительно всякаго вообще психическаго «комплекса». При ближайшемъ анализѣ всегда оказывается, что единство придаютъ сознанію чувствованія, связывающія представленія въ одно цѣлое. Отнимите мысленно объединяющее чувствованіе, и вы получите разсыпанную храмину нейтральныхъ элементовъ, которые, какъ таковые, какъ самодовлѣющіе, индифферентные другъ по отношенію къ другу атомы психо-

физическаго міра, никогда не могутъ быть содержаніемъ нашего сознанія.

Эта тѣсная связь между категоріями познанія и чувствованіями долгое время ускользала отъ вниманія науки. Если я не ошибаюсь, Авенаріусъ первый сдѣлалъ попытку дать болѣе или менѣе систематическій анализъ тѣхъ чувствованій (по его терминологіи «характеровъ»), которыя образуютъ собой важнѣйшія познавательныя категоріи. Онъ начинаетъ съ функцій различенія и отожествленія, входящихъ въ составъ всякаго нашего сознательнаго акта. Сознаніе, что мы воспринимаемъ «нѣчто иное» (Andersheit») или наоборотъ, «то же самое» («Dasselbigkeit») состоитъ по Авенаріусу изъ элементарныхъ чувствованій («гетероты» въ первомъ случаѣ, «таутоты» во второмъ), присоединяющихся къ опредѣленнымъ элементамъ, или комплексамъ элементовъ. Переходя далѣе къ категоріи «реальности», какъ она функціонируетъ въ обыденномъ, не исправленномъ научной критикой сознаніи, Авенаріусъ различаетъ здѣсь три характера: «экзистенціалъ» (нѣчто, «дѣйствительно», «подлинно» существующее), «секуралъ» (нѣчто «надежное», внушающее «увѣренность») и «ноталъ» (нѣчто «знакомое»).

Правда, методъ, примѣненный Авенаріусомъ къ анализу формъ мышленія, почти не встрѣтилъ сторонниковъ, и та классификація категорій, которая была имъ намѣчена, такъ и осталась въ своемъ зачаточномъ видѣ. Но въ данный моментъ эта сторона дѣла не представляетъ для насъ существенной важности,—насъ интересуетъ здѣсь лишь самая постановка вопроса и нѣкоторые вытекающіе изъ нея общіе выводы.

Въ психологіи различаются два вида чувствованій: во-первыхъ, чувствованія, присущія каждому единичному элементу, напр., «чувственный тонъ» звука опредѣленной высоты, цвѣта опредѣленнаго качества и т. п.; во-вторыхъ, чувствованія, связанныя съ группой элементовъ, напримѣръ, «гармонія» данной совокупности тоновъ, «симметрія» данной совокупности формъ и т. п.

Очевидно, объединяющія, организующія сознаніе чувствованія должны относиться ко второй категоріи. Единичный элементъ съ принадлежащимъ ему чувственнымъ тономъ, никогда не можетъ быть исключительнымъ содержаніемъ нашего сознанія. Въ каждомъ сознательномъ переживаніи имѣются по крайней мѣрѣ два различаемые между собой элемента, т. е.—два элемента и связывающее ихъ въ одно психическое цѣлое чувство различенія, «гетерота».

Актъ сравненія-различенія является самымъ элементарнымъ въ нашей психикѣ, и въ то же время представляетъ неотъемлемую составную часть рѣшительно всѣхъ сознательныхъ актовъ: гдѣ нѣтъ различенія, гдѣ не дифференцируются отдѣльныя качества или группы качествъ, и не противопоставляются другъ другу, тамъ нѣтъ и сознанія.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что абсолютное единство есть нѣчто, абсолютно чуждое сознанію. Уже въ простѣйшемъ изъ нашихъ переживаній неизбѣжно имѣется на лицо нѣсколько раздѣленныхъ элементовъ, и связывающая ихъ чувственная характеристика. Составъ этой послѣдней можетъ чрезвычайно усложниться. Такъ, напримѣръ, къ простому чувству разницы между противопоставленными содержаніями можетъ присоединиться характеристика одного изъ нихъ, какъ дѣйствительно «сущаго», другого, какъ только «кажущагося». Далѣе, противопоставленныя части въ однихъ случаяхъ различаются между собой чисто «качественно», напримѣръ, ощущенія цвѣта и звука, формы и запаха. Въ другихъ случаяхъ, это качественное различіе элементовъ осложняется представленіемъ «перехода» между данными качествами, (напримѣръ, оранжевымъ и краснымъ цвѣтомъ), т. е. представленіемъ одного или нѣсколькихъ элементовъ, принадлежащихъ къ этому переходу, и тѣмъ чувствомъ «между», которое опредѣляетъ порядокъ элементовъ всякаго непрерывнаго многообразія. Наконецъ, мысленное присоединеніе измѣрительной операціи и чувство тожества, отнесенное къ объекту до и послѣ измѣрительнаго преобразованія, приводятъ къ созданію чрезвычайно сложной категоріи «количественной разницы».

Къ этому необходимо еще добавить, что всѣ наши переживанія представляютъ, строго говоря, не «состоянія» сознанія, т. е. не покоящіяся сочетанія элементовъ и чувствованій, а процессы, акты: по мѣрѣ того, какъ вниманіе наше сосредоточивается на извѣстномъ объектѣ составныя части послѣдняго все болѣе и болѣе обособляются передъ нами, а связывающія ихъ чувствованія выступаютъ все ярче и ярче.

XV.

Припомнимъ теперь, какъ традиціонныя гносеологія характеризуетъ «апріорную», «формальную» природу познавательныхъ категорій: 1) категоріи не могутъ быть выведены изъ содер-

лаий опыта, и въ этомъ смыслѣ логически предшествуютъ опытнымъ даннымъ; 2) онѣ не возникаютъ, однако, р а н ѣ е опыта.—нѣтъ, онѣ сознаются только в ъ п р о ц е с с ѣ опыта, какъ его организующія формы, и въ то же время, какъ условія самого эмпирическаго воспріятія; 3) присущія «моему» разуму категоріи имѣютъ, тѣмъ не менѣе, «общезначимый» характеръ, т. е. функціонируетъ въ опытѣ любого разумнаго существа совершенно такъ же, какъ въ данномъ индивидуальномъ опытѣ.

Не трудно убѣдиться, что всѣ эти признаки характеризуютъ какъ разъ природу формирующихъ сознаніе чувствованій. Въ самомъ дѣлѣ. Чувствованія разсматриваемаго типа не связаны съ отдѣльными элементами опытнаго міра, и потому не могутъ быть найдены въ нихъ путемъ анализа,—они возникаютъ лишь в м ѣ с т ѣ съ той или другой комбинаціей элементовъ. Они не пребываютъ въ сознаніи, ни какъ нѣчто данное до опыта, ни какъ нѣчто выведенное изъ опыта, но функціонируютъ въ самомъ опытѣ, объединяя его разрозненныя содержанія въ единые познавательные акты. Такъ какъ отдѣльно отъ такихъ чувствованій элементы не могутъ быть содержаніемъ сознанія, то ничто не препятствуетъ назвать формирующія чувствованія «условіями» воспріятія опытныхъ данныхъ; необходимо только оговориться, что съ такимъ же правомъ «опытныя данныя» могутъ быть, въ свою очередь, названы условіями формирующихъ ихъ чувствованій.

Наконецъ, въ противовѣсъ чрезвычайно капризнымъ, индивидуально измѣнчивымъ чувствованіямъ удовольствія, неудовольствія и т. п., чувствованія, играющія познавательно-организующую роль, очень постоянны. Данный комплексъ элементовъ можетъ при одномъ состояніи нашего организма казаться намъ пріятнымъ, при другомъ—непріятнымъ, не говоря уже о безпредѣльномъ разнообразіи такихъ характеристикъ одного и того же комплекса со стороны различныхъ индивидуумовъ. Напротивъ, два элемента, однажды различенные нами, будутъ казаться различными при каждомъ новомъ актѣ ихъ сравненія; съ другой стороны, въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ, высказыванія «гетероты» не порождаютъ никакихъ недоразумѣній между различными людьми: если и бываетъ иногда, что одинъ человѣкъ не въ состояніи воспринять различіе тамъ, гдѣ воспринимаетъ его другой, то, какъ мы видѣли выше, это, вообще говоря, не мѣшаетъ

первому признать «объективный» характеръ за высказываніемъ второго.

Но, само собой разумѣется, общезначимость организующихъ чувствованій не имѣетъ того абсолютнаго характера, какой традиціонная гносеологія приписываетъ общезначимости своихъ «формальныхъ» категорій. Мы имѣемъ передъ собой не законченный фактъ, а лишь тенденцію соціально развивающагося познанія. Безконечные споры о самомъ содержаніи такихъ категорій какъ «сущность» или «причинность», наглядно доказываютъ, что процессъ «обобществленія» здѣсь далеко еще не законченъ. Одни и тѣ же слова «сущность», «причина» связаны у различныхъ индивидуумовъ съ очень различными комплексами чувствованій. Но дѣло, конечно, не только въ словахъ: несовпаденіе терминовъ скрываетъ за собой расхожденіе въ самой конструкціи познавательныхъ актовъ. Одинъ изъ области научнаго предвидѣнія довольствуется чувствованіемъ пассивнаго «привычнаго ожиданія» (англійскіе эмпирики). Другой осложняетъ этотъ комплексъ активно-экспериментальнымъ моментомъ: «если будетъ создано столько-то А, то возникнетъ столько-то В» (энергетическая причинность современнаго естествознанія = функціональная связь + экспериментально опредѣленное, «независимое перемѣнное», служащее непосредственнымъ пунктомъ приложенія активности экспериментатора + соизмѣримость затратъ и результатовъ). Третій чувствуетъ себя познавательно удовлетвореннымъ лишь въ томъ случаѣ, если ему удается такъ скомбинировать представленія, чтобы причина «понуждала» слѣдствіе; четвертый хочетъ, чтобы она «порождала» слѣдствіе; пятому причинная связь непонятна до тѣхъ поръ, пока слѣдствіе не «вытекаетъ» изъ причины аналитически (чувствованіе «тожества», какъ главное искомое) и т. д., и т. п.

Какъ видимъ, недоразумѣнія съ терминами возникаютъ здѣсь только потому, что въ аналогичныхъ познавательныхъ актахъ (т. е. въ актахъ, имѣющихъ одно и то же значеніе для жизненной борьбы человѣка, напримѣръ, «предвидѣніе»), у различныхъ людей функціонируютъ далеко не одинаковыя по составу организующія чувствованія. И, само собой разумѣется, функціонируютъ не съ одинаковымъ успѣхомъ. Практическій успѣхъ здѣсь, какъ и вездѣ, является послѣднимъ критеріемъ истины, основнымъ моментомъ, опредѣляющимъ эволюцію познавательныхъ категорій,

гибель неприспособленныхъ, выживаніе, укрѣпленіе и обобществленіе приспособленныхъ. Чѣмъ тѣснѣе и планомѣрнѣе та связь сотрудничества, которая объединяетъ людей въ одно соціальное цѣлое, тѣмъ легче совершается этотъ прогрессъ познавательныхъ формъ отъ случайной, индивидуальной значимости къ систематической, объективной общезначимости.

XVI.

Какъ бы то ни было, единство между отдѣльными элементами сознанія всегда и вездѣ устанавливается специфическими чувствованіями. Это одинаково справедливо и по отношенію къ совершенно индивидуальнымъ, «субъективнымъ» грезамъ, и по отношенію къ наиболѣе прочнымъ, незыблемымъ продуктамъ соціально организованнаго опыта. Но въ этомъ единствѣ сознательнаго акта отнюдь не растворяются безъ остатка отдѣльныя составныя его части. Правда, нерѣдко тотъ же самый элементъ, въ различныхъ комбинаціяхъ, воспринимается не совсѣмъ одинаково. Такъ, напримѣръ, нѣсколько простыхъ тоновъ, соединяясь вмѣстѣ, даютъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, о д и н ъ тонъ болѣе богатаго тембра, т. е. какъ бы утрачиваютъ свое индивидуальное бытіе, порождая совершенно новый фактъ опыта. И пока въ звукѣ сложнаго тембра мы не различаемъ непосредственно никакихъ составныхъ частей, до тѣхъ поръ онъ вовсе не является для насъ «сложнымъ» образованіемъ, до тѣхъ поръ мы склонны видѣть въ тембрѣ такую же элементарную характеристику звука, какъ въ интенсивности, или высотѣ, такъ сказать, «третье измѣреніе» звукового многообразія. Но, какъ извѣстно, на этой стадіи воспріятіе тембровъ не останавливается. Пользуясь резонаторами Гельмгольдца или же просто упражняясь въ сравненіи различныхъ тембровъ, мы въ концѣ концовъ научаемся выдѣлять нѣкоторые элементарные тоны, опредѣляющіе собой характеръ тембра. При этомъ, въ самомъ непосредственномъ воспріятіи тембръ перестаетъ быть абсолютно простымъ «качествомъ» звука, онъ становится «комплексомъ», и въ различныхъ комплексахъ такого рода мы опознаемъ отдѣльные элементы, какъ тожественные, какъ «одни и тѣ же». Когда современный эмпирикъ говоритъ, что наши переживанія суть различные комплексы элементовъ, онъ не имѣетъ въ виду ничего другого, кромѣ констатаціи этого неоспоримаго факта.

Каждое переживаніе, несмотря на все свое единство, разлагается дѣятельностью дифференцирующаго и абстрагирующаго вниманія на элементарныя ощущенія и чувствованія; причемъ, само собой понятно, что «элементарности» психическихъ атомовъ отнюдь нельзя приписывать абсолютнаго значенія: это, просто тотъ уровень, котораго въ данный моментъ достигъ прогрессъ опознанія.

Количество такихъ фактически обособившихся «элементовъ» человѣческой психики чрезвычайно велико, но все же, конечно, и для даннаго уровня развитія имѣетъ вполнѣ опредѣленную величину. Такимъ образомъ, теоретически отнюдь не исключена возможность найти для психической жизни нѣчто въ родѣ знаменитой универсальной формулы Лапласа. Зная всѣ наличные элементы данной психики и всѣ простыя и сложныя чувствованія, могущія служить связующими звеньями, мы могли бы точно опредѣлить всѣ переживанія, возможныя для человѣка, достигшаго опредѣленной степени развитія. Зная законы смѣны переживаній, мы могли бы заранѣе вычислить наступленіе любого изъ нихъ съ такою же точностью, съ какою астрономъ вычисляетъ моментъ солнечнаго затменія.

Бергсонъ, съ цѣлью *a priori* устранить эту антипатичную для него перспективу, прибѣгаетъ, какъ мы видѣли, къ довольно героическому средству. Онъ вводитъ въ единство индивидуальнаго переживанія не только то, что въ немъ фактически присутствуетъ, но и все то, что *можетъ* въ него вступить, какъ реальное, «снабженное датою», воспоминаніе. Выше уже было показано, что въ основѣ этой конструкціи лежитъ внутренно противорѣчивое, лишенное всякаго смысла, понятіе «безсознательной психики», или, что то же, «безсознательнаго сознанія», «images non imaginées», какъ выражается самъ Бергсонъ. Поскольку же мы ограничимся фактическими, дѣйствительно переживаемыми содержаніями сознанія, о такомъ вхожденіи всего прошлаго человѣка въ каждый реальный моментъ его жизни не можетъ быть и рѣчи. Несознаваемое прошлое оказываетъ вліяніе на настоящее лишь въ томъ смыслѣ, что оно опредѣляетъ собой степень развитія психики, степень ея дифференцированности. И, если мы сами обладаемъ той степенью дифференцированности, которая достигнута изучаемой нами психикой, то нѣтъ никакой логической несообразности въ допущеніи, что извѣстная математическая формула позволитъ намъ *сразу*, т. е. безъ предварительнаго переживанія

всей исторіи данной психики, возсоздать ея состояніе въ интересующій насъ грядущій моментъ.

Но само собой разумѣется, наша претензія научно предвидѣть психическіе процессы должна быть признана *а п р і о р и* несостоятельной въ томъ случаѣ, если по уровню своего развитія мы стоимъ *н и ж е* изучаемой психики, если для насъ еще недоступны, еще не существуютъ тѣ или другія содержанія, уже обособившіяся въ этой послѣдней. Тогда данныя, на основаніи которыхъ должна быть построена универсальная формула предвидѣнія, окажутся явно недостаточными, и какой бы геніальной математической фантазіей ни обладалъ творецъ формулы, послѣдняя не сможетъ охватить всего того эмпирическаго матеріала для котораго она предназначается.

Однимъ словомъ, между предвидѣніемъ физическихъ и психическихъ явленій нѣтъ *п р и н ц и п і а л ь н о й* разницы. И въ томъ и въ другомъ случаѣ мы предвидимъ новыя комбинаціи извѣстныхъ намъ элементовъ, пользуясь тѣми, уже установленными, «закономѣрностями», которыя связываютъ эти элементы между собой. Мы въ правѣ претендовать, и въ своихъ научныхъ построеніяхъ дѣйствительно претендуемъ на вполнѣ точное предвидѣніе дальнѣйшей эволюціи космоса,—но при одномъ, всегда подразумѣваемомъ, условіи: предполагается, что способы воспріятія космическихъ процессовъ остаются тѣми же самыми, какими мы располагаемъ въ настоящее время. Ни въ коемъ случаѣ не можемъ мы предвидѣть тѣхъ грядущихъ открытій, которыя введутъ въ міръ человѣческаго опыта новыя данныя, потребуютъ новыхъ обобщеній, отмѣняющихъ или, по крайней мѣрѣ, ограничивающихъ роль самыхъ «всеобщихъ» изъ нашихъ теперешнихъ научныхъ орудій.

О такомъ предвидѣніи не мечтаетъ, конечно, никто изъ эмпириковъ; никто изъ нихъ не думаетъ, что можно найти такую познавательную конструкцію, которая бы предопредѣляла собой весь ходъ дальнѣйшаго развитія человѣчества. Человѣческій прогрессъ никогда не превратится въ *а н а л и т и ч е с к и* размѣренное извлеченіе выводовъ изъ нѣкоторой разъ навсегда данной формулы, онъ навсегда сохранитъ свой *д і а л е к т и ч е с к і й*, т. е. «разрушительно-творческій» характеръ. Ни одно синтезирующее опытъ построеніе, какимъ бы универсальнымъ оно ни казалось, не можетъ быть признано абсолютнымъ. Эпохи синтеза всегда будутъ смѣняться эпохами разрушенія сложившихся познавательныхъ

ныхъ формъ, чтобы, въ свою очередь, уступить мѣсто новымъ, болѣе широкимъ синтезамъ, включающимъ въ себя организующія формы превзойденной ступени познанія, какъ частный и подчиненный моментъ. Коллективизмъ, съ его мощной системой планомѣрнаго, всечеловѣческаго сотрудничества, устранитъ слѣпую власть соціальныхъ формъ надъ людьми и неразрывно связанное съ ней чувство «абсолютности», «неприкосновенности», «вѣчности», «святости» всякихъ вообще законовъ и категорій, — тѣмъ самымъ будетъ уничтожена главная причина, обусловливающая въ настоящее время застываніе категорій, ихъ упорное сопротивленіе натиску опыта даже въ тѣхъ случаяхъ, когда для всѣхъ ясно, что данная форма познанія изъ орудія развитія превратилась въ его оковы. Этотъ переворотъ чрезвычайно ускоритъ темпъ прогресса, но отнюдь не отмѣнитъ его діалектическаго характера.

Ошибка Бергсона заключается въ томъ, что онъ придастъ этой непредвидимости развитія абсолютный характеръ; для него возможность научнаго предвидѣнія исключена въ области всякаго жизненнаго процесса, хотя бы послѣдній проходилъ стадіи, давно уже превзойденныя изслѣдователемъ. Жизнь, «какъ таковая», по самому «существу своему» не можетъ быть объектомъ научнаго познанія,— вотъ тотъ тезисъ, который продиктовало Бергсону его мистическое чувство, и для защиты котораго потребовалось конструировать такія псевдо-понятія, какъ «élan vital», «images non imaginées» и т. п. разновидности «безсознательнаго сознанія».

Едва ли нужно пояснять, что непредвидимость радикально преобразующихъ опытъ открытій и изобрѣтеній, вообще творческихъ моментовъ грядущей исторіи, отнюдь не исключаетъ возможности историческаго предвидѣнія вообще. Когда мы, напримѣръ, «предвидимъ» наступленіе соціализма, мы предвосхищаемъ не какія-либо абсолютно новыя для насъ содержанія жизни, а извѣстный соціальный актъ, потребность въ которомъ уже сознана, техническія условія котораго уже даны, совершеніе котораго задерживается извѣстными намъ сопротивленіями. Такое предвидѣніе столь же законно, какъ и допускаемое самимъ Бергсономъ предвидѣніе «поступка» знакомаго намъ человѣка въ точно опредѣленныхъ условіяхъ.

XVII.

Намъ остается указать вкратцѣ на ту роль, которая приписывается нашему «я» защитниками абсолютнаго единства сознанія.

«Является ли моя личность въ каждый данный моментъ единой или множественной?—спрашиваетъ себя Бергсонъ. «Если я скажу, что она едина, изнутри меня поднимаются протестующіе голоса, голоса ощущеній, чувствованій, представленій, на которыя распадается моя личность. Но если я объявляю ее совершенно множественной, то противъ этого съ такою же силой протестуетъ мое сознаніе оно утверждаетъ, что мои ощущенія, мои чувствованія, мои мысли суть только абстракціи, которыя я отвлекаю отъ себя самого, что каждое изъ моихъ состояній подразумѣваетъ («implique») всѣ остальныя» *)

Для Бергсона, какъ мы уже знаемъ, конкретное я въ каждый данный моментъ своего существованія включаетъ въ себя всю свою исторію, всю совокупность когда-либо имъ пережитого. Традиціонная гносеологія ограничивается болѣе скромнымъ представленіемъ о синтезирующей функціи «я»; она допускаетъ реальную смѣну состояній сознанія,—но самая эта смѣна осуществляется при посредствѣ неизмѣннаго познающаго «я», которое, такъ сказать, процѣживаетъ потокъ явленій сквозь сито принадлежащихъ ему познавательныхъ формъ.

При этомъ гносеологи стараются строго различать «я», объединяющее сознаніе, какъ «трансцендентальное» или «формальное» отъ того «эмпирическаго» «я» обыденной жизни, которое имѣется въ виду въ такихъ, напримѣръ, высказываніяхъ: «мнѣ» больно, это вещь «моя» и т. п.

Но если мы спросимъ, чѣмъ же именно по самому своему содержанію гносеологическое «я» отличается отъ эмпирическаго, то намъ отвѣтятъ, что вопросъ нашъ нелѣпъ, что онъ свидѣтельствуетъ лишь о нашей неспособности отрѣшиться отъ грубаго «психологизма» и возвыситься до истинно-гносеологической точки зрѣнія: трансцендентальное «я» не имѣетъ никакого содержанія, это чистая форма, объединяющая всякое содержаніе, и какъ разъ въ этомъ его отличіе отъ всего эмпирическаго. Безспорная сила этого гносеологическаго отвода состоитъ въ квалификаціи эмпиризма, какъ чего то «грубаго», «примитивнаго»,—такого рода квалифи-

*) Evolution créatrice, стр. 280.

кціи оказываютъ мощное, по истинѣ гипнотизирующее воздѣйствіе на современную интеллигентную толпу съ ея жаждой утонченности во всемъ и во что бы то ни стало. Что же касается аргументаціи, то она вызываетъ серьезныя сомнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, разъ мы говоримъ о гносеологическомъ субъектѣ, значитъ, мы что-нибудь о немъ з н а е м ъ; но знать мы можемъ только о томъ, что является содержаніемъ нашего сознанія,—это простая тавтологія. Если гносеологическое «я» дѣйствительно не имѣетъ никакого содержанія, то оно не можетъ быть и содержаніемъ нашего сознанія, а слѣдовательно не можетъ быть также содержаніемъ разумнаго, имѣющаго какой-либо «смыслъ» высказыванія; тогда слово «субъектъ» есть только комплексъ буквъ. Поскольку же мы дѣйствительно сознаемъ наше «я», какъ форму психической жизни, оно, подобно всѣмъ другимъ «формамъ» должно имѣть вполнѣ опредѣленное, специфическое содержаніе, должно быть однимъ изъ организующихъ нашу психику ч у в с т в о в а н і й.

Вопросъ, слѣдовательно, ставится такимъ образомъ: отлично ли гносеологическое чувство «субъективности» всѣхъ содержаній опыта («мой» опытъ) отъ того чувства «собственности», «принадлежности мнѣ», которое въ эмпирической жизни раздѣляетъ міръ на двѣ неравныя части: «мое» и «чужое»? И уже одинъ тотъ фактъ, что несмотря на болѣе чѣмъ столѣтнюю разработку гносеологической проблемы, несмотря на усилія многихъ десятковъ мыслителей, до сихъ поръ не выработаны различные термины для обозначенія гносеологическаго и эмпирическаго «я»,—уже одинъ этотъ фактъ указываетъ, что въ обоихъ случаяхъ имѣется нѣчто тожественное

Эволюція словъ неразрывно связана съ эволюціей означаемаго ими содержанія, и если въ данной области потребность въ разграниченіи понятій, преслѣдуемая упорно и методически, не привела къ разграниченію терминовъ, то это отнюдь не случайность, это значитъ, что была реальная потребность, и притомъ столь же сильная, въ сохраненіи одного и того же слова. Такое на первый взглядъ совершенно загадочное противоборство двухъ взаимно исключающихъ другъ друга стремленій, можетъ быть объяснено только слѣдующимъ образомъ: самое чувство «субъективности» въ гносеологическихъ и въ эмпирическихъ переживаніяхъ одно и то же, но область его примѣненія, его организующая функція въ томъ и другомъ случаѣ различна. Въ то время какъ эмпирически «мое» охватываетъ всегда лишь часть даннаго въ опытѣ содержанія, противо-

поставляя себя чему-либо «чужому», въ гносеологіи нѣтъ чужого, здѣсь это чувствованіе «мое» становится универсальнымъ: «весь міръ есть мое представленіе».

Но тутъ мы наталкиваемся на новую трудность. Дѣло въ томъ, что область, организуемая чувствованіемъ «принадлежности мнѣ», не только фактически ограничивается всегда, чѣмъ-либо «мнѣ не принадлежащимъ», но и по самой природѣ своей, «мое» не можетъ быть содержаніемъ сознанія, разъ одновременно съ нимъ не дано «чужого». Чувствованіе «мое—чужое», какъ и многія другія категоріи (если не всѣ), представляютъ два противоположные полюса нѣкоторой пары, функціонирующей въ сознаніи, какъ одно нераздѣльное цѣлое. Такія чувствованія, какъ «мое», «существенное», «реальное» требуютъ, чтобы въ томъ же актѣ сознанія, гдѣ онѣ возникли, присутствовало «чужое», «несущественное», «какущееся». Внѣ этой антитезы «категоріи» субъективности, сущности, реальности и т. п. «не имѣютъ смысла», т. е. соотвѣтственныя чувствованія фактически не могутъ имѣть мѣста.

Такимъ образомъ, на первый взглядъ, теоретико-познавательное «я» представляетъ нѣкое психологическое чудо: парное чувствованіе, возникающее лишь на почвѣ разсѣченія данныхъ опыта на двѣ противопоставленныя другъ другу области, здѣсь утрачиваетъ свой противоположный полюсъ и обнимаетъ всю вселенную.

Имѣются однако серьезныя основанія думать, что и въ психикѣ гносеолога категорія «я» функціонируетъ лишь до тѣхъ поръ, пока ей противопоставляется какая-нибудь «вещь въ себѣ», какъ нѣчто «моему» опыту «чуждое», для меня «недоступное», «мнимое», «фиктивное» и т. п. Такія характеристики, какъ «мнимое» и «фиктивное» не уничтожаютъ реальности противопоставленія, ибо въ качествѣ психическаго факта, въ качествѣ одного изъ представленій даннаго философа, «мнимая вещь въ себѣ» столь же реальна, какъ и любая вещь повседневнаго опыта. Но какъ только нашъ субъективистъ одерживаетъ побѣду надъ всякими содержаніями, не входящими въ сферу «его» опыта, какъ только онъ перестаетъ интересоваться всѣми этими «фикціями» и пытается замкнуться въ рамкахъ своего сознанія, онъ съ удивленіемъ замѣчаетъ, что в с ѣ данныя этого сознанія нельзя характеризовать какъ «мои». Вселенское «солипсистское» чувство собственности умираетъ, едва достигнувъ вершины своего господства,—и въ предѣлахъ того, что казалось «моимъ», пока велась борьба за солипсизмъ на почвѣ завершеннаго

солипсизма немедленно возникаетъ новое дѣленіе на «мое» и «чужое». Тогда говорятъ, что внутри «большого я» находится еще «маленькое я», или «мое я въ самомъ себѣ полагаетъ различеніе на «я» и «не я»... Эти и многія другія, еще болѣе замысловатыя, философскія фразы описываютъ очерченную нами выше психологическую діалектику солипсизма, и въ то же время наглядно иллюстрируютъ, какимъ образомъ одно и то же «я» расщепляется на формально-всеобъемлющее и эмпирически-ограниченное

До сихъ поръ мы называли «я» чувствованіемъ Однако, въ дѣйствительности это отнюдь не простое, элементарное чувствованіе, а очень сложный и притомъ исторически-измѣнчивый комплексъ. Характеристика современнаго, типично-буржуазнаго «я» удачно сдѣлана Джемсомъ въ его извѣстномъ учебникѣ по психологіи Я приведу здѣсь только два наиболѣе важные момента изъ всего того, что по мнѣнію Джемса конституируетъ эмпирическое «я».

Во-первыхъ, это чувствованіе своеобразной «интимности», ни съ чѣмъ не сравнимой цѣнности, окрашивающее всѣ ощущенія, функціонально связанныя съ моимъ тѣломъ, и въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя локализируются въ самомъ моемъ тѣлѣ Этому чувству противостоитъ полярно противоположный чувственный тонъ «холодности», «безразличности» переживаній другого человѣка. Джемсъ констатируетъ однако, что такого рода интимность можетъ и переступить предѣлы переживаній нашего собственнаго тѣла. можетъ распространиться на психику наиболѣе близкихъ намъ людей и даже на вещи, особенно милыя нашему сердцу. Такое расширеніе физической личности человѣка Джемсъ ограничиваетъ его «домашними», его семьей и вообще живыми и мертвыми членами комплекса «home»*),—и по отношенію къ буржуазному самосознанію это ограниченіе безспорно правильно.

Другой выдающійся моментъ въ самосознаніи современнаго «я», —чувство собственности, сознаніе своего исключительнаго права распоряжаться тѣми или другими содержаніями опытнаго міра, «jus utendi et abutendi» на нихъ (право пользоваться и злоупотреблять); чувство это принимаетъ особенно яркій характеръ, «я» испытывается особенно интенсивно, когда вещами, подлежащими «употребленію и злоупотребленію», оказываются другіе люди. Господство, начиная отъ самыхъ примитивныхъ и грубыхъ

*) „Домашній очагъ“.

формъ физическаго насилія и кончая самыми возвышенными его проявленіями въ области «благороднаго» честолюбія и даже зачастую въ области «безкорыстной» любви,—вотъ что по преимуществу расширяетъ и возвышаетъ современное «я». Подчиненіе вещей человѣку сознается послѣднимъ, какъ «собственность», усиливающая его личное самоощущеніе, лишь постольку, поскольку эта собственность ограничиваетъ власть надъ вещами другихъ людей и слѣдовательно возвышаетъ собственника надъ этими послѣдними.

Современная индивидуалистическая психика переливаетъ самыми разнообразными красками, на первый взглядъ очень далекими отъ этихъ двухъ основныхъ паръ чувствованій въ комплексъ буржуазнаго «я», (т. е. «интимность—безразличіе» и «господство—подчиненность»). Такъ, напримѣръ, зачастую человѣкъ увѣряетъ себя и почтеннѣйшую публику, что онъ считаетъ истинно своимъ лишь то, что въ немъ «оригинально», что возвышаетъ его надъ обыденнымъ среднимъ уровнемъ, что даетъ ему возможность «творить». Но вы будете очень наивны, если умозаключите отсюда, что для нашего возвышеннаго индивидуалиста дорогъ и цѣненъ только процентъ творчества, какъ таковой. Ему, какъ оказывается, необходимо, кромѣ того, чтобы его творческая оригинальность была признана особой заслугой, создала для него господствующее положеніе аристократа среди ординарной и пошлой толпы. О, конечно, рѣчь идетъ только о «духовномъ» аристократизмѣ, только объ «идейномъ» господствѣ! Но и въ такой смягченной, «облагороженной» формѣ индивидуалистическая жажда господства можетъ только парализовать дѣйствительное, т. е. объективно-творческое вдохновеніе. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ на минуту, что та косность, застойность, которая мѣшаетъ толпѣ цѣнить оригинальные продукты творчества, исчезла безслѣдно. Всякій новый шагъ впередъ, всякая дѣйствительно творческая мысль немедленно і хватывается, перерабатывается и усваивается общечеловѣческимъ опытомъ, входитъ въ систему общезначимыхъ пріобрѣтеній коллективнаго сознанія. Творчество достигаетъ здѣсь высшаго расцвѣта, но продукты его такъ быстро принимаютъ «объективный» характеръ, что совершенно нѣтъ почвы для того «пафоса разстоянія», который могъ бы вознести героевъ творчества, какъ особую духовно-аристократическую касту, надъ плебейской толпой. Для «духовнаго аристократа», безъ этого пафоса разстоянія, безъ этого сладостнаго чувства возвышенія надъ другими, процессъ творчества утрачи-

ваетъ значительную долю своей привлекательности. Духовный аристократъ искренно жалуется на косность толпы, поскольку отъ признанія толпы зависитъ его личное возвышеніе, но онъ почувствовалъ бы себя въ высшей степени несчастнымъ, если бы толпа совершенно утратила свою косность. Его идеалъ—такое воспитаніе толпы, чтобы эта послѣдняя несмотря на всю свою пошлость, несмотря на всю свою неспособность оцѣнить произведенія нашего творца, «априори» преклонялась передъ нимъ, добровольно служила пьедесталомъ для аристократа, не понимая и даже не смѣя помыслить о пониманіи его высокихъ духовныхъ качествъ.

Въ настоящее время идеалъ этотъ рѣдко формулируется во всей своей чистотѣ и полнотѣ. Современнымъ аристократамъ духа не хватаетъ той внутренней цѣльности, той увѣренности въ себѣ, которая позволила ихъ великому прообразу, Платону, создать конкретный, законченный образъ идеальнаго государства, управляемаго философами. Но если современное духовно-аристократическое самочувствіе значительно уступаетъ классическимъ образцамъ по глубинѣ, зато оно необычайно превосходитъ ихъ по широтѣ своего разлива; оно принимаетъ порою по истинѣ эпидемическій характеръ, такъ что рѣшительно каждый членъ «пошлой» буржуазной толпы начинаетъ чувствовать себя аристократомъ,—и чѣмъ онъ пошлѣе, тѣмъ аристократичнѣе.

Аристократизмъ духа интересенъ, какъ уродливый продуктъ двухъ противоположныхъ началъ, точное разграниченіе которыхъ чрезвычайно важно для пониманія психологіи, какъ современнаго индивидуализма, такъ и его антипода—современнаго соціализма.

Соціалисты нерѣдко указываютъ на сознаніе растущей «мощи», «силы» человѣка, его «власти» надъ природой, какъ на основное чувство, одухотворяющее ихъ дѣятельность. Съ перваго взгляда можно подумать, что въ составѣ этого чувства есть нѣчто общее съ индивидуалистическимъ пафосомъ «собственности», расширяющей «власть» нашего «я». Но въ дѣйствительности та «власть», къ которой апеллируютъ соціалисты, прямо противоположна «власти», согрѣвающей индивидуалистическое сердце. Соціалистическое чувство совершенно не носитъ на себѣ печати «я»; соціалистъ воспринимаетъ ростъ человѣческой «мощи», когда передъ его умственнымъ взоромъ возникаютъ новыя объективныя возможности: возможность соединить элементы окружающаго міра въ новую, невѣдомую доселѣ гармонію, возможность подчинить человѣческимъ силамъ

новыя не покоренныя еще силы природы Кто именно фактически используетъ эти возможности,—это въ данной связи не имѣетъ значенія, это не входитъ въ составъ даннаго переживанія, всецѣло поглощеннаго объективчыми, безлично-человѣческими цѣнностями, какъ таковыми. Съ коллективистической точки зрѣнія важно лишь одно, чтобы всякая уже осуществленная возможность была использована въ максимальной степени и при условіяхъ, обезпечивающихъ максимальную интенсивность дальнѣйшаго общечеловѣческаго роста; эту цѣль и преслѣдуетъ общественный идеалъ соціализма. Въ индивидуалистической психикѣ чувство «мощи» вовсе не связано съ ростомъ объективныхъ возможностей, здѣсь требуется только, чтобы пріобрѣтенія, уже завоеванныя прогрессомъ человѣчества, стали орудіемъ «моего» возвышенія, а не чьего либо другого. Въ первомъ случаѣ, мы имѣемъ пафосъ «творчества», во второмъ, пафосъ «присвоенія» въ ихъ чистомъ видѣ. Современная психика всегда представляетъ изъ себя смѣсь этихъ взаимно парализующихъ другъ друга стремленій,—въ буржуазной средѣ, съ громаднымъ преобладаніемъ «присвоительной» тенденціи.

Этими общими указаніями на основные психологическіе моменты современнаго «самосознанія», я здѣсь и ограничусь. Роль индивидуализма въ самомъ процессѣ художественнаго и научнаго творчества обстоятельно разобрана въ другихъ статьяхъ настоящаго сборника.

А. ЛУНАЧАРСКІЙ.

МѢЩАНСТВО И ИНДИВИДУАЛИЗМЪ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

I.

Однимъ изъ вопросовъ, особенно рѣзко выдвинувшихся въ публицистикѣ столь быстро и пышно отцвѣтшихъ дней свободы—былъ вопросъ о мѣщанствѣ.

Горькому тогда принадлежала честь рѣшительно бросить перчатку всему темному, или, вѣрнѣе, нестрому царству мѣщанскому отъ лица новаго, краснаго царства пролетаріата и стать за это мишенью озлобленнѣйшей ругани публицистовъ нашей пресловутой чистой, внѣклассовой и внѣсословной интеллигенціи. При этомъ на первыхъ же порахъ намѣтились двѣ тенденціи. Болѣе типичные представители молодой, неоперившейся, заносящейся и фантазирующей интеллигенціи, (но все же «чистой», «внѣклассовой») употребляли всѣ усилія, чтобы показать свое негодованіе пришельцу изъ низовъ за его смѣшеніе ихъ, настоящихъ «соколовъ», съ породою ужей. О, они тоже враги мѣщанства, мало того, они-то и являются самыми рѣшительными его врагами, даже единственными, пожалуй,—(пролетаріатъ погрязъ въ мѣщанствѣ),—но они не могутъ достаточно выразить свое негодованіе на грубость мысли этого человѣка, который такъ расширилъ рамки понятія, что захватилъ въ нихъ столько кумировъ «чистой интеллигенціи», да даже и ее самое!

Другая часть интеллигенціи, болѣе кадетская, осѣдлая, положительная, въ. лицѣ проф. Овсянико-Куликовскаго, этой слишкомъ тяжелой артиллеріи нашей литературной критики, заявила: что же такое мѣщанство? Въ этомъ словѣ ничего обиднаго нѣтъ; гражданинъ всякаго благоустроеннаго культурнаго общества, не нуждающійся въ бунтѣ, а мирно работающій въ рамкахъ общества, и есть мѣщанинъ, пока же человѣкъ бунтуетъ, хотя бы борясь за самое мѣщанское благополучіе, пока онъ находится въ контрахъ съ даннымъ порядкомъ,—онъ не мѣщанинъ. Стало быть мѣщанинъ,

это побѣдоносный бунтарь, а бунтарь, это не побѣдившій еще мѣщанинъ.

Намъ некогда сейчасъ останавливаться на любопытныхъ страницахъ этой полемики въ «свободные дни». Одно ясно —что вопросъ оставленъ намъ въ наслѣдство.

II.

Крупное мѣщанство, многоимущая наша буржуазія, болѣе или менѣе игнорируетъ нападки «неистовыхъ лѣвыхъ» на мѣщанство. У нихъ есть другіе интересы. Даже выработку своей, обыкновенно незамысловатой, идеологіи она готова представить тому или другому вольнонаемному представителю «третьяго элемента». Коренное мелкое мѣщанство города и деревни: ремесло, мелкая торговля,—точно также формулируетъ свой идеалъ черезъ посредство интеллигенціи, часто примыкающей къ лагерю мѣщанъ, petite bourgeoisie,—совершенно искренне. Поэтому, главнымъ образомъ, именно интеллигенціи внѣклассовой, «чистой», приходилось считаться съ нападеніемъ слѣва. Ее, «чистую», зачисляли въ разрядъ мѣщанъ, толковали ее, какъ своеобразную часть, любопытную разновидность мелкой буржуазіи, и она должна была защищаться.

Политически интеллигенція настолько безсильна, что всегда бываетъ вынуждена или примкнуть къ какому-либо классу или опереться на него. Сознавшая себя интеллигенція, если только она не повертывается безнадежно спиною къ политикѣ, политически опирается на мелкую буржуазію (т. н. радикальныя партіи),—но не то идеологически. Идеологія—это та область, въ которой интеллигентъ чувствуетъ себя болѣе или менѣе мастеромъ. Интеллигенція доставляетъ идеологическихъ кондотьеровъ пера всѣмъ другимъ классамъ, иной разъ цинично и за мзду, иной разъ искренне примыкающихъ къ той или другой внушительной силѣ. Но бываютъ условія, когда интеллигенція съ большимъ успѣхомъ вырабатываетъ собственную «общечеловѣческую», «внѣклассовую» идеологію, когда она дѣлаетъ попытки идеологически сконцентрироваться, выдѣлиться, «стать выше» другихъ классовъ и партій. Этотъ процессъ, давно уже тянувшійся въ Россіи, выступаетъ теперь въ послѣреволюціонный періодъ или, лучше сказать, въ періодъ междуреволюціонный, съ особенной силой. Мы не можемъ не констатиро-

вать факта дѣятельной выработки литературы, критики, философіи и даже религіи для внѣклассоваго всечеловѣка интеллигента.

Концентрирующаяся интеллигенція рѣзко борется съ вліяніемъ пролетаріата, подтягивая къ себѣ свое лѣвое крыло, одно время довольно тѣсно слившееся съ рабочимъ классомъ. Но съ другой стороны, она не менѣе, пожалуй, рѣзко старается оттѣнить безусловное свое анти-мѣщанство. Между тѣмъ публицисты пролетаріата склонны считать ея концентрацію и всѣ ея идеологическія конструкціи и взлеты работой мѣщанской, склонны полагать что чѣмъ всечеловѣчнѣе и чище интеллигенція, тѣмъ опредѣленнѣе и звучнѣе слышатся въ ея «сицъ вѣрую» мѣщанскія ноты. Столкновеніе тутъ неизбѣжно Идейное столкновеніе это въ настоящую историческую минуту пріобрѣтаетъ своеобразный характеръ: это не борьба пролетарскаго и мѣщанскаго міра за интеллигенцію Время узкой, особыми условіями создавшей, борьбы этого типа прошло, время широкой эпической борьбы пролетаріата съ буржуазіей за всю науку и все искусство еще придетъ, незадолго до окончательной побѣды новаго міра Это пока борьба пролетарскаго авангарда съ процессомъ концентраціи интеллигенціи въ якобы независимую, безпартійную или, по меньшей мѣрѣ, вѣклассовую силу, причемъ цѣлью этой борьбы является отторженіе отъ этой концентраціи или предостереженіе противъ нея—ея сознательнаго лукавства или еще болѣе безсознательнаго самообмана—лучшихъ элементовъ интеллигенціи, могущихъ быть цѣнными союзниками пролетаріату

III.

Руководясь совершенно различными критеріями при опредѣленіи границъ царства мѣщанскаго, публицисты пролетаріата и публицисты интеллигенціи приходятъ, конечно, къ различнымъ результатамъ Но путаница еще увеличивается отъ того, что ни въ лагерѣ организующейся интеллигенціи, ни въ лагерѣ организованнаго пролетаріата на выработалось по этому вопросу единаго господствующаго для даннаго лагеря воззрѣнія.

Но и этого мало. Мѣщанство явленіе крайне сложное. Тутъ нельзя отдѣлаться побѣдоносной формулировкой, кристально прозрачнымъ и даже «общеобязательнымъ» опредѣленіемъ, тутъ необходима историческая и соціологическая классификація. Въ самомъ

дѣлѣ, господинъ Бердяевъ, напримѣръ, убѣжденъ, что пролетаріатъ, организующійся подъ знаменемъ С.-Д., принадлежитъ къ царству мѣщанъ. но онъ полагаетъ, въ то же время, что обладатели и защитники капитала относятся туда же, однако, онъ не можетъ не видѣть, что эти двѣ «разновидности мѣщанъ» находятся другъ съ другомъ въ рѣшительной, смертельной борьбѣ, и выдвигаютъ совершенно разные идеалы общественной жизни. Съ другой стороны мы присутствуемъ при такихъ поучительныхъ явленіяхъ, какъ полемика Струве съ Мережковскимъ, Бердяева съ Розановымъ, или при такихъ курьезахъ, какъ полемика реалиста Философова съ богоискателемъ Философовымъ. и мы отлично знаемъ, что и Струве, и Мережковскій, Бердяевъ и Розановъ, и оба лика Философова—все это несомнѣннѣйшее мѣщанство... Но все же это разные оттѣнки, и задача въ томъ, чтобы показать ту общую мѣщанскую подоплеку, которая играетъ разными цвѣтами у всѣхъ этихъ джентльменовъ.

Все это приводитъ насъ къ тому заключенію, что для выясненія вопроса необходимъ хотя бы общій анализъ этого огромнаго культурно-историческаго явленія—мѣщанства.

Во второй части настоящей статьи мы и попробуемъ дать опытъ такого анализа.

Но введеніемъ въ эту общую часть послужитъ для насъ критика одной изъ лобопытнѣйшихъ попытокъ противной стороны солидно укрѣпить свои позиціи. Мы имѣемъ въ виду выходящую уже вторымъ изданіемъ книгу г. Иванова-Разумника «Исторія русской общественной мысли». Читатель не посѣтуетъ на насъ за обстоятельный разборъ общественной философіи этого писателя, ибо книга его имѣетъ и симптоматическое значеніе, и извѣстное вліяніе на умы читателей. Къ тому же разборъ положеній противника, наиболѣе систематично изложившаго свои воззрѣнія по интересующему насъ вопросу, послужитъ къ вящшему уясненію нашей собственной позиціи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МІРОСОЗЕРЦАНІЕ ЭПИГОНА НАРОДНИЧЕСТВА.

Двухтомное сочиненіе г. Иванова-Разумника расходится уже вторымъ изданіемъ. И это понятно Даже вдвойнѣ понятно. Во-пер-

выхъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, книга впервые представляетъ публикѣ опытъ систематической исторіи развитія русской общественной мысли, исторіи болѣе или менѣе полной. При этомъ надо отдать справедливость г. Иванову-Разумнику: онъ много и внимательно читалъ, и многочисленныя часто блестящія, всегда интересныя цитаты изъ сочиненій корифеевъ нашей общественной мысли могутъ украсить хоть какую книгу. Болѣе того, какъ сборникъ избранныхъ мыслей выдающихся писателей въ историческомъ и болѣе или менѣе систематизированномъ порядкѣ—книга Разумника. А такъ какъ послѣ революціи ускореннымъ темпомъ его комментаріи. Безъ комментаріевъ и пополненій это была бы, право, хорошая «хрестоматія». Но и «комментаріи» имѣли свое значеніе въ успѣхѣ книги Стремленія г Разумника какъ нельзя болѣе современны Ободрить интеллигенцію, дать ей собственное независимое отъ крупной буржуазіи и пролетаріата знамя, и притомъ, по возможности, одно общее знамя,—таковы мечта г. Иванова-Разумника. А такъ какъ послѣ революціи ускореннымъ темпомъ пошла концентрація интеллигенціи, то рядомъ съ «Санинымъ» Арцыбашева, какъ не имѣть успѣха и «Исторіи» г. Разумника? Хорошо ли выполнилъ эту свою работу г. Ивановъ-Разумникъ? Хорошо ли помогаетъ онъ групповому самосознанію интеллигенціи? —Старается И у него есть правильный групповой инстинктъ. Опирается онъ на традиціи народничества: Герцена, Чернышевскаго, Михайловскаго; хорошая родня; заявляетъ о своихъ симпатіяхъ къ соціалистамъ-революціонерамъ, наиболѣе передовой и энергичной группѣ «внѣклассовой интеллигенціи»; не скупится на софизмы, не брезгуетъ ложью для ниспроверженія марксизма, ненавистнаго, ибо наиболѣе опаснаго для самостоятельности интеллигенціи; заключаетъ союзъ съ идеалистами—бѣглецами изъ лагеря пролетаріата, людьми, понявшими свою антипролетарскую сущность и работающими надъ эмансипаціей интеллигенціи и сближеніемъ въ туманахъ метафизики и сумеркахъ мистики съ буржуазіей; возвеличиваетъ интеллигенцію, какъ единственнаго носителя прогресса; старается представить ее бѣлой голубкою на грязномъ фонѣ мѣщанства. Развѣ это не ловко скроенный планъ? И разсчетъ живетъ тутъ рядомъ съ инстинктомъ. Если бы интеллигенція могла серьезно сплотиться и стать силой въ Россіи, въ нашу эпоху —г. Ивановъ-Разумникъ былъ бы личностью, до нѣкоторой степени, исторической, хотя, конечно, избраніе въ вожди г. Иванова-Разум-

ника отнюдь не говорило бы въ нашихъ глазахъ въ пользу интеллигенціи. Это ничего, что онъ неопредѣленъ, эклектиченъ Интеллигенція—разношерстная группа, это—индивидуалисты разноликіе: вѣчно кто въ лѣсъ, кто по дрова. Если выставляешь для этой публики знамя, то надо, чтобы оно было либо мутноцвѣтно, либо пестроцвѣтно, чтобы всякій нашелъ тамъ свое. Одно ясно—надо выставить впередъ самую душу души интеллигента—индивидуализмъ. Однако, не впасть при этомъ во грѣхъ. Можно поскользнуться въ слишкомъ явный мѣщанскій эгоизмъ и въ несвоевременный аристократизмъ «пролетаріата ума и воли» *), надо лавировать. Вѣрнымъ компасомъ служитъ при этомъ Кантъ. Его индивидуализмъ достаточно возвышенъ по формѣ и достаточно антиколлективенъ по содержанію, достаточно «демократиченъ».

Г. Ивановъ-Разумникъ—разумный интеллигентъ, здравомыслленный; тихонько говоритъ онъ свое. клу-клу-клу, какъ умная и добрая насѣдка, и собираетъ цыплятъ подъ крыло

Но есть и бѣда у г Иванова-Разумника Путаясь въ собственномъ эклектизмѣ. гдѣ вѣчно надо съ одной стороны признаться, а съ другой, опять-таки, сознаться—онъ вздумалъ свою мнимонародническую, мнимо-антимѣщанскую, полуидеалистическую и комфортабельную мѣшанину одѣть въ строгія одежды новой и сухо-опредѣленной классификаціи. втиснуть ее въ опредѣленія чуть ли не Эвклидовской чистоты. И пошла писать губернія! Ультра-индивидуализмъ соціологическій. эстетическій. этическій: индивидуализмъ этическій эстетическій. соціологическій; антииндивидуализмъ эстетическій, соціологическій, этическій, человѣкъ, индивидуальность личность, конкретная личность, глубина, широта и проч. Все это надо различать, все это танцуетъ вокругъ читателя и строитъ ему рожи.

Каждый писатель, оказывается. составленъ по рецептамъ одного типа: Recipe· соціол.-ультраинд., эст.-индив., эт-антииндив. —выходитъ вдругъ писатель X Recipe· эст.-антииндив., эт-ультраинд. соц.-индив., выходитъ У. Такой-то защищалъ права «Человѣка», другой права личности, третій своего «я», четвертый права конкретной личности, а г. Ивановъ-Разумникъ все различаетъ соединяетъ, выпариваетъ, толчетъ, сѣетъ, весь въ поту, весь вы-

*) Ниже мы даемъ обрисовку такого аристократизма въ лицѣ г. Умова.

пачкался, а толку никакого, только пыль столбомъ стоитъ надъ его лабораторіей.

Героическая интеллигенція у г. Иванова-Разумника, все время борется съ мѣщанствомъ. Многіе падаютъ въ борьбѣ. это насъ не удивляетъ, многіе одерживаютъ идейную побѣду, это можно признать, но для возвеличенія интеллигенціи г. Ивановъ-Разумникъ заставляетъ ее нѣсколько разъ убивать мѣщанство, какъ Алеша Поповичъ убивалъ нѣсколько разъ Тугарина. Это вноситъ путаницу въ историческую картину автора. На 88 страницѣ читаемъ: «ультра-романтизмъ покоился на такой широкой базѣ, какъ система оффиціальнаго мѣщанства, чѣмъ и объясняется его, сравнительно, долгая живучесть. Послѣдніе проблески мѣщанскаго ультра-романтизма (Бенедиктовъ) умираютъ вмѣстѣ со смертью эпохи политическаго мѣщанства; но начиная съ тридцатыхъ годовъ, романтизмъ все болѣе и болѣе теряетъ почву въ литературѣ и въ жизни». Итакъ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ умирало политическое мѣщанство. Однако, десяткомъ страницъ дальше оно здравствуетъ, какъ ни въ чемъ не бывало! На 225 страницѣ то же продѣлывается съ «этическимъ мѣщанствомъ»: «люди тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, западники и славянофилы, Бѣлинскій, Герценъ дали этическому мѣщанству рѣшительную битву, и побѣжденное мѣщанство разсѣялось туманомъ при свѣтлой зарѣ шестидесятыхъ годовъ». И какъ это не догадается г. Ивановъ-Разумникъ, что послѣ такой смѣшной путаницы съ воскресающимъ Рокамболемъ-мѣщанствомъ, читатель, пожалуй, грустно покачаетъ головой и скажетъ. «эхъ, интеллигенція, видно косить тебѣ мѣщанство не перекосить, таскать не перетаскать, ты его бьешь, а его прибываетъ, ровно силы нездѣшней, губившей былинныхъ богатырей; не тебѣ, видно, вбить осиновый колъ въ гробъ убитаго мѣщанина.»

И вѣрно. Какъ не хлещи мѣщанство идейнымъ бичемъ, оно цвѣтетъ себѣ, какъ крапива, и политически, и этически. Нужны другіе методы борьбы и оздоровленія самой почвы. Соціализмъ убьетъ мѣщанство. И не интеллигенціи создать соціалистическій строй. Хорошо уже, если она умѣетъ предсказать его. Хорошо. если она умѣетъ не искажать его при этомъ. Хорошо, если помогаетъ она настоящему борцу; хорошо, если не путается подъ ногами, плетя свою эклектическую путаницу. Но г. Ивановъ-Разумникъ далекъ отъ такой мысли, и увидѣлъ бы въ ней нѣчто прямо оскор-

бительное. Вся исторія міра есть для него ничто иное, какъ борьба интеллигенціи которая, по самому опредѣленію автора, есть «высокое и прекрасное»,—съ мѣщанствомъ. А что такое мѣщанство? «Все низкое, узкое и пошлое». Какія поучительныя, какія содержательныя опредѣленія! Обоснованія ихъ не требуйте у автора. развѣ не воленъ всякій опредѣлять вещи, какъ ему угодно! Г. Иванову-Разумнику угодно опредѣлить такъ «интеллигенція—добро зѣло, мѣщанство—всякая пакость!» И потомъ онъ, понятно, «препикантнымъ» находитъ, когда «смѣшиваютъ» столь различныя понятія..

«Надо различать»,—говоритъ г Ивановъ-Разумникъ,—«il y a fâgots et fâgots», есть самосовершенствованіе индивидуалистическое и самосовершенствованіе мѣщанское; тоже можно повторить и про теорію малыхъ дѣлъ, и про постепенство «Крайность есть узость, а узость есть мѣщанство это надо всегда помнить Намъ не хотѣлось бы, однако, чтобы насъ приняли за проповѣдниковъ золотой середины, умѣренности и аккуратности. Крайность есть мѣщанство, но серединность центръ мѣщанства». Понимаемъ, серединность у мѣщанина, очевидно, по серединѣ, а крайность по краямъ Но слушайте далѣе. «Мы не предлагаемъ выбирать златой середины между умѣренностью и неумѣренностью, а указываемъ, что оба эти пути, вслѣдствіе своей узости, приводятъ къ мѣщанству. Похвально быть аккуратнымъ—это извѣстно еще изъ прописей, еще похвальнѣе быть умѣреннымъ, но обѣ эти добродѣтели, поставленныя во главу угла, достойны только Молчалина. Короче говоря, лишь мы возведемъ умѣренность и аккуратность въ принципъ, какъ тѣмъ самымъ мы немедленно впадемъ въ мѣщанство».

Какая пошлость! Надо быть, видите ли, умѣреннымъ въ аккуратности, неумѣренная аккуратность это уже крайность! Надо быть также аккуратно-умѣреннымъ, неаккуратная умѣренность это уже черезчуръ серединность! Да, перещеголялъ г Ивановъ-Разумникъ западныхъ мѣщанъ съ ихъ «juste milieu». Нѣтъ,—говоритъ,—«золотая середина» это уже крайность, а надо держать какъ-то эдакъ на золотую середину между золотой серединой и крайностью!»

Тутъ становится явнымъ противорѣчіе эклектически серединной посредственности мѣщанственнѣйшаго нашего г. Иванова съ интеллигентскимъ взлетомъ выше умѣренности и аккуратности нашего аристократа ума г. Разумника. Г. Ивановъ-Разумникъ пишетъ: «Судьба Гоголя была неизмѣримо трагична: онъ погибъ по-

бѣжденный, взятый въ плѣнъ этическимъ мѣщанствомъ мѣщанствомъ жизни, съ которымъ онъ рѣзче всего боролся и въ жизни. и въ литературѣ». Но судьба г. Иванова-Разумника неизмѣримо комична: барахтается по уши въ мѣщанскомъ болотѣ и думаетъ, что поражаетъ его.

Для того, чтобы кончить съ общей характеристикой нашего рыцаря Дульцинеи интеллигенціи, лучшимъ украшеніемъ котораго служитъ недурной груповой нюхъ, остановимся еще на любопытной полемикѣ его съ г. Франкомъ.

II.

Г. Франкъ, эксъ-марксистъ. вмѣстѣ съ Булгаковымъ, Бердяевымъ и обильнымъ превращеніями Струве онъ можетъ пѣть «были когда-то и мы рысаками». Но типично интеллигентская натура не выдержала, потянула прочь. Оторвался отъ пролетаріата г Франкъ, и что же видитъ: весь уклонъ интеллигенціи наиболѣе талантливой, отзывчивой, энергичной, таковъ, что нельзя не скатиться ей рано или поздно въ соціализмъ пролетарскаго типа; народничество, есерство, все служитъ лишь ступенями—со ступеньки на ступеньку—все ближе къ марксизму.

Но уже образовался въ другомъ мѣстѣ другой наклонъ кадетскій, просвѣщенно-буржуазный, другой центръ тяготѣнія, въ которому, однако, не очень-то влекло какъ разъ лучшую и энергичнѣйшую часть интеллигенціи, особенно молодежь Вѣдь интеллигентъ особенно хорошъ пока молодъ, душа его старѣетъ быстро, какъ женщина юга, оглянуться не успѣлъ—уже старуха. Надо было позаботиться о томъ, чтобы создать другой идеальный уклонъ—не къ пролетарскому восходу, а къ мѣщанскому закату, надо было порвать съ традиціями интеллигенціи, ея народническими и полусоціалистическими традиціями, надо было постараться скликнуть интеллигенцію возлѣ какого-нибудь красиваго знамени, которое служило бы ей собственнымъ центромъ, г. е., въ сущности знаменемъ ея, какъ сознаго отряда, для болѣе стойкой и болѣе яркой буржуазно-кадетской арміи.

Не найдя на землѣ ничего достаточно прекраснаго для такого знамени, не найдя ни одной прочной цѣнности въ старыхъ арсеналахъ либерализма, опустившись на дно морское мистики, поднявъ-

шись на небеса религіи, они состряпали идеалистическое, чисто интеллигентское знамя.

Г. Ивановъ-Разумникъ, задумавшій большую работу по эмансипаціи интеллигенціи отъ пролетаріата и по сбору ея въ самостоятельное, союзное кадетству цѣлое, не могъ игнорировать идеалистическихъ попытокъ кадета Струве и г. Франка.

Г. Ивановъ-Разумникъ старался сшить вмѣстѣ знамя полусоціалистической интеллигенціи со знаменемъ лѣвокадетскаго выкрашеннаго идеализма А г. Франкъ брыкается.

Онъ прямѣе и откровеннѣе. Не хочетъ партійной интеллигенціи, не хочетъ революціоннаго прошлаго, не хочетъ мостовъ къ соціализму.

«Мѣщанству авторъ противопоставляетъ,—пишетъ г. Франкъ,—съ одной стороны философскую категорію индивидуализма, съ другой стороны—реальное, общественно-историческое явленіе—русскую интеллигенцію. Уже съ чисто логической точки зрѣнія тутъ очевидна погрѣшность—отсутствіе опредѣленнаго принципа классификаціи». Франкъ хочетъ, чтобы болѣе ясно было «поставлено пониманіе интеллигенціи, какъ идеальнаго собирательнаго названія для всѣхъ людей, обладающихъ оригинальной духовною жизнью, или стремящихся къ торжеству индивидуализма—тогда и только тогда было бы правомѣрно противопоставленіе «интеллигенціи» мѣщанству»...

Наша историческая интеллигенція, по г. Франку, вопреки утвержденіямъ г. Иванова-Разумника, не удовлетворяетъ этому требованію.

Г. Франкъ не желаетъ признать, что русскую интеллигенцію отличаетъ отъ мѣщанства именно «оригинальность духовной жизни», т. е. именно антимѣщанство. «Позволительно усомниться въ реальности подобной невиданной соціальной группы,—замѣчаетъ г. Франкъ,—которая почему-то именно полтораста лѣтъ тому назадъ родилась для борьбы съ вѣковѣчнымъ зломъ человѣческой жизни—узостью, посредственностью и безличностью. Позволительно утверждать, что такой группы никогда не существовало и существовать не можетъ,—по той простой причинѣ, что не только подлинное обладаніе оригинальностью и развитой индивидуальностью, но даже дѣйствительное пониманіе этихъ цѣнностей и вкусъ къ нимъ могутъ быть присущи лишь отдѣльнымъ личностямъ и никогда не могутъ составить монополіи, какой-либо соціальной группы».

Г. Франкъ продолжаетъ: «Интеллигенція въ широкомъ смыслѣ есть чисто идеальное собирательное понятіе совокупности лицъ, обладающихъ оригинальнымъ духовнымъ складомъ, углубляющихъ и расширяющихъ пониманіе жизни; интеллигенція же въ узкомъ смыслѣ есть дѣйствительно соціальная группа, народившаяся лишь въ шестидесятыхъ годахъ, тѣсно сплоченная и психологически весьма однородная группа отщепенцевъ и политическихъ радикаловъ.. »

Онъ различаетъ, такимъ образомъ, совершенно опредѣленно безпартійно-кадетскую интеллигенцію и варваровъ, людей партійныхъ: «Если интеллигенцію въ широкомъ смыслѣ характеризуетъ антимѣщанство, то интеллигенція въ узкомъ смыслѣ отличается именно типичнымъ мѣщанствомъ: самая характерная, психологическая ея черта, это внутренняя сплоченность, идейная солидарность и вытекающій отсюда консерватизмъ, поглощеніе личности традиціями группы, т. е. именно... «мѣщанство» въ томъ смыслѣ, который придаетъ этому понятію г. Ивановъ-Разумникъ.. «А потому, постояннымъ мотивомъ исторіи русской культуры является глубокій и трудно преодолимый антагонизмъ между этими двумя интеллигенціями»...

И еще сильнѣе: «Мы полагаемъ, что роль интеллигенціи въ узкомъ смыслѣ въ значительной мѣрѣ сыграна и что она живетъ лишь устарѣвшими традиціями, тогда какъ интеллигенція въ широкомъ смыслѣ имѣетъ нѣкоторое вѣчное значеніе, и только начинаетъ въ наше время оказывать болѣе глубокое вліяніе на умы».

По словамъ г. Иванова-Разумника, г. Франкъ видитъ въ этомъ антагонизмѣ вѣчную вражду между «культурниками» и «политиками», какъ можно для краткости назвать его интеллигенцію, въ широкомъ смыслѣ, съ ея философско-этико-эстетическими запросами, и интеллигенцію въ узкомъ смыслѣ съ ея соціально-политическими идеалами; конечная побѣда уготована культурникамъ, которые останутся въ русской жизни и послѣ того, какъ «политики» улетучатся...

Итакъ, вонъ политиковъ, вонъ народниковъ, эсеровъ, анархистовъ! Г. Ивановъ-Разумникъ урезониваетъ расходившагося идеалиста и оправдывается:

Ахъ, Боже мой, онъ вовсе не беретъ подъ свою защиту историческую русскую интеллигенцію въ ея цѣломъ: «начать съ того, что хотя интеллигенція и есть соціальная группа, но она въ то же

время есть группа абстрактная: само построеніе понятія этой группы является типично «номиналистическимъ».

Да и не утверждалъ г. Ивановъ-Разумникъ, чтобы интеллигенція была «абсолютно чиста» отъ мѣщанства. Г. Ивановъ-Разумникъ восклицаетъ: «Неужели же апологіей является одно признаніе интеллигенціи т и п и ч н о, не «а б с о л ю т н о» анти-мѣщанской группой?»

И какъ можно гнать политику и политикановъ: «Vous êtes trop franc, m-r Franc». «Вы слишкомъ откровенны и прямолинейны»: вы уже такъ-таки и хотите культурничества и баста, когда у насъ и кадетской-то конституціи нѣтъ, дайте немножко хоть объевропеиться-то.

«Каково бы ни было мое отрицательное отношеніе къ интеллигентской кружковщинѣ, къ идейному сектантству, къ групповой нетерпимости и узости, но проглядывать изъ-за этихъ явленій громадное значеніе «политики»,—значило бы изъ-за деревьевъ не видѣть лѣса. Несомнѣнно, что среди многихъ интеллигентовъ твердо и безповоротно увѣровавшихъ въ ту или иную догму и приходящихъ въ ужасъ отъ малѣйшаго вѣянія критики, немало самыхъ настоящихъ мѣщанъ, но они не входятъ въ группу интеллигенціи, для которой творчество есть альфа и омега бытія».

Читай марксистовъ, соціалъ-демократію, и я не защищаю, но гоняйте эсеровъ, ради такихъ праведниковъ, какъ и с., анархистовъ, ради такихъ, съ позволенія сказать, представителей, какъ анархо-мистики!

Все это прекрасно. И брезгливое раздраженіе г. Франка, который «не хочетъ политики» и не хочетъ никакой интеллигенціи, отъ которой пахнетъ партійностью (кадетская партійность—другое дѣло, это—культура), и уговоры г. Разумника и его нѣсколько сконфуженныя оправданія.

Когда-то г. Подарскій, если не ошибаемся, находилъ марксистскую критику идеалистовъ слишкомъ слабой! «Одно «Русское Богатство» рѣзко и опредѣленно выступило противъ возрожденной метафизики», гордо заявлялъ онъ. Увы! Полюбуйтесь вашимъ г. Ивановымъ-Разумникомъ!

Но у г. Франка тоже инстинктъ. Можетъ быть уже скоро коренное соціалистическое и революціонное эсерство, освободившись отъ истериковъ и авантюристовъ съ одной стороны, и отъ своего мѣщанскаго балласта, своихъ полукадетовъ съ другой, окажется въ пре-

пріятной близости съ соціалъ-демократіей. А другихъ еще можно будетъ удержать за кадетствомъ, въ самостоятельно союзномъ безъ-заглавно-мистическомъ отрядѣ. Но въ одномъ сошлись г. Ивановъ-Разумникъ и г Франкъ марксисты, соціалъ-демократы сюда не относятся. «Нѣтъ. нѣтъ! Это отпѣтые догматики. прочь отъ нихъ! Они, они .. страшно сказать: антииндивидуалисты». «Безуміе и ужасъ!»—какъ любитъ говорить Леонидъ Андреевъ.

Индивидуализмъ г. Иванова-Разумника.

I.

ОБЩЕЕ ОПРЕДѢЛЕНІЕ ИНДИВИДУАЛИЗМА.

Г. Ивановъ-Разумникъ индивидуалистъ Онъ различаетъ социологическій, этическій и эстетическій индивидуализмъ, и всѣ они хороши и святы въ его глазахъ. Будучи умѣренно-аккуратнымъ мѣщаниномъ, онъ представляетъ намъ индивидуализмъ, какъ золотую середину между ультра-индивидуализмомъ и анти-индивидуализмомъ, или общественностью:

«Индивидуализмъ есть приматъ личности—вотъ самое широкое общее опредѣленіе, индивидуализмъ есть признаніе человѣческой личности первой и главной цѣнностью, индивидуализмъ есть признаніе, что благо реальной, человѣческой личности должно служить критеріемъ нашихъ поступковъ, нашего міровоззрѣнія». Но тутъ же умѣренно-аккуратная оговорка: «Однако, было бы ошибкой полагать, что индивидуалистическое міровоззрѣніе характеризуется подавленіемъ всѣхъ другихъ элементовъ элементомъ личности индивидуализмъ есть приматъ личности въ его гармоническомъ сочетаніи со всѣми прочими элементами міровоззрѣнія, но никакъ не деспотическое подчиненіе всего другого человѣческой личности, какъ какому-то самодержавному идолу; индивидуализмъ—не идолопоклонство. Когда мы будемъ встрѣчаться съ такимъ идолопоклонствующимъ индивидуализмомъ, то будемъ обозначать его терминомъ ультра-индивидуализмъ; когда мы будемъ встрѣчаться съ подчиненіемъ и порабощеніемъ человѣческой личности, кому бы то и чему бы то ни было, то будемъ говорить объ анти-индивидуализмѣ подобнаго воззрѣнія».

И далѣе. «Наконецъ, истиннымъ индивидуализмомъ будетъ то

міровоззрѣніе, которое, ставя личность чрезвычайно высоко—«выше общества, выше человѣчества», какъ это дѣлалъ Бѣлинскій къ концу жизни, въ то-же самое время принимаетъ и признаетъ, что общество есть не ограниченіе, а, напротивъ, восполненіе человѣческой личности, что принятіе принципа примата личности не противорѣчитъ отрицанію самодовлѣющаго значенія личности (такимъ типично индивидуалистическимъ міровоззрѣніемъ было, напримѣръ, цѣльное и гармоническое міровоззрѣніе Михайловскаго)».

Замѣтьте эту путаницу: личность—первая и главная цѣнность благо ея—критерій поступковъ, и рядомъ отрицаніе самодовлѣющей личности. Замѣтьте и это туманное пожеланіе автора «подчинить личности прочіе элементы міровоззрѣнія». Пока скажемъ только—и надѣемся, что, подумавши, всякій съ этимъ согласится,—что все это, какъ-то т р у с л и в о, отъ трусости происходитъ и сбивчивость: индивидуализмъ, но съ оговоркой, да еще съ оговорочкой, да еще полъоговорочки! Запомнивъ общее опредѣленіе г. Иванова-Разумника, подойдемъ къ его позиціи съ праваго фланга, съ ненавистнаго нашему мелкотравчатому индивидуалисту—ультра-индивидуализма.

II.

УЛЬТРА-ИНДИВИДУАЛИЗМЪ.

Ультра-индивидуализмъ «приноситъ въ жертву человѣческой личности все другое». Вотъ опредѣленіе, съ которымъ трудно считаться. Что же такое «все другое» приноситъ ультра-индивидуализмъ въ жертву личности? Пошаримъ въ пухлой «исторіи» нашего автора, поищемъ примѣровъ ультра-индивидуализма

На страницѣ 57 читаемъ: «Карамзинъ толкнулъ сентиментализмъ на путь этико-соціологическаго номинализма и ультра-индивидуализма, ибо только крайнее презрѣніе къ абстрактному человѣку и своеобразное идолопоклонство передъ реальной личностью могутъ привести къ мысли о возможности общественно-политической эволюціи путемъ усовершенствованія отдѣльныхъ индивидовъ».

Итакъ, теорія самосовершенствованія индивида, какъ основы общественной эволюціи (прогресса) есть у л ь т р а-и н д и в и д у-

ализмъ. При этомъ поклоняются «реальной личности» и приносятъ ей въ жертву «абстрактнаго человѣка».

Съ г. Ивановымъ-Разумникомъ не знаешь, откуда и начать!

Почему теорія самосовершенствованія относится къ реальной личности, а не къ абстрактному человѣку? Когда субъектъ говоритъ «хочу совершенствовать себя, а на остальное наплевать», то, дѣйствительно, объ абстрактномъ человѣкѣ тутъ нѣтъ и помину, но, если тотъ же субъектъ говоритъ: «когда люди увѣрятся, что для собственнаго ихъ счастья добродѣтель необходима, тогда настанетъ вѣкъ златой и при всякомъ правленіи человѣкъ насладится мирнымъ благополучіемъ жизни», то не ясно ли, что дѣло идетъ о самомъ абстрактномъ человѣкѣ? Выдвигается абстрактная теорія счастья всякаго человѣка: оно, молъ, всеобщее счастье, можетъ быть достигнуто лишь черезъ добродѣтель.

Почему нельзя назвать индивидуалистомъ человѣка, который полагаетъ, что добродѣтели всѣхъ и каждаго сольются во всеобщемъ счастьи?

Г. Ивановъ-Разумникъ не симпатизируетъ теоріи самосовершенствованія; онъ понимаетъ, что теорія эта отодвигаетъ въ сторону всякую колективную политическую и соціальную борьбу за новыя формы общественности, у него другая теорія прогресса, другіе методы борьбы, но онъ никакого права не имѣетъ называть идолопоклонниками и ультра-индивидуалистами людей, которые благо всякой личности, общее благо ставятъ выше всего, зовутъ всякую личность къ совершенству. Гдѣ тутъ принесеніе въ жертву индивиду какихъ-либо высокихъ цѣнностей, какая цѣнность тутъ отрицается? Отрицаются только нѣкоторые методы, нѣкоторые пути къ прогрессу.

Нѣтъ, это не ультра-индивидуализмъ, это разновидность мѣщанскаго индивидуализма и только.

Другой примѣръ.

На страницѣ 278, въ главѣ, посвященной Бѣлинскому, читаемъ: «Ультра-индивидуализмъ, порывающій связи съ обществомъ, въ концѣ концовъ, впадаетъ въ односторонность и ограниченность «самобытное», не на почвѣ дѣйствительности, не въ сферѣ общества совершающееся развитіе всегда доводитъ до уродства».

Такъ какъ авторъ, видимо, вполнѣ сочувствуетъ Бѣлинскому и самъ, такъ сказать, навязываетъ ему терминъ «ультра-индивидуализмъ», то мы можемъ считать за его собственную ту мысль, что

ультра-индивидуализмъ заключается въ стремленіи отдѣлиться отъ общества, стремленіи къ одиночеству. Г Ивановъ-Разумникъ хочетъ гармоническаго соединенія личности и общества, т. е. другими словами, единенія личностей между собой, онъ противъ замыканія въ себѣ. Но мы бы никакъ не назвали этого явленія ультра-индивидуализмомъ Да не вытекаетъ это и изъ основного опредѣленія автора. Отшельникъ—индивидуалистъ признаетъ принятъ личности, благо реальной личности служитъ для него критеріемъ—(условіемъ правильнаго индивидуализма по И -Р.)—и что, собственно приноситъ онъ въ жертву идолу личности?

Г. Ивановъ-Разумникъ пишетъ: «Міровоззрѣніе, считающее существеннымъ лишь благо личности, міровоззрѣніе анти-общественное, признающее личность не только первымъ, но и самодавлѣющимъ элементомъ—это міровоззрѣніе можетъ служить яркимъ примѣромъ ультра-индивидуализма».

Прекрасно, но что же, собственно, существуетъ внѣ блага личности? Какое еще благо? Благо общества? Но оно сводится къ благу *другихъ личностей*!

И опять, если нашъ отшельникъ принесъ бы *себя* въ жертву чье-нибудь реальное благо, то всякій призналъ бы это эгоизмомъ выходящимъ за предѣлы того мѣщанскаго индивидуализма, который проповѣдуетъ авторъ. Но, если отшельникъ говоритъ: «заботьтесь каждый о себѣ, и въ результатѣ получится благосостояніе всѣхъ»,—это можетъ быть неправильной теоріей, но теоріей, несомнѣнно, индивидуалистической.

«Только благо личности». Да. Прибавь авторъ, «только благо *своей* личности», все измѣнилось бы, опредѣленіе ультраиндивидуализма было бы дано Но внѣ блага личностей вообще, гдѣ искать, какое-либо благо? Личность не самодовлѣющая цѣнность, говоритъ г. Ивановъ-Разумникъ, и снова свидѣтельствуетъ о непониманіи даже собственныхъ мыслей: должна ли личность быть служебной, быть средствомъ? Согласно исповѣдуемому авторомъ индивидуализму – отнюдь нѣтъ! Личность для него, конечно, самодовлѣющая цѣнность. Но г. Ивановъ-Разумникъ чувствуетъ, что наивысшее благо самихъ личностей достижимо лишь путемъ *сотрудничества*, и вотъ путаетъ, выбрасываетъ за предѣлы индивидуализма всѣ теоріи, *отрицающія сотрудничество*, между тѣмъ, какъ оно вовсе не входитъ въ самое понятіе индивидуализма.

Вся путаница сводится къ тому, что не только активный эгоизмъ,

эгоцентризмъ, но и пассивную асоціальность, нашъ авторъ старается отдѣлить стѣною отъ своего міросозерцанія. Это плохо ему удается. Онъ путаетъ, грѣшитъ противъ логики и противорѣчитъ себѣ Такъ, на страницѣ 165 (о Лермонтовѣ) мы читаемъ:

«Лермонтовъ ставитъ одиночество въ законъ не только поэту, но и вообще человѣку, желающему порвать съ мѣщанствомъ Иными словами, отъ эстетическаго индивидуализма Лермонтовъ переходитъ къ соціологическому, категорически утверждая право каждаго человѣка на самоопредѣленіе».

Вотъ вамъ! То, что въ главѣ о Бѣлинскомъ признается ультраиндивидуализмомъ, въ главѣ о Лермонтовѣ предлагается, какъ законный индивидуализмъ.

Но, по крайней мѣрѣ, къ эгоизму-то у г. Иванова-Разумника вполнѣ опредѣленное отношеніе? Эгоизмъ-то ужъ навѣрное огажется за предѣлами индивидуализма? Да, г. Ивановъ-Разумникъ неоднократно возстаетъ противъ эгоизма Но на страницѣ 340 о Герценѣ читаемъ цитату: «Вырвать у человѣка изъ груди его эгоизмъ, значитъ вырвать живое начало его, закваску, соль его личности; по счастью, это невозможно и напоминаетъ только того почтеннаго моралиста который отучилъ свою лошадь отъ эгоистической привычки ѣсть, и очень сердился, что она умерла, какъ только стала отвыкать отъ пищи».

Авторъ добавляетъ отъ себя «Намъ нечего прибавлять къ этой блестящей защитѣ правъ индивидуальности»

Итакъ, эгоизмъ столько разъ проклятый авторомъ, это—право индивидуальности.

Резюмируемъ. Г. Ивановъ-Разумникъ старается отгородиться отъ ультраиндивидуализма, но не умѣетъ опредѣлить его границъ. Самосовершенствованіе онъ отвергаетъ потому, что тутъ-де абстрактный человѣкъ слишкомъ ужъ принесенъ въ жертву реальной личности. Но это неправда, и тутъ же приведенная цитата изъ Карамзина побиваетъ автора Отшельничество авторъ считаетъ то зломъ, лежащимъ за предѣлами индивидуализма, то, наоборотъ, принципомъ, выражающимъ его во всей полнотѣ Въ эгоизмѣ онъ совершенно не въ силахъ разобраться И все потому, что всѣ перечисленныя имъ явленія относятся въ дѣйствительности къ индивидуализму, отличаясь отъ собственной теоріи автора тѣмъ что послѣдній смутно сознаетъ необходимость сотрудничества для блага самихъ личностей Смутно сознаетъ, ибо выводовъ изъ этихъ эле-

ментовъ своего міросозерцанія не дѣлаетъ, а, напротивъ, старается отъ нихъ отдѣлаться, какъ это мы еще увидимъ, говоря объ его отношеніи къ прогрессу

Отодвинемъ въ сторону всю эту путаницу и постараемся дать ясное опредѣленіе границъ законнаго въ глазахъ средняго мѣщанина индивидуализма и чрезмѣрнаго ультраиндивидуализма

Индивидуализмъ—это этика мѣщанина слабаго, трусливаго, по преимуществу обороняющагося или, по крайней мѣрѣ, индиферентнаго по отношенію къ средѣ Ультраиндивидуализмъ— это этика сильнаго, смѣлаго, наступающаго мѣщанина. Первый признаетъ личность единственной цѣнностью, и притомъ всякую личность Второй признаетъ цѣнною лишь с и л ь н у ю личность, часто лишь с в о ю личность а другія личности приноситъ себѣ въ жертву

Идеалистическимъ оправданіемъ первой этики служитъ «высокій принципъ» святости каждой личности человѣческой. Идеалистическимъ украшеніемъ второй не менѣе высокій идеалъ наиболѣе м о щ н а г о, въ борьбѣ достигаемаго р а з в и т і я личности человѣческой, подборъ индивидовъ, ради роскошнаго расцвѣта лучшихъ

—

III.

ОЦѢНКА УЛЬТРА-ИНДИВИДУАЛИЗМА

Г. Ивановъ-Разумникъ прошелъ мимо этого главнаго и единственнаго настоящаго ультраиндивидуализма Ницше онъ, почему-то, зачислилъ въ индивидуалисты, между тѣмъ, какъ Ницше всякой строкой кричитъ противъ мѣщанскаго индивидуализма, противъ равноправія—за подборъ, за «все дозволено» для сильной личности, и за рабство, за инослуженіе для слабыхъ.

Упорный и злостный аристократизмъ Ницше отталкиваетъ съ перваго раза настолько, что не даетъ проникнуть въ его культурную философію. Между тѣмъ надо помнить, что душой системы Ницше, поскольку у него была система, является «жажда мощи», влюбленность въ жизнь, ея расцвѣтъ, ея прогрессъ. Ницше любитъ говорить о людяхъ, тоскующихъ по дальнему призраку, работающихъ для будущаго, о людяхъ самоотверженныхъ, людяхъ—мостахъ, людяхъ—стрѣлахъ, устремленныхъ къ другому берегу. Онъ философъ напряженнаго подъема жизни въ ея цѣломъ С а м а л и ч-

ность, въ сущности, ему вовсе не важна, она важна ему, какъ сила, строящая культуру. Сверхчеловѣкъ для него, конечно, не застывшая цѣль, а символъ вѣчно растущаго, вѣчно несущагося впереди идеала, преслѣдуя который, человѣкъ постоянно превосходитъ себя самого. Ницше считалъ демократію вредной для развитія вида; это развитіе представлялось ему возможнымъ только въ пирамидальной формѣ,—отсюда неумолимость его аристократизма. Все для развитія! Въ служеніи развитію—человѣкъ долженъ быть жестокъ и къ себѣ и къ другимъ

Но тотъ же принципъ активнаго прогресса лежитъ и въ основѣ «этики» марксизма. И Марксъ, отрицаетъ священныя права личности и признаетъ фактическое первенство надъ ними человѣческаго развитія. Истиннымъ ученымъ соціологомъ Марксъ считаетъ того, кто не заражент ни прислужничествомъ по отношенію къ высшимъ классамъ, ни дряблымъ филантропизмомъ. Истинный соціологъ имѣетъ въ виду одно, онъ считаетъ высшимъ благомъ развитіе производительныхъ силъ человѣка, потому что, какъ совершенно вѣрно указываетъ самъ Марксъ, оно совпадаетъ въ конечномъ счетѣ съ развитіемъ богатства человѣческой природы*).

Марксъ—соціалистъ и демократъ не изъ жалости, не изъ чувства справедливости, а потому, что изучивъ внутреннія пружины прогресса, и вскрывъ силы, создающія своею игрой нашъ сегодняшній и нашъ завтрашній день, онъ съ объективной увѣренностью могъ утверждать, что только торжество пролетаріата можетъ поднять человѣчество на высшую культурную ступень, и что такою ступенью является неизбѣжно коллективизмъ. Если бы Ницше могъ откинуть свои предразсудки, и если бы онъ обладалъ такимъ же знаніемъ современнаго общества, какъ Марксъ,— онъ самъ неизбѣжно бы пришелъ къ соціализму.

Сила ультраиндивидуализма Ницше заключается въ скрытомъ или потенціальномъ «антииндивидуализмѣ», въ религіи Вида, страстнымъ адептомъ, которой онъ, въ сущности, былъ. Именно его умѣніе, далеко оставляя подъ собою рамки индивидуальнаго, чертитъ широкіе культурные горизонты,—придаетъ главную прелесть его философскимъ полетамъ. Но силу эту, красоту эту онъ отдалъ на служеніе хищнымъ классамъ: крупно-капиталистическій имперіализмъ поторопился сплестись съ аристократизмомъ Ницше, надъ-

*) См. статью Маркса: «Мальтусъ и Рикардо».

шиться его духами. Съ другой стороны за него схватились интеллигенты, анархисты и всякіе частью мнимые, частью дѣйствительные поклонники силы, неусмотрѣвшіе колоссальнѣйшаго проявленія ея въ наше время—пролетаріата.

Не надо удивляться, поэтому, если ультраиндивидуалисты,—не изъ тѣхъ, конечно, которые жрутъ ближняго, для того, чтобы ростить брюхо, а изъ тѣхъ, которые провозглашаютъ право сильнаго попирать слабыхъ. ради своего культурнаго роста и развитія высшихъ формъ своего человѣческаго генія,—переходятъ довольно легко, понявъ свои ошибки, прямо къ соціалистическому антииндивидуализму. Я употребляю этотъ терминъ въ угоду г. Иванову-Разумнику, но имѣю въ виду к о л л е к т и в и з м ъ.

Авторъ нашъ съ удивленіемъ останавливается передъ совершенно непонятнымъ для него переходомъ Горькаго отъ ультраиндивидуализма къ антииндивидуализму, читай—коллективизму.

Нѣкоторое разъясненіе своему недоумѣнію авторъ могъ бы получить изъ фразы такого революціонера, какъ Рылѣевъ, которую онъ самъ же приводитъ «мы начнемъ,—сказалъ Рылѣевъ за день до возстанія,—я увѣренъ, что погибну, но примѣръ останется».. «Предвижу, что не будетъ успѣха, но потрясеніе необходимо. Тактика революціи заключается въ одномъ словѣ. дерзай, и ежели это будетъ несчастливо, мы своей неудачей научимъ другихъ».

Самопожертвованіе во имя большой цѣли связывается здѣсь съ самымъ любимымъ словомъ воинствующаго ультраиндивидуализма: «дерзай!»

Горькій, какъ Ницше и какъ Рылѣевъ, какъ Уитманъ и какъ Дантонъ, любитъ «дерзость». И эта боевая дерзость, это стремленіе пошире распахнуть крылья, столкнувъ при этомъ всѣ препятствія, вылилось у него сначала въ формѣ романтическаго увлеченія дерзновенной личностью. Къ любованію ею приводило его страстное желаніе видѣть выпрямленнаго, цѣльнаго человѣка, видѣть осуществленіе всѣхъ прекрасныхъ возможностей, которыя поэтъ чуялъ въ себѣ и прозрѣвалъ въ другихъ. Но путь индивидуальнаго протеста, героизма, довлѣющаго себѣ, приводитъ развѣ только къ красивымъ вспышкамъ, къ красивой смерти. Вдумываясь въ окружающее, Горькій увидѣлъ, что для расцвѣта дорогой ему человѣчности необходимо огромное пересозданіе всей жизни, и что достигается, какъ пересозданіе это, такъ и наивысшій расцвѣтъ человѣка, только мо-

гучимъ общимъ усиленіемъ только напоромъ творческихъ массъ. И тогда героемъ Горькаго стали эти массы. При этомъ ни на одну іоту не потускнѣлъ сверкающій романтизмъ нашего поэта.

Г. Ивановъ-Разумникъ горестно констатируетъ съ начала своей дѣятельности и приблизительно до 1898 г., Горькій идетъ отъ соціологическаго и этическаго ультраиндивидуализма къ все болѣе и болѣе ярко проступающей общественности, онъ преодолѣваетъ, наконецъ, ультраиндивидуализмъ, и во второмъ періодѣ своей дѣятельности—(1898—1904 г. г.)—приходитъ къ соціологическому индивидуализму. Но за то въ томъ-же второмъ періодѣ все сильнѣе и сильнѣе вырисовывается въ творчествѣ Горькаго этическій антииндивидуализмъ, достигающій полной силы и рельефной наглядности въ послѣднихъ произведеніяхъ конца XIX вѣка».

Никакъ не смогъ потрафить Горькій съ одной высокой горы, гдѣ онъ былъ сосѣдомъ Ницше, онъ перешагнулъ прямо на другую, гдѣ сталъ сосѣдомъ Маркса, не вступивъ въ болото мѣщанскаго индивидуализма, гдѣ г. Ивановъ-Разумникъ и цѣлые хоры лягушекъ квакаютъ, какъ по нотамъ, по страницамъ «Критики Практическаго Разума».

Смѣшно видѣть, когда Горькаго критикуетъ Г. Разумникъ. Что можетъ быть, напримѣръ, тупѣе слѣдующаго построенія нашего критика. Горькій изобразилъ въ Петрѣ Безсѣменовѣ типичнаго мѣщанскаго индивидуалиста, лишеннаго всякой «дерзости», но постоянно толкующаго о правахъ личности—критикъ же нашъ, отождествляя обывательскій индивидуализмъ Петра съ яркимъ, воинственнымъ индивидуализмомъ Зобаровъ, Ларръ и Данко, восклицаетъ:

«Итакъ, въ «Мѣщанахъ» Горькій ясно указалъ на тѣсную связь ультраиндивидуализма съ мѣщанствомъ и этимъ самымъ призналь мѣщанскими всѣ свои идеалы перваго періода своей дѣятельности».

Дальше критическая тупость итти не можетъ. Горькій бьетъ именно г. Разумника и его единомышленниковъ, а онъ оглядывается на дерзкихъ бунтарей Горькаго-анархиста и спрашиваетъ: «что, получилъ?»

Г. Ивановъ-Разумникъ приводитъ изъ «Дна» чудныя слова: «Всѣ малячекъ, всѣ, какъ есть, для лучшаго живутъ! Поэтому-то, всякаго человѣка и уважать надо... неизвѣстно, вѣдь, намъ, кто онъ такой, зачѣмъ родился и чего сдѣлать можетъ... можетъ, онъ родился-то на счастье намъ... для большой намъ пользы?»...

Онъ комментируетъ эти слова: «Вы видите, «уважать» человѣка надо только потому, что онъ — неосуществленная возможность, что каждый человѣкъ—средство для возможной пользы другимъ».

Критику не понятно, что человѣка дѣйствительно можно уважать только за творческую его силу, только за стремленіе выше, а между тѣмъ, презрѣнію къ личности безплодной онъ могъ бы научиться даже у своего Михайловскаго.

Сатинъ говоритъ: «Человѣкъ—вотъ правда! Что такое человѣкъ?.. Это не ты, не я, не они .. нѣтъ! Это ты, я, они, старикъ, Наполеонъ, Магометъ. въ одномъ—(очерчиваетъ въ воздухѣ пальцемъ фигуру человѣка).—Понимаешь? Это—огромно! Въ этомъ - всѣ начала и концы... Все—въ человѣкѣ, все—для человѣка!»...

И опять комментаріи: «Это уже не индивидуализмъ, а нѣчто діаметрально ему противоположное: это конкретизированіе человѣчества, это абстрагированіе человѣческой личности—въ Человѣка Не даромъ Горькій упорно пишетъ его съ большой буквы»

Это—гордость нашей исторіей и нашимъ будущимъ, нашей великой связью во времени и пространствѣ, и кто э т о г о не понимаетъ, для кого слово Человѣкъ съ большой буквой терминъ пустой, даже враждебный, тотъ не достоинъ называться человѣкомъ, даже съ самой маленькой буквы.

И этотъ-то тусклый господинъ, душа котораго закрыта для поэзіи размаха, усилія, жертвы, строительства—осмѣливается бормотать что-то по поводу мѣщанства, якобы засасывающаго Горькаго. Это было бы только до крайности смѣшно, если бы не было такъ... характерно.

Резюмируя сказанное объ ультраиндивидуализмѣ, мы приходимъ къ такому заключенію: онъ является идеологіей группъ и лицъ, живыхъ, полныхъ силъ. Онъ можетъ служить врагамъ соціализма, но врагамъ открытымъ, врагамъ, къ которымъ можно чувствовать нѣкоторое уваженіе, потому что, по своему, они, можетъ быть, даже полны идеализма, они строятъ, они умѣютъ жертвовать собой для того, что считаютъ красотой. Конечно, и подъ этимъ знаменемъ часто укрываются чисто мѣщанскія группы, но это мѣщанство еще жизнеспособное, по своему прогрессивное, во всякомъ случаѣ смѣлое. Индивидуализмъ же г.г. Разумниковъ нѣчто охолощенное косное, сводящееся къ одному отстаиванію правъ каждой одиночной клѣточки въ огромномъ мѣщанскомъ домѣ заключенія. Если на этой

почвѣ возможно возникновеніе чего-то, именуемаго иногда соціализмомъ, то этотъ обывательскій, оборонительный соціализмъ принимаетъ ли онъ экономически реакціонный характеръ прудонизма, или выливается въ мечтѣ о государственномъ соціализмѣ, не только не имѣетъ ничего общаго съ живымъ, свободнымъ и творческимъ коллективизмомъ, несомымъ пролстаріатомъ, но является его антиподомъ, одною изъ аватаръ многоликаго Протея-мѣщанства

—

IV.

ИНДИВИДУАЛИЗМЪ.

Понятіе антииндивидуализма характеризуется нашимъ авторомъ слѣдующимъ образомъ: «Міровоззрѣніе, признающее, что благо общества есть главный критерій нашей дѣятельности, что отдѣльная человѣческая личность есть только «палецъ отъ ноги» общественнаго организма и не заслуживаетъ никакого вниманія— міровоззрѣніе это является типичнымъ антииндивидуализмомъ».

Сразу бросается въ глаза крайнее огрубленіе антииндивидуализма. Почему личность есть «палецъ отъ ноги» общества? Почему не вообще живая его клѣтка? Г Ивановъ-Разумникъ на минуту корчитъ изъ себя человѣка необыкновенной рѣшительности. Каждое міровоззрѣніе неизбѣжно является или индивидуализмомъ, или антииндивидуализмомъ, въ зависимости отъ того, доминируетъ ли въ немъ человѣческая личность надъ другими его элементами, или человѣческая личность является подчиненной какому-нибудь иному элементу міровоззрѣнія «Или-или: tertium non datur».

Не подумайте, однако, что онъ освободился въ самомъ дѣлѣ отъ своего эклектизма и оговорочекъ На той же страницѣ онъ заявляетъ: «принятіе принципа примата личности не противорѣчитъ отрицанію самодовлѣющаго значенія личности». Итакъ, личность должна стоять на первомъ планѣ, но признавать р я д о м ъ съ собой и другія цѣнности—это не значитъ еще быть антииндивидуалистомъ Такою другою цѣнностью авторъ считаетъ общество Онъ говоритъ·

«Противопоставлять индивидуализму въ дальнѣйшемъ мы будемъ «общественность», понимая подъ послѣдней принципъ п р и м а т а общества».

Стало быть, кто признаетъ общество равноцѣннымъ личности—еще индивидуалистъ, кто же признаетъ общество выше личности—общественникъ, антииндивидуалистъ. Замѣтьте при этомъ, что г. Ивановъ-Разумникъ различаетъ еще индивидуализмъ соціологическій, гласящій, что общество, въ концѣ концовъ, сводится къ составляющимъ его личностямъ. Неоднократно приходится констатировать ему, что люди, стоящіе цѣликомъ на такой точкѣ зрѣнія—этически являются антииндивидуалистами, что приводитъ г. Разумника въ величайшее недоумѣніе и раздраженіе. Между тѣмъ, если общество состоитъ изъ личностей, то служить благу общества не значитъ ли служить благу личностей его составляющихъ? Этическій антииндивидуалистъ, говоря о личности: да послужатъ силы твои благу общества,—не говоритъ ли тѣмъ самымъ: послужи развитію личностей? А индивидуалистъ, отвергающій приматъ общаго блага надъ единичнымъ, не является ли простымъ защитникомъ эгоизма? Яснаго отвѣта на эти вопросы мы не получаемъ. Подоплека разумниковскаго индивидуализма чисто безсѣменовская: данная личность, «я» не желаетъ признать приматъ интересовъ милліоновъ «я» надъ своими интересами; она даже не можетъ понять этого примата иначе, чѣмъ въ формѣ насилія надъ собою: этимъ она выдаетъ свою мѣщанскую сущность. Въ ней нѣтъ живого чувства солидарности. Правда, г. Ивановъ-Разумникъ говоритъ о солидарности, но только въ смыслѣ совпаденія непосредственныхъ интересовъ личности съ общественными интересами: здоровой-де личности развитіе общества выгодно. Это—та Бентамовская точка зрѣнія, надъ которой презрительно издѣвался Марксъ, и которую съ лицемѣрнымъ краснорѣчіемъ защищалъ продувной мѣщанинъ нашихъ дней—Леонъ Буржуа. Мы говоримъ не о такой солидарности, а о той живой симпатіи, о томъ соціальномъ чувствѣ, которое такъ ярко обрисовалъ Гюйо, о чувствѣ, самымъ непосредственнымъ образомъ сливающемъ «мои» интересы съ интересами другихъ, дѣлающемъ радости и горести милліоновъ высочайшими «моими» радостями и горестями. Но почему другой долженъ быть для меня выше меня? Да кто же говоритъ объ этомъ!—это старый и никуда негодный альтруистическій хламъ: мы говоримъ о милліонахъ, объ обществѣ, о поколѣніяхъ, о видѣ. «Но почему же милліоны цѣннѣе единицы?»—прищуривъ одинъ глазъ, спрашиваетъ мѣщанскій фарисей.—Да потому, что они способны совершить безконечно болѣе великое, потому, что, сравнивая живой коллективъ и его могучую

творческую жизнь съ узкими рамками личныхъ возможностей, слишкомъ ясно чувствуешь разницу Море состоитъ только изъ капель воды, спросите ли вы почему гроза на морѣ величественнѣе и прекраснѣе бури въ стаканѣ воды? Живой солидарности нѣтъ въ мѣщанинѣ, онъ не чувствуетъ себя органическою частью великаго «Мы». Вотъ почему г Ивановъ-Разумникъ съ негодующимъ удивленіемъ таращитъ глаза на «эгоизмъ» реалистовъ шестидесятыхъ годовъ: люди провозглашаютъ безусловный эгоизмъ, полную свободу личности и рядомъ восклицаютъ, какъ Чернышевскій: умрите за общинное начало».

Но, если Чернышевскій сильно огорчилъ автора своимъ несоотвѣтствіемъ его мѣщанскому индивидуализму, то больше утѣшенія находитъ онъ у Лаврова, великаго путанника передъ лицомъ Божимъ. Здѣсь онъ имѣетъ все, что ему дорого: принятъ личности, съ признаніемъ, однако, и цѣнности общества, и лживую Бентамовскую теорію солидарности.

Индивидуализмъ Лаврова весь вылился въ слѣдующихъ цитатахъ, приводимыхъ нашимъ авторомъ: «Истинная общественная теорія требуетъ не подчиненія общественнаго элемента личному, и не поглощенія личности обществомъ, а слитія общественныхъ и частныхъ интересовъ; личность должна развить въ себѣ пониманіе общественныхъ интересовъ, которые суть и ея интересы: она должна направить свою дѣятельность на внесеніе истины и справедливости въ общественныя формы, потому что это есть не какое-либо отвлеченное стремленіе, а самый близкій эгоистическій ея интересъ. Индивидуализмъ на этой ступени становится осуществленіемъ общаго блага помощью личныхъ стремленій, но общее благо и не можетъ иначе осуществиться»

Слитіе общественныхъ и частныхъ интересовъ обусловливается, такимъ образомъ, не живой солидарностью сотрудничества, доступнаго только тому, кто проникся принципами грядущаго коллективизма, а тѣмъ, будто бы внесеніе истины и справедливости въ общественныя формы, соотвѣтствуетъ эгоистическимъ интересомъ личности Можетъ ли личность, руководясь этимъ мѣщанскимъ утилитаризмомъ, прійти къ самопожертвованію? «Умрите за общинный строй!»—призывалъ Чернышевскій Что же такая смерть лежитъ въ интересахъ самой личности? Она, напротивъ, разбиваетъ и самую личность Когда объ эгоизмѣ говоритъ Чернышевскій, то онъ включаетъ въ него какъ разъ то, что самымъ рѣзкимъ образомъ исклю-

чаетъ Лавровъ. «Не отвлеченное стремленіе говоритъ Лавровъ о близкій эгоистическій интересъ».—Отвлеченное стремленіе къ расцвѣту жизни, хотя бы цѣною смерти моей—есть «эгоизмъ» широко развитой личности, для которой вся жизнь дорога вся жизнь «моя», для которой вѣчно живетъ «Мы»

Общее благо не можетъ осуществляться иначе, учитъ Лавровъ, чѣмъ помощью личныхъ стремленій Очевидно, Лавровъ не хочетъ этимъ выразить тотъ труизмъ, что у общества нѣтъ иныхъ рабочихъ силъ, кромѣ силъ личностей въ конечномъ счетѣ Нѣтъ, онъ защищаетъ ту либерально-мѣщанскую Смиттовскую идею, согласно которой, борьба эгоизмовъ приводитъ къ общему благу, а разумный эгоизмъ, разсудительное себялюбіе, правильный личный разсчетъ предвидитъ это общее благо и способствуетъ ему, какъ выгодному для себя.

Это ложь, потому что общее благо часто требуетъ жертвы отъ личности, это узость, потому что въ предѣлахъ личной выгоды могутъ умѣститься лишь ничтожныя дѣла, это клевета на психологію человѣка, исторія котораго горитъ рубинами мученической крови.

Но г. Ивановъ-Разумникъ радостно киваетъ головой и потираетъ руки.

Однако вѣдь, Лавровъ былъ революціонеръ и не могло не быть въ его міросозерцаніи элементовъ ненавистныхъ такому философу обывательщины, какъ нашъ авторъ. И, дѣйствительно, мы наталкиваемся на слѣдующія любопытнѣйшія цитаты: «наиболѣе энергичныя, наиболѣе способныя, наиболѣе «индивидуальныя», критически мыслящія личности для успѣшной борьбы неизбѣжно должны группироваться, заявляетъ Лавровъ: «именно этимъ людямъ, самостоятельно дѣйствующимъ, привыкшимъ къ нравственному уединенію, надо теперь сойтись, сплотиться вмѣстѣ, думать сообща, дѣйствовать сообща, организовать нѣчто сильное, единое. но сильное коллективною силою, единое абстрактнымъ единствомъ; ихъ же индивидуальность, которую они уберегли отъ затягивающаго вліянія рутины, индивидуальность, къ которой они такъ привыкли, которой они такъ дорожили, должна исчезнуть въ общемъ направленіи мысли, въ общемъ планѣ дѣйствія. Они создаютъ организмъ, но сами въ немъ сходятъ въ положеніе органа. И это они дѣлаютъ добровольно».

Г. Ивановъ-Разумникъ замѣчаетъ по этому поводу: «Конечно,

здѣсь рѣчь идетъ только о партійной дисциплинѣ, но, все-таки, все это мѣсто въ высшей степени характерно: не признавая организмомъ народъ, общество, государство, и требуя равноправія съ ними личности, Лавровъ въ то же время признаетъ организмомъ и партію и сводитъ въ ней личность до положенія т о л ь к о органа».

При соприкосновеніи съ революціонной практикой, требующей всей энергіи человѣка, Лавровъ оказался антииндивидуалистомъ т. е. коллективистомъ То, что для нашего критика является лишь жертвою партійной дисциплинѣ, на самомъ дѣлѣ есть условіе для наиболѣе плодотворной дѣятельности «Онъ сводитъ личность до положенія т о л ь к о органа»,—горестно отмѣчаетъ Ивановъ-Разумникъ. Но быть т о л ь к о органомъ чего-нибудь, значитъ. быть пассивнымъ исполнителемъ, а Лавровъ говоритъ: «Сплотитесь вмѣстѣ, думайте сообща, дѣйствуйте сообща»,—но, вѣдь, это не значитъ быть только органомъ, въ томъ унизительномъ смыслѣ, который придаетъ этому слову г. Разумникъ. Это значитъ быть равноправной частью цѣлаго, настолько однако хорошо организованнаго чтобы не представлять собою простую кучу элементовъ, а ихъ живое единство.

Если нашъ авторъ не въ состояніи понять коллективизма, такъ сказать, въ пространствѣ, то еще съ болѣе тупой злобой набрасывается онъ на коллективизмъ во времени, окрещенный имъ «Шигалевщиной».

Одинъ изъ героевъ романа Достоевскаго «Бѣсы» грубо и парадоксально развиваетъ идею о необходимости рѣзкаго дѣленія людей на немногочисленныхъ «господъ», живущихъ для собственнаго наслажденія, и толпу рабовъ, трудящихся для наслажденія «господъ» Г. Ивановъ-Разумникъ съ неуклюжимъ остроуміемъ приравниваетъ къ этой дикой теоріи, мало чѣмъ отличающейся, впрочемъ, отъ нашей дѣйствительности,—идеализмъ прогресса. Жажда прогресса, заповѣдь трудиться ради процвѣтанія человѣческой культуры,—кажется ему просто «Шигалевщиной» во времени.». Совершенно также, какъ Булгаковъ и сотни другихъ мѣщанскихъ писателей. онъ понимаетъ философію прогресса самымъ примитивнымъ образомъ. нынѣшнія поколѣнія должны быть принесены въ ж е р т в у будущимъ поколѣніямъ Со свойственнымъ мѣщанину торгашествомъ, господа Булгаковы спрашиваютъ: а мнѣ что будетъ? Я даю, а ничего не получаю!—счеты не сходятся, я не такой дурень, чтобы позволить надуть себя.

Но вмѣсто того, чтобы возиться со скучнѣйшей мазней на эту тему господь Булгаковыхъ и Разумниковъ мы предпочитаемъ имѣть дѣло съ талантливой и сконцентрированной аргументаціей Герцена. «Кто этотъ Молохъ, который по мѣрѣ приближенія къ нему труженниковъ, вмѣсто награды питится и въ утѣшеніе изнуреннымъ и обреченнымъ на гибель толпамъ, которыя ему кричатъ moituri te salutant, только и умѣетъ отвѣтить насмѣшкой, что послѣ ихъ смерти будетъ прекрасно на землѣ. Неужели и вы обрекаете людей на жалкую участь каріатидъ, поддерживающихъ террасу, на которой когда-нибудь другіе будутъ танцовать... или на то, чтобы быть несчастными работниками, которые по колѣна въ грязи, тащатъ барку съ таинственнымъ рупомъ и смиренной надписью прогрессъ въ будущемъ на флагѣ. Утомленные падаютъ на дорогѣ, другіе, со свѣжими силами принимаются за веревки, а дороги... остается столько же, какъ при началѣ, потому что прогрессъ безконеченъ. Это одно должно было насторожить людей, цѣль безконечно-далекая,—не цѣль, а, если хотите уловка, цѣль должна быть ближе. Цѣль для каждаго поколѣнія—оно само Природа не только никогда не дѣлаетъ поколѣній средствами для достиженія будущаго, но она вовсе о будущемъ не заботится, она готова, какъ Клеопатра, растворить въ винѣ жемчужину, лишь бы потѣшиться въ настоящемъ».

Ошибка Герцена бросается въ глаза всякому соціалистически и исторически мыслящему человѣку. Онъ исходитъ изъ представленія о безутѣшной, изнурительной работѣ, онъ беретъ для изображенія нашего культурнаго строительства образъ бурлацкаго труда. Но вѣдь это ложь. Мнѣ припоминаются вновь слова Эрнста Маха: «Для человѣка нѣтъ большаго счастья, чѣмъ способствовать обогащенію науки и искусства или служить великому соціальному преобразованію человѣчества». Нѣтъ большаго с ч а с т ь я, какія же могутъ тутъ быть рѣчи о жертвѣ? Чѣмъ шире личность, тѣмъ шире ея горизонты, отдаленнѣе и грандіознѣе цѣли. Конечно, Герценъ правъ, говоря, что природа не заботится о будущемъ,—къ ней непримѣнимо самое понятіе «заботы», заключающее въ себѣ характеръ сознательности, но зато человѣчество-то, оно заботится, и этимъ прометеевскимъ своимъ прозрѣніемъ человѣкъ и становится выше природы. Это она—Молохъ, стремящійся безслѣдно пожрать насъ, сдѣлавъ рабами момента, это именно идея прогресса спасаетъ насъ отъ нея, открывая намъ ворота вѣчности.

Но маленькія мѣщанскія душенки ликуютъ. Онѣ въ концѣ-концовъ, подобно Петру Безсемѣнову, хотятъ жить въ свою утробу имъ—индивидуалистамъ, оторваннымъ единицамъ. — непонятно большее общее, онѣ, конечно, не пренебрегаютъ обществомъ, но торгуются съ нимъ какъ ловкіе купцы бентамисты. Для спасенія отъ страшной такому оторванному индивидууму смерти, онъ предпочитаетъ втиснуть въ себя отжившую вѣру въ безсмертную душу Ликуетъ г Ивановъ-Разумникъ и похваливаетъ Герцена «Можно всецѣло принять положеніе Герцена.—заявляетъ онъ и продолжаетъ—человѣческая личность—самоцѣль: эта формула этическаго индивидуализма рельефно и отчетливо ставится Герценомъ, принимая сейчасъ же характеръ который можно было бы назвать философски-историческимъ индивидуализмомъ, выражающимся въ формулѣ: цѣль историческаго прогресса—настоящее».

Но что же? Неужели Герценъ стоитъ на одной доскѣ съ г Ивановымъ-Разумникомъ? О нѣтъ, нѣтъ! Дѣло только въ томъ что Герценъ не всегда былъ послѣдовательнымъ соціалистомъ, что въ немъ силенъ былъ барскій, интеллигентскій индивидуализмъ. Мы находимъ у него и совсѣмъ другія утвержденія: «Чѣмъ болѣе человѣкъ сосредоточивается на частномъ, тѣмъ болѣе голыхъ сторонъ онъ представляетъ ударамъ случайностей». «Личность человѣка не замкнута; она имѣетъ широкія ворота для выхода» «Не отвергнуть влеченія сердца, не отречься отъ своей индивидуальности и всего частнаго, не предать семейство всеобщему, но раскрыть свою душу всему человѣческому, страдать и наслаждаться страданіями и наслажденіями современности, работать столько же для рода сколько для себя, словомъ, развить эгоистическое сердце во всѣхъ-скорбящее, обобщить его разумомъ, и въ свою очередь, оживить имъ разумъ и т д ».

Эгоистическое сердце—во всѣхъ скорбящее и во всѣхъ радующееся это вѣдь, тотъ самый эгоизмъ, который проповѣдывалъ и Чернышевскій Революціонера всегда спасаетъ отъ мѣщанскаго индивидуализма самая его революціонность, но г. Ивановъ-Разумникъ и у Лаврова, и у Герцена, и у Михайловскаго заботливо выбираетъ самое мѣщанское. Какою ненавистью къ соціализму долженъ обладать этотъ именующій себя соціалистомъ, чтобы съ восхищеніемъ восхвалять барскія бутады Герцена противъ соціализма, столь непривлекательно роднящія его съ ренегатами нашихъ дней: »соціализмъ разовьется во всѣхъ фазахъ своихъ до крайнихъ

послѣдствій, до нелѣпостей. Тогда снова вырвется изъ титанической груди революціоннаго меньшинства крикъ отрицанія, и снова начнется смертная борьба, въ которой соціализмъ займетъ мѣсто нынѣшняго консерватизма».

Въ сужденіяхъ Герцена сказалась, конечно, его ограниченность, невозможность даже для него стрѣшиться отъ барскихъ предразсудковъ и понять, что соціализмъ не есть какой-нибудь законченный, застывшій укладъ, а только выраженіе опредѣленной ступени всечеловѣческой организаціи силъ. Предсказаніе Герцена такъ же нелѣпо, какъ предсказанія обскурантовъ о бунтѣ противъ науки, противъ свободы. И они тоже подмѣняютъ вѣчное въ наукѣ принципъ честнаго изслѣдованія какой-нибудь ея частной формой, напримѣръ, матеріализмомъ вѣчное въ свободѣ — буржуазнымъ парламентаризмомъ и т. п. Но если простительно барское недовѣріе Герцена къ непонятному имъ принципу сотрудничества, то омерзительны инсинуаціи противъ соціализма такихъ «соціалистовъ», какъ Булгаковы и Разумники, вся цѣль которыхъ обезцѣнить и обезцвѣтить будущее человѣчество, чтобы, по мѣрѣ силъ, парализовать революціонную энергію въ настоящемъ.

Достойными товарищами ихъ являются типичнѣйшіе представители голаго мѣщанства въ русской литературѣ Молотовы и Череванины. Они громко заявляютъ: «О комъ же заботиться, для кого хлопотать? Ужъ не для будущаго ли поколѣнія трудиться?. Вотъ еще діалектическій фокусъ, пунктъ помѣшательства, благодушная шичь! Часто отъ лучшихъ людей слышишь, что они работаютъ для будущаго,—вотъ странность-то! Вѣдь насъ тогда не будетъ?»

Индивидуализмъ симпатичный нашему автору, есть череванинскій индивидуализмъ упадочнаго мѣщанства, а тотъ антииндивидуализмъ, о которомъ онъ отказывается, какъ о «шигалевщинѣ», есть въ концѣ-концовъ, ничто иное, какъ высшее выраженіе личнаго развитія—героизмъ.

Величайшій изъ ультра-индивидуалистовъ, признаваемый почему-то и нашимъ авторомъ за великаго индивидуалиста—Ницше тонко понималъ историческое чувство. Приведемъ страничку изъ «Радостной Науки», дѣйствительно, радостную страничку. «Когда я смотрю на нашъ вѣкъ утонченными глазами далекаго будущаго, то самое замѣчательное, что я усматриваю въ современномъ человѣчествѣ, это нѣчто юное и большое, именуемое историческимъ чувствомъ. Тутъ начало чего-то совершенно новаго и въ

исторіи небывалаго: если этому зерну дано будетъ развиваться нѣсколько столѣтій, изъ него можетъ вырости чудное растеніе съ такимъ упоительнымъ и страннымъ ароматомъ, что на землѣ станетъ много лучше жить, чѣмъ теперь. Мы, современники, начинаемъ ковать цѣпь новаго могучаго чувства, звено за звеномъ, едва сознавая, что мы дѣлаемъ. Намъ кажется, иной разъ, что дѣло идетъ вовсе не о выработкѣ новаго чувства, а объ атрофіи старыхъ: историческій смыслъ такъ бѣденъ и холоденъ пока, что на многихъ онъ дѣйствуетъ словно озноб, многихъ онъ дѣлаетъ холоднѣе и бѣднѣе, чѣмъ они были. Другимъ онъ представляется признакомъ, приближающейся старости· наша планета кажется имъ тяжелобольнымъ, который пишетъ исторію своей молодости, чтобы забыть свое настоящее. Дѣйствительно есть и такой оттѣнокъ въ этомъ новомъ чувствѣ: кто умѣетъ чувствовать все прошлое человѣчества, какъ свое прошлое, тотъ чувствуетъ и страшный итогъ всего озлобленія больныхъ, изъ-за потеряннаго здоровья, стариковъ, думающихъ о своихъ юношескихъ грезахъ, влюбленныхъ, у которыхъ отняли любимое, мучениковъ, погибшихъ за свой идеалъ, героевъ въ вечеръ дня битвы, ничего не рѣшившей, но стоющей ранъ и утраты друзей: но нести всю тяжесть этой разнообразной злобы, быть въ силахъ нести ее и оставаться героемъ, привѣтствующимъ зарю и свое счастье съ началомъ новаго дня битвы, быть человѣкомъ съ горизонтомъ тысячелѣтій впереди и позади себя. быть наслѣдникомъ всего благородства почившаго духа, отвѣтственнымъ наслѣдникомъ знатнѣйшаго изъ старинныхъ родовъ, о какомъ, когда-либо мечтала древность, впитать все это въ свою душу, древнее и новое, разочарованія, надежды, завоеванія, побѣды человѣчества, вмѣстить все это въ одну душу, въ одно чувство— вотъ счастіе, какого не зналъ до сихъ поръ человѣкъ, счастье Бога, полнаго силъ и любви, полнаго слезъ и смѣха, бога, который, словно вечернее солнце даритъ непрерывно изъ своей неисчерпаемой сокровищницы и бросаетъ золото въ море, чувствуя себя богатымъ, лишь тогда, когда и бѣднѣйшій рыбакъ гребетъ золотыми веслами. И это божественное чувство называется—человѣчность».

Вотъ та основа, на которой растетъ религія прогресса, вотъ то, что нашъ эпигонъ народничества обзываетъ «шигалевщиной». И, чтобы окончательно выяснить, какъ думалъ на этотъ счетъ Ницше, имя котораго всуе призываетъ г. Ивановъ-Разумникъ, приведу еще одно мѣсто изъ его «Несвоевременныхъ Размышленій»: «Личность

не можетъ жить прекраснѣе, чѣмъ созрѣвая для смерти, для жертвы собою во имя справедливости и любви. Таинственные взоры трагическаго искусства не усыпляютъ насъ, не связываютъ нашихъ членовъ, хотя и требуютъ спокойствія, пока они смотрятъ на насъ. Конечно, искусство существуетъ не для самой борьбы, но для покоя въ ея промежуткахъ, когда символическое понимается, оглядываясь на прошлое, предчувствуя будущее Сейчасъ начнется день битвы, исчезнутъ священныя тѣни, искусство удалится, но его утреннее утѣшеніе останется съ человѣкомъ... Величайшія страданія личности· отсутствіе единства между людьми, непрочность основныхъ воззрѣній, неравенство,—все это принуждаетъ ее искать утѣшенія въ искусствѣ. Нельзя быть счастливымъ, пока все вокругъ насъ страдаетъ и само причиняетъ себѣ страданія, нельзя быть нравственнымъ, пока ходъ человѣческихъ дѣлъ опредѣляется насиліемъ, обманомъ, несправедливостью, нельзя даже быть мудрымъ, пока все человѣчество не соревнуетъ въ стремленіи къ мудрости, и не вводитъ личности въ жизнь и науку самымъ мудрымъ образомъ» *).

Конечно, все это немного неожиданно въ устахъ такого писателя, какъ Ницше, но мы уже говорили, что ультра-индивидуализмъ дѣйствительно великихъ личностей соприкасается съ коллективизмомъ дѣйствительно великихъ классовъ.

Въ продолженіе всего своего труда г. Ивановъ-Разумникъ мучается надъ вопросомъ о соотношеніи интересовъ личности и общественной дифференціаціей. Михайловскій, какъ извѣстно, далъ классическую формулу такъ называемаго интегральнаго индивидуализма: возможно меньшее раздѣленіе труда между отдѣльными членами общества и возможно большее раздѣленіе его между отдѣльными органами индивида. Эта формула подвергалась уже достаточно побѣдоносной критикѣ. Это несомнѣнно мѣщанская формула, поздній отзвукъ натуральнаго хозяйства, идеализація мужика, какъ самостоятельнаго, самодовлѣющаго производителя Г Ивановъ-Разумникъ, свободный отъ той кровной связи съ мужикомъ, какая еще охранялась у Михайловскаго, интеллигентъ съ головы до ногъ, конечно, измѣняетъ формулѣ. Онъ стоитъ за раздѣленіе труда, онъ понимаетъ его выгоды, онъ любитъ свой интеллигентскій трудъ и ему, вѣроятно, вовсе не улыбается необходимость самому взраци-

*) Переводъ цитатъ Ницше всюду мой А. Л.

вать себѣ хлѣбъ свой. Въ высокой степени интеллигентный мужикъ —вотъ идеалъ старыхъ народниковъ. Г. Ивановъ-Разумникъ исходитъ не изъ интересовъ мужика, а изъ интересовъ интеллигента его идеалъ—свободный спеціалистъ, не чуждый однако и общему образованію и общественной жизни Этотъ принципъ проведенъ. конечно, у нашего автора. по обыкновенію. тускло и со всякими трусливыми оговорками

Для насъ не существуетъ самого вопроса общество есть колоссальный, безконечно-богатый организмъ, т. е , вѣрнѣе. становится имъ. Пока законы его развитія ускользаютъ отъ человѣческаго контроля—раздѣленіе труда. этотъ двигатель и результатъ развитія, приводитъ къ искалеченности отдѣльныхъ людей, къ превращенію ихъ въ уродовъ той или иной спеціальности Но разумная цѣль разумнаго общества, въ которомъ стихіи уже не вертятъ человѣкомъ—это сдѣлать свое матеріальное и духовное богатство, безмѣрно возросшее въ силу планомѣрнаго сложнаго сотрудничества, достояніемъ каждой личности для ея дальнѣйшаго роста, какъ общественной силы.

Развитіе «индивидуальности», духовной оригинальности не можетъ не цвиться высоко въ соціалистическомъ обществѣ по тѣмъ же соображеніямъ, по какимъ оно никогда не откажется отъ извѣстной спеціализаціи по отраслямъ труда. Идейное богатство, обиліе различныхъ точекъ зрѣнія, гипотезъ, направленій, обезпечиваетъ наиболѣе удачный подборъ, ибо основной законъ, по которому совершенствуются идеи. есть борьба ихъ и побѣда наиболѣе жизнеспособныхъ Обладая огромными производительными силами. располагая колоссальнымъ хозяйственнымъ фондомъ, соціалистическое общество будетъ крайне заинтересовано въ обиліи п л а н о в ъ, большихъ культурныхъ проектовъ которые представляли бы широкій выборъ для соотвѣтственнаго распредѣленія задачъ и силъ. Полная свобода мнѣній, кипучее соревнованіе инженеровъ. художниковъ и т. п между собою въ дѣлѣ выработки общественнаго плана коллективныхъ работъ не будетъ ни минуту противорѣчить полному единству и естественной дисциплинѣ въ дѣлѣ выполненія принятой послѣ всеобщаго обсужденія программы.

Личность или группа, выдвигаютъ инициативу того или другаго культурнаго дѣла, скажемъ, построеніе храма въ память мучениковъ человѣческаго прошлаго. Готовы «коллективно» или «индивидуально» выработанные планы, готова смѣта, вычисляющая коли-

чество труда, какимъ надо пожертвовать для осуществленія задуманнаго. Допустимъ, что иниціаторы обращаются къ родной коммунѣ съ предложеніемъ украсить городъ такимъ памятникомъ и учредить соотвѣтственные празднества. Разумѣется, планъ подвергается самому открытому и всестороннему обсужденію. Предположимъ, что большинствомъ голосовъ планъ отвергается. Ничто не мѣшаетъ иниціаторамъ кликнуть кличъ по всей землѣ, пригласить всѣхъ сочувствующихъ ихъ идеѣ, сплотиться въ спеціальное общество, которое соединенными усиліями и воздвигнетъ храмъ.

Надо помнить, что лишь небольшой процентъ общественнаго труда, а, стало быть, также времени и силъ каждой личности будетъ принадлежать общей централизованной организаціи. Это фундаментъ соціальной жизни. На этомъ фундаментѣ свободный и свободно группирующійся трудъ обезпеченныхъ, для роскоши жизни освобожденныхъ людей, будетъ строить самую богатую, сложную, разнообразную культуру. Уменьшеніе количества труда, абсолютно необходимаго, потребнаго для удовлетворенія первоначальныхъ нуждъ, конечно, не поведетъ къ праздности и лѣни, но къ росту вольнаго творчества, ибо творческій трудъ есть высшее изъ наслажденій.

Подумайте обо всемъ этомъ и оглянитесь на жалкаго эпигона, съ его толками объ анти-индивидуализмѣ.

И исторически, и экономически наша концепція вся цѣликомъ сводится къ великому факту и къ великому идеалу ростущаго сотрудничества, сотрудничества поколѣній, сотрудничества современниковъ.

Когда-то Милль говорилъ: кто гонится за счастьемъ, рѣдко его получаетъ, но оно нежданно приходитъ къ тому, кто, не раздумывая о личномъ счастьѣ, цѣликомъ отдался преслѣдованію великихъ цѣлей. То же и съ индивидуальнымъ развитіемъ; кто о немъ только и толкуетъ, кто все время надъ нимъ возится, въ огромномъ большинствѣ случаевъ остается узкой душенкой, но огромнаго развитія достигаетъ тотъ, кто упражняетъ силы духа и тѣла, совершая большую работу на общее благо.

V.

ИНДИВИДУАЛИЗМЪ «ИСТИННЫЙ».

Мы достаточно познакомились теперь съ индивидуализмомъ г Иванова-Разумника Его основа—классически-мѣщанская этика Канта, его цѣль, обусловленная особенностями современной русской жизни,—освобожденіе русскаго интеллигента отъ историческаго чувства, отъ чисто-общественнаго идеализма, приводящаго зачастую къ самопожертвованію и замѣна его идеализмомъ мѣщанскаго типа. Поэтому-то г. Ивановъ-Разумникъ очень льнетъ къ идеалистамъ-ренегатамъ марксизма, первымъ интеллигентскимъ бунтовщикамъ противъ хорошо осознанной рабочей опасности. Авторъ нашъ похваливаетъ всѣ виды мистицизма, хотя и не рѣшается отождествить себя съ модернистами въ философіи и искусствѣ. Онъ хочетъ быть имъ другомъ, и въ то же время не рвать окончательно съ научно-философскимъ реализмомъ, пустившимъ слишкомъ глубокіе корни въ сознаніи русской интеллигенціи. Впрочемъ. г. Ивановъ-Разумникъ не любитъ распространяться о своихъ философскихъ вѣрованіяхъ. Одно узнаемъ мы. что онъ выбралъ себѣ, какъ и слѣдуетъ собирателю интеллигенціи, философскую школу, представляющую собою нѣчто, вродѣ пункта пересѣченія идеализма и реализма, кантіанства и новѣйшей научной философіи, именно имманетную школу Тутъ невозможно не отмѣтить одного курьеза· говоря такъ много о личности, о ея правахъ. свойствахъ, о ея цѣнности и т. п. г Ивановъ-Разумникъ лишь въ одномъ примѣчаніи пытается опредѣлить. что же такое эта личность? И насколько ясное получается у него опредѣленіе, объ этомъ пусть судитъ самъ читатель· «Точка зрѣнія автора такова: имманентная философія неизбѣжно приводитъ къ солипсизму и даже къ признанію, что «я» есть только рядъ безсвязныхъ элементовъ сознанія. Признаніе этого ряда за цѣльную личность есть уже вполнѣ метафизическое построеніе; на метафизической почвѣ дѣлается и второй шагъ—преодолѣніе солипсизма, утвержденіе цѣльности и дѣйствительности личности вообще и далѣе—принятіе эмпирической личности. Все это метафизическіе лѣса, которые необходимы при построеніи міровоззрѣнія».

Что за жалкая участь! Быть яростнымъ индивидуалистомъ и растерянно бормотать что-то невразумительное, когда отъ васъ потребуютъ опредѣлить основное понятіе вашего міросозерцанія.

А. какъ прикажете быть? Стать на точку зрѣнія чистаго идеализма, заявить вмѣстѣ съ Бердяевымъ, что «идея личности и нравственная проблема, субъектомъ которой личность является, понятна только на почвѣ спиритуализма»—нельзя! Слишкомъ удалишься отъ полюса позитивизма, попадешь въ категорію спиритуалистовъ, въ крайность, а мы знаемъ, что самое положеніе г. Иванова-Разумника, какъ собирателя, обязываетъ его къ умѣренности, аккуратности и серединности. Стать на точку зрѣнія эмпирическую?—нельзя, потому что «личность идеальная постулируетъ этическій индивидуализмъ, личность эмпирическая ведетъ къ анти-индивидуалистическому гедонизму и утилитаризму», приходится искать середины, «вѣдь еще старикъ Кантъ разъяснилъ апріорность моральныхъ основоположеній, призналъ неразрѣшимость нравственной проблемы для эмпиризма, построилъ этическій индивидуализмъ, отнюдь не опираясь на спиритуализмъ, который для него былъ гносеологически непріемлемымъ Уже по одному этому видно, что есть полная возможность построить этическій индивидуализмъ, избѣжавъ плоскаго эмпиризма, и, не впадая въ крайности метафизическаго идеализма Струве и Бердяевъ напрасно полагали, что tertium non datur, что нѣтъ никакого пути между Сциллой эмпиризма и Харибдой спиритуализма».

Итакъ, исправить Канта имманентщиной, и золотая середина будетъ найдена такъ и хлопнулся г. Ивановъ-Разумникъ между двухъ стульевъ; но, вѣдь мѣсто между двухъ стульевъ это, такъ сказать, естественный тронъ собирателя интеллигенціи.

Не менѣе забавна та канитель, которую тянетъ и путаетъ нашъ индивидуалистъ, стараясь этически разграничить понятія Человѣкъ, личность и конкретная личность.

Наиболѣе характерно выступаютъ воззрѣнія г Иванова-Разумника на этотъ предметъ на страницахъ, посвященныхъ имъ литературѣ Екатерининскихъ временъ· «Общественники заботились, главнымъ образомъ, о благѣ «человѣка», слово это они любили писать съ большой буквы, показывая этимъ, что ихъ интересуетъ не живая, реальная личность, а абстрактное цѣлое, общество. Въ Россіи XVIII вѣка взглядъ этотъ умѣрялся тѣмъ, что абстрактный человѣкъ не добился еще самыхъ примитивныхъ своихъ правъ—внѣшней свободы личности, крѣпостная зависимость должна была пасть, чтобы русскій человѣкъ могъ свободно развивать свою личность».

Г. Ивановъ-Разумникъ почему-то считаетъ, что борьба за права русскаго мужика есть борьба за «абстрактнаго человѣка». Никакихъ доказательствъ этого положенія онъ не приводитъ. Онъ просто заявляетъ: «Ясно одно, что теорія общественниковъ о «благѣ цѣлаго», т. е о благѣ абстрактнаго человѣка за счетъ блага реальной личности,—является глубоко анти-индивидуалистической теоріей».

Если вы боретесь за свободу милліоновъ людей, каждый изъ которыхъ, конечно, вполнѣ конкретная и живая личность, то вы боретесь за абстракцію. Правда, въ этомъ есть доля истины, но вполнѣ убійственная для нашего автора. Выходитъ такъ: если я отпускаю на волю даннаго Ивана, то я борюсь за конкретную личность, а если хлопочу о свободѣ многихъ, лично незнакомыхъ мнѣ Ивановъ, то, разумѣется, вынужденъ рисовать себѣ ихъ въ видѣ нѣкотораго собирательнаго образа—крѣпостного вообще, напримѣръ. Если нашъ авторъ провозглашаетъ борьбу за интересы конкретной личности, в с я к о й конкретной личности, то и это борьба за абстракцію, ибо «всякая конкретная личность вообще» есть личность абстрактная и противъ этого г. Разумнику ничего не подѣлать. Конкретныя личности для всякаго даннаго человѣка, это онъ самъ, его семья, друзья и личные враги; едва переходитъ онъ за эти узкія мѣщанскія границы—онъ имѣетъ дѣло с ь абстракціей. Борьба противъ абстракціи въ этомъ смыслѣ есть просто мѣщанское стремленіе съузить жизнь и отмахнуться отъ великихъ бурь и цѣлей. Г. Ивановъ-Разумникъ приводитъ стихотвореніе Пнина:

„Ты царь земли, ты царь вселенной,
Хотя ничто въ сравненьи съ ней;
Хотя ты прахъ одинъ возженный,
Но мыслію великъ своей...
Въ какомъ пространствѣ зрю ужасномъ
Раба отъ Человѣка я
Одинъ, какъ солнце въ небѣ ясномъ,
Другой такъ мраченъ какъ земля...
Прими мое благоговѣнье,
Зиждитель—Человѣкъ. Прими...'

Этотъ порывъ горделиваго человѣческаго чувства радость личности, чувствующей въ себѣ частицу стихіи, живущей въ милліонахъ грудей, не вызываетъ въ нашемъ мѣщанинѣ ни капли симпатіи, и онъ предпочитаетъ ему произведенія Державина, этого, какъ сказывается, настоящаго отца нашего индивидуализма. Нигдѣ мы

не видимъ въ такомъ рѣзкомъ освѣщеніи коренной родственности разумниковскаго индивидуализма и мѣщанства:

„Жизнь есть небесъ мгновенный даръ:
Устрой ее себѣ къ покою...“

«Вотъ и вся житейская философія Державина: наивный эпикуреизмъ, покойная жизнь, безпрерывное наслажденіе, а впереди—страхъ смерти, такъ какъ

„На свѣтѣ жить намъ время срочно..“

Въ этомъ примитивномъ міровоззрѣніи мы видимъ ясные зачатки индивидуализма».

Итакъ, устроить жизнь «себѣ къ покою», значитъ, быть индивидуалистомъ, а призывать каждаго изъ милліоновъ рабовъ къ свободѣ, значитъ пренебрегать личностью. Что-жъ, замѣтимъ себѣ это.

„Доколь текутъ часы златые
И не приспѣли скорби злыя,—
Пей, ѣшь и веселись, сосѣдъ“.

«Этотъ «сосѣдъ»,—говоритъ нашъ авторъ,—живая, реальная личность, а не тотъ абстрактный «Зиждитель-Человѣкъ», передъ которымъ благоговѣйно распростирался во прахъ Пнинъ, и за права котораго боролись Новиковъ и Радищевъ».

Неправда-ли поучительно? «Сосѣдъ» эта пустенькая абстракція человѣка вообще въ низменномъ представленіи глуповатаго гурмана,—оказывается, конкретной личностью; призывъ «ѣшь, пей и веселись!»—эта абстрактнѣйшая заповѣдь всякихъ мелкихъ эпикурейцевъ прошлаго и настоящаго,—есть благородный индивидуализмъ, а призывъ «не будь рабомъ»—есть низменный анти-индивидуализмъ.

«Правда, и Радищевъ и Новиковъ видѣли въ крестьянинѣ живого человѣка, страдали за него, отдавали ему свою душу, но одинъ фактъ, что этихъ страдающихъ крестьянъ были милліоны, невольно заставлялъ производить абстракцію такъ, что реальная личность часто пропадала за абстрактнымъ Человѣкомъ».

Итакъ, тотъ фактъ, что крестьянъ были м и л л і о н ы—дѣлалъ гордаго и свободолюбиваго человѣка Пниныхъ—пустой абстракціей, а тотъ фактъ, что обжорливыхъ баръ «сосѣдей» Державина были т о л ь к о с о т н и, дѣлалъ еле намѣченный образъ такого господина, заливающаго виномъ свой страхъ смерти,—живою личностью.

Ахъ, г. Ивановъ-Разумникъ, какъ наивно выдали вы себя головою въ этомъ курьезномъ сопоставленіи. Не «живая личность» выглянула у Державина, выглянуло у него стремленіе жить въ свою утробу, стремленіе, какъ никакъ, а интеллигента, повернуться спиной къ тому, чѣмъ горѣли сердца Радищевыхъ и Новиковыхъ, и жить въ свое удовольствіе. Соціальный эгоизмъ зажиточныхъ, болѣе или менѣе хорошо поставленныхъ обывателей выглянулъ у Державина съ игривымъ самодовольствомъ, философствующаго поросенка; и то, что вы въ этомъ проблескѣ самозащиты и самоутвержденія сытаго брюха нашли первое проявленіе дорогого вамъ индивидуализма, показываетъ какую цѣну этотъ индивидуализмъ имѣетъ. Это лишнее яркое доказательство того, что его подоплека—бѣгство интеллигенціи отъ соціальной задачи, бѣгство ея отъ служенія милліонамъ и Человѣку въ тѣсный кругъ «конкретныхъ личностей».

Эстетика г. Иванова-Разумника.

I.

РОМАНТИЗМЪ.

Современная намъ литература русская находится въ довольно хаотическомъ состояніи. Реализмъ, почти безраздѣльно царившій нѣкоторое время у насъ, видимо, отживаетъ свое время. Настоящимъ представителемъ новаго фазиса русской литературы въ ея основномъ руслѣ является романтикъ Горькій. Мало-по-малу вокругъ него группируется новая школа. Процессъ роста и созрѣванія этого пролетарскаго и революціоннаго неоромантизма идетъ, къ сожалѣнію, довольно медленно и невѣрно, по причинамъ вполнѣ понятнымъ: это литература новаго класса, путь котораго крутъ и труденъ, и который обладаетъ лишь немногими друзьями въ средѣ нищущей интеллигенціи. Другой новой школы, претендующей на гегемонію, является мистическій неоромантизмъ: теченіе чисто интеллигентское, т. е. мѣщански-интеллигентское. Крупнѣйшими представителями его являются Брюсовъ, Соллогубъ и Мережковскій.

Итакъ, линяніе реализма и нарожденіе двухъ романтизмовъ: антимистическаго, революціоннаго и пролетарскаго, съ одной стороны, и пессимистическаго, мистическаго, мѣщанскаго—съ другой—

вотъ характернѣйшее явленіе современной русской литературы. Романтизмъ Андреева стоитъ на распутьи: писатель этотъ подавалъ одно время надежды сдѣлаться союзникомъ перваго направленія, въ послѣднее же время онъ, вольно или невольно, приближается ко второму, гдѣ не встрѣчаетъ, впрочемъ, радушнаго пріема.

Отъ г. Иванова-Разумника мы вправѣ ожидать, что онъ поведетъ наивозможно мѣщанскую линію въ своей оцѣнкѣ реализма и романтизма. Такъ это и есть на самомъ дѣлѣ.

Ища опоры въ совершенно устарѣлыхъ опредѣленіяхъ романтизма, данныхъ Бѣлинскимъ, г. Ивановъ-Разумникъ опредѣляетъ его самъ слѣдующимъ образомъ:

«Подъ романтизмомъ мы понимаемъ общее и вѣчное свойство человѣческаго духа, стремленіе нарушить тѣ границы, которыми сдавливаетъ его реальный міръ,—непосредственное воспріятіе и сознаніе, раціонализмъ мысли, воли и чувства. Подъ романтизмомъ мы понимаемъ постоянное стремленіе проникнуть въ новый, невѣдомый міръ, отбросить все «человѣческое, слишкомъ человѣческое», изъ міра третьяго измѣренія перейти въ міръ измѣренія четвертаго, отъ понятности перейти къ таинственности, отъ закономѣрности къ чуду. Выражаясь словами современнаго поэта, мы скажемъ, что романтизмъ—вѣчное стремленіе и проникновеніе

„За предѣлы предѣльнаго,
Къ безднамъ свѣтлой безбрежности. “

При этомъ, по мнѣнію нашего автора, «для романтизма одного стремленія мало; должно быть и проникновеніе».

Къ этому надо прибавить, что романтизмъ, по его мнѣнію, всегда революціоненъ. Онъ легко отмахивается отъ Шатобріана и Ламартина, и съ любовью останавливается на Гюго, сентиментальную фразистику котораго пресерьезно считаетъ революціонностью. Онъ совершенно замалчиваетъ тотъ фактъ, что нѣмецкій романтизмъ, начавшійся съ «Разбойниковъ» и выразившійся въ свѣтлой философіи молодаго Шеллинга, окончился въ католическихъ сумеркахъ Новалиса и религіозномъ бредѣ стараго Шеллинга. Тезисъ о коренной революціонности романтизма поддерживала когда-то чувствительная и легкомысленная мѣщанка м-мъ Сталь, и досталось же ей за это по ушамъ отъ львиной лапы Гейне!

Г. Ивановъ-Разумникъ отказывается считать настоящимъ романтизмомъ поэзію стремленія, онъ хочетъ еще и проникновенія за предѣлы, впадая при этомъ въ противорѣчіе съ собственнымъ опре-

дѣленіемъ романтизма, какъ неисытнаго стремленія. Никто изъ русскихъ романтиковъ не удовлетворяетъ его, даже Лермонтовъ только «близко подошелъ» къ романтизму. А почему? Потому, что «въ безсиліи проникнуть за предѣлы предѣльнаго—вся глубокая трагедія лермонтовской жизни».

Но какимъ же образомъ возможно проникнуть за предѣлы предѣльнаго? Какъ мыслимо обнять необъятное? Такъ авторъ заявляетъ. «Нѣмецкій романтизмъ есть романтизмъ по преимуществу логическій; англійскій романтизмъ, главнымъ образомъ, этическій и романтизмъ французскій—прежде всего эстетическій романтизмъ; иначе говоря, главнымъ свойствомъ нѣмецкаго романтизма мы считаемъ фантастику, англійскаго—титанизмъ, французскаго—исключительность страстей».

И во всѣхъ этихъ трехъ областяхъ западные романтики, оказывается, проникли-таки за предѣлы предѣльнаго! Какая чушь! Неужели фантастика есть реальное проникновеніе за предѣлы? Вѣдь, это только игра въ капризныя комбинаціи эмпирически даннаго, и, конечно, ни Тику, ни Гофману никогда не приходило въ голову, что ихъ, то юмористическія, то страшныя фантасмагоріи представляютъ собою проникновеніе въ скрытую истину вещей, какъ не думалъ этого и напр. Гоголь, сочиняя «Носъ» или «Портретъ». Въ поискахъ за откровеніемъ потусторонняго, самые серьезные романтики—Новалисъ, Шлегель, склонились у алтаря католицизма, какъ разъ признавъ безсиліе человѣческихъ усилій. Это правда, что фантасты, строго слѣдуя той эстетикѣ Шиллера и Шеллинга, согласно которой свобода и красота недостижимы въ реальной жизни, а лишь въ области поэзіи—рванулись отъ непобѣдимаго мѣщанства нѣмецкой жизни, но тщетно. Они противопоставили грязной дѣйствительности странныя причуды своего воображенія, но мучительно не удовлетворились этимъ. Спасеніе было только въ борьбѣ, въ революціонномъ разрушеніи и созиданіи. Но этотъ путь былъ для нихъ заказанъ, и они морально погибли.

А англійскій романтизмъ? Г. Разумникъ говоритъ о Байронѣ: «Безпредѣльная сила, титаническое могущество человѣческаго духа—вотъ та область, въ которой Байронъ заглядываетъ за «предѣлы предѣльнаго»; каждый изъ героевъ Байрона подобно Манфреду,

„...человѣкъ великихъ силъ и мыслей,
Добру и злу не знающій границъ".

Но, во-первыхъ, нашему автору приходится дѣлать Байрона мистикомъ вопреки его волѣ. титаническій романтизмъ Байрона весь земной; во-вторыхъ, гдѣ же у Байрона проникновеніе за предѣлы? Если предѣломъ тутъ нужно считать обычную мораль, то не надобно никакого титанизма для того, чтобы перешагнуть черезъ эту условную и узенькую границу. Но у Байрона центръ тяжести совсѣмъ въ другомъ: его люди хотятъ бороться съ рокомъ, невыразимо горько оплакиваютъ безсиліе человѣка. Они достаточно сильны, чтобы не мириться, чтобы бунтовать, но безконечно слабы для того, чтобы побѣдить. Очевидно, что Байронъ переступилъ бы за предѣлы не міра вообще, конечно, но, ограничивающихъ насъ силы природы и общества, если бы онъ сумѣлъ съ полной правдивостью изобразить побѣдоноснаго «Манфреда», ликующаго «Каина». Но у Байрона не только нѣтъ подобной попытки, но наоборотъ: вся суть его романтизма въ пессимизмѣ. Если нѣмецкій романтизмъ палъ въ изнеможеніи, безсильный познать истину или построить красоту внѣ жизни, то Байронъ палъ въ сознаніи невозможности передѣлать жизнь на идеальный ладъ въ грандіозной борьбѣ индивида. Если Гете, олимпійски улыбаясь, могъ отвѣтить на стенанія романтиковъ: «Наука и трудъ», то Мадзини могъ отвѣтить на отчаяніе Байрона: «Не титаническая личность, а борющійся и созидающій народъ».

Само собою разумѣется, что никакого проникновенія за предѣлы нѣтъ и во французскомъ романтизмѣ. Что это значитъ, проникнуть за предѣлы предѣльнаго «путемъ исключительности страстей»? Никакой умъ человѣческій не въ состояніи представить себѣ безпредѣльной страсти. Можно, конечно, изображать страсти въ огромной степени превосходящія то, что рисуетъ намъ дѣйствительность. Первыя ступени такой гиперболизаціи страстей будутъ еще истиннымъ искусствомъ, примѣръ—Шекспиръ; но дальше мы вступаемъ въ область той ходульности, той надутости, жертвой которой такъ часто становился Гюго. Даже французская новѣйшая критика признаетъ за этимъ магомъ слова, за этимъ великимъ риторомъ поразительную пустоту содержанія. Говорить по поводу Гюго о какомъ-то переходѣ за предѣлы предѣльнаго можетъ только мѣщанинъ. Вѣдь, по признанію Готье, цѣлью французскихъ романтиковъ и было. «épater le bourgeois» ошеломить мѣщанъ, что же удивительнаго, если г. Ивановъ-Разумникъ ошело-

мленъ? Единственные предѣлы, которые переходитъ Гюго—это предѣлы эстетическаго вкуса.

Такимъ образомъ, никакого перехода за предѣлы предѣльнаго мы въ романтизмѣ Запада не видимъ. Жуковскій и Марлинскій подлиннѣйшіе романтики, хотя дарованіе ихъ не было крупнымъ. Лермонтовъ же, несомнѣнно, можетъ занять хорошее мѣсто на Парнасѣ романтизма. Смѣшнѣе всего, что истинными представителями русскаго романтизма г. Ивановъ-Разумникъ считаетъ современныхъ модернистовъ—«проникли»!!

Горькій, по его мнѣнію, не настоящій романтикъ, ибо въ немъ недостаточно мистицизма. Модернисты—достаточные мистики. Но, вѣдь, надо доказать еще, что они умѣли проникать за предѣлы предѣльнаго. И тутъ г. Ивановъ-Разумникъ начинаетъ пресмѣшно путаться. Ему хочется въ угоду народническимъ традиціямъ ругнуть декадентовъ и посмѣяться надъ столь частой у нихъ нелѣпицей, но, съ другой стороны, невозможно же ссориться со столпами интеллигентской концентраціи! Отмѣтивъ разныя пошлости этихъ господъ, г. Ивановъ-Разумникъ начинаетъ извиняться и раскланиваться на всѣ стороны.

«Вскрывая слабыя стороны русскаго современнаго романтизма, мы хотимъ только подчеркнуть наличность мѣщанства въ части этого, несомнѣнно, крайне анти-мѣщанскаго идейнаго теченія, но въ то же время ни на минуту не возстаемъ противъ основной сути религіознаго романтизма. Мы можемъ только заявить, что, относясь съ полнымъ уваженіемъ къ мнѣніямъ людей противоположнаго психологическаго типа, мы, въ то же время, не стоимъ на романтической почвѣ, (хотя и далеки отъ вульгарнаго позитивизма); эта субъективная сторона нашего міровоззрѣнія не мѣшаетъ намъ вполнѣ объективно признать, что въ преддверіи XX вѣка, на русской почвѣ, дѣйствительно, проявился и появился тотъ истинный романтизмъ, къ которому тщетно стремились въ первой половинѣ XIX столѣтія представители русской интеллигенціи».

Но гдѣ, въ чемъ, когда проникли господа Мережковскіе и прочіе за предѣлы? Можно ли о Брюсовѣ сказать, что онъ достигъ того, къ чему тщетно стремился Лермонтовъ? Мы имѣемъ просто голословное колѣнопреклоненіе нашего собирателя передъ тузами буржуазнаго нео-романтизма. Переходъ отъ народничества, съ его чисто реалистическими симпатіями, къ комплиментамъ по адресу

модернистовъ приводитъ намъ на мысль стихотвореніе капитана Лебядкина, которое нашъ авторъ цитируетъ въ пику декадентамъ:

Жилъ на свѣтѣ тараканъ
Тараканъ отъ дѣтства.
И потомъ попалъ въ стаканъ
Полный мухоѣдства...

Намѣтимъ коротко нашъ собственный взглядъ на романтизмъ.

Основнымъ характернымъ признакомъ романтизма является, несомнѣнно, неудовлетворенность, болѣе или менѣе острый, буйный или тоскливый порывъ къ идеалу. Подъ идеаломъ, однако, ничуть не нужно разумѣть чего-то непремѣнно недостижимаго. Надо забыть эту старую мѣщанскую выдумку, подогрѣтую теперь Штаммлеромъ и другими неокантіанцами. Слабыя эпохи и слабые классы, когда они угнетены безъ надежды на новый подъемъ, ставятъ себѣ идеалы фантастическіе и оказываются жертвами мечтательности, не зовущей къ дѣлу, къ усилію. Но классы, поднимающіеся, достаточно чувствующіе на себѣ гнетъ дѣйствительности, чтобы быть бунтовщиками, но достаточно свѣжіе, чтобы, чувствуя свой ростъ, освѣщать свой бунтъ свѣтомъ надежды, имѣютъ, хотя очень высокій и отдаленный идеалъ, даже тѣмъ болѣе высокій и отдаленный, чѣмъ больше мощи чувствуютъ они въ себѣ, но, тѣмъ не менѣе, идеалъ практическій, реальный. Одинъ изъ романтиковъ переходнаго типа, религіозный мыслитель Шлейермахеръ, назвалъ это настроеніе интереснымъ терминомъ «идеалъ-реализмъ».

Исторически романтизмъ не есть что-либо цѣльное: онъ появляется всякій разъ, какъ общественныя условія создаютъ крупную и неудовлетворенную дѣйствительностью группу. Неудовлетворенность эта, однако, бываетъ разныхъ родовъ, разныхъ родовъ бываетъ и романтизмъ. Съ извѣстной долей тонкости его можно свести къ такимъ типамъ: романтизмъ вѣры, романтизмъ отчаянія, псевдоромантизмъ и идеалъ-реализмъ.

Древнѣйшее христіанство и христіанство средневѣковое—образчики романтизма вѣры: въ основѣ лежитъ глубокая неудовлетворенность демократическаго большинства, подавленнаго тяжелыми условіями жизни; не видя возможности измѣнить свое положеніе борьбою, оно создаетъ идеалы аскетизма, терпѣнія и смиренія, и лучезарную мечту о потусторонней наградѣ, о вѣнцѣ праведника, мечту,

которая дѣлаетъ жизнь сносной, и въ которую глубоко вѣрятъ. Здѣсь мы не имѣемъ романтизма отчаянія, потому что протестъ не выразился въ активной формѣ, а разрѣшеніе жизненной задачи достигается путемъ игры воображенія, плоды котораго, въ силу царящаго еще легковѣрія, принимаются за незыблемую истину.

Эпоха Возрожденія развязываетъ сначала общественныя силы, она открываетъ лѣстницу возвышенія культурнаго и экономическаго передъ широкими слоями населенія, силы кипятъ. Молодое сомнѣніе крѣпнетъ и подрываетъ устои вѣры. На картинахъ Кастаньо и Синьореллы мы видимъ шекспировской силы образы людей самоувѣренныхъ, опирающихся только на себя. Мы видимъ также прекрасные ростки широкой общественности. Надежда вѣетъ своими крыльями надъ головами такихъ утопистовъ, какъ Кампанелла, Бэконъ, Рабле. Расцвѣтаетъ идеализмъ, романтика бури, натиска и упованія. Но укрѣпленіе монархій и реакціи XVI вѣка ставятъ преграды дальнѣйшему развитію, которому и безъ того трудно было справляться съ могучими взрывами просыпавшейся отъ времени до времени романтики средневѣковья. Микель Анджело уже великій представитель романтики отчаянія: въ немъ еще кипятъ силы предшествующей эпохи, но такъ какъ итти впередъ уже нельзя, а вернуться назадъ поздно, то геній его тѣснится и бурлитъ на мѣстѣ, создавая страшныя тѣла сведенныхъ судорогою страсти титановъ.

Перенесемся къ болѣе близкому времени. По недавнимъ разслѣдованіямъ, эпоха французской революціи далеко не такъ бѣдна въ области искусства какъ это предполагалось. Ея пѣсни и празднества —главное ея эстетическое достояніе—проникнуты тѣмъ же идеалреализмомъ, что и лучшія героическія картины Давида, прозрачно радостныя страницы Кондорсэ, или трепещущія пламенемъ рѣчи Сенъ-Жюста и прокламаціи Бабефа.

Въ эпоху, слѣдующую за революціей мы встрѣчаемъ двѣ струи романтизма, переплетающіяся между собой. Шатобріанъ служитъ величайшимъ представителемъ романтизма разбитой аристократіи. Романтизмъ этотъ не только реакціоненъ, что естественно для представителя класса, красные денечки котораго позади, онъ, кромѣ того, лицемѣренъ: надутыми фразами, подогрѣтымъ энтузіазмомъ, тщетнымъ самовнушеніемъ старается онъ подмѣнить навсегда потерянную вѣру. Это, сказывалось въ томъ же Шатобріанѣ густою тѣнью грусти; но, являясь псевдоромантикомъ вѣры, этотъ великій позеръ внесъ фальшь и въ свой романтизмъ отчаянія.

Болѣе революціонент былъ романтизмъ мелкой буржуазіи, неудовлетворенной результатами революціи и протестовавшей въ лицѣ своей романтической интеллигенціи. Но революціонный пылъ демократическаго мѣщанства очень скоро разбивается о неодолимыя препятствія и разсыпается блестящимъ фейерверкомъ, онъ тоже оурлитъ и кипитъ на мѣстѣ, но скорбь его легковѣсна, онъ красуется своимъ трауромъ, ходитъ на ходуляхъ, чтобы его живописныя страданія больше бросались въ глаза.

Мѣщанская интеллигенція Франціи, отброшенная силою крупной буржуазіи и испуганная непонятнымъ лицомъ пролетарія, растерялась окончательно. Но къ тому времени развилась новая ея форма, выдѣлился изъ нея новый слой—технический персоналъ и люди точныхъ наукъ, слой, нашедшій довольно широкое, хотя и не свободное примѣненіе своимъ силамъ въ новомъ обществѣ. Онъ почерпнулъ силу и надежду въ расцвѣтѣ естествознанія и техники. Онъ увѣровалъ во всесцѣляющую силу науки и одной изъ своихъ задачъ сдѣлалъ съ художественною безпощадностью раскрыть всѣ пороки современности: знать болѣзнь, не значитъ ли сдѣлать полпути къ ея исцѣленію? Такъ возникъ реализмъ, заслуги котораго во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣримы. Тѣмъ не менѣе, какъ уже справедливо отмѣтила Генріэтта Ролапдъ-Гольстъ, онъ былъ сильно ограниченъ въ себѣ. Онъ страдалъ отсутствіемъ идеала и революціонной страсти, т. е. онъ былъ слишкомъ мало романтиченъ. Его время проходитъ. На смѣну выступаютъ три теченія: 1) к р у п н а я б у р ж у а з і я создаетъ свой реализмъ, искусство энергіи, откровенной жадности, самодовольства силы, искусство имперіализма, крупнѣйшимъ представителемъ котораго является Киплингъ, и которому начинаютъ подвывать по мѣрѣ силъ нѣкоторые нѣмецкіе, французскіе и итальянскіе шовинисты; 2) декадентскій псевдоромантизмъ, ознаменовавшій собою распадъ и разложеніе с р е д н е й и м е л к о й б у р ж у а з і и: здѣсь часто жаждутъ вѣры и мистики, но вѣрятъ лишь на словахъ, и отъ мистицизма ихъ вѣетъ холодомъ и мертвечиною; здѣсь драпируется въ плащъ пессимизма, но это дырявый плащъ, рубище духовной нищеты; здѣсь корчатъ изъ себя страстныхъ сенсуалистовъ, но и сладострастіе заражено гноемъ и звучитъ фальшью разстроеннаго воображенія импотента, 3) неоромантизмъ художниковъ, идущихъ навстрѣчу пролетаріату, полныхъ энергіи и идеалреализма величайшимъ представителемъ такихъ является Эмиль Вэрхарнъ.

Художественный имперіализмъ пока еще не народился у насъ въ Россіи. Его по мѣрѣ силъ замѣняетъ литературное хулиганство г. г. Каменскихъ и проч. «молодыхъ». Декадентскаго псевдоромантизма у насъ сколько угодно, и г. Ивановъ-Разумникъ спѣшитъ принять его подъ свою защиту. Пролетарскій неоромантизмъ представленъ немногими, но чрезвычайно яркими произведеніями. Его, само собою разумѣется, г. Ивановъ-Разумникъ старается заподозрить въ мѣщанствѣ.

II

АЗНАЧЕНІЙ ПОЭТА.

Премудрость г Иванова-Разумника по вопросу о значеніи и мѣстѣ искусства выражена въ слѣдующихъ строкахъ «Да, «искусство для человѣка»—это долженъ помнить каждый дѣятель искусства, это значитъ, что онъ долженъ быть человѣкомъ, а не только рабомъ искусства; это значитъ, что онъ долженъ быть не только глубокъ (спеціализація), но и широкъ (энциклопедичность); что та область, которой онъ себя посвятилъ, не должна поглощать его всего, что онъ прежде всего живая человѣческая личность, а уже потомъ художникъ; что въ своей области онъ долженъ работать главнымъ образомъ, но не исключительно; что, наконецъ, суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы».

Тѣхъ, кто не согласится съ этимъ воззрѣніемъ, кто будетъ требовать для поэта права, а, пожалуй, и обязанности жить всецѣло для искусства, г. Ивановъ-Разумникъ обвиняетъ въ мѣщанствѣ: «Если кто бы то ни было посвящаетъ всю свою жизнь искусству или наукѣ—будь онъ Бетховенъ, Кантъ, Ньютонъ, все равно, то какъ бы ни «глубоко» онъ жилъ, до какихъ бы глубинъ творчества не дошелъ, онъ узокъ, не «весь человѣкъ». онъ только спеціалистъ, узостью своей приближающійся къ мѣщанству. «Искусство для искусства» по отношенію къ самому человѣку заслуживаетъ несомнѣннаго осужденія, и въ этомъ смыслѣ мы солидарны съ семидесятниками: да, искусство для искусства, наука для науки, въ этомъ смыслѣ недостойны широкой человѣческой личности, въ этомъ смыслѣ они вполнѣ анти-индивидуалистичны».

Будучи радикально не согласны съ теоріей искусства для искусства, съ идеаломъ художника-отшельника, оторваннаго отъ жизни мечтателя, мы должны, однако, самымъ рѣзкимъ образомъ протестовать противъ умѣренныхъ и аккуратныхъ воззрѣній г. Разумника. Конечно, далекъ отъ насъ готъ символъ вѣры нѣмецкой идеалистической эстетики, согласно которому искусство есть прекрасное бѣгство отъ жизни, прекрасное и окончательное утѣшеніе въ ея скорбяхъ и недостаткахъ. Конечно, Шиллеры и Шеллинги, Гофманы и Новалисы не ушли изъ царства мѣщанства, по открытому и прославленному ими пути художественной грезы. Тѣмъ не менѣе, порывъ ихъ, хотъ куда-нибудь да дѣться отъ мерзкой дѣйствительности, беззавѣтная преданность ихъ искусству, стремленіе высоко держать его знамя, презрительно отмежеваться отъ филистеровъ и считать настоящею жизнью только тѣ минуты свои, которыя были отданы творчеству—все это дѣлаетъ ихъ бѣглецами изъ мѣщанскаго царства, хотя и неудачными. Въ своихъ полетахъ они не порвали той нити, за которую прочно держалъ ихъ филистеръ, но они тоскливо рвались къ небу, они до крови ранили себя въ своей тоскѣ и иногда погибали. Все это внушаетъ намъ уваженіе къ героямъ религіи чистаго искусства.

А чего хочетъ г. Ивановъ-Разумникъ? Онъ разсматриваетъ искусство съ той же точки зрѣнія, что и всякую спеціальность. Не хорошо быть только поваромъ, не хорошо быть только прокуроромъ, надо не забывать въ себѣ человѣка, не хорошо быть только поэтомъ, надо не забывать въ себѣ человѣка. Нашему автору и въ голову не приходитъ, что искусство является спеціальностью только со своей технической стороны, само же по себѣ настоящее искусство выражаетъ и охватываетъ собою в с ю ж и з н ь. Художникъ это прежде всего безконечно-отзывчивый организмъ, который на все откликается скорѣе, тоньше и громче, чѣмъ другіе люди. Художникъ, во-вторыхъ, значитъ человѣкъ, умѣющій ярче и призывнѣе, стройнѣе и возвышеннѣе выражать волнующія его чувства и мысли, и передавать пережитыя впечатлѣнія. Б ы т ь в о-и с т и н у х у д о ж н и к о м ъ, з н а ч и т ъ б ы т ь ч е л о в ѣ к о м ъ в ъ с а м о м ъ ш и р о к о м ъ с м ы с л ѣ э т о г о с л о в а. Какое жалкое представленіе объ искусствѣ надо имѣть, чтобы написать: художникъ долженъ быть не только глубокъ (спеціализація), но и широкъ (энциклопедичность): искусство не должно поглощать его цѣликомъ. Тутъ, что ни слово, то филистерство. Какъ? Быть все-

цѣло художникомъ, быть великимъ художникомъ, не значитъ быть широкимъ и энциклопедичнымъ? Данте, Шекспиръ, Гете не образчики ли широчайшей энциклопедичности и не она ли даетъ имъ ихъ величіе и ихъ глубину? По г. Иванову-Разумнику выходитъ, что, чѣмъ больше разростается въ душѣ человѣка художникъ, тѣмъ хуже для его многогранной личности. Совершенно ясно, что подъ искусствомъ онъ разумѣетъ технику, спеціальность въ самомъ узкомъ смыслѣ слова, забывая о содержаніи. Ненасытимая любознательность должна гнать настоящаго художника по всѣмъ отдѣламъ науки, по всей лѣстницѣ исторіи, по всѣмъ мытарствамъ жизни въ поискахъ за широкимъ содержаніемъ для его произведеній. И далѣе, неужели глубина художника совпадаетъ съ узостью его, какъ спеціалиста? Если подъ спеціальностью мы будемъ разумѣть самодовлѣющую разработку формальной техники искусства, то, конечно, подобный художникъ будетъ плоскъ, а не глубокъ, онъ, въ лучшемъ случаѣ, будетъ виртуозомъ и только Если же подъ спеціальной работой надъ собой, какъ художникомъ, мы будетъ разумѣть всезахватывающую страсть къ развитію всей своей нервной системы, духа своего, страсть къ углубленію содержанія своей личности, то какъ возможно это помимо жажды знанія и жажды жить всѣми сторонами своего существа?

Если бы подъ лозунгами: искусство для искусства, наука для науки разумѣлось то, что вкладываетъ въ нихъ г. Ивановъ-Разумникъ, т. е. заповѣдь: художникъ и ученый должны всѣмъ существомъ своимъ отдаться дѣлу развитія искусства и науки въ ихъ цѣломъ, то мы не только не почитали бы эти лозунги мѣщанскими, но признали бы ихъ наиболѣе близкими къ тому идеалу человѣка, который носится передъ нами.

Мѣщански осудивъ, какъ разъ то въ этихъ лозунгахъ, что наиболѣе далеко въ нихъ отъ мѣщанства, мѣщански требуя отъ художника и ученаго умѣренности и аккуратности въ ихъ увлеченіи своимъ великимъ соціальнымъ дѣломъ, г. Ивановъ-Разумникъ принялъ зато цѣликомъ въ вышеупомянутыхъ лозунгахъ то, что дѣйствительно является подлиннымъ мѣщанствомъ.

«Но»,—продолжаетъ г. Ивановъ-Разумникъ, прерванную нами цитату,—семидесятники стали на совершенно ложную почву, осуждая искусство для искусства по отношенію къ области творчества. Надъ содержаніемъ искусства властенъ только художникъ. и въ этомъ случаѣ отрицаніе чистаго искусства есть подавленіе

личности и сугубый анти-индивидуализмъ. Семидесятники требовали тенденціознаго искусства; девизъ «искусство для человѣка» значилъ для нихъ искусство, трактующее исключительно или главнымъ образомъ о человѣкѣ, его горестяхъ, печаляхъ, страданіяхъ и радостяхъ».

Надъ содержаніемъ искусства властенъ только художникъ, вторгаться въ эту область, значитъ подавлять его личность. Да, если какой-нибудь король или цензоръ, или грубая толпа, введенная въ заблужденіе монахами или узкими якобинцами, физически принуждаетъ художника измѣнить свое направленіе, разрушаетъ его произведеніе, препятствуетъ его дальнѣйшему творчеству—это, конечно, подавленіе личности. Но, если мнѣ, читателю, зрителю, критику, воспрещается какимъ-нибудь Разумникомъ любить и хвалить художниковъ, возводящихъ на пьедесталъ искусства святые для меня идеалы, ненавидѣть или презирать, порицать или игнорировать тѣхъ, кто могучимъ оружіемъ искусства пользуется во вредъ моимъ идеаламъ или играетъ въ неинтересную для меня игру, тогда это подавленіе м о е й уже индивидуальности. Не правъ ли былъ Чернышевскій, когда училъ по словамъ того же Разумника слѣдующимъ образомъ: «Нѣтъ нужды на одностороннность отвѣчать другою односторонностью,—говоритъ онъ,—за остракизмъ, которому защитники, такъ называемаго чистаго искусства, хотѣли бы подвергнуть всѣ другія идеи и направленія литературы, кромѣ эпикурейскаго, нѣтъ нужды платить остракизмомъ, обращеннымъ противъ эпикурейской тенденціи... Пусть существуетъ и такое «чистое искусство», вольному воля, а поэтъ по преимуществу долженъ быть воленъ, «но пусть жрецы такого искусства не удивляются полному пренебреженію со стороны своихъ современниковъ, интересы которыхъ, быть можетъ, лежатъ въ совершенно иной плоскости, и которые жаждутъ боевой поэзіи Тиртея, а не сладкихъ строфъ Анакреона»...

Ничего другого мы и не требуемъ. И автономно пользуясь правомъ критики, мы заявляемъ, что художникъ, бѣгущій отъ жизни, что художникъ, лозунгомъ «искусство для искусства» прикрывающій свое желаніе предаться фантазіямъ, ничѣмъ не связаннымъ съ интересами, страданіями и радостями человѣка, есть художникъ низшаго сорта. Самъ глубоко не историческій, не соціальный индивидъ, онъ и публику найдетъ только среди жаждущихъ такого раз-

влеченія, которое не связано кровно съ живою жизнью, а такая публика теперь,—обезличенная часть мѣщанства.

Припомнимъ что, по нашему автору, значило для семидесятниковъ «искусство для человѣка». Это искусство, трактующее, главнымъ образомъ, о человѣкѣ, его печаляхъ, радостяхъ и т. п. Г. Ивановъ-Разумникъ возражаетъ на это указаніемъ на пейзажъ и музыку. Пейзажъ-де и музыка это вполнѣ «чистое» искусство. Приходится придти къ заключенію, что г. Ивановъ-Разумникъ ничего не смыслитъ ни въ пейзажѣ, ни въ музыкѣ. Теперь уже и дѣти знаютъ, что пейзажъ есть по преимуществу искусство настроеній. Взрослымъ же не мѣшаетъ знать и то, какъ связано появленіе пейзажа во Франціи и Англіи съ развитіемъ физіократическихъ идей, и какъ пейзажъ сопутствуетъ литературному движенію отъ пасторальныхъ шалостей перезрѣлаго двора до дифирамбовъ природѣ Жанъ-Жака Руссо. Великая Барбизонская школа, импрессіонисты —все это настоящія «тенденціозныя», по опредѣленію г. Иванова-Разумника, направленія; картины Коро, какъ и Клода Монэ, настоящія прокламаціи: одинъ кричитъ горожанину о невыразимой поэзіи нетронутой природы, протестуя тѣмъ самымъ противъ ужасовъ каменной цивилизаціи, другой проповѣдуетъ о безконечной сложности и тонкости души, открывающей себя въ одинокомъ и интимномъ созерцаніи игры красокъ, свѣта и тѣни на лицѣ природы, открываетъ всю прелесть того музыкальнаго самоанализа, который найденъ былъ утонченными субъективистами новѣйшаго времени, этими виртуозами на струнахъ собственнаго сердца. Онъ проповѣдуетъ одиночество съ большей, пожалуй, силой, чѣмъ Штирнеръ.

А у насъ? Развѣ Шишкинъ не украшалъ смолистымъ ароматомъ своихъ грубоватыхъ правда, но зорко схваченныхъ лѣсовъ сермяжную живопись нашихъ народниковъ? А Левитанъ, съ его пейзажами, вызывающими слезы на глаза, не проводитъ ли онъ тѣхъ же тенденцій, что и многіе сладостно грустныя страницы Чехова? Не учитъ ли онъ тому, что вся природа есть дивное кладбище человѣческихъ надеждъ, не преподаетъ ли осеннюю философію? Вѣдь, и «красивый пессимизмъ», думается, есть тенденція.

Не станемъ говорить о музыкѣ. Музыка почти цѣликомъ сводится къ отраженію игры человѣческихъ радостей и горестей. Штраусъ видѣлъ въ Бетховенѣ лучшаго проповѣдника углубленнаго человѣческаго мужества. Койгенъ справедливо считаетъ «девя-

тую симфонію» великимъ произведеніемъ коллективистическаго искусства; я знаю одного великаго художника, проникнутаго презрительно-враждебнымъ чувствомъ къ Чайковскому; я слышалъ отъ одного крупнаго педагога, что по его мнѣнію, Шубертъ исобыкновенно благотворно вліяетъ даже на больныя дѣтскія души, что Шопена, наоборотъ, онъ считаетъ абсолютно вреднымъ для юношества. Все это потому, конечно, что искусство дѣйствительно всегда отражаетъ человѣка, отражаетъ по своему, и своеобразно вліяетъ на него обратно. Михайловскій былъ правъ, говоря, что искусство всегда тенденціозно. Отступивъ въ этомъ случаѣ отъ своего учителя, ученикъ оказался несравненно бо́льшимъ мѣщаниномъ.

Такъ какъ мы приняли за правило призывать въ концѣ каждой почти главы нашей критики великаго «индивидуалиста» для того, чтобы онъ прочелъ краткую нотацію своему поклоннику, то приведемъ и здѣсь нѣсколько строкъ изъ Ницше: «Думать, что намъ нѣтъ дѣла ни до чего, кромѣ искусства, значитъ оказать намъ величайшую несправедливость: мы вовсе не видимъ въ немъ ни лекарства, ни дурмана, которымъ можно было бы заглушить мерзости остальныхъ сторонъ жизни. Въ трагическомъ искусствѣ самомъ по себѣ мы видимъ борьбу человѣка противъ всего ему враждебнаго, противъ непреоборимой, повидимому, необходимости, противъ властей, законовъ, обычаевъ, противъ всего порядка вещей».

III.

СУДЪ МИДАСА.

Марксизмъ это главный врагъ г. Иванова-Разумника, и онъ борется съ нимъ съ большой запальчивостью и крайнею неразборчивостью въ средствахъ. Намъ не зачѣмъ останавливаться на всей той «условной лжи», на которой неуклюже гарцуетъ нашъ неудачный наѣздникъ-критикъ. Въ статьѣ Г. В. Плеханова «Міросозерцаніе современнаго мѣщанина» достаточно раскрыто все человѣческое шуллерство г. Иванова-Разумника, вся пошлость его «побѣдоносныхъ» возраженій. До какой чудовищно наглой лжи можетъ дойти эмансипаторъ интеллигенціи, эпигонъ народничества, это читатель можетъ видѣть изъ слѣдующаго «изложенія» марксизма: «Чѣмъ хуже теперь реальной личности, тѣмъ лучше потомъ будетъ обществу,—съ такимъ рѣзкимъ антииндивидуализмомъ мы рѣдко встрѣчались за всю исторію русской интеллигенціи въ XIX вѣкѣ. И этотъ

принципъ марксисты примѣняли во всѣхъ случаяхъ, самоотверженно подчиняясь ему во многихъ вопросахъ. Чѣмъ болѣе стѣснены мы въ правахъ своей человѣческой личности, тѣмъ лучше, ибо тѣмъ сильнѣе современемъ проявится противодѣйствіе подавленной личности; чѣмъ сильнѣе въ настоящую минуту реакція, съ тѣмъ большею силою скажется впослѣдствіи общественное пробужденіе,—такъ постоянно твердили марксисты. Во всемъ этомъ много вѣрнаго, тѣмъ болѣе, что это ни что иное, какъ примѣненіе къ соціологіи закона Ле-Шателье, о чемъ мы уже говорили въ главѣ о шестидесятыхъ годахъ и не въ этомъ, конечно, антииндивидуализмъ ортодоксальнаго марксизма».

Спорить съ этимъ, доказывать, что это безпардонное вранье—совершенно безполезно. Можно только радоваться тому, какимъ оружіемъ приходится пользоваться противъ насъ даже такимъ разсудительнымъ противникамъ, какъ г. Ивановъ-Разумникъ Полемика съ марксистами,—единственный случай, когда онъ забылъ всякую умѣренность и всякую аккуратность. Можно подумать, что критикъ нашъ преискренно вѣритъ въ смерть марксизма, въ то, что онъ сраженъ острыми стрѣлами г. г. идеалистовъ, что марксисты всѣ полегли на полѣ битвы, кости ихъ омыты частымъ дождичкомъ, и глазныя впадины проросла шелковая трава. Или, другими словами, что съ марксизмомъ можно обращаться, по нѣмецкому выраженію, какъ съ мертвой собакой.

Изложеніе полемической битвы марксистовъ съ собственными ренегатами-идеалистами ведется г. Ивановымъ-Разумникомъ въ тонѣ прямо эпическомъ. Это настоящія реляціи съ театра военныхъ дѣйствій, выполненныя съ почти куропаткинскимъ блескомъ. Судите сами: «Стоило появится въ русской интеллигенціи теченію критической философіи, чтобы марксизмъ, какъ философская концепція, былъ на голову разбитъ и выбитъ изъ своихъ матеріалистическихъ позицій»... «Ополчившись, такимъ образомъ, противъ узости воззрѣній ортодоксальнаго марксизма, критическое теченіе тѣмъ самымъ подняло, мечъ на мѣщанство и антииндивидуализмъ марксистской догмы. Рушилось основаніе этой догмы—экономическій монизмъ, а потому рушилось все догматическое зданіе: классовая теорія, мораль и философія ортодоксальнаго марксизма»... «Противъ всего этого ортодоксальный марксизмъ, какъ философско-историческая концепція, могъ выставить только самыя убогія возраженія, по существу, его дѣло было безповоротно проиграно»..

«Замѣчательно быстрая побѣда новаго направленія объясняется прежде всего твердымъ основаніемъ фундамента, и остро отточеннымъ оружіемъ философскихъ предпосылокъ»...

Между прочимъ, авторъ констатируетъ, что растерявшіеся марксисты, какъ утопающій за соломенку, ухватились за Авенаріуса. Тщетно, конечно. О сборникѣ «Очерки реалистическаго міросозерцанія»—авторъ говоритъ презрительно. Передъ судомъ Мидаса эта книга такъ слаба, что онъ не удостаиваетъ ея критики. Онъ ограничивается тѣмъ, что приводитъ одну фразу Базарова и, издѣваясь надъ нею, доказываетъ свою полнѣйшую несостоятельность въ новѣйшей гносеологіи. Остальная критическая работа, выполненная марксистами въ годы шумнаго выступленія идеализма, статьи «Образованія», «Правды», просто не существуютъ для автора; онъ игнорируетъ прекращеніе за неимѣніемъ подписчиковъ идеалистическаго журнала «Вопросы Жизни». Для объективнаго же наблюдателя было совершенно ясно, что отпоръ марксистовъ-эмпириковъ энергично остановилъ распространеніе среди интеллигенціи идеалистической заразы. Въ послѣднее время, однако, многое стало благопріятствовать новому усиленію этой эпидеміи. Революціонное движеніе кончилось временнымъ пораженіемъ, наступила эпоха разочарованія, столь подходящая для размноженія мистической бациллы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на газеты и журналы марксистовъ обрушились репрессіи горше предреволюціонныхъ. Они насильственно лишены почти всякихъ органовъ.

Что же? Громкія побѣды, о которыхъ столько трубитъ г. Ивановъ-Разумникъ, говоря даже о такой эпохѣ, въ которую неудачи идеалистовъ въ ихъ походѣ противъ позитивизма, можно сказать, очевидны, эти громкія побѣды пріобрѣли, должно быть, теперь прямо грандіозный характеръ? Но куропаткинскія реляціи оканчиваются куропаткинскимъ концомъ: «Во-первыхъ, философскіе вопросы, выдвигаемые мистическимъ идеализмомъ не находятъ откликовъ въ бурныхъ и тяжелыхъ настроеніяхъ современной эпохи; во-вторыхъ, политическіе идеалы мистическаго идеализма являются анархизмомъ, который, вообще говоря, имѣетъ за собою только весьма малочисленную общественную группу. Наконецъ, въ-третьихъ, мистическій идеализмъ является проявленіемъ несвой-

ственнаго широкимъ кругамъ общества «романтическаго міропониманія» и такимъ образомъ неизбѣжно обреченъ на замкнутое существованіе идейнаго аристократизма. Во всякомъ случаѣ, симптомы убыванія мистическаго идеализма—несомнѣнны, прежній побѣдоносный походъ трансцедентныхъ идеалистовъ на все раціональное обратился теперь въ оборону своихъ позицій».

Вотъ тебѣ и на! Критика была изъ рукъ вонъ слаба, никто никакого сопротивленія не оказывалъ, общественное возбужденіе смѣнилось разочарованіемъ (второе изданіе книги г. Иванова-Разумника помѣчено 1908 г.), а кому же неизвѣстно, что это благопріятствуетъ мистицизму, и вдругъ... приходится побѣдоноснымъ идеалистамъ помышлять о самозащитѣ.

Нашъ авторъ съ негодованіемъ говоритъ о попыткѣ марксистовъ доказать, что мистицизмъ приведетъ къ политической реакціонности. «Идеалисты доказали свою революціонность!»—восклицаетъ онъ. Чѣмъ? Какъ? Когда? Г. Струве, по словамъ автора, «совершилъ переходъ отъ марксизма къ либерализму и сталъ однимъ изъ главарей, воскресшей въ началѣ XX вѣка, «либеральной партіи».

Это бы еще ничего, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ г. Иванова-Разумника: онъ самъ въ несравненно большей степени либералъ, чѣмъ соціалистъ. Но Струве пошелъ дальше, онъ уже перешагнулъ, повидимому, даже правую границу кадетства. Наивный, но отвратительный и надутый имперіализмъ редактора «Русской Мысли», не менѣе наивное и не менѣе отвратительное кокетничаніе съ властью, должно, кажется намъ, возмущать даже каждаго добропорядочнаго кадета. Отъ послѣднихъ писаній Струве вѣетъ настоящей меньшиковщиной.

Христіанскій соціалистъ Булгаковъ оказался на повѣрку однимъ изъ самыхъ правыхъ кадетовъ. Бердяевъ пошелъ правѣе: его статьи о «Бѣсахъ реакціи и революціи» и о христолюбивомъ мирнообновленчествѣ — преисполнены такой ядовитой злобы противъ «лѣвыхъ», что даже редакція «Русской Мысли» покраснѣла и извинилась.

Стремительное поправѣніе вождей идеализма есть фактъ, котораго не прикроешь никакимъ фиговымъ листомъ.

А «мертвый» марксизмъ, несмотря на самыя тяжелыя обстоятельства, проявляетъ самую кипучую дѣятельность философской мысли. Говоря только о послѣднихъ мѣсяцахъ, мы можемъ указать

на цѣлый рядъ сборниковъ, изъ которыхъ иные вышли повторнымъ изданіемъ, на новыя оригинальныя, философскія произведенія, и мы знаемъ, что готовится въ печати еще цѣлый рядъ болѣе или менѣе крупныхъ работъ. Вниманіе, которымъ пользуется вся эта литература со стороны публики, свидѣтельствуетъ о большихъ шансахъ той «концентраціи», которую марксизмъ противопоставляетъ мѣщански-интеллигентному «доброму хаосу».

И приговоры нашего Мидаса смѣшны передъ этими фактами жизни.

Намъ легко резюмировать наше впечатлѣніе отъ работы г. Иванова-Разумника. Онъ тщится доказать коренное анти-мѣщанство интеллигентской психики, но своею книгою далъ блестящее подтвержденіе обратнаго положенія. Онъ откровенно заявилъ, что этическій коллективизмъ въ его глазахъ мѣщанство, но поскольку онъ постарался продемонстрировать эту характеристику, онъ доказалъ только свое типично обывательское непониманіе всѣхъ воозвышенныхъ общественныхъ настроеній и чувствованій.

Въ индивидуализмѣ видитъ г. Ивановъ-Разумникъ центръ своего міросозерцанія Мы докажемъ, что индивидуализмъ есть столпъ и утвержденіе мѣщанства. Но мы отмѣтили, что свободный, до конца доведенный индивидуализмъ (ультра-индивидуализмъ), подводитъ крупныхъ людей къ исходу, къ воротамъ китайской стѣны мѣщанскаго царства. Г. Ивановъ-Разумникъ старательно обходитъ или, вѣрнѣе, слѣпо не понимаетъ такія формы индивидуализма, какъ воинственный, культурно-аристократическій и творческій индивидуализмъ Ницше или тотъ интенсивный индивидуализмъ, о которомъ говорилъ Гюго и который, по его словамъ, неизбѣжно переходитъ въ экстенсивное соціальное чувство. Изъ всѣхъ формъ анти-коллективистическаго индивидуализма, всегда мѣщанскаго, но въ нѣкоторыхъ своихъ формахъ занимающаго крайнія позиціи мѣщанства, лежащаго какъ бы за его предѣлами и болѣе или менѣе возвышающагося надъ его болотомъ, г. Ивановъ-Разумникъ выбираетъ какъ разъ тѣ формы, которыя наиболѣе низменны и наиболѣе безнадежны.

Онъ б е з д а р е н ъ въ самомъ глубокомъ смыслѣ этого слова: не то, чтобы у него не было ума, трудолюбія или знаній, не было бы

софистической снаровки или литературнаго стиля, все это есть у него въ достаточной мѣрѣ, но онъ лишенъ «дара духа святого», онъ коротконогъ, лишенъ крыльевъ. Своей боязнью всякой крайности онъ все маретъ въ однообразно сѣрый цвѣтъ. Какъ какой-то тяжелый, безкрылый жукъ переползаетъ онъ съ одного цвѣтка на другой въ прекрасномъ саду россійской словесности и со всѣхъ цвѣтовъ нашей литературы мучениковъ и пророковъ онъ собираетъ медъ, но, переваривъ его, онъ предлагаетъ своимъ читателямъ безвкусную, сѣрую эклектическую кашицу. Если русская интеллигенція, свободная отъ соціализма или освобождающаяся отъ него, пошла бы за знаменемъ мистическаго анархизма въ духѣ Вяч Иванова или христіанскаго соціализма въ духѣ Мережковскаго, если бы она соблазнилась нигилистическимъ сенсуализмомъ Арцыбашева или выбрала бы себѣ за credo безнадежный пессимизмъ Андреева, либо пессимизмъ метафизическій и старчески сладострастный, какой проповѣдуетъ Соллогубъ—все это было бы красивѣе и почетнѣе, чѣмъ взять себѣ въ руководители такого разсудительнаго ментора, какъ г. Ивановъ-Разумникъ, этотъ настоящій «пѣкто въ сѣромъ» нашей литературы. Впрочемъ, врядъ ли это случится.

Г. Ивановъ-Разумникъ, вѣроятно, не усомнился бы дать о своихъ побѣдахъ, одержанныхъ на страницахъ его книги надъ коллективизмомъ, такой же блестящій отзывъ, какой данъ имъ о побѣдахъ идеалистовъ въ приведенныхъ нами выше реляціяхъ. На дѣлѣ же самое появленіе его книги есть уже серьезное пораженіе не только для его направленія, но и для направленій ему родственныхъ. Чѣмъ болѣе точно и откровенно опредѣляютъ свою физіономію наши противники, тѣмъ лучше для насъ Въ другихъ буржуазныхъ проявленіяхъ современной Россіи мѣщанство прячется за разными пестрыми лоскутками. У г. Иванова-Разумника оно щеголяетъ во всей своей безцвѣтной и дряблой обнаженности, ограничиваясь однимъ отрицаніемъ—я-де не мѣщанство! По каждымъ жестомъ и каждымъ своимъ шагомъ опровергая это отрицаніе. Въ этомъ мы видимъ немалую заслугу г. Иванова-Разумника. Педантическій прозаизмъ его и разсудительность дѣлаютъ его книгу драгоцѣннымъ документомъ по психологіи эмансипирующейся интеллигенціи. Въ этомъ ея общественное значеніе и ея право на то исключительное вниманіе, съ которымъ мы отнеслись къ ней, посвятивъ ей столько страницъ.

Теперь мы, убѣдившись въ полной безплодности работы Иванова-Разумника надъ опредѣленіемъ и описаніемъ мѣщанства, приступимъ къ самостоятельному анализу этой важной соціальной и культурной категоріи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Разновидности мѣщанства.

I.

ЧТО ТАКОЕ МѢЩАНСТВО?

Казалось бы на этотъ вопросъ отвѣтить не такъ трудно Первый и прямой отвѣтъ таковъ: мѣщанство—буржуазія, классъ собственниковъ крупныхъ, среднихъ и мелкихъ, ограниченныхъ съ одной стороны аристократіей, этимъ почти всюду разрушающимся и всюду сильно обмѣщанившимся обломкомъ феодализма —съ другой стороны, неимущими слоями общества, среди которыхъ выдѣляется фабрично-заводской пролетаріатъ.

Присущъ-ли всему мѣщанству, во всѣ эпохи и во всѣхъ его разновидностяхъ, специфическій духъ, какое-либо культурное содержаніе, которое давало бы возможность употреблять слово мѣщанство не только въ соціально-экономическомъ, но и въ «культурно-этическомъ» смыслѣ?

Г. Ивановъ-Разумникъ думаетъ, что «мѣщанство этическое» вовсе не совпадаетъ съ классовымъ мѣщанствомъ, не приводя, впрочемъ, въ подтвержденіе своей мысли никакихъ доказательствъ. Онъ просто заявляетъ, что все узкое, плоское, трафаретное есть мѣщанство, а все, стало быть, широкое, глубокое и оригинальное—немѣщанство или даже антимѣщанство. Свои въ высшей степени плоскія опредѣленія г. Ивановъ-Разумникъ тщетно пытается навязать и Герцену, указывая въ немъ родоначальника своего «направленія».

Плехановъ въ статьѣ «Идеалогія мѣщанина нашего времени» (Современный Міръ 1908 г. іюнь—іюль)достаточно ясно доказалъ, что между художественными образами мѣщанства, данными Герценомъ, и тусклой плоскостью г. Иванова-Разумника нѣтъ ничего

общаго. Наилучшимъ подходомъ къ нашей задачѣ послужитъ разборъ опредѣленій Герцена и комментарія къ нимъ Плеханова.

О мѣщанствѣ Герценъ писалъ слѣдующее.

«Мѣщанство — послѣднее слово цивилизаціи, основанной на безусловномъ самодержавіи собственности, демократизаціи аристократіи; въ этой средѣ Альмавива равенъ Фигаро,—снизу все тянется въ мѣщанство, сверху все само падаетъ въ него по невозможности удержаться. Американскіе Штаты представляютъ одно среднее состояніе, у котораго нѣтъ ничего внизу, нѣтъ ничего вверху, а мѣщанскіе нравы остались. Нѣмецкій крестьянинъ—мѣщанинъ хлѣбопашества, работникъ всѣхъ странъ,—будущій мѣщанинъ, Италія, самая поэтическая страна въ Европѣ, не могла удержаться и тотчасъ покинула своего фантастическаго любовника Маццини, измѣнила своему мужу—геркулесу Гарибальди, лишь только геніальный мѣщанинъ Кавуръ, толстенькій, въ очкахъ, предложилъ ей взять ее на содержаніе».

Итакъ, по Герцену, мѣщанство, какъ соціальная категорія, есть средній классъ, который втягиваетъ въ себя сверху и снизу своихъ сосѣдей, мѣщанство же, какъ культурное явленіе (то, что г. Ивановъ-Разумникъ называетъ «этическимъ мѣщанствомъ»*), есть послѣднее слово цивилизаціи основанной на частной собственности.

Отсюда слѣдуетъ, что мѣщанство существовало и раньше, какъ сословіе —(или, вѣрнѣе, классъ) —во-первыхъ, и, какъ частно-собственническій укладъ жизни, во-вторыхъ. Торжество буржуазіи и «безусловнаго самодержавія собственности» естественно совпало. Тѣмъ не менѣе, мы можемъ сказать, что границы культурнаго мѣщанства шире для Герцена границъ сословныхъ: культурнымъ мѣщанствомъ прямо заражено теперь все общество, какъ думалъ Герценъ; кромѣ пролетаріата, какъ думаютъ марксисты. Но и прежде мѣщанство таилось во всей культурѣ постольку, поскольку частная собственность была ея базисомъ, хотя еще и не достигла «самодержавія».

Мѣщанство отравляло собой человѣчество издавна, дѣйствіе яда обнаружилось вполнѣ въ XIX вѣкѣ. Ища въ широкомъ мірѣ мѣщанства его ядро во времени и, такъ сказать, въ пространствѣ,

*) Цитирую по статьѣ Плеханова. А. Л.

Герценъ нащупываетъ его именно въ современности и именно въ мелкой буржуазіи.

Онъ говоритъ:

«Все мельчаетъ и вянетъ на истощенной почвѣ—нѣту талантовъ, нѣту творчества, нѣту силы мысли,—нѣту силы воли, міръ этотъ пережилъ эпоху своей славы, время Шиллера и Гете прошло такъ же, какъ время Рафаэля и Буонароти, какъ время Вольтера и Руссо, какъ время Мирабо и Дантона; блестящая эпоха индустріи проходитъ, она пережита, какъ блестящая эпоха аристократіи; всѣ нищаютъ, не обогащая никого, кредита нѣтъ, всѣ перебиваются со дня на день, образъ жизни дѣлается все менѣе и менѣе изящнымъ, граціознымъ; всѣ жмутся, всѣ боятся, всѣ лгутъ, какъ лавочники, нравы мелкой буржуазіи сдѣлались общими».

Конечно, во многомъ эта картина современной намъ цивилизаціи невѣрна. Блестящая эпоха индустріи не прошла еще, и нынѣ нищаютъ далеко не всѣ и т. д... Все же центръ, наибольшая «гуща мѣщанства», нащупаны болѣе или менѣе вѣрно. мелкій буржуа середины XIX вѣка едва ли не типичнѣйшій мѣщанинъ. Надо, однако, опасаться сузить понятіе мѣщанства, оставляя этотъ терминъ только за такой типичнѣйшей его формой, тѣмъ болѣе, что при разнообразіи формъ, принимаемыхъ этимъ Протеемъ, трудно условиться, гдѣ и въ чемъ станемъ мы видѣть безусловно типичнѣйшее.

Плехановъ пишетъ:

«Герценъ смотрѣлъ на «этическое мѣщанство», какъ на плодъ извѣстныхъ общественныхъ отношеній, какъ на извѣстный фазисъ въ исторіи западной буржуазіи. «Этическое мѣщанство» представлялось ему духовнымъ свойствомъ буржуазіи временъ упадка. Потому-то онъ и могъ сочувственно говорить о другихъ фазисахъ ея развитія, о тѣхъ эпохахъ, когда на исторической сценѣ появлялись Рафаэль и Буонароти, Вольтеръ и Руссо, Гете и Шиллеры, Дантоны и Мирабо. И по той же самой, весьма понятной причинѣ, онъ не считалъ мѣщанство свойственнымъ ни средневѣковому рыцарству, ни русскому крестьянству. А мы съ г. Ивановымъ-Разумникомъ ушли «впередъ» отъ Герцена, мы покинули точку зрѣнія соціологіи и превратили мѣщанство, это свойство буржуазнаго класса, въ вѣчную «этическую» категорію».

Повидимому, Плехановъ самъ вполнѣ сочувствуетъ такому

страничению· этическое мѣщанство есть свойство буржуазіи въ эпоху ея упадка. Изъ этого опредѣленія мы логично выводимъ заключеніе· буржуазія въ эпоху своего подъема не отличается мѣщанствомъ.

Но позвольте, что же даетъ Плеханову право утверждать, что буржуазія въ его время или во время Герцена переживала упадокъ, напротивъ. Герценъ говоритъ какъ разъ объ ея т о р ж е с т в ѣ! Именно торжество буржуазіи привело съ собою послѣднее слово собственнической цивилизаціи, т. е. культурное мѣщанство. Если Герценъ и говоритъ объ упадкѣ таланта, силы мысли и даже индустріи, то въ глазахъ Герцена это было слѣдствіемъ т о р ж е с т в а м ѣ щ а н с т в а,—мысль, творчество, даже индустрія пали, потому что нравы мелкой буржуазіи с д ѣ л а л и с ь о б щ и м и. А Плеханову то уже совсѣмъ не позволительно говорить объ у п а д к ѣ буржуазіи, такъ какъ всѣ мы теперь знаемъ, что исторія привела насъ не къ упадку, а къ торжеству буржуазіи. которая никогда еще не была богаче и никогда еще не задавала тонъ всему міру съ такимъ авторитетомъ, какъ теперь. Сравните-ка значеніе, какое имѣла буржуазіи въ Германіи Шиллера или въ Италіи Буонароти, переживщаго и оплакавшаго какъ разъ паденіе буржуазныхъ республикъ и расцвѣтъ тираніи,—съ нынѣшнимъ ея значеніемъ.

Невольно придетъ въ голову мысль, не обратное ли говоритъ исторія, не является ли мѣщанство выраженіемъ торжества буржуазіи? Не порождаетъ ли она лучшихъ представителей своихъ въ эпоху своего угнетенія и той борьбы, которою начинается или кончается ея временное возвышеніе?

Изъ этихъ сопоставленій мнѣ, кажется, становится совершенно ясно, что Плехановъ, говоря объ упадкѣ буржуазіи, разумѣетъ не упадокъ политическаго или этическаго вліянія, или экономическаго могущества, а именно к у л ь т у р н ы й упадокъ, упадокъ идеализма, упадокъ моральный. Итакъ. этическое мѣщанство есть духовное свойство буржуазіи въ періодъ ея культурнаго упадка. (хотя бы совпадающаго съ ея экономическимъ и политическимъ торжествомъ или даже вызваннаго имъ); когда буржуазія находится на высотѣ культуры, когда она выдвигаетъ крупные таланты, она выходитъ з а п р е д ѣ л ы м ѣ щ а н с т в а· Вольтеръ, Шиллеръ и Мирабо—н е м ѣ щ а н е. Я думаю, что Плехановъ разсуждаетъ въ данномъ случаѣ не какъ марксистъ. У него, какъ у г. Иванова-Разумника, плоскость, отдѣляющая мѣщанское отъ немѣщанскаго,

горизонтальная: все, что низменно, мелко, плоско,—говоритъ г. Ивановъ-Разумникъ,—мѣщанство. Все, что получше: глубокое, широкое и т. д.—не мѣщанское. Тоже повторяетъ за нимъ и Плехановъ:—переживаетъ буржуазія культурный упадокъ, имѣетъ она Каульбаха вмѣсто Рафаэля, Шпильгагена вмѣсто Шиллера, Брентано вмѣсто Мирабо—и мы въ области мѣщанства, подымись она, создай вновь Вольтера, Гете или Микель-Анджело, и мы къ ней сочувственно отнесемся и не разсмотримъ мѣщанскихъ чертъ въ новомъ Шиллерѣ, какъ не разсмотрѣлъ ихъ Плехановъ, напримѣръ, въ Ибсенѣ. Для насъ же дѣло тутъ не въ высотѣ культуры, а въ ея типѣ; плоскость, раздѣляющая мѣщанство отъ анти-мѣщанства для насъ вертикальна: мѣщане могутъ быть высокими, оставаясь мѣщанами, какъ пролетаріи могутъ быть очень неотесанными и полусознательными, будучи, въ тоже время, яркими противниками мѣщанства.

Конечно, во времена революціонныхъ подъемовъ великіе представители мѣщанства поднимались до обще-человѣческихъ идей, но никогда не могли вполнѣ освободиться отъ мѣщанской подоплеки. Они часто рвались прочь: «и радъ уйти, да некуда!» И только въ новое время великимъ бѣглецамъ изъ мѣщанства, переросшимъ его, открылось царство, куда можно бѣжать, гдѣ можно очиститься отъ всякаго слѣда его, отряхнуть прахъ его отъ ногъ: и они убѣжали въ новое пролетарское царство. Марксъ, Энгельсъ, Лассаль—выходцы изъ мѣщанства—смогли «родиться вновь огнемъ и духомъ жизни новой». Ранніе геніи изъ мѣщанской среды или заражались препорядочной дозой ея филистерства или безвременно гибли, теряя всякую реальную почву подъ ногами, разрывая со своей средой, становясь мучениками-отрицателями, жаждущими спасенія, невольными пророками пролетаріата, которымъ не дано было познать и увидѣть Мессію. Ихъ появленіе не спасаетъ человѣчество отъ мѣщанства: наоборотъ, они сами оказываются жертвами послѣдняго.

Итакъ, что же такое для насъ культурное мѣщанство? Это духовное свойство всей и всякой буржуазіи во всѣ ея эпохи, а также свойство тѣхъ группъ, которыя находятся подъ ея вліяніемъ, мало того—это духовное свойство всѣхъ классовъ и группъ, психика которыхъ опредѣляется частной собственностью, какъ базисомъ ихъ культуры. При такомъ опредѣленіи намъ труднѣе будетъ охарактеризовать мѣщанство, чѣмъ при ограниченіи его упадкомъ

мелкой буржуазіи, но зато анализъ разновидностей царства мѣщанскаго будетъ плодотворенъ и рѣзко выдвинетъ передъ нами границы стараго и новаго міровъ, смѣшеніе которыхъ есть одинъ изъ пріемовъ самозащиты стараго міра. Надо вскрыть мѣщанство повсюду, гдѣ оно есть, а не тамъ, гдѣ оно и само по себѣ очевидно.

II.

Признавъ частную собственность за соціально-экономическую основу культурнаго мѣщанства, мы должны сразу обратить вниманіе на внутреннюю антиномію, на полярность, какую заключаетъ въ себѣ общество самостоятельныхъ производителей собственниковъ.

Ясно, что господствующій въ такомъ обществѣ типъ долженъ быть проникнутъ индивидуализмомъ. Частная собственность, съ одной стороны испоконъ вѣку считается естественнымъ дополненіемъ личности, первымъ постулатомъ индивидуализма, основой свободы личности, съ другой стороны, она сама по себѣ создаетъ индивидуалистическую психологію не только тѣмъ, что является, какъ jus utendi et abutendi, но и потому, что заставляетъ защищать свое имущество отъ чужихъ посягательствъ, заботиться о его сохраненіи и расширеніи, что неизбѣжно приводитъ къ конкурренціи и глухой враждѣ съ другими собственниками.

Огороженное поле, заборъ—это символы частной собственности и индивидуализма, въ смыслѣ сознанія своей отъединенности отъ прочихъ, отъ общества. До возникновенія заборовъ не могло быть индивидуализма, а былъ родовой, общинный бытъ. Послѣ паденія заборовъ... но не будемъ забѣгать впередъ.

Частный собственникъ, самостоятельный производитель, по существу своему, агрессивный типъ: онъ стремится расширить область своей собственнической власти. Душой права собственности является захватъ, насиліе; устойчивость собственности есть равновѣсіе силъ. Если я владѣю чѣмъ-либо, то первоначально это значитъ только то, что никто не въ силахъ отнять у меня мое имущество. Если я не владѣю большимъ, это значитъ лишь, что я не въ силахъ присвоить его себѣ и отстоять. Всякій собственникъ хотѣлъ бы увеличить свой надѣлъ, но такъ какъ это недоступно всѣмъ и каждому, то возникаетъ взаимопризнаніе правъ собственности:

«не трогай, чтобы я не трогалъ; какой мѣрой будешь мѣрить другимъ, такой и тебѣ воздадутъ».

Рядомъ съ наступательнымъ инстинктомъ громко говоритъ и часто даже заглушаетъ его оборонительный. Каждая личность, какъ таковая, представляетъ собою силу эгоистическую, центробѣжную, но въ ней есть и центростремительная сила, страхъ передъ насиліемъ другихъ надъ нею. Личности собственниковъ сливаются центростремительными своими сторонами и сплачиваются въ массу мѣщанинъ поскольку онъ трусъ, сплачивается въ большую мѣщанскую трусливую массу; мѣщанинъ-хищникъ, оторванный, истинно-индивидуалистически чувствующій, оказывается подавленнымъ (совершенно не важно для насъ въ настоящемъ случаѣ, конкретное историческое происхожденіе этого «общественнаго договора», но смыслъ его ясенъ: сліяніе всѣхъ для коллективной самообороны отъ каждаго порознь. Мѣщанскій индивидуализмъ рѣдко доходитъ поэтому до провозглашенія права сильнаго хищника на безграничное расширеніе своей власти, трусость мѣшаетъ ему провозгласить такое право для себя, а тѣмъ болѣе для другого. Это для мѣщанина — ультра-индивидуализмъ. Мы увидимъ, что лишь продукты распада мѣщанства доходятъ до этого оголенія агрессивной стороны собственнической души Мы увидимъ также, что провозглашеніе этого истиннаго полнаго индивидуализма, либо остается громкой фразой, либо приводитъ къ построенію аристократическаго идеала, этой своеобразной и подчасъ довольно красивой разновидности мѣщанства *).

Съ другой стороны, мѣщанство рѣдко доходитъ и до провозглашенія полнаго коллективизма, какъ оно его понимаетъ, т. е. до поглощенія личности обществомъ или государствомъ. Противъ этого бунтуетъ мѣщанскій индивидуализмъ собственника Однако, въ опасныя для мѣщанскаго міра времена, создавался своеобразный мѣщанскій коллективизмъ. Мы увидимъ ниже какія отвратительныя формы онъ неизбѣжно принимаетъ, ибо онъ всегда остается коллективнымъ насиліемъ сліянной массы надъ каждымъ отдѣльнымъ членомъ ея.

*) „Иногда, какъ мы это видѣли во главѣ объ ультраиндивидуализмѣ, провозглашеніе самыхъ крупныхъ ученій ультраиндивидуализма, можетъ явиться даже переходомъ къ коллективизму но это относится, какъ читатель помнитъ, лишь къ отдѣльнымъ очень сильнымъ индивидуальностямъ.

Посрединѣ между этими полюсами лежитъ болото мѣщанскаго индивидуализма, стремящагося примирить интересы жаждущей возвыситься за чужой счетъ личности и нивеллирующаго общества. Этотъ типичнѣйшій, коренной мѣщанскій индивидуализмъ постепенно выяснилъ свои теоретическія основы и поднялся до законченнаго и демократическаго индивидуализма, для возвеличенія котораго много сдѣлала кантіанская школа; теорія демократическаго индивидуализма есть главный оплотъ сознательнаго мѣщанства, отстаивающаго себя отъ возникновенія изъ нѣдръ своихъ новой аристократіи, какъ отъ ультраиндивидуализма—отъ идеаловъ естественнаго коллективизма пролетаріата, какъ отъ анти-индивидуализма. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, мѣщанство систематически подмѣняетъ коллективизмъ пролетарскій (послѣ-капиталистическаго періода) коллективизмомъ своимъ, мѣщанскимъ, выдвигавшимся въ общемъ для борьбы съ наступленіемъ капитализма

Такова же, какъ мы видѣли, и точка зрѣнія сознательнаго мѣщанина г. Иванова-Разумника

III.

Материкъ мѣщанства, его первоначальный массовый типъ есть именно консервативное, стадное мѣщанство. Это слой мелкой буржуазіи, городской и сельской, т. е. и крестьянской, конечно, въ эпохи относительной устойчивости. Мелкая собственность никогда не въ состояніи обезпечить совершенно устойчиваго быта, поэтому искусственная опора для всеобщаго благоденствія тутъ необходима Она и создается, прежде всего, въ обычномъ правѣ, опутывающемъ личность со всѣхъ сторонъ. справедливость, вотъ самое подходящее слово, которое въ огромномъ большинствѣ случаевъ совпадаетъ со «стародавнимъ правомъ» съ «обычаемъ дѣдовъ». Справедливость эта находитъ себѣ выраженіе въ анти-индивидуалистическомъ цеховомъ строѣ. Законъ прямо опирается на мечъ. Но закона еще не достаточно, ибо онъ можетъ карать лишь явное преступленіе противъ хранящихъ общее благополучіе установленій; мѣщанинъ не можетъ не искать непредусмотрѣнныхъ и непредусмотримыхъ закономъ лазеекъ для своекорыстнаго вреда сосѣду или его имуществу. и общество мѣщанъ въ своей самозащитѣ

вырабатываетъ мораль, воспитываетъ въ самомъ человѣкѣ совѣсть, подчиняетъ его общественному мнѣнію — особенно въ формѣ ядовитыхъ пересудовъ и, въ концѣ концовъ, вѣнчая всю систему, на небесахъ сидитъ мѣщанскій богъ, какой-нибудь потомокъ Всевидца-Прозорливца Варуны, который, сжели далеко не всегда караетъ мѣщанскія преступленія на этомъ свѣтѣ, то уже, навѣрное страшно возмѣщаетъ на томъ.

Мелкая собственность и мелкое производство, предоставленныя себѣ самимъ, создаютъ войну всѣхъ противъ всѣхъ, дѣлаютъ человѣка человѣку волкомъ; вотъ почему нужна вся сложная система законности общественности, суда и полиціи, морали, долга и религіи возмездія для перевоспитанія и обузданія мелкаго хищника-мѣщанина въ добраго сосѣда. Но все же чувствуется шаткость быта, и отсюда страхъ и вражда ко всему новому.

При всемъ преобладаніи насильственной общественности въ подобномъ мѣщанскомъ царствѣ—мѣщанинъ остается индивидуалистомъ, мѣщанство создаетъ «хозяина», «главу семейства». Это крутой, властный и весьма самостоятельный типъ «Der Bauer ist in seinem Hause König» *). Женщины, дѣти, домочадцы боятся «самого», и никакая любовь не замѣнитъ въ глазахъ хозяина этого страха. Страхъ—начало премудрости. Онъ самъ боится бога и закона, а жена и дѣти его боятся. Стѣсненная извнѣ, мелко-собственническая индивидуальность мѣщанина, индивидуалиста по самому типу производства, — вознаграждаетъ себя въ семьѣ властью, а часто чистѣйшимъ самодурствомъ. Единицей мѣщанскаго міра является производственная, хозяйственная величина,—дворъ, его представитель и господинъ и есть правосоздатель и жизнеустроитель,—то, что подъ нимъ,—задавлено имъ, и не пикнетъ.

Человѣкъ—существо удободрессируемое. Мѣщане, въ извѣстный періодъ времени, изъ поколѣнія въ поколѣніе воспитываются обществомъ въ духѣ «справедливости» и могутъ блистать добродѣтелями сосѣдской солидарности, которую можно даже воспѣвать поэтамъ мѣщанскаго идеализма. Тутъ ужъ наступаетъ тишь да гладь, да божья благодать. То же и въ семьѣ. Всякая мысль о бунтѣ противъ главы дома, обыкновенно, отсутствуетъ. Отцы и дѣти занимаютъ, покорные волѣ божьей, свое мѣсто и расцвѣтаетъ

*) Крестьянинъ—король въ своемъ домѣ.

«радость семейной жини», главный устой «германскаго міра», какъ говаривалъ великій Гегель, радости, воспѣтыя и великими Гете и Шиллеромъ. Хозяинъ царитъ строгій и справедливый, дѣти видятъ въ немъ отраженіе божества въ семьѣ, и цѣлуютъ ему благоговѣйно руки, не менѣе благоговѣйно подвергаются поркѣ, ежели прегрѣшили; вѣдь даже, по Гегелю, за прегрѣшеніемъ должна слѣдовать порка, это священное право самого провинившагося. Жена обожаетъ мужа и трепещетъ, онъ любитъ ее со снисходительностью Бываютъ и такія чудеса гармоніи въ семейномъ міркѣ, что мужу ни разу за всю жизнь не приходится «поучить» за косы благовѣрную свою супругу.

Тутъ настоящее раздолье для эпически и идиллически настроеннаго поэта.

Свое верховное положеніе мѣщанство находитъ въ классическомъ Китаѣ. Тамъ вся религія основана была на соблюденіи установленной предками справедливости «Шань», которая вмѣстѣ съ тѣмъ и законъ самого неба. Преступленіе личности противъ всесильнаго «закона» ведетъ не только къ наказанію этой личности бамбуками по пяткамъ, но и ко гладу, мору, трусу, бурямъ, наводненіямъ. Вся природа отъ неба до земли блюдется сонмищемъ ревнивыхъ и справедливыхъ духовъ, несущихъ полицейскую службу.

Это исторически прочное, первоначальное мѣщанство имѣетъ свои привлекательныя стороны. Хозяйскій индивидуализмъ, о которомъ мы говорили, рождаетъ суровые и строгіе типы «библейскаго характера», библейскаго потому, что библія есть великое созданіе мелкихъ собственниковъ въ торжествѣ ихъ, и въ отчаянной ихъ борьбѣ съ чуждыми элементами: отчего библія—великая и любимая книга мѣщанъ, такъ что описываемый нами типъ мѣщанства во всѣхъ смыслахъ можетъ быть названъ старо-завѣтнымъ. Въ борьбѣ съ непріятелями или въ революціонной между-сословной борьбѣ мѣщане-хозяева поражаютъ мрачной и увѣсистой стойкостью своего характера. Они создали возвышеніе Рима, они великолѣпно выразили себя въ эпоху великой буржуазной Англіи, въ эпоху Кромвеля. Библія была книгой Кромвеля, добродѣтель Рима,—примѣромъ для великихъ дѣятелей Французской Революціи.

Если индивидуализмъ старозавѣтнаго мѣщанства въ эпохи борьбы его съ внѣшними силами создавалъ столько желѣзныхъ героевъ патріотизма, то тутъ, конечно, сказывается и тотъ отно-

сительный коллективизмъ мѣщанскаго общества, о которомъ мы ранѣе говорили. Крайне любопытно смѣшиваются они въ швейцарскомъ ультра-мѣщанскомъ героѣ Теллѣ, какъ изобразилъ его ко всему мѣщанскому чуткій геній Шиллера. Телль защищаетъ себя, домъ свой, иначе его поступокъ былъ бы ничѣмъ не оправдываемъ въ его глазахъ, но онъ гордится также и тѣмъ, что онъ «добрый сосѣдъ», и во всей драмѣ много примѣровъ этой совершенно своеобразной амальгамы общинности и индивидуализма.

Общинность средневѣковаго городского мѣщанства создала себѣ великій неумирающій памятникъ въ готической архитектурѣ. Поразительное и безыменное единство этихъ колоссовъ, устремленныхъ къ небу, созданныхъ поколѣніями, сдѣлало ихъ символами коллективнаго творчества и побудила Рескина противопоставить общинный духъ и коллективный геній мѣщанскаго средневѣковья —новомѣщанскому, въ концѣ индивидуализированному современному міру.

Мы можемъ констатировать, что даже эта, калѣчащая личность мѣщанская общинность, создала великое, т. е. соціальныя движенія мѣщанъ въ эпохи ихъ борьбы съ окружающимъ, и ихъ общинное искусство. Но громоздкая, искусственная, внѣшняя,— она могла еще породить величіе, но никогда—живую подвижность, не духъ прогресса, не широкое развитіе. Предоставленное себѣ, мѣщанство непремѣнно вырабатываетъ застойныя формы во всѣхъ областяхъ культуры. Кромѣ того, старозавѣтное мѣщанство основано на подавленіи молодой личности семьей.

IV.

Мѣщанство, въ общемъ, консервативное, неподвижное, застойное, можетъ, однако, быть выведено изъ своей пассивности, когда его существованіе быстро разрушается, когда его благосостояніе таетъ. А это неизбѣжно происходитъ рано или поздно, когда внѣшнія обстоятельства даютъ сильный толчекъ распаду средняго мѣщанства, поляризаціи его, движенію собственности вверхъ, а мѣщанской массы внизъ, концентраціи имущества въ рукахъ богатыхъ и пауперизаціи болѣе бѣдныхъ. Передъ угрозой дальнѣйшаго прогресса въ этомъ направленіи мѣщанство возстаетъ, оно становится революціоннымъ.

Но и становясь революціоннымъ, оно, однако, не перестаетъ быть консервативнымъ Чего оно хочетъ? Оно защищаетъ стародавнее право, оно борется противъ нарушенія установленной справедливости Экономически оно всегда реакціонно, такъ какъ противится концентраціи капитала, тому, что одно лишь въ состояніи открыть передъ человѣчествомъ путь къ настоящей свободѣ и настоящему могуществу, вывести его изъ жалкой зависимости отъ бездушныхъ силъ природы и общества

Но, какъ мы уже сказали, мѣщанство въ болѣе сознательныя эпохи свои могло не только стремиться къ возврату прошлаго, но и къ усиленію его и водворенію его въ законченныхъ формахъ, къ осуществленію своеобразнаго идеала. Идеалъ этотъ, идеалъ «справедливости», подается то подъ соусомъ религіозной вѣры, какъ воля божья, и тутъ библейскіе пророки идутъ впереди другихъ, то какъ требованіе разума, несомнѣнное и точное, и тутъ на первый планъ выступаютъ метафизики величайшей мѣщанской революціи—Великой французской.

Экономическій этотъ идеалъ въ законченной формѣ есть эгалитаризмъ, т. е. экономическое равенство собственниковъ, парцеллярная собственность, т. е. уравнительное землепользованіе, прежде всего, а потомъ и уравненіе имуществъ вообще. Политически этотъ идеалъ естественно дополняется всемогущимъ государствомъ, оберегающимъ съ трудомъ достигнутое «равенство» отъ хищныхъ инстинктовъ его отдѣльныхъ членовъ Этически эгалитаризмъ выражается въ мѣщанской добродѣтели, ставящей выше всего порядокъ въ семьѣ, трудолюбіе, довольство малымъ, подчиненіе закону и правопорядку, здравый смыслъ и умилительное доброжелательство. Сіи добродѣтели съ прибавленіемъ отвращенія ко всему выдающемуся, какъ чему-то для себя грѣховному, а въ другомъ опасному, пахнущему тиранією становится республиканской добродѣтелью. Это во имя ея, въ сущности, зажигалъ костры Кальвинъ и рубилъ головы Робеспьеръ Этика категорическаго императива, выдвигающая на первый планъ совѣсть, какъ стража, живущаго въ душѣ каждой личности, эта этика, съ ея эгалитарнымъ принципомъ: поступай, какъ всѣ, смотри на всѣхъ, какъ на равныхъ, — какъ нельзя лучше, дополняетъ собой моральный идеалъ эгалитарнаго мѣщанства. А еще высшей санкціей является Верховное Существо, блюдущее оную мораль съ

мысль небесныхъ и отдающее въ услуженіе мѣщанской общинѣ никому невидимую область посмертныхъ мытарствъ души.

Наше народничество, хотя оно было философски довольно далекимъ отъ кенигсбергскаго китайца, Конфуція Европы, безсмертнаго Далай-Ламы мѣщанства—Канта, не умно, однако отъ его моральныхъ идеалъ въ немъ ярко сказывались и экономическая реакціонность и демократическій индивидуализмъ эгалитарнаго мѣщанства. Если оно не понимало еще необходимости для своего идеала сложиться якобинскимъ централизмомъ и покровительствомъ Верховнаго Существа, то это потому, что оно всегда было слишкомъ далеко отъ побѣды, откуда и нѣкоторая близость къ анархизму, которымъ мы еще займемся въ своемъ мѣстѣ.

По мѣрѣ разочарованія въ осуществимости эгалитарнаго идеала за который мѣщанинъ борется иногда съ замѣчательной революціонной страстностью, начинаются гораздо болѣе жалкія ублюдочныя формы мѣщанскаго демократическаго идеализма. Ихъ можно видѣть, напримѣръ, въ идеалахъ эпигона народничества, современнаго мѣщанина г. Иванова-Разумника.

V.

Едва внѣшнія условія создаютъ легкую возможность однимъ собственникамъ возвыситься за счетъ другихъ, какъ мѣщанство начинаетъ быстро разслояться. Выдвигается крупная буржуазія базирующая сначала на ростовщической, а потомъ на промышленной эксплуатаціи другихъ. Быстро развиваются кабальныя отношенія, домашняя форма производства на капиталиста, мануфактура. Слабые, болѣе чѣмъ когда-либо говорятъ о справедливости, проклинаютъ жажду наживы, свирѣпый, беззастѣнчивый индивидуализмъ растущаго хищника, этого врага бога, правды, человѣчности. Сильные создаютъ свои индивидуалистическія концепціи аристократическаго пошиба. Простая теорія эгоизма мнѣ: все позволено—это только первый грубый шагъ крупно-буржуазнаго индивидуализма въ теоріи, хотя на практикѣ онъ-то и остается главной основой его. Идеологи возрастающей мощи буржуазіи начинаютъ говорить о національномъ богатствѣ, которое, въ концѣ концовъ, только выигрываетъ-де отъ свободной игры человѣческихъ эгоизмовъ, возвышенія однихъ и гибели другихъ. Съ проклятіями

противопоставляетъ этой теоріи слабый мѣщанинъ рѣзкое разграниченіе богатства національнаго и богатства народнаго.

«Останься мы всѣ на одномъ уровнѣ,—національное богатство не прогрессировало бы»,—говорятъ рикардіанцы. «Какой толкъ въ національномъ богатствѣ, когда народъ нищаетъ изъ года въ годъ?»—отвѣчаютъ сисмондисты. «Мы несемъ націи могущество!»—говорятъ либералы индивидуалисты. «Вы несете націи вырожденіе!»—кричатъ народники. «Мы стоимъ за полную свободу индивида широко развертывать свои способности, не стѣсняясь рамками жалкой стадной морали» —говорятъ моралисты капитала. «Вы угнетаете личность, вы приносите ее въ жертву Молоху производства, вы топчете ее въ грязь, признавая за одними право губить другихъ»,—отвѣчаютъ моралисты мелкой буржуазіи.

Кто правъ? И та, и другая сторона, или ни та, ни другая. Споромъ о правахъ не рѣшишь такого вопроса. Тутъ рѣшаетъ сила.

Есть, однако, два критерія для оцѣнки большей или меньшей высоты культурности типа. интересы развитія личности и интересы развитія вида,—человѣчества.

Сколько-нибудь эстетически и культурно мыслящіе народники должны согласиться, что невозможно ставить теоретическое рѣшеніе культурнаго вопроса въ зависимость просто отъ интереса личности. Поставивъ вопросъ, такимъ образомъ, мы придемъ къ безотрадному выводу такого рода: когда интересы однихъ личностей противорѣчатъ интересамъ другихъ, то при допущеніи равноцѣнности всѣхъ личностей, рѣшенія нашей проблемы быть не можетъ. А не то придется прибѣгнуть къ «грубо утилитарному рѣшенію»—отдавать преимущество большинству: можно, молъ, пожертвовать интересами одной личности интересамъ двухъ, а наоборотъ нельзя.

Для людей развитыхъ врядъ ли пріемлема такая постановка вопроса. Другое дѣло обсужденіе его съ точки зрѣнія интересовъ развитія личности.

Это, по нашему мнѣнію, будетъ правильный для индивидуалиста критерій. Съ этой точки зрѣнія намъ кажется безспорно высшимъ типомъ культуры типъ капиталистическій. Не потому, чтобы мы полагали будто именно кулакъ-то и есть личность, устремленная къ развитію, а потому, что ростъ капиталовъ несетъ съ собою борьбу, страшное расширеніе жизни, сильное движеніе. Захолустье, вотъ уголокъ, гдѣ господствуетъ приблизительно мѣщанская идиллія, туда вторгается культура, неся съ собой разрушеніе, ожесто-

ченіе, но такъ же и острую борьбу, подвижность, страсть, жизнь Какъ ни ужасна, какъ ни отвратительна сама по себѣ культура большихъ городовъ, она больше содѣйствуетъ развитію личности, чѣмъ мѣщанскій міръ добродѣтельнаго захолустья.

И тутъ мы приходимъ ко второму критерію. Разсматривая весь человѣческій видъ, какъ одно цѣлое, все болѣе сознательно борющееся за могущество, свободу, гармонію и счастье, мы и здѣсь констатируемъ, что какъ ни страшенъ, какъ ни отвратителенъ путь крупно-буржуазной культуры—онъ безконечно быстрѣе приближаетъ насъ къ цѣли, чѣмъ «справедливый» застой всеобщей бѣдности, или, если хотите, всеобщаго довольства... малымъ.

Но, оправдывая крупно-буржуазную форму индивидуализма, полную свободу личности, которая можетъ не стѣсняться правами конкурента, по сравненію съ мелко-буржуазнымъ индивидуализмомъ,—для котораго права всякой личности священны,—отдавая крупно-буржуазному государству—«ночному сторожу» преимущество передъ гильотинной республикой мелкой буржуазіи, мы отнюдь не думаемъ признать классическій либерализмъ идеологовъ юнаго капитала, чѣмъ-то утѣшительнымъ. Самъ по себѣ онъ «по своему» отвратительная форма мѣщанства и только

Мы уже говорили, что мѣщанство рѣдко доходитъ до праваго полюса, до провозглашенія безусловнаго права личности сильной на попираніе слабыхъ. И крупно-буржуазный либерализмъ рѣдко смѣлъ провозгласить открыто: «le droit du plus fort». *).

И это понятно, вѣдь классъ этотъ былъ «болѣе сильнымъ» лишь въ экономической области, надо было закрѣпить опредѣленные законы борьбы, которые обезпечивали бы побѣду именно за экономически сильнѣйшими.

Въ одной драмѣ Додэ разоренный человѣкъ приходитъ къ своему экономическому побѣдителю съ револьверомъ и говоритъ ему. «я вооруженъ—вы безоружны, я сильнѣе васъ и убью васъ, да здравствуетъ столь часто провозглашееся вами право болѣе сильнаго!»

Крупная буржуазія отнюдь не желаетъ установить просто свободную конкуренцію всѣхъ противъ всѣхъ и во всѣхъ смыслахъ; она сплачивается, она овладѣваетъ государствомъ, она поддерживаетъ полицію и создаетъ неслыханный милитаризмъ: все для

*) Право сильнѣйшаго.

охраненія порядка, того порядка, по которому богатому естественно обирать бѣднаго. ибо онъ дѣлаетъ это законными средствами (экономическими), бѣдному же, пускающему въ ходъ хитрость (воровство) или насиліе (грабежъ). немедленно влетаетъ не только отъ государства, но также и отъ морали, и отъ Бога, перешедшихъ къ крупной буржуазіи по наслѣдству отъ мелкой и оказавшихся ей весьма ко двору.

Заносчивый мальчишескій либерализмъ молодого капитала смѣняется страстной приверженностью къ порядку, государство вновь усиливается, сильную власть цѣнятъ высоко.

Крупная буржуазія, такимъ образомъ, какъ и мелкая «гармонично» соединяетъ права личности и права общества, она тоже стоитъ за «умѣренный» индивидуализмъ, она приходитъ въ ужасъ отъ «ультра-индивидуализма» каторжниковъ и столь же ужасается она деспотизма государства, иногда даже въ видѣ безобиднаго фабричнаго инспектора. Она старается держаться въ болотѣ исконнаго мѣщанскаго умѣреннаго индивидуализма, по своему толкуя его. Мелкій буржуа ненавидитъ крупнаго, идеологи ихъ спорятъ круто, доходя въ полемикѣ до крайностей, но все же мы отнюдь не выходимъ съ ними за предѣлы мѣщанства.

VI.

Великая французская революція обѣщала улучшить условія жизни всей буржуазіи вообще, но на дѣлѣ послѣ всѣхъ трагическихъ перипетій она помогла добиться перваго мѣста и рѣшающаго вліянія именно буржуазіи капиталистической. Мелкая буржуазія время отъ времени лишалась во Франціи даже политическихъ правъ, экономическое ея положеніе ухудшалось съ невыразимой быстротой въ силу конкуренціи крупныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, отсюда временно революціонное и всегда анти-капиталистическое настроеніе мелкой буржуазіи, отсюда ея попытки сблизиться съ мощно выроставшимъ рядомъ съ нею молодымъ классомъ—пролетаріатомъ. Но она не могла принести ему реальной поддержки до конца, ибо пути обоихъ классовъ расходились, идеалы у нихъ были разные: мелкая буржуазія смотрѣла назадъ и ея религіей была собственность, пролетаріатъ смотрѣлъ

впередъ, его идеаломъ все опредѣленіе становился коллективизмъ.

Разложеніе мелкой буржуазіи подъ прессомъ капитала давало не только пролетаріатъ, оно же создало интеллигенцію, какъ широкую и несчастную, въ общемъ обездоленную группу. Разоряющееся мѣщанство стремилось дать образованіе своимъ дѣтямъ, наводняло образованными юношами большіе города. Цѣна интеллектуальнаго и артистическаго труда въ общемъ и цѣломъ быстро упала: на одного удачливаго интеллигента насчитывалось все болѣе голодающихъ неудачниковъ. Недовольство интеллигенціи выражалось въ ея революціонномъ романтизмѣ. Она ненавидѣла «мѣщанство», т. е. тотъ складъ жизни, который принесло съ собою торжество крупной буржуазіи. Этотъ расчетливый, прозаичный и властный классъ быстро измѣнилъ своему юному либерализму, какъ мы уже видѣли. Онъ строго заявилъ: «Свобода да—свобода, но... въ предѣлахъ закона, нами установленнаго». Мятущаяся интеллигенція, вышибленная изъ старозавѣтной колеи мелко-мѣщанскаго существованія, негодовала и рвалась. Конечно, иные изъ ея рядовъ отдавались цѣликомъ завоеванію личнаго счастья, очень часто продажею таланта и совѣсти господамъ положенія, многоимущимъ мѣщанамъ, но другіе уходили въ болѣе почтенную, трезвую политику реформъ для поддержанія среднихъ классовъ и старались съорганизовать мелкую буржуазію въ радикальныя партіи. Третьи шли дальше, доводя радикализмъ до крайнихъ предѣловъ: «Свобода полная!»—кричали они,—«свобода, не стѣсненная никакимъ закономъ, никакою властью; ни дряхлой властью обломковъ старины, ни меньшинствомъ, съ туго набитыми карманами, ни тупымъ и всегда мѣщанскимъ большинствомъ, да здравствуетъ свобода личности!» Четвертые, придя въ отчаяніе, дѣлались жертвами пессимизма или мистики, часто тутъ же кокетничая, а иногда, небезвыгодно торгуя ими.

Ничто такъ не оскорбляетъ интеллигента-индивидуалиста, какъ гадкая сторона мѣщанства, еще возросшая при капиталистическомъ, массовомъ производствѣ. Всякій интеллигентъ, даже, отнюдь не бунтарь, не прочь будетъ подписаться подъ такими сужденіями Герцена:

«Все получаетъ значеніе гуртовое, оптовое, рядское, почти всѣмъ доступное, но не допускающее ни эстетической отдѣлки, ни личнаго вкуса. Вездѣ, за угломъ, вездѣ дожидается стотысячеголо-

вая гидра, готовая безъ разбора все слушать, все смотрѣть, всячески одѣться, всѣмъ наѣсться—это та самодержавная толпа, сліяніе посредственности Ст Милля, которая все покупаетъ и потому всѣмъ владѣетъ» и далѣе

«..Несмотря на умственное превосходство нашего времени все идетъ къ посредственности, лица теряются въ толпѣ. Это collective mediocrity ненавидитъ все рѣзкое самобытное, выступающее, она проводитъ надъ всѣмъ общій уровень, а такъ какъ въ среднемъ разрѣзѣ у людей немного ума и немного желаній, то сборная посредственность, какъ топкое болото, поднимаетъ съ одной стороны, все желающее вынырнуть, а съ другой—предупреждаетъ безпорядокъ эксцентричныхъ личностей воспитаніемъ новыхъ поколѣній въ такую же вялую посредственность»..

Съ этой точки зрѣнія даже Герцену весь социальный міръ представлялся сплошь мѣщанскимъ

«Съ одной стороны мѣщане-собственники, упорно отказывающіеся поступиться своими монополіями, съ другой—неимущіе мѣщане, которые хотятъ вырвать изъ ихъ рукъ ихъ достояніе, но не имѣютъ силы»...

Интеллигенція же, сама по себѣ, очевидно, отдѣлена отъ этого міра цѣлой пропастью она—это эксцентрическія личности, полныя оригинальности и увѣренной силы; одна бѣда, эти духовныя сливки общества затерты въ уголъ, и никто не хочетъ ихъ слушать. Неужели ограничиться одними фразами? Неужели люди, обладающіе темпераментомъ не попробуютъ измѣнить ненавистный сѣрый порядокъ вещей? Но какъ? Опираясь на массы? Для этого нужно уѣлечь эти массы, по существу своему мѣщанскія, не могущія сами творить высшихъ формъ жизни Надо увлечь ихъ краснорѣчіемъ, доступными ихъ уму обѣщаніями, легкимъ обманомъ, надо вести ихъ за носъ къ цѣлямъ высокой интеллигентной личности, къ цѣлямъ группы разумныхъ и критическихъ творцовъ исторіи, которые вѣдь и для нихъ же, дураковъ, будутъ по достиженіи ихъ выгодны. Итакъ, надо быть демогогами, пастырями этихъ глупыхъ овецъ Часть интеллигенціи сознательно отдается такому водительству, презирая своихъ избирателей и довѣрителей—эту м а с с у, т о л п у, и к р у!

Меньшая часть приступаетъ къ пропагандѣ насиліемъ, подобно Саввѣ Андреева, стараясь заставить мѣщанское стадо быть свѣтлымъ, разумнымъ и счастливымъ посредствомъ огня и меча. Тѣ и

другіе сдѣлаютъ внутренне, (а иногда осмѣливаются и высказать свое убѣжденіе), шагъ дальше того презрѣнія къ массамъ, которымъ запечатлѣны, выше приведенныя слова Герцена, они согласятся съ Раскольниковымъ:

«Люди по закону природы раздѣляются вообще на два разряда на низшій—обыкновенныхъ, т. е., такъ сказать, на матеріалъ, служащій единственно для зарожденія себѣ подобныхъ и собственно на людей, т. е имѣющихъ даръ или талантъ сказать въ средѣ своей новое слово . Первый разрядъ, т. е. матеріалъ, говоря вообще, люди по натурѣ своей консервативные, чинные, живутъ въ послушаніи и любятъ быть послушными... Второй разрядъ—всѣ преступаютъ законъ, разрушители или склонны къ тому, судя по способностямъ»...

Но куда собственно вести стадо? Гдѣ тѣ «высокія горы» «златое царство будущаго» и т. п., куда пастырь погонитъ овецъ? Иные говорятъ, сознавая свою слѣпоту: «разрушать, разрушать, а тамъ видно будетъ». Но это не отвѣтъ, это отказъ его дать. Другіе стараются дать картину будущаго строя.

О радикалахъ смѣшно и говорить· ихъ идеалъ есть совершенный сколокъ со стараго мѣщанскаго уклада, да еще полный компромиссовъ.

Но анархисты?

Увы! Дѣло въ томъ, что ненавистнически отметая стадное начало въ мѣщанствѣ, дѣти его, интеллигенты, не замѣчаютъ кровной своей связи съ нимъ, прочной пуповины ихъ соединяющей и смѣшнѣе всего, «пикантнѣе»всего, какъ выражается г. Ивановъ-Разумникъ, что эта пуповина есть именно тотъ индивидуализмъ, который они считаютъ главнымъ своимъ отличіемъ отъ мѣщанства.

Бѣдность, широкіе аппетиты и отсутствіе возможности удовлетворять ихъ, юношескій пылъ, все это жжетъ грудь молодого интеллигента. Свое юношеское настроеніе онъ доноситъ иногда до сѣдинъ, но мѣщанская подоплека остается въ немъ, ибо мѣщанскій индивидуализмъ-то сидитъ въ немъ не менѣе прочно, чѣмъ и въ его отцахъ.

Болѣе или менѣе туманный анархическій идеалъ, какъ законченный идеалъ торжества личнаго начала и полная свобода—это идеалъ типично-интеллигентскій. Но онъ колеблется отъ простого радикализма, демократическаго республиканизма до современ-

ныхъ максималисткихъ фантазій всюду оставаясь жертвой основной мѣщанской антиноміи

Въ самомъ дѣлѣ пожелаете ли вы провозглашенія абсолютной свободы личности, включая сюда право вредить ближнимъ, эксплоатировать ихъ, порабощать ихъ? Но совершенно очевидно что такая свобода приведетъ въ концѣ концовъ, черезъ дикій хаосъ, море слезъ и крови къ закрѣпленію власти сильныхъ надъ слабыми, къ образованію классовъ и классового государства. Стало быть, надо ограничить волю личности интересами каждой другой личности, надо признать равноправіе ихъ всѣхъ. но это уже огромное стѣсненіе свободы р е а л ь н о й личности; настоящая, могучая волей индивидуальность съ этимъ не помирится, и надо либо сдерживать инстинкты личности общественнымъ давленіемъ, либо такъ воспитать личность, чтобы ничто свое, вольное и въ голову ей не приходило, и въ сердце не закрадывалось, охолостить личность, сдѣлать ее въ поколѣніяхъ совершенно домашнимъ животнымъ. Анархисты прикрываютъ отъ себя эту диллему розовой сказкой о коренной солидарности человѣческихъ интересовъ. Но этой коренной солидарности никогда не было, и нѣтъ ея и сейчасъ. Она бываетъ временно и мѣстно, когда интересы людей реально связаны. Люди солидарны, когда они солидарны, и болѣе этой тавтологіи ничего не скажешь. При условіяхъ конкурренціи, въ анархическомъ обществѣ, чѣмъ рѣзче очерчена личность, чѣмъ ярче характеръ (а это идеалъ интеллигентовъ-анархистовъ), тѣмъ естественнѣе борьба между ними и столкновенія. Мы видимъ, что интеллигенція какъ таковая, несмотря на свое видимое анти-мѣщанство, въ положительномъ своемъ творчествѣ не вырывается изъ его болота. Она недовольна, она мечется, страдаетъ, горитъ, она играетъ всѣми цвѣтами: продажный талантъ, демагогъ, измученный скептикъ и пессимистъ, полубезумный мечтатель, кривляка, мистикъ,—все тутъ есть въ странныхъ сочетаніяхъ, но спасенія нѣтъ. Концентрація интеллигенціи, о которой мы еще будемъ говорить, не несетъ съ собою рѣшенія соціальной задачи ни въ малой степени, она отдаляетъ это рѣшеніе Къ тому же, какъ мы видимъ, концентрація эта для Россіи можетъ быть только движеніемъ направо, вреднымъ для интеллигенціи и для всего общества. Спасеніе для лучшихъ элементовъ интеллигенціи только въ переходѣ въ лагерь пролетаріата. Но искренно переходя къ нему, она идеологически перестаетъ быть интеллигенціей,

она принимаетъ чужую вѣру дѣлая ее своей и можетъ во многомъ оказать помощь людямъ новаго міра. .

VII.

Сверхчеловѣческія теоріи представителей интеллигенціи большею частью остаются фразой или ведутъ къ разнымъ чудачествамъ и выходкамъ болѣе смѣшнымъ и отвратительнымъ, чѣмъ соціально опаснымъ (припомните героевъ Пшебышевскаго и т. п.) Но къ воспріятію этихъ идей прекрасно подготовлены верхи крупной буржуазіи Буржуазный либерализмъ. теорія свободной конкурренціи вообще не прочь была кокетничать съ дарвинизмомъ, а если рѣчи о свободѣ скоро заглушены были рѣчами о порядкѣ, о «juste milieu»*), то въ этомъ сказывалась трусость буржуазіи по отношенію къ пролетаріату во-первыхъ, ко всякимъ ненавистникамъ капитала и деклассированнымъ личностямъ во-вторыхъ Но изъ среды богатой буржуазіи стали выдѣляться особо предпріимчивыя и удачливыя личности-финансисты организаторы колоссальныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій милліарды которыхъ чрезвычайно ослабили ихъ трусость и разожгли ихъ надменную наглость Сверхъ того къ постоянному и вполнѣ понятному увлеченію капитала милитаризмомъ, какъ орудіемъ разъединенія и подавленія пролетаріата. прибавилось къ концу прошлаго вѣка предчувствіе приближающейся международной грозы. Лихорадочно захватываются остатки земного шара—колоніи и рынки Капиталъ начинаетъ задыхаться, ему становится тѣсно Типъ авантюриста на большую ногу, изслѣдователя и завоевателя далекихъ краевъ, полу-бандитъ, полу-дипломатъ начинаетъ становиться прямо драгоцѣннымъ. Часто, какъ, напримѣръ. въ импозантной фигурѣ Сесиля Родса,—милліардеръ и авантюристъ-конквистадоръ совпадаютъ. Высокую цѣну пріобрѣтаютъ также искусные генералы и адмиралы и достаточно безсовѣстные и безсердечные для самой хищнической политики государственные люди.

Если уже просто капиталистическій строй весьма трудно было примирить съ христіанской моралью и приходилось иногда заговаривать о «біологической» морали, якобы вытекающей изъ дарви-

*) „Золотая середина“—лозунгъ французской буржуазіи 40-ыхъ годовъ.

низма, то милліардерскій имперіализмъ совсѣмъ не клеится съ этой религіей мелкихъ мѣщанъ жмущихся другъ къ другу, мѣщанъ обороняющихся Конечно, оффиціальная религія, съ ея рабьей проповѣдью непротивленія и обѣщаніями возпагражденія на томъ свѣтѣ за соціальное неравенство на землѣ сослужила эксплуататорамъ хорошую службу конечно она была покладиста и благословляла во имя Христово всякую войну и всякое насиліе, но одурманивающая сила ея убывала, а ужъ для обихода-то самихъ нео-аристократовъ капитала она никуда не годится

Мерингъ вовсе не такъ грубо неправъ, когда выставляетъ Ницше идеологомъ людей насилія этого новаго типа огромныхъ хищниковъ имперіализма Ницше сложнѣе этого, но элементы имперіалистической морали у него, конечно есть и даже стоятъ едва ли не на первомъ планѣ

«Пафосъ дистанціи», право сильнаго жертвовать собѣ слабымъ, обязанность слабаго жертвовать собой культурѣ сильнаго, прославленіе военныхъ доблестей твердости отсутствія состраданія— все это должно нравиться Морганамъ, Родсамъ Стенли и Чемберленамъ Звучитъ и выгодная для колонизаторовъ нотка біологическаго отбора, и законности для высокихъ расъ подчиненія и истребленія низшихъ Любопытно также, что и проповѣдь любви къ призракамъ можетъ быть весьма удобно воспринята нашими вершинами мѣщанства. Въ самомъ дѣлѣ, соціальная личность милліардера состоитъ изъ его «я» и изъ его капитала, его фирмы. Всякій изъ нихъ, какъ бы ни былъ онъ проникнутъ самоуваженіемъ и самодовольствомъ, понимаетъ что его капиталъ, его «дѣло», его фирма, нѣчто гораздо большее въ его соціальной личности, чѣмъ его физіологическое «я» Соотвѣтственно этому, милліардеръ иногда прямотаки приноситъ жертвы своему «дѣлу». Рокфеллеръ является трагикомичнымъ символомъ любви къ призракамъ.—это хилый и больной старикашка, не могущій пользоваться даже самыми простыми радостями жизни и продолжающій громоздить милліоны, трепетной рукой, прибавляющій нули къ своимъ итогамъ Это концентрація той мощи золота, о которой говоритъ Пушкинскій Скупой Рыцарь, но въ грандіозныхъ, умопомрачительныхъ размѣрахъ, конечно, превосходящихъ всякіе аппетиты чисто личнаго характера. Всякій комфортъ всякая роскошь остаются у подножія этихъ золотыхъ пирамидъ, ихъ психическая цѣнность для владѣльца. — мощь, спортъ бѣшенной скачки милліардовъ, и, конечно отъ отца къ

сыну, конечно ради блага цѣлой династіи Гульдовъ или Ротшильдовъ. Развѣ это не жажда мощи въ ея чистѣйшемъ видѣ?

Мало того. Какъ извѣстно, индивидуализмъ Ницше повсюду переходитъ въ собственную противоположность. Не только отрицаются права личности за чернью но и аристократія по Ницше должна организоваться въ сплоченное цѣлое, гдѣ личная воля терялась бы въ потокѣ коллективной воли—«господъ». Аристократія прочна, пока или когда она умѣетъ дѣйствовать дружно Удивительно мѣтко передаетъ это русская аристократическая былина о Хотенѣ Блудовичѣ въ своеобразномъ критеріи оцѣнки силы аристократическаго рода.

«Аще станутъ тотъ напередъ, да другой напередъ: тому-то надо выславиться, да другому надо выславиться,—это есть не храбрые воины,—а если пойдутъ всей грудью, и такъ буди меня отъ великаго сна».

Именно такъ, думали спартанцы историческаго времени, въ отличіе отъ героическаго индивидуализма богатырей Иліады. Аристократія приближалась здѣсь къ коллективизму Платонъ, желая создать идеальное аристократическое государство, рекомендовалъ коллективизмъ верховъ. Его же стремилась ввести великая, по своему аристократическая сила—католическая церковь. Въ этомъ мы видимъ невольное, но замѣчательное признаніе превосходства коллективизма надъ индивидуализмомъ. Гдѣ закипаетъ борьба за культуру, какъ бы пошло, узко и уродливо она ни понималась, тамъ тенденція къ коллективизму возникаетъ сама собой. И милліардерская нео-аристократія создаетъ трестъ, этотъ своеобразный коллективизмъ верховъ нашего времени, трестъ съ его желѣзной дисциплиной, трестъ, какъ самоцѣль

Само собой, ни одна болѣе или менѣе коллективистически организованная аристократія старыхъ временъ не была такъ убога въ культурномъ отношеніи, какъ новая. Какъ отмѣтилъ и Каутскій, доблесть, талантъ, культура были въ старину силами самой аристократіи, новая же аристократія сильна мошной, а высшую силу, силу таланта и блага культуры, она покупаетъ. Но дѣлая продажными талантъ и культуру, нео-аристократія развращаетъ искажаетъ и мельчитъ ихъ. Собственный идеалъ мѣщанской аристократіи теменъ. Это безпредѣльное нагроможденіе капиталовъ, власть сотенъ золотыхъ полубоговъ, недоумѣвающихъ передъ собственнымъ страннымъ величіемъ и осужденныхъ на вырожденіе

въ третьемъ-четвертомъ поколѣніи: далѣе, слой наемниковъ высшаго типа, эксплуатирующихъ массу, во имя полубоговъ, наконецъ, сама эксплоатируемая масса, запуганная своими наемными сторожами, или отупленная относительной сытостью и полной безнадежностью протеста Малѣйшая поблажка, малѣйшая свобода мысли и все можетъ опрокинуться, ибо зданіе до очевидности хрупко. Большинство всегда можетъ экспропріировать меньшинство, особенно новые преторіанцы, грубая сила, охраняющая силу золота. Поэтому необходима будетъ система всеобщаго шпіонства и доноса. Связанность всякаго движенія духа должна стать закономъ для самихъ полубоговъ ибо цѣлое ревниво должно будетъ охранять себя и не допускать личность до вредной блажи, до рискованныхъ эксцессовъ и внесенія разлада внутрь золотого Олимпа.

Мѣщанскій индивидуализмъ всюду ведетъ съ собою насильственный коллективизмъ; мѣщанскій коллективизмъ всегда насильственненъ, ибо базисъ его—индивидуализмъ, фактъ взаимовраждебности его элементовъ—личностей Частная собственность, индивидуальное производство, или индивидуальное присвоеніе — это тяжелая цѣпь которая не даетъ вырваться мѣщанству ни въ какой его аватарѣ. Съ отказомъ же отъ частной собственности, съ принятіемъ принципа сотрудничества всѣхъ и каждаго признаннымъ не только головой, въ противность влеченіямъ сердца вѣтхаго Адама —мѣщанина, а съ кореннымъ, безусловнымъ его признаніемъ вытекающимъ изъ полнаго перерожденія мѣщанина.. ну, съ такимъ отказомъ и такимъ признаніемъ мѣщанинъ естественно пересталъ бы быть собою и сталъ бы человѣкомъ.

Мы не исчерпали всѣхъ разновидностей мѣщанства, особенно его наиболѣе пестрой части—интеллигенціи Однако, мы указали главнѣйшія формы мѣщанства. Оно широко и многообразно это мѣщанское царство. И это объясняется въ особенности, антиноміей частной собственности, порождающей индивидуальную жадность и коллективную трусость. Комбинаціей этихъ чертъ объясняются всѣ типы мѣщанина. За предѣлами мѣщанства находится все то, что переросло индивидуальную жадность и коллективную трусость.

Перейдемъ къ нѣсколько болѣе подробному изслѣдованію интеллигенціи.

II.

КОНЦЕНТРАЦІЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ.

У г. Иванова-Разумника, какъ мы видѣли, интеллигенція оказывается всегда анти-мѣщанской потому, видите ли, что ему угодно было опредѣлить ее, какъ группу строго анти-мѣщанскую. А такъ какъ мѣщанство это, по г. Иванову-Разумнику, группа по преимуществу анти-интеллигентская, то онъ застраховалъ отъ всякаго сближенія и смѣшенія этихъ группъ.

Оставимъ въ сторонѣ эту наивную игру въ произвольно установленные термины и будемъ держаться той терминологіи какая диктуется соціально-экономической дѣйствительностью.

Мѣщанство это—обширный классъ собственниковъ разныхъ категорій и мелкихъ производителей Интеллигенція это—группа лицъ, живущихъ «умственнымъ трудомъ». Интеллигентъ—всякій, кто живетъ на заработокъ (конечно, имѣются и здѣсь гибридныя формы), причемъ трудъ его не физическій. Разумѣется, разница между физическимъ и умственнымъ трудомъ нѣсколько условная, нѣтъ физическаго человѣческаго труда, не обладающаго хотя бы слѣдка и психическимъ характеромъ, и наоборотъ Тѣмъ не менѣе, различіе въ общихъ чертахъ бросается въ глаза. Ближайшими сосѣдями интеллигенціи являются трудовыя группы Изъ нихъ она, несомнѣнно, въ общемъ наилучше поставлена, и потому наиболѣе склонна къ примиренію съ существующимъ порядкомъ или медленному и постепенному реформированію его это такъ, по крайней мѣрѣ, для наиболѣе солидной и хорошо оплачиваемой ея части.

Можно ли уподобить интеллигента, мозгового труженника—пролетарію? Несомнѣнно, что иногда интеллигентъ подвергается грубой эксплуатаціи, что онъ бѣдствуетъ и лишенъ собственности Часто интеллигенція, которая находится въ подобномъ положеніи, именуется интеллигентнымъ пролетаріатомъ. Попытки синдикалистовъ доказать абсолютную несоединимость интересовъ интеллигенціи вообще и «интеллигентнаго пролетаріата» въ частности съ интересами физическаго труда—грубо ошибочна и легкомысленна. Что касается интеллигентнаго пролетаріата, то для него, а также и для нѣкоторыхъ другихъ категорій интеллигенціи, побѣда пролетаріата прямо выгодна. Этимъ объясняется, конечно, и г л а в-

нымъ образомъ, притокъ и наличность значительнаго процента интеллигенціи въ пролетарской партіи. Но это все же не дѣлаетъ еще интеллигентнаго пролетарія настоящимъ пролетаріемъ, тѣмъ коренным соціалистомъ, стихійнымъ обновителемъ стараго міра, какимъ является фабрично-заводской и сельскій рабочій,—неимущій людъ.

Мелкіе ремесленники тоже подвергаются эксплуатаціи, тоже бѣдствуютъ, тоже зачастую ничего не имѣютъ, кромѣ орудій производства, цѣнность которыхъ совершенно ничтожна. Они тоже на дѣлѣ объективно заинтересованы въ побѣдѣ пролетаріата, они тоже и субъективно часто въ ней заинтересованы, и составляютъ во всѣхъ странахъ еще болѣе многочисленную примѣсь къ пролетарской партіи, чѣмъ интеллигенція. Какъ мелкій ремесленникъ такъ и интеллигентный пролетарій довольно легко сравнительно съ баричемъ или капиталистомъ, могутъ сдѣлаться недурными соціалистами, недурными помощниками пролетаріата, но все это не мѣшаетъ тому, что они принадлежатъ къ другому классу, классу мелкой буржуазіи. Правда, они строго говоря, не собственники но они, самостоятельные производители, представители необобществленнаго, немеханизированнаго труда.

Именно то, что трудъ въ нѣкоторыхъ областяхъ ремесла, а также (соціально самое важное) въ сельскомъ хозяйствѣ не легко обобществляется, остается индивидуальнымъ, а носитель его съ трудомъ превращается въ пролетарія, вотъ этотъ-то фактъ и роднитъ интеллигенцію съ мелкой буржуазіей

Интеллигентъ есть по преимуществу индивидуальный производитель, хотя бы его захлестнула уже въ круговращеніи какая-либо крупно-капиталистическая фирма, ибо и тутъ трудъ его выдѣляется, какъ нѣчто качественно-особое изъ системы сотрудничества рабочихъ.

Только отчаяніе въ собственной политикѣ, въ собственной идеологіи постепенно толкаетъ интеллигенцію, какъ и ремесленниковъ, какъ и разоряющееся крестьянство, въ объятія пролетаріата Конечно, чѣмъ скорѣе наступитъ полное разочарованіе интеллигенціи въ себѣ, какъ самостоятельной группѣ, тѣмъ это лучше и счастливѣе для нея самой, какъ равно и для ремесла, какъ и для деревни, но ни интеллигентъ, ни ремесленникъ, ни крестьянинъ, въ общемъ, въ массѣ, не понимаютъ еще этого, хватаются за свою

особность, отстаиваютъ свою область, на дѣлѣ подобную большой, тающей льдинѣ.

Самостоятельная идеологія, самостоятельная политика интеллигенціи, отнюдь не совпадаетъ съ пролетарской, она сближаетъ ее именно съ мелкой буржуазіей.

Коренная партія интеллигенціи—врачей, адвокатовъ, профессоровъ, инженеровъ, учителей и т. п. есть радикальная партія, партія свободомыслящихъ и т п Фактическими заправилами и вождями этихъ партій являются интеллигенты. Основы программы. первое—демократизмъ съ явнымъ индивидуалистическимъ оттѣнкомъ; второе—защита мелкой собственности отъ капитала, и отстаиваніе значенія среднихъ слоевъ населенія; третье—соціальный миръ, умѣренныя реформы, просвѣщеніе.

Интеллигенцію поддерживаетъ въ радикальныхъ партіяхъ болѣе или менѣе значительный слой относительно просвѣщенной мелкой буржуазіи,—ея темный слой—паства гг націоналистовъ, антисемитовъ и т. п.

Пока радикальная партія находится въ оппозиціи, она энергично защищаетъ свободу отъ насилій правительства, поноситъ опортунизмъ самымъ рѣзкимъ образомъ, намѣчаетъ широкую программу въ духѣ своихъ основныхъ принциповъ

Но уже главная борьба идетъ на другой аренѣ, главными бойцами являются капиталъ и пролетаріатъ. Радикализму приходится считаться съ этой главной современной задачей. Радикализмъ отнюдь не становится на сторону крупнаго капитала. Являясь представителями прижимаемаго гнетомъ капитала мелкаго собственника и все болѣе зависимой отъ властной руки его интеллигенціи, радикалы фрондируютъ противъ капитала, требуютъ подоходнаго прогрессивнаго налога, критикуютъ дикіе и негуманные пріемы эксплуатаціи, предлагаютъ рядъ фабричныхъ законовъ и т. д. Не становятся они, конечно, и на классовую точку зрѣнія пролетаріата: это въ ихъ глазахъ частью эгоизмъ, не принимающій въ своихъ требованіяхъ въ расчетъ интересовъ цѣлаго, частью странное фантазированіе, не считающееся съ природою человѣка и основными, незыблемыми законами самой жизни (ибо мѣщанскую жизнь они считаютъ за жизнь вообще). Но изъ просвѣщенной гуманности, изъ расчета притупить нѣсколько остроту пролетарской нужды, а съ тѣмъ вмѣстѣ и революціонной требовательности и привести общество къ типу медленно и мирно прогрессирующаго,

уравновѣшеннаго цѣлаго. радикалы выдвигаютъ социальныя реформы, вродѣ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ. пенсіи престарѣлымъ рабочимъ; они стоятъ также за разумную свободу профессіональныхъ союзовъ и т. д.

Между тѣмъ, въ самой средѣ заправилъ современнаго общества. въ средѣ крупныхъ капиталистовъ имѣется налицо крупный расколъ. Одни передъ лицомъ растущей пролетарской угрозы вопятъ. никакихъ уступокъ, твердая власть, кровопусканіе! Другіе не прочь подкупить рабочаго подачками

При такихъ условіяхъ въ странѣ, гдѣ мелкая буржуазія еще сильна и вѣрна своимъ интеллигентскимъ вождямъ, легко наступаетъ моментъ, въ которой третій въ борьбѣ главныхъ классовъ. радикалъ, становится арбитромъ спора. Капиталъ допускаетъ радикаловъ къ власти, надѣясь, что они сумѣютъ сознательно или безсознательно развратить рабочій классъ реформами, а болѣе того обѣщаніями. Правые соціалисты. надѣющіеся всего достигнуть при помощи законодательства и мечтающіе объ участіи во власти. также ихъ поддерживаютъ. Тутъ концентрація интеллигенціи начинаетъ происходить быстро. Намѣчается и организуется, такъ называемый «лѣвый блокъ». Онъ выдвигаетъ своихъ лучшихъ людей, вродѣ Клемансо и Бріановъ, и начинаетъ свои подвиги во имя соціальнаго мира Конечно, литература, наука, пресса дѣятельно поддерживаютъ великихъ реформаторовъ и миротворцевъ.

Увы! Реформы для поддержанія базы своей—среднихъ классовъ ломаются, какъ соломенныя подпорки подъ бурнымъ натискомъ экономической стихіи, постепенно раздавливающей «среднихъ людей» между капиталомъ и пролетаріатомъ. Увы, реформы въ пользу рабочихъ, всячески затрудняемыя политиками крупной буржуазіи, движутся съ черепашьей медленностью, а необходимость поддерживать «порядокъ» и противопоставить, «вооруженный силою разумъ»—«нелѣпому нетерпѣнію рабочаго класса» приводитъ къ столь тяжелому для гуманнаго сердца радикала—кровопролитію.

Выигрываетъ отъ всего этого, въ концѣ концовъ, только капиталъ, только крупная буржуазія, получающая въ лицѣ радикаловъ ловкихъ приказчиковъ, которые не могутъ зарваться дальше положенной ею границы, а умѣло распутываютъ разныя непріятности, грудью и обѣщаніями защищаютъ золотой мѣшокъ, воображая

себя въ то же время внѣклассовыми, внѣсословными государственными людьми, продолжателями традицій великой революціи.

Казалось бы, судьба министерства Клемансо должна была разсѣять иллюзіи самостоятельной внѣклассовой интеллигентской политики, но иллюзіи прочны, комедія продолжается.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ журнала «Mercure de France» помѣщена статья Поля Луи, дающая прекрасную характеристику «политики среднихъ классовъ», весьма близкую къ нашимъ воззрѣніямъ. Горькія истины, которыя высказываетъ либеральной и радикальной интеллигенціи авторъ этой статьи, примѣнимы, конечно, въ полной мѣрѣ и къ нашимъ кадетамъ. Надо замѣтить, что г. Ивановъ-Разумникъ гостепріимно распахиваетъ двери своего царства избранныхъ передъ кадетами, заявляя, что лишь направо отъ кадетовъ начинается область отличнаго отъ интеллигенціи «культурнаго общества».

Анархизмъ по происхожденію своему также представляетъ собою интеллигентскую идеологію и разница его съ радикализмомъ не такъ велика, какъ кажется на первый взглядъ. Идеалы крупнѣйшаго, пожалуй, изъ анархистовъ, Прудона, весьма близки къ идеаламъ современныхъ радикаловъ-соціалистовъ и представляютъ собою вполнѣ мѣщанскую утопію. Вообще анархизмъ либо заимствуетъ идеалъ у соціализма, искажая его и сближая съ мѣщанской современностью (напримѣръ, анархическій кооперативизмъ, коммунизмъ и т. п.), либо намѣчаетъ довольно неопредѣленно какой-то неуловимый «чисто-индивидуалистическій строй»; вглядѣвшись въ него, мы узнаемъ въ его расплывчатыхъ чертахъ идеализированное, но несомнѣнное мѣщанство. Конечно, анархисты нетерпѣливѣе и революціоннѣе радикаловъ, это бѣшеные радикалы, но коренная разница между ними одна: радикалы, въ качествѣ умѣренныхъ и покладистыхъ реформистовъ, сильны и близки къ власти, а поэтому цѣнятъ государство, какъ средство для защиты и возвышенія среднихъ классовъ, а анархисты, какъ нетерпѣливые революціонеры, слабы, не могутъ разсчитывать не только на вліяніе на власть, но даже на то, чтобы стать замѣтной парламентской оппозиціей, и отрицаютъ начисто государство, призывая къ борьбѣ съ нимъ извнѣ. Когда же анархисты, критикуя государство вообще, начинаютъ нападать на самый принципъ демократіи, когда они декламируютъ противъ власти тупого большинства надъ революціоннымъ и геніальнымъ меньшинствомъ, когда они даже въ рабочія организаціи вносятъ демо-

рализующую мысль о правѣ и возможности для меньшинства рѣшать судьбы «темной и всегда косной массы», то тутъ проявляется еще явственнѣе, чѣмъ у радикаловъ, интеллигентскій аристократизмъ самаго непріятнаго типа. Трудно сказать, какой типъ непріятнѣе: Клеманс ли, распинающійся за демократію и произносящій льстивыя рѣчи передъ бретонскими избирателями, въ душѣ же, презирающій свое стадо, и считающійся лишь съ кликой партійныхъ дѣльцовъ, или какой-нибудь Себастьянъ-Форъ, обдающій презрѣніемъ «всегда тупую, посредственную массу» и бьющій на то, что каждый его слушатель думаетъ: «масса, фи! Я — вотъ это другое дѣло, я — избранникъ». Шансы анархизма, какъ движенія бурнаго, нетерпѣливаго, не размѣнивающаго свою утопію на мелочи, гораздо меньше чѣмъ шансы радикализма, движенія по существу своему оппортунистическаго, дѣйствующаго путемъ компромиссовъ и мелкихъ реформъ.

Недоразвитіе капитализма въ латинскихъ странахъ и грубыя ошибки соціалистическихъ партій временно привели къ тому, что рабочему классу тамъ вновь были привиты кое-какія анархическія ереси. Возникла странная смѣсь «пролетарскаго соціализма», рѣзко чурающагося интеллигенціи и чисто интеллигентскаго по существу своему анархизма. Къ этому «анти-интеллигентскому» теченію моментально пристали тучи теоретиковъ и практиковъ интеллигентовъ, и не изъ лучшихъ притомъ. Конечно, въ синдикализмѣ, какъ теченіи по преимуществу пролетарскомъ соціалистическіе элементы преобладаютъ; мало того, въ немъ сказалось дѣйствительное творчество пролетаріата, именно въ идеѣ федераціи синдикатовъ, биржъ труда и конфедераціи труда, какъ зрѣющей уже въ нѣдрахъ нынѣшняго общества основы общества соціалистическаго, и въ критикѣ нѣкоторыхъ организаціонныхъ принциповъ «партіи», какъ таковой. Но анархизмъ временно испортилъ результатъ самостоятельнаго творчества рабочаго класса, стараясь навязать ему отвращеніе къ дисциплинѣ, стремленіе къ крайней децентрализаціи, странное равенство правъ большихъ и ничтожныхъ синдикатовъ, такъ называемое право меньшинства и, наконецъ, идеалъ кооперативизма вмѣсто идеала коллективизма. Все это не было результатомъ пролетарской мысли, а интеллигентскаго умствованія учениковъ мѣщанина Прудона и барина Бакунина.

Въ синдикализмѣ возобладаетъ, конечно и уже начинаетъ побѣждать послѣ недавнихъ пораженій французскихъ конфедера-

ціи, соціалистическій, чисто пролетарскій духъ. Попавшимъ въ рабочее движеніе анархистамъ, придется либо уйти вонъ, либо нестись вслѣдъ за потокомъ къ соціализму. Внѣ же соціализма, анархизмъ есть только мятежъ, иногда трагическій, конечно, прекраснодушныхъ или до отчаянія озлобленныхъ единицъ.

Если политически анархизмъ и радикализмъ въ ссорѣ, то идеологически концентрація интеллигенціи приводитъ къ общему и приблизительному соглашенію всей интеллигенціи, ибо принципы то тѣ же свобода личности, вѣра во внѣклассовую силу интеллигенціи въ просвѣщеніе, привычка свысока смотрѣть на идеологію пролетаріата, стараніе въ то же время отгородиться отъ крупной буржуазіи, много прекрасныхъ и пустыхъ словъ. Вотъ почему между анархистами и кадетами у насъ въ Россіи такъ много промежуточныхъ типовъ.

Усиленіе радикализма (кадетскаго и такъ называемаго безпартійнаго) и усиленіе анархизма (большей частью словеснаго и мистическаго) является у насъ признакомъ концентраціи интеллигенціи и роста ея группового самосознанія.

Опытъ концентраціи интеллигенціи въ особую силу сдѣланъ былъ «Освобожденіемъ» и продолженъ кадетствомъ. Распространяться о сущности кадетства здѣсь не мѣсто. Въ общемъ оно, конечно, нѣсколько отличается и по существу, и, особенно, по исторической обстановкѣ въ которой ему приходится дѣйствовать, отъ французскаго радикализма, однако, сущность и тамъ и здѣсь одна. Вожди кадетства интеллигенты, ихъ опора—интеллигенція же и мелкая буржуазія, но къ этому примѣшивается еще либеральное дворянство, что объясняется особыми условіями. Кадетская концентрація выиграла много отъ пораженія революціи. Интеллигенты посыпались изъ лѣвыхъ партій, часто непосредственно увеличивая собою ряды кадетовъ, но въ гораздо большей степени присоединяясь къ тому «доброму хаосу», который называется беззаглавствомъ, безпартійностью или просто—«лѣвѣе кадетовъ». Народничество выдѣлило цѣлый большой отрядъ (Н. С.), который фактически смѣшался съ господами и дамами «лѣвѣе кадетовъ».

Конечно, между коренными кадетами и человѣками «лѣвѣе кадетовъ» возникаютъ иногда идеологическія разногласія. Въ спорѣ Струве съ Мережковскимъ, въ статьяхъ Галича, рѣшающагося даже, съ присущей ему немного хулиганской развязностью, пѣть хвалу мѣщанству, въ беззубой, но злобной разсудительности

Изгоева, во всемъ направленіи «Рѣчи» мы видимъ явные признаки стремленія кадетовъ «держать направо». Идеалъ государственности, судьба родины не даютъ спать милюковцамъ, которые хотѣли бы подслужиться къ крупной буржуазіи, увѣрить въ своей зрѣлости всю сколько-нибудь просвѣщенную часть бюрократіи и приблизиться къ власти для хозяйничанія на манеръ великаго Клемансо. Близость руководящей роли кружитъ имъ голову а ихъ подголоски «лѣвѣе кадетовъ» часто протестуютъ особенно во имя права индивида, во имя святой свободы и т п. Но какъ бы ни государственничали кадеты, какъ бы ни демократствовали (даже съ анархическимъ оттѣнкомъ[1]) разнообразные элементы беззаглавства, все же и тѣ, и другіе—отряды одной стремящейся сомкнуться арміи, и эта армія—концентрирующаяся интеллигенція[2])

В н и з у привлекаютъ новые кадры интеллигентовъ самыми разнообразными средствами: здѣсь провозглашаются священныя права личности, ея безсмертіе даже таинственный характеръ русской революціи, имѣющей отношеніе не къ такимъ мелочамъ, о какихъ толкуютъ программы лѣвыхъ партій, а къ «огненному преображенію міра», а не то объявляется и свобода священной личности отъ революціи и ея высшее право на животное наслажденіе и даже мистическое ея право на противоестественный развратъ. Неисчерпаемо все разнообразіе выдумокъ, за которыя хватается и предлагаетъ другимъ схватиться интеллигенція желающая сохранить свое дорогое мѣщанство и доказать въ то же время себѣ и другимъ, что она главный врагъ этого самаго мѣщанства. Ростущіе кадры должны, конечно, быть обращены въ свое время на вербовку солдатъ изъ мелкобуржуазной массы, на строительство радикальной партіи, или прямое привлеченіе массъ къ кадетству.

А в в е р х у—хозяевамъ жизни, крупной буржуазіи и далеко неувѣренной въ себѣ дворянско-полицейской олигархіи говорятъ «позвольте, молъ, мы къ общему удовольствію все устроимъ».

Симптомы концентраціи въ идеологической области весьма многочисленны.

Мѣщанскій индивидуализмъ изжилъ себя; схватиться въ эмпири-

*) Любопытное явленіе г. Поссе: чуть не вчера еще синдикалистъ и врагъ интеллигенціи, а теперь ея защитникъ,—повидимому, мирнообновленецъ.

ческомъ мірѣ ему не за что Да и что такое индивидуальность, если мы признаемъ ее бренность и преходящесть? Въ другомъ мѣстѣ я старался показать, какъ индивидуализмъ интеллигента социальная личность котораго, въ отличіе отъ капиталиста или зажиточнаго собственника, сводится цѣликомъ къ его психофизіологической личности, какъ индивидуализмъ такого интеллигента упирается съ ужасомъ въ идею смерти, и не можетъ найти выхода въ то «розовое безсмертіе» въ наслѣдникахъ, которое проповѣдуетъ учитель, имущаго мѣщанства—Розановъ, какъ индивидуализмъ этотъ неизбѣжно долженъ привести къ постулату безсмертія личности («мое», прежде всего),—а вмѣстѣ съ тѣмъ къ дикимъ религіозно-метафизическимъ построеніямъ.).

Сюда же гонитъ интеллигенцію мѣщанскаго типа стремленіе обезцѣнить реальный прогрессъ и соціальную революцію, затмивъ ее блескомъ мистическаго претворенія земли въ рай, достижимаго лишь мистическими же путями

Работа религіознаго исканія нашихъ дней есть работа по концентраціи интеллигенціи, по эмансипаціи ея отъ пролетаріата который уже имѣетъ свое міросозерцаніе во всей полнотѣ замѣняющее всякую религію, дѣлающее ее совершенно не нужной, являющееся, иначе говоря, какъ бы наивысшей религіей, очищенной совершенно отъ всякихъ трансцедентныхъ элементовъ

Сапшество Кузьминство и т п. широкой волной разливающіяся по Россіи интеллигентной—есть тоже видъ самоосвобожденія личности или эмансипаціи интеллигенціи отъ «соціальнаго вопроса», отъ «революціонной задачи» Что бы ни говорили краснорѣчивые и надутые вожди и пророки «движенія», они остаются Петрами Безсѣменовыми и духъ ихъ вопіетъ вмѣстѣ съ ними стенаніями неизглаголимыми. «Общество? Вотъ, что я ненавижу! Оно все повышаетъ требованія къ личности, но не даетъ ей возможности развиваться правильно, безъ препятствій—Человѣкъ долженъ быть гражданиномъ прежде всего!—кричало мнѣ общество въ лицѣ моихъ товарищей! Я былъ гражданиномъ... чортъ ихъ возьми! . Я . не хочу . не обязанъ подчиняться требованіямъ общества Я личность. Личность свободна». Особенно торжество провозглашается эта эмансипація въ области искусства. Право художника повернуться спиной къ общественности, забаррикадироваться

*) См второй томъ моей книги „Религія и соціализмъ“.

отъ мощнаго положительнаго или отрицательнаго вліянія восходящаго солнца соціализма, право его на вольные мотивы, особенно милые сердцу жаждущей развлеченія просвѣщенной буржуазіи которая хочетъ «красоты и, пожалуйста, красоты чистой, надземной, отряшей съ ногъ своихъ прахъ социальныхъ задачъ», право это провозглашается какъ чуть не метафизическая сущность искусства.)

Русская интеллигенція долго страдала подъ гнетомъ нашего политическаго режима. Въ борьбѣ противъ него и всего темнаго, удушающаго строя русской жизни интеллигенція естественно искала себѣ опоры въ еще болѣе изстрадавшихся народныхъ массахъ. Отсюда, какъ извѣстно и ребенку, народолюбіе русской интеллигенціи, ея особое пристрастіе къ соціализму.

Народники-соціалисты, какъ въ силу экономической неразвитости страны, такъ и въ силу собственныхъ мѣщанскихъ индивидуалистическихъ тенденцій, портили соціализмъ значительной дозой національнаго мѣщанскаго утопизма, достигшаго апогея въ типично мѣщанской теоріи прогресса Михайловскаго. Первые легальные марксисты въ Россіи (Струве, Булгаковъ и другіе) вносили въ соціализмъ своеобразное, у экономистовъ классиковъ заимствованное, поклоненіе передъ крупнымъ капиталомъ. Вмѣсто пролетарской точки зрѣнія имъ была свойственна точка зрѣнія «объективно экономическая». Они, конечно, понимали преходящую роль капитала, но центръ тяжести переносили все же на ту «рыучку» у капитала, которой якобы намъ прежде всего не достаетъ. Заботились ужасно объ экономическомъ развитіи цѣлаго, словно ихъ завтра пригласятъ, по крайней мѣрѣ, въ совѣтъ министерства финансовъ; высказывали много совершенно немарксистскихъ идей, прекрасно вязавшихся съ этой объективной, національной, общей точкой зрѣнія. Напримѣръ муки Струве по поводу абсолютнаго перенаселенія, теорія самодовлѣющаго внутренняго рынка, теорія государства, какъ блюстителя объективнаго порядка и т. п.

Упреки въ фатализмѣ и въ переоцѣнкѣ культурнаго значенія капитала по отношенію къ этимъ представителямъ марксизма были не лишены основанія. Конечно, одновременно мы имѣемъ такихъ

*) См. мое предисловіе къ книгѣ Тьера „Музыка и празднества въ эпоху Великой революціи“.

публицистовъ, какъ Ильинъ и тогдашній Плехановъ, къ которымъ упреки эти были совершенно не примѣнимы.

Г. Ивановъ-Разумникъ, какъ мы видѣли, держится традиціи народническаго соціализма. Онъ является типичнымъ эпигономъ народничества, уже уродомъ въ ихъ семьѣ со своей тенденціей примирить народничество съ идеалистами типа Булгакова и типа Мережковскаго. Онъ намѣчаетъ въ общемъ довольно широкій базисъ для объединенія всей интеллигенціи отъ кадетовъ—(правѣе кадетовъ уже не интеллигенція, заявляетъ г. Ивановъ-Разумникъ, а «культурное общество»)—до анархистовъ, за вычетомъ, конечно, марксистовъ, да и то не всѣхъ, а «любопытныхъ окаменѣлостей», какъ онъ называетъ марксистовъ интеллигентовъ, оставшихся вѣрными пролетаріату.

Ивановъ-Разумникъ многое дѣлаетъ для эмансипаціи интеллигента отъ революціонныхъ задачъ вообще и пролетарской идеологіи въ частности; но онъ все-же демократъ, онъ не рѣшается сжечь за собой корабли, и весьма пространно и надоѣдливо-однообразно ратуетъ за права реальной личности, конечно, «всякой человѣческой личности» и восторгается изящнымъ рѣшеніемъ задачи индивидуализма, даннымъ Михайловскимъ, а именно голословнымъ заявленіемъ, что интересы личности и интересы народа всегда совпадаютъ. Это не мѣшаетъ г. Иванову-Разумнику быть въ то же время аристократомъ интеллигентскаго типа и вопреки своей кантіанской элементарно-мѣщанской теоріи равноправія выдвигать, какъ аксіому слѣдующее положеніе:

«Ошибка Герцена была въ томъ, что антимѣщанство онъ искалъ въ классовой и сословной группѣ, между тѣмъ, какъ сословіе и классъ—всегда толпа, масса сѣраго цвѣта съ срединными идеалами, стремленіями, взглядами; отдѣльныя болѣе или менѣе ярко окрашенныя индивидуальности изъ всѣхъ классовъ и сословій составляютъ внѣклассовую и внѣсословную группу интеллигенціи, основнымъ свойствомъ которой и является антимѣщанство».

Изъ этого-то положенія, безнадежно и разъ навсегда дѣлящаго человѣчество на «толпу и героевъ», какъ бы г. Ивановъ-Разумникъ ни чурался такого толкованія его ясныхъ и никакого другого толкованія не допускающихъ словъ, дѣлаетъ свои яркіе и смѣлые выводы профессоровъ Н. А. Умовъ

Г Умовъ прекурьезнѣйшая личность Не имѣя чести лично знать его, я совершенно опредѣленно вижу его, какъ типъ. Это ученый физикъ Одинъ изъ тѣхъ уродовъ-спеціалистовъ, которыя имѣютъ о жизни самыя превратныя и самыя наивныя представленія Но педагогическая привычка учить, съ одной стороны, сознаніе себя непосредственнымъ ученикомъ самой неумолимой и правдивой природы—съ другой толкаютъ отъ времени до времени этихъ педагоговъ этихъ Вагнеровъ, выйти за предѣлы своей почтенной спеціальности и, сдвинувъ очки на кончикъ носа, сердито посматривая на всемірную аудиторію, съ огромной опредѣленностью преподать людямъ урокъ какъ жить

Кто можетъ обижаться на тупую, но ребяческую, въ концѣ концовъ, самоувѣренность подобныхъ жрецовъ Минервы? Кто будетъ сердиться на неуклюжаго нашего гелертера, когда онъ заявляетъ, что брошюра его «несомнѣнно отражаетъ въ себѣ ту связь, которая должна существовать между временными интересами человѣческой жизни и общею жизнью природы, текущею по неприложнымъ законамъ», когда онъ настаиваетъ на «необходимости умѣть правильно читать въ книгѣ природы».

Никто не станетъ сѣтовать на почтеннаго декана и тогда, когда съ неуклюжестью совсѣмъ несвѣтскаго человѣка, выбалтываетъ онъ вещи, которыя болѣе умные и дипломатичные единомышленники его считаютъ нужнымъ скрывать Въ концѣ концовъ, это полезно.

Главная цѣль нашего учителя доказать низкую цѣнность физическаго труда, а съ тѣмъ вмѣстѣ пролетаріата, и высокую цѣнность умственнаго труда, стало быть интеллигенціи Онъ хочетъ преподать урокъ экономистамъ и начинаетъ его такимъ темнымъ вступленіемъ. «Экономисты не могли подозрѣвать ещэ—не подозрѣваютъ и теперь,—что истинная цѣнность физической работы человѣка опредѣляется только тѣмъ мѣстомъ, которое отводится ей закономъ эволюціи живаго». Заинтересовавшемуся этимъ темнымъ урокомъ простофилѣ-экономисту, физикъ открываетъ такія истины: «Сила развитія направляетъ живое отъ автоматизма къ сознанію и это направленіе есть источникъ эволюціи, ея планъ. Такимъ образомъ, эволюція, создавая новый типъ и давая ему приказаніе жить, приводитъ къ созданію не только новаго типа, но и новой второй природы».

Пожалуй, у несчастнаго экономиста закружится голова: направленіе есть источникъ эволюціи, само направленіе

создано развитіемъ. эволюція даетъ приказаніе жить! Самая неуклюжесть и дѣтская некритичность терминологіи показываетъ. что уже въ области біологіи г. Умовъ чужой человѣкъ и что ни шагъ ступитъ. то спотыкается. Далѣе господинъ профессоръ поучаетъ. на этотъ разъ въ согласіи. повидимому. съ г. Разумникомъ, что. «если. какъ общее правило, высшія научныя истины и высшія эстетическія чувствованія доступны лишь меньшему числу людей, то можно съ увѣренностью сказать, что истины. лежащія на пути научнаго прогресса, а также цѣлый рядъ чувствованій будутъ доступны только людямъ съ особо развитой нервной организаціей».

Выводъ ясенъ: «Проведеніе въ жизнь демократическихъ принциповъ возможно лишь до тѣхъ поръ, пока эволюція не проникла глубоко въ жизнь націи».

Выяснивъ столь важныя истины, профессоръ задается цѣлью доказать, что мы живемъ всѣ въ мірѣ машинномъ безъ машинъ шагу не ступимъ. а машина—плодъ умственнаго труда—стало быть.

Но нельзя отказать себѣ въ удовольствіи привести хоть нѣсколько курьезовъ изъ этого удивительнаго трактата о пользѣ машинъ.

Профессоръ большими буквами пишетъ: «Категоріи потребностей человѣка» Вотъ вамъ! Чѣмъ не Кантъ! Посмотримъ, что это за категоріи.

«Неизмѣнно движущіеся, требующіе процессовъ и сознаваемые этимъ путемъ элементы человѣческаго организма группируются около слѣдующихъ категорій».

Какъ вамъ нравится эти «элементы, требующіе процессовъ?» Не скорѣе къ категоріямъ:

«Органы чувствъ, мысль, воля; мускульная сила для самозащиты и работы; конечности для передвиженія въ пространствѣ, половое чувство для продолженія потомства».

Очень тонко и подробно. Профессоръ, очевидно, никогда не употребляетъ конечностей для работы, довольствуясь въ этомъ случаѣ мускульной силой, зато для «передвиженія въ пространствѣ», онъ не нуждается въ силѣ, довольствуясь конечностями. Вообще, мнѣ нравятся конечности, какъ категорія, вокругъ которой группируются элементы. требующіе процессовъ. Мы знаемъ далѣе, что природа даетъ нѣкоторую возможность удовлетворенія всѣмъ кате-

горіямъ, намѣченнымъ профессоромъ. Между прочими благами природы мы находимъ.

«Конечности животныхъ для передвиженія въ пространствѣ. время отъ восхода и до заката солнца. отъ восхода и до заката луны для труда и для повседневныхъ дѣлъ: смѣны явленій для жизни. мысли и воли».

Но вотъ ко всему этому приставляется профессорами машина и создается вторая природа. Мы узнаемъ отъ профессора про истинныя чудеса современной техники

«Природа предоставляетъ въ пользованіе человѣку время опредѣляемое ходомъ небесныхъ свѣтилъ. Но этого представляемаго времени недостаточно для дѣятельности культурнаго человѣка. Онъ долженъ былъ умножить то время, которое ему щедро предоставляла природа; къ времени приставлены машины».

Этого мало:

«Естественное право человѣка на размноженіе также обезцѣнивается, и мы можемъ сказать, что въ этихъ видахъ человѣкъ пользуется спеціально изобрѣтенными машинами(?)—употребляя это слово въ распространенномъ смыслѣ».

О, милый ученый человѣкъ со своими неуклюжими конечностями, какъ добродушно можно было бы улыбаться всей этой забавной болтовнѣ, если бы не скрывалась подъ этимъ та наивная ученая злоба, которая заставляетъ американскихъ профессоровъ отъ времени до времени создавать что-нибудь вродѣ проекта оскопленія всѣхъ преступниковъ и т. п.

Профессоръ нашъ все ведетъ къ тому, чтобы показать сверчку его шестокъ и оправдать «приказаніемъ» эволюціи угнетеніе пролетаріата. Кто такой пролетарій?—Это человѣкъ, способный лишь къ автоматической дѣятельности. Между тѣмъ, что говоритъ «природа?»

«Съ развитіемъ и совершенствованіемъ машинъ, люди, способные по преимуществу лишь къ автоматической дѣятельности, не только освобождались отъ своей обязанности исполнять физическую работу, но и ихъ естественное право на эту работу падало въ своей цѣнности, потому что оно все болѣе теряло свое мѣсто на рынкѣ продуктовъ, необходимыхъ человѣчеству. При машинѣ для ея обслуживанія, кромѣ людей мысли и воли, все-таки остались люди автоматы. Но воля и сознаніе этихъ послѣднихъ колеблется внутри столь точно опредѣленныхъ и въ то же время узкихъ предѣловъ, что

устраненіе ихъ дѣятельности, ея замѣна дѣйствіемъ машинъ или ихъ придатковъ, является лишь дѣломъ времени, а въ нѣкоторыхъ производствахъ составляетъ лишь вопросъ экономическаго разсчета... Творчество и знаніе придаютъ индивидуумамъ мысли и воли высшую цѣнность и выкидываютъ за бортъ индивидуумовъ, способныхъ только къ автоматизму».

Ловко!

А дальше еще лучше и ученѣе:

«Личность является человѣческой съ того момента, когда homo sapiens своими поступками и дѣйствіями выдѣляется изъ остальныхъ силъ природы. Когда же homo sapiens производитъ тѣ же самые эффекты, какъ вѣтеръ, водопадъ или потокъ воды, паръ и электричество, онъ теряетъ всѣ признаки человѣка и является не болѣе, какъ силою мертвой природы»!!

«Отсюда проистекаютъ бѣдствія пролетаріата физическаго труда, не выдвинувшагося за линію работающихъ мертвыхъ силъ природы».

Тутъ профессоръ становится прямо пророкомъ природы и приказывающей эволюціи, онъ иронически гремитъ и снисходительно поясняетъ:

«Только грубо матеріалистическія ученія, стоящія внѣ пониманія смысла эволюціи, могутъ удовольствоваться экспропріаціей капитала, полагая, что задачи природы заключаются лишь въ томъ, чтобы производимыя ею индивидуумы были сыты и рождали потомство. Причина безработности лежитъ въ недостаточномъ развитіи человѣческаго творчества и въ способности безработныхъ къ производству лишь непрерывно обезцѣниваемаго труда».

Еще нѣсколько ученыхъ тирадъ и потомъ труба свѣтозарнаго тріумфа:

«Пролетаріату мысли и воли, несущему знамя научнаго творчества, а не пролетаріату физическаго труда принадлежитъ съ нынѣшняго вѣка всемірно историческая миссія».

Нашему ученому, какъ будто невдомекъ, что, вѣдь, дѣло идетъ у него не о двухъ породахъ, не о біологическомъ, а только соціальномъ неравенствѣ. Тщательно скрываетъ это отъ себя г. профессоръ. Надо быть наивнымъ, чтобы за наивность принять эту увѣренность въ прирожденной геніальности интеллигенціи и въ естественной тупости и автоматичности рабочаго физическаго труда

Или г. Умову мало пришлось встрѣчать чеховскихъ Серебряковыхъ среди своихъ коллегъ, и много похуже того, или онъ такъ-таки не знаетъ, что именно образованіе ихъ выдвинуло, а отнюдь не талантъ при равноправномъ соревнованіи? Развѣ у насъ есть экзамены способностей и способнѣйшихъ допускаютъ къ умственному труду? Сколько бы тогда профессоровъ оказалось ассенизаторами и сколько горшечниковъ—Ломоносовыми, а папиросницъ—Софьями Ковалевскими! Но вмѣсто экзамена у насъ есть жизнь и слѣпая экономическая борьба, которая заколачиваетъ бѣднаго нуждой, трудомъ болѣзнями и не даетъ ему подняться до научнаго образованія, обыкновенно столь страстно желаннаго.

Что, если «автоматы» потребуютъ, чтобы имъ дали полную возможность развивать свою волю и прочія «категоріи»? Какъ отвѣтитъ г. Умовъ? Отвѣтитъ ли онъ «beati possidentes»!? Или скажетъ, что талантъ, въ концѣ концовъ, всегда выбьется? Повторитъ эту гнусную, преступную, самодовольную ложь комфортабельно устроившагося обывателя? Откуда взялъ «наивный ученый» тотъ «грубый матеріализмъ», который хочетъ только одного, чтобы люди были сыты и производили потомство? На это осуждаютъ милліоны человѣческихъ существъ, именно, противники «экспропріаціи капиталовъ». Почему это г. Умову не вошло въ голову, что первымъ дѣломъ свободнаго и коллективнаго строя было бы предоставленіе возможности развиваться всѣмъ и каждому? Почему ему не приходитъ въ просвѣщенный его мозгъ, что на базисѣ общедоступности образованія развилась бы культура, передъ которой то, чѣмъ онъ хвастается, жалкія предразсвѣтныя сумерки?

Все это потому, что подъ профессорской наивностью кроется наглый и хищный, групповой эгоизмъ, все потому, что силой, ослѣпляющей профессора, голосомъ, который онъ принимаетъ за приказаніе эволюціи, является голосъ его невѣжественнаго группового самодовольства.

«Все равно сыты или голодны; важно то, что они должны развивать въ себѣ способности къ новому труду, *что не всегда возможно*». Почему? Не употребить ли намъ, создателямъ «второй природы», намъ, «приставившимъ машины» даже ко «времени» и «половому чувству», часть нашихъ силъ на то, чтобы это было всегда возможно, чтобы всякая личность находила себѣ мѣсто въ трудѣ человѣчества, осчастливливая другихъ, и сама пользуясь счастьемъ? Нѣтъ, по Умову, пролетаріатъ самъ вино-

вать если онъ не выдвинулся «за линію мертвыхъ силъ», подобно блестящему нашему профессору Умову И вотъ люди-автоматы будутъ выкинуты за бортъ Останутся только интеллигенты да машины. люди «высшей цѣнности». Не послѣдуетъ ли однако, и здѣсь дальнѣйшая эволюція въ духѣ профессора? Можетъ быть, и даже, навѣрное ибо законы ея по Умову, непреложны. Если тысяча крупнѣйшихъ головъ изобрѣтетъ машины, роскошно удовлетворяющія всѣмъ ихъ потребностямъ, то не скажутъ ли они остальнымъ «вы больше не нужны, время, когда вы имѣли цѣнность. прошло. сверхъинтеллигенты не нуждаются больше въ интеллигенціи ваше творчество безполезно, ибо мы съ нашими новыми машинами можемъ обойтись безъ него, ваши знанія ничто по сравненію съ нашими.—за бортъ, за бортъ, вымирайте»!

Но развѣ стоитъ спорить съ дикимъ профессоромъ? Это вѣдь бредъ ополоумѣвшаго Пагапеля, не болѣе, скажутъ мнѣ.

Отчего же! Остроумный Уэльсъ одно время строилъ же утопію власти инженеровъ, которые низлагаютъ капиталистовъ, «этихъ ожирѣвшихъ паразитовъ», «глупыхъ наслѣдниковъ уже мертвой привилегіи богатства», съ другой стороны, «желѣзной рукой» дисциплинируетъ рабочій классъ, этотъ «человѣческій матеріалъ» и строятъ чудо культуръ—общество мудрецовъ и покорителей стихій. Правда, Уэльсъ потомъ какъ-то почти вдругъ сталъ соціалистомъ, поэтому. можетъ быть, что общество мудрецовъ и побѣдителей стихій только выростетъ обнявъ собой все человѣчество и не выдѣляя изъ себя «человѣческій матеріалъ». Но Уэльсъ—художникъ. обладающій блестящей фантазіей и горячимъ сердцемъ. А сколько инженеровъ читали съ удовольствіемъ его фантазію и вздыхали «Ахъ, это утопія. къ сожалѣнію, потому что силенокъ-то вѣдь все-таки нѣтъ»! Но вѣдь можно быть умѣреннѣй! Прислушайтесь къ Конту! Человѣкъ весь полонъ соціальности и альтруизма; проповѣдуетъ рецептъ микстуры изъ разныхъ частей прогресса и порядка... Но какъ непринужденно выводитъ онъ изъ всей своей системы естественное право истинныхъ ученыхъ на руководство обществомъ? Какъ интересно бочкомъ, оглядкой подходятъ къ тому же академики соціалистической партіи, реформаторы, вродѣ Бріановъ и Турати? Несомнѣнной заслугой Сореля было яркое разоблаченіе интеллигентской сущности государственнаго соціализма, въ которомъ общество производителей оказывается отданнымъ попечительной заботливости многочисленнаго и іерархизированнаго про-

свѣщеннаго чиновничества. И это выдаютъ за подлинный рабочій соціализмъ! За марксизмъ, только чуть-чуть «пересмотрѣнный»!

Интеллигентъ-мѣщанинъ, мелкій буржуа, по своимъ естественнымъ наклонностямъ къ индивидуализму. Но онъ еще и наиболѣе просвѣщенный мѣщанинъ, онъ носитель знанія и организаторъ. И вотъ, радикалъ ли онъ—онъ является водителемъ и почти господиномъ своихъ просто мѣщанскихъ довѣрителей и избирателей: анархистъ ли онъ, онъ твердитъ о правахъ вѣчно передового меньшинства надъ вѣчно тупымъ большинствомъ, а когда говоритъ противоположное, то поступаетъ именно въ этомъ духѣ.—(примѣръ.—Бакунинъ).—соціалистъ ли онъ.—онъ вноситъ въ соціализмъ черты радикализма съ его цѣлительной государственностью.

А если онъ смѣлъ и... наивенъ, или склоненъ фантазировать, онъ высказываетъ настоящую свою завѣтную групповую мечту, у другихъ убитую яснымъ сознаніемъ невозможности ея осуществленія. Умовскую мечту о господствѣ «пролетаріата ума и воли».

Въ семи водахъ долженъ быть вымытъ интеллигентъ, чтобы эти черты своеобразнаго мѣщанскаго индивидуализма въ немъ исчезли, чтобы сталъ онъ соціальнымъ по духу, сталъ до глубины своей души коллективистомъ. Истинно неисцѣлимой на видъ болѣзнью страдаетъ интеллигентъ, и наше рабочедѣльство было бы право, и въ самой идіотской махаевщинѣ было бы зерно истины, если бы не огромная, исполинская мощь пролетаріата. Великій потокъ пролетарскаго движенія можетъ смыть ветхаго Адама, можетъ возродить интеллигента къ новой жизни, понести его въ широкихъ и могучихъ своихъ волнахъ навстрѣчу океану всечеловѣческаго коллектива. Контроль рабочаго класса надъ приходящими къ нему интеллигентами, надъ всѣми и его выразителями и помощниками необходимъ, отказъ же отъ ихъ услугъ, враждебное захлопываніе дверей передъ ихъ носомъ, подозрительность, доходящая до трусости,—была бы недостойна пролетаріата и вредна ему, ибо интеллигентныя силы чрезвычайно ему нужны.

Но вотъ, что скажетъ г. Ивановъ-Разумникъ: «Да Умовъ вовсе не интеллигентъ! Это членъ «культурнаго общества» и только. Онъ не интеллигентъ, потому что не стоитъ на точкѣ зрѣнія демократическаго индивидуализма, признанія равноправія всѣхъ и каждаго». Позвольте, да не Разумникъ ли утвердилъ аксіому: «Сосло-

віе и классъ.—всегда толпа, масса сѣраго цвѣта, съ серединными идеалами, стремленіями, взглядами; отдѣльныя, болѣе или менѣе, ярко окрашенныя индивидуальности изъ всѣхъ классовъ и сословій составляютъ внѣклассовую и внѣсословную группу интеллигенціи, основнымъ свойствомъ которой является антимѣщанство»?

Г. Ивановъ-Разумникъ очень высокаго мнѣнія о Ницше. Онъ говоритъ о немъ: «Ницше, одинъ изъ величайшихъ антимѣщанъ и индивидуалистовъ XIX вѣка, былъ истолкованъ мѣщанской толпой дикарей высшей культуры ad usum delphini; можно себѣ представить, что сдѣлали изъ Ницше промежуточные люди, мѣщане конца восьмидесятыхъ годовъ! Ницшеанство на русской почвѣ,— и не только на русской, — обратилось въ самое типичное мѣщанство».

Итакъ, на дѣлѣ Ницше не ультраиндивидуалистъ? Онъ индивидуалистъ въ духѣ Иванова-Разумника? А, между тѣмъ, нисколько неприспособленный а подлинный Ницше можетъ послужить для насъ звеномъ, средней посылкой отъ аксіомы г Разумника до вывода г. Умова.

Въ самомъ дѣлѣ, Ницше говоритъ: «Массы заслуживаютъ, по моему мнѣнію, вниманія въ трехъ отношеніяхъ: во-первыхъ, какъ расплывчатыя копіи великихъ людей на плохой бумагѣ, сдѣланныя плохимъ клише, во-вторыхъ, какъ препятствія для великихъ, въ третьихъ, какъ орудія великихъ, а въ остальномъ,—побери ихъ чортъ и статистика»!

Вѣдь это почти то, что говоритъ г Ивановъ-Разумникъ и почти то же, что говоритъ г. Умовъ.

Если дѣленіе на выдающихся личностей и тупое большинство на вѣки нерушимо, то кретинизмомъ и трусостью является провозглашеніе равноправія каждаго элемента «икры», каждой единицы «статистики» и «великихъ» или хотя бы крупныхъ личностей Вѣдь по г. Иванову-Разумнику всю русскую исторію въ положительномъ смыслѣ дѣлала интеллигенція? Что же это за скромность на нее нападаетъ, когда отъ вопроса объ оцѣнкѣ людей она переходитъ къ вопросу о правахъ ихъ? Г. Умовъ, со свойственной ему забавной неуклюжестью, но съ присущей ему откровенностью говоритъ:

«Вѣсъ права тѣмъ больше, чѣмъ выше ступень, съ которой оно проявляется Если человѣкъ и левъ охотятся за одной и той же

дичью, то первый имѣетъ на нее больше правъ, какъ стоящій на высшей ступени эволюціи».

А г. Разумникъ, признавая непреложность «ступеней», не рѣшается развѣшивать право?

Все потому, что слишкомъ еще слаба русская интеллигенція, не чувствуетъ почвы подъ ногами, ищетъ все еще опоры у массъ и боится оскорбить ихъ и оттолкнуть той откровенностью, которая уже давно въ модѣ на Западѣ. И, находясь въ такомъ положеніи, она искренне сама отъ себя заслоняетъ свои настоящія чувства «Масса—фи! Тупое чудовище, потому что каждая ея единица узкій, плоскій и пошлый индивидъ». И рядомъ съ этимъ, «каждый индивидъ равенъ другому въ отношеніи права».

Но политическая эмансипація интелигенціи сдѣлаетъ шагъ впередъ, и одинъ за другимъ интеллигентные разумники заговорятъ откровенно о томъ, что «вѣсъ права отвѣчаетъ высотѣ ступени»..

Пусть же Раумникъ не гонитъ Умова за предѣлы интеллигенціи. Пусть Умова не раздражаетъ демократизмъ и «утопизмъ» Разумника, недостаточная его освѣдомленность по части «приказаній эволюціи». Въ концѣ концовъ, оба они идеологи мѣщанскаго индивидуализма. Въ одномъ частная группа мѣщанства—интеллигенція, выдѣляя себя въ оцѣнкѣ, еще боится заявить о своемъ преобладающемъ правѣ, идеологія его поэтому болѣе классически мѣщанская, мелкобуржуазная; въ другомъ, эта частная группа тщится говорить о себѣ, какъ о вершинѣ человѣчества, тщится подражать мегаломаніи милліардеровъ и проявляетъ наступательную и хищную психологію «мѣщанина поднимающагося». Оба интересные и типичные представители интеллигенціи, оба—доказательство ея коренного мѣщанства.

Обнимитесь же, милые индивидуалисты.

А мы оставимъ ихъ теперь и поищемъ выхода въ свѣтлое царство человѣческое.

Правда, нѣтъ его еще, этого свѣтлаго царства. Но вспыхиваютъ кое-гдѣ огни, хоть и не могущіе еще слиться въ міровой пожаръ, не могущіе очиститься вполнѣ отъ копоти мѣщанства; но брезжетъ уже широкая, все разгорающаяся, побѣждающая тьму заря настоящаго пролетарскаго дня.

ЗА ПРЕДѢЛАМИ МѢЩАНСТВА.

Въ общемъ и цѣломъ, мѣщанство и индивидуализмъ совпадаютъ. Основой того и другого является частная собственность или индивидуальное производство. Индивидуализмъ варіируетъ отъ признанія равноправности всѣхъ хозяйчиковъ, а въ углубленномъ при новыхъ житейскихъ условіяхъ интеллигенціей видѣ,—равноправія всѣхъ личностей, до признанія исключительнаго права сильной, выдающейся личности и относительнаго, а то и полнаго безправія слабости.

Демократическій индивидуализмъ естественнымъ своимъ дополненіемъ имѣетъ государство или другія какія-либо внѣшнія, болѣе или менѣе насильственныя формы общественности, долженствующія гарантировать личность отъ насилія ближняго. Эта необходимость внести добрососѣдскія отношенія въ мѣщанское общество, гдѣ экономически человѣкъ человѣку волкъ, приводитъ зачастую къ подавленію личности обществомъ, къ системѣ демократическаго террора, къ теологическимъ концепціямъ, вродѣ бога—палача кальвинистовъ и т. п.

Такъ называемыя сильныя личности, либо гибнутъ, въ концѣ концовъ, въ борьбѣ съ сонмищемъ карликовъ, либо, когда позволяютъ обстоятельства, группируются для самозащиты и болѣе или менѣе согласованнаго хищничества. Эта группировка можетъ естественно привести къ созданію своеобразнаго коллективизма хищниковъ, спартанства, опять-таки подавляющаго все живое въ личности.

Въ этихъ достаточно отвратительныхъ берегахъ плещетъ и волнуется пестрое, хаотичное море несчастнаго мѣщанства. Мѣщанство—это безобразная полоса экономической разобщенности человѣка, придающей безобразныя черты даже его стремленіямъ сплотиться и объединиться, разобщенности, сказавшейся во всѣхъ областяхъ идеологіи мѣщанства, всегда обдающихъ насъ непріятнымъ запахомъ распада, даже тогда, когда внѣшнія формы этой идеологіи какъ будто изящны и соблазнительны.

Естественнымъ и широкимъ выходомъ изъ мѣщанскаго царства могло явиться и является только обобществленіе самого труда, самого хозяйства человѣческаго.

Соціализмъ въ этомъ смыслѣ противоположенъ экономическому мѣщанству, т. е. мелкой собственности, индивидуальному присвое-

нію, производственной анархіи, а также идеологическому (этическому) мѣщанству,, т. е. индивидуализму оторванной личности, полагающей цѣль въ себѣ, хищной личности, а равнымъ образомъ и насильственнымъ формамъ объединенія устремленныхъ врозь индивидовъ, все равно демократически-овечьяго или аристократически-волчьяго типа.

Лучшіе умы и сердца человѣческіе, въ моменты, когда волна соціальной жизни поднимала ихъ достаточно высоко, а вспыхнувшій, чтобы угаснуть, свѣтъ предвидящаго сознанія открывалъ передъ ними и безотрадную общую картину ихъ современности, и неясные, но прекрасные острова гармоніи впереди, въ такіе моменты пророки человѣчества говорили о соціализмѣ, о необходимости одуматься, сговориться, объединиться расколотому, но въ себѣ единому человѣчеству.

Но голоса ихъ вопіяли въ пустынѣ. И даже тогда, когда измученное, съ ужасомъ видящее быстро наступающее раззореніе, мелкое мѣщанство и крестьянство поддерживало воплями, псалмами и оружіемъ своихъ ясновидцевъ, узрѣвшихъ свѣтъ соціализма, даже тогда изъ этого тоскливаго порыва къ единству возникало лишь кровопролитіе безъ объективной возможности побѣды новой идеи, ибо часъ ея еще не пришелъ. Соціализмъ мѣщанъ могъ быть, въ лучшемъ случаѣ, только тиранической общиной искуственно объединенныхъ индивидуальныхъ производителей.

Лишь тогда идея соціализма стала силой, когда она оказалась выраженіемъ новаго соціально-экономическаго факта: не нужды, не неравенства, не зависти, не жажды счастья обездоленныхъ и тонущихъ людей изъ низовъ, не факта прогрессивнаго разоренія мелкой буржуазіи, а факта прогрессивнаго обобществленія труда.

Въ мануфактурѣ и еще неизмѣримо больше въ фабрично-заводскомъ предпріятіи, и въ ростущемъ единствѣ мірового рынка имѣемъ мы исполинскіе шаги обобществленія труда. Его реальнымъ представителемъ является пролетаріатъ, субъектъ этого обобществленнаго труда,а интернаціональная конфедерація рабочихъ синдикатовъ является естественной формой, въ которую стремится вылиться самостоятельная организація пролетаріата, которая возьметъ въ свои руки и политическую борьбу, подчинивъ своему контролю національныя соціалистическія партіи. Эта организація есть въ принципѣ и въ потенціи организація самого труда

на коллективныхъ началахъ. Противниками этому движенію и его господству являются, во-первыхъ, крупная буржуазія, какъ представительница индивидуальнаго присвоенія результатовъ общественнаго труда, и во-вторыхъ, мелкая буржуазія, какъ огромный еще остатокъ стараго міра, какъ представительница труда еще не обобществленнаго. Соціализмъ есть отрженіе въ головахъ факта противорѣчія между ростущимъ обобществленіемъ труда и индивидуальнымъ присвоеніемъ его продуктовъ (Энгельсъ). Соціализмъ есть идеалъ законченнаго обобществленія труда, предвосхищеніе конечнаго результата этой именно соціальной тенденціи. Онъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, идея рабочаго класса, какъ той силы, которая ростетъ вмѣстѣ съ обобществленіемъ труда и безконечно выигрываетъ отъ нея. Отъ успѣховъ ея выигрываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ всякій человѣкъ, какъ человѣкъ. Но человѣка теперь нѣтъ. Крупный буржуа, заслоняющій человѣка, отъ нея прямо проигрываетъ, не отъ самого роста обобществленія труда, конечно, но отъ неизбѣжно ростущей вмѣстѣ съ тѣмъ тенденціи новаго содержанія разбить старыя формы—капитализмъ—и создать новыя—коллективизмъ. Мелкій буржуа, многообразно заслоняющій человѣка у другихъ, неспособенъ понять выгодъ, вытекающихъ для его развитія изъ коллективизма, такъ какъ послѣдній идетъ въ разрѣзъ съ привычнымъ ему, реакціоннымъ по существу, идеаломъ спасенія индивидуальной самостоятельности его, какъ производителя.

Здѣсь мы вынуждены остановиться на одномъ положеніи, развитомъ Г. В. Плехановымъ въ его полемикѣ съ г. Ивановымъ-Разумникомъ. «Въ капиталистическомъ обществѣ новымъ является тотъ идеалъ, сущность котораго состоитъ въ устраненіи всякаго классового господства или, выражаясь отвлеченнѣе, «въ общественномъ освобожденіи личности». Почему этотъ идеалъ разрабатывается именно въ капиталистическомъ обществѣ на извѣстныхъ ступеняхъ его развитія, это опять объясняется взаимоотношеніями классовъ въ названномъ обществѣ, но разъ возникнувъ въ капиталистическихъ странахъ запада, этотъ идеалъ введенъ былъ и въ отсталую, еще не капиталистическую тогда Россію: освободительныя идеи издавна вводятся къ намъ съ запада вмѣстѣ со всѣмъ, «чѣмъ для прихоти обильной торгуетъ Лондонъ щепитильный». А разъ попавъ въ отсталую, еще не капиталистическую Россію, онъ по необходимости,—т. е. именно потому, что Россія была отсталой страной, въ которой новѣйшія классовыя отношенія еще въ заро-

дышѣ,— онъ по необходимости принялъ наиболѣе отвлеченный видъ, т. е. былъ формулированъ, какъ «общественное освобожденіе личности».

«Общественное освобожденіе личности есть наиболѣе отвлеченное выраженіе соціалистическаго идеала». Мы думамъ, что оно не только или вѣрнѣе не столько наиболѣе о т в л е ч е н н о е, сколько наиболѣе о б м ѣ щ а н е н н о е, если намъ позволено будетъ такъ выразиться.

Не то, чтобы это было не вѣрно, соціализмъ, конечно, принесетъ съ собою наибольшую свободу развитія индивидуальности, но это результатъ, при всей его важности, побочный, служебный. Конечно, мѣщанинъ-индивидуалистъ при выходѣ своемъ къ пролетарскому соціализму, на этапѣ полу-мѣщанскаго утопическаго соціализма, прежде всего хватается за эту побочную и служебную цѣнность, создаваемую соціализмомъ, ибо для него то она главная, пожалуй, и единственная.

Но стремленіе къ освобожденію личности общо соціализму пролетарскому, не только съ разными видами мѣщанскаго радикалъ-соціализма, оно присуще разнымъ прудонизмамъ, анархо-индивидуализмамъ, анархокоммунизмамъ и т. п. въ б о л ь ш е й с т е п е н и, чѣмъ ему, ибо въ анархическихъ и вообще мѣщанскихъ утопическихъ идеологіяхъ освобожденіе личности занимаетъ г л а в н о е мѣсто.

Какъ болѣе конкретное опредѣленіе соціализма Плехановъ выдвигаетъ уничтоженіе эксплуатаціи человѣка человѣкомъ и уничтоженіе классовъ. Но уничтоженія эксплуатаціи требуетъ все прогрессивное мѣщанство отъ правыхъ кантіанцевъ до лѣвыхъ штирнеріанцевъ! Конечно, соціализмъ можетъ достигнуть его ф а к т и ч е с к и, а всѣ эти мѣщанскія направленія идутъ по ложному и безплодному пути, но все же идея ихъ та же: уничтоженіе эксплуатаціи. Слѣдовательно, идеологически это н е т и п и ч н о для пролетарскаго научнаго соціализма. Уничтоженіе всякаго классоваго господства тоже роднитъ насъ съ разными видами анархизма и полуанархизма.

То же, что насъ отъ всѣхъ о т д ѣ л я е т ъ, идея, раздѣляя которую мѣщанину приходится не на компромиссъ итти, а совсѣмъ перейти на новую для него почву, эта и д е я к о л л е к т и в и з м а,

идеалъ всечеловѣческой организаціи труда, какъ основы для истинно человѣческой культуры. Тутъ уже невозможны никакія эквивоки, тутъ надо просто порвать съ мѣщанскимъ міромъ.

II.

О коллективистической психикѣ пролетаріата писалось достаточно. Оспаривать ее можетъ только не имѣющій глазъ, чтобы видѣть.

Самое сотрудничество на фабрикѣ и заводѣ, размѣренное, систематическое и дающее въ результатѣ общій продуктъ труда, создаетъ въ пролетаріи совершенно особое трудовое настроеніе, заставляетъ его исходить не изъ своего «я», а изъ своего «мы». Коллективный, обобществленный трудъ прошлаго предстоитъ передъ живымъ трудомъ въ формѣ могучаго механизма, полнаго своеобразной красоты, ибо тамъ красота, гдѣ цѣлесообразность и сила. Геній человѣческаго коллектива воплотился въ этой машинѣ, которой руководитъ рабочій. Живой трудъ входитъ, какъ необходимый, связующій моментъ въ широко развернувшемся, волшебномъ по своей богатой производительности сотрудничествѣ во времени и пространствѣ. Кромѣ того пролетарій въ несравненно большей степени, чѣмъ ремесленникъ, ощущаетъ свою связь со всемірнымъ производствомъ, свою зависимость отъ всемірнаго рынка — это вырабатываетъ въ немъ неслыханную для средняго мѣщанина широту кругозора. Синдикатъ и союзъ синдикатовъ вплоть до интернаціональной ихъ конфедераціи, которая вновь созрѣваетъ на нашихъ глазахъ, является и результатомъ и причиной величайшей коллективистической наклонности пролетаріата.

Пролетаріатъ, однако, въ силу своей бѣдности средствами и о с о б е н н о в р е м е н е м ъ, культурно далеко не стоитъ на высотѣ своего идеала, своихъ организаціонныхъ принциповъ и своей исторической роли. Роль его единственная въ міровой исторіи, а положеніе настолько угнетенное, что для нормальнаго умственнаго, эстетическаго и физическаго развитія каждаго пролетарія ему приходится преодолѣвать невообразимыя трудности.

Пролетаріатъ, какъ цѣлое, въ своихъ организаціяхъ, (партіяхъ и конференціяхъ), пользуясь особенно услугами переходящей на пролетарскую точку зрѣнія интеллигенціи, долженъ приложить

немало усилій къ культурному поднятію пролетаріевъ въ отдѣльности. Сознаніе своей миссіи, высокое и прекрасное классовое коллективистическое самосознаніе должно глубоко проникнуть въ душу каждаго рабочаго, пропитать собою его личную и семейную жизнь и такимъ образомъ во всемъ сдѣлать его антиподомъ мѣщанина

Но, конечно, пролетаріату, на плечахъ котораго лежитъ задача самозащиты и наступательной экономической и политической борьбы, чрезвычайно трудно разрѣшить еще теперь же и культурные вопросы, выработать свою науку, искусство и образъ жизни. Изъ признанія трудности этой задачи, даже невозможности достигнуть ея въ удовлетворительной мѣрѣ въ нѣдрахъ капиталистическаго общества, не слѣдуетъ отнюдь, чтобы направленныя сюда усилія были напрасны· совершенно наоборотъ.

Пролетаріатъ медленно, но рѣшительно, какъ новый богатый и твердый материкъ, выдѣляется изъ мутныхъ волнъ мѣщанскаго моря. И мѣщанство всѣми мѣрами, сознательно злостно, или безсознательно и съ мнимымъ дружелюбіемъ мѣшаетъ этому процессу.

Именно такой характеръ имѣетъ заигрываніе съ рабочимъ классомъ духовенства и разныхъ его союзниковъ и псевдо-противниковъ, вродѣ нео-христіанъ, христіанскихъ соціалистовъ и т. п. Успѣхи представителей отживающихъ религіозныхъ системъ не только въ средѣ сельскаго, но и въ средѣ городского пролетаріата весьма велики и до странности игнорируются соціалистическими партіями. Достаточно указать на то, что въ самой Германіи, съ ея могучей соціалъ-демократіей, конфессіональные рабочіе союзы насчитываютъ нѣсколько сотъ тысячъ рабочихъ! Кромѣ того, сотни тысячъ рабочихъ въ экономически передовыхъ рейнскихъ провинціяхъ голосуютъ за католическій центръ. Соціалистическія партіи провозглашаютъ свободу религіозныхъ мнѣній, т. е. право каждаго члена партіи быть, если ему угодно, католикомъ и т. п. Противъ этого ничего нельзя сказать. Но деликатность по отношенію къ этимъ убѣжденіямъ доходитъ до того, что даже пропаганда освобождающей философіи пролетаріата часто въ испугѣ останавливается передъ окрикомъ оппортунистовъ: «не запугивайте намъ вѣрующихъ пролетаріевъ!»

Болѣе энергично боролась соціалъ-демократія всѣхъ странъ противъ другого мѣщанскаго разврата,—противъ національзма и патріотизма. Но, какъ разъ теперь, когда ростъ имперіализма и

колонизаціонная политика должны бы вызвать особенно рѣзкій отпоръ, когда милитаризмъ все ярче выступаетъ, какъ едва ли не главная опора власти буржуазіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльныя явленія свидѣтельствуютъ о извѣстной доступности войскъ для анти-милитаристической пропаганды, какъ разъ теперь анти-милитаризмъ переходитъ въ руки анархистовъ и всякихъ другихъ фюмистовъ, а соціалъ-демократія даже въ лицѣ такого представителя, какъ Бебель, не говоря о Фольмарахъ и Гайндманахъ, становится по отношенію къ патріотизму въ двусмысленное положеніе.

Энергично развращаетъ мѣщанскій міръ пролетарія еще и проповѣдью мелкаго экономизма, т. е. перспективами реальнаго улучшенія положенія рабочаго, путемъ созданія прочныхъ профессіональныхъ союзовъ, не для борьбы съ капитализмомъ, какъ таковымъ—это «утопія» и какое дѣло «личности» рабочаго до отдаленнаго и сомнительнаго грядущаго?—а для соглашеній, какъ силы съ силой, для компромисса, для постепеннаго движенія въ царство гармоніи интересовъ и соціальнаго міра. Этотъ мѣщанскій развратъ, бьющій на индивидуалистическіе инстинкты, стремящійся подмѣнить великую миссію пролетаріата классовымъ эгоизмомъ съ самомъ мелкомъ и пошломъ смыслѣ, придать организаціямъ пролетаріата характеръ простыхъ союзовъ для выторговыванія и выпрашиванія подачекъ,—наиболѣе опасная форма мѣщанскаго вліянія на пролетаріатъ. Она можетъ итти объ руку съ религіозной пропагандой (идеалъ, молъ, дѣло небесное, а на землѣ, мыслимы лишь реформы) и съ проповѣдью патрістизма и имперіализма (пролетаріатъ-де реально заинтересованъ въ успѣхахъ своего національнаго капитала).

Особенно опасно то, что значительная часть теоретиковъ и вождей соціализма идетъ недвусмысленно навстрѣчу этому разврату. Я разумѣю, конечно, всякихъ министеріалистовъ, реформистовъ и т. п.

Развращаетъ рабочій классъ и анархизмъ, прививая ему индивидуалистическое настроеніе, расшатывая чувство солидарности и т. п.

При всемъ томъ рабочій классъ мощно идетъ впередъ, постепенно разгоняя скопляющійся вокругъ его головы тяжелый туманъ мѣщанства.

Немало религіозныхъ людей, патріотовъ и гармонистовъ пера-

шли на точку зрѣнія пролетаріата, подойдя къ нему ближе. Армія соціалистическаго пролетаріата непрестанно растетъ.

Особенно любопытно сказалось вліяніе рабочаго движенія на анархистахъ въ послѣдніе годы.

На первомъ своемъ конгрессѣ (въ Амстредамѣ) анархисты пытались организоваться. И вотъ, что говорилъ тамъ докладчикъ, Дюнуа (представитель романской Швейцаріи): «Недалеко за нами то время, когда анархисты, изолированные другъ отъ друга, еще болѣе того изолированные отъ рабочаго класса, потеряли всякое соціальное чувство, когда анархизмъ со своимъ неустаннымъ призывомъ къ личному самоусовершенствованію казался многимъ крайнимъ расцвѣтомъ буржуазнаго индивидуализма... Въ теченіе 25 лѣтъ мы ограничивались борьбою съ вліяніемъ и авторитетомъ соціалъ-демократіи. Къ сожалѣнію, вздумавъ построить собственную положительную доктрину, мы потеряли при этомъ почву подъ ногами и слишкомъ часто выходили на безплодные берега индивидуализма.»

И далѣе говорится объ освѣжающемъ вліяніи рабочаго класса: «Теперь,— заявилъ ораторъ,—синдикализмъ и анти-милитаризмъ должны стоять у насъ на первомъ мѣстѣ.»

Правда, на конгрессѣ же, нѣкто Круазо, протестуя противъ организаціи, кричалъ: «Мой принципъ—я, я, я, а потомъ уже и другіе!»

Еще дальше идетъ въ критикѣ недавняго прошлаго партіи Этторе Соттовіо, онъ говоритъ. «Наша партія страдала своего рода сухоткой спиннаго мозга. Это былъ хаосъ антагонистическихъ силъ, ибо мы держались на почвѣ непонятыхъ и непонятныхъ идеалистическихъ системъ, вѣруя въ чудовищно-абсурдныя порожденія неуравновѣшенныхъ умовъ, въ парадоксы, посѣянные между нами далекими отъ жизни доктринерами, иногда полусумасшедшими.»

Онъ также признаетъ самое благотворное вліяніе рабочаго синдикализма на анархистовъ, и негодуетъ, что иные анархисты еще противятся этому цѣлительному вліянію.

Такъ растетъ новый коллективистическій міръ, постепенно отвоевывая у міра индивидуалистическаго наиболѣе близкіе себѣ и часто особенно цѣнные элементы. Процессу этому суждено только ускоряться. Явленіе интеллигентской концентраціи въ Россіи естественно, ибо особыя политическія условія создали было ненормаль-

ный, искусственный притокъ интеллигенціи въ пролетаріатъ, но тѣ, кто останется **теперь** за пролетаріатомъ—уже болѣе или менѣе прочны, и число ихъ вновь будетъ расти по мѣрѣ того, какъ событія будутъ развиваться.

III.

Кромѣ того широкаго, общаго **и единственно вѣрнаго** выхода изъ мѣщанства, какимъ является обобществленіе труда, приводящее къ обобществленію средствъ производства, имѣется еще выходъ узкій, пока лишь единицамъ доступный, мучительный и невѣрный, вполнѣ спасительный лишь въ томъ случаѣ, когда подобно извилистой тропѣ выводитъ, наконецъ, одинакого интеллигента на широкую дорогу пролетарскаго соціализма.

Если можно противопоставить, какъ двѣ историческія категоріи мѣщанина и пролетарія, то можно противопоставить также мѣщанину—человѣка.

Поясникъ.

Человѣческій организмъ есть прекрасное полусовершенство. Мы не знаемъ въ мірѣ ничего болѣе изумительнаго и радостнаго, чѣмъ человѣкъ съ его колоссальными возможностями. Его гибкое тѣло, его свѣтлый умъ, горячее чувство, порывистая воля, его способность къ наслажденію и борьбѣ—все это обѣщаетъ намъ дивное существо, по крайней мѣрѣ, въ нашихъ собственныхъ глазахъ, а вѣдь оцѣнивать можно только съ нашей же, человѣческой точки зрѣнія. «Человѣкъ человѣку богъ!» Но вовсе не тотъ человѣкъ, какого мы наблюдаемъ въ повседневной жизни. «Божественны» въ этомъ человѣкѣ обыденности—только **возможности**. Только то, что изъ него развивается, только самое его развитіе. Въ великихъ людяхъ, **истинно-великихъ** людяхъ, мы имѣемъ приближеніе, очень невѣрное, большею частью одностороннее, но все же приближеніе къ реализаціи этихъ возможностей. Руссо писалъ: «Думая о томъ, чѣмъ могутъ быть люди, я примиряюсь съ тѣмъ, каковы они есть».

Мы отнюдь не представляемъ себѣ великихъ людей какой-то особой породой, упавшими съ неба ангелами, нѣтъ—великій человѣкъ есть порожденіе благопріятныхъ физіологическихъ и соціальныхъ условій, позволившихъ человѣческому организму развернуть

въ немъ свои возможности болѣе широко или болѣе сильно выразить нѣкоторыя изъ этихъ возможностей. Великіе люди это прообразъ, но при томъ, весьма вѣроятно, лишь очень блѣдный, того, чѣмъ можетъ и долженъ стать человѣкъ вообще, при вполнѣ цѣлесообразной общественной гигіенѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Великіе люди *болѣе люди*, болѣе *нормальные* представители нашего вида, типа, чѣмъ заурядные люди. Заурядный человѣкъ—калѣка, а не норма, это организмъ, задавленный и исковерканный властной и неприспособленной для него средою и уже зараженный порочною наслѣдственностью.

Конечно, мы говоримъ не о всѣхъ талантливыхъ и выдающихся людяхъ. Часто славы достигаетъ тотъ, кто выдается именно уродливостью своей организаціи, а подъ талантомъ иногда разумѣютъ диковинную односторонность, развитіе какой-либо способности, часто второстепенной, къ явному ущербу другихъ сторонъ организма.

Для выдѣленія настоящихъ великихъ людей и вообще людей прообразъ будущаго и потому самому учителей жизни, братьевъ пролетаріата, я не вижу другого критерія, чѣмъ критерій біологическій, совпадающій въ конечномъ счетѣ съ критеріемъ соціальнымъ.

IV.

а) Самая организація человѣка такова, что *потребности его многообразны* и чрезвычайно многообразной должна быть жизнь его, если всѣ органы его планомѣрно функціонировали бы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что современный соціальный строй не даетъ возможности для интегральнаго развитія человѣка.

Дѣло совсѣмъ не въ томъ, что въ процессѣ сотрудничества вырабатываются спеціальности. Подмѣнить процессъ постоянно растущаго раздѣленія труда тѣмъ «прогрессомъ», который формулировалъ Михайловскій, значило бы безконечно урѣзать богатство коллектива и косвенно обобрать самую индивидуальность, ибо членъ общества высоко дифференцированнаго, общества, сумѣвшаго довести отдѣльныя области науки, искусства, техники и т. д. до высокаго совершенства при помощи спеціалистовъ—будетъ,

конечно, образованнѣе, богаче и шире душой, чѣмъ членъ общества себѣ подобныхъ, другъ другу равныхъ и одинаковыхъ индивидовъ *). Спеціализація убиваетъ человѣка лишь, когда характеръ ея таковъ, что не даетъ ему времени, умѣнья, а иногда и желанія выходить за предѣлы своей спеціальности и усваивать, въ достаточно-глубокой мѣрѣ, методы и основные результаты работъ другихъ спеціалистовъ.

Естественное устремленіе человѣка къ росту богатства ощущеній и интегральному развитію своихъ силъ рисуетъ передъ нимъ идеалъ весьма развитого и многообразнаго сотрудничества, за предѣлами котораго есть еще широкое и многообразное совмѣстное наслажденіе, совмѣстное усвоеніе добытыхъ общимъ и дифференцированнымъ трудомъ культурныхъ благъ.

Крупная, благодаря счастливымъ условіямъ, хорошо правильно, развивавшаяся въ дѣтскомъ возрастѣ индивидуальность, не умѣщается въ рамкахъ современнаго мѣщанскаго общества, налагающаго на личность сплошь и рядомъ чрезмѣрный трудъ, протягивающаго во всѣ стороны тысячи досадныхъ преградъ, калѣчащаго человѣка разрозненностью коллектива, между тѣмъ какъ дальнѣйшее нормальное развитіе возможно лишь въ коллективѣ объединенномъ. Отсюда острота вопроса о спеціализаціи, вопроса, мучавшаго Руссо, а у насъ Герцена и Михайловскаго.

Настоящимъ выходомъ изъ этого положенія можетъ быть лишь тотъ естественный коллективизмъ, за который борется пролетаріатъ. Но поскольку человѣкъ бросаетъ мѣщанству свое «homo sum» **), онъ осуждаетъ себя на глубокую неудовлетворенность, на безысходную борьбу, и тоска его останется неутолимой, если только ему не удастся создать себѣ или усвоить идеалъ соціалистическаго общества, борьба за которое есть борьба противъ этой фатальной искалѣченности каждаго, хотя бы невольнаго члена мѣщанскаго общества.

в) Стремленіе къ счастью есть, такъ сказать, первоначальный, біологическій фактъ. Онъ не означаетъ ничего другого, кромѣ желанія организма удержать и усилить тѣ ощущенія и переживанія, которыя содѣйствуютъ развитію жизни, и избѣжать тѣхъ, которыя понижаютъ жизнь, или, по крайней мѣрѣ, ослабить ихъ.

*) Что и было идеаломъ Михайловскаго. Л. Л.
**) Я—человѣкъ.

Всякій внѣшній предметъ служащій для насъ источникомъ наслажденія или могущій служить таковымъ,—милъ намъ и дорогъ. Все, что грозитъ ему, косвенно грозитъ намъ; все, что роститъ его, косвенно благопріятно намъ. Такъ уже естественный эгоизмъ выводитъ насъ за предѣлы нашего я. Чѣмъ шире личность, чѣмъ интенсивнѣе ея чувствованія и переживанія, тѣмъ сильнѣе конечно, ея с и м п а т і и и а н т и п а т і и. Страданія по поводу ослабленія поруганія или гибели любимаго, оцѣниваемаго какъ возможный источникъ высшаго наслажденія, и радованіе по поводу его просвѣтленія, побѣды, упроченія—оказываются у подлинно нормальнаго человѣка весьма сильными. Живо переживая судьбы сочеловѣковъ, нашъ субъектъ во всякомъ изъ нихъ видитъ возможность счастья, а любованіе счастливымъ человѣкомъ само по себѣ становится источникомъ радости. Самое представленіе о счастливомъ человѣкѣ, о счастливомъ человѣчествѣ пріобрѣтаетъ значительную эстетическую цѣнность, заражая психику своеобразнымъ подъемомъ, отраженіемъ сильныхъ и гармоничныхъ чувствъ. Представленіе о родственной намъ и столь небезразличной для насъ борьбѣ за это счастье со всѣми ея перипетіями глубоко волнуетъ искренняго эгоиста, у котораго въ сердцѣ ярко и быстро отражаются состраданіемъ и сорадованіемъ судьбы людей, которыхъ онъ любитъ такой же эстетической любовью, какою любитъ природу или предметъ искусства, только соотвѣтственно повышенно, ибо ни природа, ни искусство не совмѣщаютъ въ себѣ столько возможностей, какъ человѣкъ. Эта эстетическая симпатія, могучая въ подвижной и сильной душѣ «человѣка во весь ростъ», дѣлаетъ его уже самого по себѣ существомъ въ огромной степени общественнымъ. Чѣмъ выше его умъ, чѣмъ больше въ состояніи обнять его духовный взоръ, тѣмъ с о ц і а л ь н ѣ е его личность, и тѣмъ болѣе безобразнымъ будетъ казаться ему все препятствующее развитію счастья сочеловѣкомъ. Этотъ путь эстетической симпатіи къ прекрасному, къ возможности счастья въ человѣкѣ можетъ и долженъ при нормальныхъ условіяхъ привести къ соціализму, какъ къ ясному и разумному идеалу сотрудничества людей, взаимопомощи ихъ въ дѣлѣ развитія другъ въ другѣ и въ самихъ себѣ красоты, силы, разума, счастья, ибо человѣкъ человѣку наслажденіе. Конечно, соціализмъ этотъ остается утопическимъ, пока не обрѣтаетъ реальной почвы въ фактѣ обобществленія труда и реальной силы въ фактѣ классовой борьбы пролетаріата.

Сильная личность, великій человѣкъ часто драпируется въ мантію презрѣнія къ людямъ. Но причиной этому является горячая къ нимъ любовь и проклятое противорѣчіе между тѣмъ, что онъ видитъ въ нихъ и что хотѣлъ бы видѣть.

«Я бѣгу отъ людей, писалъ Руссо, потому что люблю ихъ, я меньше страдаю за нихъ, когда они дальше отъ меня».

Но сильной личности настолько не безразлично отношеніе къ ней окружающихъ, что самые страшные мизантропы, вродѣ Шопенгауэра, оказывались далеко неравнодушными къ славѣ и чуть ли не большими ч е с т о л ю б ц а м и, чѣмъ честолюбцы откровенные.

с) Крупная, а особенно великая индивидуальность с т р е м и т с я с о з д а в а т ь в е л и к о е, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ индивидуальное созданіе истинно-великаго невозможно. Великій философъ, художникъ не можетъ ограничиться созданіемъ системы и шедевра (которые, впрочемъ, тоже не являются чисто-индивидуальнымъ созданіемъ, но это сюда не относится), каждая великая система, каждое великое произведеніе искусства требуетъ какъ естественное дополненіе къ себѣ, какъ воплощеніе своего принципа—цѣлой культуры; великое хочетъ быть живымъ сѣменемъ, расти. А вотъ это то невозможно безъ широкаго сотрудничества. Что такое философъ или художникъ безъ школы, безъ послѣдователей, безъ широкаго вліянія на людей и, стало быть, черезъ людей? Эта жажда создать великое и живое, заложить въ буквальномъ или переносномъ смыслѣ фундаментъ храма, который будутъ строить поколѣнія,—есть истинно-великая тоска многихъ людей великановъ, не дождавшихся отклика въ лиллипутскомъ мірѣ мѣщанъ. Это—источникъ соціальныхъ чувствъ, жажды сотрудничества людей, страстной грезы о плодотворной и мощной культурѣ, въ которой великая идея не увядала бы, не окаменѣвала бы, но развертывалась бы и роскошно воплощалась бы въ величавыя формы.

Стремленіе къ всестороннему развитію, къ интенсивности жизни или счастью, и къ широкому творчеству приводятъ насъ къ видовому самосознанію человѣка, проявленія котораго они изъ себя представляютъ.

Вопросъ о в и д о в о м ъ с а м о с о з н а н і и одинъ изъ важнѣйшихъ и мало разработанныхъ, особенно въ русской литературѣ. Ростъ видового самосознанія, ростъ несомнѣнный, есть фактъ огромной біологической важности. Строго говоря, инстинктъ инди-

видуальнаго самосохраненія, эта біологическая основа всякаго индивидуализма, явился на свѣтъ, какъ оборонительное приспособленіе вида.

Существуетъ и борется за жизнь біологически видъ: индивидуальность есть частное выраженіе жизни вида, моментъ въ его существованіи.

Чувство самосохраненія индивидуальности защищаетъ видъ. Тамъ, гдѣ оно сталкивается съ инстинктомъ видовымъ, напримѣръ, инстинктомъ размноженія, оно должно уступать, что мы и видимъ на всѣхъ ступеняхъ животнаго міра. Человѣкъ, развивъ особенно высокія формы приспособленія индивидуальнаго характера (органы мысли) и создавъ культуру, принявшую, въ концѣ концовъ, такой крайне индивидуалистическій характеръ (мѣщанство, частная собственность), затмилъ въ значительной степени и въ собственномъ сознаніи и исказилъ въ своей жизненной практикѣ то, что въ мірѣ біологическомъ, въ мірѣ «большого разума», имѣетъ главный смыслъ: жизнь вида, какъ основное явленіе, жизнь особи, какъ акциденція, какъ частное выраженіе. Ростъ видового с а м о с о з н а н і я есть великій процессъ возвращенія сознанія къ біологической подсознательной истинѣ. Конечно, дѣло здѣсь пойдетъ не о самоотреченіи личности, не о возвращеніи къ рабству ея по отношенію къ видовымъ инстинктамъ, но о гармоническомъ сліяніи, о высокой эстетикѣ жизни, которая научитъ личность выше всего цѣнить развитіе мощи, красоты и счастья вида, какъ цѣлаго и научитъ вмѣстѣ съ тѣмъ той истинѣ, что именно такой мощный, красивый и счастливый, въ постоянной борьбѣ за новую мощь развертывающійся видъ и выражается въ самыхъ прекрасныхъ особяхъ. Отношеніе тутъ въ сущности такое, какъ и между жизнью нашей личности въ цѣломъ и отдѣльными моментами этой жизни: послѣдніе тѣмъ ярче и полнѣе, чѣмъ болѣе подчинены они общему плану, моментализмъ ведетъ къ разрушенію личности, необузданный эгоизмъ «меня въ эту секунду» ведетъ за собою милліоны горькихъ секундъ упадка и разложенія жизни впослѣдствіи.

Если общія соображенія, относящіяся къ философіи жизни, легко приводятъ къ новой «этикѣ» или вѣрнѣе къ новой э с т е т и к ѣ ж и з н и, коллективистической, то сюда же ведутъ и соображенія соціологическаго характера.

Употребляя слово «видъ» вмѣсто термина «коллективъ», мы хотимъ подчеркнуть присущее соціализму стремленіе организовать

въ великое единство все человѣчество въ его прошломъ и будущемъ и во всемъ его объемѣ. Въ глазахъ соціалиста общество и видъ въ идеалѣ совпадаютъ, а передовой классъ дорогъ именно, какъ носитель и защитникъ интересовъ всего «вида». Конечно, мы видимъ въ человѣчествѣ и отрицательные, враждебные прогрессу элементы, но если они стоятъ внѣ развивающагося коллектива, внѣ передового класса и во враждѣ къ нему, то вѣдь они стоятъ фактически и внѣ вида. Видъ не есть конгломератъ всѣхъ особей, онъ осуществляетъ себя лишь въ развитіи, его уроды, его больныя порожденія отметаются, къ его стану относятся лишь тѣ, кѣмъ движущій впередъ его мощь.

Личность, обладающая широкими симпатіями, будучи даже поставлена въ относительно благопріятныя условія, не можетъ не задумываться болѣзненно надъ ирраціональнымъ общественнымъ строемъ, отражающимся на индивидуальной жизни, въ концѣ концовъ всѣхъ и каждаго, столькими унизительными муками. Но и здѣсь критическая мысль вскрываетъ мелочность палліативныхъ мѣръ, крохоборство всяческой филантропіи, безнадежность маниловскаго утопизма съ надеждой на сильныхъ міра сего, безуміе отчаянныхъ порывовъ исправить жизнь насиліемъ. Только выходъ въ правильно понятую исторію остается для человѣка, только пониманіе всего процесса развитія человѣческой экономики въ цѣломъ. Мы находимъ путемъ изученія этого процесса, что близится торжественный часъ, что и въ послѣдней борьбѣ человѣка съ природой и людей между собой скоро долженъ произойти великій переломъ: организація человѣческаго сотрудничества, элементы котораго полусознательно подготовляются теперь. Содѣйствіе этому перевороту открываетъ великую жизненную задачу для широкой соціальной личности.

Мѣщанство, борясь съ этими выводами, которыя должны похищать у него лучшихъ людей, имѣетъ противъ ростущаго коллективизма только два оружія: низменный эгоизмъ, въ видѣ подслѣповатаго, въ узенькій кружочекъ замкнутаго сенсуализма (припомните Санина) и разныя формы мистицизма. Нечего удивляться поэтому, что концентрація интеллигенціи въ Россіи, стремленіе ея эмансипироваться отъ идеологіи пролетаріата совпадаетъ съ расцвѣтомъ мерзкаго сенсуализма и жалкаго мистицизма, при чемъ то и другое часто сплетается въ причудливыя и отвратительныя комбинаціи.

Никто, однако, не въ состояніи остановить естественный ходъ вещей. Не далеко то время, когда наиболѣе развитыя индивидуальности—настоящій цвѣтъ интеллигенціи—протянутъ руку пролетаріату черезъ голову мѣщань со всѣми ихъ кантіанскими, соціалъ-христіанскими, анархическими и другими мнимохитрыми и яко-бы красивыми западнями и приманками.

V.

Протестъ противъ мѣщанства, возвышеніе надъ нимъ отдѣльныхъ лицъ, выражающихъ собой, приблизительно, идеалъ человѣка въ мѣщанской средѣ, есть психологическій выходъ изъ мѣщанства, но выходъ невѣрный и мучительный.

Совершенно невозможно для выдающейся личности вполнѣ отдѣлаться отъ мѣщанскихъ чертъ, отъ мѣщанской ограниченности. Одной стороной, вѣрнѣе, одними гранями своего существа выдающаяся личность нашего общества всегда обращена къ свѣту, къ будущему, но часто эти лучшія струны личности звучатъ наиболѣе минорно, доставляютъ ей одни страданія уже потому, что ихъ человѣческая музыка слишкомъ диссонируетъ съ базарнымъ шумомъ окружающаго. Но во всякой, самой великой даже личности мѣщанскаго общества больше или меньше сказывается и мѣщанинъ. Иныя черты мѣщанства вовсе не ощущаются при этомъ субъектомъ, иныя даже кажутся чѣмъ-то священнымъ, необходимымъ и, находя опору и украшеніе въ чертахъ характера, въ идеяхъ, чувствахъ истинно человѣческихъ, соединяясь съ ними странной амальгамой, становятся тѣмъ болѣе вредоноснымъ ядомъ для другихъ, для учениковъ, подражателей и т. п. Бываетъ и такъ, что выдающаяся личность сознаетъ безобразіе темныхъ сторонъ своей психики, но не можетъ отдѣлаться отъ нихъ и мучительно страдаетъ отъ собственной раздвоенности, отъ жгучаго сознанія своего несовершенства. Иногда же, именно для того, чтобы защититься отъ слишкомъ рѣзкихъ ударовъ и уколовъ мѣщанства, личность почти сознательно, словно создаетъ себѣ раковину филистерства, какъ это было съ Гете, или трагически навязываетъ себѣ въ качествѣ такой самозащиты разные парадоксы, якобы оправдывающіе ту силу среды, которая гнететъ, доставляющіе имъ миръ съ нею дорогой цѣной—«падши поклониться князю міра сего»...

Такъ было, напримѣръ, съ Гоголемъ и Достоевскимъ, и многими другими у насъ, съ Шиллеромъ, нѣмецкими романтиками, съ Кардуччи и многими, многими другими на Западѣ. Часто въ этомъ случаѣ глубоко искажается вся психика, большая часть энергіи уходитъ на то, чтобы доказать себѣ и другимъ красоту того, что безобразно, доказать свободу свою въ то время какъ петля на шеѣ, и цѣпь приковывающая къ колесницѣ побѣдителя-мѣщанина, слишкомъ громко звенитъ. Но ничѣмъ, повидимому, не спастись выдающейся личности отъ страданія.

Великіе люди мѣщанскаго общества — музыканты, поэты, живописцы, философы, ученые, которыми гордится буржуазная культура и которыхъ она иногда осмѣливается противопоставлять пролетаріату, классу «новыхъ вандаловъ», были, поистинѣ, великанами—мучениками, жертвами жестокаго безвременья.

Добрая половина пѣсенъ великихъ людей,—рыданія искалѣченной души, стоны надъ разбитыми надеждами. Припомнимъ, что писалъ объ этомъ Ницше:

«Гельдерлингъ, Клейстъ и многіе другіе погибли жертвою исключительности своей натуры, они не выдержали климата, такъ называемой, нѣмецкой образованности. Но желѣзныя натуры, какъ Бетховенъ, Гете, Шопенгауэръ, перенесли все. Но многочисленныя черты и морщины на ихъ лицахъ разсказываютъ о томъ, что и они выдержали тяжелую и судорожную борьбу: дыханіе ихъ затруднено, ихъ тонъ, зачастую, слишкомъ напряженъ... Филистеры! Вы осмѣливаетесь произносить имя Шиллера, не краснѣя? Смотрите на его образъ: смотрите на эти горящіе глаза, еле удостаивающіе васъ презрительнаго взора, на эти щеки съ пятнами смертельнаго румянца, или все это ничего не говоритъ вамъ? Въ немъ вы имѣли чудную, божественную игрушку, и вы разбили ее. Отнимите отъ этой неудавшейся, болѣзненно-тревожной жизни дружбу Гете, и вы загасили бы ее еще скорѣе. Помогли ли вы хоть одному великому генію? Для каждаго вы были «противодѣйствіемъ тупого міра», какъ выразился Гете въ эпилогѣ къ «Пѣснѣ о колоколѣ». А Лессингъ? Не удивительно ли, что энтузіасты его какъ разъ не замѣчаютъ жестокой нужды, преслѣдовавшей его всю жизнь; восхваляя его за универсальность, они не замѣчаютъ, что онъ сгорѣлъ быстро, какъ пламя, не приходятъ въ отчаяніе отъ того, что это нѣжное существо завяло среди огорченій и мукъ, причиной которыхъ была узость и убожество окружавшей его среды, особенно,

ученыхъ современниковъ. Состраданіе должна бы внушать эта хваленая универсальность. О, добрые мои филистеры! Вы осмѣливаетесь говорить безъ стыда о Лессингѣ, а, между тѣмъ, онъ погибъ изъ-за вашей трусости, въ борьбѣ съ вашими смѣшными божками, съ нелѣпостью вашей сцены, вашихъ ученыхъ и богослововъ. И ни разу не рѣшился онъ на тотъ полетъ, ради котораго онъ родился».

Все то, что Ницше писалъ о Германіи относится, конечно, и къ другимъ странамъ. Огромное большинство людей, которыми въ правѣ гордиться человѣчество, отнюдь не принадлежатъ къ буржуазной культурѣ, они были мучениками ея. Поскольку тоска ихъ, хотя бы и не рисовавшая имъ достаточно ясныхъ перспективъ, поднималась надъ нелѣпостью мѣщанскаго быта, они скорѣе принадлежатъ пролетаріату. Пролетаріатъ на дѣлѣ выполнилъ то, о чемъ грустили, что предчувствовали, чего неясно ждали одни, что формулировали утопически, метафизически другіе. Пролетаріатъ не только наслѣдникъ нѣмецкой идеалистической философіи, онъ душеприказчикъ всѣхъ павшихъ въ борьбѣ за свѣтлую, широкую, могучую человѣческую жизнь.

Понятно, что съ тѣхъ поръ, какъ пролетаріатъ уже выступилъ на свою борьбу, къ нему потянулись люди, способные понять его миссію, связь его дѣла съ чаяніями наиболѣе гармонично развитыхъ личностей, или вообще людей, наиболѣе сильнаго ума и чувства. Процессу этого притяженія пролетаріатомъ лучшихъ элементовъ изъ другихъ классовъ суждено ускоряться и шириться. Временное торжество обратнаго процесса эфемерно.

Интеллигенція, понятное дѣло, испытываетъ на себѣ больше другихъ соціальныхъ группъ притяженіе новой культурной силы. Многообразны мотивы, толкающіе интеллигентовъ въ ряды пролетаріата. Большей частью, мотивы эти дѣйствуютъ вмѣстѣ, а не порознь. Обычно стоятъ на первомъ мѣстѣ мотивы экономическіе: пониженіе интелигенціи, перепроизводство интеллигентнаго труда, безработица, пролетаризація интеллигенціи. И, конечно, это самый важный мотивъ для массоваго перехода интеллигенціи къ пролетаріату. Но если этотъ мотивъ дѣйствуетъ одинъ или преобладаетъ, то въ результатѣ его пролетаріатъ получаетъ сотрудниковъ довольно невѣрныхъ. Такъ называемый интеллигентный пролетарій никогда не бываетъ въ томъ индивидуально безнадежномъ положеніи, которое характерно для пролетарія физи-

ческаго труда. Часто онъ устраивается, худо ли, хорошо ли, къ зрѣлымъ годамъ, и отходитъ къ большей арміи интеллигенціи безпартійной или радикальной. Еще хуже, если въ рядахъ самого пролетаріата онъ ищетъ только возможности устроиться. Подобная публика въ высокой мѣрѣ способна вносить развратъ оппортунизма въ пролетарскую среду и быть,—въ нежелательномъ смыслѣ,—мостомъ между пролетаріатомъ и мелкой буржуазіей.

Въ Россіи гораздо большую роль игралъ мотивъ политическій: невозможность радикальной политики, борьбы за освобожденіе, безъ поддержки пролетаріата. Сознаніе того, что пролетаріатъ главная сила освободительнаго движенія, создало ему широкія симпатіи въ рядахъ наиболѣе радикально настроенной интеллигенціи и привело многихъ въ его ряды. Часто люди этого типа сами не понимали, что именно совпаденіе политическихъ интересовъ ихъ группы съ политическими интересами пролетаріата приводило ихъ къ соціалъ-демократіи. Съ обнаруживающимся расхожденіемъ этихъ интересовъ начинается и бѣгство подобныхъ временныхъ союзниковъ. Мы видимъ, какъ во Франціи, гдѣ противорѣчіе мелкобуржуазной и пролетарской политики выразилось съ особой яркостью, многіе бывшіе соціалисты оказались, по счастливому выраженію Клемансо, «по другую сторону баррикады».

Не стойки и интеллигенты, движущимъ мотивомъ которыхъ, при переходѣ ихъ къ соціалистическому пролетаріату, является жалость, филантропическія чувства, совѣсть, чувство долга передъ труженниками и т. п. Эти люди весьма быстро склоняются къ реформизму или, наоборотъ, къ сентиментальной романтикѣ, къ разнаго рода махаевщинѣ, дурно понятому синдикализму, максимализму и т. п. Экстазъ какого-то самозакланія на алтарь «труженику», интеллигентскіе нервы и настроенія портятъ этихъ людей какъ политиковъ и теоретиковъ.

Настоящими прочными сотрудниками пролетаріата являются и остаются тѣ, главнымъ мотивомъ которыхъ служитъ сознаніе огромной культурной высоты и красоты грядущаго общества, полной невозможности достигнуть хоть отдаленно подобной широты жизни внѣ соціализма, сознаніе необходимости борьбы за соціализмъ объ руку съ единственной силой, могущей его осуществить, пролетаріатомъ, чувство творческой радости этой напряженной борьбы.

Здѣсь дѣйствуютъ лишь на новомъ, болѣе просвѣтленномъ и опредѣленномъ фонѣ описанныя нами выше чувства широкой и здо-

ровой индивидуальности, стремленіе къ интегральному развитію, высокая оцѣнка его, такая высокая что человѣкъ предпочитаетъ пожертвовать тѣми или другими условіями собственнаго развитія, ради завоеванія общихъ условій для гораздо болѣе полнаго, гораздо болѣе близкаго къ идеалу развитія другихъ, грядущихъ сочеловѣковъ; глубокое чувство симпатіи, сорадованіе любованіе всякой выпрямляющеюся силой—чувство, граничащее иногда съ настоящей влюбленностью въ красоту грядущаго человѣка, брата и продолжателя моей жизни; стремленіе къ построенію культурнаго зданія, исполинскаго и вѣчнаго, ибо радость творчества надъ великимъ во много разъ превосходитъ творческую радость въ трудѣ надъ маленькимъ, законченнымъ, умѣщающимся въ границахъ индивидуальныхъ возможностей; развитіе видового или историческаго чувства, о которомъ мы еще будемъ говорить, наконецъ, можетъ быть и то законное честолюбіе, которое даритъ человѣка волнующимъ счастьемъ сознанія, что онъ хорошо поработалъ для его лагеря и заслужилъ любовь дорогихъ своихъ товарищей

Вотъ, тѣ чувства, которыя вообще создавали великое или, по крайней мѣрѣ, крупное Эти чувства, какъ мы уже говорили, связываютъ сильнѣйшее выраженіе развитого фактическаго индивидуализма съ психологическимъ коллективизмомъ. Они поддерживаютъ и окрашиваютъ ярко и празднично теоретическую мысль—критическій анализъ современности, пытливый прогнозъ. Высшая форма индивидуализма порождаетъ идеализмъ активнаго творческаго типа, и естественно приводитъ въ нашъ вѣкъ въ лагерь пролетаріата. Крупнѣйшія индивидуальности протягиваютъ руку пролетаріату черезъ головы мѣщанъ съ ихъ индивидуализмомъ, изуродованнымъ и мелкимъ Неизуродованный и сильный, здоровый индивидуализмъ самъ переходитъ въ общественность.

VI.

Намъ не хочется закончить эту статью, не разсмотрѣвъ еще, хотя бы коротко, какимъ образомъ искусство и наука побѣждаютъ рамки мѣщанскаго индивидуализма и ведутъ истиннаго художника и истиннаго ученаго нечувствительно для нихъ самихъ къ тому, что мы называемъ психическимъ коллективизмомъ, т. е.

къ ощущенію себя звеномъ великой цѣпи, единицей цѣлостнаго въ себѣ, коллективнаго творчества.

Раздаются иногда изумительно извращенные голоса, требующіе одиночества художника или освящающіе его полную «оригинальность». Совершенно ясно однако, что поэтъ, оригинальность котораго была бы настолько велика, что выраженныя чувства и создаваемые имъ образы были бы совершенно чужды его публикѣ—не былъ бы вовсе поэтомъ, художникомъ въ истинномъ значеніи этого слова, ибо онъ никого не училъ бы, не утѣшалъ, не ростилъ, никому не помогалъ бы, никого не осчастливливалъ. Это все равно, что быть врачемъ, который умѣетъ лечить только себя, но гордится тѣмъ не менѣе званіемъ врача. Извращенность нашей культуры, культурная забитость народныхъ массъ, духовное убожество средняго мѣщанства создаютъ тотъ ужасъ, что искреннѣе художники, способные въ другое время понять свою великую соціальную миссію, оглядываются съ омерзѣніемъ и спрашиваютъ себя: «для кого?» Но такъ какъ не могутъ по натурѣ не пѣть, не писать, не ваять и т. д., то и дѣлаютъ это въ какомъ-то полуснѣ, такъ сказать, ни для кого, презирая человѣчество, и утѣшаясь только оцѣнкой круга подобныхъ имъ поклонниковъ.

Но вслѣдъ за несчастнымъ, оторваннымъ отъ общества и, такимъ образомъ, искалѣченнымъ истиннымъ художникомъ, потянулись вереницы комическихъ представителей типа непризнанныхъ геніевъ, которые изъ проклятія и несчастія постарались сдѣлать правило и предметъ гордости. Истинная же гордость художника совсѣмъ не въ одиночествѣ. Припомнимъ одно изъ вѣрныхъ опредѣленій искусства, опредѣленіе, данное Толстымъ: «Искусство есть такая человѣческая дѣятельность, въ которой личность можетъ произвольно и при помощи внѣшнихъ знаковъ сообщить другимъ ощущенія и чувства, испытанныя ею самою». Гордость художника въ томъ, чтобы чувства его «я», и чувствомъ объятыя мысли, заражали милліоны и являлись могучими культурными силами, поднимая человѣчество къ его идеалу, къ высшему способу жить. Гордость художника въ томъ, чтобы быть учителемъ жизни въ цѣломъ ли или въ частностяхъ, но для него важныхъ, ему являющихся существенными...

Никогда, однако, не можетъ художникъ научить людей тому, для чего нѣтъ у нихъ ушей. Чувства и мысли, несвязанныя ничѣмъ съ соціальной средой—эфемерная вещь. Да и художникъ, носящій

въ сердцѣ эти неумѣющія привиться сѣмена—это чудакъ, а не геній.

Кантъ говорилъ, что геній творитъ, какъ природа: свободно слѣдуя своему произволу,—онъ создаетъ эстетическіе образцы, онъ заставляетъ признать себя, какъ солнце или какъ море.

Иные думаютъ, что признаніе зависитъ только отъ силы художественнаго выраженія, какимъ обладаетъ геній. Но это ошибка. Въ томъ-то и сила внушенія генія, что внушаемое имъ н у ж н о. Геній не только учитель,—онъ выразитель. И потому-то становится онъ великимъ учителемъ, что онъ великій выразитель. Если мы прослѣдимъ развитіе нормальнаго искусства, т. е. искусства эпохъ эстетическаго расцвѣта, эпохъ, въ которыя жили искусствомъ, а не забавлялись, то мы увидимъ то, что подмѣтилъ съ большою ясностью, напримѣръ, историкъ греческой литературы Магаффи.

Большія массы въ процессѣ коллективнаго творчества создаютъ огромный, сложный, тонко внутри переплетенный міръ словъ (мифовъ), звуковъ, ритуаловъ, понятій. Прежде всего создаютъ уже самый языкъ.

Въ чемъ высокое совершенство этого матеріала? Оно является результатомъ именно тѣхъ путей, которыми идетъ коллективное творчество. На новое набредетъ почти ощупью индивидъ. Это новое передаетъ онъ сотнямъ, тысячамъ сочеловѣковъ, какъ приростъ къ прежнему капиталу. И переходя изъ устъ въ души, изъ душъ въ уста, новое шлифуется, какъ камешки волнами, приспособляется, все лишнее черезчуръ субъективное отметается, остается человѣческое. Но значитъ это, чтобы осталось нѣчто сухое, убогое, среднее? За находчивость, многообразіе, блескъ ручается авторство тысячъ личностей, а за мѣру, гармонію—ихъ взаимокритика.

Далѣе въ ростѣ каждой великой школы, каждой великой полосы въ общечеловѣческомъ творчествѣ идетъ собираніе этого матеріала, своего рода туманные сгустки съ подвижнымъ еще центромъ и не совсѣмъ опредѣленной периферіей. Если же дѣло идетъ о выраженіи того же матеріала не въ словѣ и звукѣ, а въ краскахъ или твердой матеріи, то идетъ полоса исканій: ощупью ищутъ сотни темныхъ мастеровъ, дѣлятся другъ съ другомъ открытіями, стараются поймать общую стихію поэзіи, творчества, отдающуюся и въ ихъ сердцѣ—на свои кисти или рѣзцы. Словно нижняя воронка смерча, концентрическими кругами, оформляясь постепенно въ опредѣленное

искусство, въ ряды строгихъ принциповъ и пріемовъ, въ циклы идей и чувствъ, внутренне согласованныхъ, устремляется творчество къ великому единству—шедевру, законченному выраженію даннаго захвата, даннаго широкаго круга, поднявшагося изъ моря коллективной фантазіи, начавшагося уплотнять и воплощаться. И являются, наконецъ, тѣ Гомеры, Архилохи, Эсхилы, которые окончательно совершенствуютъ форму и заставляютъ идеи и чувства, все взятое изъ рукъ темныхъ предшественниковъ, сплестись въ одинъ граціозный, совершенный по всѣмъ взаимоотношеніямъ элементовъ содержанія, во всѣхъ пропорціяхъ формы—танецъ. Тогда почти ослѣпляетъ глаза этотъ фокусъ свѣта, этотъ лучъ, собранный словно большою линзою, сплетенный, свитый изъ тысячи блѣдныхъ сравнительно лучей. Но, какъ ни сіяюще, какъ ни ново въ глазахъ изумленнаго народа это произведеніе генія, эта Аѳродита, внезапно вышедшая въ несравненной красѣ изъ вспѣненныхъ волнъ подвижной народной фантазіи, но за родную свою дочь все же признаетъ ее это море; народъ не чуждое что-либо чуетъ въ свѣтломъ дарѣ генія, а обработанное, преображенное, синтезированное, гармонизированное с в о е. Мудрость милліоновъ, грезы поколѣній, страданіе и радость сонмовъ сердецъ нашли свой голосъ, ясный и чистый. Себя узнаетъ широкое, плодотворное, могучее, но безформенное въ этомъ зеркалѣ, гдѣ стихійныя силы воплотились въ законченный живой символъ. Учась у генія, народъ учится у себя. И геній, при нормальныхъ условіяхъ создаетъ школу. Критики и толкователи уясняютъ и расширяютъ смыслъ и формальные эстетическіе принципы генія, его ученики и подражатели развертываютъ заложенныя въ шедеврѣ возможности, словно вѣтви главнаго ствола дерева. Какъ корнями служатъ генію темные предшественники, остающіеся часто никому невидимыми и черпавшіе изъ нѣдръ народнаго духа, такъ цвѣтущими вѣтвями являются послѣдователи. Ибо въ шедеврѣ, въ принципахъ истиннаго мастера-учителя заложено множество прекрасныхъ возможностей, развить которыя до конца безсильна самая великая личность. Обратной воронкой расширяется данное начало, данное великое проявленіе художественнаго творчества и сотнями путей ведетъ опять въ широкое море, жадно все поглощающее для жизни и новаго творчества матери-толпы.

Такъ пульсируетъ великое искусство, идя и ведя въ золотую безконечную даль все новаго совершенства. И осознавъ это, художникъ становится всей душою своею коллективистомъ.

— Но развѣ такъ живетъ современное искусство?

Его естественное строеніе совершенно разрушено. Царитъ атомизмъ, индивидуализмъ, отрицающій школы, неумѣющій обнимать искусство любовью во всемъ его историческомъ развитіи. Возьмите для примѣра живопись, въ которой крикливое оригинальничаніе, разработка каждымъ мелкой собственной области дошли до апогея. Передовой страной въ развитіи этого искусства приходится считать Францію. Полный распадъ начался тамъ давно, но вполнѣ выяснился къ послѣдней четверти прошлаго вѣка. Интересно сравнить нѣсколько строкъ изъ корреспонденціи о первомъ, если не ошибаюсь, салонѣ (1876 г.) въ «Вѣстникѣ Европы» и о послѣднемъ (1908 г.) въ «Mercure de France».

Вотъ что писалъ остроумный и наблюдательный корреспондентъ «Вѣстника Европы»:

«Однако, изъ самыхъ рѣзкихъ чертъ артистическаго момента переживаемаго нами, является полная анархія тенденцій. Со смертью учителей, ученики тотчасъ-же учредили республику. Романтическое движеніе потрясло академію; реалистическое окончательно ее низвергло. Теперь академія утратила всякую силу. Она не исчезла съ лица земли, онъ упорно живетъ своей обособленной жизнью, прибавляя лишнюю фальшивую ноту ко всѣмъ другимъ, стремящимся заглушить другъ друга. Представьте себѣ ужасную какофонію оркестра, гдѣ каждый инструментъ желалъ бы играть соло въ иномъ тонѣ. Прежде всего нужно добиться, чтобы публика насъ услышала, а потому дуютъ изо всей мочи, рискуя испортить самый инструментъ. Чтобы сильнѣе подзадорить любопытство, стараются придать своимъ произведеніямъ оригинальность, которой на дѣлѣ нѣтъ, ищутъ эффектовъ, стремятся воскресить прошлое или отдаются какой-нибудь спеціальности, бьющей въ носъ. Каждый самъ по себѣ, —вотъ девизъ. Нѣтъ больше диктаторовъ въ искусствѣ, въ немъ царятъ тысячи трибуновъ, старающихся увлечь толпу своими произведеніями. И вотъ какимъ образомъ наши современныя школы, —я говорю школы, потому что не нахожу иного слова,—превратились въ Вавилонское столпотвореніе, гдѣ каждый художникъ желаетъ говорить на своемъ собственномъ языкѣ и затмить другихъ».

А вотъ что читаемъ мы въ одномъ изъ послѣднихъ №№ «Mercure de France»:

«Говоря даже только объ интересныхъ произведеніяхъ, приходится констатировать, что мы имѣемъ дѣло съ совершенно разроз-

ненными явленіями: едва вѣришь, что всѣ эти картины появились на той же планетѣ Внутренняго родства нѣтъ никакого Я даже думаю, что никогда еще отсутствіе единства не проявлялось такъ характерно, какъ въ послѣднемъ Салонѣ Это бунтъ даже противъ недавнихъ великихъ вліяній. Всякій хочетъ быть собственнымъ своимъ учителямъ. Отраженіе въ искусствѣ — трагическій символъ современнаго соціальнаго распада чувствъ и силъ».

Распадъ, развалъ Все, чего можно ждать отъ нашего времени, —это кое-какой разработки техники. Попадаются случайно великіе мастера, вродѣ Пювисъ-де-Шавана, Каррьера, какъ и у насъ напримѣръ, удивительный Суриковъ, но имъ трудно пробить тупое недовѣріе общества, потомъ успѣхъ ихъ, наконецъ, упрочивается, но это не широкій культурный успѣхъ какого-нибудь Фидія или Леонардо, это успѣхъ новаго оригинальнаго кушанья въ меню просвѣщеннаго мѣщанина.

И. . никакой школы. Тотъ или другой заимствуетъ внѣшніе пріемы, но мастеръ въ сущности умираетъ до лучшихъ дней, до того времени, когда человѣчество пойметъ всѣ брошенныя въ безвременіе намеки и роскошно развернетъ всѣ замершія возможности. Художникъ, родившійся въ это глухое время, задыхается, не находя въ современности питанія для своей души. Отсутствуетъ тотъ насыщенный фантазіей и изящнымъ вкусомъ растворъ, въ которомъ такъ правильно кристаллизовались вѣчные шедевры грековъ и итальянцевъ Возрожденіе. Заблудившійся геній бѣжитъ къ прошлому, рвется къ будущему, бросаетъ обрывки, безумствуетъ, какъ Врубель или Мюнкъ, и слабѣетъ. Художникъ, который любитъ искусство, которому дорогъ художникъ, какъ типъ, долженъ мечтать о возрожденіи эстетически живущаго коллектива, который давалъ бы ему матеріалъ и впитывалъ бы жадно его благодатные дары въ трепещущемъ жизнью общеніи цѣлаго организма съ его высокимъ органомъ художественнаго самосознанія. На примѣрѣ современной музыки (Григъ, Римскій-Корсаковъ) мы видимъ, сколько свѣжести вноситъ въ индивидуальное творчество сближеніе съ фольклоромъ. Поэзія XIX вѣка очень многимъ обязана также заимствованію изъ народныхъ мотивовъ. Но, вѣдь, фольклоръ мертвая вещь, это остатки великаго, когда-то горѣвшаго могучей жизнью творчества, теперь же остывшаго, превратившагося въ памятникъ великой старины. Народъ, раздавленный централизованнымъ государствомъ, разоренный капитализмомъ, обездоленный горькою нуж-

дою, почти не творитъ больше. Изсякаютъ подземные источники, которыми только и можетъ питаться трудъ истиннаго генія. И геніи нашихъ дней большею частью похожи на сухія деревья, которыя могли бы подняться къ небу и расцвѣсти неслыханными цвѣтами, но теперь уродливо искривились въ неотвѣчающей имъ средѣ, покрылись ржавчиной и паразитными наростами, такъ что трудно разгадать ихъ возможную красоту и грустно ею наслаждаться. Соціализмъ создастъ опять народъ въ великомъ значеніи этого слова, живую связь личности и коллектива, и какъ огромные цвѣты на плодородной почвѣ раскроютъ свои глубокія души новые культурные геніи. Содѣйствовать этому великому дѣлу возрожденія творчества коллектива долженъ каждый истинный художникъ и лучшее свое, сокровеннѣйшія жемчужины своего таланта заботливо завѣщать свѣтлымъ внукамъ,—ибо тогда эти зерна жемчужинъ будутъ посѣяны, и взойдутъ сторицею. То свое, то оригинальное, что свято чтитъ въ себѣ творчески организованная личность, она съ надеждой должна передать будущему, ибо оно сумѣетъ развернуть это своеобразное въ цѣлый садъ красоты, исчерпать до дна возможности, которыя современность глушитъ въ сердцѣ безвременнаго героя.

Изъ всѣхъ сторонъ культуры величайшее развитіе въ капиталистическій періодъ получило естествознаніе. Самый, пожалуй, свѣтлый, завоевательный, честный типъ послѣ пролетарія есть натуралистъ. Настоящій натуралистъ, нормальный, я бы сказалъ, изслѣдователь природы и изобрѣтатель не можетъ не чувствовать себя членомъ великаго сотрудничества. Наука поистинѣ строится коллективомъ и ростетъ, какъ изумительный храмъ, обязанный своимъ планомъ и грандіозностью не тому или другому Ньютону или Дарвину, но, дѣйствительно, огромному и дружному по существу хору ученыхъ XVIII, XIX и XX вѣковъ. Наука объективна, это значитъ не болѣе не менѣе, какъ то, что она коллективна. Вотъ это то и даетъ возможность такимъ людямъ, какъ Махъ, понять относительную лишь цѣнность «я», этого формальнаго вмѣстилища «содержанія», т. е. жизни и творчества. Здѣсь нужно еще разъ привести замѣчательныя мысли Маха на эту тему: «Содержаніе нашего сознанія, поскольку оно существенно ломаетъ перегородки индивидуума и связанное съ другими людьми продолжаетъ вести независимо отъ личности развившей его, болѣе общую, неличную или сверхличную жизнь. Содѣйствовать этому есть величайшее счастье художниковъ, ученыхъ, общественныхъ дѣятелей».

Беерь, комментируя это мѣсто, замѣчаетъ. «Только узколобый филистеръ не можетъ понять, «что за польза» стать знаменитымъ послѣ смерти». Бееръ очень хорошо развиваетъ мысль Маха въ слѣдующихъ строкахъ: «Я, которое такъ измѣнчиво уже при жизни, согласно замѣчанію Маха, въ глубокомъ снѣ, въ творческомъ экстазѣ, въ художественномъ наслажденіи, въ моментъ сладострастія и т. д., т. е. въ моменты нашего сильнаго подъема, особенно въ моменты риска жизнью и безконечнаго сочувствія чужимъ радостямъ и печалямъ, молетъ исчезать или совершенно дионисовски возвышаться до полнаго самозабвенія. Когда это настроеніе сдѣлается доступнымъ каждому—все возвысится до вершины идеалистической точки зрѣнія, въ которой собственное «я» отступаетъ на задній планъ, до жизнепониманія и жизнедѣятельности болѣе свободныхъ и свѣтлыхъ, побуждающихъ къ великимъ дѣламъ, къ доброй и сильной работѣ, презирающей всякое страданіе и даже смерть».

Содержаніе, эта вѣчная и вѣчно подвижная сущность, есть жизнь видовая, форма есть частное проявленіе этой жизни. Ученый сумѣлъ перенести центръ тяжести съ «плоти на духъ», какъ я осмѣлюсь выразиться. Пов плотью то мы болѣе или менѣе, хоть и то не вполнѣ, отдѣльные «предметы», но духъ нашъ, коллективная мысль наша остается единой и стремится къ слиянію въ раздольный, огромный, плещущій, солнцемъ сверкающій океанъ. Какъ радостно его чувствовать въ себѣ, знать, что моя мысль и чувство есть только всплескъ разумной и все болѣе побѣдной стихіи, знать, что ограниченность и слабость моего «я» есть ограниченность и слабость капли неограниченнаго и всемогущаго въ пространствѣ и особенно во времени, въ прогрессѣ моря жизни. Художникъ и ученый побѣждаютъ мѣщанство поскольку они, по сущности своей, являются с о т р у д н и к а м и въ дѣлѣ общечеловѣческомъ, въ строительствѣ культуры. Художникъ или ученый, сильная индивидуальность котораго не привела его къ психологическому или «эстетическому» коллективизму — есть только заморышъ, неудачный набросокъ себя самого, недоносокъ нашего безобразнаго времени; и онъ, пожалуй, гордится своимъ индивидуализмомъ, провозглашаетъ индивидуализмъ своимъ принципомъ, благославляетъ свое проклятіе.

Будучи наиболѣе чуткимъ представителемъ мѣщанскаго общества, онъ часто съ особенной яркостью отражаетъ его отвратитель-

ныя черты, не сознавая ихъ скверны. Это самый печальный типъ художника, и чѣмъ больше таланта дано ему судьбой, тѣмъ мучительнѣе видѣть эту погибшую возможность. Впрочемъ, къ чести «художника», вообще надо сказать, что крупнымъ талантамъ рѣдко присуще филистерское самодовольство. Антиколлективистъ, во многомъ типичный мѣщанинъ, вродѣ Стриндберга, напримѣръ, часто поражаетъ насъ силою своего страданія. Не понимая источника боли, принимая корень зла подъ свою защиту, мѣщанскій художникъ, большею частью, тѣмъ не менѣе кричитъ, плачетъ, жалуется, негодуетъ—онъ пессимистъ. Это уже лучше. Это знакъ того, что въ свѣтлой средѣ грядущаго художникъ найдетъ въ себѣ силы еще ярче выразить всю дивную музыку коллективизма, чѣмъ онъ выражаетъ теперь дикіе диссонансы мѣщанскаго нестроенія, что онъ, такъ долго стонавшій въ бреду мѣщанскаго существованія, сумѣетъ запѣть волшебныя пѣсни подъ ласковыми лучами того солнца, которое медленно, но неуклонно подымается надъ горизонтомъ.

М. ГОРЬКІЙ.

РАЗРУШЕНІЕ ЛИЧНОСТИ.

I.

Народъ не только сила создающая всѣ матеріальныя цѣнности, онъ—единственный и неизсякаемый источникъ цѣнностей духовныхъ, первый по времени, красотѣ и геніальности творчества философъ и поэтъ, создавшій всѣ великія поэмы, всѣ трагедіи земли и величайшую изъ нихъ—исторію всемірной культуры.

Во дни своего дѣтства, руководимый инстинктомъ самосохраненія, голыми руками борясь съ природой, въ страхѣ, удивленіи и восторгѣ предъ нею, онъ творитъ мифы—религію, которая была его поэзіей и заключала въ себѣ всю сумму его знаній о силахъ природы, весь опытъ, полученный имъ въ столкновеніяхъ съ враждебными энергіями внѣ его Первыя побѣды надъ природой вызвали въ немъ ощущеніе своей устойчивости, гордости собою, желаніе новыхъ побѣдъ и побудили къ созданію героическаго эпоса, который сталъ вмѣстилищемъ знаній народа о себѣ и требованій къ себѣ самому. Затѣмъ, мифъ и эпосъ сливались воедино, ибо народъ, создавая эпическую личность, надѣлялъ ее всей мощью коллективной психики и ставилъ противъ боговъ или рядомъ съ ними.

Въ мифѣ и эпосѣ—какъ и въ языкѣ, главномъ дѣятелѣ эпохи,—опредѣленно сказывается коллективное творчество всего народа, а не личное мышленіе одного человѣка. «Языкъ»,—говоритъ Ф. Буслаевъ,—«былъ существенной составной частью, той нераздѣльной дѣятельности въ которой каждое лицо, хотя и принимаетъ живое участіе, но не выступаетъ еще изъ сплоченной массы цѣлаго народа».

Что образованіе и построеніе языка—процессъ коллективный, это неопровержимо установлено и лингвистикой, и исторіей культуры. Только гигантской силой коллектива возможно объяснить непревзойденную и по сей день, глубокую красоту мифа и эпоса,

основанную на совершенной гармоніи идеи съ формой. Гармонія эта, въ свою очередь, вызвана къ жизни цѣлостностью коллективнаго мышленія, въ процессѣ коего внѣшняя форма была существенной частью эпической мысли, слово всегда являлось символомъ, т. е. реченіе возбуждало въ фантазіи народа рядъ живыхъ образовъ и представленій, въ которые онъ облекалъ свои понятія. Примѣромъ первобытнаго сочетанія впечатлѣній является крылатый образъ вѣтра: невидимое движеніе воздуха олицетворено видимою быстротой полета птицы; далѣе легко было сказать: «Рѣютъ стрѣли якоптицы». Вѣтеръ у славянъ Стри, богъ вѣтра—Стри-богъ, отъ этого корня стрѣла, стрежень (главное и наиболѣе быстрое теченіе рѣки) и всѣ слова, означающія движеніе встрѣча, стругъ, рыба, сринуть, рыскать и т. д. Только при условіи сплошного мышленія всего народа возможно создать столь широкія обобщенія, геніальные символы, каковы Прометей, Сатана, Геракль, Святогоръ, Илья, Микула и сотни другихъ гигантскихъ обобщеній жизненнаго опыта народа Мощь коллективнаго творчества всего ярче доказывается тѣмъ, что на протяженіи сотенъ вѣковъ индивидуальное творчество не создало ничего равнаго Иліадѣ или Калевалѣ, и что индивидуальный геній не далъ ни одного обобщенія, въ корнѣ коего не лежало бы народное творчество, ни одного мірового типа, который не существовалъ бы ранѣе въ народныхъ сказкахъ и легендахъ.

Мы еще не имѣемъ достаточнаго количества данныхъ для сужденія о творческой работѣ коллектива — о техникѣ созданія героя, но, мнѣ кажется, объединяя наши знанія по вопросу, дополняя ихъ догадками, мы уже можемъ, приблизительно, очертить этотъ процессъ.

Возьмемъ родъ въ его непрерывной борьбѣ за жизнь Небольшая группа людей, окруженная отовсюду непонятными и часто враждебными явленіями природы, живетъ тѣсно, въ постоянномъ общеніи другъ съ другомъ; внутренняя жизнь каждаго ея члена открыта наблюденіямъ всѣхъ, его ощущенія, мысли, догадки становятся достояніемъ всей группы Каждый членъ группы инстинктивно стремился высказаться о себѣ до конца—это внушалось ему ощущеніемъ ничтожества своихъ силъ передъ лицомъ грозныхъ силъ звѣря и лѣса, моря и неба, ночи и солнца, это вызывалось и видѣніями во снѣ, и странною жизнью дневныхъ и ночныхъ тѣней. Такимъ образомъ, личный опытъ немедленно вливался въ

запасъ коллективнаго, весь коллективный опытъ становился достояніемъ каждаго члена группы.

Единица представляла собой воплощеніе части физическихъ силъ группы и всѣхъ ея знаній—всей психической энергіи. Единица—исчезаетъ, убитая звѣремъ, молніей, задавленная упавшимъ деревомъ, камнемъ, поглощенная чарусой болота или волной рѣки, всѣ эти случаи воспринимаются группой, какъ проявленіе разныхъ силъ, которыя враждебно подстерегаютъ человѣка на всѣхъ его путяхъ. Это вызываетъ въ группѣ печаль объ утратѣ части своей физической энергіи, опасеніе новыхъ потерь, желаніе оградить себя отъ нихъ, противопоставить силѣ смерти всю силу сопротивленія коллектива и естественное желаніе борьбы съ нею, мести ей. Вызванныя убылью физической силы, переживанія коллектива слагались во единое, безсознательное, но необходимое и напряженное желаніе—замѣстить убыль, воскресить отошедшаго, оставить его въ своей средѣ. И на тризнѣ по родномъ человѣкѣ, родъ впервые создавалъ въ своей средѣ личность; ободряя себя и какъ бы угрожая кому-то, онъ, родъ, соединялъ съ этой личностью всю свою ловкость, силу, умъ, и всѣ качества, дѣлавшія единицу и группу болѣе устойчивой, болѣе мощной. Возможно, что каждый членъ рода въ этотъ моментъ вспоминалъ какой-либо свой личный подвигъ, свою удачную мысль, догадку, но, не ощущая свое «я», какъ нѣкое бытіе внѣ коллектива, присоединялъ все содержаніе этого «я», всю энергію его къ образу погибшаго. И вотъ,—надъ родомъ возвышается герой, вмѣстилище всей энергіи племени, уже воплощенной въ дѣяніяхъ, отраженіе всей духовной силы рода. Въ этотъ моментъ должна была создаваться совершенно особенная психическая среда; возникала воля къ творчеству, превращавшая смерть въ жизнь. Всѣ воли, направленныя съ одинаковой силой на воспоминаніе о погибшемъ, дѣлали это воспоминаніе центромъ своего пресѣченія и, можетъ быть, коллективъ даже ощущалъ присутствіе въ своей средѣ героя, только что созданнаго имъ. Мнѣ думается, что на этой стадіи развитія явилось понятіе «онъ», но еще не могло сложиться «я», ибо коллективъ не имѣлъ въ немъ нужды.

Роды объединялись въ племена,—образы героевъ сливались въ образъ племеннаго героя,—и возможно, что двѣнадцать подвиговъ Геркулеса знаменуютъ собой союзъ двѣнадцати родовъ.

Создавъ героя, любуясь и гордясь его мощью и красотой, народъ необходимо долженъ былъ внести его въ среду боговъ,—противопо-

ставить свою организованную энергію многочисленности силъ природы, взаимно враждебныхъ самимъ себѣ и человѣчеству. Споръ человѣка съ богами вызываетъ въ жизни грандіозный образъ Прометея, генія человѣчества, и здѣсь народное творчество гордо возносится на высоту величайшаго символа вѣры, въ этомъ образѣ народъ вскрываетъ свои великія цѣли и сознаніе своего равенства богамъ.

По мѣрѣ размноженія людей, возникаетъ борьба родовъ, рядомъ съ коллективомъ «мы» встаетъ коллективъ «они», и въ борьбѣ между ними возникаетъ «я». Процессъ образованія «я» аналогиченъ процессу образованія эпическаго героя—коллективъ нуждался въ образованіи личности, потому что долженъ былъ раздѣлять въ себѣ функціи борьбы съ «ними» и съ природой, войну и охоту, долженъ былъ вступить на путь спеціализаціи, дѣлить свой опытъ между членами своими,—этотъ моментъ былъ началомъ дробленія цѣлостной энергіи коллектива. Но выдвигая изъ среды своей личность, въ качествѣ вождя или жреца, коллективъ насыщалъ ее всѣмъ своимъ опытомъ точно такъ же, какъ въ образъ героя влагалъ всю массу своей психики. Воспитаніе вождя и жреца должно было имѣть характеръ внушенія, гипноза личности, обреченной на выполненіе руководящей функціи; но, творя личность,—коллективъ не нарушалъ въ себѣ органическаго сознанія единства своихъ силъ,— процессъ разрушенія этого сознанія совершился въ психикѣ индивидуальной. Когда личность, выдѣленная коллективомъ, встала впереди него, въ сторонѣ отъ него и, затѣмъ, надъ нимъ,—первое время она, трудясь, выполняла возложенную на нее функцію, какъ органъ коллектива, но далѣе, развивъ свою ловкость и проявивъ личную инициативу въ тѣхъ или иныхъ новыхъ комбинаціяхъ даннаго ей матеріала коллективнаго опыта, сознала себя, какъ новую творческую силу, независимую отъ духовныхъ силъ коллектива.

Этотъ моментъ является началомъ расцвѣта личности, а это ся новое самосознаніе,—началомъ драмы индивидуализма.

Стоя впереди коллектива, жадно наслаждаясь ощущеніемъ своей силы, видя свое значеніе, личность первое время не могла ощущать пустоты вокругъ себя, ибо психическая энергія родной среды продолжала передаваться ей изъ коллектива. Онъ видѣлъ въ ея ростѣ доказательство своей силы, продолжалъ насыщать своей энергіей еще не враждебное ему «я», искренно любовался блескомъ

ума, обиліемъ способностей вождя и вѣнчалъ его вѣнцами славы. Предъ вождемъ стояли образы эпическихъ героевъ племени, возбуждая его къ равенству съ ними, коллективъ въ лицѣ вождя чувствовалъ возможность создать новаго героя, и эта возможность была жизненно важна ему, ибо слава подвиговъ даннаго племени была въ ту пору столь же крѣпкой обороной отъ врага, какъ мечи и стѣны городовъ.

«Я» вначалѣ не теряло ощущенія своей связи съ коллективомъ, оно чувствовало себя вмѣстилищемъ опыта племени и, организуя этотъ опытъ въ форму идей, ускоряло процессъ накопленія и развитія новыхъ силъ.

Но имѣя въ памяти образы геровъ, вкусивъ сладость власти надъ людьми, личность стала стремиться къ закрѣпленію за собой данныхъ ей правъ. Она могла это дѣлать лишь превращая созданное и смѣняющееся въ незыблемое, выдвинувшія ее формы жизни въ непоколебимый законъ; другихъ путей къ самоутвержденію у нея не было.

Поэтому, мнѣ кажется, что въ области духовнаго творчества личность играла консервативную роль: утверждая и отстаивая свои права, она должна была ставить предѣлы творчеству коллектива, она суживала его задачи и тѣмъ искажала ихъ.

Коллективъ не ищетъ безсмертія, онъ его имѣетъ, личность же, утверждая свою позицію владыки людей, необходимо должна была воспитать въ себѣ жажду вѣчнаго бытія.

Народъ, какъ всегда, стихійно творилъ, побуждаемый стремленіемъ своимъ къ синтезу—къ побѣдѣ надъ природой, личность же, утверждая единобожіе, утверждала свой авторитетъ, свое право на власть.

Когда индивидуализмъ укрѣплялся въ жизни, какъ начало командующее и угнетающее, онъ создалъ безсмертнаго бога, заставилъ массы признать личное «я» богоподобнымъ и самъ увѣровалъ въ творческія силы свои. Далѣе, въ эпоху своего расцвѣта, стремленіе личности къ абсолютной свободѣ, необходимо поставило ее рѣзко противъ ею же установленныхъ традицій и ею же созданнаго образа безсмертнаго бога, который освящалъ эти традиціи. Въ своемъ стремленіи ко власти индивидуализмъ былъ вынужденъ убить безсмертнаго бога, опору свою и оправданіе бытія своего; съ этого момента начинается быстрое крушеніе богоподобнаго, одино-

каго «я», которое безъ опоры на силу внѣ себя неспособно къ творчеству, т. е. къ бытію, ибо бытіе и творчество—едино суть.

Современный намъ индивидуализмъ вновь разнообразно пытается воскресить бога, дабы силою авторитета его снова укрѣпить истощенныя силы «я», одряхлѣвшаго, заплутавшагося въ темномъ лѣсу узко личныхъ интересовъ, навсегда потерявъ дорогу къ источнику живыхъ творческихъ силъ—коллективу.

У племени возникалъ страхъ передъ самовластіемъ личности и враждебное отношеніе къ ней. Бестужевъ-Рюминъ приводитъ слѣдующее свидѣтельство Ибнъ Фоцлана о болгарахъ Волги: «Если они встрѣчаютъ человѣка съ необыкновеннымъ умомъ и глубокимъ познаніемъ вещей, то говорятъ: «ему впору служить Богу», потомъ схватываютъ его, вѣшаютъ на деревѣ и оставляютъ въ такомъ положеніи, доколѣ трупъ не распадется на части. У хозаръ былъ такой порядокъ: выбравъ вождя, ему накидывали петлю на шею и спрашивали сколько времени хочетъ онъ управлять народомъ? Сколько лѣтъ онъ назначитъ, столько и долженъ править, иначе его умерщвляли». Этотъ обычай встрѣчался также у другихъ тюркскихъ племенъ; онъ знаменуетъ собою степень страха племени передъ развитіемъ личнаго начала, все болѣе враждебнаго коллективнымъ цѣлямъ.

Въ легендахъ, сказкахъ и повѣрьяхъ народа мы находимъ безчисленное количество поучительныхъ доказательствъ безсилія личности, насмѣшекъ надъ ея самоувѣренностью, гнѣвныхъ осужденій ея жажды власти и вообще враждебнаго отношенія къ ней; народное творчество пропитано убѣжденіемъ въ томъ, что борьба человѣка съ человѣкомъ ослабляетъ и уничтожаетъ коллективную энергію человѣчества. Во всей этой суровой дидактикѣ опредѣленно сказывается глубоко поэтически сознанное народомъ убѣжденіе въ творческихъ силахъ коллектива и его громкій, порою рѣзкій призывъ къ стройному единенію ради успѣха борьбы противъ темныхъ силъ враждебной людямъ, природы. Если же человѣкъ вступаетъ въ эту борьбу единолично, его подвергаютъ осмѣянію, осуждаютъ на гибель. Разумѣется,—въ этомъ спорѣ, какъ во всякой враждѣ людей, обѣ стороны неизбѣжно преувеличивали грѣхи другъ друга, а преувеличеніе влекло къ еще большей злобѣ и большему разобщенію двухъ творческихъ началъ—первичнаго и производнаго.

По мѣрѣ количественнаго размноженія личностей, онѣ вступали въ борьбу другъ съ другомъ за объемъ власти, за охрану интересовъ все болѣе жаднаго къ славѣ «я», за «свое»; коллективъ дробился, все менѣе питалъ ихъ своей энергіей, психическое единство таяло, и личность блѣднѣла. Ей уже приходилось удерживать занятую позицію противъ воли племени, нужно было все болѣе зорко ограждать свое личное положеніе, имущество, женъ и дѣтей. Задачи самодовлѣющаго бытія индивидуальности становились сложны, требовали огромнаго напряженія: въ борьбѣ за свободу своего «я», личность совершенно оторвалась отъ коллектива и оказалась въ страшной и быстро истощившей ея силы пустотѣ. Началась анархическая борьба личности съ народомъ,—картина, которую рисуетъ намъ всемірная исторія, и которая становится такъ невыносима для совершенно разрушенной, безсильной личности нашихъ дней.

Росла всераздѣляющая частная собственность, обостряя отношенія людей, возникали непримиримыя противорѣчія; человѣкъ долженъ былъ напрягать всѣ силы на самозащиту отъ поглощенія бѣдностью, на охрану личныхъ своихъ интересовъ, постепенно теряя связь съ племенемъ, государствомъ, обществомъ, и даже,—какъ мы это видимъ теперь,—онъ едва выноситъ дисциплину своей партіи, его тяготитъ даже семья.

Каждый знаетъ, какую роль играла частная собственность въ дробленіи коллектива и въ образованіи самодовлѣющаго «я», но въ этомъ процессѣ мы должны видѣть, кромѣ физическаго и духовнаго порабощенія народа, распадъ энергіи народныхъ массъ, постепенное уничтоженіе геніальной, поэтически и стихійно творящей психики коллектива, которая одарила міръ наивысшими образами художественнаго творчества.

Сказано, что «рабы не имѣютъ исторіи», и хотя это сказано господами, здѣсь, однако, есть доля правды. Народъ, въ которомъ и церковь, и государство съ одинаковымъ усердіемъ умерщвляли душу, стараясь обратить его въ покорную ихъ волѣ физическую силу, народъ былъ лишенъ и права, и возможности создавать свои догадки о смыслѣ жизни, отражать въ образахъ и легендахъ свои чаянія, мысль свою и надежды.

Но, хотя духовно скованный, онъ не могъ подняться до прежнихъ высотъ поэтическаго творчества, онъ все же продолжалъ жить своей глубокой внутренней жизнью, создалъ и создаетъ

тысячи сказокъ, пѣсенъ, пословицъ, иногда восходя до такихъ образовъ, какъ Фаустъ и т. д. Создавая эту легенду, народъ, какъ бы хотѣлъ отмѣтить духовное безсиліе личности, уже явно и давно враждебной ему, осмѣять ея жажду наслажденій и попытки познать непознаваемое для нея. Лучшія произведенія великихъ поэтовъ всѣхъ странъ почерпнуты изъ сокровищницы коллективнаго творчества народа, гдѣ уже издревлѣ даны всѣ поэтическія обобщенія, всѣ прославленные образы и типы.

Ревнивецъ Отелло, лишенный воли Гамлетъ и распутный Донъ-Жуанъ, всѣ эти типы созданы народомъ прежде Шекспира и Байрона, испанцы пѣли въ своихъ пѣсняхъ «жизнь—есть сонъ» раньше Кальдерона, а магометане-мавры говорили это раньше испанцевъ, рыцарство было осмѣяно въ народныхъ сказкахъ раньше Сервантеса и такъ же зло, и такъ же грустно, какъ у него.

Мильтонъ и Данте, Мицкевичъ, Гете и Шиллеръ возносились всего выше тогда, когда ихъ окрыляло творчество коллектива, когда они черпали вдохновеніе изъ источника народной поэзіи, безмѣрно глубокой, неисчислимо разнообразной, сильной и мудрой.

Я отнюдь не умаляю этимъ права названныхъ поэтовъ на всемірную славу и не хочу умалять; я утверждаю, что лучшіе образы индивидуальнаго творчества даютъ намъ великолѣпно ограненныя драгоцѣнности, но эти драгоцѣнности были созданы коллективною силою народныхъ массъ. Искусство—во власти индивидуума, къ творчеству способенъ только коллективъ.

Сама по себѣ, внѣ связи съ коллективомъ, внѣ круга какой-либо широкой, объединяющей людей, идеи—индивидуальность инертна, консервативна и враждебна развитію жизни.

Посмотрите съ этой точки зрѣнія исторію культуры, слѣдя за ролью индивидуализма въ эпохи застоя жизни, изучая типы его въ эпохи активныя, какъ, напримѣръ, Возрожденія и Реформаціи, вы увидите въ первомъ случаѣ явный консерватизмъ индивидуальности, ея склонность къ пессимизму, квіетизму и другимъ формамъ нигилистическаго отношенія къ міру. Въ такіе моменты, когда народъ, какъ всегда, непрерывно кристаллизуетъ свой опытъ, личность, отходя отъ него, игнорируя его жизнь, какъ бы утрачиваетъ смыслъ своего бытія и, безсильная, позорно влачитъ дни свои въ грязи и пошлости будней отказываясь отъ своей великой творческой задачи—организаціи коллективнаго опыта въ форму идей,

гипотезъ, теоріи. Во второмъ случаѣ, васъ поражаетъ быстрый ростъ духовной мощи личности,—явленіе, которое можно объяснить лишь тѣмъ, что въ эти эпохи соціальныхъ бурь личность становится точкой концентраціи тысячъ воль, избравшихъ ее органомъ своимъ, и встаетъ предъ нами въ дивномъ свѣтѣ красоты и силы, въ яркомъ пламени желаній своего народа, класса, партіи.

Въ данномъ случаѣ безразлично, кто эта личность—Вольтеръ или протопопъ Аввакумъ, Гейне или Фра-Дольчино, и не важно, какая сила движетъ ими—ротюра или раскольники, нѣмецкая демократія или крестьянство,—важно, что всѣ герои являются передъ нами, какъ носители коллективной энергіи, какъ выразители массовыхъ желаній. Мицкевичъ и Красинскій явились во дни, когда ихъ родной народъ былъ цинично разорванъ на трое физически, но еще съ большей энергіей, чѣмъ когда-либо раньше, чувствовалъ себя цѣльнымъ духовно. И всегда и всюду на протяженіи исторіи – человѣка создавалъ народъ.

Особенно яркимъ доказательствомъ даннаго положенія служитъ жизнь итальянскихъ республикъ и коммунъ, въ tre и quatrocento, когда творчество итальянскаго народа глубоко коснулось всѣхъ сторонъ духа, охватило пламенемъ своимъ всю широту строительства жизни, создало столь великое искусство, вызвавъ къ жизни изумительное количество великихъ мастеровъ слова, кисти и рѣзца.

Величіе и красота искусства прерафаэлитовъ объясняется физической и духовной близостью артиста съ народомъ; художники нашихъ дней легко могли бы убѣдиться въ этомъ, попробовавъ итти путями Гирландайо, Донателло, Брунелески и всѣхъ дѣтей этой эпохи, въ которой творчество въ напряженности своей граничало съ безуміемъ, было подобно маніи, и артистъ былъ любимцемъ народной массы, а не лакеемъ мецената. Вотъ, какъ писалъ въ 1298 г. народъ Флоренціи, поручая Арнольфо ди-Лапо построить церковь: «Ты воздвигнешь такое сооруженіе, грандіознѣе и прекраснѣе котораго не могло бы представить себѣ искуство человѣческое, ты долженъ создать его такимъ, чтобы оно соотвѣтствовало сердцу, которое сдѣлалось чрезвычайно великимъ, соединивъ въ себѣ души гражданъ, сплоченныхъ въ одну волю».

«Когда Чимабуэ окончилъ свою мадонну,—разсказываетъ Монье,—въ его кварталѣ была такая радость, такой взрывъ восторга, что кварталъ Чимабуэ получилъ, съ того дня, названіе

«Borgo Allegro». Исторія Возрожденія переполнена фактами, которыя утверждаютъ, что въ эту эпоху искусство было дѣломъ народа и существовало для народа, что именно народъ воспиталъ его, насытилъ сокомъ своихъ нервовъ и вложилъ въ него свою безсмертную, великую, дѣтски-наивную душу. Это неоспоримо вытекаетъ изъ показаній всѣхъ историковъ эпохи, даже антидемократъ Монье, заканчивая свою книгу, говоритъ.

«Quattrocento показало все, что человѣкъ въ состояніи сдѣлать. Оно показало, кромѣ того,—и этимъ оно даетъ намъ урокъ—что человѣкъ, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, отнятый отъ цѣлаго, опираясь только на самого себя и живя только для себя одного, не можетъ совершить всего».

«Искусство и народъ процвѣтаютъ и возвышаются вмѣстѣ, такъ полагаю я, Гансъ Саксъ!»

Мы видимъ, какъ ничтожны «совершенія» человѣка нашихъ дней, мы видимъ горестную пустоту его души, и это должно заставить насъ подумать о томъ чѣмъ грозитъ намъ будущее, посмотрѣть, чему поучаетъ прошлое, открыть причины, ведущія личность къ неизбѣжной гибели.

Съ теченіемъ времени жизнь принимаетъ все болѣе жесткій и тревожный характеръ борьбы каждаго со всѣми, въ этомъ непрерывномъ кипѣніи вражды должны бы развиться боевыя способности «я», вынужденнаго неустанно отражать напоръ себѣ подобныхъ, и если индивидуальность вообще способна къ творчеству, то именно этотъ бой всѣхъ со всѣми даетъ наилучшія условія для того, чтобы «я» показало міру всю силу своего духа, всю глубину поэтическаго дара. Однако, индивидуальное творчество само не создало пока ни Прометеевъ, ни даже Вильгельма Телля, и ни одного поэтическаго образа, который можно было бы сравнить по красотѣ и силѣ съ Гераклами сѣдой древности.

Было создано множество Манфредовъ, и каждый изъ нихъ разными словами говорилъ объ одномъ—о загадкѣ жизни личной, о мучительномъ одиночествѣ человѣка на землѣ, возвышаясь порою до скорби о печальномъ одиночествѣ земли во вселенной, что звучало весьма жалостно, но не очень геніально. Манфредъ—это выродившійся Прометей XIX вѣка, это красиво написанный портретъ мѣщанина индивидуалиста, который навсегда лишенъ способности ощущать въ мірѣ, что-либо иное, кромѣ себя и смерти предъ собою. Если онъ иногда говоритъ о страданіяхъ всего міра, то онъ не вспо-

минаетъ о стремленіи міра уничтожить страданія, если же вспоминаетъ объ этомъ, то лишь для того, чтобы заявить: страданіе непобѣдимо. Непобѣдимо,—ибо опустошенная одиночествомъ душа слѣпа, она не видитъ стихійной активности коллектива, и мысль о побѣдѣ не существуетъ для нея. Для «я» осталось одно наслажденіе —говорить и пѣть о своей болѣзни, о своемъ умираніи и, начиная съ Манфреда, оно поетъ панихиду самому себѣ и подобнымъ ему одинокимъ, маленькимъ, людямъ.

Поэзіи этого тона присвоено имя «поэзіи міровой скорби»: разсматривая ея смыслъ, мы найдемъ, что «міръ» привлеченъ сюда въ качествѣ прикрытія, за которымъ прячется непомнящее родства, голое человѣческое «я», прячется, дрожитъ отъ страха смерти и совершенно искренно кричитъ о безсмысленности индивидуальнаго существованія. Отождествляя себя съ живымъ великимъ міромъ, индивидуальность переноситъ ощущеніе утраты смысла своего бытія на весь міръ, говоритъ о гордости своимъ одиночествомъ и надоѣдаетъ людямъ, какъ комаръ, требуя ихъ вниманія къ стонамъ своей жалкой души.

Эта поэзія иногда сильна, но,—какъ искренній вопль отчаянія; она, можетъ быть, красива, но,—какъ проказа въ изображеніи Флобера, она вполнѣ естественна, какъ логическое завершеніе роста личности, которая умертвила въ своей груди источникъ бодрости и творчества—чувство органической связи съ народомъ.

Рядомъ съ этимъ процессомъ агоніи индивидуализма, желѣзныя руки капитала, помимо воли своей, снова создаютъ коллективъ, сжимая пролетаріатъ въ цѣлостную психическую силу. Постепенно, съ быстротой, все возрастающей, эта сила начинаетъ сознавать себя, какъ единственно призванную къ свободному творчеству жизни, какъ великую коллективную душу міра.

Возникновеніе этой энергіи кажется глазамъ индивидуалистовъ темною тучею на горизонтѣ, оно ихъ страшитъ, быть можетъ, съ тою же силой, какъ смерть физическая, ибо въ немъ скрыта для нихъ необходимость соціальной смерти. Каждый изъ нихъ считаетъ свое «я», несмотря на очевидную въ наши дни импотентность сего феномена, заслуживающимъ особеннаго вниманія, высокой оцѣнки, но пролетаріатъ, идущій обновить жизнь міра, не хочетъ подать симъ «аристократамъ духа» милостыню вниманія своего; они это знаютъ и потому искренно ненавидятъ его.

Нѣкоторые изъ нихъ, будучи хитрѣе и понимая великое значеніе грядущаго, желали бы встать въ ряды соціалистовъ, какъ законодатели, пророки, командиры, но пролетаріатъ долженъ понять, и неминуемо поймете, что эта готовность мѣщанъ итти въ ногу съ нимъ, скрываетъ подъ собою все то же стремленіе мѣщанина къ «самоутвержденію своей личности».

Духовно обнищавшая, заплутавшаяся во тьмѣ противорѣчій, всегда смѣшная и жалкая въ своихъ попыткахъ найти уютный уголокъ и спрятаться въ немъ, личность неуклонно продолжаетъ дробиться и становится все болѣе ничтожной психически. Чувствуя это, охваченная отчаяніемъ, сознавая его или скрывая отъ себя самой, она мечется изъ угла въ уголъ, ищетъ спасенія, погружается въ метафизику, бросается въ развратъ, ищетъ Бога, готова увѣровать въ дьявола,—и во всѣхъ ея исканіяхъ, во всей суетѣ ея ясно видно предчувствіе близкой гибели, ужасъ передъ неизбѣжнымъ будущимъ, которое если и не сознается, то—ощущается ею болѣе или менѣе остро. Основное настроеніе современнаго индивидуалиста—тревожная тоска; онъ растерялся, напрягаетъ всѣ силы свои, чтобы, какъ-нибудь прицѣпиться къ жизни, и нѣтъ силъ, осталась только хитрость, названная кѣмъ-то умомъ глупцовъ. Внутренно оборванный, потертый, раздерганный, онъ то дружелюбно подмигиваетъ соціализму, то льститъ капиталу, а предчувствіе близкой соціальной гибели еще быстрѣе разрушаетъ крохотное, рахитичное «я». Его отчаяніе все чаще переходитъ въ цинизмъ: индивидуалистъ начинаетъ истерически отрицать и сжигать то, чему онъ вчера поклонялся и на высотѣ своихъ отрицаній неизбѣжно доходитъ до того состоянія психики, которое граничитъ съ хулиганствомъ. Понятіе хулиганство я употребляю не изъ желанія обидѣть уже обиженныхъ и унизить униженныхъ,—тяжелѣе и горше, чѣмъ могъ бы я, это дѣлаетъ жизнь,—нѣтъ, хулиганство просто результатъ психофизическаго вырожденія личности, неоспоримое доказательство крайней степени ея разложенія. Вѣроятно, это—хроническая болѣзнь коры большого мозга, вызванная недостаткомъ соціальнаго питанія, болѣзнь воспринимающаго аппарата, который становится все болѣе тупымъ, вялымъ и, все менѣе чутко воспринимая впечатлѣнія бытія, вызываетъ, такъ сказать, общую анестезію интеллекта.

Хулиганъ—существо, лишенное соціальныхъ чувствъ, онъ не ощущаетъ никакой связи съ міромъ, не сознаетъ вокругъ себя присутствія какихъ-либо цѣнностей, и даже постепенно утрачиваетъ

инстинктъ самосохраненія—теряетъ сознаніе цѣнности личной своей жизни Онъ неспособенъ къ связному мышленію, съ трудомъ ассоціируетъ идеи, мысль вспыхиваетъ въ немъ искрами и, едва освѣтивъ призрачнымъ, больнымъ сіяніемъ какой-либо ничтожный кусочекъ внѣшняго міра, безплодно угасаетъ. Впечатлительность его болѣзненно повышена, но поле зрѣнія узко, и способность къ синтезу ничтожна; вѣроятно, этимъ и объясняется характерная парадоксальность его мысли, склонность къ софизмамъ «Не время создаетъ человѣка, но человѣкъ время», говоритъ онъ, самъ себѣ не вѣря. «Важны не красивыя дѣйствія, но красивыя слова», утверждаетъ онъ далѣе, подчеркивая этимъ ощущеніе своего безсилія. Онъ обнаруживаетъ склонность къ быстрымъ перемѣнамъ своихъ теоретическихъ и соціальныхъ позицій, что еще разъ указываетъ на зыбкость и шаткость его разрушенной психики. Это личность, не только разрушенная, но еще и хронически раздвоенная,—сознательное и инстинктивное почти никогда не сливаются у нея въ одно «я» Ничтожное количество его личнаго опыта и слабость организаторскихъ способностей разума вызываютъ въ этомъ существѣ преобладаніе опыта унаслѣдованнаго, и оно находится въ непрерывной, но вялой, безрезультатной борьбѣ съ тѣнью своего дѣда. Его, какъ Эриніи, окружаютъ темные и мстительные призраки прошлаго, держатъ въ плѣну истерической возбудимости и вызываютъ изъ глубины инстинкта атавистическія склонности животнаго. Его чувственная сфера расшатана, тупа, она настойчиво требуетъ острыхъ и сильныхъ раздраженій,—отсюда склонность хулигана къ половой извращенности, къ сладострастію, къ садизму. Ощущая свое безсиліе, это существо, по мѣрѣ того, какъ жизнь повышаетъ свои запросы къ нему,—вынуждено все болѣе рѣзко отрицать ея запросы, сткуда и вытекаетъ соціальный аморализмъ, нигилизмъ и озлобленіе, типичное для хулигана.

Этотъ человѣкъ всю жизнь колеблется на границѣ безумія и соціально онъ болѣе вреденъ, чѣмъ бациллы заразныхъ болѣзней, ибо, представляя собой психически заразное начало, неустранимъ тѣми пріемами борьбы, какими мы уничтожаемъ враждебные намъ микроорганизмы.

Основной импульсъ его безсвязнаго мышленія, странныхъ и часто отвратительныхъ дѣяній—вражда къ міру и людямъ, инстинтивная, но безсильная вражда и тоска больного; онъ плохо видитъ, плохо слышитъ и потому плетется, шатаясь, далеко сзади жизни,

гдѣ-то въ сторонѣ отъ нея, безъ дороги и безъ силъ найти дорогу. Онъ кричитъ тамъ, но крики его звучатъ слабо, фразы разорваны, слова тусклы, и никто не понимаетъ его вопля, вокругъ него только свои, такіе же безсильные и полубезумные, какъ онъ, и они не могутъ, не умѣютъ, не хотятъ помочь. Но всѣ они злобно, какъ самъ онъ, плюютъ во слѣдъ ушедшимъ впередъ, клевещутъ на то, чего понять не могутъ, смѣются надъ тѣмъ, что имъ враждебно, а имъ враждебно все, что активно, все, что проникнуто духомъ творчества, украшаетъ землю славой подвиговъ своихъ и горитъ въ огнѣ вѣры въ будущее: «огнь же есть божество, попаляяй страсти тлѣнныя, просвѣщая душу чистую», какъ сказано въ стихѣ Софіи-Премудрости.

II.

Надо ждать, что въ близкомъ будущемъ кто-то, мужественный и честный, напишетъ грустную книгу «Разрушеніе личности» и въ этой книгѣ ярко покажетъ намъ неуклонный процессъ духовнаго обѣдненія человѣка, неустранимое сжиманіе «я».

Въ процессѣ этомъ рѣшительную роль игралъ XIX-ый вѣкъ,—онъ былъ экзаменомъ психической устойчивости всемірнаго мѣщанства и обнаружилъ его ничтожныя способности къ творчеству жизни.

Развитіе техники? Конечно,—да, это огромная работа. Но о техникѣ можно сказать, что она «сама себѣ довлѣетъ», ибо она есть опять-таки—результатъ творчества не личнаго, а коллективнаго,—она развивается и ростетъ на фабрикѣ, среди рабочихъ, въ кабинетахъ же, только обобщаютъ, организуютъ новыя данныя, добытыя коллективомъ,—опытъ массъ, не имѣющихъ времени для самостоятельнаго синтеза своихъ наблюденій и знаній и принужденныхъ отдавать все богатство опыта своего въ чужія руки. Открытія въ области естествознанія, подводя итоги росту техники, тоже лишь формально являются дѣломъ личности. Посмотрите, насколько явно коллективный характеръ носятъ открытія послѣдняго времени въ области строенія матеріи! И несмотря на упорное стремленіе индивидуализма комбинировать данныя естественныхъ наукъ антидемократически, естествознаніе не подчиняется этимъ усиліямъ исказить его коллективно созданное содержа-

ніе,—оно все болѣе опредѣленно слагается монистически, постепенно становясь глубокимъ и мощнымъ фундаментомъ соціализма, —фактъ, объясняющій крутой поворотъ буржуазіи отъ естествознанія снова къ метафизикѣ.

Командующіе классы всегда стремились къ монополіи знанія, и всячески прятали его отъ народа, показывая ему кристаллизованную мысль, только какъ орудіе укрѣпленія своей власти надъ нимъ. XIX-ый вѣкъ разоблачилъ эту пагубную политику, обнаруживъ въ Европѣ недостатокъ интеллектуальной энергіи; буржуазія сдѣлала слишкомъ большую работу по развитію промышленности и торговли, она, очевидно, вложила въ нее весь свой запасъ духовныхъ силъ и,—ясно, что нынѣ она психически надорвалась.

Народъ не пріобщали къ наукѣ,—что необходимо для общаго успѣха борьбы за жизнь,—боясь, что онъ, вооруженный знаніемъ, откажется работать; не заботились увеличить количество духовной энергіи, и недостатокъ количества привелъ мѣщанъ къ быстрому пониженію качества творческихъ силъ.

Жизнь становилась все сложнѣе и строже, техника, съ каждымъ десятилѣтіемъ все ускоряла—и ускоряетъ, и будетъ ускорять—ея ходъ. Отъ личности, которая хочетъ занимать командующую позицію,—каждый новый дѣловой день и годъ требуютъ все большаго напряженія силъ. Еще въ началѣ прошлаго вѣка мѣщанинъ, только что освободившійся изъ тяжелыхъ путъ дворянскаго государства, былъ достаточно свѣжъ, силенъ и хорошо вооруженъ, чтобы бороться за свой счетъ,—условія производства и торговли не превышали единоличныхъ силъ. Но, по мѣрѣ роста техники, конкурренціи и жадности буржуа, по мѣрѣ развитія въ мѣщанинѣ сознанія своего главенства и стремленія навѣки укрѣпить за собою эту позицію золотомъ и штыкомъ, по мѣрѣ неизбѣжнаго обостренія анархіи производства, увеличивающей трудности разрѣшенія этихъ задачъ,—ростетъ и несоотвѣтствіе индивидуальныхъ силъ съ запросами дѣла. Бѣшеная работа нервовъ вызываетъ истощеніе, односторонне упражняемое мышленіе дѣлаетъ человѣка уродомъ, создается психика крайне неустойчивая; мы видимъ, какъ ростетъ среди буржуазіи неврастенія, преступность и наблюдаемъ типичныхъ вырожденцевъ уже въ третьихъ поколѣніяхъ буржуазныхъ семей. Замѣчено, что процессъ дегенераціи наиболѣе успѣшно развивается среди буржуазныхъ семей Россіи и Америки.—Эти исторически молодыя страны, наиболѣе быстраго капиталистиче-

скаго развитія, даютъ огромный процентъ психическихъ заболѣваній среди финансовой и промышленной буржуазіи. Здѣсь, очевидно, сказывается недостатокъ исторической тренировки: люди оказываются слишкомъ слабосильными предъ капиталомъ, который, явясь къ нимъ во всеоружіи, поработилъ ихъ и быстро исчерпываетъ недостаточно гибко развитую энергію. Спеціализуясь, человѣкъ необходимо ограничиваетъ ростъ своего духа, но спеціальность неизбѣжна для мѣщанина, онъ долженъ неустанно ткать свою однообразную паутину, если хочетъ жить. Анархія жизни—вотъ признанный и неоспоримый результатъ мѣщанскаго творчества, и именно этой анархіи мы обязаны все острѣе ощущаемой убылью души.

Быстро истощая небольшой запасъ интеллектуальныхъ силъ мѣщанства, капиталъ организуетъ рабочія массы, и въ лицѣ ихъ ставитъ предъ мѣщаниномъ новую враждебную силу—соціалистическую партію; этотъ врагъ болѣе настойчиво, чѣмъ всѣ иныя причины, понуждаетъ капиталиста чувствовать силу коллектива, внушая ему новую тактику борьбы,—локауты и трѣсты.

Но капиталистическія организаціи необходимо съуживаютъ личность; подчиняя ея индивидуалистическія стремленія своимъ цѣлямъ, подавляя иниціативу, они развиваютъ въ личной психикѣ пассивность.

Милліонеръ Гульдъ мѣтко опредѣлилъ трѣстъ, какъ группу непримиримыхъ враговъ, которые собрались въ одной тѣсной комнатѣ, ярко освѣтили ее, держатъ другъ друга за руки и только поэтому не убиваютъ одинъ другого. Но каждый изъ нихъ зорко ждетъ момента, когда можно будетъ напасть врасплохъ на временнаго и невольнаго союзника, обезоружить, уничтожить его и каждому—другъ, рядомъ съ нимъ, кажется, опаснѣе врага за стѣною. Въ такой организаціи враговъ силы личности не могутъ развиваться, ибо, несмотря на внѣшнее единство интересовъ, внутренне здѣсь каждый—самъ по себѣ и самъ для себя. Организація рабочихъ ставитъ своей цѣлью борьбу и побѣду; она внутренно спаяна единствомъ опыта, который постепенно и все опредѣленнѣе сознается ею, какъ великая, монистическая идея соціализма. Здѣсь, подъ вліяніемъ организующей силы коллективнаго творчества идей, психика личности строится своеобразно,—гармонично· существуетъ непрерывный обмѣнъ интеллектуальныхъ энергій, и среда не стѣсняетъ роста личности, но заинтересована

въ свободѣ его, ибо каждая личность, воплотившая въ себѣ наибольшее количество энергіи коллектива, становится проводникомъ его вѣры, пропагандистомъ цѣлей, и увеличиваетъ его мощь, привлекая къ нему новыхъ членовъ. Организація капиталистовъ психически строится по типу «толпы»: это группа личностей, временно и непрочно связанныхъ единствомъ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ интересовъ, а порою единствомъ настроенія,—тревогой, вызванной ощущеніемъ опасности, жадностью, увлекающею на грабежъ. Здѣсь нѣтъ творческой, т. е. соціальной связующей идеи, и не можетъ быть длительнаго единства энергіи,—каждый субъектъ является носителемъ грубо и рѣзко очерченнаго самодовлѣющаго «я»; и нужно много сильныхъ давленій и могучихъ толчковъ извнѣ, чтобы углы каждаго «я» сгладились, и люди могли сложиться въ цѣлое, болѣе или менѣе стройное и прочное Здѣсь каждый является вмѣстилищемъ нѣкоего мелкаго своеобразія, каждый цѣнитъ себя, какъ нѣчто совершенное, чему не суждено повториться и, принимая свое духовное уродство, свою ограниченность за красоту и силу,—каждый напряженно подчеркиваетъ себя и отъединяетъ отъ другихъ. Въ такой анархической средѣ уже нѣтъ мѣста и нѣтъ условій для развитія цѣннаго и цѣлостнаго «я», въ ней не можетъ гармонично развиваться и свободно расти всеобъемлющая личность, неразрывно связанная со своимъ колективомъ, непрерывно насыщаемая его энергіей и гармонично организующая его живой опытъ въ формы идей и символовъ.

Внутри такой среды идетъ хаотическій процессъ всеобщаго пожиранія: человѣкъ человѣку врагъ, каждый рядовой грязной битвы за сытость сражается въ одиночку, поминутно оглядываясь въ опасеніи, чтобы тотъ, кто стоитъ рядомъ, не схватилъ за горло. Въ этомъ хаосѣ однообразной и злой борьбы лучшія силы интеллекта, какъ уже сказано, уходятъ на самозащиту отъ человѣка, творчество духа цѣликомъ расходуется на устройство маленькихъ хитростей самообороны, и продуктъ человѣческаго опыта, именуемый «я», становится темной клѣткой, въ коей бьется нѣкое маленькое желаніе, не допуская дальнѣйшаго расширенія опыта, ограничивая его тѣсными и крѣпкими стѣнками этой клѣтки. Что нужно человѣку, кромѣ сытости? Въ погонѣ за нею онъ вывихнулъ себѣ мозгъ, разбился и стонетъ, и кричитъ въ агоніи.

Личныя мелкія задачи каждаго «я» заслоняютъ сознаніе общей опасности. Обезсилѣвшее мѣщанство уже не способно выдвигать

изъ своей среды достаточно энергичныхъ выразителей его желаній, защитниковъ его власти, какъ въ свое время выдвинуло Вольтера противъ феодаловъ, Наполеона противъ народа.

Обнищаніе мѣщанской души доказывается тѣмъ, что идеологическія попытки мѣщанъ, ранѣе имѣвшія цѣлью укрѣпить данный строй, нынѣ сводятся къ попыткамъ оправдать его, становясь все хуже и бездарнѣе. Уже давно ощущается нужда въ новомъ Кантѣ —его все нѣтъ, а Ницше—непріемлемъ, ибо онъ требуетъ отъ мѣщанина активности. Единственнымъ орудіемъ самозащиты мѣщанства является цинизмъ; онъ—страненъ, но знаменуетъ собою отчаяніе и безнадежность.

Но, скажутъ, несмотря на слабость матеріала, капиталистическое общество держится крѣпко? Держится тяжестью своей, по инерціи и при помощи такихъ контрфорсовъ, замедляющихъ его тяготѣніе къ распаду, каковы—полиція, армія, церковь и система школьнаго преподаванія. Держится потому, что еще не испытало стройнаго напора враждебныхъ ему силъ, достаточно организованныхъ для разрушенія этой огромной пирамиды грязи, лжи и злобы, и всяческаго несчастія. Держится, но... разлагается, отравляемое выработанными имъ ядами, изъ нихъ же первый—нигилистическій, все,—кромѣ «личности» и «самости»,—съ отчаяніемъ отрицающій индивидуализмъ.

Но обѣднѣніе личности еще болѣе замѣтно, если мы взглянемъ на ея портреты въ литературѣ.

До 48 г. командующую роль въ жизни играли Домби и Гранде, фанатики стяжанія, люди крѣпкіе и прямые, какъ желѣзные рычаги. Въ концѣ XIX-го вѣка ихъ смѣняютъ не менѣе жадные, но несравненно болѣе нервные и шаткіе Саккаръ и герой пьесы Мирбо «Les affaires sont les affaires».

Сравнивая каждый изъ этихъ типовъ, какъ потокъ воли, направленной къ достиженію извѣстныхъ цѣлей, мы увидимъ, что чѣмъ глубже въ прошлое, тѣмъ болѣе крѣпко концентрирована и активна воля, тѣмъ строже и опредѣленнѣе очерчены цѣли личности, и ярче сознательность ея дѣйствій. А чѣмъ ближе къ намъ, тѣмъ менѣе упорна энергія Саккаровъ, тѣмъ скорѣе изнашивается ихъ нервная система, все болѣе тусклы характеры и быстрѣе наступаетъ утомленіе жизнью. Въ каждомъ изъ нихъ замѣтна драма двойственности, столь погубная для человѣка дѣла. Гибнутъ Саккары гораздо болѣе быстро, чѣмъ гибли ихъ предки. Домби погу-

билъ Диккенсъ для торжества морали, для доказательства необходимости умѣрить эгоизмъ, Саккары и Рошеты гибнутъ не по волѣ Золя,—ихъ обезсиливаетъ и уничтожаетъ безпощадная логика жизни.

Переходя отъ литературы къ «живому дѣлу», снова сошлюсь на стараго Гульда: умирая, онъ сказалъ: «Если бы я неправильно и незаконно нажилъ мои милліоны, ихъ давно отняли бы у меня». Здѣсь звучитъ вѣра сильнаго въ силу, какъ законъ жизни. Нашъ современникъ, мистеръ Д. Рокфеллеръ, уже считаетъ необходимымъ жалобно и жалко оправдываться предъ всѣмъ міромъ въ неизмѣримомъ своемъ богатствѣ, онъ доказываетъ, что обворовалъ людей ради ихъ же счастья. Развѣ это не ярко рисуетъ пониженіе типа?

Далѣе, въ лицѣ героя «Rouge et noir», передъ нами человѣкъ сильной воли, грубый, ограниченный мѣщанинъ побѣдитель. Но уже на слѣдующемъ планѣ ближе къ намъ стоитъ Растиньякъ Бальзака; жадный, слабовольный, онъ изнашивается позорно быстро и погибаетъ, вышвырнутый за двери жизни, хотя среда сопротивлялась его желаніямъ не такъ упорно, какъ она сопротивлялась герою Стендаля. Люсьенъ, еще менѣе устойчивъ, чѣмъ Растиньякъ, но вотъ Люсьена смѣняетъ «Bel ami», прототипъ современныхъ государственныхъ людей Франціи. «Bel ami» побѣдилъ, онъ у власти. Но до какой же степени упала способность мѣщанъ къ самозащитѣ, если они вручаютъ судьбы свои въ руки столь ненадежныхъ людей!

Когда, опираясь на силу народа, мѣщанство побѣдило феодаловъ, а народъ немедленно и настойчиво потребовалъ отъ побѣдителей удовлетворенія своихъ реальныхъ нуждъ, мѣщанство испугалось, видя предъ собою новаго врага,—старая сказка, вѣчно и все чаще обновляемая мѣщаниномъ. Испугавшись, мѣщанинъ круто повернулъ отъ идей свободы къ идеѣ авторитета и отдалъ себя сначала Наполеону, затѣмъ, Бурбонамъ. Но внѣшнее сліяніе, внѣшняя охрана не могли остановить процессъ внутренняго развала.

Строй взглядовъ мѣщанина, его опытъ, обработанный Монтескье, Вольтеромъ, энциклопедистами, имѣлъ въ самомъ себѣ нѣчто дисгармоничное и опасное—разумъ, который говорилъ, что всѣ люди равны, и опираясь на силу коего, народныя массы снова, уже въ болѣе настойчивой формѣ могли предъявить требованіе

полнаго политическаго равенства съ мѣщаниномъ, а затѣмъ приняться за осуществленіе равенства экономическаго.

Такимъ образомъ, разумъ рѣзко противорѣчитъ интересамъ мѣщанства, и оно медля принялось изгонять врага, ставя на его мѣсто вѣру, которая всегда успѣшнѣе поддерживаетъ авторитетъ. Стали доказывать общую неразумность міропорядка,—это хорошо отвлекаетъ отъ мышленія о неразумности порядка соціальнаго. Мѣщанинъ ставилъ себя въ центръ космоса, на вершину жизни, и съ этой высоты осудилъ и проклялъ вселенную, землю, а главнымъ образомъ,—мысль, предъ которой онъ еще недавно идолопоклонствовалъ, какъ всегда, замѣняя непрерывное изслѣдованіе мертвымъ догматизмомъ.

Въ рѣчахъ Байрона звучалъ протестъ старой аристократической культуры духа, пламенный протестъ сильной личности противъ мѣщанскаго безличія, противъ побѣдителя, сѣраго человѣка золотой середины, который, зачеркнувъ кровавой, жадной лапой 93, хотѣлъ возстановить 89, но противъ воли своей вызвалъ къ жизни 48. Уже въ 20-хъ годахъ столѣтія «міровая скорбь» Байрона превращается у мѣщанъ въ то состояніе психики, которое Петрарка называлъ «Acedia»—кислота,—и которое Фойгтъ опредѣляетъ, какъ «вялое умственное равнодушіе». Нашъ талантливый и умный Шаховъ, можетъ быть, нѣсколько упрощенно говоритъ объ этомъ времени: «Пессимизмъ 20-хъ годовъ сдѣлался модой; скорбѣлъ всякій дуракъ, желавшій обратить на себя вниманіе общества».

Мнѣ кажется, что у «дурака» были вполнѣ серьезныя причины для скорби,—онъ не могъ не чувствовать, какъ неизбѣжно новыя условія жизни, ограничивая развитіе его духовныхъ силъ, направляя ихъ въ тѣсное русло, все болѣе растущаго торгашества,—какъ эти условія, дѣйствительно дурманятъ, одурачиваютъ, унижаютъ его.

Ролла Мюссе еще кровный братъ Манфреда, но «сынъ вѣка», уже явно и глубоко пораженъ «Acedia», Рэнэ Шатобріана могъ убѣжать отъ жизни, «сыну вѣка» некуда бѣжать,— кромѣ путей, указанныхъ мѣщанствомъ, иныхъ путей нѣтъ для его силъ.

Мы видимъ, что «Исповѣдь сына вѣка» безчисленно и однообразно повторяется въ цѣломъ рядѣ книгъ, и каждый новый характеръ этого ряда становится все бѣднѣе духовной красотой и мыслью, все болѣе растрепанъ, оборванъ и жалокъ. Грелу Бурже

—дерзокъ, въ его подлости есть логика, но онъ именно «ученикъ»: герой Мюссе мыслилъ шире, красивѣе, энергичнѣе, чѣмъ Грелу. Человѣкъ «безъ догмата» у Сенкевича еще слабѣе силами, еще одностороннѣе Грелу, но какъ выигрываетъ Леонъ Плошовскій, будучи сопоставленъ съ Фалькомъ, этой небольшой библіотекой модныхъ, наскоро и невнимательно прочитанныхъ книгъ!

Нынѣ эта линія духовно нищихъ людей обидно и позорно завершается Санинымъ Арцыбашева. Надо помнить, что Санинъ является уже не первой попыткой мѣщанской идеологіи указать тропу ко спасенію неуклонно разрушающейся личности, и до книги Арцыбашева не однажды было рекомендовано человѣку внутренно упростить себя путемъ превращенія въ животное.

Но никогда эти попытки не возбуждали въ культурномъ обществѣ мѣщанъ столько живого интереса, и это, — несомнѣнно искреннее—увлеченіе Санинымъ неоспоримый признакъ интеллектуальнаго банкротства нашихъ дней.

Защищая свою позицію въ жизни, индивидуалистъ мѣщанинъ оправдываетъ свою борьбу противъ народа обязанностью защищать культуру, обязанностью, якобы возложенною на мѣщанство исторіей міра

Позволительно спросить: гдѣ же культура, о близкой гибели которой подъ ногами новыхъ гунновъ все болѣе часто и громко плачетъ мѣщанство? Какъ отражается въ душѣ современнаго «героя» мѣщанъ всемірная работа человѣческаго духа, «наслѣдство вѣковъ»?

Пора мѣщанству признать, что это «наслѣдство вѣковъ» хранится внѣ его психики: оно въ музеяхъ, въ библіотекахъ, но—его нѣтъ въ духѣ мѣщанина. Съ позиціи творца жизни мѣщанинъ нынѣ опустился до роли дряхлаго сторожа у кладбища мертвыхъ истинъ.

И уже нѣтъ у него силъ ни для того, чтобы оживить отжившее, ни для созданія новаго.

Современный изолированный и стремящійся къ изоляціи человѣкъ—это существо болѣе несчастное чѣмъ Мармеладовъ, ибо поистинѣ некуда ему итти и никому онъ не нуженъ! Опьяненный ощущеніемъ своей слабости, въ страхѣ передъ гибелью своей, какую цѣнность представляетъ онъ для жизни, въ чемъ его красота, гдѣ человѣческое въ этомъ полумертвомъ тѣлѣ съ разрушен-

ной нервной системой съ безсильнымъ мозгомъ въ этомъ маленькомъ вмѣстилищѣ болѣзней духа, болѣзней воли, только болѣзней?

Наиболѣе чуткія души и острые умы современности уже начинаютъ сознавать опасность: видя разложеніе силъ человѣка, они единогласно говорятъ ему о необходимости обновить, освѣжить «я» и дружно указываютъ путь къ источнику живыхъ силъ, способному вновь возродить и укрѣпить истощеннаго человѣка.

Уолтъ Уйтманъ, Горасъ Траубллъ, Рихардъ Демель, Вэрхарнъ и Уэльсъ, А. Франсъ и Метерлинкъ, всѣ они, начавъ съ индивидуализма и квіетизма, дружно приходятъ къ соціализму, къ проповѣди активности, всѣ громко зовутъ человѣкъ къ сліянію съ человѣчествомъ. Даже такой идолопоклонникъ «я», какъ Августъ Стринбергъ, не можетъ не отмѣтить цѣлительной силы человѣчества «Человѣчество»,—говоритъ онъ,—«вѣдь это огромный электрическая баттарея изъ множества элементовъ; изолированный же элементъ—тотчасъ теряетъ свою силу».

Но эти добрые совѣты умныхъ людей едва ли услышатъ глухіе. И если услышатъ,—какая польза отъ этого? Чѣмъ отзовется безпадежно больной на радостный зовъ жизни? Только стономъ.

Наиболѣе яркимъ примѣромъ разрушенія личности—стоитъ предо мною драма русской интеллигенціи. Андреевичъ-Соловьевъ назвалъ эту драму романомъ, въ которомъ Россія—«Святая Ефросинья», какъ именовалъ ее Глѣбъ Успенскій,—возлюбленная, а интеллигентъ—влюбленный.

Мнѣ хочется посильно очертить содержаніе той главы романа, —вѣрнѣе, акта драмы,—которая столь торопливо дописывается въ наши дни нервно дрожащею рукою разочарованнаго влюбленнаго.

Чтобы понять психику героя, сначала необходимо опредѣлить его соціальное положеніе,—какъ это дѣлаютъ наши современные критики.

Извѣстно, что интеллигентъ-разночинецъ нѣсколько недоношенъ исторіей; онъ родился ранѣе, чѣмъ въ немъ явилась нужда, и быстро разросся до размѣровъ бблышихъ, чѣмъ требовалось правительству и капиталу,—ни первое, ни послѣдній не могли поглотить все свободное количество интеллектуальныхъ силъ. Правительство, напуганное дворянскими революціями дома и народными бурями за рубежомъ, не только не выражало желанія взять интеллигента на службу и временно увеличить его умомъ и работой свои

силы, оно, какъ извѣстно,, встрѣтило новорожденнаго со страхомъ и немедля приступило къ борьбѣ съ нимъ по способу Ирода Іудейскаго.

Молодой, но лѣнивый и стѣсненный въ своемъ ростѣ русскій капиталъ не нуждался въ такомъ обили мозга и нервовъ.

Позиція интеллигента въ жизни была столь же неуловима, какъ соціальное положеніе безприютнаго мѣщанина въ городѣ: онъ не купецъ, не дворянинъ, не крестьянинъ, но—можетъ быть и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ, если позволятъ обстоятельства.

Интеллигентъ имѣлъ всѣ психо-физическія данныя для сращенія съ любымъ классомъ, но, именно потому, что ростъ промышленности и организація классовъ въ странѣ развивались медленнѣе количественнаго роста интеллигенціи, онъ принужденъ былъ самоопредѣлиться внѣ рамокъ соціально родственныхъ ему группъ. Передъ нимъ и разореннымъ крестьянской реформой, «какающимся дворяниномъ» стояли незнакомые западному интеллигенту острые вопросы:

— Куда итти? Что дѣлать?

Необходимо было создать какую-то свою, идеологическую мѣщанскую управу и она была построена въ видѣ ученія «о роли личности въ исторіи», которое гласило, что общественныя цѣли могутъ быть достигнуты исключительно въ личностяхъ.

Единственно возможное направленіе было ясно: надо итти въ народъ, дабы развить его правосознаніе и,увеличивъ свои силы за счетъ его энергіи, понудить правительство къ дальнѣйшимъ реформамъ и ускорить темпъ культурнаго развитія страны; это могло бы дать тысячамъ личностей вполнѣ уютное и достойное ихъ мѣсто въ жизни.

Тотъ фактъ, что интеллигенту некуда было итти, кромѣ, какъ «въ народъ», и что «герой» искалъ «толпу», понуждаемый необходимостью, не особенно четко отмѣченъ русской литературой, но зато въ ней множество гимновъ герою, который «во имя великой святыни» отдавалъ свою жизнь трудному дѣлу организаціи народныхъ силъ.

Раздвоеніе психики интеллигента началось во дни его ранней юности, съ того момента, когда онъ былъ поставленъ въ необходимость принять, какъ руководящую теорію, соціализмъ.

Сознаніе организуетъ далеко не всю массу личнаго опыта, и рѣдкіе люди могутъ побѣдоносно противопоставить результаты сво-

ихъ личныхъ впечатлѣній бытія той крѣпкой соціальной закваскѣ, которая унаслѣдована ими отъ предковъ. Устойчива и продуктивна въ творчествѣ лишь та психика, въ которой сознаніе необходимости гармонично сливается съ доброй волей человѣка въ цѣлостное, крѣпкое «я». Помимо того, что общія соціально-экономическія условія жизни строятъ нашу психику индивидуалистически, частныя причины домашняго характера значительно увеличивали тяготѣнія русскаго интеллигента въ эту сторону, настойчиво внушая ему сознаніе его культурнаго первенства въ странѣ. Онъ видѣлъ вокругъ себя такія силы: правительство, занятое исключительно дѣломъ самозащиты, земельное дворянство, экономически и психически разлагавшееся, промышленный классъ, который не спѣшилъ организовать свои силы, продажное и невѣжественное чиновничество, духовенство, лишенное вліянія, подавленное государствомъ и тоже невѣжественное.

Естественно, что интеллигентъ почувствовалъ себя свѣжѣе, моложе, энергичнѣе всѣхъ, залюбовался собою и нѣсколько переоцѣнилъ свои силы.

Весь этотъ грузъ тяжелыхъ, жадныхъ и лѣнивыхъ тѣлъ лежалъ на плечахъ таинственнаго мужика, который въ прошломъ выдвигалъ Разиныхъ и Пугачевыхъ, недавно выдавилъ у правительства земельную реформу и съ начала вѣка сталъ развивать въ своей средѣ раціоналистическія секты.

Земельное дворянство, чувствуя, что съ запада все сильнѣе вѣетъ пагубный для него духъ промышленнаго капитализма, старалось оградить Россію частоколомъ славянофильства; его работа внушила интеллигенту убѣжденіе въ самобытности русскаго народа, чреватой великими возможностями. И вотъ, наскоро вооружась «соціализмомъ по-русски», въ этихъ легкихъ доспѣхахъ, рыцарь всталъ лицомъ къ лицу съ темнымъ, добродушнымъ и недовѣрчивымъ русскимъ мужикомъ. Но,—почему же онъ, рѣзкій индивидуалистъ, принялъ теорію, враждебную строю его психики? А какія же иныя дрожжи могли бы поднять густую и тяжелую опару народной массы?

Здѣсь, на примѣрѣ, неотразимо яркомъ, мы видимъ плодотворное вліяніе соціальной идеи на психику личности: мы видимъ, какъ эта идея съ чудесной быстротою превратила безпріютнаго разночинца интеллигента въ идеалиста и героя, видимъ, какъ печальное дѣтище рабьей земли, ощутивъ творческую силу коллективнаго начала, психически сложилось подъ его чудотворнымъ вліяніемъ

въ типѣ борца, рѣдкій по красотѣ и энергіи 70-е годы стоятъ предъ нами, какъ неоспоримое доказательство такого факта: только соціальная идея возводитъ случайный фактъ личнаго бытія человѣка на степень исторической необходимости, только соціальная идея поэтизируетъ личное бытіе и, насыщая единицу энергіей коллективной, придаетъ бытію индивидуальному глубокій, творческій смыслъ.

Герой былъ разбитъ и побѣжденъ?

Да Но развѣ это уничтожаетъ необходимость и красоту борьбы? И развѣ это можетъ поколебать увѣренность въ неизбѣжности и побѣды колективнаго начала?

Герой былъ побѣжденъ—слава ему во-вѣки! Онъ, сдѣлалъ все, что могъ.

Человѣкъ вчерашняго дня онъ всталъ передъ мужикомъ, который имѣлъ свою исторію—тягостную и долгую исторію борьбы съ непрерывными дьявольскими кознями нечистой силы, воплощенной въ лѣсахъ, болотахъ, татарахъ боярахъ, чиновникахъ и вообще—господахъ Онъ крѣпко оградился отъ бѣса, источника всѣхъ несчастій, полуязыческой, полухристіанской религіей и жилъ скрытной жизнью много испытавшаго человѣка, который готовъ все слушать, но уже никому не вѣритъ, кромѣ себя

Наша литература посвятила массу творческой энергіи, чтобы нарисовать эту таинственную фигуру во весь ростъ, безконечное количество анализа, чтобы раскрыть освѣтить душу мужика. Дворяне изображали его боголюбивымъ христіаниномъ, насквозь пропитаннымъ кротостью и всепрощеніемъ.—это естественно съ ихъ стороны, ибо, столь много согрѣшивъ передъ нимъ, дворяне, можетъ быть, вполнѣ искренно нуждались въ прощеніи мужика.

Литература старыхъ народниковъ рисовала мужичка раскрашеннымъ въ красные цвѣта и вкуснымъ, какъ вяземскій пряникъ, коллективистомъ по духу, одержимымъ активною жаждою высшей справедливости и со священной радостью принимающимъ каждаго, кто придетъ къ нему «сѣять разумное, доброе, вѣчное».

И лишь въ 90-хъ годахъ В. Г Короленко ласковою, но сильной рукой великаго художника, честно и правдиво нарисовалъ намъ мужика, дѣйствительно, во весь ростъ, далъ вѣрный очеркъ національнаго типа въ лицѣ ветлужскаго мужика Тюлина. Это именно національный типъ, ибо онъ позволяетъ намъ понять и Мининыхъ, и всѣхъ ему подобныхъ героевъ на часъ, всю русскую

исторію и ея странные перерывы. Тюлинъ—это удачливый Иванушка-Дурачокъ нашихъ сказокъ, но Иванушка, который уже не хочетъ больше ловить чудесныхъ Жаръ-Птицъ, зная, что сколько ихъ ни поймай, господишки все отнимутъ. Онъ уже не вѣритъ Василисѣ Премудрой: неизмѣримое количество безплодно затраченной силы поколебало сказочное упорство въ поискахъ счастья. Думая о Тюлинѣ, понимаешь не только нашихъ Мининыхъ, но и сектантовъ: Сютаева и Бондарева, бѣгуновъ и штунду, а чувствительный и немножко слабоумный Платонъ Каратаевъ исчезаетъ изъ памяти вмѣстѣ съ Акимомъ и другими юродивыми, дворянскаго успокоенія ради, вмѣстѣ съ милыми мужичками народниковъ и иными образами горячо желаемаго, но—не реальнаго.

Пропагандистъ соціализма встрѣтился съ Тюлинымъ; Тюлинъ не всталъ съ земли, не понялъ интеллигента и не повѣрилъ ему,—вотъ, какъ извѣстно, драма, разбившая сердце нашего героя.

Немедленно вслѣдъ за этимъ пораженіемъ, на открытіи памятника Пушкину прозвучала похоронная рѣчь Достоевскаго, растравляя раны побѣжденныхъ, какъ соль, а вслѣдъ за этимъ раздался мрачный голосъ Толстого. Послѣ гибели сотенъ юныхъ и прекрасныхъ людей, послѣ десятилѣтія героической борьбы, величайшіе геніи рабьей земли въ одинъ голосъ сказали:

— «Терпи».

— «Не противься злу насиліемъ».

Я не знаю въ исторіи русской момента болѣе тяжелаго, чѣмъ этотъ, и не знаю лозунга, болѣе обиднаго для человѣка, уже заявившаго о своей способности къ сопротивленію злу, къ б о ю за с в о ю ц ѣ л ь.

Восьмидесятые годы намѣтили три линіи, по коимъ интеллигентъ стремился къ самоопредѣленію: народъ, культуртрегерство и личное самоусовершенствованіе. Эти линіи сливались, стройно замыкаясь въ пѣкій кругъ: народъ продолжали разсматривать, какъ силу, которая, будучи, организована и опредѣленно направлена интеллигенціей, можетъ и должна расширить узкія рамки жизни, дать въ ней мѣсто интеллигенту: культуртрегерство—развитіе и организація правосознанія народа; самоусовершенствованіе—организація личнаго опыта, необходимая для дальнѣйшей продуктивности «мелкихъ дѣлъ», направленныхъ на развитіе народа.

Но подъ этой внѣшней стройностью бурно кипѣлъ внутренній душевный разладъ. Изъ-подъ тонкихъ, изношенныхъ масокъ

соціализма показались разочарованныя лица безпріютныхъ мѣщанъ —крайнихъ индивидуалистовъ, которые не замедлили изъ трехъ линій остановиться на одной и съ жаромъ занялись упорядоченіемъ потрясенныхъ событіями душъ своихъ. Начался усердный анализъ пережитаго, остатки старой гвардіи называли аналитиковъ «никудышниками» и «Гамлетами, на грошъ пара», какъ выразился авторъ одного искренняго разсказа, помѣщеннаго въ «Мысли» Л. Оболенскаго. Новодворскій мѣтко назвалъ интеллигента тѣхъ дней «ни павой, ни вороной». Но, скоро эти голоса замолкли въ общемъ шелестѣ «самоусовершенствованія», и русскій интеллигентъ могъ безпрепятственно «ставить ребромъ послѣдній двугривенный своего ума», привычка, которую отмѣтилъ въ немъ еще Писаревъ.

Онъ, не щадя силъ, торопился поправѣть и, такъ же судорожно, какъ и въ наши дни, рвалъ путы соціализма, стремясь освободить себя,—для чего? Только для того, чтобы въ серединѣ 90-хъ годовъ, когда онъ усмотрѣлъ въ жизни страны новый революціонный классъ, снова быстро надѣть эти путы на душу свою, а черезъ десять лѣтъ снова и столь же быстро сбросить ихъ! «Сегодня блондинъ, завтра брюнетъ»,—грустно и вѣрно сказалъ о немъ Н. К. Михайловскій.

Итакъ, онъ началъ правѣть. Этимъ занятіемъ сильно увлекались, и оно даетъ цѣлый рядъ курьезныхъ совпаденій, которыя неблагопріятно указываютъ на единство психики интеллигента того времени и текущихъ дней, съ тою разницею, что восьмидесятникъ былъ болѣе скроменъ, не такъ «дерзокъ на руку» и грубъ, какъ нашъ современникъ.

Приведу нѣсколько мелкихъ примѣровъ этихъ совпаденій: почтенный П. Д. Боборыкинъ напечаталъ въ «Русской Мысли» 80-хъ годовъ разсказъ «Поумнѣлъ»; разсказъ, въ которомъ авторъ осуждалъ героя своего за измѣну еще недавно «святымъ» идеаламъ.

Г. Емельянченко въ одной изъ книжекъ «Вѣстника Европы» за 1907-й г. помѣстилъ разсказъ «Поправѣлъ», но—одобряетъ своего героя, соціалиста и члена комитета партіи, за то, что герой пошелъ служить въ департаментъ какого-то министерства.

Шумъ, вызванный «Ученикомъ» Бурже, какъ нельзя болѣе похожъ на восхищеніе, вызванное «Homo Sapiens'омъ» Пшибышевскаго.

Вниманіе къ «Сашенькѣ» Дѣдлова прекрасно сливается съ увле-

чснѣмъ «Санинымъ»—съ тою разницей, что Сашенька въ наглости своей наивнѣе Санина.

Политическія эволюціи г. Струве невольно заставляютъ вспомнить «эволюцію» Льва Тихомирова, а моментъ, когда г. Струве позвалъ «назадъ къ Фихте», вызываетъ въ памяти недоумѣніе, вызванное г. Волынскимъ съ его проповѣдью идеализма*).

Порнографіи было меньше, она сочинялась только г. г. Серафимомъ Неженатымъ и Лебедевымъ-Морскимъ, но также гадко и тяжело, какъ и современными ремесленниками этого цеха

Пунктомъ объединенія ренегатовъ явилось «Новое Время», въ наши дни мы имѣемъ нѣсколько такихъ пунктовъ,—указываетъ ли это на количественный ростъ интеллигенціи, или же на упадокъ ея силы сопротивленія соблазнамъ уютной жизни?

«Недѣля» Меньшикова идейно воскресла въ лицѣ «Русской Мысли»; проповѣдь «мелкихъ дѣлъ» уже стократъ повторена нынѣ, и тысячекратно повторяется лозунгъ восьмидесятниковъ: «наше время не время широкихъ задачъ».

Эти до мелочей доходящія совпаденія достаточно опредѣленно подтверждаютъ фактъ стремленія интеллигента послѣ каждой встрѣчи съ народомъ «возвратиться на круги своя»—отъ разрѣшенія проблемы соціальной къ разрѣшенію индивидуальной проблемы.

Въ восьмидесятыхъ годахъ жизнь была наполнена торопливымъ подборомъ книжной мысли: читали Михайловскаго и Плеханова, Толстого и Достоевскаго, Дюринга и Шопенгауэра, всѣ ученія находили прозелитовъ и съ поразительною быстротою раскалывали людей на враждебные кружки. Я особенно подчеркиваю быстроту, съ которою воспринимались различныя вѣроученія; въ этомъ ясно сказывается нервная торопливость одинокаго и неспѣшнаго человѣка, который въ борьбѣ за жизнь свою хватаетъ первое попавшееся подъ руку оружіе, не соображая, насколько оно ему по силѣ и по рукѣ. Этой быстротою усвоенія теоріи не по силамъ и объясняются повальныя эпидеміи ренегатства, столь типичныя для восьмидесятыхъ годовъ и для нашихъ дней. Не надо забывать, что эти люди учатся не ради наслажденія силою знанія,—наслажденія, которое властно зоветъ на борьбу за свободу еще большаго, безконечнаго

*) Разумѣется, я принимаю, что 90-ые годы психически начались ранѣе 1-го января 1890 г., а 80-ые еще не кончились 30-го декабря 1889 г.—календарь и психика всегда находится въ нѣкоторомъ разнорѣчіи.

расширенія знаній, учатся они ради узко эгоистической пользы, ради все того же «утвержденія личности».

«Радикалы» превращались въ «непротивленцевъ», «культурники» въ «никудышниковъ», и одинъ изъ честнѣйшихъ русскихъ писателей, святой человѣкъ Николай Елпидифоровичъ Петропавловскій-Каронинъ говорилъ, конфузливо потирая руки:

— Чѣмъ имъ поможешь? Ничѣмъ не поможешь. Потому что, какъ-то не жалко ихъ, совсѣмъ не жалко!

Такъ же, какъ и теперь, развивался пессимизмъ, гимназисты очень искренно сомнѣвались въ смыслѣ бытія вселенной, было много самоубійствъ по случаю «міровой тоски», говорили о религіи, о Богѣ, но находили и другой выходъ своему безсилію, скрывая его въ стремленіи «опроститься», и «садились на землю», устраивая «интеллигентскія колоніи».

Быть можетъ, жизнь этихъ колоній, наиболѣе ярко вскрываетъ злѣйшій, нигилистячій, нашъ самобытный индивидуализмъ: въ нихъ съ поразительной остротой выявлялась органическая неспособность интеллигента къ дисциплинѣ, къ общежитію, и немедленно, чернымъ призракомъ вставала роковая и отвратительная спутница русскаго интеллигента—позорно низкая оцѣнка человѣческаго достоинства ближняго своего. Драма этихъ колоній начиналась почти съ первыхъ дней ихъ основанія: какъ только группа устремленныхъ къ «опрощенію» людей начинала устраиваться «на землѣ»,—въ каждомъ изъ нихъ разгоралось зеленымъ огнемъ болѣзненное, истерическое ощущеніе своей «самости» и «ячности». Люди вели себя такъ, какъ будто съ нихъ содрали кожу, обнажили нервы, и каждое соприкосновеніе другъ съ другомъ охватываетъ все тѣло невыносимою жгучею болью. «Самосовершенствованіе» принимало характеръ канибальства,—утверждая нѣкую мораль, люди воистину живьемъ ѣли другъ друга. Острое ощущеніе своей личности вызвало въ человѣкѣ истерическое неистовство, когда онъ видѣлъ столь же повышенную чуткость и въ другомъ. Создались отношенія, полныя враждебнаго надзора другъ за другомъ, болѣзненной подозрительности, кошмарныя отношенія, насыщенныя лицемѣріемъ іезуитовъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ физически здоровые люди превращались въ неврастениковъ и, духовно изломанные, расходились, унося болѣе или менѣе открытое презрѣніе другъ къ другу.

Мнѣ кажется, что эти тяжкія драмы слагались такъ: представьте себѣ людей, которые считаютъ себя лучшею силою земли,

людей съ развитою потребностью широкой духовной жизни. Подавляя эту потребность, они идутъ въ темную, плохо знакомую имъ деревню и—съ перваго шага—попадаютъ въ темный кругъ явной и скрытой вражды къ нимъ, «барамъ». Ихъ тѣснитъ и душитъ насмѣшливое любопытство, подозрительность, недоброжелательство, оскорбляютъ презрительныя улыбки мужиковъ при видѣ ихъ неумѣнія работать, физической слабости и неспособности открыть, понять его мужицкую, глубоко спрятанную душу. Первобытно-грубая жизнь тянется изо дня въ день съ однообразіемъ, которое давитъ интеллигента, хочетъ стереть его нервное лицо, и уже медленно стираетъ тонкій слой европейской культуры съ лица его души. Лѣтомъ—каторжная работа и пожары, зимою—недоѣданіе, болѣзни, по праздникамъ—пьянство и драки, и всегда передъ глазами этотъ тяжелый, суевѣрный мужикъ. То назойливый попрошайка, то озорникъ и грубіанъ, онъ часто кажется близкимъ животному и—вдругъ поражаетъ мѣткимъ словомъ мудреца, вѣрнымъ сужденіемъ о порядкахъ жизни, о себѣ самомъ и стоитъ уже полный неожиданно возникшимъ откуда-то изъ глубины его души сознаніемъ своего достоинства. Онъ—неуловимъ, непонятенъ и внушаетъ интеллигенту спутанное чувство робости передъ нимъ, удивленія и еще какихъ-то ощущеній, которыя интеллигенту не хочется и трудно опредѣлить, но въ которыхъ мало лестнаго для мужика. Колонисты чувствуютъ себя жертвами какой-то ошибки, но гордость не позволяетъ имъ вскрыть ее. Заключенные въ одномъ домѣ, они живутъ всегда на виду другъ у друга, и каждый напрягается, стараясь скрыть отъ другихъ тихій, но настойчивый ростъ разочарованія въ своей задачѣ, въ своихъ силахъ. Однако, постепенно убыль души ощущается всѣми, тогда каждый хочетъ провѣрить это опытами надъ товарищемъ.

За поведеніемъ и мыслью каждаго устанавливается, по общему молчаливому соглашенію, придирчивый надзоръ. Если, чей-либо поступокъ нарушаетъ принятую аскетическую норму,—люди сладострастно судятъ и медленно распинаютъ виновнаго, жадно наслаждаясь ролью истязателей. Послѣ суда отношенія принимаютъ еще болѣе извращенный характеръ, въ нихъ скопляется еще больше лицемѣрія, подъ внѣшнею кротостью кипитъ и все ростетъ непріязнь, перерождаясь въ ненависть.

«Борская колонія» организовалась на глазахъ Н. Е Каронина, при его участіи, за жизнью ея онъ внимательно наблюдалъ. Въ то

время, какъ онъ писалъ о ней свой грустный разсказъ, онъ говорилъ, смущенно улыбаясь:

— Оправдать ихъ—хочется, а—почѣмъ оправдать! Слабые люди? Но,—какое же это оправданіе!

Можетъ быть, здѣсь умѣстно будетъ указать, что нашъ интеллигентскій индивидуализмъ неизбѣжно приводитъ людей въ болѣзненное состояніе, въ высшей степени родственное истеріи.

Признаки истерическаго состоянія легко открыть у всѣхъ современныхъ идеологовъ индивидуализма, будутъ ли это мистики, анархисты, христіане типа Мережковскаго и типа Свенцицкаго, — для всѣхъ ихъ одинакова характерна чрезвычайно легкая возбудимость психическаго аппарата, быстрая смѣна его возбужденій, настроенія унистающаго свойства, отрывочный ходъ идей, соціальная тупость и, непосредственно рядомъ съ нею, настойчивое стремленіе больного обратить стонами и криками своими вниманіе окружающихъ на него, на его, въ большинствѣ случаевъ, вымышленныя болевыя ощущенія.

Какъ иначе можно было бы объяснить недавнюю выходку одного изъ защитниковъ культуры отъ нашествія «хама» г. Мережковскаго, который прокричалъ на страницахъ «Русской Мысли» нижеслѣдующую, едва ли допустимую для культурнаго человѣка, фразу:

— Развѣ умеръ Джіордано Бруно? Еще бы не умеръ издохъ, какъ песъ, хуже пса, потому что животное не знаетъ, по крайней мѣрѣ, что съ нимъ дѣлается, когда умираетъ, а Джіордано Бруно зналъ».

Хорошо здѣсь «потому что», столь ярко вскрывающее основной тонъ «я»—безумный страхъ личнаго уничтоженія, страхъ, который былъ невѣдомъ Джіордано Бруно, и никому изъ людей, которые умѣли любить. Этотъ страхъ физическаго уничтоженія вполнѣ естественъ у людей, ничѣмъ не связанныхъ съ жизнью, и, разумѣется, было бы безполезно требовать отъ г. г. Мережковскихъ уваженія къ великимъ именамъ и великимъ подвигамъ; можетъ ли быть это уваженіе въ душѣ человѣка, который самъ сознается:

«Говоря откровенно, мнѣ бы хотѣлось, чтобы съ моимъ уничтоженіемъ—все уничтожилось; впрочемъ, такъ оно и будетъ: если нѣтъ личнаго безсмертія, то со мною для меня все уничтожится».

Ясно, что столь низкій строй души низводитъ «я» на плоскость,

съ которой онъ уже не можетъ замѣтить разницы между смертью на кострѣ и потопленіемъ въ помойной ямѣ, между великой душою, любовно обнявшей весь видимый міръ, и собою-микроорганизмомъ, носителемъ психической заразы.

И, когда люди типа г. Мережковскаго кричатъ и поютъ о необходимости защиты «культурныхъ цѣнностей», «наслѣдства вѣковъ», то въ отвѣтъ на ихъ ламентаціи естественно спросить ихъ:

«А какое вамъ дѣло до культуры, родины, людей?

Странныя это существа. Они суетливо кружатся у подножія самыхъ высокихъ колоколенъ міра, кружатся, какъ маленькія собачки, визжатъ, лаютъ, сливая свои завистливые голоса со звономъ великихъ колоколовъ земли; иногда отъ кого-нибудь изъ нихъ мы узнаемъ, что кто-то изъ предковъ Льва Толстого служилъ въ нѣкоемъ департаментѣ, Гоголь обладалъ весьма несимпатичными особенностями характера, узнаемъ массу цѣнныхъ подробностей въ такомъ же духѣ и хотя, можетъ быть, все это правда, но—такая же маленькая, пошлая и ненужная, какъ тотъ, кто визгливо пролаялъ ее.

Продолжая параллель между 80-ми годами и текущимъ моментомъ, надо замѣтить, что интеллигентское «я» того времени было, все-таки, болѣе чуткимъ этически;—въ немъ еще замѣтна здоровая брезгливость юности, оно не проповѣдовало педерастіи и садизма, не смаковало картины насилія женщинъ, хотя этому, можетъ быть, мѣшала только цензура? Оно «правѣло», сконфуженно оглядываясь, а становясь «правымъ», стыдилось клеветать на бывшихъ товарищей, такъ цинично, какъ это дѣлается теперь

Интеллигентъ въ этой стыдливости и нерѣшительности показать себя доходилъ даже до слѣдующаго: когда уже въ 92 году вышла книжка «Вопросовъ философіи и психологіи» со статьями Лопатина, Грота и, кажется, Трубецкаго или Введенскаго о Ницше, многіе изъ молодежи того времени, стараясь скрыть свое желаніе познакомиться со взглядами еретика, антисоціалиста, читали книжку тайно, какъ бы боясь оскорбить своихъ учителей, старыхъ радикаловъ, заставлявшихъ читать Чернышевскаго и Лаврова, Михайловскаго и Плеханова. Разумѣется, это смѣшно, въ этомъ чувствуется слишкомъ ничтожное сознаніе своего достоинства и своей внутренней свободы, но, можетъ быть, въ душу человѣка тѣхъ дней, сквозь хламъ разрушенной жизни еще просачивалось инстинктивное ощущеніе спасительности стараго пути къ народу,

къ массѣ, къ созданію оплодотворяющаго личность коллектива — прямого пути отъ демократизма къ соціализму.

Въ ту пору, какъ и ранѣе, интеллигентъ ясно видѣлъ что въ странѣ нѣтъ хозяина. Смутное чувство необходимости немедленнаго и энергичнаго рѣшенія соціальныхъ задачъ еще тлѣлось въ немъ, и, какъ ранѣе, онъ продолжалъ сознавать себя единственнымъ носителемъ интеллектуальной энергіи страны.

На рынкѣ жизни онъ былъ болѣе, чѣмъ теперь, «продуктомъ безъ спроса»: правительство еще озлобленнѣе, чѣмъ раньше, отрицало его, земство и капиталъ не могли использовать эту силу въ той мѣрѣ, какой требовали уже измѣнившіяся условія жизни,— ростъ фабрики и развитіе культурныхъ запросовъ деревни.

Взглядъ на эпоху 80-хъ годовъ, какъ на время квіетизма, пессимизма и всяческаго унынія, нѣсколько преувеличенъ, мнѣ кажется, хотя можетъ быть, это лишь потому, что наше «сегодня» рѣшительно хуже вчерашняго дня, ибо ко всѣмъ прелестямъ накопленнаго нынѣ присоединенъ еще и возродившійся грубый уличный нигилизмъ, переходящій уже въ явное хулиганство. Если вспомнить работу «третьяго элемента» въ земствахъ, Вольно-Экономическомъ Обществѣ и комитетахъ грамотности, изслѣдованія по вопросамъ объ артеляхъ, о мѣстныхъ и отхожихъ промыслахъ — мы увичимъ передъ собою массу чернаго труда, который потребовалъ немало усилій, и культурная цѣнность коего—внѣ спора

Разумѣется, и тогда, какъ теперь, прежде всего стремились подчеркнуть свое маленькое разногласіе съ другомъ и часто забывали о врагѣ, и тогда каждый хотѣлъ выдѣлить свою крошечную личность изъ ряда вполнѣ подобныхъ ей, но все это не носило столь анархическаго и противнаго вида, какъ въ наши дни. Это не голословно и опирается на сравненіи литературъ того и даннаго момента.

Возьмемъ Меньшикова, котораго нынѣ злѣе всѣхъ ругаютъ тѣ, кто становится этически похожъ на него и ругаютъ, главнымъ образомъ, именно за это, все возрастающее сходство; каковъ бы ни былъ Меньшиковъ теперь, но въ ту пору его работа имѣла неоспоримое культурное значеніе: онъ отвѣчалъ запросамъ наиболѣе здоровой и трудоспособной группы интеллигенціи того времени —городскимъ и сельскимъ учителямъ. Сравните варіаціи на тему проповѣди «мелкихъ дѣлъ» у гг Струве, Франка и ихъ съ ними,

и вы признаете за Меньшиковымъ преимущество искренности, таланта, понимания настроенія своей публики.

Невозможно представить, чтобы Меньшиковъ, редакторъ «Недѣли», допустилъ въ своемъ журналѣ столь грубыя выходки, какъ статья Чуковскаго о В Г Короленко, статья Мережковскаго о Л Андреевѣ, Бердяева о революціи и прочіе позорные выпады, допущенные «Русскою Мыслью» нашихъ дней

Это одна изъ иллюстрацій положенія, которое я формулирую такъ: русскій индивидуализмъ, развиваясь, принимаетъ болѣзненный характеръ, влечетъ за собою рѣзкое пониженіе соціально этическихъ запросовъ личности и сопровождается общимъ упадкомъ боевыхъ силъ интеллекта.

* * *

Возьмемъ такія произведенія старой литературы, какъ «Бѣсы», «Взбаломученное море», «Обрывъ», «Новь» и «Дымъ», «Некуда» и «На ножахъ»: мы увидимъ въ этихъ книгахъ совершенно открытое, пылкое и сильное чувство ненависти къ тому типу, который другая литературная группа пыталась очертить въ образахъ Рахметова, Рябинина, Стожарова, Свѣтлова и т п Чѣмъ вызвано это чувство ненависти? Несомнѣнно, тревогою людей, у которыхъ болѣе или менѣе прочно и стройно сложились свои взгляды на исторію Россіи, которые имѣли свой планъ работы надъ развитіемъ ея культуры, и—у насъ нѣтъ причинъ отрицать это—люди искренно вѣрили, что инымъ путемъ ихъ страна не можетъ итти. У каждаго изъ нихъ «были идеи», и каждый силатилъ свои идеи дорогою цѣною, какъ это извѣстно; ихъ «идеи» могли быть ошибочны, даже вредны странѣ, но въ данномъ случаѣ, насъ занимаетъ не оцѣнка идей, а степень искренности и умственной силы ихъ носителей Они боролись съ радикализмомъ порою—грубо, порою, какъ Писемскій—грязно, но всегда открыто, сильно.

Современнаго литератора трудно заподозрить въ томъ, что его интересуютъ судьбы страны. Даже «старшіе богатыри»—Купринъ, Андреевъ, Арцыбашевъ, — будучи спрошены по этому поводу, вѣроятно, не станутъ отрицать, что для нихъ родина—дѣло, въ лучшемъ случаѣ, второстепенное, что проблемы соціальныя не возбуждаютъ ихъ творчества въ той силѣ, какъ загадки индивидуальнаго бытія, что главное для нихъ—искусство, свободное, объективное искусство, которое выше судебъ родины, поли-

тики, партій, и внѣ интересовъ дня, года эпохи Трудно представить себѣ, что подобное искусство возможно, ибо трудно допустить на землѣ бытіе психически здороваго человѣка, который, сознательно или безсознательно, не тяготѣлъ бы къ той или иной соціальной группѣ, не подчинялся бы ея интересамъ, не защищалъ ихъ, если они совпадаютъ съ его личными желаніями, и не боролся бы противъ враждебныхъ ему группъ Можетъ быть, этому закону не подчинены глухонѣмые отъ рожденія, несомнѣнно внѣ его стоятъ идіоты и, какъ указано выше, изъ его круга вырываются хулиганы,—хотя у хулигановъ улицъ и трущобъ есть групповыя организаціи,—признакъ, что сознаніе необходимости соціальныхъ группировокъ не вполнѣ отмерло въ душѣ уличнаго хулигана.

Но, допустимъ, существуетъ совершенно свободное и вполнѣ объективное искусство, искусство, для котораго все—равно и всѣ—равны.

Нуждается ли въ доказательствахъ тотъ фактъ, что современному литератору психологія революціонера далеко не «все равно», что она ему враждебна и чужда?

Уважая человѣка, надо думать, что Андреевъ, Арцыбашевъ Купринъ, Соллогубъ не станутъ отрицать факта: психика эта непріятна имъ, и они, по своему, борются съ нею За послѣдніе годы каждый изъ нихъ поторопился сказать «нѣсколько теплыхъ словъ» объ этомъ старомъ русскомъ типѣ; посмотримъ, насколько «объективно» и «внутренно свободно» ихъ отношеніе къ нему

Толстой, Тургеневъ, Гончаровъ,—даже Лѣсковъ и Писемскій—внушили читателю весьма высокую оцѣнку духовныхъ данныхъ революціонера, читатель можетъ уравновѣсить отрицательные характеры Достоевскаго положительными у Тургенева, Толстого и поправить преувеличенія Лѣскова съ Писемскимъ изъ Болеслава Маркевича и Всеволода Крестовскаго; послѣдніе двое часто бывали объективнѣе первыхъ двухъ.

По свидѣтельству всѣхъ этихъ писателей, революціонеръ—человѣкъ не глупый, сильной воли и большой вѣры въ себя; это врагъ опасный, врагъ хорошо вооруженный

Современные авторы единогласно рисуютъ иной типъ Герой «Тьмы» несомнѣнно, слабоуменъ; это человѣкъ больной воли, котораго можно сбить съ ногъ однимъ парадоксомъ. Революціонеры «Разсказа о семи повѣшенныхъ» совершенно не интересовались дѣлами, за которыя они идутъ на висѣлицу, никто изъ нихъ

на протяженіи разсказа, ни словомъ не вспомнилъ объ этихъ дѣлахъ. Они производятъ впечатлѣніе людей, которые прожили жизнь неимовѣрно скучно, не имѣютъ ни одной живой связи за стѣнами тюрьмы и принимаютъ смерть, какъ безнадежно больной лекку лекарства.

Смѣшной и глупый Санинъ Арцыбашева на аршинъ выше всѣхъ соціалъ-демократовъ, противопоставленныхъ ему авторомъ. Въ «Милліонахъ» соціалъ-демократъ—довольно темная личность, въ «Ужасѣ»—революціонеръ просто мерзавецъ. Люди «Человѣческой Волны»—сплошь трусы. Эдечка Алкина Соллогуба,—что общаго имѣетъ она съ женщинами русской революціи?

И даже Купринъ, не желая отставать отъ товарищей-писателей, предалъ соціалъ-демократку на изнасилованіе пароходной прислугѣ, а мужа ея, эс-дека, изобразилъ пошлякомъ.

Слѣдуя доброму примѣру вождей, и рядовой литераторъ тоже началъ хватать революціонера за пятки, болѣе или менѣе безталанно подчеркивая въ немъ все, что можетъ затемнить и запачкать его человѣческое лицо—можетъ быть единственно свѣтлое лицо современности.

Этой легкой травлѣ хотятъ придать видъ полнаго объективизма, бросаютъ грязью въ лицо революціонера, какъ бы мимоходомъ и какъ-бы между прочимъ. Изображаютъ его разбитымъ, глупымъ, пошлымъ, но при этой дурной игрѣ дѣлаютъ сочувственную мину старой сидѣлки, которой ненавистенъ ея больной.

Употребляя такіе пріемы униженія личности врага, какими не пользовались даже откровенные клеветники его—Клюшниковъ, Дьяковъ и другіе,—что защищаютъ, ради чего злобятся современные авторы?

Это грустное явленіе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что г. г. писатели невольно подчинились гипнозу мѣщанства, которое осторожно пробираясь ко власти, отравляетъ по дорогѣ всѣхъ и все. Это—упадокъ соціальной этики, пониженіе самаго типа русскаго писателя. И наиболѣе грустно, и наиболѣе тяжко видѣть, какъ пѣна мѣщанскаго прибоя ко храму литературы захлестываетъ, душитъ, такой крупный талантъ, какъ Леонидъ Андреевъ. Лишенный руководящей идеи, питающійся неосознаннымъ и полнымъ страха ощущеніемъ міра, еще недавно враждебный мѣщанству, этотъ писатель, въ разсказѣ «Мои записки» является передъ нами литераторомъ школы Георгія Чулкова, исповѣдуя знаменитый

«мистическій анархизмъ», эту сумбурную «философію» на рѣдкость безталаннаго человѣка, эти безсвязные бредни микроскопической, мѣщанской души.

Видя недавняго врага своего въ столь близкомъ духовномъ сосѣдствѣ съ человѣкомъ, подобнымъ Чулкову, мѣщанство, навѣрное, ликуетъ—побѣда! Оно уже давно нашло Ахиллесову пяту Л. Андреева,—его слишкомъ большую жалость славы,—жульнически ловко воспользовалось своимъ открытіемъ, начало неприлично, грубо орать на писателя, и вотъ—загнало его въ свой станъ скверною руганью вождей своихъ—Чуковскихъ, Мережковскихъ и прочихъ клоуновъ, «пророковъ», истериковъ и наемныхъ убійцъ свободнаго духа человѣческаго.

* * *

Въ исторіи развитія литературы Европейской наша юная литература представляетъ собою феноменъ изумительный, и не преувеличу правды, сказавъ, что ни одна изъ литературъ Запада не возникала къ жизни съ такою силою и быстротой, въ такомъ мощномъ, ослѣпительномъ блескѣ таланта. Никто въ Европѣ не создавалъ столь крупныхъ, всѣмъ міромъ признанныхъ книгъ, никто не творилъ столь дивныхъ красотъ, при такихъ неописуемо тяжкихъ условіяхъ. Это незыблемо устанавливается путемъ сравненія исторіи западныхъ литературъ съ исторіей нашей, нигдѣ на протяженіи нецолныхъ ста лѣтъ не появлялось столь яркаго созвѣздія великихъ именъ, какъ въ Россіи, и нигдѣ не было такого обилія писателей-мучениковъ, какъ у насъ.

Наша литература—наша гордость, лучшее, что создано нами, какъ націей. Въ ней—вся наша философія, въ ней запечатлѣны великіе порывы славянскаго духа; въ этомъ дивномъ, сказочно быстро построенномъ храмѣ по сей день ярко горятъ умы великой красы и силы, сердца святой чистоты,—умы и сердца истинныхъ художниковъ. И всѣ они правдиво и честно, освѣщая понятое, пережитое ими, говорятъ: храмъ русскаго искусства строенъ нами при молчаливой помощи народа, народъ вдохновлялъ насъ, любите его!

Въ нашемъ храмѣ, чаще и сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, возглашалось общечеловѣческое, и глубокое значеніе русской литературы, и это признано міромъ, изумленнымъ ея красотою и силою. Она умѣла показать Западу изумительное, неизвѣстное ему явленіе—русскую женщину, и только она умѣетъ разсказать о человѣкѣ съ такою неисчерпаемою, мягкою и страстною любовью матери. Это ея

преувеличеніе, не лиризмъ, кто не почувствуетъ, что это—правда, тотъ или не любитъ родины своей, или онъ—умеръ.

Между оцѣнкою литературы и нашей интеллигенціи есть какъ бы противорѣчіе, но это противорѣчіе кажущееся. Психологія стараго русскаго литератора была шире и выше политическихъ ученій, которыя тогда принимала интеллигенція. Попробуйте, напримѣръ, уложить въ рамки народничества такихъ писателей, какъ Слѣпцовъ, Помяловскій, Левитовъ, Печерскій, Гл. Успенскій, Осиповичъ, Гаршинъ, Потапенко, Короленко, Щедринъ, Маминъ-Сибирякъ, Станюковичъ, и вы увидите, что народничество Лаврова, Южова и Михайловскаго будетъ для нихъ ложемъ Прокруста. Даже тѣ, кого принято считать «чистыми народниками»: Златовратскій, Каронинъ, Засодимскій, Бажинъ, О. Забытый, Нефедовъ, Наумовъ и рядъ другихъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ», «Дѣла», «Слова», «Мысли» и «Русскаго Богатства», не входятъ въ эти рамки—отъ каждаго изъ нихъ остается нѣчто, что даетъ намъ право сказать такъ: старый писатель тамъ, гдѣ политическое ученіе могло ограничить его художественную силу, умѣлъ встать надъ политикой, а не подчинялся ей рабски, какъ мы видимъ это въ наши дни. Иными словами: старая литература свободно отражала настроенія, чувства, думы всей русской демократіи, современная же покорно подчиняется внушеніямъ мелкихъ группъ мѣщанства, торопливо занятаго дѣломъ своей концентраціи, внутренно деморализованнаго и хватающаго наскоро все, что попадетъ подъ руку, какъ хватало оно въ 80-хъ годахъ. Оно бросается отъ позитивизма въ мистицизмъ, отъ матеріализма въ идеализмъ, перебѣгаетъ изъ одной старой крѣпости въ другую, находитъ ихъ непрочными для спасенія своего, нынѣ строитъ новую—прагматизмъ, но—едва-ли успѣетъ спрятаться гдѣ-либо отъ внутренней своей разрухи.

Писатели нашихъ дней услужливо слѣдуютъ за мѣщанами въ ихъ суетѣ и тоже мечутся изъ стороны въ сторону, смѣняя лозунги и идеи, какъ платки во время насморка. Но уже ясно, что самая крупная и бойкая мышь въ головѣ современнаго писателя—антидемократизмъ.

Возьмите нашу литературу со стороны богатства и разнообразія типа писателя: гдѣ, и когда работали въ одно и то же время такіе несоединимые, столь чуждые одинъ другому таланты, какъ Помяловскій и Лѣсковъ, Слѣпцовъ и Достоевскій, Гл. Успенскій и Короленко, Щедринъ и Тютчевъ? Продолжайте эти параллели, и

насъ поразитъ разность лицъ, пріемовъ творчества, линій мысли, богатство языка.

Въ Россіи каждый писатель былъ воистину и рѣзко индивидуаленъ, но всѣхъ объединяло одно упорное стремленіе—понять, почувствовать, догадаться о будущемъ страны, о судьбѣ ея народа, объ ея роли на землѣ.

Какъ человѣкъ, какъ личность, писатель русскій досель стоялъ освѣщенный яркимъ свѣтомъ беззавѣтной и страстной любви къ великому дѣлу жизни, литературѣ, къ усталому въ трудѣ народу грустной своей земли. Это былъ честный боецъ, великомученикъ правды ради, богатырь въ трудѣ и дитя въ отношеніи къ людямъ, съ душою прозрачной, какъ слеза, и яркой, какъ звѣзда блѣдныхъ небесъ Россіи.

Всю жизнь свою, всѣ силы сердца онъ тратилъ на жаркую проповѣдь общечеловѣческой правды, будилъ вниманіе къ народу своему, но,—не отдѣлялъ его отъ міра, какъ Френсенъ отдѣляетъ нѣмцевъ, Киплингъ—англичанъ, какъ начинаетъ отдѣлять итальянцевъ д'Аннунціо.

Сердце русскаго писателя было колоколомъ любви, и вѣщій и могучій звонъ его слышали всѣ живыя сердца страны ..

— Все это мнѣ извѣстно,—можетъ сказать читатель.

Не сомнѣваюсь. Но я—для писателей говорю, мнѣ кажется, что слава навалилась на нихъ, обняла и, лаская, заткнула имъ уши жирными пальцами своими, пальцами сытой, распутной мѣщанки, чтобы не слыхали они голосовъ, проклинающихъ ее. Я знаю былое отношеніе читателя къ писателю-другу, не разъ видалъ, какъ, бывало, читатель, узнавъ, что N. пьетъ, грустно опускалъ голову, страдая за учителя и друга своего: съ глубокою болью въ сердцѣ онъ понималъ, что у N. тысяча причинъ пить горькую чашу.

Думаю, что писатели нашихъ дней, при такихъ слухахъ о нихъ, вызываютъ у читателя только улыбку снисхожденія. И это въ лучшемъ случаѣ.

Что говорилъ, чему училъ старый писатель?

— Вѣрь, въ свой народъ, создавшій могучій русскій языкъ, вѣрь, въ его творческія силы. Помогай ему подняться съ колѣнъ, иди къ нему, иди съ нимъ. Уважай подругу твою, прекрасную, русскую женщину, учись любить въ ней человѣка, товарища твоего въ трудной работѣ строительства русской земли.

Тысячи юношей пошли на этотъ зовъ, подняли вѣковую тяжесть, соединили передовыя, лучшія силы народа и дали исконному врагу первый великій бой, и множество со славою погибло въ бою. Но желаемое—совершилось, народъ поднялся, осматривается, думаетъ о новой неизбѣжной битвѣ, ищетъ вождей, хочетъ слышать ихъ мудрые голоса.

А вожди и пророки народа ушли въ кабакъ, въ публичный домъ.

Я не хочу этими словами обидѣть кого-либо —зачѣмъ мнѣ это? Я просто указываю здѣсь на явленіе неоспоримое, всѣмъ извѣстное, ибо о немъ согласно свидѣтельствуетъ и беллетристика, и критика, и газеты текущаго времени. Если бы это можно было написать, не искажая позорной правды, другими словами,—я написалъ бы.

Душа поэта перестаетъ быть эоловой арфой, отражающей всѣ звуки жизни—в е с ь смѣхъ, в с ѣ слезы и голоса ея. Человѣкъ становится все менѣе чутокъ къ впечатлѣніямъ бытія, и въ смѣхѣ его, слышномъ все рѣже, звучатъ ноты болѣзненной усталости, когда то святая дерзость принимаетъ характеръ отчаяннаго озорства.

Поэтъ превращается въ литератора и съ высоты геніальныхъ обобщеній неудержимо скользитъ на плоскость мелочей жизни, шныряется среди будничныхъ событій и, болѣе или менѣе искусно обтачивая ихъ чужой, заемной мыслью, говоритъ о нихъ словами, смыслъ которыхъ, очевидно, чуждъ ему. Все тоньше и остріе форма, все холоднѣе слово и бѣднѣе содержаніе, угасаетъ искреннее чувство, нѣтъ пафоса; мысль, теряя крылья, печально падаетъ въ пыль будней, дробится, становится безрадостной, тяжелой и больной И снова—на мѣстѣ безстрашія скучное озорство, гнѣвъ смѣненъ крикливою злостью, ненависть говоритъ хриплымъ шопотомъ и осторожно озирается по сторонамъ.

Для старыхъ писателей типичны широкія концепціи, стройныя міровоззрѣнія, интенсивность ощущенія жизни, въ полѣ ихъ зрѣнія лежалъ весь необъятный міръ. «Личность» современнаго автора это—его манера писать, а личность—комплексъ чувствъ и думъ—становится все болѣе неуловимой, туманной и, говоря правдиво, жалкой. Писатель это уже не зеркало міра, а маленькій осколокъ; соціальная амальгама стерта съ него, и, валяясь въ уличной пыли городовъ, онъ не въ силахъ отразить своими изломами великую жизнь міра и отражаетъ обрывки уличной жизни, маленькіе осколки разбитыхъ душъ.

На Руси великой народился новый типъ писателя; это общественный шутъ, забавникъ жаднаго до развлеченій мѣщанства. онъ служитъ публикѣ, а не родинѣ, и служитъ, не какъ судія и свидѣтель жизни, а какъ нищій приживалъ—богатому. Онъ публично издѣвается самъ надъ собой, какъ это видно по «Календарю писателя»,—видимо, смѣхъ и ласка публики дороже для него, чѣмъ уваженіе ея. Его готовность разсказывать хозяину своему похабные анекдоты должна вызывать у мѣщанина чувство презрѣнія къ своему слугѣ.

Между прочими мѣрами—степень собственнаго достоинства человѣка измѣряется его презрѣніемъ къ пошлости. Современный русскій «вождь общественнаго мнѣнія» утратилъ презрѣніе къ пошлости: онъ беретъ ее подъ руку и вводитъ въ храмъ русской литературы У него нѣтъ уваженія къ имени своему—онъ безъ заботно бросаетъ его въ ближайшую кучу грязи; безъ стыда и, не брезгуя, ставитъ имя свое рядомъ съ именами литературныхъ аферистовъ, пошляковъ, паяцевъ и фокусниковъ. Онъ научился ловко писать, самъ сталъ фокусникомъ слова и обнаруживаетъ большой талантъ саморекламы.

Иногда и онъ крикливо, какъ попугай, порицаетъ мѣщанство, мѣщанинъ слушаетъ и улыбается, зная, что задорныя эти слова—лай комнатной собачки, и что сахаромъ ласки легко вызвать у нея благодарный визгъ.

Вспоминая грозные голоса львовъ старой литературы, мѣщанинъ облегченно вздыхаетъ и гордо оглядывается вотъ настали дни его царства—пророки умерли, скоморохи стоятъ на мѣстѣ ихъ и потѣшаютъ его, жирную жабу, когда онъ устаетъ душить правду, красоту, любовь.

Славная, умная Жоржъ Зандъ говорила: «Искусство не такой даръ, который могъ бы обойтись безъ широкихъ знаній во всѣхъ областяхъ. Надо пожить, поискать, нужно сперва многое переварить, много любить, страдать, ждать, не переставая въ то же время упорно работать. Прежде, чѣмъ пустить въ ходъ шпагу, надо основательно научиться фехтовать Художникъ, который исключительно художникъ, безсиленъ, т. е. посредственъ, или онъ вдается въ крайность, т. е безуменъ.»

Посредственности и безумцы—вотъ два типа современнаго писателя.

Моментъ, переживаемый нашею страною, требуетъ отъ него

большихъ знаній, энциклопедизма, но писатель, видимо, не чувствуетъ этихъ требованій.

Литература наша—поле, вспаханное великими умами, еще недавно плодородное, еще недавно покрытое разнообразными и яркими цвѣтами,—нынѣ заростаетъ бурьяномъ беззаботнаго невѣжества забрасывается, клочками цвѣтныхъ бумажекъ,—это обложки французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ книгъ, это обрывки идей западнаго мѣщанства, маленькихъ идеекъ, чуждыхъ намъ по духу, это даже не «примиреніе революціи съ небомъ», а просто озорство, хулиганское стремленіе забросать память о прошломъ грязью и хламомъ. Пришелъ кто-то чужой, и все чудо ему, онъ пляшетъ на свѣжихъ могилахъ, ходитъ по лужамъ крови, и его желтое, больное лицо безстыдно скалитъ гнилые зубы. Больной дикарь, онъ чувствуетъ себя побѣдителемъ, и оретъ, оретъ, опьяненный радостью при видѣ людей, которые сегодня слушаютъ его безсвязный крикъ;—эфемерида онъ живетъ шумомъ и блескомъ дня, не думая о томъ, что грозное завтра осудитъ его, горько и презрительно осмѣетъ.

О чемъ говоритъ современный литераторъ?

«Что есть жизнь?—говоритъ онъ.—Все есть пища смерти, все! И хорошее, и дурное, содѣянное тобой, исчезнетъ со смертію твоею, человѣкъ. Все—равно и всѣ—равно ничтожны предъ лицомъ смерти»

Слушая эти новыя слова, мѣщанинъ одобрительно киваетъ головою. «Такъ, не стоитъ творить жизнь и безполезно стараться измѣнить ее, добро и зло—равноцѣнны. И зачѣмъ искать смысла дней? Примемъ и полюбимъ ихъ такими, каковы они есть, наполнимъ ихъ всѣми наслажденіями, доступными намъ, и они будутъ легко и пріятно поглощаться нами».

И храбро преступая кодексъ морали своей—уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ,—мѣщанинъ наполняетъ дни свои грязью, пошлостью, творитъ маленькіе, гадкіе грѣшки противъ тѣла и духа человѣческаго и—блаженствуетъ.

Онъ безсмертенъ, мѣщанинъ; онъ живучъ, какъ лопухъ; попробуй,—сколи его, но если не вырвешь корня—частной собственности,—онъ снова пышно разростется и быстро задушитъ всѣ цвѣты вокругъ себя. Проповѣдь смерти полезна ему: она вызываетъ въ душѣ его спокойный нигилизмъ и—только. Острой пряностью мышленія о гибели всего сущаго, мѣщанство приправляетъ жирную

и обильную пищу свою, побѣждая пресыщеніе свое, а кліенты его, пѣвцы смерти, господа Смертяшкины, дѣйствительно и неизмѣнно отравляются страхомъ ея, блѣднѣютъ, вянутъ и жалобно кричатъ.

— Погибаемъ, ибо нѣтъ личнаго безсмертія!

Извѣстно, что «шуты и дѣти часто говорятъ правду». Чуковскій торжественно возгласилъ униженную человѣка и писателя «правду» о современной литературѣ.

«Ужасъ Безконечнаго—сталъ теперь, если хотите, литературной модой Литераторы, поэты, художники обсасываютъ его, какъ леденецъ И та литературная школа, съ которой теперь все охотнѣе сближаетъ свое имя Андреевъ, —она вся вышла изъ этого ужаса, питается имъ. Для того, чтобы стать теперь истиннымъ поэтомъ, нужно умѣть ужаснуться. И Блока, и Брюсова, и Бѣлова, и Леонида Андреева.—какъ они ни различны,—объединяетъ одинъ этотъ животный ужасъ, который заставлялъ толстовскаго Ивана Ильича кричать протяжно и однотонно.

— У-у-у-у!. .»

«Они,—какъ приговоренные къ казни И пусть Брюсовъ относится къ ней бодро и строго, а Бѣлый фиглярничаетъ и строитъ палачу рожи, пусть Соллогубъ забѣгаетъ за секунду до эшафота въ сѣрую пещерку, а Городецкій восторгается палачомъ и поетъ ему славословія,—все это, въ концѣ концовъ, и эти безумныя и мудрыя слова, и эти кошмарные и строгіе образы,—все это одно:

— У-у-у-у!

И ничто другое. И великимъ нынѣ сочтемъ того, кто сумѣетъ по новому, съ новымъ приливомъ ужаса выкрикнуть этотъ вопль, и величайшимъ будетъ тотъ, кто заставитъ и насъ вопить за нимъ, вопить безъ словъ, безъ мыслей, безъ желаній:

— У-у-у-у!..» (Газета «Родная Земля», № 2-й, 1907 года).

Вотъ какова «правда» Чуковскаго, и, видимо, названные имъ авторы согласны съ этимъ опредѣленіемъ смысла ихъ творчества, — никто изъ нихъ не возразилъ ему.

Когда нашъ старый писатель страдалъ отъ «зубной боли въ сердцѣ»,—въ честномъ и чуткомъ сердцѣ своемъ, стонъ его муки сливался со стонами лучшихъ людей земли, ибо онъ находился въ

неразрывномъ съ ними духовномъ сосуществованіи, и крикъ его былъ крикомъ за всѣхъ.

Современный неврастеникъ возводитъ боль своихъ зубовъ—личный свой ужасъ предъ жизнью—на степень мірового событія; въ каждой страницѣ его книги, въ каждомъ стихотвореніи ясно видишь искаженное лицо автора, его раскрытый ротъ и слышенъ злой визгъ:

— Мнѣ больно, мнѣ страшно, а потому,—будь вы всѣ прокляты, съ вашей наукой, политикой, обществомъ, родиной, со всѣмъ, что мѣшаетъ вамъ видѣть мои страданія!

Нѣтъ самолюбца болѣе жестокаго, чѣмъ больной.

Благодареніе мудрой природѣ: личнаго безсмерты нѣтъ, и всѣ мы неизбѣжно исчезнемъ, чтобы дать на землѣ мѣсто людямъ сильнѣе, красивѣе, честнѣе насъ, людямъ, которые создадутъ новую, прекрасную, яркую жизнь и, можетъ быть, чудесною силою соединенныхъ волъ побѣдятъ смерть.

Радостный привѣтъ людямъ будущаго! Мы знаемъ, что они уже рождаются въ настоящемъ.

Признакомъ этическаго упадка въ русскомъ обществѣ является крутой поворотъ во взглядахъ на женщину.

Даже имѣя въ виду хронически плохое состояніе органа памяти у русскихъ людей, падѣюсь, нѣтъ надобности напоминать имъ историческія заслуги русской женщины, ея великій соціальный трудъ, ея подвиги. Начиная съ Марфы Борецкой и Морозовой, кончая женщинами раскольничьихъ скитовъ и революціонныхъ партій, мы видимъ передъ собою образъ эпическій.

Величественная простота, презрѣніе къ позѣ, мягкая гордость собою, недюжинный умъ и глубокое, полное неизсякаемой любви сердце, спокойная готовность жертвовать собою ради торжества своей мечты,—вотъ духовныя данныя Василисы Премудрой, великолѣпно и любовно очерченныя старыми мастерами образа и слова, а еще точнѣе—музою новѣйшей русской исторіи.

Рѣдко на протяженіи труднаго пути своего спрашивала она, «пеняя»:

—«Долго-ли муки сея, протопопъ, будетъ?»

Но когда ей говорили:

—«Марковна! До самыя смерти»

Она «вздохня», отвѣчала:

— «Добро, Петровичъ нно еще побредемъ».

И вдругъ,—эта женщина, воистину добрый геній страны, ушла изъ жизни, исчезла, какъ призракъ; на мѣсто ея ставятъ предъ нами «кобылъ», *) надѣляютъ ихъ неутолимою жаждою исключительно половой жизни, различными извращеніями въ половой сферѣ, заставляютъ спиматься нагими, а главнымъ образомъ,—предаютъ на изнасилованіе.

Послѣднее удовольствіе приняло характеръ спорта: если А. насиловалъ одну женщину, Б —трехъ, и если Г.—старушку тетку, Ф.—родную дочь. Съ поразительною быстротой, мѣщанство, одолѣвшее писателей, заставило ихъ изнасиловать женщинъ всѣхъ возрастовъ и во всѣхъ степеняхъ родства. Теперь, чтобы избѣжать повтореній, необходимо литераторамъ обратить свои творческія силы на щукъ, воронъ и жабъ, слѣдуя примѣру одной изъ своихъ группъ, которая, будучи понуждаема запросами публики, серьезно приступила къ изученію кошекъ.

Эта эпидемія порнографіи, поразившая мозги нашихъ литераторовъ, развилась такъ быстро, и въ такихъ грубыхъ формахъ, что ошеломила честныхъ людей,—не всѣ же они побиты на смерть!—и до сей поры, очевидно, они не могутъ собраться съ силами, чтобы протестовать противъ грязи, которою усердно пачкаютъ русскую дѣвушку, женщину и мать.

Если честные люди не ясно видятъ источникъ отвратительнаго явленія, ихъ можетъ въ данномъ случаѣ просвѣтить немудрый, болтливый г. Бердяевъ, читавшій книгу Вейнингера еще до перевода ея на русскій языкъ. Со свойственнымъ неуклюжему россіянину граціознымъ умѣніемъ носить на своихъ плечахъ тонкое платье, шитое западными портными, и всегда уже нѣсколько засаленное мѣщаниномъ Европы, съ присущимъ г. Бердяеву талантомъ огрублять и опошлять всѣ чужія слова и заемныя мысли, онъ горячій защитникъ «культурныхъ цѣнностей», въ одной изъ своихъ статей, едва ли не первый высказалъ нѣсколько цѣнныхъ мыслей о женщинѣ. Тонъ его статьи весьма напоминаетъ времена борьбы нашей реакціонной печати противъ «стриженыхъ дѣвокъ», «ниги-

*) Прошу замѣтить, что въ этой статьѣ я пользуюсь только тѣми грубостями, которыя были уже употреблены ранѣе въ журналахъ и газетахъ послѣдняго времени.

листокъ», а тема—(«духовная организація женщины ниже, чѣмъ таковая же у мужчинъ»)—доказывается по австралійски, съ позаимствованіями изъ туземно-австралійскихъ взглядовъ на вопросъ, изъ Домостроя и подобныхъ симъ источниковъ

Но важна не статья Бердяева, а мотивъ, побуждающій его и ему подобныхъ, вчерашнихъ блондиновъ, озаботиться пересмотромъ установившагося отношенія къ женщинѣ, какъ духовно равноцѣнному и соціально равноправному товарищу.

Французы до сего дня прикованы къ этому вопросу, нѣмцы и теперь едва рѣшаются касаться его, англичанинъ хотя и уступаетъ женщинѣ мѣсто рядомъ съ собою, но дѣлаетъ это молча, неохотно подчиняясь напору необходимости, и, какъ замѣтно, оно еще будетъ оспаривать завоеванія женщины. Наша литература уже въ концѣ первой половины XIX-го столѣтія поставила и быстро рѣшила этотъ вопросъ—одна изъ ея великихъ заслугъ передъ родиной. Вопросъ не могъ быть рѣшенъ иначе: малочисленность культурныхъ силъ, одиночество разночинца среди группъ, которыя презрительно отрицали его—вся сумма условій, окружавшихъ интеллигента въ первые дни его борьбы за мѣсто въ жизни внушили ему вѣрный тонъ въ вопросѣ о женщинѣ, повелѣли признать ее силой всячески равной ему. Теперь онъ, должно быть, думаетъ, что уже побѣдилъ врага, и, какъ видно, старается превратить своихъ союзниковъ—женщину и народъ—въ поданныхъ, въ рабовъ его милости Это всегда такъ дѣлалось, но—никогда не выполнялось столь скверно и цинично.

Мизогинія—нѣчто отъ плоти мѣщанской: женщина, помогавшая въ борьбѣ, мѣшаетъ побѣдителю мѣщанину спокойно пользоваться плодами его призрачной побѣды, ибо въ процессѣ боя она развила въ душѣ своей слишкомъ высокія требованія къ мужчинѣ-другу и союзнику

Мѣщанство радо новому отношенію къ женщинѣ и поощряетъ его, ибо оно возбуждаетъ притупленную чувственность изношеннаго мѣщанскаго тѣла,—развѣ не забавно превратить врага въ любовницу?

И въ гнилыхъ мозгахъ малокровныхъ людей разгорается сладострастіе, отравляя воображеніе картинами половой борьбы А литераторы, снова вольно или невольно насыщаясь продуктами разложенія мѣщанской души, переносятъ ихъ на бумагу, все болѣе отравляя и себя, и окружающихъ.

На Кавказѣ въ Кабардѣ, еще недавно по словамъ А. Весловскаго, существовали гегуако бездомные народные пѣвцы. Вотъ, какъ одинъ изъ нихъ опредѣлилъ свою цѣль и свою силу:

«Я однимъ словомъ своимъ,—сказалъ онъ,— дѣлаю изъ труса храбреца, защитника своего народа, вора превращаю въ честнаго человѣка, на мои глаза не смѣетъ показаться мошенникъ, и противникъ всего безчестнаго, нехорошаго».

Наши писатели, разумѣется, считаютъ себя выше «некультурнаго» поэта кабардинцевъ.

Если бы они, дѣйствительно могли подняться на высоту его самоощущенія, если бы могли понять простую, но великую вѣру его въ силу святого дара поэзіи!

Теперь посмотримъ, какъ относится наша интеллигенція къ другому старому союзнику—мужику, и какъ относится къ нему современная литература.

Лѣтъ пятьдесятъ мужика усиленно будили: вотъ—онъ проснулся; каковъ же его психическій обликъ?

Скажутъ: слишкомъ мало времени истекло, не было еще возможности отмѣтить измѣненія лица давно знакомаго героя. Однако, старая литература имѣла силы итти въ ногу съ жизнью, и у новой, очевидно, было время замѣтить въ мужикѣ кое-что: она о немъ и говорила уже, и говоритъ.

Но опредѣленныхъ отвѣтовъ на вопросъ—не дано, хотя по нѣкоторымъ намекамъ молодыхъ писателей у ж е видно, что ничего отраднаго для страны и лестнаго для мужика они и не видятъ, и не чувствуютъ.

Насколько обрисованъ мужикъ въ журнальной и альманашной литературѣ нашихъ дней—это старый, знакомый мужикъ Рѣшетникова, темная личность, нѣчто звѣрообразное. И если отмѣчено новое въ душѣ его, такъ это новое пока только склонность къ погромамъ, поджогамъ, грабежамъ. Пить онъ сталъ больше и къ «барамъ» относится по шаблону мужиковъ Чеховской новеллы «На дачѣ», какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ г. Мужейль въ одноименномъ разсказѣ,—авторъ, показанія коего о мужикѣ наиболѣе обширны.

Общій тонъ отношенія къ старому герою русской литературы

разочарованіе и грусть, уже знакомыя по литературѣ 80-хъ годовъ, когда тоже вздыхали:

— Мы для тебя, Русь, старались, а ты... эхъ ты! Измѣнщица!

И—такъ же ругались. Помню, какъ поразила меня одна фраза, сказанная уже въ 92-мъ году въ кружкѣ политическихъ ссыльныхъ по поводу холерныхъ безпорядковъ на Волгѣ:

— Нѣтъ, для нашего мужика все еще необходимъ и питькъ, и кнутъ!—грустно сказалъ бывшій ссыльный, очень симпатичный человѣкъ во всемъ прочемъ.

И слова его не вызвали протеста товарищей.

Нынѣ при такомъ же молчаніи «культурнаго» общества народъ именуютъ «фефелой», «потревоженнымъ звѣремъ», и т.д. *). Продолжая свои «Очерки русской культуры», г. профессоръ П. Н. Милюковъ называетъ знамя величайшей идеи міра, способной объединить и объединяющей людей, «красной тряпкой», идейныхъ враговъ,—«ослами».

«Ослы», «кобылы», «звѣри», «фефела», «обозная сволочь».—браво, культура, браво, «культурные вожди русскаго общества»!

Въ пестромъ станѣ защитниковъ «культурныхъ цѣнностей» уже нѣтъ ни одного честнаго воина, который могъ бы, какъ Яковъ Полонскій, красиво и искренно возгласить тостъ «за свободу враждебнаго пера».

Это ли не попиженіе типа русскаго культурнаго человѣка?

Рабочій, по осторожнымъ очеркамъ молодыхъ беллетристовъ, еще хуже мужика: онъ глупѣе, болѣе дерзокъ и при этомъ говоритъ о соціализмѣ, пагубности котораго для себя и міра онъ, конечно, не можетъ понять.

При всей идейной беззаботности гг. писателей «вѣнскаго періода русской литературы»,—какъ выразился Амфитеатровъ,—они прекрасно усвоили мѣщанское представленіе о соціализмѣ, какъ о вредномъ ученіи, которое, защищая исключительные интересы желудка, совершенно отрицаетъ запросы духа. Поэтому тяготѣніе къ соціализму понимается ими, какъ прогрессивное развитіе слабоумія.

Что пролетарій вездѣ и всюду среди мѣщанъ является непріятнымъ лицомъ, слишкомъ трагичнымъ въ мѣщанской комедіи, что

*) Хотя первоначально народъ былъ обруганъ „фефелой“, за недостатокъ темперамента, но впослѣдствіи разные ретивые люди называли его этимъ именемъ уже „за все“!

для современнаго автора онъ великъ и неудобенъ какъ герой,—все это понятно.

Мужикъ же испортилъ свою карьеру въ литературѣ и, видимо, надолго лишился теплаго отношенія беллетристики по такому поводу: видя, что господа волнуются, требуя себѣ политической власти, и что мундирное начальство уступитъ имъ, если онъ своею силою поддержитъ господъ,—онъ долженъ былъ отдать всѣ силы свои въ распоряженіе воинствующаго мѣщанства, а оно, построивъ его руками и своимъ умомъ крѣпость благополучія своего, послѣ этого поблагодарило бы его. Онъ же, некультурный, вмѣсто того, чтобы спокойно ожидать награды со стороны, столь благородныхъ господъ, съ настойчивостью, устрашившею ихъ, немедленно потребовалъ себѣ «всю землю» и, подстрекаемый рабочими, даже заговорилъ о соціализмѣ. За что—обруганъ и временно оставленъ безъ вниманія со стороны господъ, извѣстныхъ своей добротой.

Разумѣется, эта ссора интеллигенціи съ народомъ не можетъ затянуться надолго: «безъ мужика не проживешь», какъ доказано Щедринымъ, но «культурному обществу», въ интересахъ сохраненія и дальнѣйшаго роста страны, слѣдуетъ возможно скорѣе прекратить проявленія своихъ оскорбленныхъ чувствъ, кончить истерическія и капризныя жалобы на непослушный ея желаніямъ народъ. Интеллигенція же торопится забить своимъ тѣломъ всѣ щели и трещины въ государствѣ, потрясенномъ и полуразрушенномъ революціей; усталая и преждевременно разочарованная, она ищетъ лишь уютнаго мѣста для отдыха, въ дѣяніяхъ ея нѣтъ болѣе любви къ своей странѣ, въ словахъ нѣтъ вѣры.

Надо учесть еще одно специфически русское явленіе: непосильный ростъ «лишнихъ», «никудышныхъ», «никчемныхъ», «ненужныхъ» людей,—ростъ этотъ очевиденъ, какъ и его причины. Это элементъ, крайне опасный для жизни, ибо эти люди съ убитой волей, безъ надеждъ, безъ желаній, люди, массою которыхъ прекрасно умѣетъ пользоваться нашъ врагъ. Когда типъ «лишняго» человѣка отмѣчался литературою среди культурнаго общества, это было не страшно: культура создается энергіею народа. Но когда самъ народъ изъ своей среды и непосредственно выдвигаетъ «никчемныхъ», «никудышныхъ», «ненужныхъ» людей, это опасно, ибо свидѣтельствуетъ объ истощеніи почвы культурной-духовныхъ силъ народа; это явленіе надо учесть, съ нимъ необходимо

борется. Задача литературы уничтожить этихъ людей или, насытивъ ихъ бодростью, воскресить къ жизни активной.

Но,—«позна волъ стяжавшаго и оселъ ясли господина своего»,—литераторы дружно уходятъ на службу мѣщанству. На этой почвѣ они неизбѣжно должны испытать и уже испытываютъ роковую убыль души: въ средѣ мѣщанства нѣтъ свободныхъ плановъ, нѣтъ широкихъ идей, способныхъ стройно организовать творческія силы личности.

Какъ на болотѣ не можетъ разростись могучій дубъ, но ростутъ только хилыя березы, низенькія ели, такъ и въ этой гнилой средѣ не можетъ сложиться и подняться высоко надъ жизнью будень могучій талантъ, способный окинуть орлинымъ взоромъ всю нестроту явленій въ своей странѣ и въ мірѣ, талантъ, освѣщающій пути къ будущему и великія цѣли, окрыляющія насъ, маленькихъ людей.

Мѣщанство—это ползучее растеніе, оно способно безконечно размножаться и хотѣло бы задушить своими побѣгами все на своей дорогѣ; вспомните, сколько великихъ поэтовъ было погублено имъ!

Мѣщанство—проклятіе міра; оно пожираетъ личность изнутри, какъ червь опустошаетъ плодъ; мѣщанство—чертополохъ; къ шелестѣ его, зломъ и непрерывномъ, неслышно угасаетъ звонъ мощныхъ колоколовъ красоты и бодрой правды жизни. Оно бездонно-жадная трясина грязи, которая засасываетъ въ липкую глубину свою генія, любовь, поэзію, мысль, науку и искусство. Мѣщанство—гнусная месть мертвой матеріи живому творческому духу человѣка.

Болѣзненный этотъ нарывъ на могучемъ тѣлѣ человѣчества нынѣ,—мы видимъ,—совершенно разрушилъ личность, прививъ въ кровь ей ядъ нигилистическаго индивидуализма, превращая человѣка въ хулигана—существо безсвязное въ самомъ себѣ, съ раздробленнымъ мозгомъ, изорванными нервами, неизлѣчимо глухое ко всѣмъ голосамъ жизни, кромѣ визгливыхъ криковъ инстинкта, кромѣ подлаго шопота больныхъ страстей.

Благодаря мѣщанству, мы пришли отъ Прометея до хулигана.

Но хулиганъ—кровное дитя мѣщанина, это плодъ его чрева. Исторіей назначена ему роль отцеубійцы, и онъ будетъ отцеубійцею, онъ уничтожитъ родителя своего.

Эта драма—семейная драма врага; мы смотримъ на нее со смѣхомъ и радостью, но намъ жалко, когда мѣщанство въ борьбу со своимъ же исчадіемъ вовлекаетъ цѣнныхъ и талантливыхъ людей, намъ

грустно видѣть, какъ гибнутъ они, отравленные гнилостнымъ ядомъ, бурно разрушающейся среды

Намъ,—это естественное желаніе здороваго.—хочется видѣть людей здоровыми, бодрыми, прекрасными; мы чувствуемъ, что, будучи развита и организована, духовная энергія народа нашего можетъ освѣжить жизнь міра, ускорить наступленіе всечеловѣческаго праздника разума и красоты.

Ибо для насъ исторія всемірной культуры написана гекзаметромъ, и мы знаемъ: въ мірѣ будутъ дни всеобщаго восторга людей предъ картиною прошлыхъ дѣяній своихъ, и земли когда-то явится во вселенной мѣстомъ торжества жизни надъ смертью, мѣстомъ, гдѣ возникнетъ воистину свободное искусство жить для искусства, творить великое!

Жизнь человѣчества—творчество, стремленіе къ побѣдѣ надъ сопротивленіемъ мертвой матеріи, желаніе овладѣть всѣми ея тайнами и заставить силы ея служить волѣ людей для счастія ихъ Идя къ этой цѣли, мы должны въ интересахъ успѣха ревностно заботиться о постоянномъ развитіи количества и качества живой, сознательной и активной психофизической энергіи міра. Задача даннаго историческаго момента—развитіе и организація по возможности всего запаса энергіи народовъ, превращеніе ея въ активную силу, созданіе классовыхъ, групповыхъ и партійныхъ коллективовъ.

Списокъ отъ 1 января 1909 г.	Цѣна.
Сборникъ т-ва „Знаніе". Книга I	1 р. — к.
Сборникъ т-ва „Знаніе". Книга II	1 » — »
Сборникъ т-ва „Знаніе". Книга III	1 » — »
Сборникъ т-ва „Знаніе". Книга IV	1 » — »
Сборникъ т-ва „Знаніе". Книга V	1 » — »
Сборникъ т-ва „Знаніе". Книга VI	1 » — »
Сборникъ т-ва „Знаніе". Книга VII	1 » — »
Сборникъ т-ва „Знаніе". Книга VIII	1 » — »
Сборникъ т-ва „Знаніе". Книга IX	1 » — »
Сборникъ т-ва „Знаніе". Книга X	1 » — »
Сборникъ т-ва „Знаніе". Книга XI	1 » — »
Сборникъ т-ва „Знаніе". Книга XII	1 » — »
Сборникъ т-ва „Знаніе". Книга XIII	1 » — »
Сборникъ т-ва „Знаніе". Книга XIV	1 » — »
Сборникъ т-ва „Знаніе". Книга XV	1 » — »
Сборникъ т-ва „Знаніе". Книга XVI (*Конфискованъ*).	1 » — »
Сборникъ т-ва „Знаніе". Книга XVII	1 » — »
Сборникъ т-ва „Знаніе". Книга XVIII (*Конфискованъ*).	1 » — »
Сборникъ т-ва „Знаніе". Книга XIX	1 » — »
Сборникъ т-ва „Знаніе". Книга XX	1 » — »
Сборникъ т-ва „Знаніе". Книга XXI	1 » — »
Сборникъ т-ва „Знаніе". Книга XXII	1 » — »
Сборникъ т-ва „Знаніе". Книга XXIII	1 » — »
Сборникъ т-ва „Знаніе". Книга XXIV	1 » — »
Сборникъ т-ва „Знаніе". Книга XXV	1 » — »
Сборникъ т-ва „Знаніе". Книга XXVI	1 » — »
Сборникъ т-ва „Знаніе". Книга XXVII (*Печатается*).	1 » — »
„Нижегородскій сборникъ"	1 » — »
М. Горькій. Разсказы. Томъ I	1 » — »
М. Горькій. Разсказы. Томъ II	1 » — »
М. Горькій. Разсказы. Томъ III	1 » — »
М. Горькій. Разсказы. Томъ IV	1 » — »
М. Горькій. Разсказы. Томъ V	1 » — »
М. Горькій. Пьесы. Томъ VI	1 » — »
М. Горькій. Пьесы. Томъ VII	1 » — »
М. Горькій. Пьесы. Томъ VIII	1 » — »
М. Горькій. Мѣщане. Драм. эскизъ въ 4 актахъ. (*Только въ перепл.*)	1 » — »
М. Горькій. На днѣ. Картины	— » 60 »
Л. Андреевъ. Разсказы. Томъ I	1 » — »
Л. Андреевъ. Разсказы. Томъ II	1 » — »
Л. Андреевъ. Мелкіе разсказы. Томъ III	1 » — »
Л. Андреевъ. Разсказы и пьесы. Томъ IV	1 » — »
Скиталецъ. Разсказы и пѣсни. Томъ I	1 » — »
Скиталецъ. Разсказы и пѣсни. Томъ II	1 » — »
Е. Чириковъ. Разсказы. Томъ I	1 » — »
Е. Чириковъ. Разсказы. Томъ II	1 » — »
Е. Чириковъ. Разсказы. Томъ III	1 » — »
Е. Чириковъ. Пьесы. Томъ IV	1 » — »
Е. Чириковъ. Разсказы. Томъ V	1 » — »
Е. Чириковъ. Разсказы. Томъ VI	1 » — »
Е. Чириковъ. Пьесы. Томъ VII	1 » — »
Е. Чириковъ. Пьесы. Томъ VIII	1 » — »
Ив. Бунинъ. Разсказы. Томъ I	1 » — »
Ив. Бунинъ. Стихотворенія. Томъ II	1 » — »
Ив. Бунинъ. Стихотворенія. Томъ III	1 » — »

	Цѣна.
Ив. Бунинъ Стихотворенія Томъ IV	1 р. — к.
Ив. Бунинъ. Разсказы Томъ V	1 » — »
Н. Телешовъ. Разсказы Томъ I.	1 » — »
Н. Телешовъ. Разсказы Томъ II.	1 » — »
А. Серафимовичъ Разсказы. Томъ I	1 » — »
А. Серафимовичъ Разсказы. Томъ II	1 » — »
А. Серафимовичъ Разсказы. Томъ III	1 » — »
А. Купринъ Разсказы Томъ I (*Распродано*)	1 » — »
А. Купринъ Разсказы. Томъ II	1 » — »
С. Юшкевичъ. Разсказы Томъ I	1 » — »
С. Юшкевичъ Разсказы. Томъ II	1 » — »
С. Юшкевичъ. Разсказы Томъ III	1 » — »
С. Юшкевичъ. Очерки дѣтства Томъ IV	1 » — »
С. Юшкевичъ. Разсказы и пьесы Томъ V	1 » — »
С. Юшкевичъ. Король Пьеса въ 4 дѣйствіяхъ	— » 60 »
С. Гусевъ-Оренбургскій Разсказы Томъ I	1 » — »
С. Гусевъ-Оренбургскій Разсказы Томъ II	1 » — »
Н. Гаринъ Дѣтство Темы. Томъ I	1 » — »
Н. Гаринъ Гимназисты. Томъ II	1 » — »
Н. Гаринъ Студены. Томъ III	1 » — »
Н. Гаринъ Инженеры. Томъ IV	1 » — »
Н. Гаринъ Разсказы. Томъ V	1 » — »
Н. Гаринъ. Разсказы. Томъ VI	1 » — »
Н. Гаринъ. Деревенскія панорамы. Томъ VII	1 » — »
Н. Гаринъ. Пьесы и разсказы. Томъ VIII (*Печатается*)	— » — »
Н. Гаринъ. По Кореѣ, Маньчжуріи и Ляодунскому полуострову.	1 » — »
Н. Гаринъ. Корейскія сказки	— » 60 »
А. Яблоновскій. Разсказы Томъ I	1 » — »
С. Елеонскій Разсказы. Томъ I	1 » — »
С. Елпатьевскій. Разсказы. Томъ I	1 » — »
С. Елпатьевскій Разсказы. Томъ II	1 » — »
С. Елпатьевскій. Разсказы о прошломъ. Томъ III	1 » — »
С. Найденовъ. Пьесы. Томъ I	1 » — »
Д. Айзманъ Разсказы. Томъ I	1 » — »
С. Кондурушкинъ. Сирійскіе разсказы. Съ рис. Лансере	1 » — »
В. Сѣрошевскій. Разсказы Томъ I	1 » — »
В. Сѣрошевскій. Разсказы Томъ II	1 » — »
В. Сѣрошевскій. Разсказы Томъ III	1 » — »
В. Сѣрошевскій Побѣгъ. Томъ IV	1 » — »
В. Сѣрошевскій Разсказы. Томъ V	1 » — »
В. Сѣрошевскій. Разсказы. Томъ VI	1 » — »
В. Сѣрошевскій. Дальній Востокъ Томъ VII	1 » 25 »
В. Сѣрошевскій Корея. Томъ VIII	1 » 25 »
Шоломъ Ашъ Разсказы Томъ I	1 » — »
Шоломъ Ашъ Разсказы и пьесы Томъ II	1 » — »
Шоломъ Ашъ Разсказы Томъ III (*Печатается*)	1 » — »
Влад. Бончъ-Бруевичъ. Избранныя произведенія русской поэзіи.	2 » — »
Эсхилъ. Скованный Прометей	— » 30 »
Софоклъ Эдипъ-царь	— » 40 »
Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ	— » 40 »
Софоклъ. Антигона	— » 40 »
Эврипидъ Медея	— » 40 »
Эврипидъ Ипполитъ	— » 40 »
Эсхилъ, Софоклъ и Эврипидъ. Трагед. Рос. илюстр изд. (*Печат.*)	— » — »
Гёте. Фаустъ	2 » — »
Байронъ. Манфредъ	— » 40 »
Леопарди Разговоры. (*Печатается*)	— » — »

Каталогъ книжнаго склада т-ва «ЗНАНІЕ» (С.-Петербургъ, Невскій, 92)

	Цѣна
Леопарди. Мысли (*Печатается*)	— р. — к
Шелли. Собраніе сочиненій Томъ I	2 » — »
Шелли. Собраніе сочиненій. Томъ II	2 » — »
Шелли. Собраніе сочиненій. Томъ III	2 » — »
Шелли. Освобожденный Прометей	— » 50 »
Шелли Ченчи	— » 50 »
Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ Роскошно иллюстрированное изд	2 » — »
Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Дешовое изданіе	— » 80 »
Т. Шевченко. Кобзарь	1 » — »
Красинскій. Иридіонъ	— » 60 »
Имре-Мадачъ. Человѣческая трагедія	— » 50 »
Гауптманъ. Роза Берндтъ	— » 50 »
Бьернсонъ. Перчатка	— » 40 »
Э. Золя. Углекопы	1 » — »
Эркманъ-Шатріанъ Гаспаръ Фикс	— » 65 »
П. Милюковъ. Изъ исторіи русской интеллигенціи. Изд *2-е*	1 » 50 »
П. Кропоткинъ Записки революціонера Томъ I.	1 » — »
П. Кропоткинъ. Томъ II (*Печатается*)	— » — »
П. Кропоткинъ Томъ III (*Печатается*)	— » — »
П. Кропоткинъ Въ русс. и французскихъ тюрьмахъ. Томъ IV	1 » — »
П. Кропоткинъ. Идеалы и дѣйств. въ русской литературѣ. Томъ V.	1 » — »
П. Кропоткинъ. Томъ VI. (*Печатается*).	— » — »
П. Кропоткинъ. Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи Т. VII	1 » — »
А. Петрищевъ Замѣтки учителя	1 » — »
А. Мертваго Не по торному пути	1 » 50 »
Андреевичъ. Опытъ философіи русской литературы	1 » 20 »
А. Богдановъ. Приключенія одной философской школы	— » 30 »
М. Ферворнъ. Вопросъ о границахъ познанія	— » 30 »
Н. Бекетовъ. Рѣчи химика	— » 60 »
А. Коллонтай. Соціальныя основы женскаго вопроса	1 » 25 »
Рилль. Введеніе въ философію. (*Печатается*).	— » — »
Штерригъ Психопатологія въ примѣненіи къ психологіи	1 » 50 »
Вундтъ. Введеніе въ философію (*Печатается*)	— » — »
Куно Фишеръ. Исторія новой философіи. Томъ IV. Кантъ Ч 1-я.	4 » — »
Куно Фишеръ. Исторія новой философіи. Томъ V: Кантъ Ч. 2 я	3 » 50 »
Гюйо Исторія и критика совр англійскихъ ученій о нравственности	2 » — »
Гюйо. Происхожденіе идеи о времени. Мораль Эпикура	2 » — »
Гюйо. Задачи современной эстетики Очерки морали	2 » — »
Гюйо Искусство съ соціологической точки зрѣнія	2 » — »
Гюйо. Воспитаніе и наслѣдственность	1 » 50 »
Гюйо Стихи философа	1 » — »
Моррисъ Искусство. Съ иллюстраціями (*Печатается*).	— » — »
Мутеръ. Исторія живописи (отъ среднихъ вѣковъ). Томъ I.	2 » 50 »
Мутеръ. Исторія живописи (отъ среднихъ вѣковъ) Томъ II.	2 » 50 »
Мутеръ. Исторія живописи (отъ среднихъ вѣковъ). Томъ III	2 » — »
Мутеръ. Исторія живописи въ XIX вѣкѣ. Въ 4-хъ томахъ	17 » — »
Клейнъ. Астрономическіе вечера Изд. *4-е*. (*Печатается*).	2 » — »
Клейнъ. Прошл., настоящ и будущ. вселенной. Изд. *3-е*. (*Печат.*)	1 » 50 »
Клейнъ. Чудеса земного шара. (*Печатается*).	— » — »
Юнгъ Солнце. Изд. *2 е*. (*Распродано*).	1 » 50 »
Боммели. Исторія земли. (*Печатается*).	— » — »
Гетчинсонъ. Вымершія чудовища	1 » 20 »
Гетчинсонъ. Животныя прошлыхъ геологическ. эпохъ (*Печат*)	— » — »
Никольскій. Лѣтнія поѣздки натуралиста	2 » — »
Тиндаль. Звукъ. Изд *2-е*	1 » 50 »
Григорьевъ. Краткій курсъ химіи. Изд. *6-е*.	— » 80 »

Каталогъ книжнаго склада т-ва «ЗНАНІЕ» (С.-Петербургъ, Невскій, 92).

	Цѣна
Освальдъ. Школа химіи (*Печатается*).	— р. — к
Паульсенъ Общеобразовательная школа будущаго. (*Распродано*)	— » 40 »
Майръ. Статистика и обществовѣдѣніе Два тома . .	6 » — »
Леклеркъ Воспитаніе и общество въ Англіи . . .	3 » — »
Левассеръ Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ	3 » — »
Фальборкъ и Чарнолускій Народное образованіе въ Россіи	1 » 50 »
Фальборкъ и Чарнолускій Настольн книга по нар образ I т.	2 » — »
Фальборкъ и Чарнолускій Настол. книга по нар образ. II т	2 » — »
Фальборкъ и Чарнолускій Настол. книга по нар образ III т.	4 » — »
Фальборкъ и Чарнолускій Внѣ-школьное образованіе . . .	2 » — »
Фальборкъ и Чарнолускій. Справочныя издан. по нар образованію	
1) Низшія учебныя заведенія (III томъ „Настольной Книги“)	4 » — »
2) Общественныя и народныя библіот и книжная торговля.	— » 50 »
3) Публичныя лекціи и народныя чтенія.	— » 25 »
4) Учительскія семинаріи и школы	2 » — »
5) Испытанія на званіе учителей, на вольноопредѣляющагося II разряда и на 1 классный чинъ	1 » 20 »
6) Испытанія на званіе начальнаго учителя . .	— » 40 »
7) Учительскія общества, кассы, курсы и съѣзды .	— » 50 »
8) Городскія, уѣздныя и маріинскія училища вѣд М. Н. П	1 » — »
9) Народныя училища по Положенію 25 мая 1874 года. .	— » 75 »
10) Приходскія училища.	— » 25 »
11) Министерскія училища.	— » 25 »
12) Частныя училища и домашнее обученіе. . . .	— » 50 »
13) Инородческія и иновѣрческія училища. . . .	— » 50 »
14) Инструкц. директорамъ и инспекторамъ народн училищъ	— » 40 »
15) Народныя училища сѣверо-западнаго края	— » 50 »
16) Народныя училища юго-западнаго края . . .	— » 40 »
17) Народныя училища Прибалтійскаго края . . .	— » 75 »
18) Народныя училища Царства польскаго.	— » 60 »
19) Народныя училища Кавказа, Сибири.	— » 75 »
20) Программы народныхъ училищъ	— » 30 »
В Чарнолускій Итоги обществ. мысли въ области нар образов.	— » 50 »
В Чарнолускій Спутникъ народнаго учителя и дѣятеля народнаго образованія.	— » 85 »
В. Чарнолускій Справочникъ по устройству собраній.	— » 25 »
В Чарнолускій. Основ. вопр организаціи школы въ Россіи . .	— » 85 »
М Брауншвигъ Дитя и искусство	1 » — »
Сеньобосъ. Политическая истор совр Европы. Два тома Изд 4 е	4 » — »
Гиббинсъ и Сатуринъ Исторія современной Англіи . .	1 » 20 »
Инсаровъ Современная Франція	2 » 50 »
Курти Исторія народнаго законодат. и демократіи въ Швейцаріи.	1 » — »
Л В. Новгородцевъ. Германія и ея политическая жизнь. . .	1 » 20 »
Зомбартъ. Идеалы социальной политики (*Распродано.*) . . .	— » 40 »
К Каутскій Колоніальная политика (*Распродано*)	— » 40 »
К Каутскій. Аграрный вопросъ. (*Распродано*)	1 » 50 »
Ф Гертцъ Аграрные вопросы (*Распродано*)	— » 80 »
Вандерьвельде. Притягательная сила городовъ (*Распродано*). .	— » 40 »
Вигуру. Рабочіе союзы въ сѣверной Америкѣ	1 » 50 »
Вурмъ Жизнь нѣмецкихъ рабочихъ (*Распродано*)	— » 80 »
Люксембургъ. Промышленное развитіе Польши.	— » 50 »
Бернштейнъ. Историческій матеріализмъ (*Распродано*) . . .	— » 80 »
Финляндія (*Распродано*)	3 » 50 »
Гуго. Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ хозяйствѣ. .	1 » 50 »
Гобсонъ Общественные идеалы Дж Рёскина.	1 » 50 »
Дрейфусъ. Пять лѣтъ моей жизни	1 » 20 »
Штраусъ. Вольтеръ	1 » — »